

Андрей Миллер
УЖАСНЫЙ ВЕК
Том 1

Двадцать лет назад завершилась великая война, но её эхо не смолкло.

Победившее королевство истощено 40-летней бойней и живёт памятью о славном прошлом. Послевоенному поколению нелегко под флагами отцов-героев. Проигравшие извлекли уроки из поражения: их государство стремительно модернизируется, в обществе зреет реваншизм. А кое-кто из ветеранов воюет за деньги далеко от дома...

Мир вошёл в эпоху перемен. Феодализм и рыцарство ещё сильны, но отживают своё: наступают новые веяния в политике, экономике, обществе и войне. Старые счёты не сведены — и новые конфликты неизбежны. Между тем этот мир — в руках не только людей. Высшие силы, о которых единицы имеют правильное представление, также действуют. И их отношения тоже непросты.

Ужасный век продолжается.

Пролог. Дни прошлого

Горри осторожно, стараясь не потревожить рану, присел у костра. Боль в последние дни ослабла, но война это совсем не радовало. Рана очень дурная. Облегчение — просто признак приближения смерти.

На сегодня сил идти уже не было: ни у Горри, ни у Навчин. Девушка пыталась скрывать усталость, однако Горри прекрасно видел, насколько ей тяжело.

Костёр едва горел и почти не мог согреть. Повсюду, куда ни глянь — только тундра. До сокрытого холодной дымкой горизонта, и глазу зацепиться вообще не за что. Пожухлая от холода трава, мох на камнях да редкие карликовые деревца-кустики. Костёр сложить почти не из чего, а ведь было холодно.

Но недостаточно холодно.

Смерть от мороза — лёгкая. Люди просто засыпают и больше не просыпаются. Но сейчас мороза, способного убить быстро, не было. Только мерзкий холодок, высасывающий последние силы — однако неспособный отправить милосердие.

— Болит?

— Не очень.

Навчин обняла его. Не за тем, ради чего это привычно делать: хотела согреть, наверное. Вряд ли согреться самой — руки и ноги Горри всё больше холодели. Не осталось в нём ни тепла, ни жизни.

— Всё будет хорошо, милый.

Горри промолчал. Ясно, почему их давно бросили преследовать: решили — тундра сама убьёт беглецов. И вряд ли враги ошибались. На многие, многие дни пути — только трава, кустики, мох да холод. Ни одной птицы в сером небе, даже ручьи перестали попадаться. Почти никакой жизни и ещё меньше надежды.

Если по-честному, со своей жизнью Горри давно попрощался. Он мог бы просто лечь и умереть: почему нет? Долгие годы ходил по краю, мог погибнуть давным-давно. Задержался на свете. Но продолжать борьбу заставляло желание спасти Навчин: иначе всё это не стоило и начинать.

Девчонка слаба, прежде всего духом. В одиночку она не выберется.

— Горы ещё далеко?

Дурацкий вопрос: их даже на горизонте не видно. Путь очень неблизкий, а сколько дней осталось Горри? Один, два... может быть, три. Он может прожить и дольше, однако уже не сумеет идти.

— Недалеко. Скоро доберёмся.

Горри задремал. Во сне воин видел ровно то, что уже много дней подряд: недавнее прошлое.

Двое старых товарищей и девушка, которую он полюбил с первого взгляда. Всё очень просто: не оставляй в живых ворожеи, так заведено издавна. Но перед Горри вдруг встал выбор, который он сделал неожиданно легко. Короткая схватка, много крови. Два трупа и копьё, вошедшее под ребро. А дальше выбора уже не было.

Чувства вины тоже. Нет-нет: Горри ни о чём не жалел. Он только боялся, что всё было без толку.

Ах, кабы Навчин и правда оказалась колдуньей! Увы. Никакого колдовства — помимо

того, коим любая нормальная баба владеет. Горри знал много женщин, и убивать из-за них доводилось не раз. Но Навчин была особенной.

Однако никакой не колдуньей, как ни жаль.

Горри проснулся: то ли потому, что в боку опять закололо, то ли от голоса Навчин. Девушка стояла на коленях перед почти затухшим костром: молилась. Не о себе.

— Поспи. Я того не стою.

Навчин не обратила на эти слова внимания. Может, даже не расслышала: потрескавшиеся губы Горри едва шевелились. Он не был уверен, что сумеет ещё раз подняться на ноги. Ног почти не чувствовал.

— Перестань.

Она обернулась. На прекрасных голубых глазах стояли слёзы.

— Это всё, что я могу сделать.

Кажется, и до Навчин окончательно дошло: ничего хорошего парочку беглецов не ждёт. Однако и никакого пути назад нет — остаётся или ползти дальше, или хотя бы принять неизбежное. Оно того стоило?

Пожалуй, да.

Навчин обвила руками его шею. Умирать в объятиях любимой женщины — редкая удача, если уж честно. Горри повидал великое множество куда худших смертей. Он почти смирился, что именно так, здесь и сейчас всё должно закончиться — но тут случилось неожиданное.

— Ты рано сдался. Слабак.

Навчин подскочила, услышав мужской голос за спиной — и Горри тоже подскочил бы, кабы мог. Путник посреди мёртвой тундры — уже невероятно, но пусть. Однако на земле, ровной словно стол, они бы заметили чужака час-другой назад. Тот словно из ниоткуда взялся.

Незнакомец подошёл к костру.

Он был очень высок, широк в плечах — аж здоровее Горри, однако лет на тридцать старше. Носил косматую бородищу и либо был абсолютно лысым, либо побрил голову не позже, чем этим утром. Дорожная накидка — дорогая: такую ткань бывшие товарищи Горри считали хорошей добычей.

— Я не слабак.

— Убить сотню людей — ещё не значит быть сильным.

Бородач пошевелил жалкий хвост в костре палкой, которая служила ему походным посохом. Как ни странно, Горри сразу ощутил тепло.

— Откуда вы тут?.. — Навчин не решилась спросить «кто вы такой».

По лицу Горри дал бы знакомцу шесть десятков зим, но по глазам... тут уж все девяносто, если не больше.

— Как это: «откуда»? Ты молилась, вот я и пришёл.

— Ты не похож на тех, кому она поклоняется.

— Всякую человечью молитву кто-то слышит. Всякую. Но обычно не тот, кому молятся.

Путник уселся, скрестив ноги.

— Вопросов поумнее нет? Например, не «откуда», а «зачем» я пришёл?

Навчин совсем перепугалась: мелко дрожала, изо всех скудных сил прижавшись к Горри. Выходит, говорить оставалось ему, хоть язык едва ворочался.

— Зачем?..

— Рад, что ты спросил. Я почувствовал: тут идёт речь о жизни, имеющей определённое значение. Не великое, но и не малое. Решил, что мне стоит вмешаться. Но если кто-то из вас против, ещё не поздно дать событиям естественный ход.

— Моя жизнь не имеет никакого значения. Но...

— Разве я что-то сказал именно о твоей жизни?

Горри даже не успел попросить о спасении Навчин. И не был уверен, что странный бородач имеет в виду её. Незнакомец вытащил из-под полы флягу: глотнул пару раз, не предложив ни воину, ни девушке. Затем утёр бороду и ткнул в Горри крючковатым пальцем.

— Ты проведёшь её до перевала, а потом через горы и дальше: пока не встретишь людей, коим потребен опытный воин и безразлично его прошлое. Встанешь под знамёна тех людей и будешь верен им.

Теперь палец указал на Навчин.

— Ты сделаешься его женой и не оставишь до конца. Несмотря на все тяготы и лишения будущей жизни. Вы оба не станете говорить об этой встрече. Не станете даже вспоминать. Возражений нет? Торг неуместен: я могу просто уйти. Не обольщайтесь, будто мы сейчас вершим судьбу мира. Мир легко обойдётся без вас обоих, но... благодаря вам он может стать чуточку лучше. Если сделаете всё точно так, как я говорю. Хорошая сделка?

Горри кивнул. Как ещё он мог поступить? Но Навчин промедлила.

— Чего молчишь, дура? Отвечай!

— Я согласна!

Незнакомец звонко хлопнул ладонями. В тот же миг Горри почувствовал себя хорошо. Настолько хорошо, как и до злополучной схватки бывало нечасто. Нужно было убедиться... Воин задрал подол рубахи, сдвинул повязку — и не обнаружил никакой раны. Только запёкшаяся кровь на совершенно целой коже.

Навчин расплакалась.

— Не реви, идиотка. — сказал бородач, устраиваясь возле костра поудобнее. — Ужасный век... на что только нынче не пойдёшь, а человеки и спасибо не скажут. Я должен кое в чём убедиться, так что давай-ка: люби его.

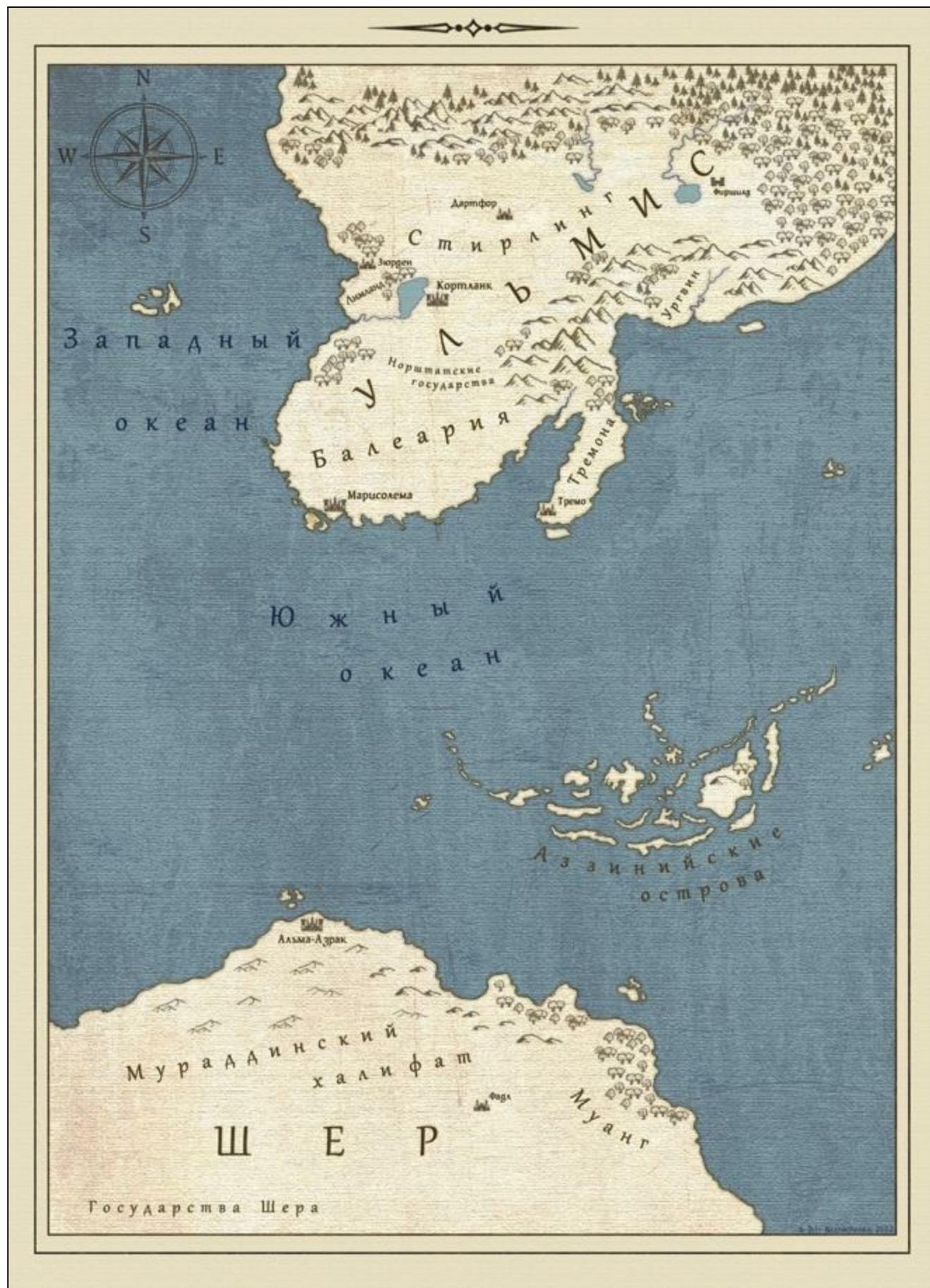
— Что?..

— Что?!

Бородач закатил глаза.

— Ужасный век. Никудышные человеки. Хорошо, выражусь проще: извольте потрахаться. Здесь. Сейчас. Или надо объяснить, как это делается? Убивать-то вы оба умеете. Ну?..

РЖАВЕЕТ ЖЕЛЕЗНОЕ (часть первая). Глава 1

Джамалутдин-паша всегда твёрдо верил: войну воспевают лишь те, кто знает о ней

понаслышке.

На счастье — слава Иаму, творцу всего сущего, и благой воле его — долгие годы Мураддинский халифат почти не воевал. Молитвами праведных стране были дарованы времена, лишённые потрясений. С тех пор, как Джамалутдин-паша сделался визирем, он считал это и своей заслугой.

Но всё хорошее когда-нибудь заканчивается: вот уже пятый год одна за другой уходили на бойню армии. Королевство Муанг издревле оспаривало пограничные земли мураддинов — зажиточные и выгодно расположенные, лежащие далеко от столицы. И до войны дошло не впервые. Сколь бы ни был огромен материк Шер, две могучие державы плотно тёрлись боками.

Мураддины и муангцы ковали историю Шера столетиями. Прочие местные народы и государства оставались статистами в этом спектакле, составленном из актов дипломатии и войны.

Нынче до хрипоты спорили: почему два великих государства опять наострили оружие? Многие думали, что халиф (көему отнюдь не была свойственна сдержанность) поспешно ухватился за повод для военного похода, когда дело ещё можно было решить миром.

Но Джамалутдин-паша полагал, что война просто рано или поздно начинается: такова уж людская природа.

Радовало одно — война гремела далеко от столицы, стоящей на самом севере Шера, у океана. Довольно удалена была бойня и от Джамалутдина-паши лично. Увы, этому также пришёл конец — визирю пришлось подчиниться приказу халифа, выехав на юг для руководства кампанией.

Джамалутдин-паша, разумеется, не слыл славным военачальником. Однако решение халифа в этот раз выглядело разумным и своевременным. Настало время не столько водить полки, сколько принимать решения взвешенные, истинно политические.

Ситуация шла к мирным переговорам между врагами, что пролили море крови, не раз отбивали друг у друга крепости, но так и не достигли решительного успеха. Уже в этом деле полезны были таланты и опыт визиря. Однако всё усложнилось нередким на войне делом: предательством.

Вопрос о том, почему Камаль-бей — правитель древнего приграничного города Фадл, вдруг развернул оружие против своего господина, тоже был не из простых.

Одни считали, будто мятежник рассчитывал приумножить свои богатство и влияние: и без того, надо признать, огромные. Другие твердили о неких личных мотивах; о чём-то, касавшемся лишь бея и самого халифа. Третьи пребывали в убеждении, что жители отдалённых земель слишком сблизилась с муангцами. Дескать, те стали им дороже законного владыки.

Возможно, одна из версий была правдива. Возможно, ошибались все — или никто. Джамалутдин же размышлял не о прошлом, а о настоящем и будущем.

Прежде чем вести переговоры с королём Муанга, следовало разобраться с внутренним врагом. Больше всего визирь опасался, что мятеж получит военную поддержку с юга, но почему-то этого так и не произошло. И сейчас, когда двенадцатитысячная армия Джамалутдина-паши стояла под стенами Фадла, стало совершенно ясно: восстание обречено.

Вот только визирю от этого не сделалось легче.

Ближайший советник халифа был человеком немолодым, невысоким и крайне тучным,

его оплывшее лицо вечно казалось усталым. А нынче — тем более: пока осадившие город солдаты маялись бездельем, Джамалутдину пришлось серьёзно поломать голову над одной проблемой.

Теперь, в своём пышном шатре, он горестно-назидательным тоном повторял командирам войска уже не единожды сказанное:

— Знайте же, что полагаю я ваше поведение малодушием, недостойным благороднейших людей халифата. Но и сам признаю за собой этот грех пред ликом Всевадыки Иама. А не то лично повёл бы воинов на штурм — пусть военное дело и не есть моя прирождённая стезя. Воля халифа, да будет царствие его долгим и счастливым, равна святой воле самого Иама. И эта воля была явлена всем нам кристально ясно, абсолютно однозначно. Столь же ясна его воля, как ясно то, что солнце поднимается на востоке и садится на западе.

Да, халиф прислал простой и понятный приказ: никакой долгой осады, никаких попыток загладить конфликт. Фадл должен сдаться на условиях справедливого наказания бунтовщиков. Иначе суждён ему штурм безо всякой пощады.

Проблема состояла в том, что никто из полководцев не горел желанием исполнять повеление. Ведь от капитуляции Фадл отказался, а что касается штурма...

— Джамалутдин-паша! Вам превосходно известно, что я верный слуга халифа, что я всей душой ненавижу изменников Камалья. Я счёл бы за великую честь вести войска на штурм мятежного города. Но вам, как и каждому из собравшихся, превосходно известно: моим людям не пристало спешиваться, сражаясь в одном строю с чернью.

Валид ар-Гасан действительно командовал не простой конницей, а поистине элитным войском, однако отговорка вышла жалкой. Ни воля Иама, изложенная в священных книгах, ни людские законы не запрещали Святому Воинству сражаться бок о бок с обычными солдатами. Эту воинскую традицию Валид выдумал только что — справедливо полагая, что лжецом его в лицо никто не назовёт.

Ар-Гасан сидел напротив визиря. Ещё довольно молодой, статный, с густой чёрной бородой. В прекрасном доспехе, на позолоте которого играли отблески свечей. У людей Валида броня не хуже: с их помощью пехота легко сломила бы врага. Но Валид ар-Гасан не желал пачкать доспех кровью жителей Фадла. И его можно было понять...

Фатих ар-Мугисим — крупный вельможа, чьи подданные составили львиную долю армии, был откровеннее:

— Воля халифа, да благословит его сердечно Иам, свята и должна беспрекословно исполняться. Никто из смертных не посмеет осудить его за приказ взять Фадл и перебить бунтовщиков. А вот тех благородных мужей, что лично прольют кровь в святом месте, что предадут великий город неизбежным грабежам и насилию... их осудят сурово. И на земле, и на небесах. Я слишком старый человек: такой грех перед Иамом уже не замолю. Пусть солдаты, не отягощённые честью, войдут в город — но только не я сам и не благородные люди под моим знаменем.

Что правда, то правда. Джамалутдин-паша тяжело вздохнул. Халифу легко было отдавать приказ: он горяч характером и непогрешим в глазах подданных. Между тем Фадл действительно являлся святым городом, а род Камаль-бея, который приказано вырезать под корень — чрезвычайно древним, знатным и заслуженным.

Что бы ни ударило в голову мятежнику, решение халифа всем показалось слишком жестоким. Военачальники не смели ослушаться, конечно, но желали уклониться от главной

роли в грядущей резне. Никому из вельмож не к лицу такая слава.

Простые ополченцы тоже роптали — и оба раза шли на штурм неохотно. Многие из черни были не прочь разграбить богатый город, пусть даже святой. Однако войско нерегулярное, посредственно подготовленное и снаряжённое, смущало иное: благородные мужи отсиживаются в лагере, а в бой простолюдинов ведут безродные младшие командиры.

В результате оба приступа окончились полной неудачей. Боевой дух стремительно падал, и третий провальный штурм грозил стать последним: после уже никого не удастся повести к стенам Фадла. Несмотря на любые приказы из далёкой столицы.

Валид ар-Гасан решил напомнить военному совету о возможном решении затруднения.

— К чему снова вести этот разговор, великий визирь? Мы не единожды слышали ваши упрёки, а несколько дней ничего не решат. Пусть штурмом командует Висельник, когда придёт со своим отрядом. Грабить великие города и убивать людей без разбора — занятие как раз для безбожных наёмников. Висельнику оно очень по душе, я не раз в том убеждался. И видит Иам: нескоро забуду всё, что видел...

— При поддержке ополчения Висельник возьмёт город и без нашей помощи. — вступил Рахман, уже опытный полководец, наследник одного из знатнейших мураддинских родов. — При нём не меньше трёх тысяч солдат. Пусть все они и грязные подонки, но признаю, ибо грешно лгать пред взором Иама: сражаются храбро и умело. К тому же поголовно в хорошей броне, и аркебуз у них много. Чем дальше идёт эта война, тем больше я верю в силу пороха.

Война с самого начала давала понять, что затянется — а потому не могла не привлечь наёмников. Вербовали их и Мураддинский халифат, и Муанг. Многие приплывали с севера, из-за океана, за которым лежал другой огромный континент — в тамошних королевствах ещё на памяти живущего поколения окончилась великая война.

Она породила слишком много людей, которые не умеют и не желают жить иначе.

Да, в битвах мурадинов с Муангом сражалось немало наёмников, но одно из вольных войск выделялось особо. Ржавый Отряд за четыре года снискал великую славу, однако неоднозначную.

«Ржавым» было свойственно всё, что отличает хороших наёмников, но в превосходной степени. Лучшее снаряжение, самая отточенная и современная боевая тактика, железная дисциплина в бою. Но и самое вызывающее поведение за его пределами, самая возмутительная жадность, самая хладнокровная жестокость.

Впрочем, об этом визирь только слышал. Он не наблюдал ни за одним сражением Ржавого Отряда и никогда не видел самого его легендарного командира, Шеймуса. Ржавого Капитана, как того называли друзья — или Висельника, как прозвали враги. Да и не только враги, если судить по беседе в этом шатре.

Теперь предстояло увидеть. Ржавый Отряд вызвали из глубины Муанга. Он лихо втоптал в пыль встреченные силы мятежников и взял несколько приграничных крепостей — часть штурмом, часть без боя. Уже через несколько дней «ржавые» должны были достичь Фадла.

Возможно, репутация Висельника, противника совершенно безжалостного и почти непобедимого, заставит горожан сдаться? Визирь ещё немного на это надеялся.

К стенам Фадла отряд прибыл затемно. Марш-бросок вышел жёстким — останавливались только на ночь, разбивая самый простой лагерь. К счастью, в мятежных крепостях Ржавый Отряд захватил множество лошадей и верблюдов, что сильно упростило задачу.

«Ржавые» воевали в пешем строю, но перемещаться на большие расстояния всё-таки старались верхом. Каждому, конечно, лошади не найдёшь — но можно ехать посменно. Это экономит силы.

На месте уютом тоже не озаботились: было ясно, что для решающего штурма армия мураддинов ждёт только прибытия наёмников. Капитан и лейтенанты сочли разумным по-настоящему отдыхать уже в захваченном городе. В том, что Фадл получится взять с первого приступа — никто не сомневался.

Ранним утром Ангус, один из «ржавых» лейтенантов, первым делом узнал: именно ему предстоит руководить подготовкой отряда к бою. Шеймус, едва занялась заря, уехал в ставку Джамалутдин-паши: капитана назначили командовать штурмом в целом, а это задача посерьёзнее.

— Во счастье привалило... Делать нечего, справлюсь.

Не впервой. Формально Ангус ничем не отличался от других лейтенантов, но на деле являлся правой рукой Ржавого Капитана с того самого дня, когда они впервые подняли собственное знамя: почти двадцать лет. Было много причин тому, что Шеймус доверял Ангусу более прочим. Например — они принадлежали к одному народу.

Этот народ — гвендлы, был коренным населением северно-восточных окраин давно погибшей Старой Империи. Даже в те благословенные времена гвендлы уже считались пережитком тёмных веков, однако до сих пор не исчезли. Родина всегда была далека, а в последние годы особенно — ведь Ржавый Отряд, ища удачи и обогащения, достиг берегов Шера.

Кочующее с войны на войну войско, разумеется, объединяло непохожих.

Большинство происходило с раскинувшегося по ту сторону океана Ульмиса: такого огромного, что восточные пределы материка никому не были известны. Те люди родились в королевствах, возникших на месте Старой Империи, а потому говорили на более-менее похожих языках. С остальными выходило сложнее — но рано или поздно для каждого, кто заржавел, единственным отечеством становился отряд. Различия отходили на второй план, как и память о прежней жизни.

Какие только люди не попадались среди солдат и населения лагеря! Разве только от хорошей жизни редко присоединялись. Недобитки сокрушённых армий, обедневшие горожане, уставшие от своей лямки землепашцы, бывшие или беглые преступники, благородные происхождением изгои, запятнавшие честь рыцари — вот таких пруд пруди.

Рекрутов не спрашивали о прошлом, довольно было имени — а далее из них предстояло делать солдат. Примером и поощрением пробуждать отвагу, муштрой прививать дисциплину, учить военному делу.

Чтобы бы ни выковал когда-то кузнец, вопрос один: достаточно ли изделию прочности, чтобы заржаветь целым, а не сломаться прежде. Недостатка желающих служить под началом Ржавого Капитана никогда не бывало, а вот способны на это оказывались немногие. Такой

подход и сделал из «ржавых» войско, имеющее право называть себя непобедимым. И требовать соответствующей оплаты, разумеется.

Окончательно поборов утреннюю сонливость, Ангус обратился к сержанту, который ожидал распоряжений у его шатра.

— В полдень всем офицерам собраться у знамени. Подготовить лазарет, но разгружать только самое необходимое. Послать сержантов, которые говорят на мураддинском, в главный лагерь — за деревом. Дерево понадобится, а рубить тут нечего, и повозки разбирать мы больше не станем!

Ну вот, начало положено. Теперь Ангус, прежде одетый только в нижние штаны, начал приводить себя в порядок, чтобы выйти в лагерь. Правой руке командира важно подавать пример: нельзя показываться из шатра в абы каком виде.

В сорок два года Ангус удивительным образом выглядел и ощущал себя лет на десять моложе. Он был высок ростом, широк в плечах, весьма атлетичен. Лицо — типично гвендлское: широкое, с крупным носом и тяжёлым подбородком. Не самые утончённые черты, однако почти все женщины считали, что лейтенант хорош собой. Быть может, благодаря его роскошной вьющейся шевелюре — характерного для гвендлов медового оттенка.

Цвета отряда преобладали в одежде Ангуса — нелепо дорогой для походной жизни, крикливой и избыточной излишествами, как у большинства опытных наёмников. У его сшивных шосс одна штанина была красной, а другая оранжевой. Декоративные разрезы, покрывавшие чёрный камзол с дурыми рукавами, обнажали оранжевую же подкладку. И гультфик — абсурдно огромный, само собой!

Ангус подпоясался, собрал волосы в хвост, набросил на плечи клетчатый красно-оранжевый плащ — несмотря на жару. Плащ, в отличие от всего прочего, имел особое значение.

Солнце уже поднялось довольно высоко, лагерь бурлил. Настроение у солдат было приподнятым. Все чувствовали: бой близок, а превыше славной драки ни один наёмник ничего не ценил.

Мимо прошли женщины — «обозные жёны», тащившие вёдра с водой. В другую сторону спешили смуглые рекруты из местных, ещё не заслужившие носить цвета отряда: они волокли пороховые бочонки. Справа доносились запахи полевой кухни, слева — бодрая песня, под которую солдатам было сподручнее разгружать повозки. Куда-то торопился отрядный лекарь Кресс, окруженный мальчишками-подмастерьями. Несколько солдат в клетчатых плащах водили брусками по волнистым клинкам двуручных мечей.

Цвета отряда мог носить каждый, кто прошёл подготовку и побывал в бою. Но такой плащ нужно было по-настоящему заслужить — его имел лишь каждый пятый-шестой, и у таких людей всегда находились дела поважнее черновой работы. Ветераны.

— ...да отвяжись со своим Творцом Небесным! Вона, глянь на аззинийцев — скачут вокруг костра, аки обезьяны. И сами-то чёрные сволочи, шо демоны твои. А потеряли шестерых за год! Видать, не в плясках ихних да крестиках ваших дело...

— Дык то ж демоны им и помогают!

— А к чему? Поболе твоего видал земель, и кому только люди не молятся: поди разбери, что им помогает? Вона шо... Ты залезь на стену без доспеха, с одним крестиком своим на груди! Во тады и потолкуем за Творца Небесного. Слабо?

Чернокожие аззинийцы и правда оказались превосходными солдатами — хотя, даже по

меркам крайне пёстрого войска, выглядели диковато.

Разговоры не стихали повсюду, и всё вращалось вокруг предстоящего штурма.

— Не, не нравятся мне мураддинские бабы, вот уж даром не надо. Страшные, как моя жизнь. А в Муанге девки хороши! Худющие только: жратвы полно, а все худющие, об кости бьёшься. Блажь какая-то, нихера не понимаю...

— Всё одно лучше бабы на Ульмисе: как уплыли, вообще жизни не стало.

— А мне мураддинки нравятся. Смугленькие!

— Дак ты сам на них похож.

— Чо? На бабу похож?!

— Да не, я ж не про то! Смуглый ты, говорю. Расслабься...

Ангус намеревался пройтись, чтобы осмотреть город при дневном свете: многочисленные шатры скрывали Фадл из виду. Однако до края лагеря не дошёл — из-за неожиданной встречи.

Игги уже никто не чаял увидеть живым. Этот красавчик был младше Ржавого Отряда — он и родился прямо в лагере, будучи сыном одного из самых матёрых ветеранов. Игги все любили: и как плоть от плоти «ржавых», и как надёжного солдата, и за задорный нрав.

Но теперь Игги был мрачен, и неудивительно — учитывая бурую от крови повязку, закрывающую половину лица.

После штурма приграничной крепости его сначала вовсе оттащили к мертвецам. Кресс ещё вчера не сомневался: оправиться от такой раны невозможно, Игги однозначно не жилец. Уж насколько все люди Шеймуса привыкли к смерти, вечно дышащей в ухо — но от этой потери у многих кошки на душе скреблись.

Однако Игги, всю дорогу без движения лежавший в телеге, сегодня уже сосредоточенно чистил песком ствол аркебузы — пусть молча и без привычной улыбки.

— Ты чего, на штурм собрался?

Юноша зыркнул единственным оставшимся глазом и промолчал.

— Игги, засранец, я к тебе обращаюсь!

Тот беззвучно пошевелил губами — явно выругался, но после всё-таки ответил. Голос Игги был прежним, в отличие от лица: тонким и высоким, почти девичьим.

— Вы же сами видите.

Намерение Игги читалось вполне ясно, но вопрос был не о том. Юноша не носил ни офицерского звания, ни «ржавого» плаща — но позволял себе побольше, чем другие солдаты.

— Ты ещё вчера был почти мёртв. Самое время молиться какому-нибудь богу, а не лезть на стену.

— У меня по-прежнему две руки и один глаз. Вполне достаточно, чтобы стрелять. Я не собираюсь сидеть в лагере. Или поубиваю побольше напоследок да сдохну... или возьму то, что мне теперь должны.

Убивал Игги всегда не хуже прочих, грабежа тоже не чурался, но никогда так об этом не говорил. Видать, увечье парня изменило: хорошо бы только на время. Ангус вздохнул. Он, может, и хотел запретить Игги идти в бой. Но...

Настрой солдата вызывал уважение. По правде говоря, Ангус не был уверен, как вёл бы себя на месте Игги. Тяжкие увечья — не редкость. За ними следовало годичное жалование, а дальше либо работа некомбатанта, либо иная дорога на остаток жизни.

Но бывало и так.

— Ну, чего тут скажешь... Не потянешь — не обессудь: из жалости в строю не держим. Если сможешь сражаться, как раньше, то сражайся. Хорошая заявка на плащ.

— Да плевать: как капитан решит. Дадут плащ — хорошо. Но я бы предпочёл глаз.

Плащ, помимо почёта и свободы от худшей работы, означал двойное жалование и преимущество в дележе трофеев. Хоть что-то хорошее: золото способно скрасить любую жизнь...

Времени на разговоры по душам не было, и в собеседнике Игги явно не нуждался. Ангус зашагал прочь в несколько подпорченном настроении.

Появление наёмников в осадном лагере вызывало всеобщее возбуждение. Большую часть войска составляли ополченцы, только что собранные для подавления мятежа. Столь непохожих на себя людей они прежде не встречали, зато наслышаны о Ржавом Отряде были — в основном, конечно, всяких небылиц.

Вельможи и их приближённые знали о наёмниках гораздо больше. Джамалутдин-паша сразу отметил разницу между теми, кто действительно воевал вместе со Ржавым Капитаном, и прочими.

Первые, хотя и осторожно, но проявляли уважение. Даже выражали уверенность, что уж теперь-то суровый приказ халифа непременно будет исполнен. Вторые в лучшем случае мыслили так: если приговор вынесен, кто-то должен его исполнить — но это не значит, что палач достоин почёта и славы.

Больше всех подкреплению были рады маркитанты, потянувшиеся из попутных городов вслед за армией. Они поначалу рассчитывали на долгую осаду и уже считали в уме барыши. Быстрый штурм города не сулил доходов от торговли. Так что наёмники появились очень кстати — они расставались с золотом и серебром легко.

Всё это пробудило в визире ещё большее любопытство.

— На базаре говорят, что их шляхи носят украшения дороже, чем у наших жён. Занятное, должно быть, зрелище! Чудно Иам, да святится небесное царствие его, сотворил этот мир: даже на войне мы можем найти нечто забавное.

— Я не слишком разбираюсь в украшениях, визирь. Но посмею посоветовать вам не употреблять этого слова в разговоре со Ржавым Капитаном.

— Которого?

Алим ар-Малави, юноша из очень знатного рода, с наёмниками Висельника уже сражался плечом к плечу. Обо многом говорил тот факт, что он употреблял иное прозвище Шеймуса.

— «Шляхи». Не скажу, что успел хорошо узнать традиции иноземцев за время похода на Рачтонг, но у Ржавого Отряда всё устроено сложно. Когда они надолго встают лагерем, то живут почти как деревня — если есть дерево, отстраивают что-то вроде форта за пару дней. У женщин, которые за ними следуют, всегда бывает много более важной работы, хотя... их нравы гораздо свободнее наших, это правда.

Визирь, сопровождаемый немногочисленной свитой и личной охраной, шагал от своих богатых шатров к лагерю мураддинского ополчения. Там планировали третий штурм Фадла: следовало появиться лично, пусть Джамалутдин и не собирался командовать.

— Хочешь сказать, что наёмники Шеймуса возят с собой семьи?

Джамалутдин-паша был удивлён. Как визиря, его прежде интересовало одно: оправдывают ли наёмники немалые средства, которые тратятся на их содержание. В тонкости он не вникал.

— Кажется, некоторые да. Эти люди вообще чем-то напоминают большую семью... клан, если хотите. Нам непросто понять народы Ульмиса, даже за несколько лет бок о бок. Им нас — тоже не легче. Я лишь посмел дать небольшой совет, потому что на подступах к Рачтонгу из-за всего этого вышла скверная история. Когда мы заняли первую крепость, некоторые командиры заявили, что их оскорбляет вид шлях, разгуливающих по замку.

Ржавый Капитан тоже оскорбился: отвечал, что найми его король Муанга — шляхами давно стали бы жёны тех командиров. Едва не кончилось поединком.

О несостоявшемся поединке Джамалутдин-паша краем уха слышал. Но подробностей мураддины особенно не описывали, потому как желающих скрестить клинки с Висельником тогда не нашлось. Едва ли была правдива хоть половина слухов о нём, рисующих скорее демона, чем человека — но под пересудами явно лежала определённая почва.

— Капитан говорит по-мураддински?

— На удивление хорошо говорит, разве только с акцентом. Он неплохо образован.

За усеянным жилыми шатрами полем начинались передовые позиции, где мураддины поставили осадные орудия. Увы, требушеты оказались почти бессильны против стен Фадла, а больших пушек привезли всего несколько.

От фадлских арбалетчиков, лучников и лёгких кулеврин позиции защищала длинная насыпь. На ней Джамалутдин-паша заметил человека, которого сразу узнал, хотя прежде никогда не видел.

Первое, что визирь понял о Висельнике — почему ему дали такое прозвище.

Силуэт Шеймуса и правда напоминал человека, болтающегося в петле. Он сильно сутулился набок: вероятно, из-за уродливо огромного роста. Не все люди вокруг были ему даже по грудь, а уж по плечо — единицы. Крайняя худоба и непропорционально длинные руки усиливали ассоциацию с трупом. Одеждой капитан подчёркивал своё жутковатое сложение: оранжево-красный плащ носил наброшенным на одно плечо, а его камзол не имел тех смехотворно пышных рукавов, что у большинства наёмников. Напротив: плотно облегал иссушенную фигуру.

Капитана окликнули, и он тотчас спустился с крутой насыпи, придерживая одной рукой меч на перевязи, а другой — шляпу. Двигался Висельник с совершенно неожиданной плавностью: можно сказать, почти грациозно. Спустя мгновение скрюченная фигура нависла над визирем и его свитой.

— Большая честь быть представленным вам, Джамалутдин-паша: меня несколько раз принимали при дворе халифа, но вы, верно, посвящали те дни неотложным делам государства.

Капитану пришлось глубоко поклониться, чтобы его голова оказалась почти вровень с головой визиря.

— Я много слышал о вас, Ржавый Капитан, и рад знакомству. Хотя обстоятельства сего отрадного события, увы, и не самые приятные.

Рассмотрев капитана вблизи, Джамалутдин-паша понял происхождение и другого прозвища — которое наёмник сам предпочитал.

Шеймус действительно напоминал человека, покрывшегося ржавчиной: всё его лицо было рябым от бесчисленных веснушек разных оттенков. Кожа будто местами выгорела на солнце, местами впитала грязь и пороховой дым. На лбу и в уголках глаз намечались морщины, впалые щёки покрывала редкая щетина. Цвет волос и не опишешь: то ли рыжеватые, то ли медовые, местами даже каштанового оттенка, словом — такие же, как кожа. Большие, глубоко посаженные глаза также были неопределённо светлыми.

Пугающее впечатление: о таком человеке не могут не сложить мрачных легенд, даже если для обоснованного страха достаточно и правды. На войне полно людей самого грозного вида, но Ржавый Капитан пугал вовсе не подобно какому-нибудь детине со звериной рожей.

Если бы Иам не запрещал изображать людей, а Джамалутдин-паша решил заказать

портрет самой Войны — именно таким оказалось бы её лицо.

— Что ж, капитан, давайте пройдем в ставку: говоря по-площадному, в ногах правды нет. Я предложил бы в честь знакомства лучшего вина из своего обоза, но не при свете Иама, да благословит он всех нас. А до заката ещё далеко.

— Не стоит объяснять, визирь. Я предпочту насладиться лучшим вином вашего врага — в его, как я слышал, роскошном дворце. Уж как сложится: до или после заката.

Шеймус говорил вполголоса, но всё равно звучал так глубоко и раскатисто, что не было сомнений: набери капитан побольше воздуха — прогремит на весь лагерь.

Они проследовали к поставленному под навесом столу, за которым простым командирам сидеть вместе с визирем и Алимом не полагалось. Шеймуса безмолвно сопровождали два вооружённых человека в пёстрой одежде и оранжево-красных плащах.

— Достоинство уважения то, как славно вы изучили наш язык. Вы речью и манерами производите впечатление образованного человека: признаться, я тому немного удивлён. Приятно удивлён. Не подумайте — нисколько не пытаюсь принизить людей вашего ремесла, однако... Не все воины производят такое впечатление, как вы.

Капитан улыбнулся в ответ, расположившись на дорогом резном стуле — комично маленьком в сравнении с его габаритами. Он явно старался сделать улыбку учтивой, но она всё равно блеснула зловеще.

— Нужно многому учиться, чтобы достичь того, чего мне достичь удалось. Человек, на которого я всеми силами стремлюсь быть похожим, одинаково уместно смотрелся и у солдатского костра, и за королевским столом.

— Воистину, таких людей немного. Жаль, но для бесед у нас мало времени, поэтому сразу задам главный вопрос: возможно ли взять Фадл силами ваших людей... и теми, что поступили в ваше распоряжение?

Ржавый Капитан повернулся в сторону города, хотя теперь и не мог рассмотреть его из-за насыпи. Ответил он не сразу.

— Город богат, а потому и неудивительно, что хорошо укреплён. Но это устаревшие укрепления... устаревшие на сотню лет. Насколько я могу судить, Фадл давно уже не готовили к серьёзному штурму: его должны защищать замки, которые уже в наших руках. Ни рва — даже сухого, ни барбаканов, ни вертикальных бойниц на стене. К тому же в ней пробита брешь. Там мало порохового оружия и, насколько я понял ваших офицеров, немного людей.

Уточнения по военной части привёл Алим:

— Было лишь несколько тысяч, и они понесли потери при штурмах. Но в городе наверняка высок боевой дух: горожане фанатично преданы Камаль-бею. Стену защищают солдаты, но и простые люди наверняка станут отчаянно сопротивляться, когда войска войдут в город.

— Именно это меня беспокоит... — Ржавый Капитан потянулся к блюду с фруктами, выбрав большой персик. — Раз уж брешь пробита, то защитники определённо поняли: их стена отнюдь не неприступна. А терять им нечего, поскольку халиф настроен перебить всех бунтовщиков. Это ведь не какая-то пришлая армия! Каждый из войска Камаль-бея — чья-то родня в Фадле. Посему окончить штурм взятием стен, как зачастую бывает, на этот раз едва ли получится. И нам трудно судить, как они подготовились к бою на улицах.

Джамалутдин-паша не мог понять: то ли Шеймус сомневается в успехе, то ли честно говорит о тяжести предстоящего боя, то ли пытается набить цену своей роли в штурме.

— Но возможно предположить, что вам предстоит, благодаря картам Фадла?

— Да, я изучил карты: многое из них понятно, но не всё. К тому же, раз Валид ар-Гасан и прочие решили отсиживаться в лагере — командовать придётся людям, не знающим города. И кстати, о тех ваших войсках, которыми предстоит командовать... Позвольте откровенность? Это паршивые войска. Дрянь, а не пехота.

Прозвучало грубо, хоть и являлось чистой правдой. Солдатское в поведении Шеймуса всё же сквозило: он лишь пытался держаться как благородный человек. Определённо не был таковым.

Капитан продолжил:

— Эти солдаты толком не снаряжены, толком не обучены... А главное, они не горят желанием идти в бой даже теперь, когда прибыли мы. Догадываются о том, что я сам прекрасно понимаю: почему штурму вообще понадобился Ржавый Отряд.

Разговор свернул в не самую приятную сторону, что привело визиря в некоторое замешательство. Он иначе представлял себе Висельника, а потому загодя готовился высокопарно напеть об острой нужде в его войске. Однако следовало попытаться и теперь.

— Ржавый Отряд потребовался потому, что взять Фадл непросто: это вы сами весьма справедливо отмечаете. Вы зарекомендовали себя блестящим пехотным и осадным командиром, а ваши люди прославлены как отважные и стойкие воины.

Шеймус скривил лицо, изобразив на нём усталое выражение.

— Визирь, прошу вас!.. Я видел много войн. Фадл взять трудно, но штурмуй его все ваши силы, а не только ополчение — это удалось бы с первой попытки. Возникает вопрос: почему Валид ар-Гасан и прочие полководцы в бой не идут? Я догадывался об том и по дороге, а когда сегодня оказалось, что нам позволят занять город на три дня и свободно собрать трофеи... Всё стало окончательно ясно.

— Ужели вас не радует богатая добыча, которую обеспечит успех штурма? Ваших людей на этот раз никто не станет сдерживать.

Мураддинские военачальники с самого начала рассчитывали: именно возможность разграбить город будет отличным стимулом для Ржавого Отряда. По сравнению с нуждой перебить и казнить тысячи людей, включая благороднейших, это выглядело не самой великой жертвой. В конце концов, мураддины никак не удержали бы от грабежей и собственную пехоту: разве только могли спасти храмы и дворцы.

Ржавый Капитан рассмеялся, если этот клокочущий звук можно было назвать смехом.

— И радует, и не радует. Мои люди очень любят покорять богатые города. Для них это важно: тем более что последние полгода мы почти всегда сражались в поле. Но я не дурак. Война — всегда дело грязное, а нынче грязь смердит так, что не каждый пожелает запачкаться. Давайте будем честны: дело не в том, что вам не взять город без меня. Просто именно мне такая честь к лицу, правда?

Построенный план беседы рухнул: её уже вёл Ржавый Капитан. Стоило поставить наёмника на место — но осторожнее, чем командиры похода на Рачтонг. Алим не зря поведал визирю ту историю.

— Вы солдат. Более того: наёмник.

— Да, конечно. И не подумайте, будто я требую к себе иного отношения. Если мураддинские мудрецы не напишут в книгах, как Фадл был залит кровью и разграблен под командованием Джамалутдина-паши... или Валида ар-Гасана, или кого-то ещё... значит, напишут про Висельника. Что же? Мало кто в Ржавом Отряде умеет читать, тем более по-

мураддински. А мнение двора мне глубоко безразлично. Хочу просто закончить свою работу и уехать.

Визирь вздохнул. Может, Висельник и был жаден до денег с трофеями, но их блеск не ослеплял капитана: он явно понимал, что становиться в глазах мураддинов слишком страшным чудовищем уже невыгодно. А эта грань теперь лежала теперь очень-очень близко.

— Бессмысленно отрицать: на это я и рассчитывал, когда вызывал вас к Фадлу. Для нас удобно, чтобы город брали наёмники. Для вас же сие выгодно — и обещает славную страницу истории отряда. Право слово: не мне вам объяснять, капитан, разницу между героизмом благородного мужа и героизмом простого солдата.

Шеймус фыркнул.

— Героев среди моих людей нет. И знаете, почему? Героизм ничего не стоит. Это лишь душевный порыв... ну, навроде любви. Он не продаётся и не покупается за золото. Золотом оплачивают лишь работу: наёмников или шлюх, например. Ржавый Отряд работает. Без героизма.

— Мы далеко отошли от обсуждения штурма, капитан... — Алим позволил себе вмешаться в разговор.

— А есть ли нужда обсуждать детали штурма с теми, кто не будет в нём участвовать? Вы хотели знать, возьму ли я город? Да, возьму. Думаю, этого ответа достаточно. Халиф платит щедро — а Фадл окажется ещё более щедр, когда падёт. Просто знайте: для меня Фадл... тоже не станет лучшим воспоминанием об этой войне. Что бы ни говорили некоторые мураддины на мой счёт.

— Именно это я и желал услышать, капитан.

Неторопливо жуя персик, Ржавый Капитан поглаживал тигриную шкуру, которой был оторочен его клетчатый плащ. Поговаривали, будто этого тигра он убил в душных лесах Муанга голыми руками. Визирь не особо верил байке — но разговоров о том, что Шеймус гораздо сильнее, чем можно подумать из-за худобы, ходило много.

— Хочу уточнить ещё кое-что, Джамалутдин-паша, раз уж мне три дня предстоит хозяйничать в этом прекрасном городе. Халиф приговорил к смерти всех бунтовщиков и весь род Камаль-бея, я верно понимаю?

— Да. Должны умереть все, кто держит оружие, и от рода Камаль-бея ничего не должно остаться. Такова воля халифа, да будет благословенным его правление. Я... и этого от вас ожидаю. Вы ведь не снискали репутации человека, у которого дрогнет рука?

— Не снискал.

Ни смущения, ни кровожадного воодушевления. Может быть, такие люди и выигрывают войны: те, кто бесстрастно делает необходимое, пока иные стяжают героическую славу?

Однако стоило признать: образ Шеймуса, который сложился среди мураддинских полководцев, в глаза визиря почти рассыпался. Он, возможно, и был чудовищем — но совсем иного рода, чем представлялось большинству. Хотелось узнать капитана получше: таких людей Джамалутдин-паша никогда не встречал.

— Давайте обсудим последнее, капитан. Как скоро можно провести штурм?

— За сегодня всё будет подготовлено, но после моим людям неплохо бы отоспаться: у нас был долгий и непростой марш. Лучше всего пойти на штурм послезавтра на рассвете, а перед тем провести обстрел города. Может, получится расширить брешь. К тому же я хочу ночью послать к стенам разведчиков: посмотреть на укрепления поближе. Командиры ополчения с этим согласны, мы уже всё обсудили.

Алим, хоть и был молод — но уже успел кое-что узнать о войне, столь непонятной визирю. Так что снова счёл уместным вмешаться.

— Обстрел не станет для врага сигналом о скором штурме?

— Они видят наше знамя, и едва ли Камаль-бей не догадывается, для чего Ржавый Отряд здесь. Он тоже прекрасно знает мою репутацию. А ничего особенного предпринять не сможет, раз не имеет сил или решительности для вылазок. На его месте я бы знатно потрепал противника: осада организована, поверьте, не без ошибок... но это уже не важно.

— Да будет так. — визирь хлопнул мясистыми ладонями. — Не стану больше вас задерживать, капитан. Надеюсь, послезавтра мы встретимся снова, но уже во дворце Камаль-бея.

О судьбе Фадла и его жителей визирь в последние недели и так думал слишком много. Довольно с него терзаний: оставалось беспокоиться лишь о том, действительно ли Ржавый Отряд справится с задачей. А в том сомнений имелось немного.

— ...и да придаст Творец Небесный зоркость глазу вашему, равную мудрости своей; и да ниспошлёт Он твёрдость руке вашей, равную вере вашей! Ибо каждый выстрел возвещает благую весть Его, каждая пуля — проповедь Его!

Бенедикт, по мнению многих, давно уже сам не верил во всякую чушь о Творце Небесном — но продолжал регулярно выдавать подобные речи. Наверное, по привычке. Эти речи не позволяли забыть, как бывший миссионер сделался лейтенантом Ржавого Отряда. Занятная история.

Игги набожностью не отличался, а сложись иначе — наверное, почитал бы какого-то иного бога. Для юноши отряд являлся родиной в прямом смысле слова, а отец с матерью происходили не из тех королевств, что выросли на месте Старой Империи.

Поэтому проповеди лейтенанта были Игги глубоко безразличны.

Бенедикт, упитанный мужчина с окладистой седой бородой, всегда держался ближе к солдатам, чем другие командиры. Он вообще мало походил на прочих лейтенантов — наверное, к сохранившему печать благородства Регендорфу был чуть ближе, чем к весельчаку Ангусу или вечно угрюмому Рамону Люлье.

Потому Бенедикт лично прибыл к разведчикам, когда стало понятно, что всё пошло не по плану.

Игги оказался среди тех, кто ночью выдвинулся к стенам Фадла — вызвался сам, никто не приказывал. До начала штурма оставалось больше суток: имелось время, чтобы получше рассмотреть укрепления. Стояла и другая задача — на ней, по словам сержанта, сам Шеймус сделал особый акцент: захватить «языка». А лучше бы двух.

Даже простому солдату, каковым Игги являлся, важность этой миссии была понятна. Знание о делах за стенами может сберечь много жизней, когда наёмники окажутся там. Увы, ночью удача «ржавым» не благоволила.

Люди Камаль-бея вели себя умно. Часовые не стояли поодиночке, в охранении все следили друг за другом — нечего и думать о том, чтобы залезть на обломки стены и кого-то оттуда стащить.

Но уходить просто так наёмники не стали. В ночи они успели вырыть траншею под пригорком — получилась хорошая позиция для наблюдения. Дело рискованное, однако солдаты рассудили: не настолько их дозор беспокоит Камалья, чтобы тот выслал сильный отряд. Да и орудия били по стенам с прошлого утра: особо не высунешься.

В крайнем случае — успеют отступить.

На рассвете наёмников пытались достать из кулеврин и арбалетов со стены, но те окопались грамотно — так что лишь посмеялись, подстрелив в ответ несколько особо наглых врагов. Вскоре появился Бенедикт с небольшим подкреплением: принёс еду, воду, много пуль и пороха. Почти всех солдат сменили, но Игги остался.

Мятежники занялись укреплением бреши. Она и так была не самой простой для штурма: осколки стены в проломе легли круто, карабкаться по такому склону — сомнительное удовольствие. Но защитники города навалили сверху ещё больше камней и дерева, создав баррикаду.

— Пусть враги не утешаются временной удачей. Они будут бояться ночной атаки: значит, толком не отдохнут. Мы же выспимся и свежими пойдём на штурм перед рассветом.

Вот тогда явит Творец Небесный волю свою!

Так рассуждал лейтенант, поправляя свой «ржавый» плащ: свёрнутый, переброшенный наискось через плечо и заколотый золотой фибулой.

В траншее, уже расширенной и укреплённой большими щитами, бойцов в плащах было шестеро из пятнадцати. Приходилось всё время лежать или сидеть, скрючившись, но никто не жаловался. Конечно, уже едва ли стоило надеяться на пленных, но «ржавые» полагали: какой-нибудь толк из их действий выйдет.

— Храбрость угодна Творцу Небесному, но тебе нужно отдохнуть. И сменить повязку.

Повязка, закрывающая половину красивого лица Игги, действительно была слишком старой. Но его решимость оставаться на позиции не являлась пустым бахвальством — боль немного утихла, голова сделалась ясной.

— Разрешите остаться до заката. Уйду отдыхать, вернусь к штурму. — ответил Игги, продолжая единственным глазом следить за баррикадой.

Штурм он бы ни за что не пропустил. Кровожадность никогда не была Игги присуща, но к мятежникам Камаль-бея проснулась в полной мере. Обида заключалась не только в самом увечье — но и в том, что случилось оно буквально на ровном месте, в пустяшном бою. Даже славной истории о потере глаза у него не будет. Правдивой, по крайней мере.

А уж о том, как Игги теперь выглядит, не хотелось и думать. Заботившиеся о нём в дороге обозные жёны твердили, что шрамы солдат украшают — но сами кривились, меняя повязку. И ведь эти женщины повидали много страшных ран, так что...

Ангус говорил: если Игги, несмотря на ранение, отличится при штурме — то может немедленно заслужить плащ. Игги и так «заржавел» бы, особенно учитывая всеобщую симпатию и славу отца; но вряд ли раньше, чем через год.

В том разговоре юноша заявил, что почести ему безразличны — соврал, конечно. Среди лучших хотят быть все, да и тугой кошель наёмник не может не любить. С двойным жалованием и без половины лица будешь не так-то плох.

На стене никто уже особенно не высовывался. Кулеврины молчали — видать, запасы пороха в Фадле не столь велики, чтобы без толку тратить его до штурма. Единственное, чем защитники могли реально угрожать передовому отряду — это конницей, если бы открыли ворота. От пехоты наёмники убегут, а от коней... Но на конях, понятное дело, воюют благородные люди: а к чему им рисковать ради горстки солдат? Пуля знатности не разбирает, доспех от неё едва ли защитит.

— У них, говорят, дворец не хуже халифского.

— Будто тебя в халифский приглашали!

— Нет. Но в этом за господина буду!

— Ага, больше не погонят нас в лагерь. Капитан обещал. Задрали мураддины своими обычаями! Дикие люди, ничего святого. Где ж этакое скотство видано, шоб победители на бегу добро собирали? Аки воры!

— Точняк: нигде такого говна не помню.

— Да дикари они и есть. Пить, вишь, только после заката! Сплошные заморочки. Про баб ихних молчу вообще. Сложно всё с бабами этими...

— Вот город возьмём, станет просто!

По траншее прокатился хохот, к которому Игги присоединился, хоть от смеха болела рана. Вообще-то, такими плодами побед он прежде брезговал пользоваться, но...

Игги уже хотел отползти с позиции — всё затекло. Но тут высоко на стене, где

мятежники ощущали себя в безопасности, началось оживление. Один из мураддинов вылез на парапет, держа в руке красно-оранжевую тряпку. Затем повернулся к наёмникам спиной, задрал халат. Сидевшие у бойниц мураддины поддержали идею товарища лихим улюлюканьем.

— Говорю ж, дикие люди. Подстрелить бы скотину!

— Хрен попадёшь отсюда. Только пулю тратить.

Пока наёмники спорили, есть ли смысл стрелять, а мураддин подтирался тряпкой «ржавых» цветов, Игги приложил к плечу аркебузу. Попасть и правда сложно, но пули всё-таки делают не из золота.

Воин Фадла никуда не торопился. Представление он дополнял выкриками на непонятном Игги языке: судя по восторгу окружающих, остроумия мятежнику было не занимать. Ну или публика больно невзыскательная — кто знает...

Игги отодвинул большим пальцем крышку пороховой полки. Убедился, что затравочный заряд на ней лежит ровно, а из зажима замка торчит достаточно длинный фитиль. Чуть подул на тлеющий кончик. Ствол лежал на краю траншеи, так что целиться было удобно. Игги едва-едва высовывался из-за мантелета: наверняка со стены дуло его аркебузы не видели.

— О! Щас Игги грохнет суку!

— Ну дааа... Серебряную монету ставлю, что не попадёт.

Игги не стал комментировать ставки, а нажал на рычаг. Фитиль уткнулся в полку: «пшшш», сразу следом — «ба-бах». Приклад ударил в плечо.

— Етить! Попал!

— Хера ж себе! Красавчик!

Мураддин изогнулся, заверещал и рухнул вниз, подняв густую пыль. Его товарищи тоже кричали, смешно размахивая руками и оружием. Чрезвычайно довольный своим выстрелом, Игги впервые за последние дни улыбался, когда отполз в безопасное место. Его хлопали по плечу и поздравляли.

— Хорош-хорош. Что там про монету?

— Эээ не, мы руки не жали, спора не было. Извиняй, Игги.

Бенедикт погладил бороду, удовлетворённо покачал головой.

— Славный выстрел. Но всё, хватит болтовни! Карл, на позицию! А монету я дам Игги сам.

Маленький серебряный диск с пробитой в середине дыркой тотчас сменил хозяина. Даже монеты у мурадинов были совсем не такими, как по другую сторону океана. Удивительно, но никто из местных не нанизывал их на тесьму, что наёмники сразу же догадались делать — зачем иначе дырывать?

Игги уселся на дне окопа, прислонившись к земле спиной, и начал перезаряжать оружие. Сыпать порох в таком положении было крайне неудобно, но «ржавые» однажды умудрились зарядиться целой ротой, стоя по грудь в болоте. Выучки хватало.

— Гляньте! Живой ещё, псина!

Копошение незадачливого шутника заметили и «свои». Видать, он был не последним человеком среди защитников Фадла — группа воинов перебралась через баррикаду, чтобы помочь. Раненый вовсе не бился в агонии, как сначала показалось наёмникам: он полз к бреши. Несмотря на пулю и падение со стены — люди бывают удивительно живучи.

— Надо же, полезли... Огонь!

Бенедикт мог и не командовать: завидев противника, пятеро стрелков тут же дали залп. А едва вновь спрятались в окоп, как над его краем показалось пять других аркебуз. Выстрелы грянули почти синхронно: стрелки Ржавого Отряда работали слаженно.

До раненого бунтовщика не добрались — вместо этого потащили назад троих новых.

Больше умирать за шутника никто не хотел. Он кричал, дёргался и понемногу полз в сторону, но все товарищи попрятались, поняв: даже на стене их вполне могут поразить. Зрелище показалось наёмникам забавным — теперь настал их черёд насмеяться над противником.

— Да, не торопится подыхать. Добъём?

— Хер ему. Пусть мучается, сука!

Умирать мураддин не спешил, хотя оставил попытки доползти до бреши. Подняться на ноги он или не мог, или боялся, но голос звучал по-прежнему звонко.

Это и подтолкнуло Игги к весьма отчаянной мысли.

— Лейтенант! А если его захватить? Вот и допросим: раз до сих пор не сдох, то...

Бенедикт нахмурился.

— Не подпустят, поляжем рядом с ним. Было бы нас больше, могли бы... но нет, так не получится.

— Получится! Я могу обойти сбоку, чтобы из бреши не достали, и кулевриной тоже. А

со стены не высунутся, если припугнуть. Будут палить, но не прицельно.

— Совсем жить надоело?

Вопрос был риторическим. Беспокойся Игги теперь о своей жизни — играл бы на лютне для обозных жён в лагере. Командир ненадолго задумался.

Перспектива вытаскивать из-под стены уже не врага, а самого Игги, Бенедикта едва ли радовала: Ржавый Отряд старался не бросать даже трупы, не говоря о раненых. Принципиальная позиция, одна из основ дисциплины. Окажись на месте мураддина один из наёмников — за него сражались бы до конца.

С другой стороны, пленный и правда требовался — а до него буквально рукой подать. Идея крайне рискованная, но благодаря ней всё, чем пятнадцать человек занимались с ночи, обретало осязаемый смысл. Наконец лейтенант махнул рукой.

— На всё воля Его. Так, слушайте! Вы, семеро — по моей команде даёте залп в брешь. Игги побежит обходом, вы заряжаетесь, а остальным тогда должно следить за стеной. Можете мазать, главное — не давать им целиться.

Окажись стены Фадла современнее, Игги ни за что не добрался бы до раненого — но их строили слишком давно. Без выступов и вертикальных бойниц стрелять туда, где лежал мураддин, было почти невозможно. Оставалось успешно пробежать опасный участок.

Как только раздался залп, Игги выскочил из траншеи и со всех сил рванул, придерживая тесак на боку. Конечно, его сразу заметили — но вряд ли поняли, что происходит. Вслед за залпом позади раздалась одиночные выстрелы: кто-то из защитников Фадла всё же высунулся, но прицелиться ему не дали.

Достать Игги из кулеврины уже было нельзя, да враги и не пытались — а пролетели ли мимо арбалетные болты, юноша не заметил. Неважно! Важно скорее бежать к стене — туда, где Игги окажется почти в безопасности.

Ближе, всё ближе. Дыхание пока не сбивалось. Если кто-то со стены собирался стрелять, то уже сделал это. Аркебузиры Ржавого Отряда стреляют дважды в минуту — мураддины заряжают свои мощные арбалеты подольше, это плюс. Сквозь шумное дыхание и дикий стук сердца Игги слышал крики: его подбадривали товарищи, голосили бунтовщики на стене, истошно вопил раненый.

Ещё мгновение, и Игги первым из «ржавых» коснулся стены Фадла: уже достижение! Мятежник лежал в нескольких метрах, ближе к брешу. Снова бежать. Рядом рухнул большой камень, брошенный со стены — и сразу кто-то пальнул в ответ из траншеи.

Раненый попытался дотянуться до сабли, которую потерял при падении. Этого Игги, увернувшись от ещё одного камня, сделать не дал — он вцепился в одежду врага и поволок его, не обращая внимания на жалкие попытки сопротивления.

У самой стены можно было чуть отдышаться. Сиди наверху сотня бойцов — они легко закидали бы Игги камнями, но вряд ли там больше десятка солдат Камалы. Когда штурм начнётся, всё будет иначе...

Довольно рассуждений. Обрато Игги решил бежать по прямой: смысла снова описывать петлю не было, замысел парня уже раскрылся. Мятежник брыкался, не желая мириться с судьбой пленного. Игги пришлось несколько раз ударить его прежде, чем взвалить на плечи. Теперь — к траншее!

Арбалетный болт чиркнул по кирасе. Ещё два пролетели над головой: Игги рефлекторно вжал её в плечи, отвлёкся — и потому споткнулся. Очень не вовремя!

Подниматься под обстрелом было смерти подобно. В надежде, что попасть в своего

мятежники побоятся, Игги прикрывся мураддином. Вжался в пыльную землю.

— Огонь!..

Облачка порохового дыма снова закружились над окопом. Наёмник бросил взгляд через плечо — кажется, стрелки на стене попрыгали. Пора. Поднять раненного оказалось гораздо сложнее, чем в первый раз, и бежал Игги медленнее. Вместе с усталостью нарастала боль в голове, единственный глаз сам собой жмурился. Мелькнула мысль: можно и не добежать...

Но заветное укрытие приближалось. Снова выстрел, ещё один следом — но теперь палили уже по Игги, из лёгких орудий на стене. Снаряд поднял фонтан песка на метр впереди, куда ушёл другой — солдат не заметил. Зато увидел лицо Бенедикта над окопом: тот тщательно прицелился и явно не промахнулся.

Больше Игги ничего не запомнил — очнулся уже в траншее, кашляя и едва соображая. Пленному вязали руки. Бенедикт, кажется, хвалил Игги: в ушах звенело, слов было почти не разобрать.

— Нечего теперь тут делать, дети мои. Кто говорит по-мураддински? Сержант, ты? Пулей лети к орудиям — объясни про пленного и скажи, чтоб дали по ним разок-другой. Попрячутся — будем уходить...

— Не слушают.

— А ты скажи, что иначе пойдёшь прямо к Шеймусу. Точнее — к Висельнику. Быстрее!

Сержант, оставив аркебузу, побежал исполнять приказ — но осторожно, низко сгибаясь к земле.

Расстегнув ремешок и развязав тесёмку, Игги избавился от шлема и стёганого чепца. Волосы, выбивающиеся из-под повязки, совсем намокли.

Уже вполголоса, почти на ухо, старый лейтенант добавил к публичной похвале:

— Славно, Игги, славно. Я расскажу капитану, как было дело.

Игги только устало кивнул. Пусть Шеймус избегал панибратства с солдатами, все в Ржавом Отряде знали: их заслуги от капитана не ускользают. Как и огрехи, конечно. Командир поощрял столь же щедро, сколь беспощадно требовал.

Первая ночь под стенами Фадла сменилась второй, и вот уже третья готова была уступить черёд рассвету. Следующую ночёвку капитан обещал уже не возле костров, а под сводами вражеского дворца. Раз обещал — значит, так и будет.

Однако лёгкого боя он не сулил. Весь день опытные наёмники копили силы, а новобранцы сколачивали мантелеты с бойницами, за которыми помещалось по три стрелка. Вместо бесполезных при штурме пик в три человеческих роста готовили алебарды. На импровизированном плацу гремел голос Рамона Люльи: лейтенант муштровал тех, от кого уже ожидали проку в бою, но и не считали уместным дать отдых.

Множество лиц проходило через лагерь под оранжево-красными знамёнами. Многие не выдерживали и первых дней, другие — недель. Кто-то погибал в первом же бою. Кто-то умирал, едва успев стать всем близок и дорог. Ну а другие, крепче и удачливее, годами шагали в строю. Со временем они надевали «ржавые» плащи, а кто-то получал и офицерский плюмаж на шлем.

Так было среди воинов — и почти так же обстояло в обозе. У некомбатантов не имелось чинов и знаков отличия, однако люди никогда не бывают равными. Между теми, кто шёл за отрядом много лет, и теми, кто прибилсся месяц-другой назад, всегда пролегал черта.

Потому неудивительно, что одним обозным жёнам полагалось таскать дрова и тяжёлые вёдра, а другим — поддерживать костры, в которых Кресс велел кипятить воду, или помогать сержантам в раздаче пороха.

Женщины, как и солдаты, приходили в Ржавый Отряд по-разному.

Одни находили романтичным бросить родной дом и уйти в бесконечный поход. Кого-то приводил с собой новобранец. Другие смертельно устали от весны до осени горбатиться в поле, чтобы не пухнуть с голоду зимой. Некоторые вдруг понимали, чего хотят от жизни, однажды увидев на рынке таких же безродных простолюдинок — но всех в бархате, золоте и драгоценных камнях. Иных женщин не прельщало гадать, когда очередная армия пройдёт через их деревню и что тогда с ними случится: просто-напросто хотели защиты.

Вот и у Ирмы была своя история — которую все знали, но никогда об этом не говорили. Неспроста. Но прошло много лет: иногда Ирме казалось, что другой жизни никогда не было.

Иногда.

Она, среди ещё нескольких обозных жён, сидела возле костра посреди лагеря. Слева Кресс разбил лазарет — пока почти пустой, но это ненадолго. Справа стояли офицерские шатры и развевалось на флагштоке «ржавое» знамя.

Понемногу занималась заря: близилось начало атаки, и сержанты уже выводили солдат из лагеря. Стрелки выстроились в очереди за порохом: зная великую опасность этой субстанции, за ней в отряде следили строго. Хорошо одоспешенные знаменосцы несли боевые стяги — эти люди приравнялись к сержантам и жалование имели солидное. Барабанщики выстукивали бодрый ритм, помогающий всем проснуться.

Юность Ирмы давно осталась позади, но и постареть ей предстояло нескоро. Многие находили, что она хороша собой: высокая, стройная, с бледной кожей и пышными медно-рыжими волосами. Хотя лицо скорее симпатичное, чем красивое: совершенно крестьянское. Ирма носила платье простецкого покроя, но зато из роскошной красной парчи с золотой нитью.

В беседе подруг она не участвовала.

— Болтают: пленный-то при чине оказался. Важное из него вытянули... Глядишь, поможет нашим.

— Это точно, Регендорф говорил... только я мало что поняла.

— Сам Регендорф? Тебе? Чего это он вдруг?

Некоторые вопросы в женском кругу могли вызвать даже большее оживление, чем предстоящий штурм. Гайя поняла, что сболтнула лишнего, и раздражённо свела брови.

— Да ничего! Ну, говорил и говорил...

Ирма, склонив голову, беззвучно шевелила губами. В одной ладони женщина сжимала платок, а в другой перебирала деревянные чётки. Пальцы слегка дрожали.

На коленях Ирмы лежал воронёный шлем с плюмажем из оранжевых и красных перьев. Выкован он был по последней моде — открытый, плотно облегающий голову, с козырьком и высоким гребнем.

В пустыне солнце палило нещадно, а зима никогда не наступала — но стоило светилу скрыться за горизонтом (что происходило удивительно быстро), как становилось холодно. Поэтому Гретель, присев у костра, пару раз быстро задрала подол платья — нагнала под него тёплого воздуха.

— Велели идти в город сразу за нашими, как пробьются: а то мураддины всё растащат.

— Так ценное всё во дворце и в храмах...

— Ну-ну! Лишнего и по дороге не будет.

Быстро собирать трофеи — иной раз прямо за спинами солдат, женщинам Ржавого Отряда было не в новинку. Это гарантировало добычу, даже если придётся отступить. И не нужно делиться с союзницами, которые бывают сквернее врагов. Конечно, не каждая отваживалась. Да и мрачное это занятие: обирать погибших и умирающих.

Гретель злая судьба порядком ожесточила. Холодка в её голубых глазах плескалось побольше, чем у многих наёмников. Ирма всегда была мягче, однако находила приятным одно: даже женщина, идя под «ржавым» знаменем, внушала окружающим страх. Враги и союзники нередко отождествляли обозных жён с поверьями своих земель. Где-то верили в грозных полубожеств, забирающих на небеса героев, а где-то — в злобные призраки женщин, замученных на войне.

Ирма почти дочитала нехитрую молитву, когда у костра появился Ангус. Узнать его не составляло труда, пусть лица почти не видно — высокий шейный щиток заканчивался почти там, где начинались поля открытого шлема. Лейтенант опирался на двуручный меч — почти собственный немалый рост.

— Ах, вот вы где. Уж думал, не попрошаюсь!

Ирма быстро прижала платок к губам — и засунула его в шлем, под кожаный подвес. Она надеялась, что Ангус этого не заметил.

— Дурная примета: прощаться... — произнесла одна из женщин, глядя в костёр.

— Дурно перед боем думать о дурном, солнышко.

Многие наёмники перед схваткой держались беззаботно, а гвендл с лейтенантским плюмажем — пуще всех. Несведущему могли почудиться бравада и фанфаронство, но Ирма точно знала: это лишь защита. Вроде брони. Под весёлостью Ангуса, умиротворённостью Бенедикта или извечной отстранённостью Шеймуса скрывались одинаково глубокие и сильные чувства.

Следом за Ангусом показался довольно молодой мужчина, походка которого до сих пор

выдавала всадника — хоть уж сколько лет в пехоте. Регендорф громыхал старомодным полным доспехом, полированным в зеркало, а его «ржавый» плащ не был свёрнут — он остался за спиной, для удобства перехваченный поясом, как обычная накидка.

— Ангус, обыскался тебя. Пора идти.

Гвендл расхохотался: так не к месту, что всех смутил.

— А я всё говорю почтенному сиру: в таких неприступных латах приличный наёмник не воюет! И рожей он слишком вышел, чтоб прятать её под забралом. А он не слушает, подумайте только!

— Должно ведь сохранять нечто рыцарское. И ты сам лицо не подставляешь.

Регендорф заметил Гайю — и даже при слабом свете костра женщины обнаружили, что он немного покраснел. Ржавый Отряд для сохранения «рыцарского» был не лучшим местом.

— Мне насрать на моё лицо: за голову переживаю. Голова — она, конечно, не рыцарство... Но мне своя больно нравится. На вас, милые, в этом деле уповаю: поцелуйте на удачу. Глядишь — до заката доживу!

Насчёт поцелуя Ангус имел в виду не себя, а меч. Хихикая, обозные жёны по очереди коснулись клинка губами. Только Ирма проигнорировала этот ритуал.

— Посмотри-ка, дружище: в этом есть что-то рыцарское?

— Возможно. Если мне вернут титул, возьму тебя в пажи.

— Согласен на сквайра!

— Строиться пора. Пошли!

Но Ангус явился к костру не только ради поцелуев на удачу.

— Ирма, позволь, пожалуйста. Я сам передам.

Нежно проведя пальцами по перьям, Ирма отдала Ангусу воронёный шлем, чуть тёплый от костра и её коленей.

— Передай, конечно. Я лучше не пойду.

Ангус взвалил двуручник на плечо. Наверное, улыбнулся — но за щитком снизу не разглядишь.

— Прощайте, родные!

Лейтенанты зашагали прочь: их фигуры быстро скрыл предрассветный полумрак, а остроты Ангуса заглушила барабанная дробь.

У костра повисло тягостное молчание. Каждой хотелось что-нибудь сказать, наверное, только вот что именно? Пошевелив кочергой поленья, Ирма всё-таки произнесла:

— Я так ненавижу ждать.

Хотя пить было ещё рано, Гретель потянулась за бурдюком. Все молчаливо согласились: немного вина не повредит.

Игги поправил перевязь, увешанную мерками с порохом, и подул на фитиль: тусклый красный огонёк на миг ярко вспыхнул. Подёргал край кирасы — убедился, что ремни натянуты плотно. Поправил чуть сползшую стальную шапелю. Машинально потрогал повязку на лице.

Всё в порядке, он готов.

Ржавый Отряд построился напротив Фадла — но достаточно далеко, для безопасности. Две с половиной тысячи солдат: в лагере оставались немногие.

В годы Великой войны, когда Игги ещё не было на свете, по полям сражений ходили наёмные армии и побольше. Но потом кто разбрёлся по домам, кто по большим дорогам (тех, наверное, давно перерезали и перевешали), кто осел при лордах да королях. Среди наёмных компаний, что продолжали кочевать с войны на войну, Ржавый Отряд остался единственным крупным. Другие — ну, может быть, сотен по пять...

Привыкшие сражаться не ковыряются в земле и не потеют в мастерских. Многие не захотели жить иначе, чем во времена сорокалетней бойни — но далеко не всем удалось прожить долго.

— На плечо! Смирно!

Сержанты у пехотных «коробок», выстроенных по полю, повторили команду Ангуса. Игги вытянулся стрункой. Прислонил аркебузу к плечу, держа за приклад. Над строем поднялись ряды коротких копий и алебард, ниже засверкали клинки двуручных мечей — словно морская тварь с несколькими рядами зубов.

Часть стрелков построили отдельно, но большинство — привычным смешанным порядком. Ядро каждой «коробки» — парни с древковым, пара рядов аркебузирова стоят впереди, мечники — по углам. Мураддинское ополчение облегалo аккуратные ряды «ржавых» с флангов.

Скорее копошащееся месиво клопов, чем организованное войско.

— Проку с этих говнарей... шиш облупленный и два раза по нихера. — буркнул сосед по строю.

— Агась. Только под ногами болтаться будут.

— Не будут: они на стену полезут.

Оставалось надеяться, что отвлечь противника от бреши бестолковое мужичьё сможет. Солдатам не особо разъясняли тактику, но общие моменты обычно доносили. Дескать, пока ополченцы будут лезть на стену, наёмники спокойно подойдут к бреши, прикрываясь поставленными на колёса мантелетами. Отличный план — хотя бы потому, что под плотный обстрел попадут не «ржавые». Частенько на этой войне выходило иначе. А у бреши... ну, там уж кто кого.

Даже издали было заметно, насколько оживились защитники города. Игги понимал, что лёгкого боя не будет: у местного бея хорошо вооружённое и обученное войско. Одна радость — не особо многочисленное, но за родной дом всегда дерутся яростно. Даже те, кто драться не умеет.

Парламентёры к стенам не выезжали: обсуждать нечего. Город готовился к решающему натиску. Переживи он и этот, третий штурм — тогда уж ничего не останется, кроме унылой осады.

А «ржавые» видали идею осады в гробу. Недавно наёмники уже просидели под стенами больше полугода. И совершенно тщетно! Даже жалование тогда никого не радовало. Серебро с золотом не едят, не пьют, в постель с ними не ложатся. Деньги хороши, когда их можно толково потратить — а не в чистом поле посреди вражеских земель.

У лагерных костров поговаривали: кампания чересчур затянулась, скоро капитан поведёт отряд на отдых. Возможно, в столицу! Да и война, как многим казалось, шла к концу. Штурм Фадла должен был стать последним её серьёзным сражением.

— Гляди! Капитан!

Стрелять потеря глаза Игги не мешала, но обзор сузила: командира он заметил, лишь повернув голову. Кренящийся набок всадник, нелепо огромный в сравнении с лошадьё, приближался со стороны мураддинской ставки.

Конь пронёс Ржавого Капитана вдоль прекрасных рядов пехоты. Бойцы приветствовали его восторженным гулом. Личная храбрость, конечно, не главное достоинство командира — но Шеймуса уважали в том числе и за неё. Он что двадцать лет назад, что теперь сам сражался на переднем краю.

— Никак, нашу «коробку» первой к бреши поведут. Неспроста в центре стоим.

— Угу. Сам капитан и поведёт.

— Дело хорошее!

— Дурное. Только дурак любит в пекло первым.

— А чё так? Раньше помрёшь — раньше Творца Небесного повидаеть.

— Матушку я твою повидаяю, а на... этого вашего... срать хотел.

Игги с товарищами неспроста оказался впереди: их подразделение давно было на хорошем счету, солдат с плащами там водилось побольше обычного. «Ржавых» не строили абы как. Отряд строго делился на роты, а роты — на десятины: одни и те же люди всегда были вместе. И в бою, и за его пределами. Так повелось с самого начала.

Шеймус подъехал Ангусу и Регендорфу, которые уже давно стояли перед войском: командиры обменялись парой фраз. Показалась из строй и округлая фигура Бенедикта. Рамон Люлья был где-то позади: как обычно, командовал арьергардом.

Ржавый Капитан, отчего-то с непокрытой головой, был облачён в прекрасную воронёную броню. Это у Регендорфа доспех крепкий и дорогой, но старый. Шеймус одевался в бой легче, зато его латы воплощали самые модные идеи бронников. Всем на зависть.

Голос капитана, удивительно мощный при его худобе, донёсся до каждого.

— Вы любите войну?!

Строй отозвался звуком, более напомнившим рокот катящихся на скалы волн, чем голоса людей.

Игги не разобрал, что Шеймус говорил дальше. Показалось, будто многоголосый строй заглушил слова командира, но нет: этот гул звучал только в ушах. Перед боем Игги захлёстывали эмоции. Он разом ощущал буквально всё, что можно — ни от чего из этой горячей смеси не отказался бы. Барабанный ритм и собственный пульс, тяжесть доспеха и приятное ощущение оружия в руках. Отблески рассвета и огни на стене, которую предстоит брать. Боязнь за свою жизнь и готовность отбирать чужие.

Да, Игги любил войну. Как и все под этими знамёнами. Не так уж важно, о чём ещё говорил перед строем капитан — про богатства Фадла? Про вкусное вино и женщин, которые останутся без мужей? Про щедрую плату из казны халифа и славу? Может, обо всё

этом: но главное он сказал сразу.

Ангус передал командиру шлем, тоже воронёный и с пышными перьями. Водрузив его на голову, Шеймус обнажил меч.

— Ржавеет железное!

На этот раз строй отозвался слаженно и чётко:

— РЖАВЕЕТ ЖЕЛЕЗНОЕ!!!

Клинок описал дугу, отразив рассветные лучи, и указал на стену Фадла. Барабанщики завели всем знакомый ритм: это команда наступать.

— Шагом марш!

За барабанами вступили и трубы. Заскрипели колёса мантелетов, раздались пушечные выстрелы с насыпи, а требушеты тяжело взмахнули плечами. Ополченцы тоже двинулись в атаку, завывая по-мураддински: этот звук показался Игги жутким подобием молитвы.

Наёмники наступали молча.

Когда всё шло слишком гладко, Ангус начинал нервничать. Проведя на войне четверть века, за легко доставшимся успехом он всегда подозревал дурной поворот событий: тем более дурной, чем меньше трудностей встретилось прежде.

В этом штурме подобного ощущения не возникало. Шеймус оказался прав: едва Ржавый Отряд приблизился к стенам, как стало понятно, что лёгкой победы не будет.

Наверху засело множество арбалетчиков, которых вовсе не напугал обстрел из осадных орудий. Со стены сыпалось столько болтов, что даже отказавшись от избитого сравнения с дождём или градом, нельзя было не вспомнить тучи мошкеры в муангских болотах. Пожалуй, мошкара-то и вспоминалась прежде всего: поганая вышла войнушка. Много где Ангусу довелось воевать, но Муанг со своими гадкими джунглями точно был хуже прочих мест.

«Ржавые» не экономили на броне — а потому даже мощные арбалеты, взводимые воротом, не слишком повредили им на подходе. Аркебузиры били по стене плотно — благодаря мантелетам, за которыми могли спокойно перезаряжаться. Однако у ополченцев визиря не было ни кирас, на приличных шлемов, ни передвижных укрытий: их фадлские арбалетчики покосили порядочно, едва не вынудив отступить.

Впрочем, на ополчение никто особо и не рассчитывал. Пёс с ними...

Ангуса сильнее беспокоили установленные на стене кулеврины. К счастью, их было не слишком много, а некоторые из лёгких орудий стреляли по самим рядам наступающих — вместо того, чтобы сконцентрировать огонь на мантелетах. Так себе тактика. Возможно, войско Камаль-бея не в полной мере осознало силу порохового оружия, которым успело завладеть.

С горем пополам мураддинские ополченцы всё же подтащили к стене лестницы и полезли наверх. Особого успеха не случилось, как и следовало ожидать. На головы штурмующих летели камни, из-за парапета торчали копья. Смелчаки, забравшиеся по лестницам первыми, быстро посыпались вниз — и не сказать, что многие охотно спешили им на смену. Командиры ополчения верещали громче раненых и умирающих, стараясь заставить мужичьё продолжить атаку. Люди сгрудились под стеной, образовалась давка — отличная мишень.

Однако это вполне укладывалось в планы наёмников. Чем сильнее защитников Фадла отвлекут ополченцы — тем проще окажется пробиться через брешь.

Первый приступ окончился ничем. Аркебузы заставили мятежников попятаться, не дали прицельно стрелять в упор — но когда дошло до подъёма по обломкам стены, копейщики Камаль-бея встретили «ржавых» жёстко. Шеймус вскоре приказал отступать: подхватив раненных, первая «коробка» отошла назад.

Не страшно: оборону удалось потрепать, а резервы у Ржавого Отряда имелись. Капитан остался позади, чтобы перегруппировать своих и отдать приказы мураддинам. Ангуса он послал руководить новой атакой — со свежим отрядом.

— Ну, братишки, закончим дело! Ржавеет железное!

Ангус потряс над головой двуручником и решительно полез на гряды.

Успех ему сопутствовал ничуть не больше прежнего. Пролом защищали значительные силы, и воины Камаль-бея оказались отлично снаряжены.

Ангус, раздвигая двуручным мечом выставленные навстречу копья, пробрался дальше остальных и зарубил местного офицера. Тот слишком поздно начал поднимать щит — рука легко отделилась от туловища, а второй удар принёс милосердие. Латно-кольчужный доспех был красивым, но не помог владельцу.

Однако уже спустя миг лейтенант имел сомнительное удовольствие наблюдать наконечник копья, проскользнувший между полями его шлема и шейным щитком. Копейщик ковырялся оружием, настойчиво пытаясь проткнуть Ангусу лицо. Гвендл едва не свалился с баррикады самым нелепым образом: уж очень не хотелось стать похожим на Игги. К счастью, мечник Ржавого Отряда вовремя подскочил на помощь и зарубил древко.

Лейтенант отступил без потери лица — в прямом и переносном смысле. Отдыхая в безопасном месте под стеной, Ангус подначивал начинающего очередную атаку Регедорфа.

— Не бойтесь, храбрый сир! Вас-то им и ткнуть вовсе некуда!

Лицо щекотала тонкая струйка крови: похоже, добавился новый шрам. Но это не беда. Ангус не кривил душой, говоря об отношении к своему лицу: вот сохранить на месте глаза очень хотелось бы.

Бой продолжался. Передышки врагу наёмники не давали: стоило схлынуть одной волне, как за ней накатывала следующая. Перестраиваться перед стеной выходило без проблем — лезущие по лестницам ополченцы всё же были проблемой для врага. Пусть не умением, но числом они добивались успеха.

Перед Ангусом мелькали одуревшие лица халифатских солдат, которых командиры гнали к стене. Падающие давно имели мало шансов коснуться земли: повсюду лежали, да не одним слоем, убитые и раненые. Им никто из ополченцев даже не пытался помочь.

— Вот бы мятежники так воевали, мать-перемать...

Иные мураддины вполне храбро сражались, чтобы вдруг получить копьём под ребро — потому что товарищ со страху перестал соображать. Других толкали под летящие камни — и вчерашний крестьянин становился очередной подпоркой для осадной лестницы. Кто-то почти достигал парапета, когда видел перед лицом взведённый арбалет и получал миг для воспоминаний об убогом жизненном пути.

Руководство Шеймуса не сотворило чуда.

Возможно, Ржавый Капитан заставил бы нормально драться и этот сброд, будь у него хоть пара недель времени, а у ополчения — приличные офицеры. Но времени на подготовку не нашлось, а командиры халифатских солдат, видать, сами с полгода назад пасли верблюдов.

Так что захват стен откровенно буксовал.

Зато брешь оказалась обречена: её защитники теряли силы с каждой атакой, а подпитывать их было нечем. На очередной приступ Ангус пошёл уже под руководством капитана, и в этот раз мятежники дрогнули, пусть не сразу. Поначалу казалось, что наёмникам снова придётся отойти — когда скрестились, застучали друг об друга, затрещали древки копий и алебард, отпор ещё был сильным.

Но затем — как запруду прорвало: ряды мятежников дрогнули, оранжево-красное с лязгом и рёвом хлынуло за стену. Врагов быстро охватила паника, многие бросились бежать.

Высокий человек в роскошном доспехе пытался остановить бегство, перестроить ещё не безнадёжно утративших дух. Ангус, полуглухой от подшлемника и грохота боя, не услышал выстрела — но он видел, как пуля пробил броню мятежного командира. Тот рухнул, и тело было затоптано бегущими.

Это стало началом конца: прорубая мечом путь вниз, Ангус понимал — половина дела сделана. Мятежники спешно отступали к центру города. Спешно, но всё-таки не в полном беспорядке: кто-то до сих пор командовал, только из тыла. Сюрпризы неизбежны.

Наверху солдаты Камаль-бея всё ещё бились: судя что по воплям и звону стали, что по редким выстрелам кулеврин. Наверняка стена обречена, её захват — лишь дело времени. В конце концов, ополченцев слишком много.

Лейтенанта волновало происходившее на земле.

Наёмники не стали преследовать врага, хотя Ангус не сразу понял, почему: ведь лучше

всего ворваться в центр Фадла прямо на плечах отступающих. Он пытался отыскать Шеймуса, но не мог, хотя обычно это удавалось легко: возвышаясь даже над самыми рослыми солдатами, капитан был прекрасно виден отовсюду. Не хуже знамени.

— Капитан? Где капитан?

Чернокожий солдат не понял вопроса. Гам стоял знатный, а ещё не ослабшее возбуждение боя слегка отупляло даже самых дисциплинированных. Другой наёмник, из-под шлема которого торчала заплетённая в три косы борода, лишь молча указал в сторону — он пытался восстановить дыхание, не мог говорить.

Оказалось, что дела не очень-то хороши.

Шеймус сидел, прислонившись изнутри к стене Фадла. Воронение на боку кирасы потемнело — явно кровь, причём не чужая. Солдат, склонившийся над капитаном, запихивал под нагрудник кусок своего плаща. Шеймус сжимал в руке сломанный меч, и взгляд его был мутноватым.

— Ангус! Куда ты делся, сучий сын?! Сюда!

Обычно капитан говорил спокойнее, даже в бою: но понятно, почему теперь выходило иначе. Крови текло порядочно, и далеко не всякая боль могла заставить Шеймуса так морщиться.

— Плохо дело: тебе нужно к Крессу.

— Да ну! Эта царапина меня не остановит. Кабы меч не сломался, я... Опять, тварь, сломался.

— Нихера себе: царапина! Гляди, кровищи-то сколько.

Капитан ответил таким взглядом, какого и духи Орфхлэйта устрашились бы. Насколько Ангус мог судить о тех духах, конечно... Давно он не бывал в древнем лесу — и многое о вере их с капитаном предков позабыл.

— Ангус, поцелуй меня в зад. Бой ещё не окончен. Я командую. Заткнись! И быстро притащи сюда Регендорфа.

Ангус не побежал искать его сам: передал приказ солдату, и Регендорф появился тотчас. Первым делом он повторил ошибку товарища — начал рьяно убеждать Шеймуса, что тому необходимо в лазарет.

Когда бурный поток брани капитана иссяк, тот отдышался, потребовал воды и наконец начал отдавать распоряжения.

— Регендорф, помоги босоте захватить стену. Нечего оставлять врага в тылу... к тому же надо открыть ворота. Как можно скорее! Пошлите вестового к Люлье — пускай ведёт всех наших внутрь города. Ты ещё здесь?!

Регендорф кивнул и поспешил назад, окрикая сержантов. Ангус вечно подтрунивал на тему благородных традиций, но чего говорить: бывший рыцарь превосходно знал своё дело. Не просто так Регендорф носил свой плюмаж. Он умел распоряжаться людьми и сохранял хладнокровие даже в такие моменты, когда самому Ангусу собраться бывало нелегко.

Между тем капитан продолжал.

— С этим разобрались. Ангус: забирай стрелков у Бенедикта, сколько тебе требуется, потому что отдельно от строя они больше не нужны. Стройтесь для наступления по улицам, как планировали. Прямо по тем, где баррикады: обходить слишком долго. Я думал, что эти улицы окажутся шире... а места там хрен, видно уже. Дрянные карты. Мы с тобой пойдём по этой улице, а Бенедикт по следующей, ну и пусть Люлья догоняет. Дальнее направление оставим мураддинам: всё одно сделали работу за них. Если хотят трофеи, пусть обирают

бедняков. Хер им, а не дворец!

Кто-то из солдат отправился на поиски Бенедикта. Ангус, положив огромный меч на землю, присел рядом с капитаном — силы ему ещё потребуются, это ясно. Нужно отдохнуть. Лейтенант пытался понять: действительно ли Шеймус способен продолжать бой? Ведь если нет, то командовать придётся самому.

Ржавый Капитан, как бы то ни было, не замолкал.

— Доложить о потерях! Вот как. Жопа... Но ладно, могло быть хуже. В лагерь тоже отправьте вестового, едва со стеной и воротами будет решено. Приказ такой: пусть новобранцы и обозные жёны идут сюда. Займутся чем полагается. Как только это станет безопасно! Солдаты нужны в глубине города: нет времени, едва управимся до вечера...

— Думаешь, так долго?

Аркебузир, проходивший мимо, протянул Ангусу флягу: очень вовремя! Вода оказалась несвежая, уже с гнильцой, но лейтенанта это не особо расстроило. Лучше дристать после боя, чем вовсе до победы не дожить. И выдавший виды желудок так просто не проймёшь.

— Думаю. Мы там увидим ещё много интересного, о чём пленный не рассказывал: они слишком спокойно отходят. Знают, скоты, карты в рукаве. Тут ещё воевать и воевать...

Пришлось согласиться с этим безрадостным фактом. Давно отряд не имел дела с городами, столь решительно защищающимися после падения стены. Обычно всё, на что хватало противника — это отступить во внутреннюю цитадель. Которую можно и просто поджечь, особенно не тратя сил.

Шеймус снял шлем, забрал у Ангуса флягу вылил себе на голову остатки воды. Солдат закончил возиться с раной: это даже не походило на нормальную повязку, но Шеймус не собирался снимать доспех. На раны он редко обращал внимание — хотя получил за эти годы великое множество.

Ничего не поделаешь: уж больно заметную цель представлял собой Ржавый Капитан. Его всегда пытались убить в первую очередь — только ни у кого не получалось.

— Всё, хватит прохлаждаться. Дайте новый меч... или что-то вроде.

Шеймус отбросил обломок. Расточительно, надо признать: эфес у сломанного меча был дорогим. Однако капитан никогда не дорожил оружием. Это у рыцарей мечи по наследству переходят: для порядочного наёмника они лишь инструмент, ничего более.

Окружающие замешкались с поисками, но в итоге командиру протянули молот на коротком древке, обитом железом. Ржавый Капитан критически осмотрел оружие, весьма грозное на вид: корончатая головка молота была уравновешена острым клювом на другой стороне, а вверх торчал длинный шип.

— Сойдёт. Хоть об кромку щита не сломается...

— Рыла ломает только так! — заявил щербатый солдат, прежде владевший молотом.

Он явно знал, о чём говорил.

Шеймусу помогли подняться; он пытался отряхнуть запачканный пылью и кровью плащ. Потом выругался и всё-таки попросил свернуть его, чтобы перебросить через плечо — пожертвовал пафосом ради удобства. Рана и без того мешала, это уж как пить дать.

Воронёный шлем вернулся на голову, отдающую главные приказы. Капитан постучал молотом по стальному щиту: большинство не управилось бы с таким. Раза в два тяжелее нормального.

— Знаешь, Ангус, эта штуковина мне нравится! Прямо не терпится опробовать. Ну всё, не стой: начинай построение. Я скоро вернусь — и продолжим атаку.

Капитан зашагал к брешу, даже вполне твёрдым шагом. Ангус не стал размышлять, что командиру там понадобилось.

Уже рассвело: скоро солнце начнёт припекать, а там и настоящий зной близко. Хорошо, что самая трудная часть боя позади! Хотя как знать... Ангус выругал себя за попытку загадывать.

А потом отдал команду долго молчавшим барабанщикам: те принялись отбивать сигнал к построению.

— Флори... ну... соберись! Живым ты сейчас нужнее.

Пусть слова Ирмы прозвучали жестоко, однако были абсолютно правдивы. Давящуюся слезами девушку, что склонилась над покрытым «ржавым» плащом телом, легко было понять — но время для чувств ещё не наступило. Работы предстояло много.

Здесь, в переулке, сложили убитых — а поодаль помогали тем, кому повезло больше. Обозные жёны и подмастерья Кресса наскоро перевязывали раненых. Рекруты кого на руках грузили в телеги, кому помогали забираться туда.

На окраинах бой окончился ещё днём — а сейчас близился вечер, но штурм до сих пор продолжался. Мураддинские ополченцы подвели Ржавый Отряд: сколь серьёзно, столь и предсказуемо. Враг отлично подготовился к схваткам за стеной: мятежники не только сдержали ополчение на одной из улиц, но даже вынудили отступать. Пусть ненадолго и недалеко.

Ирма в военное дело никогда не вникала, но догадывалась: ничего хорошего из этого не вышло. Раненые говорили, что в какой-то момент «ржавые» едва избежали окружения — именно из-за провала союзников.

Сейчас серьёзное сопротивление продолжалось лишь около дворца. Остальной Фадл оказался во власти штурмующих: рассеявшихся по городу солдат халифата и организованно продвигающихся вглубь наёмников.

Однако и здесь, на уже пройденном «ржавыми» пути, могло что-то случиться — поэтому рекруты сопровождали телеги для раненых и трофеев. Если честно, сейчас опасаться стоило не только остатков войска бея или не в меру отважных горожан: никому союзники более не внушали доверия. Ни капельки.

— Флори... ну правда. Перестань.

Флори не послушала: она снова заревела так отчаянно, что у Ирмы встал ком в горле. Оставалось только обнять девушку — вдруг это немного поможет, раз слова бессильны?

Незнакомый переулок посреди города, где ещё остались враги — дурное место для подобных сцен. Но Ирма понимала: на месте Флори она вела бы себя... по меньшей мере не лучше.

Эта мысль больно кольнула. Нет, нет, нет, такого не может быть. Никогда. Даже и думать не смей.

Широкая улица, к которой примыкал переулок, встретила Ирму прекрасно знакомым запахом. Он, может, и не существовал на самом деле — но всегда ощущался. Менестрели при дворах вечно пели о запахе победы. Ирма скорее сказала бы «запах войны». Станный он — такой отталкивающий, противный самой человеческой природе, что хочется приняться получше.

Между булыжниками мостовой виднелась кровь. Где-то она собралась в яркие красные лужицы, полнящиеся сгустками, а где-то засохла бурой грязью. Повсюду — кровь любых оттенков: алая, тёмно-красная, почти чёрная.

О телах мятежников никто не заботился — они остались на своих местах, хаотично разбросанные, словно сломанные куклы. Изрубленные алебардами, пронзённые копьями, размазанные строем по мостовой. Один — с развороченным пулей лицом, другой — с вывалившимися на булыжники кишками, кто-то без руки или ноги — кто знает, куда она

делась? Все полегли вместе: и простые горожане, и регулярный гарнизон с одинаковым узором на щитах, и аристократы, которые лучше прочих смотрелись даже в смерти.

Ржавый Отряд перемолол здесь сотни человек, пытавшихся удержать уличную баррикаду — теперь частично разобранную, частично горящую. Искры весело кружились в дыму и уходили к небу: Ирма всегда любила следить за ними, сидя у костра. Ей нравился огонь. Увы, сейчас не время любоваться.

Ирма приподняла подол и грациозно привстала на носочки: из-под ещё не остывшего мятежника, попавшегося под ноги, натекла большая красная лужа. Словно ручей перешла.

Оказывается, телега для раненых уже уехала, а вместе с ней — и немалая часть молодых солдат, пока не носящих цветов отряда. Лишь несколько новобранцев охраняли другую повозку — туда сваливали приличные вещи, снятые с убитых. Работало около дюжины женщин. Они держались простого правила: тащи в лагерь всё, что кажется хоть немного ценным — потом разберёмся.

Гретель, разминая затекшую спину, с хищным прищуром глядела на высокие купола храмов и величественный дворец — те стояли на возвышенности, потому были видны хорошо. Из домов на окраине многое вынесли сами жильцы, бегущие под защиту последних укреплений. Хотя что горожанам, что их имуществу всё равно некуда деться из окружённого Фадла.

— Много наших полегло...

— А в лагере ещё половина раненых помрёт.

Гретель произнесла это так, словно скорее велела подруге не ныть.

— Жаль Флори. Густав погиб...

— Густав? Жаль, конечно. Но Флори переживёт. Вот я давно к мужикам не привязываюсь и другим не советую.

Ирма постаралась не перемениться в лице, однако подруга её чувства всё-таки поняла.

— Но не тебе, конечно. Зачем тебе советовать? Особый случай...

— Да перестань ты!.. Ну... чего тут особенного?

Гретель промолчала. Развивать эту тему было совершенно ни к чему, но поговорить с кем-то Ирме очень хотелось. Пришлось подумать, как выкрутиться.

— Вестового всё нет?

Гретель покачала головой.

— Пока без новостей: видать, дворец ещё не взяли.

— Но бой затих.

— Угу, давно не стреляют. Может, просто передышка?

Ирма очень надеялась, что затишье всё-таки означает окончание штурма, а не предвещает новую бурю. Женщинам велели пока не продвигаться дальше, потому как небезопасно — а улица через сотню метров делала резкий поворот. Ничего там не разглядишь.

Гретель поняла, как Ирма взволнована.

— Давай думать о хорошем, подруга? Новые шмотки, новые цацки, вкусное вино. Хотя бы три ночи в нормальной кровати! Не знаю уж, как тебя... но меня этот поход доконал. Толком не отдыхали сколько? Месяц?

Действительно: давненько и нормального лагеря не разбивали. Лишь стоянки на несколько дней, а для обустройства хоть какого-то уюта требуется время. В том состояла главная работа обозных жён: делать походную жизнь хоть немного похожей на нормальную.

Наёмники лишены дома, их удел — вечные скитания с войны на войну. А дом значит для человека гораздо больше, нежели полагают те, кто никогда его надолго не покидал.

Под «ржавыми» знамёнами о солдатах заботились. Капитан твердил, что иначе глупо требовать от наёмника большего, чем от обычного бандита. Лордам вечно кажется, будто пехотинец — что-то вроде лошади. А то и хуже, потому как обходится гораздо дешевле.

Но в Ржавом Отряде порядки сложились иные. Ведь и Шеймус, и Ангус, и Рамон Люль когда-то были простыми солдатами. На поля Великой войны их занесло в отрочестве — а теперь каждый разменял пятый десяток.

Подруги приступили к мрачному занятию — давно, впрочем, не вызывавшему переживаний. Ирма обирать мертвецов привыкла, а куда более опытная Гретель и подавно. В остекленевших глазах мертвецов женщины больше не видели безмолвного укора, столь очевидного поначалу.

В горе трупов у опустевшей лавки оказался ещё живой парень, гораздо младше Ирмы. Он лепетал на местном языке, который женщина неплохо понимала. Симпатичный юноша надеялся, наверное, хотя бы увидеть в глазах Ирмы сочувствие. Тщетно. А вот зеркальный нагрудник её заинтересовал: умирающему он без надобности.

Мелькнула мысль добить парня, чтобы не мучился — небольшой кинжал у Ирмы имелся всегда. Однако даже этого женщина не сделала: клинок использовала, чтобы отпороть металл от стёганой основы. Больше взять с гарнизонного солдата оказалось нечего. Его оружие кто-то стащил прежде, а обувь Ирма сочла негодной.

Она уже собралась тащить увесистую железяку к телеге, но тут что-то произошло.

Позади закричали. Ирма увидела, как скучавшие у телеги рекруты встрепенулись, схватили алебарды и бросились на шум. Возможно, ей самой пришла пора бросать всё и бежать — но сначала Ирма всё-таки обернулась.

Как оказалось, убежать вовсе ни к чему.

Убежать пытался мятежник в хорошей броне, наверняка из благородных — пытался в меру сил, поскольку явно был ранен. Ирма не поняла, откуда он взялся: может, прятался в остатках баррикады или притворялся мёртвым. Так или иначе, теперь мураддин стремился скрыться за углом. Оружие он то ли потерял, то ли бросил сознательно — в надежде, что с пустыми руками его преследовать не станут.

Небольшой шанс спастись у него был, ведь новобранцы «ржавых» стояли далековато. Точнее, мог бы быть — не кинься следом сразу пяток женщин во главе с Гретель. Воин был слишком дорого одет, чтобы ему позволили уйти.

— Стой, сволочь!

— Держите его!

Миг спустя женщины повисли на нём, как охотничьи собаки на медведе. Мятежнику стоило сдать: тогда могли и не убить, но этой возможностью мураддин не воспользовался. Отчаянно выкручиваясь, он изловчился ударить одну из обозных жён — да так, что она упала.

Это позволило мужчине вырваться, но одновременно и предрешило судьбу. Убежал мураддин недалеко: его снова окружили со злобными криками. Ирма заметила струю крови, брызнувшую на золотистые волосы Гретель.

Из-за крови подруга Ирмы пришла в жуткую ярость: попыталась всадить кинжал противнику в пах, но попала, кажется, в бедро. Теперь мураддин уже кричал, что сдаётся — слишком поздно. К тому же вцепившиеся в него женщины едва ли что-то поняли: немногие из них знали местный язык.

Мятежник выл, получая уколы со всех сторон, но оставался на ногах. Он рвался то в одну сторону, то в другую — однако надеяться ему было не на что. Новобранцы уже подбежали, только не пустили в ход оружие: побоялись ранить своих. Слишком плотно обозные жёны облепили врага — и слишком яростно он из последних сил вырывался.

Ирма тоже бросилась на помощь — как раз с намерением отогнать подруг, пока кто-то ещё не пострадал. Однако всё закончилось прежде. Гретель, потерявшая в борьбе кинжал, схватила удачно подвернувшийся булыжник.

Открытый шлем врагу не помог: колени подданного Камаль-бея тотчас подкосились. Его прижали к земле, продолжая пырять кинжалами. Мятежник уже не молил о пощаде: издавал только что-то нечленораздельное.

Гретель растолкала подруг и занесла булыжник высоко над головой. Что случилось с лицом мураддина, Ирма догадалась по звуку: предпочла вовремя отвернуться.

— Вот ссука! Это дерьмо не отмоешь... — шипела блондинка, стараясь хоть как-то вытереть и распутать волосы.

Волосами она крайне гордилась, и не зря. Ирма всегда считала, что подруга гораздо красивее неё.

— А вы, дебилы, чего встали? Яне помогите, вашу мать! Если с ней что-то!.. — теперь Гретель кричала уже на рекрутов.

Непонятно, чем и кому она грозила на случай, если с Яной «что-то». Однако спорить с Гретель в такой момент осмелился бы и не каждый младший офицер — нрав красавица имела суровый.

Рекрутам и правда стоило быть внимательнее, но порыв женщин показался Ирме большой глупостью. Далек бы этот мураддин убежал? Куда бы он делся из Фадла?

Яна пыталась остановить кровь из носа и проверяла, на месте ли зубы. Но ничего страшного с ней уж точно не случилось. Новобранцы помогли девушке встать. Тем временем мятежнику отрезали пальцы: перстни на них не поддавались, зато блестели заманчиво. Ноги умирающего ещё подёргивались, когда с них стащили новенькие сапоги.

Под шумок улицу пересекли какие-то бедняки, до сих пор прятавшиеся. Их никто не преследовал — вслед только полетели камни.

— Тупорылые! — Гретель всё не успокаивалась. — Хорошо, что у него сабли не было! Ирма, ну ты представляешь! Говнюк вон там сидел... Выскочил, как вошь!

Ирма только развела руками. Сбор трофеев — не великий риск, но и не самая безопасная работа. Год назад одна из девушек погибла точно так же: муангский солдат, решивший забрать кого-то с собой на тот свет, крупно просчитался. Прожил потом гораздо дольше, чем ожидал...

Ирме пришлось всех успокаивать — и пышущую гневом Гретель, и переживавшую за лицо Яну, и рекрутов, которые наперебой пытались оправдаться.

— Не реви, ничего там страшного: заживёт. Ребята, а вы повнимательнее! И лучше бы вас тут было побольше...

Ирма не имела права приказывать, пусть даже новичкам, однако её слова восприняли именно как приказ. Женщина не знала этих рекрутов в лицо, но что сами новобранцы в курсе, кто она такая — никаких сомнений. Смуглый рекрут из местных сразу побежал за подкреплением.

Но прежде, чем он вернулся, наёмники Шеймуса показались с другой стороны. И это были совсем другие люди: сержант с четырьмя парнями в «ржавых» плащах. Что залитая

кровью Яна, что возня вокруг трупа их совсем не заинтересовали.

Ирма поняла: это долгожданные вестовые. И направились наёмники именно к ней, стоящей посреди живописной сцены.

Почему-то в животе возникло противное ощущение испуга. Предчувствие какое-то. Ирма до боли сжала пальцы, на мгновение зажмурилась. Нет, нет, нет... Всё хорошо. И думать не смей!

— Ирма, тебе надо к капитану. Прямо сейчас, быстро! Мы проводим.

Она только мелко закивала в ответ. Не поняла: хорошо это «надо к капитану, прямо сейчас» или плохо.

— Дворец-то взяли? — поинтересовалась более-менее успокоившаяся Гретель.

— Ну... можно сказать и так. Долго объяснять. Работайте!

Ангус, с рассвета махавший тяжёлым мечом, к вечеру дышал шумно и двигался медленно.

Как обычно, предчувствия на обманули Шеймуса: на улицах всё пошло наперекосяк. Ржавый Отряд встретил массу баррикад и отчаянное сопротивление: многие горожане присоединились к гарнизону. И хоть воевать не умели — храбрости им оказалось не занимать. И капитан с Ангусом, и Бенедикт с Люльей продвигались в сердце города медленно. Однако продвигались. Зато ближе к полудню выяснилось: халифатские ополченцы атаку остановили.

Хуже всего пришлось из-за этого на рыночной площади. Защитники города, воспользовавшись ситуацией, провернули толковую контратаку. Они явно рассчитывали: оказавшись под угрозой окружения, Ржавый Капитан прикажет отойти к стене. Это не могло спасти Фадл само по себе — но перенесло бы развязку на следующий день, а там уж кто знает?

Но капитан предвидел подобное, так что прямо на ходу перестроил план — и наёмники снова перехватили инициативу. Камаль-бей смог лишь задержать их, вынудил развернуть фронт — полдня «ржавые» шли не к центру города, а в сторону, уничтожая слабого врага. Никакого окружения не вышло.

Ангус, как и весь отряд, к вечеру проклинал союзников самым безжалостным образом.

Джамалутдин-паша прислал разодетого в шелка, надушенного посланника: выяснить положение дел. Встретили его неласково. Шеймус долго подбирал хоть сколь-нибудь дипломатичные слова. Говорил он сидя — прямо на мостовой, подложив свой плащ с тигровой шкурой.

— Всё идет как нужно. Времени на подробные разъяснения нет. Если визирь или другие господа желают командовать, то пусть идут сюда и командуют: с радостью уступлю. А если не желают — довольно того, что моё обещание не изменилось. Город мы возьмём сегодня. Не раньше ночи, но возьмём.

— Визирь желает уточнить...

Ангус достаточно понимал мураддинский, чтобы не терять нить разговора — правда, сам говорил на нём плохо. Шеймус заставил большинство офицеров хоть немного изучить местный язык, а уж лейтенантов в первую очередь.

— Визирь уже объяснил мне, чего желает. Будет исполнено.

— Хорошо. В таком случае командиры ополчения...

— Которые бежали к стене? С дезертирами разговор короткий, а штурмом команду именно я. Если этим... командирам нужны головы на плечах, пусть не показываются мне на глаза.

— Однако Джамалутдин-паша командует осадой, и лишь поэтому...

— Осадой, а не штурмом. Осада идёт за стеной. По эту сторону три дня команду я, верно? Таким был уговор. Так и будем действовать. А если что-то изменилось — можем вернуться туда, откуда начали.

Ангус усмехнулся — тут-то капитан кривил душой. Сейчас каждый наёмник желал довести дело до конца, и капитан хотел этого больше всех. Принеси гонец приказ об отходе — назад бы, вероятно, уже не вернулся. А потом, мол: приказа не получили. Мало ли, куда

делись посланники в городе, охваченном боем?

Уже рукой было подать до дворца бея, храмов, арсенала и прочего, к чему Ржавый Отряд стремился. Последние организованные силы мятежников наверняка собрались на центральной площади. Туда и нужно идти — а недобитков пусть гоняют по окраинам ополченцы.

— Всё, пора. Ангус... постройте людей.

Шеймус явно хотел ещё немного отдохнуть. И целый день боя, и рана на нём сказались.

Солдаты тоже вымотались: кряхтели, вставая и поднимая оружие. Вперёд постарались выставить тех, кто посвежее да поцелее. Знамёна вынесли вперёд. Считанные минуты потребовались, чтобы снова собрать крепкий строй из уставших, но готовых идти до конца людей.

Шеймус кренился набок сильнее обычного, но командира исполинского роста всё равно видели даже из дальних рядов. Барабанщики отбили сигнал «внимание» — и стало тихо.

— Я знаю, что вы устали. Я сам устал и страдаю от ран так же, как вы. Никто не обещал лёгкой победы. Зато победа будет сладка, и она практически в наших руках! Осталось последнее, решающее усилие: бой нужно закончить сегодня.

Разумеется, это понимали все. Передышка будет на руку врагу.

— Некоторых из вас я знаю полжизни. Некоторых — уже много лет. Прочих достаточно узнал за год или месяц. Я убеждён: вы найдёте силы на этот рывок — потому что носите «ржавые» цвета, а ржавеет железное!

— Ржавеет железное! — гаркнул Ангус.

— РЖАВЕЕТ ЖЕЛЕЗНОЕ!!! — строй отозвался бодро, но не как на рассвете.

Капитан махнул рукой, барабанщики заиграли в такт шагу. Наёмники двинулись к главной площади.

Ангус шёл впереди, рядом с капитаном. Уже закрадывалась мыслишка отложить большой меч, вооружившись щитом и клинком полегче. Но лейтенант отбросил её из гордости. Если Шеймус, из которого столько крови вытекло, даже не отошёл назад — то и Ангусу надо держаться.

Жара ослабла, и насквозь промокшая под доспехом одежда начинала противно остывать. Хорошо бы снять гамбезон до темноты, когда похолодает резко! О да, этого Ангусу хотелось больше, чем любых благ дворца бея. Какой пир, какие бабы — а вот смыть пот и грязь, переодеться в чистое и сухое... Правда, так Ангус вечно думал именно перед развязкой боя. После победы приоритеты частенько менялись. Не всегда, как в молодости, но... пока ещё часто.

Над головой качались отрядные знамёна. Судя по звуку, отряд заметно растянулся: задние ряды совсем устали. Однако Ангус не волновался за арьергард. Некому сейчас ударить «ржавых» в спину или рассечь фланговой атакой — больших сил вне площади у противника остаться не могло.

Конечно, мятежники заметили наступление. Впереди сигналили трубы, а вот воодушевлённых голосов не слышалось. Но и для наёмников это был не самый простой момент. Умирать-то обидно всегда, однако перед самой победой — особенно! Вечная проблема и затяжных боёв, и затяжных войн.

Скоро главная площадь Фадла предстала перед «ржавыми».

Древний город и прежде производил впечатление, но здесь оказался по-настоящему прекрасен. Особняки щеголяли причудливым излишеством деталей, в которых Ангус

заметил не только мураддинские, но и муангские мотивы. Вместо обычного бульжника площадь была мощена гладкими плитами из камня разных цветов: чёрный, белый, жёлтый и красный складывались в узор. Площадь прорезали два широких пруда с фонтанами, вдоль которых тянулись ряды пальм.

На другом конце площади начиналась белоснежная лестница, ведущая к дворцу, обращённому фасадом к главным воротам. Дворец тоже был белым — удивительно белым для этих пыльных мест. Могучие колонны, фигурные окна, позолоченный купол: не соврали, он прекрасен. Не такой большой, как у халифа в столице — и, стоило признать, чуть менее величественный. Но всё-таки дворец был великолепен.

Площадь Ангуса просто заворожила, хотя он повидал богатые города: и в моменты расцвета, и тогда они уже полыхали. Конечно, гвендл мог оценить лишь красоту: не святость, как правоверные мурадины. Но он всё-таки немного, самую чуточку понял нежелание Валида ар-Гасана и прочих воевать в таком месте.

Защитники Фадла, однако, были очень даже не прочь повоевать.

Гвардейцы Камаль-бея построились перед лестницей. Ступени позади них были усыпаны вооружёнными горожанами — словно от дворцовых дверей бисера набросали. Немало народу собралось и перед главным храмом, стоявшим чуть поодаль.

Мятежники стояли в мрачном молчании, и вид у них был решительный.

Решительный, но в то же время жалковатый. На глаз — меньше тысячи человек, и в основном это уже не воины. Гарнизон и аристократы стояли лишь впереди, сверкая в закатных лучах доспехами, держа крепкие копья и острые сабли. Остальные — с чем попало и в чём попало. Обыкновенные горожане, решившие защищать дом до последнего.

Лейтенанту бросился в глаза один мужик: размером с самого Ангуса, настоящий гигант по меркам мураддинов — чаще всего крепких, но невысоких. Детина был обнажён пояс, до которого почти доставала борода, и сжимал в ручищах топор. Слишком здоровый и для рабочего, и для боевого: местный палач, наверное.

Шеймусу всё это не понравилось.

— Мда... я надеялся, что их будет поменьше. Горожане и правда любят Камалья.

— Или Фадл.

— Или то и другое. Тем проще с приказом визиря: пока всех не перережем — не успокоятся.

Завидев врага, мятежники ничего не предприняли. Ангус ожидал стрельбы, выставленных вперёд копий, но нет: люди Камалья стояли, глядя на наёмников. Беззвучно и неподвижно. Никто не мешал Ржавому Отряду выйти на площадь, хотя стоило бы. И никаких больше баррикад.

Это не к добру. Странное бездействие. Даже Шеймус удивился, немного замешкался.

— Что будем делать?

— Гадать не станем: выходим на площадь. Мы с тобой идём воон туда. — Шеймус указал позицию по центру. — Регендорф! Ты собирай людей из задних рядов справа, а Бенедикт слева. Стрелков вперёд. Люлья пусть стережёт тыл... и глядит в оба. В оба глядит! Тут что-то, сука, не так...

«Не так», это точно.

Авангард вышел на площадь, расположился между фонтанами; бойцы Бенедикта и Регендорфа растеклись из-за спин основного отряда и выстроились на флангах. Армии замерли друг против друга. Противник бездействовал, хотя «ржавые» были весьма уязвимы,

пока разворачивали боевой порядок. Даже не попытаться этим воспользоваться?

— Да какого хрена...

Наёмников на площади оказалось заметно больше, чем людей Камалья. А ведь ещё имелся и кое-какой резерв, пусть совсем скудный, но имелся... Тогда как господин Фадла точно бросил на стол все карты. Или нет? У Ангуса на лбу выступил пот, только не от физического усилия. Ясное дело: что-то бей придумал, но что?

Тут ряды гвардейцев Фадла расступились, пропустив вперёд несколько человек. Один из них нёс белый флаг, однако не поднятым, а на выставленном древке — видать, это не капитуляция. Это...

— Говорить желают! — воскликнул Ржавый Капитан с восторгом учёного мужа, разрешившего сложнейшую загадку мироздания.

— Значит, это сам Камаль-бей...

Впереди свиты шагал довольно рослый мужчина: даже с такого расстояния было понятно, сколько стоит его боевое облачение. Порядочно, порядочно стоит.

— Раз хочет поговорить... почему нет? Это любопытно. — Шеймус отдал ближайшему солдату щит, а молот повесил на петлю, где прежде находились ножны. — Ангус, поди-ка со мной. А ещё ты... и ты. Идём.

Лейтенант перехватил двуручник за лезвие, положив на плечо. Двое солдат в «ржавых» плащах, вооружённые аркебузами, шагали позади командиров. Шеймус на ходу снял шлем — понёс его в руке. Ангус снимать шлем не собирался.

— Смотри внимательно. Будь готов.

Ангус понял, о чём речь. Ржавый Капитан никогда не увиливал от драки, не кланялся арбалетным болтам и не прятался за чужие спины. Однако и не считал себя бессмертным, тем паче — при неприятной ране. Храбрость Шеймуса всегда кончалась ровно перед чертой, за которой уже начиналось безрассудство.

Или почти всегда.

— Не беспокойся.

«Ржавые» шагали быстрее мятежников, так что и вышли на середину площади раньше. Отсюда до лестницы — ровно столько, что убить из арбалета ещё возможно, только вот попасть уже крайне трудно. Неплохо. Однако не повод расслабляться.

Ну точно ведь что-то задумали! Может, на «ржавых» командиров уже какая-нибудь пушка наведена? Бред, негде её спрятать... Что тогда? Ангус не мог представить, о чём планируется разговор — ну хоть тресни, Камаль-бею нечего предлагать и бессмысленно что-либо выпрашивать. Он не дурак и понимает это. Странная ситуация породила в голове гвендла самые безумные идеи: вроде мины под центром площади, например.

Парламентёры приблизились. Свита остановилась метрах в десяти, а сам Камаль-бей двинулся дальше. Шеймус, велев своим солдатам стоять на месте, тоже сделал несколько шагов. Ангус последовал за ним, расположившись на шаг сбоку и сзади.

Да уж: доспех Камаль-бея нацепил потрясающий. Конечно, это не полные латы, давно привычные в Ульмисе — в Шере их никто не носил. Броня правителя Фадла состояла из очень толстой и плотной кольчуги, усиленной зеркалом во всю грудь, множеством пластин на руках и боках. Но какая работа! Искуснейшее травление, тонкая гравировка — жалко ломать такое. И не поймёшь, из чего сделана кольчуга: её же не серебрили, нет. Словно железо сразу плавил с серебром. Так бывает?..

Голову бея покрывал остроконечный шлем, а лицо скрывала позолоченная личина:

бесстрастное металлическое лицо, выполненное в мельчайших деталях. Мураддины любили такие штуковины, и Ангус всегда отмечал — не просто красиво. Страшновато.

Впрочем, лицо Шеймуса было столь же непроницаемым. И рыбий взгляд выражал не больше, чем тёмные глазные прорезы. Даже рябая кожа капитана чем-то напоминала золото на маске Камалая.

Тут уж они оказались друг другу под стать.

— Я стою с открытым лицом, Камаль-бей, а ты не показываешь своего! Невежливо. Будет стоять жизни, если сделаешь ещё шаг!

Шеймус поднял ладонь, давая понять — готов скомандовать аркебузирам. Командир мятежников остановился и поднял маску, закреплённую на шарнире.

— Вон оно чо... — пробормотал Ангус.

Это определённо был не Камаль-бей.

Пусть в лицо местного господина наёмники не знали — но Камаль-бею больше полувека от роду. Хорошенько за полвека: «почти старый», как говорили мураддины. А тут — юноша: даже бороды ещё не отрастил!

— Прошу простить мою неучтивость, Ржавый Капитан. Лишь обстоятельства вынудили пойти на эту небольшую хитрость: не бесчестье или подлость. Я опасался, что прославленный командир штурма не станет со мной разговаривать.

— Совершенно верно, не стал бы. Я и сейчас не хочу.

Тот факт, что юноша не назвал капитана Висельником, ещё ничего не значил. Положение у Фадла такое: пора тщательно выбирать слова. Хотя бесконечные кружева вежливых оборотов, за которыми суть беседы забудешь — черта почти всех знатных мурадинов. Ангуса тошнило от их приторной обходительности. Рамон Люлья про это говорил: «Будто всё время наебать пытаются». Грубо, но справедливо.

— И всё же я осмелюсь просить вас о небольшом, но очень важном разговоре.

— Назовись для начала! Меня-то ты уже знаешь.

Юноша слегка склонил голову. Ровно настолько, чтобы это было вежливо, но ничего не означало.

— Вас невозможно не узнать, капитан. А моё имя Хуссейн. Теперь, впрочем — уже Хуссейн-бей. Мой отец, увы, не может вести переговоры: он час назад скончался от ран, которые нанесли ваши люди. А трое моих старших братьев погибли ещё у стены.

Наследник Камалая, как и почти любой человек на свете, вынужден был смотреть в лицо Шеймуса снизу вверх — хоть и не был коротышкой. Капитан даже попытался немного выпрямиться, чтобы Хуссейн задира голову ещё выше.

— Что ж, они умерли неплохой смертью. Поздравляю с обретением титула, Хуссейн-бей, пусть и недолго осталось тебе его носить. Сам видишь: твоё дело безнадёжно. Сложи оружие и уповай на милость Джамалутдина-паши.

Юный бей грустно улыбнулся.

— Милость визиря? Не вы ли суть прямое явление воли халифа: для моего города и моего рода?

— Не совсем. Я не прочь избежать работы палача. Если немедленно сложишь оружие, я не казнию ни тебя, ни твоих выживших родных. Передам всех визирю: пусть решается между вами. Мне всё равно. Моё дело — взятие города, и город я взял.

— Всё-таки ещё не взяли. — Хуссейн кивнул на остатки своего войска за спиной. — Хотя вы правы в одном: положение наше безнадёжно. А безнадежнее всего то, что я

приговорён халифом, как и вся моя родня. Это немного глупо. Дело в том... если сочтёте мою откровенность уместной в такой момент... Я сам не знаю, отчего отец решился на мятеж. Он никому не раскрыл этого. Даже на смертном одре, да упокоит его душу Иам.

— Вздор. Тут нет ничего безнадёжного. Халиф отдал приказ сгоряча. Сдайся, убеди визиря доставить тебя в столицу, упав в ноги халифу и моли о пощаде. Есть шанс, что он смилостивится. Раз ты даже не знаешь, за что сражаешься — так и следует поступить.

Ангус счёл, что капитан говорит вполне искренне. Раз Джамалутдин-паша не решился вести войска на штурм, то и казнить семью Камаля тоже может не решиться. А после — кто знает? Если Хуссейн не лгал, что даже не в курсе причин восстания, то теперь бой утратил всякий смысл.

Но Хуссейн лишь покачал головой.

— Быть может, и так. Если милосердие чуждо халифу, то возможно — мудрость и воля Иама, да будет он славен во веки веков, сотворят небольшое чудо. Я надеюсь на пощаду для моей матери и малолетнего брата. Но сам в ноги врагу отца не упаду. Нет. Мне это не нужно.

— Мальчик... — Шеймус закатил глаза.

Ангус хорошо знал, насколько капитан ненавидит такое поведение.

— Вообразил себя героем? Чушь. Не вижу ничего героического в твоей готовности к смерти. Любой может смириться с ней в последний момент, уж поверь: я видел, как умирают. Самые жалкие люди на свете находили силы плюнуть мне в рожу напоследок. А вот жить дальше, вопреки всему... на это не каждый способен. Повторяю: сдайся. Вымоли пощаду. А потом поступай как знаешь: хоть подними новый мятеж через год-другой. Почему нет? Меня в халифате уже не будет.

Сын Камаля выслушал Шеймуса спокойно, но без особого интереса.

— При всём уважении, капитан... не нужно поучений. Я сам умею умирать. Я не поступлюсь своей честью, а равно и памятью отца. Однако людям за моей спиной и правда не за что больше биться. Поэтому они сложат оружие. Но при одном условии.

Ангус едва меч не выронил. Что? Многое гвендл повидал, шагая в строю с малолетства, но такое... Ржавый Капитан был удивлён не меньше.

— Условие? Ты собрался выдвигать условия?..

— Выслушайте меня, пожалуйста. Я всё объясню, если соблаговолите дать немного, самую толику времени. И позвольте один вопрос... Мой отец многое знал о вас. Он рассказывал: в годы Великой войны вы служили под началом командора Гонсало Мендосы, Волка Мелиньи. Это правда?

Имя давно покойного командора, произнесённое совсем негромко, для Ангуса оказалось подобно грому или залпу целой батареи. Он едва не вытянулся по струнке. И даже Шеймус чуть изменился в лице. Его тонкие губы зашевелились, но поначалу ничего не произнесли. Капитан тщательно подбирал слова.

Подобрал в итоге самые простые и важные.

— Да. Служил.

— Командор Мендоса был великим полководцем: даже до земель Шера докатилась его слава. Отец рассказывал: хоть Волк Мелиньи и был наёмником, но при том настоящим... как говорят за океаном... рыцарем. И говорят, вы стремитесь быть похожим на него.

— Рыцарем он не был. Ни в коем случае, никогда. Но...

Шеймус на мгновение замолк, опустив глаза, а потом сказал гораздо больше, чем можно было ожидать. Впрочем... он всегда менялся, когда речь заходила о Мендосе.

— Вот что я тебе расскажу о Мендосе, мальчик. Я был тогда младше, чем ты сейчас... полгода нам не платили жалования, такое бывает. Ни у кого не осталось ни гроша, и сражений не было — так что сидели без трофеев. Уже жрать нечего, а мы стоим в союзном городе: грабить нельзя. Тогда командор объявил, что ещё до первых холодов рассчитается по долгам своих людей, и стал лично выписывать бумажки с суммами. Вместо монет. И я не про не векселя, с которыми пойдёшь только к балеарским банкирам. Нет. Эти бумажки принимал каждый трактирщик, каждый лавочник, каждая шляха. Потому что Мендоса обещал их оплатить.

Ангус прекрасно помнил те бумажки.

— Смекаешь, мальчик? Да: я стремлюсь стать таким командиром, чьё слово готовы принимать по цене золота. Но мать твою! Какого рожна мы об этом говорим?!

Хоть капитан немного вспылил, юный бей сохранил самообладание.

— Именно потому я и надеюсь, что отец не зря считал вас... в определённом смысле человеком чести, пусть и несколько другой чести, нежели была у него самого. Условия просты. Мои люди готовы сложить оружие, мои родные сдадутся на милость визиря. Почти весь Фадл уже в ваших руках. Но вот только дворец и храмы мы вам на поругание отдать не готовы. Они святы и просто не имеют цены. Они значат больше моей жизни, больше жизни моего отца, даже больше власти халифа. Поэтому...

— Контрибуцию предлагать без толку. Я сам заберу всё, что у вас есть.

— Я предлагаю не контрибуцию. Если выразаться точнее, и её... но при определённых условиях. Центр города я вам не отдам. Вы можете забрать его сами, это совершенно верно: но гибели тех, кто стоит сейчас позади, я тоже не желаю. Потому выход только один. Я предлагаю решить дело поединком.

Ангус и так уже давно не верил ушам. Но Хуссейн говорил абсолютно серьёзно, его лицо выражало полнейшую решимость. Капитан прыснул смехом. Да что там — он раскатисто захохотал, едва сумев выдать лишь одно слово:

— Поединком?!

Не сдержался и лейтенант. Такой смешной шутки война давно не подкидывала! Но Хуссейн и теперь ничуть не смутился. Может, от великой серьёзности настроения. Может — потому как хорошо понимал, что переговоры ведёт не с куртуазными господами.

— Как я уже сказал, защитники Фадла в любом случае прекратят сопротивление. Если рассудит Иам так, что я погибну, то клянусь: более никто в этом городе не учинит вам препятствия. Дворец, храмы... всё это будет в ваших руках по праву. Но если погибнете вы... Вот тут и уповаю на слово, ценимое наравне с золотом. Я верю, что в этом случае наёмники примут наше оружие, передадут моих родных визирю. Но не тронут святого, а удовлетворятся контрибуцией. Щедрой, конечно. И не позволят осквернить сердце города ополченцам, многие из которых не достойны даже ступить по нему.

Шеймус едва унялся: аж слезу смахнул.

— Мальчик! Во-первых: ты уверен, что правильно понимаешь обычаи войны? Поединки предлагают до начала штурма, а не перед концом. У твоего отца была такая возможность. И знаешь... Пожалуй, его вызов я бы принял. Во-вторых, твой-то вовсе принимать смешно! Уж прости, но даже при новом титуле ты — просто сопляк. Хочешь покончить с собой? Гляди: вон тот минарет достаточно высок. Благородные вассалы халифа изволили переложить мне на плечи то, что самим нести тяжко. И ты этого желаешь? Ну уж нет! Хорош меня запрягать, я не мерин.

Вот теперь Хуссейн открыто оскорбился. Пусть ещё не росла борода, он сын Камаля был довольно крепким. И сам себя, понятное дело, считал воином. Благородная кровь, что тут скажешь: каждый второй с пелёнок — боец. Хотя бы в собственном воображении.

— Вы не видели, как я сражаюсь, капитан.

— Мне довольно видеть, как ты ходишь. Я очень, очень опытен в этих делах, мальчик. Я предлагаю шанс сохранить жизнь, а ты хочешь поединка, в котором найдёшь только смерть. Рановато умирать, Хуссейн-бей. Ты хоть голую бабу-то видал?

Учитывая, как юный бей при этих словах покраснел, ответ был не обязателен.

— Я не женат.

— Ну вот! Не суть, впрочем. Если представить невероятное, то есть твою победу, эти условия всё равно неприемлемы. «Ржавым» ни к чему контрибуция: им нужно насладиться победой. В полной мере. Победитель получает всё, мальчик — этому отец тебя не учил?

— Может быть, у меня действительно мало шансов на победу. Но напомню, капитан: я сам умею умирать.

— О, так вот оно что.

Ржавый Капитан подступил к Хуссейну: навис над ним, словно старое кривое дерево. По лицу расплылась улыбка — одновременно и надменная, и саркастическая, и зловещая.

— Полагаешь, будто смело глядишь в глаза судьбе? Разочарую, мальчик. Это не бесстрашие, а проявление слабости и малодушия. Ты никакой не герой, бесстрашный пред ликом смерти. Ты трус, боящийся взглянуть в лицо поражению. Тебе проще погибнуть от моей руки, чем преклонить колени перед визирем и халифом. Чем смотреть, что мои солдаты сделают с этим прекрасным городом. Я кое-что знаю о жизни и смерти, мальчик... Умирать легко. Жить трудно.

Хуссейн уже хотел возразить, сведя густые чёрные брови, но Шеймус продолжал.

— Однако ты надеешься, что другие не понимают очевидного для меня. Что в глазах подданных твоя смерть будет героической. Что о тебе сложат песни, напишут красивые стихи. Так, верно? Ха! Этого, Хуссейн-бей, тоже не будет. Я не рыцарь. И дерусь не ради чести, а только ради результата. Мне доводилось бросать или принимать подобные вызовы, и ни одному врагу я не дал красивой смерти. Такой, которая воодушевила бы его соратников.

Ангус прекрасно понимал, к чему клонит его капитан. Он видел те поединки. Шли они очень по-разному, а вот кончались одинаково...

— Никто из моих противников не умер героически, мальчик. Они все были унижены. Они страдали, и не подумай, будто мне это приносило удовольствие. Нет. Я хотел одного: чтобы смерть врага внушила всем вокруг страх. У тебя есть высокий титул, которому нужно соответствовать. А у меня даже фамилии нет. Есть только репутация, которую нужно строить и поддерживать. Понимаешь разницу?..

Хуссейн уже не знал, что ответить. Его лицо почти утратило те суровость и решительность, что выражало до тирады капитана. Ангус заметил: руки юного бей задрожали.

Ржавый Капитан шагнул назад.

— Знаешь... Я слишком долго уговаривал тебя остаться в живых и сберечь жизни подданных. Хочешь умереть? Так умри достойно, как отец и братья — ведя своих людей в бой. Зальём кровью эту прекрасную площадь, и тебе не придётся видеть всё, что случится с Фадлом. Если не сложишь оружие прежде, чем я вернусь к своим людям — будет поздно.

С этими словами Шеймус развернулся и без спешки зашагал обратно. Ангус не совсем

понял, что происходит: капитан правда предпочтёт вести отряд в бой? Или это просто игра, в которой нервы Хуссейна должны сдать? Возможно, капитан точно знал, что да зачем делал. Возможно, на этой проклятой площади только всякие глупости и творятся. Или дело в разговоре о Мендосе...

Ангус был готов ко всему. Как обычно.

Он попятился за капитаном. Аркебузиры тоже отступали, следя за противником. Но они не ушли далеко, а Шеймус не успел вернуть на голову шлем. Он остановился, услышав лёгкий звон стали о сталь.

Сын Камаль-бея обнажил саблю, однако бросать её не торопился. Его могли застрелить в тот же миг. Мог атаковать Ангус, но безмолвный знак Шеймуса все поняли: не вмешиваться.

— Нет, Ржавый Капитан. Всё уже решено: один из нас отсюда не уйдёт.

Шеймус сохранил позу, в которой замер — только немного повернул голову.

— Я ведь объяснил: это бессмысленно. Даже если победишь — твои условия не будут исполнены.

Дрожь в руке Хуссейн-бея явственно передавалась клинку. Дрожало в злобе и его лицо. Зато голос прозвучал — как гвоздь в крышку гроба забивают:

— Да и пусть! Дело не в условиях. Дело не в чести. Не в святости. Вы пришли в мой город, убили моего отца и братьев. Я собираюсь убить вас, вот и всё.

— Ааа... Вот это понятное желание. Ну... Занимай очередь: в ней уже стоят многие. Включая твоих врагов.

Шеймус вновь зашагал к строю наёмников, не глядя на Хуссейна.

— Капитан! Если думаете, что я не ударю вас в спину, то ошибаетесь!

Юноша опустил золочёную маску на лицо и поднял саблю. Вот теперь Ангус всё понял. Ну точно: так это и должно было закончиться... Именно так.

— Бей, если нужно.

Хуссейн-бей взмахнул рукой: красный свет заката блеснул на клинке. Хороший удар, но Ангус сразу понял — помощь не требуется.

Шеймус, даже не обернувшись, отмахнулся. «Звяк»: сабля ударилась то ли об латную перчатку, то ли об шлем, зажатый в руке капитана. Юноша не успел вернуть контроль над слегка заплывавшим в руке клинком. Капитанский шлем врезался ему в голову.

Громкий звон раздался дважды. Сначала от удара двух железяк друг об друга. Затем — когда бей рухнул на землю.

Мураддины попытались вмешаться: один хотел остановить происходящее, другой потянулся за оружием с намерением недобрым. Вот теперь настал черёд Ангуса — его огромный меч оказался между беем и свитой.

— Поединок! Это поединок! Поняли?

Ангус не был уверен, что впопыхах правильно подобрал слово.

Да: это был тот самый поединок, которого страстно желал Хуссейн — правда, он протекал иначе, чем юноше наверняка представлялось. Бей пришёл в себя, даже начал подниматься. В это время Шеймус, ничуть не обеспокоенный, надевал шлем. Его молот так и остался на поясе.

Новый удар Хуссейн решил нанести, ещё не встав на ноги: уколол саблей снизу, рассчитывая на неожиданность. Однако Ржавый Капитан даже не отскочил, не подставил под саблю доспех. Он перехватил клинок рукой: зажал его в ладони достаточно крепко,

чтобы остановить.

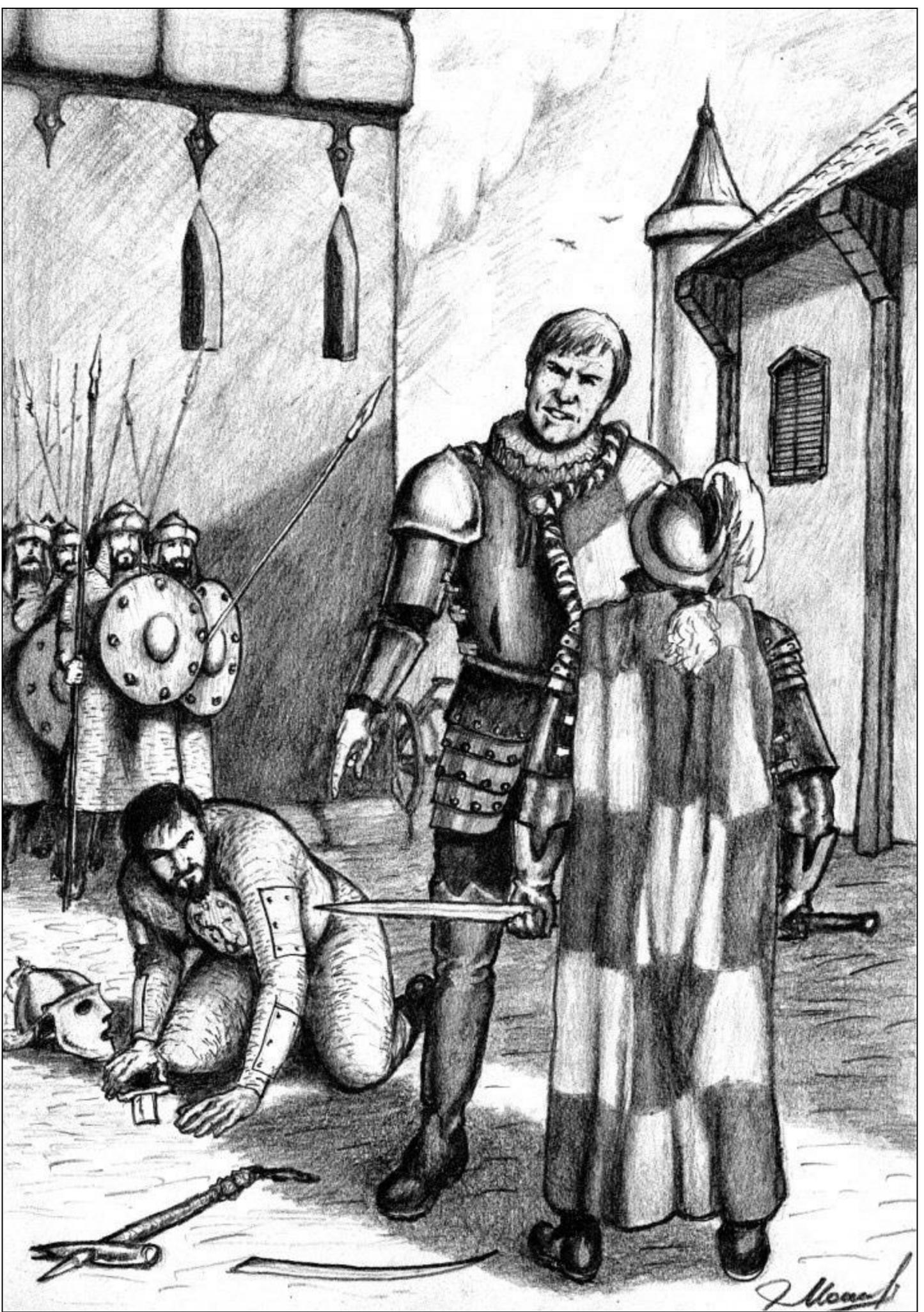
— Я предупреждал, мальчик.

По сабле пробежала тонкая струйка крови: острая штука, поддетую под железо кожаную перчатку всё-таки прорезала. Но толку? Шеймусу ничего не стоило теперь взяться за молот и нанести смертельный удар.

Вместо этого капитан лишь напряг руку. Сабля с жалобным звоном сломалась, наполовину оставшись в ладони наёмника.

Можно было заколоть юношу обломком, но и так Шеймус не поступил. Кусок сабли он воткнул Хуссейну в ногу: пока тот кричал, капитан обошёл лежащего по кругу. Чуть подумав, наёмник всё-таки снял молот с пояса — лишь чтобы бросить его на землю перед Хуссейном.

— Раз остался без оружия, возьми моё.

Жаль, что лицо юного бея скрывала личина: Ангус не отказался бы глянуть на его гримасу в этот момент. Конечно, принимать такую подачку Хуссейн не желал. Воин из свиты снова потянулся к своей сабле: наверняка хотел предложить её повелителю. Однако Ангус, поведя двуручником, ясно дал понять — лучше никому и никак не вмешиваться.

— Возьми, раз решил драться. Если думаешь, что я не убью безоружного, то ошибаешься.

Может, подействовала издёвка. Может, Хуссейн-бей решил, что теперь не время для гордости. Так или иначе, выдернув из ноги обломок сабли, он бросился к молоту. Вернее, как это сказать: «бросился»? Почти на четвереньках. Ничего героического...

Рукоятка молота вернула Хуссейну уверенность. Несмотря на проткнутую ногу и, без сомнений, славно отбитую голову — юноша поднимался на ноги. Молча. Зато Ангусу показалось, будто он через прорези в маске видит, какой яростью пылают глаза мураддина.

Шеймус не шелохнулся. Он стоял над Хуссейном с пустыми руками, хотя имел при себе кинжал. Позволил противнику и встать, и даже ударить.

Хуссейн смекнул, что коротким молотом до головы капитана едва дотянется: плохая цель. Он метил шипом, венчающим оружие, под край кирасы — один такой удар капитан сегодня уже пропустил.

Но ведь то случилось не в поединке! Шеймус не слыл великим мастером фехтования. Полагался на рост и силу: ведь и в том, и в другом сравниться с ним было почти некому. Однако правильно использовать доспех Шеймус всё же умел.

Шип соскользнул по кирасе, а шанса на второй удар у Хуссейна уже не было. Шеймус обхватил его длинными руками, притянул к себе. Ангусу вспомнил давным-давно виденную картину, на которой сама Смерть — такая же высокая и иссушенная, обнимала человека.

Одной рукой Ржавый Капитан прихватил сзади шею противника, а ладонь другой легла на купол шлема. Хуссейн мог и не пытаться вырваться: бесполезно. Знаменитая байка об убитом голыми руками тигре была лишь байкой, конечно. Но как Шеймус одними пальцами вязал в узлы толстые гвозди, словно пряжа нитку — это многие воочию видели.

Шею Хуссейна капитан сломал легче, чем солдат на привале сухарь ломает. Тело юноши обмякло: Шеймус разжал захват, и труп сполз к его ногам.

Капитан не торжествовал. Только обернулся к застывшим мураддинам, пожав плечами.

— Ну? Настало время для ключей от города? Или что у вас заведено на подобный случай?

— Я огонь. Я смерть. Понимаешь? А? А?! Ааа?!

Хозяин особняка, стоявшего в двух шагах от главной площади, не понимал.

Логично: богач не знал языка, на котором говорил наёмник, тычущий ему в лицо аркебузой. А кабы знал — всё равно был не в том состоянии, когда человек способен толком соображать. Слишком напуган и слишком раздавлен тем, что пришлось увидеть.

Зато Игги, перебиравший струны местного инструмента, похожего на лютню — отлично понимал, о чём говорил Кеннет. Может, и лучше самого Кеннета, даром что был гораздо младше.

Ещё бы! Отец наверняка зачал его, едва отложив в сторону пищаль. Маленький Игги любил играть с фитильным замком, ещё не представляя, какую власть нехитрое устройство подарит ему через полтора десятка лет. Быть огнём, быть смертью. Тот мальчик увлечённо катал по дну обозной телеги пули, пока отец посылал такие же во врагов. А после мать обирала тела несчастных, которым не повезло оказаться на пути свинцовых шариков — для Игги пока лишь игрушек.

Неважно, кто перед тобой, если держишь в руках аркебузу. Неуклюжий крестьянин, с вилами наперевес защищающий свой хутор? Старый солдат, перерубивший алебардой больше хребтов, чем дровосек — деревьев? Блистательный рыцарь, у которого до войны на уме были турниры да прекрасные дамы? Всё одно: для них ты — огонь, смерть. Вспышка, грохот, и каждый равен перед тобой, словно перед божеством. А теперь — заряжай. Отступи под пики, прочисти ствол шомполом, засыпь порох, загони вслед свинцовый кругляш с кусочком ткани. Щепотку порошка на пороховую полку, да не забудь про крышку, а то просыплется. Раздуй фитиль или взведи замок.

Вот и вся огненная магия — без сказок про драконов.

— Ни хрена он не понимает. Карл, переведи. Ты ж болтаешь по-ихнему!

— Да хорош! Не видишь: с них хватит уже.

Игги ответил за Карла, который только жевал да запивал, словно баранины с вином не видал сто лет. Хотя таких хороших — и правда... давно не попадалось.

Кеннет, худой белобрысый мужик за тридцать, убрал пахнущий порохом ствол от лица вельможи. А может, то был просто богатый купец: солдат подробности не интересовали. Главное, что в доме всего было полно — и стоило за ценностями приглядеть. А заодно отпраздновать победу.

— Ну а ты чего такая невесёлая? Хозяева города в гостях. Это ведь праздник! Вон, у нас и музыка есть: Игги славно играет. Нравится?

Красивая девушка, хозяйская дочка, сидела за столом почти без движения — лишь пыталась отвести заплаканные чёрные глаза подальше от наёмников. Слов Кеннета она, разумеется, тоже не поняла: только вжала голову в плечи.

— Ничего с них, Игги, не хватит. Эти ублюдки убили Густава. А Густав был мой старый друг! Вместе плащи получали, так-то.

Ясное дело: ни богач, ни его дочка Густава не убивали. И останься десятник жив — вряд ли судьба хозяев дома сильно изменилась бы. У всего Фадла теперь одна судьба.

Игги сосредоточился на струнах и в сторону девушки старался не смотреть. Теперь при взгляде на неё юному солдату делалось не по себе. Злоба на врага и обида за своё увечье

нашли выход. Что под руку подвернулась именно эта знатная мураддинка, а не какая-то другая — просто случай.

Злобу насилие утоляет хорошо, это правда. Однако новый глаз у Игги вырастать как-то не спешил. Да и Густав не воскрес.

Игги всегда видел большую разницу между собой и Кеннетом, но в последние пару часов она как-то стёрлась. Как это называется... «стыд», наверное?

— А вообще-то... — Кеннет уселся на стол и потянулся за кубком. — Порешить говнюка надо. Не нравится он мне. Глянь на эту рожу! Наверняка извращенец и курит маковое зелье. А ещё эта скотина мне лгала. Прямо, сука, в лицо!

Под ложью солдат имел в виду лепетание богача: дескать, женщин здесь нет, кроме его жены и прислуги. Никто не поверил. Дом ломился от нарядов, на которые служанка за полжизни не заработает. А хозяйка смогла бы натянуть эти платья на свои тела лет двадцать назад. И то не факт...

— Капитан велел грабить местных. Не вырезать. И справедливо, город ведь сдался. Мне что, Кеннет, обычаи тебе объяснять?

Конечно, Кеннет сам понимал: убийство вельможи офицеры осудят. Команды на резню не было, мураддин не защищал имущество с оружием в руках. Не положено его убивать. Такой поступок мог повлечь последствия... а мог и не повлечь, это как повезёт. Но рисковать-то зачем?

Игги полагал: если вельможа и заслужил за вполне естественное поведение какое-то наказание, то уже понёс его сполна. Кеннет заставил его смотреть на всё случившееся.

Если честно, Кеннет никогда юноше не нравился. Да он вообще мало кому был симпатичен. Свой «ржавый» плащ стрелок получил по делу: единицы обращались с аркебузой настолько ловко. Но излишнюю жестокость под этими знамёнами никогда не одобряли — одобряли оправданную и управляемую. А у Кеннета тяга к насилию имела совершенно болезненный характер.

— Знаю я всё, знаю... Карл, да скажи ты ей, шоб меня не боялась! Я уже добрый.

— Дай пожрать спокойно.

Девушка Кеннету и правда уже не была особо интересна — мучить людей ему нравилось лишь до момента, когда они оказывались сломлены. После очередная игрушка теряла привлекательность. Но это не значит, что за Кеннетом не надо присматривать. Ведь возможные взыскания легли бы на всех девятерых.

Так уж повелось в Ржавом Отряде: десятина вместе живёт, вместе сражается и делится всем, что имеет. Будь то провиант или ответственность за проступок.

Подняв единственный глаз к расписному потолку, Игги перешёл с импровизации на любимую мелодию: наёмники узнали её с первых аккордов. Карл одобрительно замычал забитым ртом и замахал руками, Кеннет поднял кубок.

Карл, Кеннет и Седой Арджи давно носили свои плащи. Потому денег у них водилось больше, чем у Игги — что было легко заметить. Если одноглазый юноша носил самый обыкновенный гамбезон, крашенный оранжевым и красным, то одежды товарищей блистали буффами, оборками и декоративными разрезами до подкладки. Местами и бархатом обшиты. Карл на каждом из толстых пальцев носил по перстню, ни один из которых не покупал. На шее Кеннета болтался огромный золотой медальон с каким-то религиозным символом: солдат даже не знал, чьего бога тот обозначает.

Разве что доспехи, сейчас уже в основном снятые, у всех тут были почти одинаковыми.

О броне заботились в первую очередь. Аркебузиры нечасто вступали в ближний бой, так что обычно ограничивались шлемами и приличными кирасами.

Послушать игру и пение Игги все любили. Кеннет соскочил со стола, подхватил мураддинку и закружился с ней в танце. Девушка в его руках напоминала куклу: плясать ей явно не хотелось. Хозяин дома смотрел как-то сквозь всё и молчал.

Седой Арджи танцевать и подпевать не спешил. Он привстал, чтобы дотянуться до оставленной Кеннетом на столе аркебузы. Бросать оружие абы как — дурная идея, всё правильно.

Песня чуть разогнала тоску Игги. Музыка всегда помогала ему. Может, потеря глаза — и не самое страшное: не мешает ни играть, ни стрелять. Вот кабы с пальцами что... Но едва Игги подумал о том, как теперь выглядит половина его лица, скрытая повязкой — снова сделалось невесело.

Когда Кеннету наконец наскучило таскать несчастную девушку по залу, он налил себе ещё вина и забрал оружие у Арджи. Белобрысый солдат снова взгромоздился на стол, положив аркебузу на колени. Игги отчётливо помнил: ружьё заряжено, а выпил его сослуживец порядочно. Обоими соображениями Игги поделился с окружающими, как только допел.

— Да не ссы: у меня замок не заведён.

Кеннет предпочитал колесцовый, заводимый ключом и высекающий искру. Игги подобной конструкции не доверял. Фитиль — не так модно и удобно, быть может. Зато надёжно.

— И вообще! Я теперь почти десятник, между прочим. А кого ещё назначат? Так что давай-ка, Игги: не указывай.

Игги фыркнул. Кого угодно назначат, хоть Арджи или Карла, но уж точно не Кеннета: никто из сержантов его кандидатуру не одобрил бы. Носить плащ по праву — это одно, но командовать — совсем другое.

Однако спорить юноша не стал.

Зал располагался на втором этаже. Судя по звукам снизу, имущество хозяина дома уже начало перекочёвывать в телеги Ржавого Отряда. Оставшаяся без десятника компания не получила пока иных приказов, кроме отдыха — отличившиеся в бою имели на него полное право. Поэтому Игги, Кеннет, Седой Арджи и Карл не торопились вниз: там распорядились менее опытные солдаты их десятины.

Игги продолжил играть, стараясь не слушать болтовни Кеннета. Карл по-прежнему предавался чревоугодию. Тем временем Арджи, выразительно покряхтев, встал из-за стола: захотел прогуляться по залу. Скоро он оказался возле окна, и что-то привлекло внимание ветерана.

— Хм... Мураддины к дворцу идут.

— Ополченцы, что ль? Каяться?

— Да не. Паланкин с кортежем. Мож, визирь к капитану поехал?

Игги показалось странным, что визирь решил явиться во дворец. Насколько он понял, Фадл полностью отдал в руки наёмников на ближайшие дни — но верняк была какая-то достойная причина. Не солдатского ума дело: если потребуется о чём-то знать, придёт вестовой.

И всё же Игги, не выпуская инструмент из рук, тоже подошёл к окну.

По улице, на углу которой стоял дом, двигалась солидная процессия. В центре —

богатые крытые носилки, определённо принадлежащие Джамалутдину-паше. Их сопровождал отряд конницы Святого Воинства и пеших телохранителей. Игги даже показалось, что он разглядел среди мураддинов самого Валида ар-Гасана.

А вот несколько всадников, ехавших в хвосте колонны, к охране не относились: они отстали и свернули в переулок, в сторону особняка.

— Чего это они?

Подозрительно. Знатные мураддинские воины явно не на прогулку собрались. Было видно: они знают, куда едут.

Арджи, потерявший интерес к происходящему на улице, только пожал плечами. Их с Игги снова отвлек Кеннет:

— Ты тоску какую-то заиграл. Об чём нам грустить? Давай повеселее!

— Как скажешь...

Наёмники затянули новую песню — крайне фривольного содержания, но допеть её не успели. К третьему куплету в дверях появился один из солдат, что до сих пор оставались внизу. Выглядел он обеспокоенным.

Кеннет сразу оторвался от кубка. Стоило отдать должное: нюх на неприятности у него имелся отличный.

— Чего стряслось?

— Мураддины.

— Какие, драть их, мураддины?

Игги уже догадался: те самые, что свернули в их сторону.

— Я ж их язык не разумею! Знатные. Карл нужен, да и эта... Вам бы всем вниз пойти. Недобро оно всё. Жопой чую.

— Ну етить... — Кеннет быстро допил вино и запустил кубок в угол. — Так, парни, пошли. Разберёмся.

Он подхватил аркебузу, положив на сгиб локтя. Оружие Игги стояло в углу: юноша сменил один инструмент на другой к моменту, когда Карл и Седой Арджи уже готовы были спускаться. Шлем остался на столе.

— Мож, кто за ними присмотрит? — Карл кивнул в сторону хозяина и его дочери.

Те сохраняли неподвижность и молчание, но недолго. Когда снизу послышалась мураддинская речь на весьма повышенных тонах, хозяева переглянулись и заёрзали. Судя по тому, как поморщился Карл, изучивший местный язык — в самом деле происходило нечто тревожное.

Но развить эту мысль Игги не успел, так как Кеннет снова принял решение за всех.

— Да куда они денутся? Насрать на них. Пошли!

Одной рукой взявшись за ствол аркебузы, а другую положив на рукоятку тесака, Игги поспешил за остальными. Короткий коридор оканчивался лестницей, которая полукругом спускалась вниз, к просторной прихожей. Богатство хозяина нижний зал бросал в глаза с порога.

Воины халифата смотрелись внушительно.

Чёрные бороды, чёрные глаза — и выражения лиц были столь же черны. Шёлковая накидка человека, стоявшего впереди, была расшита замысловатым узором: из тех, что заменяли местным аристократам гербы. Игги уже видел такой узор, это точно. Только не мог вспомнить, где и когда именно.

Не было ощущения, будто ситуация идёт к чему-то хорошему. Юный солдат

порадовался, что наёмников здесь гораздо больше: девять бойцов, не считая нескольких рекрутов и двух молодых женщин — те держались в стороне.

Девять. Командира у десятины больше не было, и в этот раз Игги взял его обязанности на себя.

— Карл! Спроси, чего им надо.

Пока Карл говорил с главным мураддином, единственный глаз Игги следил за руками, спокойно возлежащими на рукоятках сабель. Его собственные пальцы мерно постукивали по ложе аркебузы: почти как по струнам. Она не была заряжена, но откуда о том знать визитёрам?

Карл обернулся к товарищам.

— Вам вкратце или подробно?

— По делу.

— По делу... он требует, чтобы мы отсюда убрались. Мол, к хозяину дома пришёл. Ему, дескать, насрать, чего «ржавым» визирь разрешил. Говорит: идите подобру-поздорову куда хотите, а тут ни-ни.

Тяжёлый взгляд знатного воина упирался то в Арджи, то в Кеннета, которые ему показались главными среди наёмников.

Игги выругался про себя. Кого грабить в Фадле — без разницы, конечно. Приди мураддины сюда раньше, солдаты не стали бы спорить. Вот только гости опоздали... Причём куда серьёзнее, чем думали. Ясное дело: этот благородный — какой-нибудь родственник хозяина дома. Или друг. Или вроде того. Когда он поднимется наверх и узнает о случившемся... пёс знает, чем это кончится.

— Да он охренел! Короче, ты этой жопоголовой обезьяне скажи...

— Погодь, Кеннет. — Арджи рассудил, что переводить слова Кеннета не стоит, и Игги думал так же. — Карл, растолкуй ему: офицеров тут нету, а он нам не командир. Вот коли наши прикажут, уйдём. А так...

— ...а так нехай катится, пока цел! Эй, борода: скачи в пустыню, и пусть тебя там ебут верблюды!

Хорошо, что воины понимали слова «ржавых» не лучше, чем Игги с Кеннетом — мураддинский. То есть совсем не понимали. Юноша пихнул белобрысого в бок.

— Может, заткнёшься?..

Кеннету стоило давать слово, когда разговор вёлся на языке огня и свинца. О да, тут он высказался бы лучше всех. Но не теперь. Арджи продолжил:

— ...а так город наш, этот дом стоит в городе, так что нечего мураддину командовать. Коли что не так, пускай к Бенедикту идёт, али к самому капитану. И решает с ними. Давай, Карл: растолкуй.

Карл говорил по-мураддински сбивчиво, медленно, самыми простыми выражениями — но того было достаточно, не высокие материи обсуждают. Визитёр тоже отвечал коротко. Пока они обменивались репликами, Кеннет наклонился к уху Игги.

— Зря мы, братишка, хозяев-то без присмотра оставили. Ну как спустятся сюда? Подика ты к ним: пригляди, шоб чего не вышло.

— Сам иди. — шепнул Игги. — Тут от тебя проку ноль.

Как ни странно, Кеннет не обиделся и даже не стал возражать.

— Ну и пойду. А вы уж постарайтесь этих макак спровадить.

Кеннет начал поднимать по лестнице, и мураддины мгновенно обратили на это

внимание. Переглянулись, зашептались. Возможно, Карл понял, о чём они говорят. Но не факт. Пока что единственный в доме переводчик объяснял своим иное:

— Он не согласен. Хозяина видеть хочет. Абдульхади, мол. Во, как его зовут.

— Этого-то? Главного? — Арджи не понял, о чём речь.

— Да не этого. Хозяина.

— Ну а ты объясни: нету тут никакого Абдуль-дудуля. Убежал, хвост поджав, с родными своими. Пусть уважаемый ищет его по городу, коли такая нужда.

Можно было даже не переводить ответ — наёмникам мураддин не поверил. Конечно, раз этот господин столь озаботился судьбой хозяина дома, то в итоге всё узнает. Но это будет потом. С такими претензиями уже ни к Шеймусу, ни даже к визирю особо не пойдёшь. Мятежники есть мятежники. Трёхдневный грабёж есть трёхдневный грабёж. Даже если визирь заинтересуется — ищи ветра в поле!

Главное — спровадить гостей прямо сейчас.

Мураддин не дослушал Карла. Он сделал знак своим людям — и явно вознамерился подняться по лестнице вслед за Кеннетом. Игги как раз стоял на его пути. Арджи тоже перегородил дорогу.

— Сказал ещё, что он Мансур ар-Наджиб. А мы пожалеем, ежели не дадим ему с дудулем этим поговорить.

Имя Мансура ничего не говорило наёмникам. Зато лицо мурадина говорило, что он и правда полон решимости заставить их пожалеть о препятствии. Хотя Игги трудно было представить, как мураддин собирается исполнять подобную угрозу. Не драку же устроит? Было бы глупо с его стороны.

Если честно, то лучшее, что могли сейчас сделать «ржавые» — действительно уйти, наплевав на гордость. Игги это понимал, а вот Кеннет — определённо нет, и приказать сейчас некому. Густав, конечно, в два счёта разрешил бы ситуацию; но Густава среди живых уже не водилось.

Даже опытные солдаты, которыми никто не руководит, редко поступают правильно. Вот и стихийно принятое решение — не пропускать мурадина на второй этаж, одновременно не пуская хозяев вниз... не самое удачное. Однако менять его уже было и некому, и поздно.

Даже незачем, потому что сбоку послышались причитания. Тучная фигура выплыла в прихожую, и Игги захотелось хлопнуть себя по лбу.

Конечно, про жену Абдульхади все давным-давно позабыли. Хозяйка не представляла ни угрозы, ни какого-либо интереса: старая, толстая, с усиками на губе и противным дребезжащим голосом. Её прогнали со второго этажа как раз затем, чтобы не голосила над ухом почём зря.

Старая женщина, разбрызгивая слюни и размахивая руками, бросилась к Мансуру. Хотя Арджи ловко встал между ними, вопли хозяйки остановить он не мог.

— А эта дура орёт, что... — Карл не забыл про обязанности переводчика.

— Я догадываюсь.

Мансур ар-Наджиб действовал решительно. Терять времени на ревущую хозяйку он не стал: прозвучал короткий приказ, и мурадины ломанулись к лестнице.

Игги слишком долго выбирал: пытаться остановить Мансура или всё-таки отойти в сторону. Он был солдатом и принимать решения не привык — привык исполнять приказы. Мансур отпихнул Игги. Осталось только следовать за мурадинами наверх, морально

готовясь ко всему.

Абдульхади с дочкой вели себя смирно. Кеннет, рассеявшийся за столом напротив входа, определённо нагнал на них страху. Неудивительно. Удивило Игги другое: то, как хозяин дома и девушка отреагировали на появление Мансура. Солдат ожидал если не истовой мольбы о помощи, то хотя бы выражения явного облегчения.

Однако Мансур напугал обоих сильнее, чем солдаты Ржавого Отряда.

Да и мураддины повели себя странно. Мансур по-хозяйски расположился возле Абдульхади, который попытался отодвинуться. Воины визиря обступили стол. Лишь одного Кеннет остановил понятным любому жестом: мол, не приближайся.

Не сказать, будто Игги до сих пор жалел о незнании мураддинского языка. Но вот теперь ему очень хотелось бы понять разговор. Хотя то и не столько разговор, сколько монолог Мансура: говорил он долго. Даже без перевода стало ясно — это далеко не дружеская беседа. Уж больно ядовито звучал голос Мансура, уж слишком побледнело лицо Абдульхади — и прежде не радостное.

— Карл, чего они говорят?..

— А внизу слабо было меня послушать?

Знатный воин наполнил чашу вином, но выпил совсем немного. Потом кивнул своему человеку за спиной Абдульхади. Хозяин дома как раз порывался встать, но только вцепился в подлокотники: почувствовал кривой кинжал у шеи.

Мансур выпил ещё, затем широким жестом обвёл наёмников и что-то сказал Карлу. Улыбался он недобро. Подручные аристократа и прежде держали руки на оружии, но теперь по-настоящему напряглись.

— Карл, что за хрень? Чегось он сказал?

— Да, объясни уже.

— Чего объяснять? Ни хера не слушали меня раньше... Не друг ему этот Абдуль-дудуль. Старуха обосралась из-за Мансура больше, чем когда мы пришли: вот и голосила.

— Дружище, я не тупой. — Кеннет лицом изображал беззаботность, пользуясь языковым барьером. — Хренли ему надо сейчас?

— Говорит, чтобы мы проваливали. Мол, дело касается только его и дудуля этого. А нам тут ловить нечего. Говорит: добро внизу берите, а остальное вас не касается, во.

— Передай обезьяне, что так не пойдёт. Я в этом доме по праву, в отличие от него: никуда не уйду. И вообще. Чего он с дураком этим собрался делать? А ну как Бенедикт потом нас спросит? Или сам капитан?..

Как ни странно, Кеннет высказался вполне логично. Сослуживцы с ним молчаливо согласились: никто с места не сдвинулся.

Сросшиеся брови Мансура угрожающе изогнулись. Мураддин повторил требование, глядя Кеннету в лицо. Перевод уж точно не требовался: холодный гнев ощущался и так. Ну-ну... пуганого аристократ пугал, конечно.

— Хрен. На этот спектакль у меня билет в лучшую ложу. Карл, переведи.

Ситуация не нравилась Игги с самого начала, но чем дальше — тем хуже становилась.

По всему было видно: визитёры отступить не намерены. Столь же понятно и другое: каковы бы ни были счёты между Мансуром и Абдульхади, каким бы образом воин визиря ни собирался теперь расплатиться по ним — наёмников это не касалось.

Вот только с гордостью Кеннета такое рациональное мышление категорически шло вразрез. Ему, конечно, плевать было на хозяев дома: солдат просто не собирался

подчиняться.

Зато Игги было не всё равно, как ни глупо. Он смотрел на девушку и снова видел на её лице страх — теперь, выходит, уже только за жизнь... или за то, какой именно окажется смерть. Мансур и его люди должны были вот-вот что-то предпринять, но для Игги время будто остановилось. В голове бушевал поток самых разных мыслей, заставляющий чувствовать себя идиотом — но что поделать? Сдержат эти мысли — не легче, чем полноводную реку.

Да уж... Глупо сначала надругаться над дочерью Абдульхади, а теперь ощутить желание помешать Мансуру сделать с ней нечто — наверное, ещё худшее. Все мураддины здесь были для Игги одинаково чужими людьми: что мирные жители мятежного города, что лоялисты.

Возможно, в нём заговорило чувство вины, прежде не знакомое. Возможно, Игги по-прежнему был слишком юн и наивен — наёмному солдату бессмысленно разыгрывать благородство.

Пауза затягивалась, а атмосфера накалялась.

Арджи и Карл стояли в дверях, Мансур и его люди — полукругом у стола. Кеннет, сидевший в другом конце зала, по-прежнему казался расслабленным. Абдульхади бросило в такую дрожь, что недолго самому себе перерезать горло об кинжал. Девушка нашла глазами Игги: по её щеке скатилась слезинка. Хотя, казалось бы, давно всё выплакала...

Ну дела — оказаться теперь единственным, кто хотя бы похож на защитника! Что-то должно было вот-вот случиться.

Мансур нарушил сложное равновесие сцены. Вопреки худшим ожиданиям, он не предпринял ничего агрессивного: напротив, весело фыркнул и будто утратил интерес к Кеннету. Возможно, присутствие «ржавых» не так уж его смущало. Мураддин-лоялист шагнул к дочери вельможи.

Она пискнула, даже вскочила со стула — но так неловко, что упала. Абдульхади закричал. Игги заставил себя не дёргаться, но подумал кое о чём. Проклятье: эта мысль точно прозвучала лишь в голове? Или юноша нечаянно озвучил её?

Как оказалось, озвучил.

— Давайте их убьём.

Случайно вырвавшиеся слова, о которых Игги немедленно пожалел: уж точно не приказ. Даже не призыв к какому-то серьёзному обсуждению. Однако в зале присутствовал человек, охотно готовый согласиться. Кеннет здесь был пороховой бочкой: Игги некстати чиркнул огнём.

— А давайте!

Игги до сих пор не обращал внимания, что руки Кеннет держал под столом. Похоже, тому не придали значения и мураддины. «Пух» — сработал колесцовый замок: следом грянул выстрел. Мансур согнулся пополам, издав сдавленный стон и расплескав вино. Золотая чаша выскользнула из его пальцев и покатила по полу.

На миг все оцепенели: словно когда лопается струна — и возникает краткая неловкость. А потом началось.

Мансур ещё не успел осесть на пол, когда стоявший рядом мураддин выхватил саблю и попытался зарубить Кеннета — но солдат вовремя оттолкнулся ногой от стола, опрокинувшись назад. Кровь Абдульхади брызнула на дорожную скатерть. Тот, кто рассёк ему горло, сам рухнул на стол следом, получив от Игги прикладом.

Ещё одна сабля свистнула над ухом, но Карл удивительно быстро выхватил фальшион и

защитил товарища. Старик Арджи бросился на мураддина: обладая немалым весом, легко снёс его. Оба отлетели в сторону.

Трапезный зал был тесноват для драки с таким числом участников. Игги сообразил: есть лишь один способ вовремя прийти на помощь Кеннету. Выхватив тесак, он вскочил на стол и побежал прямо по нему. Зазвенела разлетающаяся посуда, под ногу попало нечто скользкое. Игги видел, как Кеннет умудрился закрыться от нового удара стулом, с которого только что упал. Сзади звал на помощь Арджи, но поздно было менять решение. Игги надеялся, что седому наёмнику пособит Карл или кто-то ещё.

Проклятье: а сколько вообще «ржавых» поднялось наверх, сколько осталось внизу? Вот об этом надо было думать, а не о хороших поступках во искупление плохих...

Воин, пытавшийся зарубить Кеннета, заметил Игги в последний момент. Он успел только разинуть окружённый чёрной растительностью рот — солдатский тесак влетел прямо туда. Вытянувшись в ударе, Игги утратил равновесие. Предательски поехала в сторону скатерть. Юноша рухнул на пол вместе с кубками, кувшинами, столовыми приборами, блюдами и тарелками.

Кеннет копошился в углу: хочет аркебузу перезарядить, что ли? Безумная идея, но советы давать поздно. Тем временем, сцепившись в борьбе за саблю, Арджи и подручный Мансура вывалились в окно. Второй этаж был достаточно высок, чтобы это не сулило обоим ничего хорошего.

Мансур был ещё жив — Игги не видел его, но слышал стоны. А девушке хватило мозгов на самое разумное: она спряталась под столом.

Пытаясь встать, Игги вскрикнул от боли — под ладонями оказались осколки стекла. Немного приподнявшись, он увидел, что Карл справился с ещё одним противником. Молча, с совершенно бесстрастным лицом, толстый солдат рубил мураддина фальшионом. Немногие удары достигли цели сквозь броню, но Карлу было всё равно. Он просто продолжал рубить — как мясник работает. На столе уже лежала отсечённая рука, исход этой схватки сомнений не вызывал.

Между тем Мансур сумел подняться. Он хрипел, на губах пузырилась кровь, однако аристократ сохранил дух и какие-никакие силы для борьбы.

Клинок Игги застрял в черепе мертвеца: солдат не придумал ничего лучше, чем запустить во врага графин, подвернувшийся под руку. Конечно, Мансура это не остановило. Полусогнутый и шаркающий, он всё же приближался, изрыгая проклятия и потрясая круто изогнутой саблей.

Карл помочь не успевал — он споткнулся об труп Абдульхади. Ни вытащить меч из черепа убитого, ни нащупать в полумраке его саблю у Игги не получалось. А Мансур был уже совсем близко.

Игги показалось, что у него зудит шея: точно там, куда мураддин собирается ударить.

Тут грянул выстрел — не только оглушительно, но и больно.словно в ухо воткнули длинное шило, доставшее аж до того места, где у Игги когда-то был глаз. Кеннет, сукин сын, неспроста получил плащ! Он действительно всё это время перезаряжался — и успел. Пуля угодила точно в центр лица Мансура: оставила кровавую дыру на месте носа.

На этом всё наконец-то закончилось.

Только теперь Игги по-настоящему ощутил боль в изрезанных стеклом ладонях и отбитых коленях. Резко пахло порохом, в свете свечей мерцали осколки, всё кругом залила кровь. Ею были головы до ног перепачкан Карл — словно облили из ведра. Липкая лужа

растеклась под телом Абдульхади, кровь изрубленного воина капала со стола на пол, куски мозгов Мансура медленно сползали по стене.

За свою недолгую жизнь Игги повидал многое, но всё равно ощутил тошноту. Кеннет, вжавшийся в угол, по-прежнему направлял вперёд дымящуюся аркебузу. Первым пришёл в себя Карл. Он вытер оружие об скатерть и, охая да ахая, поковылял к окну.

— Арджи! Аарджи!.. Ты живой там?

К великому облегчению Игги, старый наёмник отозвался.

— Не дождёшься! Упал удачно, прям сверху на этого... Помогите!

Помощью Арджи занялись те, кто во время схватки оставался внизу. Хозяйка дома орала громче прежнего, однако недолго: её голос вдруг оборвался.

— Вот дерьмо... — процедил Кеннет. — Наворотили мы тут...

— И это дерьмо слышало полгорода. — подметил Игги, наконец-то освободив меч. — И визирь тоже слышал.

Звуки боя в городе давно стихли. Если где-то ещё сражались, то на самых окраинах — а не в двух шагах от дворца. Солдаты понятия не имели, к чему случившееся может привести. Ясно лишь, что и Абдульхади, и особенно Мансур — не из тех, чья смерть не имеет последствий.

Люди в «ржавых» цветах ворвались в зал: выглядели они недоумённо, но решительно.

— Что там с каргой? — обратился к ним Кеннет, а в ответ только развели руками.

Игги догадался, что с буйной хозяйкой никто не миндальничал: едва ли её заставили замолчать, не убивая.

— Дерьмо. Дерьмо. Дерьмооо... — продолжил ругаться Кеннет.

Игги хотел было отметить, с чьего выстрела дерьмо началось — но тут же вспомнил, что виноват не меньше. Скорее даже больше.

— Что будем делать?

— Притащим трупы мятежников. Свалим на них.

Карл предложил первое, что пришло в не отягощённую лишним умом голову. Солдаты закивали, и лишь до Игги сразу дошло, насколько это глупая затея.

— Мятежников? Капитан уже объявил, что город наш. Визирь приехал! А мы скажем, что на самом деле тут мятежники резню устраивают? Прямо у дворца? Да нас в лучшем случае высекут. В лучшем.

— Ну... вынесем их наружу, другими трупами забросаем. Трупов-то кругом как говна. Или канаву какую найдём...

— Да ну? Эти козлы приехали с визирем. Думаешь, их не станут искать? Весь город перевернут! Это были важные люди...

Игги плюхнулся на стул, обхватив голову руками. Меньше получаса назад они с парнями делили командование — а теперь, похоже, соображать способен он один. Пока юноша пытался что-то придумать, Карл вытащил из-под стола брыкающуюся дочку Абдульхади. Девчонка от ужаса совсем обезумела.

— Эй, а с девкой-то что?

— В расход.

— Кеннет, не пошёл бы ты нахер?! — в сердцах выкрикнул Игги.

Если в произошедшем и можно найти какой-то смысл, то с убийством девушки он точно пропадёт: проще было бы вообще не вмешиваться.

— Карл, успокой ты её, что ли...

Карл сменил несколько способов успокоить — сначала какие-то слова на мураддинском, потом смачная пощёчина, а затем новые слова, уже более мягкие. В конце концов — подействовало. Девушку усадили в кресло, спиной ко всей кровавой картине. Игги сидел перед ней.

Похоже, теперь наёмники ждали его распоряжений. Стихийно, по воле случая, однако именно он был сейчас командиром. Или кем-то вроде него. Нужно решать... Голова невыносимо разболелась, но юноша пытался заставить её выдать нечто разумное.

— Нужно не пускать никого к дому. И послать к Бенедикту, немедленно. Мы сами не разберёмся с этим говнищем. Дело очень серьёзное, так лейтенанту и скажите.

— Дык... а чавось с девкой-то? — не унимался Карл.

Остатки платья и так промокли от крови Мансура с пола, а руки солдата добавили ещё красных разводов с пятнами. Выглядела девушка не лучше трупов, валявшихся вокруг.

— Отпускать нельзя. Не хватало, чтобы мураддины её допрашивали! Придержим при себе, а там... как старшие решат. Карл! Объясни, что её никто не тронет.

— Да что ей объяснишь, ты посмотри...

— Мать твою, Карл!.. Ладно. Переводи хоть, что я буду говорить!

Игги пришлось наклониться, чтобы встретиться взглядами с дочкой вельможи: два чёрных глаза, и один голубой. Странно, но даже сейчас она смотрела на юношу с надеждой. Не только сам в себе Игги видел какое-то различие с другими солдатами. Хотя бы иногда. Нужно собраться. Никто, кроме Игги, порядка сейчас не наведёт.

Он заставил себя улыбнуться, хотя вышло это очень натянуто.

— Меня зовут Игги. А тебя?

Карлу пришлось повторить вопрос на мураддинском дважды.

— Ффф... Фархана.

— Фархана. Славно. Вот и познакомились.

Вершину красоты Фадла являл, конечно, главный зал дворца Камаля. Всё здесь было в мраморе, яшме, малахите и золоте. Мозаику на стенах прикрывали полупрозрачные занавесы из органзы и широкие листья декоративных растений. Днём свет заливал бы чертог сквозь огромные окна под потолком — а сейчас можно был любоваться звёздами.

Славно всё-таки, что дворец не пришлось штурмовать! Больно красивый: даже не слывшего эстетом Ангуса пробирало.

Теперь в чертоге Камаля пировали победители.

Широкие столы, внесённые и накрытые не успевшей разбежаться прислугой, протянулись от входа к возвышению в другом конце зала. Здесь располагались три самых почётных места — подобное трону в центре и два чуть менее помпезных. Видимо, прежде рядом с беём восседали его старшие сыновья.

Сейчас справа от трона сидел Ангус. Кресло слева пустовало — остальные лейтенанты не стали его делить, рассевшись за главным столом чуть дальше.

Зал был роскошным, но не слишком уж большим — так что далеко не каждому нынче полагалось тут пировать. Собрались офицеры и самые заслуженные ветераны — из шагнувших под «ржавым» знаменем лет двадцать. Обозных жён было немного: хватало работы в городе и лазарете.

Регендорф, одетый здесь изящнее всех, с безупречным достоинством потягивал вино. Правда, когда Гайя уселась ему на колени, картина немного утратила куртуазность — и сам лейтенант смутился, но не возразил.

Рамон Люлья оставался мрачен. Он был из тех людей, которые вечно чем-то недовольны и ни у кого не вызывают большой симпатии — зато уважение ещё как вызывают. Рамон сосредоточенно орудовал столовыми приборами, словно оружием, и ни с кем не говорил. Ангус знал Люлью даже дольше, чем Шеймуса: немногим меньше, чем сам себя помнил. Этот балеарец и в отрочестве на всех волком глядел. Ангус тогда ещё не знал кое-чего, превосходно объяснявшего, почему многие Люльи сторонятся... Однако Рамон храбро сражался в юности, а после сделался очень толковым командиром — это ценили прежде всего.

Шанго, предводитель чернокожих аzzинийцев, пил за троих. Ещё почти не потрепавшийся плащ на его плечах смотрелся подобно звериной шкуре. Как и все аzzинийцы, столь усилившие отряд, Шанго был настоящим бычарой. Голова сидела прямо на мощных плечах, а вытянуться «стрункой» он при всём желании не мог: слишком широкая спина и огромные руки. Аzzинийцы с трудом изучали язык, не всегда хорошо понимали командиров — зато были надёжны, как кувалда.

Подносящие вино и угощения служанки старались лишней раз не смотреть наёмникам в глаза, но многие из них хихикали в ответ на скабрёзности. Обнажённый по пояс мальчишка с кадиллом уверенно орудовал длинными шипцами, меняя угли на чашах кальянов. Местные музыканты выглядели не особо весёлыми, но играли старательно.

Шеймус развалился на троне Камаль-бея. Трон был велик и помпезен, но всё равно маловат для капитана: Шеймус на нём напоминал огромного паука с длинными, тонкими лапками. Он устало подпирал голову рукой. О чём думает — по почти неподвижному рябому лицу, как обычно, не угадаешь.

Бенедикт как раз подошёл к трону, еле протиснувшись меж пировавших и обслуживавших. Этот лютый старикан был не очень проворен — но только потому, что большую часть жизни своему Творцу Небесному служил, а не лордам да полководцам. С Бенедиктом пришли два солдата. Один — Игги, а второго гвендл уверенно помнил только в лицо. Как его... Беннет, что ли?

— Ну, рассказывайте... — вяло произнёс капитан.

Ангус уже порядком напился, так что многие подробности увлекательной истории прослушал. Но душок от неё почувствовал: дерьмом пахнет, дерьмом... Бенедикт правильно поступил, донеся вопрос до капитана.

В отличие от лейтенанта, Шеймус выслушал солдат очень внимательно.

— Мансур ар-Наджиб? Выходит, вы убили самого Мансура и его головорезов?

Солдаты синхронно кивнули. Вид у них был весьма растерянный, даже напуганный.

— Однако... — Шеймус покачал головой и приложился к кубку. — Ангус! Это ведь он собирался со мной драться в Рачтонге?

— Уву. Он, фучий фын. — Ангус как раз набрал полный рот сочного винограда.

— Однако... Родственник того душного святоши, если верно помню. Что один — мудак, что другой. Но про Мансура ар-Наджиба говорили, будто у него семь жизней. Вы что, убили его семь раз, парни?

Ангус рассмеялся, чудом не подавившись. Бенедикт сохранил серьёзность, а солдаты не нашлись, что ответить.

— Выходит, ввали. Как всегда... Столько красивых легенд и так мало правды. Дерьмовую историю вы заварили, парни. Порицаю за глупость: она может обойтись отрядом дорогого. Полжизни на вас положил, а вы... едва командиры не смотрят — сразу устройте какую-то пакость. Однако хвалю за храбрость и выучку. Вы сразились с очень опасными людьми — и перебили их без потерь. Да, это хорошо. Скоро мы во всём разберёмся. Бенедикт, ты об их девке уже позаботился?..

— Отдал обозным жёнам. Пусть побудет при них.

— Правильно. А остальное?

— К дому никто не подойдёт: я выставил охрану. Велел отвечать, что у нас там передовой лазарет. Мансуровских лошадей с улицы убрали. Но один Творец Небесный ведаёт, кто всё это видел или слышал.

— Правильно... всё правильно.

Капитан говорил вроде бы благодушно, но чувствовалось: задумался глубоко, и думы те вовсе не из весёлых.

— Завтра, разберёмся завтра. И с вами тоже. — Шеймус пригрозил солдатам пальцем. — Пока что отложим и наказания за глупость, и поощрения за отвагу. Я решу, кто чего достоин. Сейчас нам тут одно осталось... десятник ваш мёртв, светлая память. Из того, что вы с Бенедиктом рассказываете, ясно: командир у десятины всё это время был. Плохой или хороший, но был.

По лицу Игги не прочиталось, воспринял солдат эти слова добрым или дурным знаком. Было заметно лишь крайнее волнение, и Ангус парню даже посочувствовал. Лет двадцать назад он сам влипал во всякие истории... Держать за них ответ перед командирами неприятно.

Слова капитана лились протяжно.

— Значит, так и быть. Жалую тебе чин десятника, Игги. Только не обольщайся: эта

история ещё не закончилась. Ни для тебя, ни для остальных. Да это и не поощрение. Ты втравил людей в скверную передрагу: тебе и нести за них ответственность. Всё по-честному.

Игги нравился Ангусу, а лишний раз возражать капитану при солдатах — плохо, но сейчас гвендл не мог промолчать:

— Десятником у Бенедикта — без плаща?

— С плащами разберёмся потом. Когда будем покидать город. Плащами, знаешь ли, нынче много трупов накрыто... Ладно. Давайте, с глаз долой! А ты, Бенедикт, выпей с нами. Ты отвратительно трезв.

Убраться с глаз капитана солдаты были счастливы — след простыл тут же. Бенедикт более приятное распоряжение командира тоже исполнил немедленно. Офицеры подняли кубки — а после Шеймус поднял важную тему.

— И где же визирь? Так громогласно объявили о его приезде... и пропадает до сих пор. Я всё жду скандала насчёт... ситуации, сложившейся вокруг семьи Камалая, а скандала нет. Даже обидно. Где он, Ангус?

Несмотря на то, как старательно лейтенант предавался увеселениям, о своих обязанностях он помнил и ситуацией владел. Вытерев рукавом квадратный подбородок, Ангус ответил:

— Сиськи мнёт.

— Чьи?

— Да нет... я это... ты знаешь, как называется... фигурально, вот. Визирь увлёкся похвалами своему дерьмовому войску. Да какими-то их делам-просьбами. И в храм его понесла нелёгкая: грехи замаливать, что ли? Чудак. Вообще-то, мне кажется, он нам это... ну... даёт время. Вот. Думает, что мы всё-таки разберёмся сами.

— Ну и очень напрасно он так думает. Выгребную яму-то вычистили, но подтирать ему зад — уже перебор.

— Так вроде мы и обещали подтереть?

— Не-а, Ангус. Не обещали. Перед штурмом я специально задал ему вопрос насчёт семьи Камалая. И что ты думаешь? Ничего конкретного он из себя не выдавил. Промямлил насчёт «ожиданий», но его ожидания — его проблемы. Я обещал Джамалутдину только одно: моя рука не дрогнет. Но что этой рукой делать? Нужен приказ, а визирь не решился отдать его напрямую. Смотри: вот я держу кубок, и рука ничуть не дрожит. Получается, я не лжец.

— Ох и недоволен он будет...

Шеймус только отмахнулся.

Отношения «ржавых» с нанимателями портились уже давно. С самого похода на Рачтонг — когда наёмников сначала торопили насчёт результата, а потом осудили методы, которые позволили его достичь. И та история с несостоявшимся поединком, и поведение Валида в штабе... Претензии накопились, конечно, с обеих сторон. Ангус понимал — тут у каждого своя правда. Но собственная ему была ближе.

Откровенно говоря, наёмники и мураддины за четыре года устали друг от друга. Пора уезжать. Получить плату, подлатать раненых, чуточку перевести дух — и уезжать.

Капитанский кубок опустел, и мурадинская служанка хотела его наполнить — но Шеймус накрыл чашу своей огромной ладонью.

— Нет-нет-нет, милая. Не из твоих рук. Ирма!

Ирма хлопотала неподалёку: услышав капитана, встрепенулась и тотчас оказалась возле

трона с кувшином в руках.

— Да-да, давай... Наливай, чтоб весело жилось.

Мендоса в своё время говорил: больше кондотьеров погибло от яда, чем от стали и свинца. Быть может, он преувеличивал — но Шеймус редко доверял пищу и вино кому попало. Это виделось Ангусу вполне разумным. Обозных женщин в зале было немного, но работали они с энтузиазмом: куда приятнее, чем возиться с трупами.

— Славно, славно... — вино тут подавали отличное. — Ты присядь, отдохни: всё бегаешь да бегаешь. Вот сюда.

Капитан вальяжно указал на то самое пустующее кресло. Ирма немного смутилась: потянулась было к креслу, но отпрянула. При множестве глаз она вечно скромничала через меру. Ангус находил это милым, но капитан раздражался.

— Присядь, говорю тебе. Вот. Сюда.

Ирма подчинилась, но даже кувшина из рук не выпустила.

— Вот так-то. Выпей. Ну выпей, Ирма, я тебя прошу. Расслабься. Молодец! Ангус, а мы ведь давно закончили разговор по делу. Зачем же я до сих пор не вижу здесь бывшей хозяйки? Пусть госпожа Исхила-Камаль вернётся.

Вдову Камаль-бея капитан велел увести, когда явился Бенедикт с непростым докладом. Теперь она вернулась за стол с явной неохотой.

Госпожа произвела на Ангуса огромное впечатление — и вовсе не красотой. Нет, Исхила-Камаль до сих пор не увяла, а уж лет десять назад — небось, с ума сойти можно было. Но это не главное. Впечатляло в ней иное: благородство. Ангус видал всяких графинь и герцогинь, но вдова Камала была породистее любой дамы, какую довелось встречать. Осанка, взгляд, малейшее движение — кажется, она даже моргала с особой утончённостью.

На творящееся в чертоге, где она больше не была хозяйкой, Исхила-Камаль взирала бесстрастно, с отрешённостью и лишь малой ноткой презрения. Невесомой, но при этом очень заметной: чудное сочетание.

Эта женщина внутренне, по своему достоинству была выше всего вокруг — примерно как Шеймус был выше ростом.

Капитан весь вечер держал Исхилу-Камаль поближе, и обращались с ней крайне почтительно. Настолько, что благородную женщину это даже раздражало.

— Ну вот, госпожа: как и обещал, вас вернули на прежнее место. Надеюсь, скоро явится визирь: тогда у вас будет более приятная компания, чем пьяные наёмники. Ирма, налей вина госпоже.

Вдова бея сидела абсолютно прямо, сложив руки под грудью: к наполненному Ирмой кубку даже не притронулась. Только выразительно повела густой, красиво изогнутой бровью.

— Я совсем не рада находиться здесь. К тому же — это не моё прежнее место. На моё прежнее место вы посадили шлюху.

Чтобы сомнений уж точно не осталось, взглядом и лёгким движением подбородка Исхила-Камаль указала на Ирму. Слово «шлюха» прозвучало странно: почти не грубо. Наверное, в устах дамы такого достоинства любые площадные выражения приобретают изысканность.

Ангус родился в лесу. Хотя давно был и при деньгах, и при уважении — но нечто, отделяющее простолюдина от знати, чувствовать продолжал. Забавные они, эти все благородные... небось, и срут пастилой.

Интересно: женщина действительно видела в Ирме на своём месте нечто особо оскорбительное? Или специально вела себя вызывающе? Второе очень вероятно. Известно, чего Исхила-Камаль добивается...

Шеймус отреагировал вяло.

— Вы напрасно рассчитываете меня спровоцировать, госпожа. Понимаю: вам хочется увидеть меня таким, каков мой образ среди халифатской знати. Но что поделаешь? Я действительно не варвар. Ваш сын просил о хорошем обращении с родными: такую просьбу приятно исполнить. И между прочим! При себе я держу вас для вашей же пущей безопасности.

— Какая трогательная забота. Как благородно по отношению к убитому вами Хуссейну. Капитан пожал плечами.

— Хуссейн сам выбрал свою судьбу. Ничто не помешало бы мальчику оказаться за этим столом, спокойно дожидаться визиря. Я предлагал: он не захотел. И кстати... Ирма знает мураддинский. Вы совершенно напрасно обидели её. Она вовсе не шлюха.

— Ах, что же: я оскорбила вашу жену? Вот нелепая случайность!

— Ну нет. Я разве похож на женатого человека?

Ирма смутилась пуще прежнего, заёрзав и закусив губу. Ангус не отличался великой чуткостью к людям, но видел: обозной жене этот разговор ещё неприятнее, чем употреблённое вдовой слово. Между тем Шеймус решил пояснить Исхиле-Камаль свою мысль.

— Тут есть разница: шлюх-то покупают за деньги. Прямо как меня с моими солдатами. Но Ирма... она немного похожа на вас. Речь о том, что оплачено не золотом — а железом, порохом и кровью. Удивительно война способна уравнивать крестьянку с женой бея, не правда ли?

— Чудеса. Жизнь прекрасна и удивительна.

— Смотря для кого. Но насчёт «уравнивать»... Боюсь, неудачно выбрал слово. Несправедливо это по отношению к Ирме. Ведь от неё гораздо больше толку, чем от вас.

— Остаётся лишь благодарить судьбу за то, что во мне вы никакого... как вы сказали... толка, да. Толка не видите. Пора восхвалить всевеликого и всемилостивого Иама: я родилась под счастливой звездой!

От выпивки Шеймус обычно добрел — но до известного предела. Теперь Ржавый Капитан помрачнел так, что даже Ангусу сделалось неудобно. Стоило отдать должное вдове Камалы: она в этот момент эмоций не выказала. Вся семейка — не из малодушных!

Капитан подался вперёд, едва ли не через полстола перегнувшись.

— А ведь вы легко могли бы избавить меня от объяснений с визирем. Рассказав, куда делся младший сын Камалы. Но вы не хотите, а мне недосуг заставлять.

— Можете сделать со мной что угодно, но Фарида не получите.

— Совершенно верно, могу. Просто поиски мальчика — не совсем моя проблема. Вы, госпожа, страдаете тем же заблуждением, что и покойный Хуссейн. Вам кажется, будто в готовности к страданиям и смерти есть нечто героическое. Мать, готовая защищать дитя до последнего: это так трогательно! Достоин поэмы. Но нет. Героизма тут будет не больше, чем в бессмысленной и жалкой смерти Хуссейна.

А вот это женщину проняло: губы задрожали, влажно блеснули глаза. Она едва не расплакалась, однако сдержалась. Хуссейн валялся сейчас в груде тел на окраине: передавать труп матери Шеймус запретил.

— Очень сомневаюсь, госпожа, что Фарида удалось вывести за пределы города. А потому не считаю это упорство осмысленным. Знаете, почему лично вам я не причинил вреда? Ха... У вас превратные представления о мире — и через то превратные представления обо мне, госпожа. Вы прожили жизнь в этом дворце, и жизнь была добра к вам. Вы видите мир прекрасным садом — в который вдруг, ни с того ни с сего, вторгся чужеродный, безобразный монстр. Вот только на деле весь мир — это мрачный лес, населённый чудовищами. Я страшнее всех прочих, однако не хуже. Может быть, в чём-то даже лучше.

— По случившемуся в Рачтонге этого не скажешь.

Вдова весь вечер надеялась быть убитой сгоряча. Но теперь Исхила-Камаль, наверное, уже понимала: ничего не выйдет. Лишь из гордости вела себя по-прежнему.

— Люди в Рачтонге виноваты сами. Вам рассказали об их судьбе — а вот что муангцы прежде сделали с нашими пленными, ваш муж не рассказывал? Или, может быть, не знал? В Рачтонге тоже сильно ошиблись на мой счёт. Хотели запугать. Но в нашем общем тёмном лесу именно я — самая злобная, свирепая и страшная тварь.

От воспоминаний о резне в Рачтонге даже Ангусу иногда хотелось избавиться. Редко кому-либо удавалось по-настоящему вывести Шеймуса из себя, но муангцы преуспели на этом поприще. Зря, зря...

Шеймус резко опрокинул в себя кубок. Ирма потянулась, чтобы освежить чашу — но капитан так зыркнул, что женщина вжалась в спинку кресла.

— Вы портите мне настроение, а оно и так не было не лучшим. Мне надоел этот цирк. Сейчас же пошлю к визирю, чтобы как можно быстрее со всем этим покончить. Не хочу больше стоять между мураддинами: разбирайтесь в своих кружевах сами.

— Эээ... Шшшеймус, может...

— Молчи. — и Ангус мгновенно замолчал. — Прежде мы, госпожа, сделаем только одно.

— Что же?

— Я не пророк, но на ближайшие три дня будущее Фадла знаю точно. На три дня в городе хозяин один — хозяин и жизни, и смерти, и тем более местам за этим столом. Это должно быть ясно: не только вам, но и моим людям. Нынче я здесь над всем властвую, и вот над этими чудесными побрякушками тоже. К зелёным глазам изумруды подходят лучше, чем к чёрным. Поэтому окажите любезность — отдайте их Ирме. Сами. Хороший жест на прощание — и уже не будет сомнений, что каждый в этом зале сидит именно на своём месте.

Поскольку вдову никто до сих пор и пальцем не тронул, драгоценности оставались при ней. Ясное дело, что так и так ненадолго — капитану взбренило разыграть небольшой спектакль, и идею постановки Ангус нашёл забавной.

В украшениях лейтенант понимал немного, но мог оценить: серьги Исхилы-Камаль кому угодно на зависть.

Мураддинка словно вовсе прослушала слова капитана: ноль реакции. Ирма опустила глаза. Пауза явно затягивалась.

— Госпожа... Всегда уважаю твёрдость характера, но вы близки к той же ошибке, которую муангцы совершили в Рачтонге. Я сказал, что хочу увидеть. И жду.

— Просто заберите их. Вы же можете.

И прежде сидевшая прямо, с гордо поднятой головой, вдова пуще приосанилась.

Спектакль так спектакль, выходит. Роль Исхала-Камаль выбрала и играть её намеревалась до конца.

Шеймус приподнялся, опираясь на подлокотники. Вокруг будто померк свет.

— Желай я сам забрать эти серьги — забрал бы. Довольно. Если придётся сказать ещё хоть слово, то обращено оно будет воон к тем приятным людям с Аззинийских островов. И они... возьмут у вас гораздо больше. Это отложит беседу с визирем, но в целом ей не мешает. А я, поверьте, буду смотреть и смеяться.

Даже те, кто этого разговора не слышал, почувствовали холодок. И Регендорф, вольготно расположившийся в объятиях Гайи, и Бенедикт... Музыканты сбились с мелодии, мальчишка-кальянщик спрятался за мраморную колонну.

Чаще всего капитан добивался желаемого. Чаще всего — на протяжении уже очень многих лет, о чём бы ни шла речь. В этом зале исключения не произошло.

Окажись визирь вынужден объяснять, зачем явился в Фадл — получилось бы очень путано и многословно. Здесь смешалось многое. И неловкая попытка сыграть в полководца, уделив внимание армии. И странное, даже нездоровое любопытство к войне, которое Джамалутдин-паша начинал испытывать. И желание всё-таки подчеркнуть: главный здесь он.

Встреча с Ржавым Капитаном располагалась где-то возле последней строки воображаемого списка — хотя предводитель наёмников, возможно, думал иначе. Визирь не беспокоился насчёт порученного Шеймусу. Если кто при Фадле и производил впечатление человека, коему можно просто дать распоряжение и ожидать отчёта — то именно он.

Поэтому сейчас, когда Джамалутдин-паша возлежал на устеленном атласом топчане, чувствовал он себя спокойно и расслабленно. Полутёмная комната во дворце Камаля была небольшой, но при том и богатой, и уютной: не всегда такое сочетается.

Визирю не понравилась собственная речь перед ополчением. Она вышла слишком напыщенной. По лицам солдат читалось, что они сами не считают себя творцами победы — а Джамалутдин-паша превозносил ополчение, словно великих героев древних поэм.

В один момент даже возникла мысль: что за бред я несу?

Валид ар-Гасан расположился рядом, но сидя — как полагалось по этикету. Он передал визирю мундштук, и Джамалутдин-паша втянул плотный кальянный дым. Кальян здесь делали совсем не как столице. На севере халифата курили чёрный, крепкий и терпкий табак, который давал совсем немного дыма — но даже заядлым курильщикам туманил голову. А тут дым легче, зато гораздо ароматнее. Рот наполнялся ярким вкусом фруктов и специй.

— Муангский стиль, конечно. Вот так и начинаются мятежи: с малого. Сначала ты куришь южный табак, затем берёшь в наложницы женщин с узкими глазами. А в итоге — поворачиваешь оружие против своего господина, да будет он благословен.

— Мятежи начинаются с потери чести. — возразил Валид ар-Гасан.

Телохранители, стоявшие позади, по этому поводу не высказались. Молодой Алим ар-Малави — тот самый, что сопровождал визиря при первой встрече с капитаном, тоже предпочёл промолчать. Этим благородный юноша визирю импонировал: одинаково хорошо умел и молчать, и слушать.

Выпустив несколько дымных колец, Джамалутдин-паша рассудил спор по обыкновению дипломатично.

— Отвезём этого табака халифу. Спросим его мнение.

Охранник как раз объявил о приходе Ржавого Капитана. Валид скривил лицо, выразив презрение к прозвищу, которое сам не употреблял. Визирь жестом дал понять: готов к аудиенции. Двери тут были достаточно высоки, чтобы капитану не пришлось сгибаться.

Шеймус вошёл без меча, зато в сопровождении кудрявого офицера, который показался Джамалутдин-паше слишком пьяным, и двоих отлично вооружённых наёмников.

— Вы ранены, капитан?

Глупый, конечно, вопрос. Шеймус выглядел куда хуже, чем в первую встречу. Лицо побледнело, бесчисленные пятна и веснушки на нём казались почти чёрными.

— Немного, но это не беда. Зато ваш полководец целёхонек.

Валид промолчал, хоть наверняка и не без труда: визирь оценил это.

— Мне доложили, что Камаль-бей скончался, да воздадут ему демоны Амоама за грехи пред всевеликим Иамом и славным халифом. Также я знаю, что опознаны трупы троих старших сыновей негодяя, а вы убили в поединке четвёртого. Позвольте поздравить с победой, капитан. Воистину, Иам сегодня был милостив и явил благосклонность к правому делу.

— Благодарю. Но это не тот поединок, которым я буду гордиться.

— Тут воля ваша, я нисколько не смею посягать на неё. Каждый достойный воин — хозяин собственной славы. А что касается других новостей, то я...

Закончить фразу Джамалутдин-паша не успел, потому что предмет разговора появился перед ним. Увидеть Исхилу-Камаль визирь не ожидал: по крайней мере, увидеть живой. А сама женщина, конечно, встрече рада не была. Обошлось без положенных в их кругу приветствий.

— Вы не потрудитесь объяснить?..

— О, это труда не составит, Джамалутдин-паша. Я исполнил то, что было приказано: взял город. При этом погибли Камаль и его взрослые сыновья, а прочие мятежники сложили оружие. Затем мы обнаружили во дворце госпожу Исхилу-Камаль, которую я вам с радостью передаю. Точно так же, как передам всех пленных вашим людям. Надеюсь, об этом Валид ар-Гасан позаботится?

У визиря не сложилось ощущения, что пару дней назад приказ был отдан недостаточно чётко. Или всё же был?.. В любом случае, давить на капитана он не стал: имелся вопрос поострее. Настолько острый, что порезаться недолго.

— Полагаю, что этот вопрос, при всей его важности, вполне возможно обсудить несколько позже. Но где же Фарид, младший сын подлого предателя? О нём я до сих пор ничего не слышал. Весьма обеспокоен загадочностью этой ситуации — и всецело надеюсь, что вы немедленно развеете туман.

Шеймус вместо этого лишь развёл руками.

— Не знаю. Во дворце его не нашлось, о розыске по городу я распорядился. Его ищут. Полагаю, что ускорить события можно лишь одним способом: спросить о местонахождении Фарида у его матери.

Визирь отложил мундштук. Смеются над ним тут, что ли? Впрочем, если смотреть на вопрос, так сказать, формально... Шеймус предложил вполне логичный шаг. Допустим...

— И где же Фарид?

— Оставьте в покое моего Фарида. Он всего лишь мальчик.

— Боюсь, вы сами превосходно понимаете: мы никак не можем поступить подобным образом, даже если бы желали того. Даже повели сие всевеликий Иам, нам пришлось бы отяготить души тяжким грехом послушания.

— Почему же?

Исхила-Камаль пыталась произнести эти слова саркастически, но голос заметно дрогнул. Визирь задумался — как простую, понятную, но весьма прискорбную причину можно облечь в более-менее мягкие слова. Валид же быстро сформулировал её по-своему: грубо, но точно.

— Потому, женщина, что мальчики вырастают.

Визирь опять слишком долго размышлял, что и как именно должен сказать. Теперь прежде него заговорил Шеймус.

— Если позволите, я бы уклонился от дискуссии о мальчиках. Чувствую себя дурно, да

ещё и ряд насущных вопросов требует моего внимания. Прошу, визирь, вашего разрешения удалиться. Я уверен: госпоже прекрасно известно, где находится её сын.

— Я ничего вам об этом не скажу.

— Госпожа себя переоценивает. — по позе Шеймуса было видно: он действительно собирается уйти, едва договорит. — Не думаю, что у вас с ней возникнут большие затруднения. Кстати! Не исключено, что в городе жив ещё кто-то, также обладающий информацией, но менее упрямый. Увы, мне тяжело вот так сразу вникнуть в местные взаимоотношения.

Визирь прямо кожей чувствовал: сидящий рядом Валид ар-Гасан закипает. С Висельником и его людьми Валид не ладил давно — не только из-за событий в Рачтонге. Предводитель Святого Воинства считал манеру общения наёмников недопустимой. Джамалутдин-паша понимал теперь, почему — однако рассчитывал не допустить конфликта.

— Капитан. Я боюсь, что более важного вопроса, чем поиски Фарида, у нас с вами сейчас нет. Так что увы, но в вашей просьбе я вынужден отказать, хоть превосходно понимаю: храбро и умело сражавшемуся весь день человеку необходим заслуженный отдых. Я сам желал бы посвятить этот вечер иным занятиям, приятным для души и тела, но вынужден заботиться об исполнении воли халифа, да будут долгими годы его славного правления.

— Фарид найдётся. Куда ему деваться из Фадла? А уж если мальчик ускользнул сквозь осаду, то вопросы стоит задавать кому-то, весь день находившемуся за стенами. Не так ли, Валид? Ну а мать Фарида здесь, для беседы любого рода она совершенно свободна. Уверен, визирь: при вас имеются люди, умеющие говорить с пленниками. Подход отыщется.

Визирь был разочарован этими словами.

— Вы напрасно тратите наше время, капитан.

Валид ар-Гасан опять вмешался в разговор:

— Ты должен заняться этим сам! Приказ был простым: бросить к ногам визиря головы предателей. Голов пока недостаточно. Не хватает двух.

Валид умел не только грозно смотреть и громко говорить. В каждом конце страны знали: когда речь о воле Иама и воле халифа, этот человек шуток не шутит.

Поэтому Джамалутдину-паше стало даже интересно взглянуть, кто из двух воинов спасует — или же каким образом сохранят лицо оба. Если ржавеет железное, то Валид подобен скале. Вредное любопытство, весьма вредное — но уж такими Иам сотворил людей...

— Головы Фарида здесь в любом случае нет. Нравится тебе это, Валид, или не нравится... Но так вышло. А с другой головой разбирайся сам.

— Уж не о своей ли ты голове?

Визирь заметил перемену в капитане. Тот прежде вроде как дерзил — но вроде и был вежлив. И спокоен. Казался усталым. Теперь же словно заговорил не сам наёмник, а нечто, спрятанное под проржавевшей оболочкой. Жившее в одном теле с человеком, который произвёл на визиря такое хорошее впечатление при знакомстве. Как монету перевернули.

— Моя голова крепко приделана к шее, Валид: за сорок лет даже не расшаталась. Ты можешь проверить, если визирь разрешит. И кстати, я слушаю приказы именно визиря. В толкователях не нуждаюсь. Заплатишь золотом — послушаю и твои: цена известна.

Джамалутдин-паша рассудил, что увидел и услышал достаточно. Он позволил себе

повысить голос, что делал очень редко:

— Довольно, вы оба! — тон тотчас смягчился. — Капитан. Я допускаю, что во время нашей первой беседы, воспоминания о которой остались прекрасные, случилось недоразумение: я, увы, тогда не вполне ясно выразился. Раз вы понимаете, чьи приказы должны в точности исполнять, то вот ясный приказ: решите вопрос с женой предателя и её сыном. Сами и без малейшего промедления. Именно для этого вы здесь.

— Да?.. Действительно, недоразумение. Ржавый Отряд вызывали для штурма города: акцент на войну с женщинами и детьми после окончания боя, увы, от меня ускользнул. Виноват.

Шеймус настолько учтиво поклонился, что оказалось бы неприлично обвинить его в издёвке. Хотя издёвка и была очевидна. Он продолжил:

— Но Фарида здесь действительно нет. Это, к сожалению, факт. И повторяю: единственный способ ускорить его поиски заключён в госпоже Исхиле-Камаль.

— В таком случае, капитан, будьте любезны: заберите госпожу Исхилу-Камаль и явитесь ко мне, когда будет о чём доложить. Это достаточно ясный для точного исполнения приказ?

— Почти. Позвольте уточнить: что именно, согласно вашей воле, я должен с ней сделать?

Джамалутдину-паше просто-напросто не хотелось это произносить.

Проклятая осада: все здесь стремятся избежать каких-то обязанностей! Да, Шеймус стремится меньше всех, но... Джамалутдин-паша рассчитывал, что хотя бы наёмники просто исполнят всё необходимое. Без вопросов и проволочек. Визирь тяжело вздохнул.

— Сделайте с ней то, что посчитаете нужным.

— Понятно. Будет исполнено в точности.

В этот миг самообладание Исхиле-Камаль всё-таки изменило. Она шарахнулась от капитана, но натолкнулась на кудрявого офицера, что стоял рядом — и чуть не упала. Красивое лицо вдовы искривилось, ненависти и страха на нём визирь отметил поровну.

— Будьте прокляты! Пожри вас Амоам!

Джамалутдин-паша был человеком довольно набожным, но проклинали его за долгую жизнь не раз — упоминание тёмного противника всемилостивого Иама не произвело на визиря большого впечатления.

Впечатление, увы, произвело иное.

Никак нельзя было поспорить: Шеймус обещал исполнить приказ в точности — и сделал это. То есть поступил именно так, как посчитал нужным. Меча при капитане не было, однако кинжал он выхватил из-за спины молниеносно: одновременно с тем, как дёрнул Исхилу-Камаль за волосы, запрокинув её голову.

Всё случилось очень быстро. Даже Валид ар-Гасан едва моргнуть успел — что говорить о визире. Кинжал не просто перерезал вдове горло: одним движением Шеймус почти полностью рассёк шею, словно саблей рубанул. Сталь скрежетнула по позвоночнику, кровь брызнула веером.

Джамалутдин-паша только рот разинул: не закричал, потому что грудь свело и набрать в неё воздуха оказалось невозможно. Капитан одной рукой оторвал женщину от пола и швырнул на топчан — она с пару широких шагов пролетела. Когда поток крови хлынул на атласное покрывало у ног визиря, Исхила-Камаль ещё была жива. Угасающую жизнь Джамалутдин-паша ясно видел в её глазах, когда одновременно пытался уползти и

отпихнуть тело.

Кто-то из телохранителей схватил визиря подмышки и оттащил, однако кровь уже обильно залила его штаны. Валид ар-Гасан вскочил, схватился за саблю — но Шеймус остановил его, выставив вперёд кинжал.

— Но! Спокойно, Валид! Ты сам говорил про головы!

Глаза вдовы наконец остекленели. Наполовину отрезанная голова осталась глубоко запрокинутой. Огромная рана раскрылась, словно женщина обратилась демоном из огненного царства Амоама — с кровавой пастью ниже подбородка. На лице, ещё минуту назад красивом, навсегда застыла гримаса, с которой вдова проклинала подданных халифа.

Визирь чувствовал, как содержимое желудка поднимается к кадыку — но в то же время не мог отвести глаз. Тот самый жуткий дуализм войны, быть может? Возможно, такое паша и хотел о ней изведать, отправляясь к Фадлу?

Валид ар-Гасан отпустил рукоятку сабли, так и не покинувшей ножны: Алим позволил себе мягко коснуться руки воина, чтобы успокоить. И Шеймус опустил кинжал. Он шагнул к топчану — в том никто не увидел угрозы, и правильно. Капитан лишь тщательно вытер клинок подолом убитой. Он оставался совершенно спокойным.

— Теперь не хватает всего одной головы. Надеюсь, и она отыщется: я уже сделал для того всё, что мог.

Портрет войны, о котором визирь размышлял несколько дней назад, впервые увидев Шеймуса, несколько сменил краски. Как ни старался Джамалутдин-паша совладать с организмом, его всё же стошнило: шёлковый халат теперь выглядел не лучше пропитавшихся кровью шаровар.

— В чём дело, визирь? — Шеймус будто искренне удивился его реакции. — Это всего лишь кровь. Я думал, вы успели заметить: ею залиты все улицы.

Капитан убрал кинжал, поправил плащ и уже наполовину обернулся к выходу, когда добавил:

— Меня можно упрекнуть во многом. Но только не в том, что я плохо исполняю приказы. Просто многие думают, будто отдавать их легче, чем выполнять: вот в чём штука. Мне кажется, всё как раз наоборот. Доброй ночи.

Визирь сам подивился тому, как глубоко согласен оказался с суждением капитана. Не великая мудрость — но эти слова стоили всего прочитанного в восторженных сочинениях, авторы которых на войне не бывали.

Встать под «ржавые» знамёна — значит уйти в бесконечный поход, и так обстояло всегда. Отряд стоил слишком дорого, чтобы осесть при каком-нибудь правителе, нуждающемся в регулярном войске. И тратил слишком много, чтобы подолгу оставаться без дела. Изредка «ржавые» копили силы по полгода, занимаясь обучением новобранцев — обычно после очень тяжёлых потерь. Но на памяти Ирмы подобное случилось лишь пару раз.

А кто бы что ни говорил — человеку нужен дом. Или хотя бы нечто похожее. За десять лет Ирма отлично научилась наводить уют где угодно — хоть в голом поле или на заснеженном перевале, хоть в полуразрушенной при штурме крепости. Где остановились — там и дом.

Переезд из лагеря в покои Камаль-бея оказался совсем ерундовой задачей. В предыдущем замке Ирма полвечера оттирала комнаты прежнего хозяина от крови — а здесь работы почти не нашлось. Так что женщина взялась привести в порядок саму себя: на это давненько не находилось вдоволь времени.

Более всего здесь Ирму поразило зеркало Исхилы-Камаль — огромное, с двери размером. В родных краях подобного, может, и вовсе не сыщешь... Хотя так уж сложилась жизнь, что чужие земли Ирме довелось узнать лучше родины. В Лимланде она, кроме родной деревни, видела очень немного.

Ирма неторопливо вращала головой, рассматривая, как в рыжих волосах переливается золото и вспыхивают грани огромных изумрудов. Жизнь среди наёмников приносит не только тяготы и лишения: украшениями женщина давно избаловалась. Но таких серёг у Ирмы никогда раньше не было.

Поистине королевские! Страшно подумать, сколько стоят такие камни и такая работа ювелира. А ведь это только малая часть добра бывшей хозяйки Фадла, которое Ирма уже успела внимательно изучить. Ещё вчера Исхиле-Камаль могла позавидовать почти любая женщина на свете, но теперь жизнь повернулась иначе. Что поделаешь? Случается.

Однако сцена на пиру лимландке радости не доставила. Только смутила — да и унижение вдовы бея не могло изменить вещи, решённые ещё при рождении. При любых украшениях крестьянка останется крестьянкой. Госпожа никогда не перестанет быть госпожой. Со стороны может иначе показаться, конечно, но внутри...

Приятный процесс любования обновкой прервался внезапно. Дверь покоев распахнул Валфри — один из телохранителей Шеймуса, уже почти старик, однако крепкий и надёжный. За ним вошёл Ангус. Он вроде бы по-дружески приобнял капитана, но Ирме показалось — скорее ненавязчиво помогает идти. Шеймусу явно стало плохо. Появились и ещё два солдата, которых капитан всё время держал при себе: чернокожий азиниец Айко и Идвиг Дровосек, земляк Ирмы. Тоже из несчастного Лимланда, раздавленного меж могучих соседей в Великую войну, как корабль во льдах.

Сбросив с плеча тяжёлый плащ, Шеймус рухнул в кресло — которое едва это выдержало. На руках капитана Ирма заметила кровь. Почему-то сразу поняла: чужая.

— Я всё-таки могу послать за Крессом. — сказал Ангус.

Пожалуй, стоило...

— Да всё со мной нормально. Дайте выпить.

Ирма как раз металась вокруг, пытаюсь понять, чем может помочь и с какой стороны к

капитану подступиться — так что распоряжение прозвучало очень вовремя. Шеймус сделал лишь небольшой глоток: потом чуть не запустил кубок в стену. Но едва замахнулся, как Ирма ловко забрала чашу из его руки.

— Дерьмовая какая-то победа.

Шеймус запрокинул голову, закрыв лицо ладонями. Похоже, случилось нечто дурное, о чём Ирма пока не знала... Ангус пожал плечами. Мрачного настроения командира он не разделял.

— Зря ты с ней так. Визирь может обозлиться, а Валид уж точно зубы точит. По-дурацки вышло, конечно, что шкет сразу нашёлся...

— А говорить за него теперь некому.

— Ну а кто знал, с другой стороны? Да никто не знал. Но нехорошо. Нехорошо как-то. Визирь...

Ирма решила, что лучше не станет спрашивать о подробностях. Всё равно завтра узнает.

— Срать на визиря, Ангус. И на Валида тем более. Война кончается, и нас тут всё равно лишнего дня не потерпят. Нечего больше делать в Шере. А что «зря»... вовсе и не зря. По моему, я в этом городе единственный, кто старался сделать как лучше! Только вышло — как всегда...

— Может, не нужно стараться?

Ангус, встряхнув завидной шевелюрой и подобрав плащ, присел на край маленького стула и сам наполнил себе кубок. Шеймус пытался полулечь в кресле, но для того оно оказалось маловато. Ему было больно, это Ирма ясно видела.

— Ты помнишь, Ангус, как говаривал Мендоса? Нельзя всё время просто убивать. Не втолкуешь это мальчишкам, но теперь я понимаю, что он имел в виду. Потребовалось убить много людей...

— А мы когда-то занимались чем-то другим?

— Занимались. И сейчас занимаемся. Может, это пока не так заметно... Может, ты пока не понял. Мы с тобой всегда смотрели на вещи по-разному.

Валфри всё не мог решить, куда положить капитанский шлем, на котором перья за день порядком истрепались. В итоге лимландка протянула руки, и солдат наконец избавился от ноши почётной, но явно ему надоевшей. Ирма нащупала платок под кожаным подвесом, вытащила его и незаметно спрятала в рукаве. Идвиг поставил воронёную кирасу на пол, прислонил к ней набедренники, кое-как пристроил сверху латные плечи и горжет. Начищенным доспех Шеймуса был очень красив — но сейчас, под грязью и кровью, заметили бы это немногие.

Ангус довольно долго молчал. Он задумчиво глядел в кубок — будто надеялся обнаружить ответ в вине. Возможно, именно там его и нашёл.

— Ты прав. Насчёт «не понял» и «по-разному». Поэтому я пошёл за тобой когда-то, а не наоборот. Ладно... Идвиг! Ну ты чего доспех вот так бросил?

— Дык это... ну... куда его...

— Я разберусь, не волнуйтесь. — поторопилась вмешаться Ирма. Лейтенант кивнул.

Шеймуса судьба доспеха не волновала. Мутно глядя в потолок, он произнёс:

— Ангус... Ты не задумываешься, что будет дальше?

— В смысле, пойдём ли в столицу? Ясен пень, что...

— Да нет же! Вообще, в целом. Через год, два. Через пять или десять, если доживём.

— Опять не пойму, к чему ты.

— Да так... — Ржавый Капитан вяло отмахнулся. — Ни к чему. Забудь.

— Ну и пёс с ним. — Ангус хлопнул себя по коленям. — Как говорится, пора мне и честь знать. А то совсем нажрусь и упаду до утра, а я ещё бабу хочу, между прочим. Вы, трое! На двери! Порешайте с порядком дежурства, учить вас не надо. Видите: командир устал, ему не до приказов. Давайте-давайте, не тупите. И не пускать никого! Даже меня. Так, на дорожку...

Лейтенант налил себе ещё. Вьющийся медовый локон попал в кубок: Ангус выругался после чего незамедлительно выпил. Телохранители направились к дверям. Их и правда учить не надо...

— Всё, пойду. А то Шеймус совсем смурной. Ты его развесели, что ли!

Ангус подмигнул женщине. Та ответила улыбкой.

— Я постараюсь.

На полпути к выходу лейтенант обернулся, намереваясь ещё что-то сказать, но Шеймус вновь махнул рукой: уже довольно раздражённо. Двери закрылись. Ирма и Шеймус наконец-то остались вдвоём.

Ирма только об этом и думала с момента, как её забрали во дворец. На людях всегда держалась кротко, но теперь женщину уже ничто не смущало. Сию же секунду Ирма обхватила ладонями лицо капитана и прильнула к его губам.

Совершенно не важно, что сегодня случилось и что будет дальше. Сейчас было хорошо — именно в том, о чём Ирма простодушно молилась перед рассветом. Она забралась к Шеймусу на колени. Целовались долго.

— Ну всё, всё...

Шеймус погладил её по щеке. Ирма довольно мурлыкнула — нежности от него нечасто можно было дожидаться. Обыкновенно всё происходило... по-другому.

— Воняю я хуже верблюда. У них тут есть ванна?

— Конечно. Вон там, комната справа. Я всё приготовила. Помочь?

Ирма взялась пальцами за застёжку дублета.

— Ну-ну, я не настолько немошный.

Вопреки этим словам, от одежды Шеймус избавлялся с трудом — но лимландка не решилась настаивать. Она опустилась на пол, к брошенному капитаном плащу. Да уж... слишком много крови и пыли даже для «ржавых» цветов.

— Совсем испорчен, да?

— Сошью тебе новый, ещё лучше. Завтра же начну. Этот всё равно уже старый...

Ирма вдруг так увлеклась мыслями о предстоящей работе, что вытащила кинжальчик и начала аккуратно отпарывать тигриный мех. Тот, к счастью, особо не пострадал. Но скоро обозная жена спохватилась и решила оставить это занятие до завтра: только подняла плащ с пола, переложив в кресло.

Было дело гораздо важнее. Капитан кое-как разместился в позолоченной ванне, рассчитанной скорее на Исхилу-Камаль: теперь Ирма наконец увидела рану. Ничего в ней хорошего, а главное...

— Ну что это за повязка! Кто её вообще сделал?

— Да я не помню. Кто-то. Всё равно заживёт как на собаке. Куда оно денется...

Ирма недовольно цокнула язычком.

— Я сейчас переделаю.

В вопросе ухода за ранами Ирма проявляла твёрдость — поскольку сам капитан к ним относился пренебрежительно и Кресса частенько не слушал. Некому тут больше настоять! Неудивительно, впрочем: шрамов на теле Шеймуса скопилось преизрядно.

По ним Ирма легко могла освежать воспоминания. Да, она помнила каждый шрам, что появился за десять лет — и знала историю некоторых более старых. Вот дыра от рыцарского копья, пробившего доспех, но застрявшего в рёбрах. Вот две отметины от муангских стрел — они оказались чем-то смазаны, и капитан три недели мучился лихорадкой. Старые ожоги от кипящего масла, уже больше заметные наощупь, чем глазами. Длинный рубец поперёк живота — на память о Тагенштайне, знаменитом сражении Великой войны. В тот год Ирма ещё была ребёнком.

И много, много других. Двадцать шесть лет на войне никого не пощадят — особенно если начать с низов и нескоро справить себе хорошую броню.

Пришлось сходить за лекарскими принадлежностями, в работе с которыми Ирма руку набила давно. Худо-бедно набила: даже подмастерья Кресса справились бы лучше, только поди уговори Шеймуса их к себе подпустить. Ирме же он не возразил.

Из раны снова пошла кровь, запачкав ладони женщины и подкрасив воду в ванне. Увы, зашивать такое нельзя, это Ирма помнила твёрдо. Пусть лучше кровь течёт наружу, чем внутрь.

— Кресс всё-таки должен посмотреть. Хотя бы завтра...

— Для Кресса у парней много ран посерьёзнее. Моя уж точно подождёт.

— Твоя тоже не пустяшная!

— Сам чувствую, что не пустяшная... Не молодею. Дерусь как прежде, но после боя всё тяжелее. С каждым годом. Да с каждым боем, если честно.

Эмоции редко пробивались из-под ржавой оболочки, но эти слова прозвучали с горечью. Ирма не знала, что ответить, дабы это не показалось жалостью. Обнять? Уже лучше, но тоже не к месту. Вместо этого Ирма решила сделать нечто полезное, но тотчас забыла, что именно. Стоило шагнуть назад, как капитан ухватил её за запястье.

Хотя Шеймус пальцы толком и не сжал, силы в них было довольно, чтобы Ирма ощутила: ещё чуть-чуть, и её тонкие косточки хрустнут. А от такого чувства лимландка делалась сама не своя. О да... на её бледной коже вечно оставались синяки, ну и пусть.

— Послушай... а платья госпожи тебе по размеру?

Разумеется, уж это Ирма проверила в первую свободную минуту.

— Вполне.

— Вот и поди-ка, надень самое красивое. Только не красное, я тебя прошу. Тошнит меня уже сегодня от красного...

— Сейчас!

Она тотчас упорхнула в соседнюю комнату, уже точно зная, что именно наденет. У Ирмы было куда более конкретное представление о «самом красивом», чем у капитана.

Наряды Исхилы-Камаль оказались не менее удивительными, чем украшения. Даже сама ткань — совсем не такая, как привычные Ирме, пусть и самые дорогие. Их наверняка привезли из земель, где Ржавый Отряд никогда не бывал. Увлечшись необычным ощущением на коже, лимландка даже решила избавиться от нижней камизы, надев платье прямо на тело — и совсем не пожалела о таком решении.

Ирма прежде не носила мураддинских нарядов. Глядя в зеркало, не могла понять: выглядит сочетание северной внешности с южным покроем выгодно или немного нелепо.

Зато зелёный цвет платья к коже, глазам и волосам подходил прекрасно.

Судя по звуку, Шеймус уже перебирался в спальню — и делал это очень медленно. Сначала возникла мысль помочь, но потом Ирма решила: капитан будет не очень-то рад, если даже она увидит, как он еле-еле идёт. Трудно вообразить, каким усилием Шеймус до сих пор заставлял себя выглядеть более-менее бодро при солдатах и офицерах.

Поэтому женщина потратила ещё немного времени, вновь перепробовав запахи из бесчисленного множества флакончиков на невысоком столе. В итоге выбрала самый интересный, стряхнув на пальцы маслянистую каплю и проведя за ухом.

Капитана она застала сидящим на очень низком, но зато чрезвычайно широком ложе под балдахином. Надевать он ничего не стал, зато успел отыскать длинную коробочку из чёрного дерева, которую никак нельзя было забыть в лагере. Оттуда капитан извлёк трубку, а также коричневатый шарик размером с крупное зерно.

Ирма покачала головой.

— Кресс говорит, что от маковой смолы очень много вреда.

— Без сомнений. Но думаю, она не вреднее сабли подмышку... Зато болеть не будет. Жизнь — вообще занятие вредное, знаешь ли. Все в итоге мрут.

Конечно же, ему было больно. И конечно, Ирме хотелось, чтобы боль утихла — но не таким способом. Увлечение Шеймуса шерскими снадобьями её давно беспокоило. Если уж выбирать меж этих сомнительных средств, то...

— Бханг тоже помогает. Я сейчас сделаю.

— Да, он облегчает жизнь... но не так сильно.

— Ну... — Ирма игриво намотала на пальчик рыжий локон. — Я тоже постараюсь помочь. Уж на что-нибудь сгожусь?..

Шеймус негромко рассмеялся — уже неплохо. Шарик маковой эссенции вернулся в коробку.

— Ладно-ладно. Сказать по правде, та ещё гадость. Ну давай, забей бханга. Только побыстрее.

Нехитрые принадлежности помещались в другом ларце, стоящем на столике в углу. Ирма достала трубку покороче, но объёмнее — лакированную, расписанную цветными узорами. Поворошила рассыпчатое содержимое бархатного мешочка, зачерпнула серебряной ложкой измельчённый сухой лист. Женщина чувствовала, что капитан не сводит с неё взгляда — и слегка подыгрывала, поворачиваясь так и этак.

— Наконец-то смотрю на что-то красивое... — капитан жестом остановил её на полпути и указал пройти туда-сюда. — Весь день одна только кровь. Кровь и дерьмо.

Ирма, повинувшись плавным движениям руки, описала пару кругов по комнате. А потом передала Шеймусу трубку и запалила содержимое от тлеющей ароматической палочки. Капитан затаился, опустил веки и прикрыв чашу пальцем — на жар из неё внимания вовсе не обратил. Надолго задержал дыхание, затем выпустил мягко пахнущий дым. Тот запах ни с чем было не спутать.

— Давай-ка, теперь ты.

Ирма предпочла бы этого не делать, но повиновалась — правда, дыма вдохнула гораздо меньше.

Кого ни спроси, дым этого растения каждый находил приятным. Нечто похожее росло и у Ирмы на родине, да и практически везде, кроме совсем холодных краёв — но те растения шли только на пеньку. Использовать их иначе ульмисийцам в голову никогда не приходило.

Поначалу никаких ощущений не случилось, но так бывало всегда. Капитан докурил оставшееся.

— Не знаю, как тебе, а мне уже получше.

Это было заметно. Ирма помогла Шеймусу осторожно лечь на спину, а сама села рядом.

— Ты ведь убил сына бея в поединке, да?..

— Я убил сегодня кучу народа. В том числе и глупого мальчишку, которому это было ни к чему.

— Всё равно. Поединки — это красиво. И выходит, многие остались живы благодаря тебе. Жаль, я не видела.

Ирма, конечно, слукавила. Уж о чём она никогда в жизни не жалела — так это если не доводилось увидеть бой.

— Ничего красивого не было: как клопа раздавил. Хорошо, что ты не видела.

Она положила ладони на грудь Шеймуса. Медленно повела одну к плечу здоровой руки, а другую — широкими кругами. Женщина чувствовала, как совсем не похожее на хмель опьянение медленно накрывает и её. Расслабление в теле и голове сочеталось с усилением чувств. Запах благовоний стал насыщеннее, а столь любимое ею ощущение твёрдых мышц под ладонями — острее.

Это в одежде Шеймус казался болезненно худым. На деле в нём просто не было ни капли жира, вообще ничего мягкого — словно кости обмотали канатами. Россыпь разноцветных точек и пятен покрывала не только лицо: практически всё тело. Почти не похожее на плоть, если потрогать.

Всё верно, ведь так Шеймус и говорил: под ржавчиной всегда железо.

— Даже про некрасивые поединки пишут песни. Менестрели — те ещё наглые льстецы.

— Ну! Про меня разве только наши солдаты напишут. И споют они же... Менестрели любят рыцарей да лордов, сама знаешь. Наёмников никто не любит.

Ирма остановилась, услышав это, а затем легла рядом.

— Это неправда. Я люблю тебя.

Капитан, лениво играя пальцами с её волосами, ответил обыкновенно:

— Я знаю.

Ничего другого Ирма услышать не ожидала.

Иной раз её это расстраивало, но не теперь. Нынче действие бханга полностью лишало волнений о чём угодно: курящие эти листья способны только любить мир вокруг. Обилие работы не позволяло отрастить красивые длинные ногти, но маленькие коготки были достаточны для того, чтобы вдавить их в кожу на груди капитана и с усилием проташить.

Ирма вдруг вспомнила слова Ангуса — и всё-таки решилась спросить.

— А ту женщину ты тоже убил?..

— Да, убил.

Судя по голосу, и Шеймус уже видел всё вокруг в прекрасных красках.

— Не хотел, но так уж вышло. Было нужно: для неё самой это оказалось лучше. А мальчишку всё равно не уберегла... Но тут уж не я виноват.

— Значит, ты всё сделал правильно. — Ирме сделалось обидно за капитана, решение которого не оценил даже ближайший соратник. — Какая тут может быть вина? Горе побеждённым.

Ирма знала значение этих слов лучше многих. Шеймус промолчал.

Женщина приподнялась и начала освобождаться от платья — она вовсе не была

настроена просто уснуть. Особенно после того, как бханг снял и усталость, и всякие тревоги этого дня.

— Оставь. Голой я тебя вижу постоянно, а в таком — нет. К тому же, уж прости — но до утра даже не пошевелюсь. Я пир-то этот в гробу видал... но куда деваться, так надо. Иначе не поймут. Не-не-не, даже не пошевелюсь.

Ирма озорно закусила губу.

— А тебе и не нужно.

Мураддинское платье так и осталось полуспущенным с плеч, когда женщина, прижавшись губами к рябой коже, скользнула вниз. Поначалу неторопливо — но ладонь, что легла на макушку, заставила сделать это быстрее.

Подёрнутые дымом бханга чувства обрели интригующе отличные от обыкновенных оттенки: и запах тела, и прикосновения, и собственное возбуждение... Они вычерчивались по отдельности, не смешиваясь. Тяжёлое дыхание, зарывшиеся в волосы лимландки пальцы, её ощущения от каждого совершаемого движения и звуки от них же — которые Ирма зачем-то постаралась сделать как можно более пошлыми.

Ирме не слишком скоро удалось довести дело до конца — хотя сам момент, пожалуй, стал от этого только лучше. Она провела пальцем по уголку рта, облизнула его и, стараясь прижаться всем телом как можно плотнее, проскользнула наверх.

— Я, конечно, не маковая смола, но так ведь лучше?.. — промурчала Ирма, потеревшись щекой о шершавую от шрамов кожу.

Грудь капитана пару раз дёрнулась в почти не прозвучавшем смехе. Он обнял Ирму здоровой рукой.

— И куда мы пойдём из халифата?.. — вдруг спросила она не к месту и не ко времени.

— Пока не знаю.

Шеймус гладил Ирму по спине, и хоть это было приятно, но всё-таки немного странно. Кажется, никакого действительно нежного движения у капитана вовсе получиться не могло, даже если он старался. Эти руки способны только ломать людей.

— Ну и неважно, куда: ты везде будешь побеждать.

— Есть люди, которые рождены, чтобы победить.

Ирма не очень поняла его фразу. Кого победить? Где? Наверное, слова уже путаются... Она тихонько говорила ещё о чём-то, но едва ли Шеймус слушал; да Ирма и сама себя не слушала. Её глаза потихоньку слипались.

Лимландка устроилась поуютнее, стараясь не потревожить рану капитана. Она вспомнила пир в главном зале — и те слова о случившемся в Рачтонге. О том, что в тёмном лесу, которым капитан видел весь мир, он — самая злобная, свирепая и страшная тварь.

Ирме нередко вспоминалась одна сказка, услышанная в детстве: о маленькой девочке, которая заблудилась в диком лесу, населённом чудовищами. Страшнее всех был Большой Волк. Его до смерти боялись и люди, и звери — только девочка почему-то совсем не испугалась. Подружившись с Большим Волком, она выжила в лесу и смогла вернуться домой.

Ирма давно чувствовала себя той маленькой девочкой, укрывшейся под боком самого страшного зверя из всех, что рыщут вокруг. Даже Ангус, наверное, немного побаивался капитана. Хотя бы иногда. Но она — нет, хотя так сложилось далеко не сразу. Разница между жизнью и сказкой для Ирмы была небольшой. Заключалась в концовке: возвращаться домой не хотелось.

Хотя ей уже и некуда было возвращаться.

Фадл окончательно погрузился в ночь: прохладную, как всегда в пустыне, но всё равно приятную. Ветерок больше не доносил запахов боя — он пах лишь жасмином и лаймом. Стихли звуки и последних схваток на окраинах, и празднования победы во дворце.

В жизни шагающих под «ржавыми» знамёнами война заканчивалась только в такие моменты. И лишь до утра.

Клемент понимал: раненый конь его к своим не вынесет.

Имени лошади он не узнал — уже третья за битву, принадлежала прежде какому-то сквайру. Теперь поздно спрашивать. Конь хрипел и почти отказывался слушаться: проколотый пикой бок оставлял ему немного времени. Но Клементу куда больше волновала собственная судьба.

Он не понимал, почему конная атака захлебнулась так быстро. Никто не ожидал, что пикинеры командора Мендосы побегут при виде рыцарей, конечно — да никто и не приказывал решительно их отбросить. Довольно было просто остановить, в идеале — сковать боем, лишив фланг балеарцев манёвра. Однако всё обернулось настоящей катастрофой. Тяжёлая конница стирлингцев разбилась об ряды противника, словно яйцо об сковородку. Клемент и моргнуть не успел, как оказался среди врагов один: многих всадников сшибли с коней да повытаскивали из сёдел, остальным след простыл.

Он даже не помнил, как выбрался. Похоже, Клемент получил по голове и потерял сознание: чудом удержался в седле, а раненый конь со страху бросился прочь сам.

Более-менее очухавшись, Клемент осознал: он ещё и безоружен. Копьё, конечно, сломалось при ударе в ряды балеарцев — осталось в чьей-то груди. Меч рыцарь потерял, остался только закреплённый ремнём щит. И кинжал на поясе, но для настоящего боя это не оружие.

Голова гудела страшно. Ощупав шлем, Клемент обнаружил пробоину: хорошо, что ниже были ещё лёгкий черепник и толстенный подшлемник. Иначе уже не пришлось бы ни о чём беспокоиться. Тьма перед глазами рассеялась, хотя полупрозрачные пятна ещё мелькали. Самое время осмотреться.

Но тут колени лошади подкосились. Клементу хватило сноровки, чтобы вовремя вытащить ногу из стремени. Окажись он придавлен умирающим конём — и это точно конец, но повезло. Повезло даже с падением. Земля на морозе сделалась нынче твёрже камня, но под холмиком как раз намело небольшой сугроб.

Помянув Нечистого и попросив у Творца Небесного прощения за это, Клемент присел. Горячая кровь растекалась под конём, топя свежий снег. Первое, о чём подумалось — нужно прервать мучения животного.

— Королевство Стирлинг не забудет доброй службы... — пробормотал Клемент, заноса кинжал.

Кончено. Теперь уж точно пора осмотреться... Подняв забрало, рыцарь едва разобрал, где находится.

Вновь усилилась метель, из-за которой с утра сражение развивалось медленно. Сквозь снег, несущийся поперёк поля, кое-как виднелись ряды пехоты. Ярких флагов Балеарии рядом нет: только чёрные знамёна, на которых в пурге не разглядишь белого волка. Это наёмники Мендосы, а значит — Клемент недалеко от левого фланга.

Ну точно: виднелась и скала, надёжный ориентир. Только замок на её вершине скрылся в снежной дымке. Тагенштайн.

По крайней мере, Клемент не заблудится. Холода он совсем не чувствовал: сердце вовсю колотилось, даже брови от пота намокли. Это ненадолго, но если не засиживаться — мороз не страшен.

Вражеские пехотинцы наступали медленно. Им тоже нелегко двигаться по снегу, и сил бой отнял много: сколько бы ни травила солдатня баек о людях Мендосы, они всё-таки из плоти с кровью. К тому же наёмники держали плотный строй: боялись проморгать ещё одну атаку всадников.

Издалека грохотало, но вспышек сквозь метель видно не было. Балеарские пушки работали вслепую, для острастки — чтобы стирлингцы не решились двигаться по центру, надо полагать.

Виной тому пушки, удар по голове или мягкий снег — но всадника Клемент услышал в последний миг. Вскочил, поднял щит, однако напрасно: воин носил жёлто-зелёные цвета его рода.

— Сир! — всадник протянул руку. — Скорее! Нужно уходить, забирайтесь!

Лицо было наполовину скрыто шлемом, наполовину замотано от холода, но голос Клемент узнал. Это Киаран, оруженосец из его замка — совсем мальчишка, такому по уму и рановато в бой...

— Что с нашими? Где Освин? Логан?

— Нет времени, сир! Всадники ван Стекелена рядом. Нужно уходить!

Раз конница врага близко — то и правда не время для разговоров. Кое-как Клемент взобрался на круп коня. Мужчиной он был крупным, да ещё в латах, однако нынче не до заботы о лошади. Как-нибудь дотащит...

На прежних позициях рыцарей Стирлинга уже не было: сквайр повёз Клемента гораздо дальше. Смахивая снег, залеплявший глаза, рыцарь пытался оценить обстановку — тщетно. В пурге ничего не разберёшь.

— Так что с Освином? С Логаном?

— Об Освине не знаю, сир. Логана видел: он отступал.

Хорошо бы знать, конечно, как складывается бой в целом — да только кто на фланг доложит...

Сражение-то огромное. Одних тяжёлых всадников — рыцарей, сквайров и жандармов, король привёл к Тагенштайну десять тысяч. Примерно столько же набралось пеших латников, лучников и арбалетчиков из Стирлинга, да ещё подошли союзники. Балеарская армия под началом маршала Фалькао и командора Мендосы не уступала числом.

Клемент слышал, что ещё с утра балеарцы разбили силы Анри Бомонта и Гильома Скофела — но похоже, это ничего не решило. Как и успехи герцога Линкольна, впрочем. В том, что балеарская пехота научилась превосходно противостоять рыцарям, Клемент с горечью убедился давно. Казалось бы — нынешняя погода стирлингцам, привычным к холоду и снегу, должна быть на руку. Однако балеарцы и к суровым зимам успели приспособиться.

Немудрено. Сир Клемент родился незадолго до войны, а прошлой зимой справил сорокалетний юбилей — но мирное время всё ещё не наступило. Говорят, мудрые пэры и священники в столице уже называли эту войну Великой. Клемент в столице много лет не бывал, а уж тем более — дома, в далёких от неё северо-восточных землях. Всё время на передовой. И величия в войне он находил мало. Вот ужаса — порядком...

— Когда-нибудь эта война закончится... — прокричал он, слезая с коня.

Отступившая на высокий холм конница выглядела дурно. Очень много раненых: их разложили на снегу, побросав тёплые походные плащи с гербами лучших семей Стирлинга. Отвести в тыл, ясно, никакой возможности: тащить сюда телеги опасно, да и больно трудно

в метель. Кто-то стонал, кто-то уже нет — может, многие из рыцарей успели тихо умереть. Кругом фыркали кони, из их ноздрей валил пар. Простреленные знамёна бились на морозном ветру.

К облегчению Клемента, молодой сир Виберт Освин выбрался из боя. Он стоял на коленях, снегом стирая с лица кровь, но едва ли был тяжело ранен. Логан тоже оказался здесь: выговаривал людям в своих цветах, используя совершенно неприличные для рыцаря выражения.

— Мендоса наступает! — объявил сир Клемент.

Никого это не удивило, но взгляды всадников скрестились на Клементе не просто так. Нужно что-то решать: либо уходить, сдавая фланг армии, либо собраться с силами и встретить врага. Клемент колебался. Он верил, что сил у благородных мужей Стирлига ещё достаточно, но что касается духа — испытывал большие сомнения. Отвага часто иссякает куда быстрее, чем слабеют мускулы.

Далеко не все здесь приходились вассалами отцу Клемента. Многие носили куда более высокие титулы. Однако все ждали именно его приказа. Рыцарь ещё не решил, что скажет — однако набрал полную грудь воздуха, так, что горло и лёгкие вмиг заморозило. Тянуть никак нельзя, даже если решение будет ошибочным.

Но он так ничего и не сказал: со стороны перелеска, покрывшегося инеем, раздались бодрые сигналы труб. Снег мёл низко — ещё не разглядеть самих всадников, но Клемент видел королевские штандарты.

Король Балдуин ехал впереди своего прекрасного отряда — невозможно было не узнать. Перьям на его шлеме, кажется, никакая метель не была страшна. Все рыцари рядом носили поверх брони яркие сюрко королевских цветов — но роскошная накидка Балдуина буквально костром горела на фоне снега. Искусно расшитый шёлк делал самого короля чем-то вроде знамени.

Появление Балдуина ободрило всех. Приветствуя его, поднялись даже те, кто лежал-то с трудом.

— Что, Клемент? — голос Балдуина звучал задорно, будто на пиру. — Мендоса наступает, верно?

— Да, Ваше Величество. И ван Стекелен близко. Они рассчитывают...

Король не собирался выслушивать подробный доклад.

— Волк Мелиньи силён и отважен. — сказал он, глядя в пургу, в сторону неприятеля. — Но и на такого зверя в Стирлинге волкодавы найдутся. Оборонятся не станем: атакуем навстречу! Я сам поведу рыцарей в бой!

— Но может, Ваше Величество...

— В чём дело, Клемент? Неужто полагаешь: хватит на сегодня? Пора отступить? Крепко же тебя там ударили!

— Шутить угодно Вашему Величеству... так, пригладили слегка. Вы представляете: третьего коня за день подо мной убили. Проклятие какое-то!

— Когда выиграем эту войну, я подарю тебе тридцать коней. А сейчас... подайте уж какую-нибудь лошадь сир Клементу! Я не боюсь атаковать Мендосу: ведь добрый друг поскачет со мной, колено в колено. А ты, Клемент? Ты плечом к плечу с другом атаковать не боишься?

Сир Клемент рассмеялся. Умел король Балдуин сказать вот так: вроде и шутя, а вроде — серьёзнее некуда.

— Мне бы новые меч и копьё, Ваше Величество. А то как-то несподручно будет...

— И верно: даже сыну твоего отца несподручно без оружия. Ну же?! Дайте славному рыцарю меч! Клемент, поднимай своих всадников. Нельзя терять ни минуты! Сыны Стирлинга! Вы убедились: враг силён, жесток и бесстрашен. Но тем больше славы в победе, которую мы сегодня одержим!

Удивительное действие всегда имели слова короля Балдуина. Едва услышав их, лихо запрыгивали в сёдла даже те, кто минуту назад и не мог, и не очень-то хотел встать на ноги. Клемент сам не заметил, как снова оказался верхом, а его пальцы крепко сжали поводья и рукоятку меча. Снег забился под шлем, противно колот лицо и шею, но это ничего: сейчас растает.

— За славу Стирлинга! — прокричал Балдуин, высылая коня вперёд.

— За Стирлинг! За короля!!! — звучало вокруг.

Клемент попытался опустить забрало, но шлем погнулся сбоку — шарнир теперь заедал. Пришлось ударить наверху меча, чтобы стальная маска наконец упала. В момент, когда мир вокруг делался видимым через узкую прорезь в металле, Клемент всегда ощущал прилив сил.

— За короля!.. — выпалил он громче всех и быстро нагнал Балдуина.

ГОРИ ЭТО ВСЁ (часть вторая). Глава 1

Ночь застала их в пути, хотя потому четверо всадников и не поехали обычной дорогой — хотели достичь укрепленной деревни засветло. Просчитались. И немудрено: эти места они до сих пор знали плохо.

Но кто из спутников посмел бы перечить Вермилию? Кто, возражая против его решимости ехать короткой дорогой, настоял бы на огибающем заболоченный лес тракте? Кто сказал бы, что Вермилий, паладин Церкви, не проведёт своих людей от деревни до деревни — дороги-то на полдня верхом? Усомниться в человеке, сражавшемся ещё на полях Великой войны двадцать лет назад, благословленном самим архиепископом на святую миссию, было недопустимо.

По крайней мере — вслух.

Всё огромное королевство Стирлинг, некогда — северо-восточные пределы Старой Империи, не отличалось райским климатом: только на самом юге выращивали виноград. Однако собственные восточные границы Стирлинга были по-настоящему неприветливы. Недавно началось лето, но весну или осень оно напоминало куда больше.

Вот и прошедший день вышел пасмурным, а ночь намечалась промозглая. Лес близко подступал к тропе — дорогой это назвать язык не поворачивался. Справа, меж толстых сосен, можно было разглядеть отдалённые болотные огоньки, мерцавшие холодно и зловеще. Сырой воздух почти не двигался. Единственные звуки, что раздавались поблизости — шаги лошадей да позвякивание доспехов. Птицы больше не кричали и не хлопали крыльями, лишь изредка где-то очень далеко завывали волки. Чёрные силуэты деревьев уходили ввысь, но их куцые кроны не могли совсем скрыть звёзд.

Двигаться дальше казалось небезопасным. Восточный Лес, где власть короля Балдуина и его вассалов заканчивалась, лежал в паре дней пути, конечно... Однако и в этой роще ощущалась некоторая тревога.

К тому же воинам следовало признать, что они заплутали. Но Вермилий держался твёрдо и невозможность добраться до форта признавать не желал. Он горделиво восседал на роскошном коне, облаченный в чисто отшлифованные латы и белое паладинское сюрко.

Двое из его спутников тоже были рыцарями. И тоже далеко не последними, пусть не паладинами — братья ордена Перекрёстка, сир Брюс и сир Гордон. Их доспехи покрывали чёрные орденские накидки. Белые линии перечёркивали их по диагонали, а не так, как обычно располагался святой символ. Эти люди не только были благочестивы и опыты в рыцарском деле: они происходили из очень славных родов. Однако оба давно отказались от фамилий и прав в пользу служения Творцу Небесному.

Следовавшему за ними юноше ни от чего отказываться не пришлось. Мартин Мик был из рода очень бедного и малозначительного: происхождение только и дало ему, что возможность стать пажом, а не церковным служкой. Но затем удача благоволила мальчику. С недавних пор Мартин Мик служил оруженосцем Вермилию. Прежний господин отдал душу Творцу Небесному, и не жаль: личностью он был весьма жалкой.

Новая должность сулила многое: уж если не становление паладином, то путь в орден Перекрёстка или на присяжную службу к влиятельному человеку. Может быть, даже в столице... Сам Мартин ещё не решил, склоняется он к постригу на защиту веры или мирскому рыцарству.

Но священником ему уже не бывать, это точно! Мартин определённо видел себя среди людей, что носят не только крест, но также меч.

— Не добратся нам раньше утра до Колуэя. Поздно выехали.

Сир Брюс позволил себе озвучить очевидное, но вовсе не радостное. Всадники могли дожидаться рассвета в лесу, однако не имели при себе ничего для удобного ночлега. Даже еды не было.

— Сам вижу! Но лучше уж в седле, чем на сырой земле.

Вермилий и Брюс были немолоды, хотя очень крепки, и весьма походили друг на друга — с лёгкой проседью в бородах и хмурыми взглядами. В противоположность им, сир Гордон едва разменял четвёртый десяток, отличался изяществом лица и фигуры, а также был гладко выбрит.

Мартин, ехавший позади, был не прочь отдохнуть и безо всяких удобств. Слишком затекла спина. Страшно устали ноги, которыми на неровной тропе приходилось постоянно упираться в бока коня и стремяна. Молодой сквайр пока не окреп достаточно, чтобы целый день держаться в седле как влитой.

Но ему высказывать мнение не полагалось.

Между тем среди призрачных болотных огоньков мелькнул настоящий, тёплый свет. Неожиданно и лишь на мгновение. Мартин было решил, что ему показалось, а Вермилий огня не заметил. Зато заметили другие рыцари.

— Что это там?

— Костёр?..

— Или дом.

Это именно жилище, заключил про себя юный сквайр: свет скорее исходил из окна, чем от пламени на земле. То мог быть охотничий домик, где остановились деревенские, пристанище углежогов, а могло быть и чьё-то крайне уединённое хозяйство — не суть. Важно, что это место обещало отдых: рыцарям и оруженосцу даже костром заняться оказалось бы проблематично. Топора-то нет. Только хворост искать, а это в ночи сомнительное удовольствие...

В лесу обычно не ищут встреч, но славным воинам всерьёз опасаться здесь было нечего. Это не Восточный Лес, где легко наткнуться на сильного и многочисленного противника. Тем более что Вермилия во владениях Гаскойнов сразу узнал бы любой. Другого паладина здесь не водилось.

— Поедем туда, братья. Убеждён: добрые жители Вудленда не откажут в приюте рыцарям Творца Небесного.

Добрые жители Вудленда — принадлежащей Гаскойнам пограничной провинции, не всегда почитали Творца Небесного так, как хотелось бы Церкви. Эта проблема и привела паладина в столь отдалённые земли. Но если должного трепета не внушает крестик на груди и шпиле храма, то уж перекрестие меча — аргумент для каждого.

Они повернули коней к огоньку, уклоняясь от редких веток на уровне лиц. Вскоре три рыцаря и сквайр достигли добротного дома, каковой подошёл бы небольшой крестьянской семье. В окошках переливался мягкий желтоватый свет, а над крышей поднимался дымок очага.

Место приметное. Справа тянулась широкая полоса бурелома, а болото, также весьма неплохой ориентир, начиналось как раз позади. Наверняка дом прекрасно известен жителям окрестных деревень. Это лишний раз убеждало в малой вероятности встретить тех, кто в лесу

не честно трудится, а скрывается.

Путники спешили и привязали лошадей. Вермилий — единственный, кто ехал в шлеме, снял его вместе со стёганым чепцом, обнажив бритую голову. У остальных салалды висели за спинами на ремнях. Паладин, ещё не постучав в дверь, счёл учтивым громко объявить о своём появлении.

— Да благословит вас Творец Небесный, добрые люди! Мы пришли с миром!

Стучаться уже не пришлось. Дверь отворилась, и Мартин различил женскую фигуру.

— Не держите зла за беспокойство в столь поздний час. Мы смиренные слуги Творца Небесного, заплутавшие в лесу. Я — паладин Вермилий, а это мои братья по оружию. Прошу принять нас в доме, если хозяева сочтут это уместным.

Паладин говорил громко, а женщина отвечала очень тихо: сквайр не разобрал её слов. Но дверь распахнулась шире, да и знак Вермилия был ясен: их вполне готовы принять. Мартин вздохнул с облегчением.

С порога в лицо ударила ласковая волна тепла. Ещё в сенях Мартин ощутил запах нехитрой еды — и только теперь понял, насколько голоден. Дом выглядел обжитым. Обстановка скромная, зато освещалось жилище очень ярко: горел не только очаг, но также множество лучин. И даже свечи, которые оруженосца немного удивили. Они не сальные — восковые. Это настоящая роскошь для простого люда, тем более в Вудленде. Комнат, похоже, две: разделяющая их дверь была закрыта.

— Располагайтесь, добрые рыцари: не должно оставаться без крова в такую холодную ночь.

Грубовато склоченный стол был накрыт весьма обильно, хотя и самой простой едой. Пока рыцари рассаживались, Мартин наконец рассмотрел впустившую их женщину.

На хозяйке было простое шерстяное платье — и никаких украшений. Вполне ожидаемо, и юноша не отметил бы этот факт, но...

На его неискушённый вкус, красивых женщин хватало в любой деревне. Однако красота хозяйки этого дома казалась благородной. Она была гораздо выше Мартина — ростом почти с паладина, обладала гордой осанкой. Угольно-чёрные волосы свободно спадали ниже поясицы, не будучи как-либо заплетены или подвязаны. Большие глаза, тонкий нос, красиво изогнутые губы, заострённый подборок — и очень, очень бледная кожа. Таких красавиц изображают придворные художники. Никакой крестьянской округлости щёк или чего-то подобного.

Верно: подобных женщин Мартин в местных деревнях не встречал. Да и в столице — редко. Чаще и правда на картинах видел.

— Паладин Вермилий, значит... Представьте же и ваших спутников.

— С превеликим удовольствием: сир Брюс и сир Гордон, а это мой оруженосец. Мы следуем из Лостера в Колуэй. Позвольте узнать ваше имя?

Она учтиво склонила голову.

— Зовите меня Гелла.

Вполне обычное для окрестных деревень имя, такое Мартин слышал не раз. Гелла заняла руки деревянной посудой, быстро предложив угощение. Кружки наполнились яблочным вином — сильный запах с приятной кислинкой.

— Не стоит. Обеты паладина запрещают хмельные напитки.

Предназначенная Вермилию кружка была без лишних слов протянута сирю Брюсу. Немолодой рыцарь в этот момент сильно нахмурился, но угощение принял. Паладину Гелла

налила что-то из другого кувшина.

— Благодарю. Надеюсь, вашего супруга наш поздний визит не смутит.

Конечно, люди вроде Вермилия обыкновенно не говорили с простолюдинами столь учтиво. Но Мартин заключил: не только ему эта женщина показалась благородной. Может, чей-нибудь бастард? Всякое бывает...

— Мужа? Ох, об этом не беспокойтесь: я одинокая женщина и пребываю здесь в уединении. Но, по правде, я жду одного гостя... А потому надеюсь, что общее благоразумие исключит неловкую ситуацию, ведь так?

Сир Гордон расплылся в лучезарной улыбке: он явно был очарован хозяйкой и не думал скрывать этого. Паладин сохранял приличную ему бесстрастность, а вот сир Брюс становился всё мрачнее. Мартин задумался было, отчего так, но мысль быстро вильнула в совсем другую сторону. Вполне для юноши естественную.

— Мы ведь рыцари, к тому же братья духовных орденов. Какая тут неловкая ситуация?

— Само собой разумеется! Я узнаю символ ордена Перекрёстка: что уж говорить с самом настоящем паладине? В этих местах и мечтать нельзя о компании, более внушающей женщине доверие и спокойствие. Позвольте задать вопрос? Я нахожу необычным, что такие благородные рыцари путешествуют почти без свиты, всего лишь с одним юным оруженосцем...

Она перевела взгляд на сквайра — такой, что словно нежно погладила. И добавила:

— Но вас, милорд, я не хотела обидеть.

— Вы ничем не обидели моего сквайра. А что до сути вопроса, могу лишь сказать: так сложились обстоятельства. Впрочем, как уже было отмечено — мы рыцари духовных орденов, а не мирского посвящения. Потому меньше нуждаемся в... вы меня понимаете. Кичиться обычно при дворе, но все равны пред ликом Его и символом Его.

Гелла определённо заметила, что Мартин не сводит с неё взгляда: юношу это смутило. Конечно, сквайр помазания в духовный орден не принимал, а потому и от строгих обетов был свободен. Но всё-таки ему полагается вести себя сдержанно.

Только теперь на лицо Геллы удачно упал свет, и Мартин различил цвет её глаз. Ух ты... В каждом пополам плескалось голубое и янтарное. Юноша читал или слышал от кого-то, что бывают люди с такими странными, двухцветными глазами. Но сам никогда не видел подобного.

— Что ж, милорды: ужинайте, пейте — всё здесь к вашим услугам. А я должна закончить небольшую работу. Если развлечёте меня приятной беседой, это будет чудесно.

Она развернулась и шагнула в угол комнаты. Мартин проследил за Геллой, и то же самое сделал сир Гордон. Это навело сквайра на крамольную мысль: если паладины действительно чтут свои обеты абсолютно строго, то вот рыцари Перекрёстка отнюдь не столь непогрешимы.

Гелла, впрочем, мысли занимала в куда большей степени. Её грубо скроенное платье не могло выгодно подчёркивать достоинства фигуры — но когда при ходьбе оно вдруг ложилось удачным образом, линии вычерчивались самые прекрасные. Остальное легко дорисовывало воображение.

Занятием хозяйки оказалась стоящая в углу прялка. Гелла весьма грациозно уселась за неё — вполборота к мужчинам, и взяла в руки тёмную кудель. Вскоре колесо завращалось, послышался мерный стук. На стене закрутилась тень обода и спиц.

— Что же вы прядёте? — поинтересовался сир Гордон.

Взгляд из-под густых ресниц блеснул нескромно. Кажется, Гордон хозяйке понравился.

— Чего только не прядут... Ну знаете: кто прядёт лён, кто шерсть, кто пеньку. Кто любовь, кто веру, кто войну. Каждый прядёт своё, вот и я тоже: что захочу, то спряду. На то я и мастерица, верно?..

— А какого гостя вы ждёте, позвольте узнать? — Вермилий прервал любезности между хозяйкой и рыцарем.

Паладину женщина отвечала, уже не отрывая глаз от вытягиваемой длинными пальцами нити.

— Важный гость. Знатный, влиятельный.

Ах, ну теперь понятно. Гелла вполне могла быть любовницей какого-то благородного человека. А если они хранят отношения в тайне, то и место для встречи самое подходящее. Всё сходится.

— Такой важный гость придёт сюда... — паладин обвёл скромную обстановку критическим взглядом.

— Ха... Да куда же он от меня денется? Кто ко мне не придёт, если позову?..

Что правда — то правда. Куда там: «придёт»! Прискачет, причём без лошади. Лихим галопом... В этом Мартин несколько не сомневался.

— Надеюсь, мы не встретим здесь самого барона. Вот неудобная была бы ситуация!

Гордон имел в виду Клемента Гаскойна, лорда Вудленда. Вермилий гневно зыркнул на рыцаря. Не полагалось так шутить о местном господине.

— Барона? Ну почему же сразу барона... Да и вообще, сир: пустые слова эти титулы. Где говорят «барон», где «князь»... Не в том ведь суть. Мы — не суть наши титулы. Рыцари духовных орденов, отказавшиеся от всех владений и прав, должны понимать это прекрасно. Но позвольте сменить тему. Скучающей женщине очень любопытно послушать: что делали трое прекрасных рыцарей в Лостере? Тревожные вести я слышала об этой деревне...

— И вести были правдивы... — протянул сир Гордон.

Сир Брюс по-прежнему молчал, лишь настороженно осматриваясь. Вермилий продолжил:

— Прискорбно, но правдиво. Мало этому несчастному краю набегов гвендлов из Восточного Леса, а также расплодившихся из-за них языческих мерзостей да деревенских погромов, что случились в последнее время... Подлому люду только дай понюхать крови! Одним словом, из Лостера пошли тревожные слухи, что вы и сами знаете. Мы поспешили туда, чтобы хоть в этот раз обошлось без резни.

Гелла отвлеклась от пряжи. Её прекрасное лицо сделалось обеспокоенным.

— И что же, обошлось?

— Мы сожгли ведьму, прими Творец Небесный её заблудшую душу. И народ успокоился.

— Ведьму?..

По лицу Геллы могло показаться, будто она никогда не слышала ни о ведьмах, ни о борьбе, ведомой Церковью с ними. Почти искреннее удивление.

— Да, женщину... девицу, если точнее. Которую обвиняли в колдовстве и сношениях с Нечистым, а также мракобесном лесном язычестве. Девица, мир праху её, была из крещёных гвендлов: потому и сбилась с пути Творца Небесного, смею полагать. Свидетельств против неё имелось множество. Собралась толпа из окрестных деревень, а местные были против суда. Не прибудь мы, окончилось бы скверно.

Гелла сокрушённо качнула головой. Мартин, уже немного опьяневший, любовался плавным движением чёрных прядей.

— Но ведь и кончилось скверно, раз сожгли бедняжку.

Сочувствие к обвинённой в колдовстве вызвало у паладина раздражение, которое он не скрыл.

— Свидетельства были убедительны. А я, грамотой и благословением архиепископа, наделён правом вершить суд по подобным делам в землях Гаскойнов... поскольку не секрет, что сам барон с разгулом мракобесия не справляется. Девицу сожгли, все успокоились: крови не пролилось. В том состоит моя миссия здесь. Я думал, это давно известно каждому.

Женщина или не заметила, что Вермилий разозлился, или умело сделала такой вид. Она ловко скручивала нить из кудели.

— Конечно известно. Даже мне, хоть я редко бываю в деревнях. И всё-таки: ведьма... множество свидетельств... что же она делала? Не подумайте, будто я смеюсь над миссией Церкви. Но девица что, летала на метле? Превратила кого-то в лягушку? Может быть, у неё молоко соседской коровы лилось с топора? Она похищала и ела детей? Ну, что там ещё ведьмы в сказках делают...

— Простонародные сказки меня не интересуют. Воля Творца Небесного и наставления святой Церкви велют искоренять всякие сношения с Нечистым, равно как язычество и ересь. А эту ведьму окрестные жители уличили во множестве случаев приворота.

— Приворота?..

Гелла остановила прялку.

— Приворота... ха. Если девица была молода и хороша собой, то помилуйте, сир: при чём же тут Нечистый? Тем паче — взыскательностью деревенское мужичье не отличается. Да в Лостере половине и кобыла — невеста! Такое колдовство, знаете ли...

Женщина отложила кудель и забросила руки за голову, отчего её солидная грудь приподнялась. Весьма бесстыдный жест: взгляд Мартина оказался прикован намертво.

— ...вот оно, всё приворотное колдовство. Какое-никакое водится у любой женщины. Знаете, сир: ваш милый мальчик так на меня смотрит! Вот я могу, например...

Прежде, чем паладин успел возразить, женщина дёрнула завязку под шей и отодвинула край платья, обнажив плечо.

— ...и даже ваши смиренные братья не останутся равнодушными. Ничего не скажешь: велика ворожба! Если любая, кого кто-то захотел, ворожит — это скольких нужно сжечь? И прежде прочих — каждую вторую придворную даму. А свидетельствуют против таких, хм... «ведьм» те, кому они не достались. А также ревнивые жёны: жирные и уродливые.

Паладина Вермилия всё это не впечатлило.

— Не стоит вам искушать моих братьев.

— Понимаю, конечно же. Простите. Действительно — не стоит... И между прочим, очень жаль. Такие видные, благородные мужи, да сразу трое! Из уважения к паладинами Церкви, вас уж не считаю, милорд Вермилий.

Прежняя скромность Геллы таяла стремительно. Юношу-сквайра это и известным образом взволновало, и слегка испугало. Между тем Гелла как раз обратилась к нему:

— И милорд Мартин пусть простит, если моё глупое поведение оскорбило его трепетные чувства ко всяким обетам. Знайте, славный сквайр: нет ничего дурного в том, что я вам приглянулась. Это здраво для любого мужчины и приятно любой женщине.

Мартин уже приоткрыл рот, чтобы ответить — мол, не стоит беспокоиться... но осёкся.

Разве Вермилий называл женщине его имя? Оруженосец не мог припомнить: паладин далеко не всегда представлял своего спутника. Чаще забывал...

— Прошу прощения, милорды. Я оставлю вас. Буквально на мгновение.

Гелла поднялась, поправила платье и скользнула к двери в соседнюю комнату. Затворила за собой, ещё раз обведя огоньком из-под ресниц всех мужчин. Едва она скрылась, как сир Брюс впервые заговорил. Вернее, зашептал: очень-очень тихо, едва шевеля губами.

— Дурное здесь дело.

— Что? Почему? — шепнул сир Гордон. Его расслабленность улетучилась вмиг.

— У меня одного глаза, чтобы видеть, а не пялиться? Дом мне сразу не понравился: чем его хозяева могут жить? Никакого подворья. Ничего для простейшего хозяйства. А главное — руки.

— Чьи руки?

Гордон по-прежнему соображал туго, а вот Мартин уже догадался. У него в горле сделалось сухо. Хмель из головы улетучился.

— Её руки, чьи же ещё. Отшельница, ну-ну. Ладони и ногти — как у дам при дворе Балдуина. Да она ни дня в жизни руками не работала. Даже вот эти самые полы не скребла. Я сразу заметил... когда подавала мне кружку.

За столом повисло молчание. Нарушил его сир Гордон.

— Гвендлы. Гвендлов она ждёт: они здесь скрываются во время набегов.

Мартин был готов биться об заклад: не только у него, но и у остальных возникла ещё одна мысль. Да вот только никто не хотел её озвучивать. Женщин, обвинённых в колдовстве, защитники веры сожгли немало. Однако, как справедливо отметила Гелла, речь всегда шла о суевериях, о каких-то путанных свидетельствах. Язычники-гвендлы и их тлетворное влияние даже для защитников Церкви были проблемой куда более осязаемой. Святая вера — святой верой, воля Церкви — волей Церкви, однако любой рыцарь обязан прежде всего беспокоиться о стреле в спину. Потом уж о колдовстве.

— Но она сама не из гвендлов: разве у них чёрные волосы бывают? — справедливо заметил Брюс.

— Может, и бывают? А может, крашенные басмой.

Предположение Гордона, конечно, звучало абсолютно нелепо: басму продавали иностранные купцы в столице, и по карману она была немногим. А где её в нищем Вудленде сыскать?

— Ну предположим, сама не из гвендлов. Но кого она тут ждёт? Может, самого Даглуса?

— Очень возможно.

— Что будем делать?... — выдавил из себя сквайр.

Мартина обучили азам рыцарских искусств, к ристалищу он привык, но в настоящем бою никогда не бывал.

— Разберёмся. — процедил Вермилий.

Разговор он окончил вовремя: Гелла как раз вернулась, держа в руках небольшое лукошко. Она была очень мрачна. И такой отчего-то показалась Мартину ещё красивее.

Хозяйка вернулась к прялке, но не села за неё: стала собирать готовую пряжу, укладывая в то же лукошко. Наконец она заговорила, не оборачиваясь к мужчинам.

— Знаете, милорды, меня всегда удивляли истории о ведьмах. Почему-то никто не видит одной нестыковки, совсем не позволяющей в эти рассказы поверить. Желаете знать,

какой? О, я рада, что вы спросили. Итак... Предположим, некая женщина продала душу Нечистому — или иным способом творит злое колдовство. Ведаёт силами, которые Творец Небесный сокрыл от простых смертных. Она может летать на метле, портить скот, насылать болезни и неурожай... Ну, что ещё болтают о ведьмах...

К удивлению Мартина, женщину никто не прерывал — хотя обстановка накалялась.

— Вот к чему я веду... Все вы так боитесь этого Нечистого. Все вы верите, что он даёт злые силы женщинам, дабы извести род человеческий и сокрушить царствие Творца Небесного. Допустим. Но почему же его дары настолько жалкие? Почему любую ведьму можно запросто поймать, потом попользоваться ею, как душе угодно, да сжечь? Почему никому не приходит в голову, что если вознамериться навредить ведьме, она может просто взять и...

Гелла вдруг резко дунула на ближайшую свечу: пламя дрогнуло и погасло.

— ...и затушить его жалкую жизнь?

Женщина обернулась к рыцарям. Ничего доброго в диковинных глазах Мартин больше не видел.

— Почему, если ведьмы летают на мётлах — ни одна не улетела, когда за ней пришли? Почему ни одна ведьма не сбежала из церковных застенков, обратившись кошкой? Почему никто на костре не проклял Церковь так, чтоб прихожане срали через рты?

Мартин с трудом оторвал взгляд от Геллы и перевёл его на рыцарей. Те сидели без движения: всё же скорее собранные, чем оцепеневшие, однако сквайр не был уверен. Гелла шагнула к очагу. Резким взмахом она бросила содержимое лукошка в огонь.

— Может быть, всё дело в том... — проговорила женщина, глядя в пламя. — ... что вы, защитники веры, слуги Творца Небесного, просто-напросто не сожгли ни одной настоящей ведьмы?

Неожиданно вся злость Геллы схлынула. Губы снова вытянулись в улыбке, обнажив белоснежные, идеально ровные зубки. Глаза тоже потеплели.

— Простите, милорды. Перед вами всего лишь одинокая женщина, которой обыкновенно не с кем поговорить. От одиночества я просто схожу с ума — и порой, когда случается редкая встреча, несущая ужасные вещи... А почему вы не едите? Наверняка до сих пор голодны. Позвольте, я налью вам ещё.

Сир Брюс молча отодвинул кружку. Паладину хозяйка выпить уже не предлагала, зато посуда перед сиром Гордоном и Мартином наполнилась. Разумеется, оба к угощению не притронулись.

— Выпейте, прошу вас. Сбросим эту ужасную неловкость! И мой гость вот-вот явится... Кстати, я совсем забыла предупредить об одной вещи...

Гелла наклонилась к столу, красиво изогнув спину. Тесёмку у шеи она не завязала: каждый мог теперь заглянуть в вырез платья. А под платьем было на что посмотреть.

— ...мой гость, знаете ли, крестиков ваших не любит.

Тут уж паладин поднялся с места — одновременно с тем, как душа Мартина окончательно ушла в пятки. Юноша уставился туда, куда взгляд сам собой лез: креста Гелла не носила.

— Довольно! Мне надоел этот фарс! — рявкнул Вермилий.

Предусмотрительно они не оставили оружие в сенях, хоть это слегка невежливо. Вермилий шагнул назад, не теряя Геллу из вида — к своему длинному мечу, прислонённому к стене. Сир Брюс поступил так же. Он передал оружие и остальным двоим. Правда, принял его только Гордон: Мартина руки уже не очень-то слушались.

Черноволосая красавица стояла в прежней соблазнительной позе, опираясь локтями на стол. Её совсем не беспокоило то, что рыцари поднялись и вооружились.

— Что же это, милорды: вы причините зло беззащитной женщине?.. Как низко! А клинки-то вам для чего? Без них не справитесь?

Сир Брюс взялся за рукоятку меча и на треть обнажил его, но угроза не имела особого успеха.

— Ты укрываешь в своём доме гвендлов, ведь так?

Почему-то рыцарь упорно держался за версию, в которую Мартин верить давно перестал. Гелла издевательски захихикала.

— Гвендлов?.. Может быть, да. А может быть, нет. Не слишком ли слабо вы верите в то, против чего сражаетесь, ммм?..

Оруженосец старался взять себя в руки, но от самого короткого взгляда в янтарно-голубые глаза самообладание испарялось. Меч сквайра по-прежнему лежал на столе, а оружие рыцарей уже покинуло ножны. Гелла повернулась к юноше, мило склонив голову набок.

— Мартин, мой мальчик... — она выводила сладкие, мурлыкающие интонации. — А ты сам-то как думаешь? Я просто укрываю в этом домике гвендлов, когда они забираются глубоко во владения барона Гаскойна? Или вы наконец встретили самую настоящую ведьму? Ммм?..

Мартин не ответил. Краем глаза он видел: паладин Вермилий обошёл стол слева, а сир Гордон толкнул кончиком меча дверь в соседнюю комнату, осторожно глянув за неё. Видимо, комната оказалась пуста.

Юноша был здесь единственным, кто чего-то испугался. Или, по крайней мере — единственным, кому страх мешал действовать. Возможно, собственное благочестие казалось рыцарям Церкви надёжной защитой от Нечистого. А возможно, они просто твёрдо знали по опыту: кровь из всех течёт одинаково.

Ведь Гелла была права в одном — никто никогда от них на метлах не улетал.

Женщина оставалась спокойной и неподвижной, несмотря на угрожающее приближение рыцарей. Она только продолжала говорить:

— Это важный выбор... Если я укрываю язычников из кланов Восточного Леса, то меня следует повесить на ближайшем суку — и всего делов! Но если я ведьма — тут уж только костёр. Однако знайте: я одинаково против того и другого, если вы меня прежде не изнасилуете. Лучше бы все вместе, конечно — по очереди или разом, уж как господам будет угодно. Но толку от вас в таком деле? Вы же почти святые: не чета местным. Эх... Тогда хотя бы Мартин. А то бедняжка ведь даже не пробовал, правда?

В этот момент послышались топот и фыркание их коней. За окном истошно взвыл ветер. Пусть это было сложно объяснить, юноша почувствовал: снаружи кто-то есть. Огоньки свечей и лучин мелко задрожали, хотя воздух в комнате не двигался. Очаг потускнел.

— Слышите? Вот и гостя дождались. Мне пойти встретить его? Или желаете сами?

— Мартин, будь здесь. — приказал паладин Вермилий. — Пойдёмте, братья. Взглянем на гостей этого дома, и да поможет нам Творец Небесный.

Изо всех щелей повеяло сырým ночным холодом. Кони залились истошным ржанием, яростно забили копытами.

— Да, Мартин, ты уж будь здесь. — с придыханием произнесла Гелла. — Нечего тебе делать за порогом. Остайся со мной: не обижу. Я умею быть ласковой...

Рыцарей Творца Небесного ничто не могло поколебать. Вермилий покрыл бритую голову шлемом. Сир Брюс распахнул дверь в сени и вышел первым. Следом вышел паладин, а за сиром Гордоном дверь захлопнулась резко и громко: сама собой, никто её не трогал.

Пока Мартин провожал рыцарей взглядом, Гелла обошла стол и мягко подступила сзади. Сквайр потянулся к мечу, но его ладонь на рукоятке накрыла ладонь женщины. Её кожа была нежной, но совершенно холодной.

— Меч не нужен. Что ты собираешь с ним делать, ммм? Разве за мечом положено тянуться подле женщины, которую возжелал? Ну и глупость! Оставь. Послушай-ка лучше ту, что добра к тебе... Я ведь говорила: не любит мой гость крестиков. Чувствуешь ли ты, Мартин, присутствие здесь Творца Небесного? Нет? Нет. А кого-то другого?..

Мартин слышал голоса рыцарей, но не мог разобрать слов. Различил резкие звуки движения — и так же ясно услышал, как всё в один миг стихло. Больше ни голосов, ни ржания коней, ни порывов ветра. Лишь потрескивал очаг да слышалось дыхание Геллы возле уха. Она холодная, словно труп. Но хотя бы дышит.

— Сорви ты этот крестик. Брось его в огонь. Пусть горит...

Пальцы женщины нежно пригладили его лицо, а потом опустились ниже. Острый ноготок чуть впился в шею: почти не больно, но всё-таки больно. Гелла медленно провела им под челюстью Мартина, от уха до уха.

— Сожги, если нужна на плечах голова.

Кайл проснулся от холода и, увидев меж неподвижных крон тёмное небо, понял: слишком рано. Костёр затушили ещё до темноты: пламя в ночи сулило больше опасности, чем блага. Вытащенные из огня камни, которые Кайл положил рядом с собой, давно остыли. Шерстяная накидка тоже не помогала, но оставалось только терпеть.

Кайл из клана Гэннов всегда чувствовал в холоде границу между простым неудобством и настоящей опасностью. Опыт.

Гвендл повёл головой, осмотревшись. Его товарищи лежали, зябко свернувшись, вокруг погашенного костра. Часовой не спал: он мерно покачивался и бормотал что-то под нос, сидя на трухлявом пне. Всё было спокойно. Кайл снова закрыл глаза.

Из-за холода уснуть не получалось, и гвендл пытался думать о приятном. Он представлял родную деревню, покинутую ещё при молодой луне — сейчас месяц истончился в противоположном направлении.

Вспоминал, как их провожали: тогда никто не боялся палить больших костров. Таких, к которым ближе трёх шагов не подойти. А ещё вспоминал девушку, танцующую меж всполохов и теней, среди кружащих искр. Словно пляшущую с самими огнём, в такт бубнам и барабанам. Её медовые волосы при костре отливали рыжим. Она-то согреет Кайла! Самой холодной ночью в её объятиях тепло и уютно. Нужно только вернуться домой...

Кайл всё-таки провалился в сон, но не слишком надолго. С очередным пробуждением пришли невесёлые мысли.

Холодное лето. А значит — не жди приличного урожая на скудных полях, не жди много грибов и откормившегося зверя. Опять зима выйдет тяжёлой, как три года назад — а ту зиму Кайл помнил слишком хорошо. Она прибрала старую мать Кайла и ещё не окрепшего брата. Многие тогда не дожили до весны.

Уже очень давно гвендлы не были хозяевами полям к западу Орфхлэйта — который чужаки называли Восточным Лесом.

Древний народ оттеснили люди, закованные в тяжёлую броню. Кайл полагал, что сами земли для чужаков значили немного: они просто хотели уничтожить гвендлов. Живших здесь задолго до времён, когда с юго-запада принесли кресты. Нежеланных для Стирлинга соседей. Скудная земля никогда не могла досыта накормить гвендлов, но хотя бы позволяла им не вымирать.

Теперь всё стало хуже. Гвендлы своему священному лесу — дети, однако не очень-то любимые.

Что оставалось лесным жителям? Они слабели год от года и век от века. Нашлись те, кто принял новых хозяев и поклонился их кресту. Кое-кто и сейчас покидал леса в поисках лучшей жизни — некоторым даже везло.

Но большинство держалось за то немного, что у гвендлов осталось. За веру предков и тысячелетний уклад жизни.

А клану Гэннов повезло меньше других: им и по меркам Орфхлэйта досталось немного. Самые скудные поля в проплешинах леса, самые безрыбные реки — да чащи, где духи Орфхлэйта давали мало добычи. Хорошо Койрнам и Нэйрнам: они могли вести мудрые речи о соблюдении баланса с Пришлыми. Гэннам куда больше приходилось силой брать в Вудленде. Иначе только умирать с голоду. Какие бы ужасы Пришлые ни рассказывали своим

детям о гвендлах — не от хорошей жизни те промышляли набегами.

Мужчина кое-как продремал до рассвета, надеясь хоть отчасти восстановить силы. Еды у отряда, углубившегося во владения Гаскойнов, было с недавних пор вдоволь. Это очень помогало.

По-настоящему Кайл уснул буквально перед тем, как его растормошили. Пора двигаться дальше. Гэнны собирались в путь молча и сосредоточенно: жаль было тратить силы на разговоры.

Основной отряд — три десятка человек, остался в глубине чащи, отделявшей земли близь замка барона от пары крупных деревень. Он должен был медленно продвигаться по оговорённому пути. Кайл и несколько его парней отвечали за разведку.

Не так уж велика эта роща — но при том весьма дремуча, да ещё и холмиста, так что дорог через неё проложено не было. Мало кто ходил самым коротким путём. В деревнях говорили об опасном звере: будто волки в этом лесу особенно злобны. И даже медведи встречаются. Но гвендлы зверей не боялись — они превосходно знали, что люди страшнее любого волка или медведя.

А случаются в чащобах вещи и пострашнее людей.

Вышедший из Орфхлэйта отряд искал в землях Гаскойнов не еду — на все голодные рты не утащить. Интересовало нечто ценное, что позже получится продать. Товары меняли на насущное у зажиточных кланов или сбывали редким торговцам — проходящим с той, восточной стороны необъятного леса. Иные гвендлы сами пускались в долгую и опасную дорогу на восток. Но таких отчаянных смельчаков находилось ещё меньше, чем готовых идти в набег на Пришлых.

А иногда награбленное в одной вудлендской деревне просто переходило к жителям другой — у коих больше гвендлской крови да нравы попрacticalнее. Никого это особенно не смущало.

Не имелось у лесных жителей ни тяжёлой брони, ни могучих боевых лошадей, ни арбалетов, ни железной строевой дисциплины. Зато они жили кланами. И пускай эти огромные семьи часто враждовали между собой — но внутри них люди друг за друга держались. Иначе древний народ давно бы погиб.

А вот одной деревне Пришлых часто было плевать на соседнюю. В иных селениях и древняя вера оставалась достаточно сильна, хоть это тщательно скрывали. Дружелюбные места всё ещё встречались на давно отобранной у гвендлов земле.

Разведчики достигли кромки леса и свернули в сторону: к речке, берега которой поросли тростником и осокой. Высокая трава — какое-никакое укрытие. Выходить на открытую местность слишком опасно.

— Погодите. Умыться бы.

Вода в речке была холодной, но хоть немного привести себя в порядок — необходимость. Нескоро такая возможность могла появиться вновь. Кайл поначалу морщился, но кожа быстро онемела и уже не чувствовала холода. Зато он освежился — и сил сразу прибавилось.

— До полудня доберёмся? — поинтересовался Иан.

Это был парень совсем молодой, но рослый и крепкий даже по меркам гвендлов. Он тащил на плече здоровый двуручный топор.

Кайл, сняв накидку, трофейную кожаную куртку и нижнюю рубаху, распутывал свои длинные волосы. Хорошо бы и их отмыть.

— Если не придётся отсиживаться, доберёмся. Должны добраться: а то вестовой к Даглусу уже не успеет до ночи. Упустим всё...

Кайлу в отряде разведчиков подчинялись. Пусть он был не особо старше, зато гораздо опытнее других: в опасные рейды ходил не один десяток раз.

Но конечно, до Даглуса ему далеко! Их предводитель превосходно ориентировался в Вудленде, а главное — знал тактику и привычки людей Гаскойнов. Даглус был одним из немногих гвендлов, что когда-то ушли из Орфхлэйта, но вернулись обратно. Рассказывал, что служил в войске какого-то мелкого лорда Пришлых — и едва ли врал.

А ещё рассказывал, что где-то далеко гвендлов немало ценят как наёмников. Дескать, они добиваются успеха, занимаясь всем тем же самым — только не ради пропитания, а за хорошие деньги. Но Даглусу не свезло встать на подобную стезю. К моменту, когда он возмужал, большая война у Пришлых уже закончилась.

Скоро разведчики продолжили путь: в полный рост, но готовые скрыться при случае. Пока никаких людей они не встретили. То была великая удача, потому что отряд Даглуса успел наворотить в Вудленде немало дел — под шумок недавних деревенских погромов, когда Пришлые почём зря пошли друг на друга.

Гаскойны со своими вассалами рассылали по округе множество патрулей, а в некоторых деревнях нынче стояли сильные отряды. Иногда даже рыцарские. Таких мест лесные жители сторонились.

Но просторы тут были большие, а людей у Пришлых имелось не так-то много. Правда, рыскали по округе ещё и церковные рыцари — тоже большая угроза для вышедших на охоту Гэннов. Рыцари из глубины Стирлинга местности не знали и к лесу привычны не были, но открытое столкновение с ними сулило только смерть. Это с солдатами Гаскойнов ещё можно потягаться — хотя бы ради трофеев.

По счастью, церковники больше усмиряли беспорядки среди вудлендцев да жгли ведьм — а после того, как исчез их предводитель, показывались редко. Не оправдались мрачные ожидания жителей леса, которые поначалу сочли появление церковного воинства началом военного похода против них. Время от времени Гаскойны собирали значительные силы, и тогда кланам Орфхлэйта приходилось туго.

Таково было хрупкое равновесие между древним народом и Пришлыми: гвендлы постепенно нагнали в набегах, пока их хорошенько не били по рукам. Тогда приходилось надолго затихнуть, попрятавшись в лесу. Иногда на целый год. Однако рано или поздно всё начиналось заново. Поколение за поколением.

За широким верещатником, по одному краю которого текла речка, а по другому тянулась дорога, снова начиналась чаща. Кайл знал, что это узкая полоса леса, хотя весьма густая — а сразу за ней лежит деревня Вулмен. Она-то гвендлов сейчас и интересовала.

Вулмен был не так велик и зажиточен, как Колуэй, расположенный чуть дальше. Однако соваться в Колуэй сейчас виделось форменным самоубийством. Мало того, что он имел деревянные укрепления — так там, по словам местных друзей, ещё и встали церковные рыцари. Не паладины: другие, которые носят чёрное. Но они не менее опасны.

Лучнику Флоину стало скучно — и потому он задал довольно бессмысленный вопрос:

— Думаешь, не соврали нам про свадьбу?

— Соврали, не соврали... придём да увидим.

— Хорошо б не соврали: перепьются все на свадебке-то. И добра туды всякого притащат...

Вообще-то наводка казалась надёжной: вулменцев в той деревне, где отряд скрывался полторы недели назад, крепко не любили. Кайл не спрашивал, за что. Однако Даглуз всё равно решил проявить осторожность — для начала хорошенько запутав следы, а после пустив разведку далеко вперёд. Даглузу доверяли безоговорочно: в землях Гаскойнов он уже несколько лет был самым разыскиваемым человеком. Несмотря на это, набег организовывал регулярно — и до сих пор даже близок не был к тому, чтобы попасться.

На дороге так никто и не появился, хотя патруль мог проехать в любой момент. Повезло. Вскоре разведчики снова нырнули под кроны деревьев, почувствовав себя гораздо увереннее.

Они мягко ступали по засыпанной хвоей, поросшей влажным мхом земле. На всякий случай оружие держали наготове: Флоин наложил стрелу, Кайл придерживал рукой ножны. Шанс встретить тут охотников или кого-то ещё мал — но если это случится, то неожиданно. Уж очень густой лес. Так что действовать придётся быстро.

Иан в какой-то момент начал насвистывать, но Кайл тут же одёрнул его:

— Заткнись!.. Жить надоело?

Ещё около получаса они шли в полной тишине, и благодаря тому слышали странные звуки. Это точно был не зверь — но Кайл далеко не сразу разобрался, что к чему.

За пушистыми елями кто-то бормотал.

Разведчик поднял руку, приказав своим людям остановиться. Какие-то мгновения он потратил на принятие решения: пройти мимо или посмотреть? Всё же, заключил Кайл, если здесь какие-то люди — нельзя просто оставить их за спиной. Надо понять, с чем гвендлы имеют дело.

Осторожно выступив из-за деревьев, они не обнаружили ничего опасного: лишь одного человека, прислонившегося к толстому стволу. Он смотрел вперёд, но совершенно бесцельно — словно не видя ничего перед собой. И продолжал бормотать.

Гвендлы обступили мужчину. Нетрудно было понять: перед ними благородный человек. Доспех пускай не роскошный, однако вполне солидный — крепкая бригантина, латные набедренники и плечи. Новёхонькие сапоги имели каблук: такие не носят, когда много ходят пешком. Нет-нет, это обувь всадника... Оружия при незнакомце не было.

— Гаскойновский пёс, что ли? Или от Логана?

Гербовой накидки безлошадный всадник не носил, так что поди догадайся.

— Эй, ты! Чьих будешь?

Незнакомец не отреагировал. Кайл наклонился, заглянул в лицо сидящему: почти мальчишка! Лет шестнадцати, не больше. Значит — оруженосец очень богатого рыцаря, заключил гвендлский разведчик. Присяжной службой парень не успел бы справиться себе такого доспеха, однако и на сына лорда не походил.

— Ты не молчи, не то навсегда замолчишь. Кто такой? Что тут делаешь?

Юноша медленно поднял глаза.

— Не было нам дороги короче.

— Чего?..

— Не было дороги короче, чем дорога к ней.

Занесённый топор Иана оруженосца не беспокоил. Он выглядел человеком, которому уже... всё равно, одним словом.

— В Колуэе стоишь? Как тут оказался? Где твой господин?

Ясно было: с парнем произошло что-то недоброе. И едва ли люди, которых он

сопровождал, находились сейчас рядом. Живыми, по крайней мере... Однако вопрос Кайла был очень важен: если кто-то убил здесь рыцарей, местных или церковных, то скоро сделается жарко.

Поэтому разведчик повторил ещё раз. И ещё. Наконец юноша заговорил:

— Лес прибрал паладина. По кругу короткая дорога ведёт: всё вращает по нему. Круг неразрывен. Что сделано — вернётся, кто вошёл — не выйдет. Колесо катится. Колесо...

— Паладина?.. — переспросил Кайл.

Иан тоже очень удивился.

— Паладина? Так он же, пёс, месяц как сгинул?..

— А то и больше.

Действительно, звучало странно. Гвендлы судили только по слухам, расплзающимся от деревни к деревне — это был медленный процесс, и с каждым новым рассказчиком история правдивее не становилась. Но паладин исчез ещё прежде, чем они вышли в набег: это точно.

— Если он из людей паладина, но только теперь нашёлся... то правду щенок про лес говорит. Оскорбили землю подонки! Притеснили древнюю веру, а лес все непотребства видит. И гневается. Забрал лес Пришлых — а этот, гляди... дураком остался.

— Видел бы лучше лес, что нам жрать нечего!

— Язык, сука, прикуси! Сибилхин всё ведаёт: наговоришь дурного — живыми не уйдём. Как паладин этот...

— Молчать! Ишь ты, шаманы выискались! Словоблюдство одно. Иан, ну-ка: верёвку давай.

Юноша не сопротивлялся, когда его подняли с земли. Без возражений позволил связать руки за спиной. Гвендлы понимали: как заложник этот парень наверняка ценен. Возможно, даже очень ценен — смотря кем окажется по рождению... Могло статься, что именно он — лучшая добыча отряда Даглуса. А если с выкупом не сложится, то есть надежда получить какие-то сведения.

Но пока допрашивать оруженосца не было смысла — что о семье, что о делах столичных рыцарей в Вудленде. Он ничего не соображал.

— Нет, то не духи. — рассуждал Флоин. — Сами ж знаете, спят духи здешних лесов: земля осквернена крестом, а идола сожжены. Спящие леса... Это не Орфхлэйт.

— А кто ж тогда, если не духи?

— Известное дело! Сибилхин да Ведьмин Круг: у них и здесь довольно силы. Рыцарюги же ведём жгли, так? Вот и поплатились.

— Кабы Сибилхин горевала по жжёным девкам — давно бы извела Пришлых. Отец моего отца рассказывал, как клан Вэйров прогневал Ведьмин Круг: поминай как звали Вэйров с тех пор. До единого сгинули в одну ночь! Словно ветром сдуло.

— Сказки это. Койрны перерезали Вэйров: вот и всё колдовство.

— Ни хера не сказки. Да я сам Ведьмин Круг видел! А ты поживи подольше — увидишь побольше.

Бесполезно было унимать такие разговоры. Когда речь заходила о силах, которые гвендлы в лесу чуяли прямо под боком, у каждого находилось мнение. И поди разбери: кто больше знал и видел, а кто больше выдумывал и слышал. Впрочем, то дело гвендлских шаманов. Кайл и его люди занимались совсем другими вещами.

— Может, дурака к Даглусу отвести? Пошлём кого... Даффа, например.

— Нет, заберём с собой. Если вдруг что, прирезать недолго. А прок с парня может

выйти.

И они пошли дальше, волоча за собой твёрдо шагающего, но абсолютно потерянного сквайра. Флоин всё никак не унимался.

— Дерьмово всё как-то поворачивается... На полях да дорогах патрули, а в лесу вона какие дела делаются. Сами глядите, чего с мальцом стало! У духов леса-то всегда выпросишь да вымолишь, а ежели ведьмы в гневе... Того и гляди: попадём нечаянно под руку. И тогда край. Лучше уж к барону на виселицу!

— Чёрная женщина больше не гневается. — впервые за долгое время пленный пробормотал что-то внятное.

— Вот! Видите! Ну-ка, ну-ка! Расскажи мне, парень, про женщину. Где её встретил? Как назвалась?

— Ты бы не ворошил почём зря. Да он ни хрена путного и не расскажет. Умом тронулся.

— Их больше здесь нет. — отвечал сквайр монотонным голосом. — Никого нет. Не бойтесь. Она даром времени не тратит.

Флоина эти слова не успокоили. Даже наоборот.

— Может, зарежем его лучше, а? Только лихо на нас наведёт. Вот жопой чую: наведёт...

Кайл ответил гневным взглядом. Он терпеть не мог, когда разговоры о духах да ведьмах начинали мешать действовать. Поболтать желаешь — болтай, но дело делай.

Конечно, древнюю веру мужчина чтит. И все силы, о которых слышал с детства, уважал. Но тут уж был согласен с одним из разведчиков: вера — верой, а чем-то питаться клану Гэннов необходимо. Кайл ни разу не замечал, чтобы от истовости молитв и ритуалов становилось больше еды на зиму. Если такая связь и существовала, то от самого гвендла она была сокрыта.

— Чёрная женщина отпустила меня с миром. И вам она ничего не сделает.

— Везучий он сукин сын, вот как скажу! Если о той женщине талдычит, о которой я думаю... Так кто её увидит — долго не живёт.

— Много ты в этом понимаешь...

— Побольше твоего!

Разговоры вполголоса не стихали до самой опушки леса, к великому неудовольствию командира. Зато пленный не причинял беспокойства, демонстрируя полную покорность. Кажется, насчёт «вам бояться нечего» сквайр говорил искренне — даже если ошибался, то хотя бы не врал.

На опушке гаркали и хлопали крыльями чёрные птицы. Кайл без особых эмоций осмотрел то, что привлекло падальщиков — на толстых ветвях клёна болтались в петлях трупы.

Обнажённые тела были и не слишком свежи, и не очень-то целы. Опознать повешенных оказалось бы трудно. Но характерный цвет волос — такой же, как у разведчиков, узнавался. Ясное дело, кто это и почему с ними так поступили. Местные крещёные гвендлы, последние жертвы недавних погромов — не успели скрыться в лесу.

Отсюда уже виднелись крыши Вулмена.

— Вот у Пришлых как заведено, гляньте! Там свадьбу гулять собрались, значит, а полюдски с телами поступить? Хоть бы зарыли, как у них положено... твари! Ненавижу, сука, Пришлых.

Обычай хоронить мертвецов в земле, принятый у врага, гвендлов коробил. И причины

тому были вполне конкретные. Лесные жители мёртвых сжигали. Пепел разносится ветром, удобряет землю и возрождается новыми всходами в Орфхлэйте. Таков круг жизни. Так повелось от корней.

Закопанных в землю ждёт на той стороне совсем иная судьба.

— Нам тоже не до обычаев. Тем более... эти-то — Отступившиеся.

— Верно. Туда им и дорога.

— Отступившиеся, говоришь... А Даглус, небось, среди Пришлых сам крестик носил. Куда деваться-то было?

— Вот ты Даглуса и спроси: поглядим, что ответит.

— Да всё едино. Кровь есть кровь: посади волка на цепь — он собакой не станет. Гвендльская кровь дорога мне, это главное. Давайте хоть с дерева их снимем...

— Мертвецам уже всё равно.

— Вот как сдохнешь, так узнаешь: всё равно или нет. А пока не суди!

Ветви, сгибаясь от тяжести поверженных, слегка скрипели. Остекленевшие глаза взирали сверху вниз на гвендлов, и Кайлу во взглядах мертвецов чудился укор. Командир мысленно согласился: кровь есть кровь. Убили этих людей за то, что они были гвендлами. Искренне несчастные верили в чуждого бога или нет — это ровным счётом ничего не изменило.

Вешают-то не за крестик, а за шею.

Кайл долго стоял в нерешительности. Потом сплюнул.

— Ладно уж, давайте снимем... На земле их хоть звери сожрут быстрее птиц. Какое-никакое облечение. Только быстро! Надо добраться до того перелеска, пока никто не смотрит.

Юркий разведчик, зажав в зубах нож, полез на клён. Прочие остались внизу, безмолвно взирая на висельников — каждый крепко задумался о своём. Хоть на пару минут прекратилась глупая болтовня.

Прервал молчание пленник — отстранённым и ровным голосом, как прежде.

— Недобрые дела. Пошатнётся равновесие, и никому с того добра не выйдет. Отворишь эту дверь, потом не закроешь. Чёрная женщина сказала так.

Кайл невесело усмехнулся.

— Ты что, теперь её мудростью делиться будешь?

Юноша обернулся к гвендлу. Его глаза, до того словно невидящие, вдруг наполнились жизнью.

— Да, буду. Виждь, внемли и говори: так она мне велела.

Кайлу очень не понравились эти слова. Бред есть бред, конечно. Однако то, как именно сквайр говорил... Голос оруженосца отдавал далёкой грозой. Гром ещё раскатывается из-за леса, молний не видно, но тучи напалзают.

Возможно, впереди у гвендлов ещё более трудные времена. Возможно, и не только у гвендлов: по-настоящему ужасный век. А возможно — ни к чему пустые размышления о будущем, когда дело есть прямо сейчас. Причём ответственное. Поэтому...

— Говорить будешь позже. Иан, завяжи-ка ему рот! Достала болтовня: про духов, про ведьм, про какую-то херню... Я бы вам всем рты позатыкал, если честно.

Иан исполнил приказ, хотя пленник больше говорить и не собирался.

Замок, как считается, многое говорит о своих хозяевах. Не всегда это справедливо: ведь замки иногда переходят из рук в руки. Да и сын лорда может быть совсем не похож на отца, а в его сыне вовсе ничего не останется от деда. Так случается чаще, чем хотелось бы.

Но впервые увидев стены Фиршилда, Тиберий подумал: именно так должна выглядеть родовая обитель Гаскойнов, главная цитадель дальнего фронта. Гаскойны были родом древним, но всю славу составившим на полях сражений. По меркам высшей знати Стирлинга они были небогаты, и славных государственных мужей из стен Фиршилда не вышло. Зато когда доходило до войны...

Фиршилд строили люди, мыслящие по-военному. Эти высокие стены из тёмно-серого камня не показались Тиберию мрачными: они просто были лишены изящества. В формах замка читались сугубо практические соображения. Цитадель была относительно молодой — возвели её не при Старой Империи, как многие крепости на юге Стирлинга.

Замок появился в Вудленде лишь вместе с самими Гаскойнами — когда земли подле Восточного леса были отобраны у гвендлов.

Уже виднелись жёлтые знамёна, хотя герб Гаскойнов на них — зелёную ель, разглядеть пока не удавалось.

Тиберий ехал впереди своего отряда. Он уже пересел с выносливой, но неказистой походной лошади на могучего боевого скакуна — дабы прибыть с видом максимально торжественным, внушающим уважение.

Белоснежная попона коня лежала поверх латной брони, как и белое шёлковое сюрко паладина-магистра покрывало доспех. Латы Тиберия были полированы до зеркального блеска, в брешах между пластинами поблёскивала кольчуга. Магистр ехал в шлеме, словно собирался сражаться.

Столь же внушительно выглядел десяток прочих паладинов, сопровождавших главного защитника Церкви. Даже у их оруженосцев снаряжение было на зависть средней руки рыцарю. С учётом сквайров отряд составлял добрых полсотни всадников. Над ними развевались церковные хоргуви и паладинское белое знамя с чёрным равносторонним крестом.

Горстка конников под флагом Гаскойнов выехала навстречу: два отряда встретились далеко от стен. Странноватый жест со стороны хозяев замка, отметил про себя Тиберий. Можно сказать — грубый. Встречавшие были тяжело вооружены, даже надели закрытые шлемы.

Впрочем, остановившись против рыцарей Церкви, все местные воины подняли забрала. А их командир и вовсе снял старомодный бацинет — такие шлемы Тиберий видел только на гравюрах. И среди трофеев Великой войны.

По внешности воина легко угадывалось родство с жителями Восточного леса. Паладинов это не очень порадовало.

— Приветствую! Я сир Киаран Фиршилдский, служу барону. Мне поручено встретить и сопроводить гостей.

Раз рыцарь представился, упомянув замок — то он точно не благородного происхождения. Из крещёных язычников, заключил Тиберий. Интересный случай. О чём это говорит? Что сир Киаран — истинный рыцарь, заслуживший титул вопреки вражеской крови

в жилах? Или что дела в этих краях не просто плохи, а ещё хуже?

Сир Киаран ждал — и было без слов понятно, чего. «Встретить и сопроводить», ну-ну! На редкость наивная отговорка. Что ж: не желая устраивать неприятную сцену, Тиберий тоже снял шлем.

Разговоры о паладине-магистре ходили по всему Стирлингу: наверняка Киаран понял, кто перед ним.

Для такого титула Тиберий был чрезвычайно молод — всего двадцати семи лет. Однако со стороны могло показаться, что он буквально создан быть именно главой паладинов, образцом самого понятия «рыцарство». Тиберий был могуч, статен и классически красив: лицо — словно со скульптуры времён Старой Империи. Из-под шлема упали на плечи длинные каштановые волосы с пепельным отливом.

— Паладин-магистр Тиберий, Щит Церкви, Меч Творца Небесного и защитник всех добрых верующих. Со мною только паладины и братья во кресте. Я полагал, что наши знамёна различимы издалека.

— Я нисколько не желал оскорбить вас, сир. Мы видели хоругви, и лорд Клемент ожидал визита. Но места здесь беспокойные: в Фиршилде привыкли к предосторожностям. Мы не подпускаем значительные отряды к замку, не убедившись в... вы меня понимаете. Прошу, следуйте за нами: барон ждёт.

— Мы всё понимаем, сир Киаран: никто не оскорблён. Давайте же поспешим к барону.

Они выехали бодрой рысью и вскоре достигли ворот замка: с круглых башен о гостях возвестили трубы. Полотнища с зелёными елями почти не шевелились, хотя было ветрено — вымокли от утреннего дождя.

Фиршилд был окружён широким рвом. Мост вёл к окованным воротам, а за ними располагалась ещё и подъёмная решётка. Въезжая в замок, Тиберий оценил солидную толщину стен и, подняв голову, обратил внимание на бойницы под сводами арки. Непрошенных гостей здесь встретили бы славно.

Внутренний двор оказался тесным и помпезностью, разумеется, не отличался. Паладин даже сказал бы, что здесь грязновато. И запахи послышались не самые приятные: сильно несло конями и прелым сеном.

Отряд Киарана сопровождал куда-то сквайров и большую часть рыцарей. Сам Тиберий, вместе с тремя приближёнными паладинами, спешил перед встречавшим их человеком средних лет. Одет тот был дорого, но не как лорд. Тиберий понял, что напрасно заботился о торжественности своего прибытия: барон навстречу не вышел.

Снова обмен приветствиями. Встречавший представился шателем замка Селвином Умбером.

Шателян в очередной раз извинился, теперь уже за обманувшую ожидания встречу. Он пояснил, что барон не вполне здоров и ожидает паладинов в чертоге.

Вполне удовлетворительное объяснение. Тиберий знал, что лорд Клемент — человек преклонных лет: именно потому давно не покидает своих земель. Хотя в любой момент был бы желанным гостем при королевском дворе.

Они проследовали во внутреннюю цитадель. Большого возбуждения в замке прибытие столичных рыцарей не вызвало: здесь явно каждый был при деле. Впрочем, хлопочущие по хозяйству девки поглядывали на паладинов, оживлённо перешёптываясь. Упражнявшаяся с деревянными мечами детвора увязалась следом, пока шателян не прикрикнул, велев не отвлекаться.

— Вы сможете разоружиться в помещении, куда мы следуем. Как видите, замок у нас скромный, однако гостеприимный.

Жаль, что Вудленд не оказался гостеприимной землёй для паладинов, подумалось Тиберию.

Они избавились от лат и мечей. Шателян проводил рыцарей вглубь запутанных помещений: через петляющие коридоры, вверх по винтовой лестнице.

Замок оказался на удивление хорошо протоплен. Щели в каменной кладке тщательно забивали и промазывали, так что сырости не ощущалось. Только копоть оттирали не слишком старательно. Полы перестелили недавно: дерево ещё источало приятный смолистый запах.

Наконец рыцари добрались до чертога.

О зале Тиберий сказал бы ровно то же, что и о замке в целом. Скромно, практично. Без тени того пафоса, который привычен в столице и крепостях крупнейших пэров. Свет попадал сюда лишь из маленьких окон под самым потолком: потому и днём в чертоге горели свечи. Даже с ними было темновато.

— Магистр, благочестивые сиры! Рад вашему прибытию! Обойдёмся без церемоний, прошу вас. Сразу к столу.

Определённо, в молодости барон был настоящим богатырём — но с годами сильно располнел. Однако обрюзгшее лицо и солидный живот сочетались с широкими плечами и грудью, конная выправка была по-прежнему очевидна. Завидная борода поседела обильно, но ещё не окончательно.

— Как вам будет угодно, барон. Позвольте только представить моих спутников: паладины Амадей, Хирмений и Деметрий.

Паладинам, как и священникам высокого сана, полагалось пользоваться церковными именами — те повелись со времён Старой Империи, теперь звучали необычно. У самого магистра, впрочем, мирского имени вовсе не было. Такая судьба.

— Ох... церемонии, церемонии. Барон Клемент Гаскойн, лорд Вудленда, Дозорный восточных пределов и... ах, милорды, я человек простой. Не терплю этих перечислений титулов. Даже помню свои плохо. Это Селвина надо спросить: служит мне и шателяном, и герольдом. Полкубка успеваю выпить, пока он эту блажь перечисляет. К столу, к столу, прошу вас!

Барон производил впечатление старика сурового, но одновременно добродушного. Выглядел он бодро: даже странно, что сослался на нездоровье. Эту мысль паладина лорд Клемент словно прочитал.

— Не смотрите, милорды, что я такой бойкий. Колени, побери меня Нечистый... в такую погоду трудновато бывает спускаться вниз. Старость, знаете ли, не радость: надеюсь, что ваш век будет длинным, получится в том убедиться. Знаете, магистр, а ведь мы уже встречались. Только вы меня не помните, разумеется: были совсем ребёнком.

Тиберий улыбнулся, как и его спутники. Амадей, Хирмений и Деметрий были старше магистра лет на пять-десять, но лет на тридцать младше хозяина Фиршилда.

— Ох, были времена! — продолжал барон. — Прекрасные времена. Когда-то, магистр, меня ведь считали в Стирлинге образцом рыцарства. Положим, не таким блестящим, как вы... но всё же.

— Благодарю. Но право слово, барон, вы мне льстите.

— Отчего же... — Клемент Гаскойн поторопил жестом пригожую служанку,

наполнявшую кубки; напоминать ей о том, что паладины хмельного не пьют, не пришлось. — Какая лесть? Всего лишь признание фактов. Не зазорно рыцарю гордиться силой и храбростью. Уж о вас-то, магистр, даже в наших краях слышал каждый: как о лучшем рыцаре не только Церкви, но и всего королевства. Говорят, вы никогда не знали поражений на турнирах!

Тиберий немного смутился. Слава, пусть и заслуженная, тяготила его. К тому же магистр старался не забывать: составлена она в мирное время. Иного сорта слава, нежели у короля Балдуина или барона Гаскойна, а равно — у прочих ветеранов Великой войны.

— Это не совсем так, барон... Я несколько раз проигрывал конные сшибки известному вам сиру Арчибальду Бомонту, а также герцогу Линкольну... ему, правда, давно. А ещё в прошлом году, на турнире у Скофелов, вчистую уступил заезжему рыцарю из Норштата: некоему Вольфгангу тер Мейнхарду. Могу лишь похвастать: меня никогда не выбивали из седла. И пеших поединков я действительно не проигрывал.

— Пусть так, но с вами давно никто не сравнится, магистр. Я, как видите, на турниры больше не гожусь... Но слежу за ними, непременно слежу. Селвин сообщает мне все новости.

Обмен любезностями и обсуждение турниров — не то, ради чего паладин приехал. Однако торопить хозяина замка Тиберий не желал: это было бы невежливо. Стоило подыграть.

— Я слышал, что ваш сын — рыцарь весьма многообещающий, хотя в больших турнирах пока не участвовал?

Старый барон рассмеялся. Добрые слова о сыне — определённо именно то, чем можно было завоевать его расположение. Тиберий знал: ребёнок у лорда Вудленда всего один. Злые языки поговаривали, что все силы барон растратил в сражениях Великой войны, а на супружеском ложе оказался слабоват. Не пристало воцерковленным людям обсуждать подобные слухи, но...

— О да! Мой мальчик, моя надежда! Славный рыцарь из него вырос... Почти вырос: ещё бы только немного опыта набрать. Сильнее и отважнее, чем я в его годы! А я-то был... да вот, сами взгляните.

Клемент Гаскойн повёл могучей рукой, указав на стену: там висела огромная картина. Ясно, что не местный мастер рисовал — как минимум столичный, а то и иностранный. Лимландец, например. Нынче по всему Ульмису в моду вошли именно лимландские живописцы.

Полотно изображало батальную сцену, кульминацию Великой войны. На заснеженном поле двое могучих рыцарей вели в атаку конницу Стирлинга. Нельзя было не узнать в одном из всадников короля Балдуина. Другой, вероятно — сам Клемент Гаскойн.

— Битва при Тагенштайне? — поинтересовался Хирмений.

— Она самая! Сколько лет-то прошло... тридцать, если не ошибаюсь.

— Двадцать четыре. — позволил себе поправить барона Амадей.

Он превосходно знал историю Великой войны. Многие родственники Амадея, человека высочайшего происхождения, сложили головы на её полях.

— Ах... ну пусть так. Что за бой — песня! Рубились с балеарцами от рассвета до заката. Пикинеры Мендосы трижды убивали подо мной коня. Сильны были... Да и мы были сильны. Десять тысяч всадников: земля на дыбы вставала! Снег таял от горячей крови! В решающий момент, когда рыцари Стирлинга едва не дрогнули, король сам повёл нас в атаку. Я помню,

как скакал рядом с ним. О да: я помню! Двадцать четыре года назад, говорите? Словно вчера. Никогда не забуду эту атаку. Славные времена... И славная картина, хотя мастер мне немного польстил. Не скакал же я на пики без забрала, что за глупости?

Глаза барона засверкали ярче свечей в канделябрах. Он заёрзал на кресле, приподнялся, сжал кулаки — наверняка сам того не заметив. Но быстро успокоился.

— Я заказал эту картину, когда мой мальчик и принц Бернард подросли: детям скучны рассказы без картинок. Вернее, я хотел заказать лишь книгу с хорошими гравюрами. Написал о том королю, у нас ведь добрых мастеров не водится. Ну а старик Балдуин, вы знаете, он всегда был щедрой душой: вместе с книжкой прислал ещё и это.

Бернард, младший из двух сыновей короля, воспитывался в Фиршилде до шестнадцати — лишь около года назад вернулся к столичному двору. Балдуин мудро рассудил, что кронпринца должно готовить к правлению, а Бернарда отослать в место, подходящее для воспитания военачальника. Король знал Клемента Гаскойна ещё с середины Великой войны, так что его решению удивились немногие.

— Я старался поучать и вдохновлять своим примером равно как и сына, так и принца. Кажется, милостью Творца Небесного, преуспел. Когда-нибудь и мой мальчик поскачет в бой подле Бернарда... да... однако и я сам, знаете! Пусть уже стар, но даст Творец Небесный войну — готов снова забраться на коня! Ещё достанет в моих членах силы поднять знамя Гаскойнов на защиту Стирлинга!

Лорд Клемент потряс пудовым кулаком. Его слова не вызывали сомнений и без такого жеста. Тиберий про себя усмехнулся: турнирные сшибки! Да победы хоть в тысяче турниров — с этим стариком не сравнишься.

Однако какое бы восхищение ни вызывал старый рыцарь — пора было мягко повести разговор в ином русле.

— Не могу передать, насколько приятно и ценно услышать ваши рассказы о великих битвах прошлого, барон. Это действительно огромная честь и радость. Но не сочтите дерзостью... увы, нас привело сюда иное.

— Знаю. — Клемент вздохнул вполне искренне. — Печальное дело.

— Перейдём же к нему, если позволите. Поведайте нам, барон: удалось ли хоть что-то выяснить о судьбе паладина Вермилия?

— Нет. Могу сказать лишь одно: он определённо мёртв. Попади Вермилий в лапы гвендлов — за него давно потребовали бы выкуп.

— Неужели не обнаружено никаких следов? Если донесения не лгут, наш брат пропал на дороге между близко расположенными деревнями.

— Утром после его исчезновения зарядил такой ливень... Будто небеса разверзлись, помилуй нас Творец Небесный. Размыло к Нечистому и дороги, и тропы. Рыцари Перекрёстка сами вели поиски. Насколько знаю — без толку, но лучше вам их спросить. Они по-прежнему стоят в Колуэе. Деревенька такая...

— А как же ваши люди? Ведь они лучше знают леса.

— Я посылал людей на поиски, но знаете... буду честным, как полагается рыцарю и лорду. Не очень-то рьяно мы разыскивали паладина. Признаю: по нему в Вудленде не слишком скучают.

А вот это прозвучало очень дурно. Очарование старого воина для Тиберия немало померкло, но он постарался скрыть эмоции.

— Почему же так?

— Известное дело, благочестивые сирь. Паладин, когда прибыл, показал грамоту архиепископа: дескать, благословлён искоренять ересь и языческое мракобесие. Бороться с гвендлами и их... влиянием на местный люд. Вы же сами видели: здесь много древней крови. Гаскойны о помощи в этом деле никогда не просили. Много лет я стерегу границы Восточного леса, а до меня это делал отец, и отец моего отца, и другие мужи нашего рода. Это наш долг. Но и противиться воле архиепископа я, конечно же, не посмел. Проблема в том, что паладин Вермилий... слишком увлёкся.

— В каком это смысле: «увлёкся»?

— Знаете, сколько ведьм он пожёт в моих землях за неполных три месяца?

Паладины покачали головами. Барон, заметно помрачнев, наклонился в их сторону.

— Пятьдесят одну. Пятьдесят одну здоровую деревенскую бабу, любая из которых могла трудиться в поле, ухаживать за скотиной да рожать мне крестьян и солдат каждый год. Кто эти потери возместит, скажите? Архиепископ? Кого я выдам замуж вместо тех баб: монахинь, что ли? Не подумайте, я в воле Церкви не сомневаюсь... но подобного, как властитель Вудленда, не могу одобрить. А хуже всего — это смутило народ. Если вы думаете, что погромы в деревнях начались из-за гвендлов, то смею заверить: нет. Паладин Вермилий пустил кровь, и мужичьё почуяло её запах. Где-то вскрылись старые обиды. Где-то увидели знак, что пора резать крещёных гвендлов. И покатилося...

— Церковь казнит бескровно. — возразил Деметрий.

— Помилуйте! Это пустая фигура речи. Хоть сожги, хоть повесь, хоть отруби голову, а человека уже не вернуть. Смерть есть смерть: для Церкви, может, и важно, «чистая» ли она была. А для меня и простых людей... Не скрою: дурно обстояли у нас дела до прихода паладина. Но мы справились бы сами — ведь справлялись всегда. Веками справлялись! А он сделал только хуже.

— Я, однако, убеждён: паладин Вермилий не совершил ни одной казни, если против ведьмы не имелось веских свидетельств. — Тиберий говорил мягче Деметрия, но весьма уверенно.

— Да хоть и имелись... кабы ведьмы могли сделать урожай богаче, скотину и зверя пожирнее — так заслужили бы защиты не меньше, чем добрые верующие. Не считите эти слова ересью, ради всего святого, но я говорю откровенно. Жизнь в Вудленде тяжёлая. Всегда была такой, а уж после войны в особенности. Вермилий её облегчил лишь одним: когда исчез. Сгинул, и всё как-то само собой улеглось.

Слова, конечно, откровенно крамольные. Тиберий порадовался, что взял в чертог только самых проверенных, рассудительных и смиренных братьев: иначе разговор принял бы дурной оборот. Подобрать ответ даже ему оказалось непросто.

— Ведьмы на то и ведьмы, чтобы причинять слугам Творца Небесного только зло. Они служат Нечистому. Вы сами прекрасно это знаете.

Лорд Клемент саркастически хмыкнул. Так выразительно, что это прозвучало даже хуже, чем его суждения насчёт «защиты ведьм». Немногие в Стирлинге могли вести себя подобным образом. Однако столь знатный, прославленный и дорогой лично королю человек — мог. Тем более здесь: в отдалённых землях, коими владел по праву.

— Достопочтенные паладины! Позвольте старику задать один неудобный вопрос?

— Всё что пожелаете, барон.

— Прекрасно. Вопрос таков... Вы сами, собственными глазами, видели какое-нибудь колдовство? Отвечайте честно, прошу: архиепископ вас здесь не услышит.

Паладинов вопрос действительно смутил. С одной стороны, ответ был очевиден. Но как же его озвучить? Прямое поправление святых обетов — сомнение в вере!

— Не тушуйтесь, милорды. Уважьте старика. Говорите откровенно.

Тиберий, скрепя сердце, всё-таки произнёс:

— Нет. Но...

— Вот именно. — перебил его барон. — Я так и думал. Послушайте же человека, который ходил в глубину Восточного леса... Я видел кое-что, о чём предпочёл бы забыть. Я видел ужас. Видел его лицо, милорды. И многие из моих людей тоже. А кто не видел — тот слышал или чует. Паладин Вермилий явился сюда и начал наводить порядки, к которым был привычен, но...

Барон Гаскойн на мгновение отвёл взгляд. Наверняка он понимал, что уже наговорил лишнего — и теперь хотел получше подобрать слова.

— ...но скажу так. У Церкви свой подход: не смею ставить его под сомнение. Однако здесь, в Вудленде, с ведьмами шуток не шутят. И я совсем не удивлён, что Вермилий кончил так, как кончил.

Это были слова очень тяжёлые и неоднозначные. Паладин-магистр Тиберий, истово верующий человек, видящий служение Церкви единственным смыслом жизни, оторопел. Что всё это могло значить?

В столице такие речи непременно повлекли бы очень серьёзные вопросы. Да вот только сложно, сложно задать их барону Гаскойну. Кому король доверяет больше? Кого из пэров ценит выше? Если таковые найдутся, то их очень немного.

Тиберий любил Творца Небесного и Церковь больше жизни. Но даже Церковь, при всём своём могуществе, не всесильна.

Могуществу-то без году неделя, если честно. Ведьм и колдунов кое-как преследовали всегда. И с ересью боролись. Однако настоящую силу Церковь обрела только после Великой войны. И сейчас наращивала её, сжимая хватку на горле врагов Творца Небесного.

Ни Тиберий, ни его спутники не знали, что сказать. Тягостное молчание прервал барон.

— Однако же я понимаю: ваш долг — выяснить судьбу паладина Вермилия и покарать виновных в его гибели. А он, как я уже сказал, совершенно точно мёртв. Мой же долг, в свою очередь — вам помочь. Помочь могу немногим... нужны люди? Я дам вам надёжных людей. И расскажу всё, что сам знаю об этих местах. А ещё... Соболаговолите принять добрый совет: не повторите ошибок Вермилия. Не огорчайте старика.

— Хорошо, что вы готовы нам помочь. Полагаю, начать следует с посещения тех деревень, подле которых исчез наш брат?

— Разумно. Вермилий выехал тем вечером из Лостера и Колуэй. Но на вашем месте ни в Лостер, ни в окрестные леса я бы не ехал прежде встречи с приором ордена Перекрёстка. Так что выделю вам провожатых до Колуэя. Когда желаете отправиться? Полагаю, вашим людям нужен хороший отдых с дороги... Торопиться-то уже некуда, к сожалению.

— Основному отряду отдых нужен. — согласился Тиберий. — Но не мне самому. Я поеду в Колуэй завтра же, едва займётся рассвет. Думаю, трое моих лучших братьев готовы пуститься в дорогу так скоро?

— Конечно, магистр. — ответил Амадей: остальные лишь кивнули.

— Прекрасно! Барон, мы последуем вашим советам. Даю слово: в лес не углубимся без сильного отряда. Но дороги, думаю, для пяти-шести всадников вполне безопасны?

— Пожалуй: я усилил патрули, а гвендлы очень боятся рыцарей. Едва ли возможно

какое-то происшествие, хотя расслабляться здесь не стоит никогда. О ваших людях в замке позаботятся, а я тем временем найду, кого послать провожатыми на рассвете. Колуэй не так уж далеко.

— Если это возможно, я был бы рад компании вашего сына.

— Боюсь, невозможно... его сейчас нет здесь. Мой мальчик не любит жизни в замке: он вечно рыскает по лесам, как молодой волк. Я сам подолгу его не вижу. Отдаёт предпочтение охоте и, подозреваю, распутным деревенским девкам — то для юного рыцаря совсем не грех... Возможно, вы встретите его, когда вернётесь в Фиршилд. А если задержитесь в Колуэе, то сообщите: я немедленно вышлю сына туда, едва он явится.

— Да будет так.

Паладин-магистр поднялся из-за стола, будучи немало озадачен этой беседой. Ему было о чём поразмыслить — но стоило и хорошенько отдохнуть прежде, чем вновь садиться в седло.

Разведка прошла без неожиданностей. В Вулмене всё было спокойно — по части того, что интересовало гвендлов. Никакого присутствия солдат и тем более рыцарей. Вулмену набеги до сих пор почти не угрожали: от Орфхлэйта поселение лежало далеко. Деревенька готовилась к торжеству, которое отряд Даглуса намеревался омрачить.

Теперь главное — не спугнуть. Поэтому Кайл рассудил: наблюдать надо оставить всего одного человека. Да чтобы хорошенько замаскировался. Основной отряд должен был подтянуться к следующему вечеру: по времени всё складывалось идеально.

— Свадьбец выйдет славный!

— Ага... порадуются.

Навстречу Даглусу отправили Флоина. Лучник был, конечно, человеком ценным. Но, во-первых, ввязываться в бой гвендлы не планировали. А во-вторых, уж слишком суеверный товарищ утомил Кайла безостановочной болтовнёй о ведьмах. От языка Флоина сейчас больше вреда, чем пользы от его лука.

Остальных троих Гэннов разведчик решил увести в лес, чтобы отдохнуть. Тем более что их отяготил пленный, которому у кромки чащи делать было совершенно нечего.

Ещё по дороге к Вулмену разведчики заметили одинокий дом: на берегу речки, довольно далеко от деревни. Наверняка жилище принадлежало рыбаку, решившему жить поближе к месту промысла. Довольно убогий дом, ничего интересного — однако идею пойти туда обсуждали оживлённо.

Неспроста. Укрытие из рыбацкого домика вышло бы неплохое — особенно учитывая, что намечалась гроза. После налёта на деревню точно станет не до уюта, придётся живо уносить ноги. Над домом поднимался лёгкий дымок: значит, не пустует. Однако и ожидать сопротивления, которое создаст много шума, не приходилось.

Мнения всё равно разделились: высказаться здесь имел право каждый, за Кайлом оставалось лишь решение.

— Ну чего такого? Отсидимся под крышей. Даже убивать хозяев не обязательно: повяжем и всего делов. Заодно дурака этого запрём, меньше будет мороки. Свадьба ведь! Кто на отшиб в гости пойдёт? Никто.

— А если он рыбу да раков в Вулмен принести должен? Тогда могут и припереться.

— Дык они ж гулять только завтра будут, ну. До завтрашнего вечера не хватятся. А потом: ну кто придёт? Не толпа же с вилами. Какие деревенские заглянут — те с нами и останутся. Гром-то уже гремит, а скоро и ливанёт: как ни ори, в деревне не услышат.

Всё это звучало разумно: и «за», и «против». Поправляя ножные обмотки, Кайл размышлял.

— Может, у них там и бабы есть!

Уж эту-то тему командир пресёк решительно.

— Какие ещё бабы? Мы пришли сюда не за этим!

От Иана было много проку в бою — однако он не отличался умом и расставлять приоритеты не умел. Весь опыт Кайла свидетельствовал: ничего вреднее и бесполезнее тяги к захвату женщин в их деле нет. Примеров того, как подобное кончалось печальным образом, он видел множество. Когда ты в набеге — надо держать ухо востро, а глаза широко открытыми. Женщины совершенно не помогают ни тому, ни другому.

Иан всё бурчал, но Кайл, даже не слушая этот лепет, продолжил:

— Я тебе серьёзно говорю: держи хер в штанах, пока не окажемся дома. Это и деревни касается! Головой думать надо, а не причиндалами. Не то отрежут и то, и другое.

Последнее было, кстати, отнюдь не фигурой речи. Кайл помнил историю соплеменника, который считал отличной идеей угонять в Орфхлэйт вудленских женщин. Чем они лучше своих, Кайлу было непонятно. Зато как-то раз добыча слишком замедлила отряд налётчиков. Всё кончилось весьма предсказуемой встречей с солдатами лорда Винслоу. А те парни — далеко не рыцари из замка барона...

Поглядев на тела гвендлов, которым отрезанные члены вставили в рты, Кайл раз и навсегда решил: лучше с местными бабами не связываться. Притащишь в лес хорошую добычу — там любая даст...

Да и вообще! Может, не все разделяли такое отношение к набегам на Пришлых, но Кайл видел в них лишь суровую необходимость. Не будь такой нужды — предпочёл бы жить мирно. Гвендлы претерпели много зла от Стирлинга, но разведчику было очевидно: виноваты тут вовсе не крестьяне. Жители вудлендских деревень сами в лес не совались, воевать с древним народом особым желанием не горели. Не за что было особенно ненавидеть простых людей... по крайней мере — большинство из них, если вспомнить те трупы на клёне. Вот лорды, рыцари и солдаты — другое дело.

Очень хотелось хоть одну ночь не мокнуть под дождём. Поход вышел тяжёлым: от дерьмовой погоды и необходимости постоянно играть в прятки с патрулями. А силы ещё потребуются на обратной дороге.

— Ну ладно, пойдём к дому. Только осмотримся хорошенько. А то нас пойдёт четверо, да ещё дурак этот... Если там мужчин больше двух — не полезем. Не стоит того. И да: без нужды никого не убивать. Так... ты остаёшься. Сменим утром. Сиди тихо, к нам уходи только в крайнем случае. Если рыцари прискачут или вроде того.

Пленник гвендлов не слушал. Не будет от него особых проблем: просто обуза. Кайл забросил на плечо круглый щит, расписанный клановым клетчатым узором. Лучников при нём не осталось — значит, надо быть ещё осторожнее. Дафф и Роб со щитами, Иан со своей секирой... для мирных обитателей дома на отшибе хватит. Но лезть в серьёзную драку было бы очень глупо.

Вот ведь забавно, думалось Кайлу по дороге через лес: и охотники, и жертвы на этом промысле до смерти боялись друг друга. Одни молились своему глупому богу, чтобы набег обошли свою деревню стороной: пускай грабят соседей. Другие просили духов об удаче в тех самых набегам — а заодно о том, чтобы барон вздёрнул людей из недружественного клана. Пусть им не повезёт.

За домом гвендлы наблюдали около получаса — и ничего особенного не заметили. Кто-то стучал топором позади жилища, но рассмотреть не представлялось возможным: пришлось бы покинуть укрытие.

— Не может там быть много людей. Ну никак! Хозяин дрова рубит. Ну может, в доме сынишка взрослый ещё. Ну двое: это в худшем случае. Домишко-то... там двоим тесно.

— Я, кажется, лошадь слышал.

— Много ты слышал? Вона как громыхает, и ветер... Я не вижу никакой лошади.

Погода портилась стремительно, что подстёгивало действовать. Тут уж или обустроиваться в лесу, пока не ливануло, или идти к дому.

— Да пусть и лошадь. Кляча какая-то старая, рыбак её в телегу запрягает. Чего такого?

Из дома вышла женщина — молодая, одетая по-крестьянски, с кувшином в руках. Она скрылась за хижинкой. Единственное движение возле дома, которое разведчики видели.

Рассуждая здраво, ничто не говорило против идеи пойти к рыбацкой хижине. Риск прихода гостей, что ли? Но ведь и в полесье близ деревни могла нелёгкая занести кого-то из местных. Однако предчувствие у Кайла было какое-то нехорошее. С решением он долго колебался.

И всё-таки решился. К дому приближались осторожно: согнувшись, держась кустов. Кайл предпочитал и на студёную воду дуть.

Из хижины звуков не доносилось. Заглянув в окошко, Кайл тоже ничего не разглядел. Вероятно, внутри никого — а единственные обитатели негромко беседовали позади жилища. Можно было различить мужской и женский голоса; ещё продолжал стучать топор.

— Пошли: глянем, что за домом.

Во дворе гвендлы обнаружили девушку, которую видели ранее, и парня лет восемнадцати — чуть старше их пленника. Именно он колол дрова, пока не обратил внимание на незваных гостей.

Девушка Кайла несколько не интересовала. Она всё равно замерла в испуге, едва завидев гвендлов: даже голосить не стала. А вот к юноше командир разведчиков присмотрелся — и увиденному совсем не обрадовался.

К поленнице рядом с дровосеком был прислонён длинный меч, но даже без этой детали Кайл сразу понял бы: перед ним отнюдь не крестьянин. Всегда отличишь человека, чьё тело закалено простым повседневным трудом, от привыкшего держать в руках оружие.

Юноша был невысок, зато сложен очень крепко. И плавность самого простого движения, которым он освободил руки от колуна, на полшага приблизившись к мечу, сказала обо многом. Кайл тоже был опытным бойцом, а такие люди друг друга примечают.

— Мэри... поди-ка, солнышко, в дом. Я разберусь.

Лицо у парнишки оказалось простым — круглым и улыбчивым, легко сошло бы за неблагородное. Ни бороды, ни усов он не носил, а пострижен был по-солдатски. Однако он — не солдат. И едва ли даже оруженосец. Кайл понял это не только по изящному мечу: выше пояса юноша был обнажён, однако шосссы носил очень дорогие — идеально скроенные по фигуре. И равносторонний крестик на груди — не деревянный, не железный, даже не серебряный. Золотой. На золотой же цепочке, а не на шнурке.

— Кто ты такой?

Ответа не последовало, потому что Иан преградил дорогу пятящейся к дому девушке.

— Пустите Мэри в дом, а после поговорим. Вы ведь из Гэннов, да? Узнаю этот узор. Я разбираюсь в лесных кланах.

— Пойдёте в дом вместе, если не сделаешь глупость. — Кайл кивнул в сторону меча.

— Нет-нет-нет, едва ли. Вам нечего здесь делать, воины Гэннов. Это бедный дом. Отец Мэри стар и очень болен. Видите: он даже не может наколоть дров, что говорить о промысле? С этих людей нечего взять... А саму Мэри вы просто так не получите.

Только теперь юноша заметил пленника, которого приволок Дафф — связанного и с кляпом.

— Так Мартин всё это время был у вас?.. А мы-то думали, он погиб. Надо же! Мартин рад видеть тебя живым! Ничего не бойся.

Тот факт, что незнакомец узнал пленного оруженосца, окончательно убедил Кайла: перед ним человек, каких разведчикам лучше бы встречать в Вудленде. Но деваться было уже

некуда. Оставалось действовать по обстановке.

— Не говори с моим пленником! Только я могу с ним говорить. Бери бабу — и пошли в дом. По-хорошему. Без резких движений и без криков. Мы никого здесь не тронем, если не придётся.

— Нет-нет-нет. Я рыцарь. — юноша гордо задрал подбородок. — И я при мече. Так что сдаваться мне и не к лицу, и нет резона. Зато предлагаю уйти вам, потому что здесь действительно нет ничего ценного. Можете даже взять моего коня, прошу. Вот вам рыцарское слово: клянусь, что до завтра никто не узнает об этой встрече. Честный уговор.

До меча молодому рыцарю ещё нужно было дотянуться, конечно. Однако Кайл чувствовал: ох и непрост этот парень. Наверняка отлично знает, с какой стороны братья за оружие. И может быть куда более прытким, чем кажется...

Командиру не понравилось, что Роб встал к противнику слишком близко — да ещё тем боком, который не закрывал щит. Иан со своей секирой — слишком далеко. Ещё и на девку вытаращился.

Рыцарь держался спокойно, продолжал улыбаться.

— Торопись умереть? Умрёшь прямо сейчас, если не сделаешь как сказано. И твоя баба тоже сдохнет. Попозже.

Угроза не возымела действия. Ох и напрасно они пошли за дом открыто! Напрасно начали этот разговор.

Кайл ожидал увидеть людей, которых легко запугать. А рыцаря-то следовало убивать сразу, внезапным ударом. Так, как гвендлы умеют лучше всего. Но теперь — поздно. Кайл не сомневался: рыцарюшку они зарубят, если потребуется. Он ведь один, без доспеха, и даже оружие далековато. Но эта схватка может стоить отряду своего убитого. Или, что ещё хуже, раненого: а их и так сковывал пленник...

Драться ни к чему. Противник опасный, и удобный момент расправиться с ним уже упущен. Но как теперь обойтись без драки?

— Значит, не договоримся? — вздохнул рыцарь. — Что же, тогда... меч нас рассуди. Пустите Мэри в дом: не хочу, чтобы она это видела. Такова моя последняя просьба.

Говорить стало не о чем, это понятно. Рука Кайла с самого начала держала обнажённый меч. Был готов к бою и Дафф, уложивший лицом вниз связанного сквайра; а вот Роб проявил беспечность не меньшую, чем Иан. Командир разведчиков выругался про себя. Он выбирал людей, которые хороши для дозора, для атаки исподтишка. Никак не для открытого боя с хорошо обученным противником.

Они делали ошибки. Глупые ошибки.

Естественно, гвендлы не могли просто уйти, даже положившись на рыцарское слово. Во-первых, не каждый рыцарь его сдержит. Во-вторых, слишком высокими были ставки. Оставалось убивать, пусть Кайлу этого не хотелось. Вечно делать лишь то, что хочется — счастье немногих.

— Ладно-ладно. Вот и договорились.

Это была заранее условленная команда к бою.

Лидер разведчиков молча бросился вперёд, занося меч. До дистанции, откуда уже можно ударить — пара шагов: время, которое Кайл на них потратил, остальные тоже использовали. Кто лучше, кто хуже.

Роб ещё только тянулся за топориком, висевшим на поясе, и даже не догадался ударить щитом. Рыцарь молниеносно схватил меч, но обнажать его не стал. Смекнул — не успевает:

вместо этого ударил Роба в лицо наверху.

Меч Кайла встретился не с черепом противника, а с подставленными под углом ножами — и ушёл в сторону. Причём в неудобную: теперь гвендл не смог ударить сразу. Ему потребовались мгновения, чтобы восстановить контроль над оружием — а ведь враг не тратил даром ни мига.

— Мэри, беги!

Кайлу плевать было, куда девка бежит. Даже если бросилась за помощью — схватка десять раз успеет закончиться прежде. Вопрос только, как именно она закончится.

Рыцарь не атаковал Кайла: он порхнул навстречу Иану, наконец-то обнажая меч. Тяжёлый топор хорош, когда тебя прикрывают щитами: сейчас Иан был самой лёгкой целью. Это понимал Кайл и столь же ясно видел рыцаря.

Иан к тому времени успел замахнуться. Он наносил вертикальный удар: сильный, но слишком медленный и бесхитростный. Рыцарь тоже поднял оружие высоко, развернул плечи, чуть отшагнул вбок. Он стремился парировать атаку, поймать начало движения — когда тяжёлое оружие ещё нетрудно отвести в сторону.

Древко топора соскользнуло по лезвию. Глядя, как могучий удар проходит мимо цели, Кайл с горечью понял: Иана уже ничто не спасёт.

Молодому гвендлу было нечем защититься от атаки в ответ. Он успел лишь закричать прежде, чем голова слетела с плеч. Отчаянный бросок Кайла изменить уже ничего не мог — командир только надеялся ударить рыцаря в спину.

Но и этого не получилось. Юноша, грациозно развернувшись, уколол назад: вряд ли рассчитывал попасть, однако защищаться Кайла вынудил. Из-под щита, потеряв время и обзор, гвендл всё-таки ухитрился от души рубануть — но его клинок рассёк только воздух. Ног рыцаря на прежнем месте не оказалось. Даром что коренастый — юркий, сволочь!

Задний двор был тесноват: стена дома, поленница, какой-то скарб... Гвендлы вполне могли зажать рыцаря, используя щиты. Увы, он и сам понимал это. Дёрнулся в одну сторону, бросился в другую — Кайл с товарищем не смогли взять противника в клещи.

На миг Роб — прекрасный разведчик, но посредственный боец, оказался один на один с рыцарем. Дафф, оставивший пленника, ещё только приближался — а командиру Роб сам перекрыл путь. Так вышло не по его вине. Рыцарь двигался превосходно: не только быстро, но и умно. Парой шагов, в нужное время и нужное место, он выстроил противников линией — теперь гвендлы мешали друг другу, их численное преимущество сделалось бессмысленным.

Кайл снова не сумел помочь. В прошлый раз не хватило буквально шага дистанции, а теперь — места для манёвра.

Напрасно Робу казалось, будто он держит ситуацию в руках. Пятясь, рыцарь намеренно атаковал его в щит: когда новый удар мгновенно полетел с другой стороны, гвендл не успел защититься. Кайл едва обрадовался, что это лишь рана, как Роб ошибся снова. Ему бы сейчас закрыться щитом, отступить... Увы. Разведчик пошёл вперёд, замахнулся — и напоролся грудью на острие.

Кошмар... Кайл почти упал духом. Он потерял двоих людей буквально на ровном месте — и больше не был уверен в победе. Собраться удалось с немалым трудом. Горевать, корить себя и других за ошибки — после! Сейчас нужно сражаться.

Рыцарь отпихнул ногой умирающего Роба, освободив клинок: словно кусок мяса со шпажки снял. На Кайла с Даффом он не пошёл. Наверняка почувствовал, что эти двое

гораздо опаснее. А потому поспешил назад, к реке — где было куда просторнее.

Ничего не оставалось, кроме как следовать за ним. Теперь Кайл горько жалел, что Флоин ушёл к основному отряду: глядишь, исхитрился бы подстрелить рыцаря. Не стоило отправлять к Даглусу лучника! Всё из-за дурных разговоров про ведьм. Гадай теперь: совпадение — или правда беду накликали?

— Задница...

— Да уж не передница. Соберись: завалим сволочь...

Кайл и Дафф умели сражаться вместе: это плюс. А противник, казалось, отдал им инициативу — позволяя наступать справа и слева. Крепкий юноша, чьего имени гвендлы так и не узнали, оставил одну руку на рукояти меча, а другой взялся за окровавленное лезвие. Даглус рассказывал Кайлу о таком стиле боя, используемом рыцарями. Увы, только рассказывал: гвендл толком не знал, чего ожидать.

Рыцарь замер в подпружиненной позе. Кайл не собирался лезть на рожон: приближался очень медленно, подняв щит — и почти не повёлся на ложный укол. Однако затем ситуация вышла из-под контроля.

Всё случилось слишком быстро и слишком непонятно. Кайл заметил, как уже обе руки противника оказались на клинке, а перекрестие меча зацепило щит Даффа за край. Рывок — и разведчика, уже готового ударить, развернуло открытым боком. Дафф едва не упал.

Кайл решил, что это отличный момент для атаки — но его клинок оказался пойман перекрестием и отведён в сторону. Блеск стали, звон, глухой удар, всё как-то закрутилось перед глазами — на миг Кайл увидел спину рыцаря и примерился, чтобы рубануть...

...тщётно: его заставили плясать незнакомый танец. Рыцарский клинок ужалил в бедро — а не успеет Кайл закрыться от второго удара, погиб бы тотчас. Дафф закричал, но из-под щита Кайл не видел, что с ним случилось. Свой последний удар командир разведчиков наносил уже наугад, не глядя. В отчаянной надежде, что чувства не подвели — и противник действительно там.

Конечно же, рыцаря там не было. Сталь вгрызлась гвендлу под рёбра. От боли глаза заволокло пеленой, пальцы на рукоятке безвольно разжались.

Темнота сменилась видением, которое Кайл осознал порогом смерти.

Та же картина, что мерещилась в полудрёме утром: лесная деревня, жаркие костры. Сейчас Кайл даже мог почувствовать их тепло, услышать треск могучего пламени. Искры кружились, уходя к верхушкам елей, гремели бубны и барабаны. И девушка, танцующая в отблесках пламени. Эйлис, Эйлис... Она снилась Кайлу каждую ночь. Каждое утро он просыпался с единственным желанием: наконец-то вернуться к любимой наяву. Но видно, уже не судьба.

Теплилась последняя надежда: если это конец, то можно остаться во сне. Пока не свершится Круг и обратившееся в пепел не возродится всходами. Или пока не пробьёт час, о котором говаривали шаманы. Годы, десятилетия, века в этом прекрасном видении? Не так уж плохо.

— Эйлис...

Это прозвучало вслух? Да. Выходит, Кайл ещё не умер. К его разочарованию, сознание вернулось — вместе с ужасной болью. Разведчик лежал, уткнувшись носом в траву. Одна рука не слушалась, другой не удалось нашарить меч.

— Эйлис...

Впрочем, на что Кайлу теперь меч? Встать всё равно не под силу. Гвендл с трудом

перевернулся на здоровый бок и осмотрел себя. Безнадёжно... Рыцарский меч прорубил рёбра и глубоко вошёл в тело: с такими ранами не живут. Подрезанной ноги Кайл вовсе не чувствовал. Только боль в боку и жажду.

Повернув голову, гвендл увидел Даффа. Тот лежал без движения, в неестественной позе — явно был мёртв. Кайлу тоже хотелось поскорее умереть. Вернуться в сон, из которого его вырвали.

— «Эйлис». Это женское имя. Так зовут твою жену? Дочь?

Кайл обернулся на голос. Юноша стирал кровь с меча; лицо вновь стало совершенно спокойным. Ничего похожего на радость, гордость за победу — хотя имелся повод для того и другого.

— Ннн... невесту.

Молодой рыцарь вздохнул так, будто правда расстроился.

— Жаль Эйлис... Но такова жизнь. Мы, мужчины, не всегда возвращаемся к своим женщинам.

— У тебя красивый меч.

Слова давались Кайлу с трудом, но отчего-то хотелось поговорить. Напоследок. В конце концов, собеседник был достойный. Это не байки о ведьмах травить...

— Красивый. Но дело не в мече. Дело в руках, которые его держат. Чтоб ты знал: я уважаю врагов, а потому предам ваши тела огню. Согласно гвендлскому обычаю.

— Спасибо.

— Вы Гэнны, а имена? Это уже не важно, но мне хотелось бы знать.

— Это Дафф... там... там Роб и... Иан. А я Кайл, Кайл Гэнн.

— Это все твои люди? Вы отстали от большого отряда или разбойничали на дороге? Пытать я тебя не буду, конечно. Зато прекращу страдания, если ответишь. Учти: кому бы мы ни молились, а лгать на пороге смерти всяко грешно.

Должно быть, и правда грешно. Но Кайл готов был взять на себя такой грех. Пусть юнец думает, что вырезал случайную шайку, забредшую слишком далеко. Если поверит, конечно. Пленный всё равно ничего путного не расскажет...

— Это все. Нам... пришлось на запад... патрули. Не смогли уйти... в лес. Мммальчишку... мальчишку нашли сегодня. Полдня пути отсюда. Тут... искали укрытие. Ночь, гроза.

Гром заглушал слабый голос Кайла. Тяжёлая туча уже заволокла полнеба, то и дело вспыхивали молнии. Рыцарю придётся жечь тела после грозы — если он, конечно, собирается исполнить обещание. Кайл почему-то верил, что собирается.

— Понимаю. А что Даглус? Он вернулся в Восточный Лес?

— Ннне знаю. Мы шли... не с ним.

— Не очень-то верю, что не знаешь. Но прежде, кажется, ты говорил правду... Оставлю это на твоей совести. Я ведь сам не представился — а ты, верно, хочешь знать, кто убил тебя и твоих людей? Моё имя Робин. Сир Робин Гаскойн.

Вот оно как. Сын барона. Неудивительно, что четверо гвендлов не справились с ним, трагически недооценив: вопреки юному возрасту, сир Робин слыл лучшим бойцом Вудленда. Талант. Кайл пуще прежнего пожалел, что они не убили рыцаря, когда была возможность. Такой трофеей невероятно возвысил бы его среди Гэннов. Да что там... Кайл прославился бы на весь Орфхлэйт.

Но теперь Эйлис даже не узнает, что с ним случилось.

Говорят, перед смертью весь жизненный путь проносится перед глазами. Ерунда: ничего подобного Кайл не испытал. Сожаления тоже развеялись — хоть и было, о чём сожалеть. Боль притупилась. Даже крупных капель дождя, забарабанивших по лицу, Кайл не чувствовал. Он уже не был частью этого мира.

— Давай, сир Робин... заканчивай.

Рыцарь занёс меч над грудью Кайла, но сознание потухло ещё прежде удара. Теперь уже навсегда. Последнее, что гвендл увидел — как сизая туча сменилась чистым ночным небом, усеянным звёздами. Вместо капель дождя, падавших вниз, вверх полетели искры.

— Остановимся, братья: время молитвы.

Церковь предписывала молиться Творцу Небесному минимум трижды в день. Не все верующие были достаточно прилежны, особенно что касалось полуденной молитвы. Но паладины, конечно, соблюдали указания в точности.

Можно было и поспорить о том, наступил ли полдень: солнца рыцари толком не видели. Небо с утра затянуло тучами. Однако спорить никто не стал — тем более что спутники Тиберия подустали трястись в сёдлах.

И сам магистр был рад слезть с коня: хоть Колуэй лежал недалеко от Фиршилда, сказалась долгая дорога из столицы. К тому же рыцарю приглянулась часовенка на перекрёстке двух широких, но вусмерть разбитых дорог.

На больших перекрёстках часто ставили часовни, и не просто для заботы о набожных путниках. Дело было в самой вере. Если точнее — в святой Белле, Благостной Деве, чтс принесла людям мрачной древности слово Его и благую весть Его. Белла поплатилась за это жизнью: её сожгли на перекрёстке, и ветер разнёс прах по четырём дорогам — во все стороны света.

А вместе с прахом — и веру в Творца Небесного. Потому последователи Его и почитали перекрёсток. Их равносторонние кресты изображали именно пересечение дорог. К этой форме тяготели в архитектуре, а почти век назад Бернард IV Набожный, король Стирлинга в те времена, даже додумался строить подобным образом армию. К счастью, от этого отказались после первого поражения. Творец Небесный всемогущ и всемилостив, однако не поощрит любую глупость, совершаемую в его честь.

В противовес кресту, дурным символом верующие считали круг. Это дорога без начала и конца, путь в никуда. К тому же круг издревле был связан с языческими суевериями.

Священника, что заботился о часовне, оторвали от уже начатой молитвы. Тиберию стало неловко.

— Простите, отец, что потревожили вас. Мы не нашли лучшего места в дороге.

Старик вовсе не был расстроен или разозлён.

— Истинное чудо, что такие благочестивые рыцари и сам паладин-магистр решили помолиться в моей скромной обители! Счастлив принять вас, братья во кресте. Идёмте к алтарю, скорее!

Всадники продолжили путь спустя полчаса. Тиберий ехал впереди, рядом с местным рыцарем — сиром Вилфордом Винслоу, которого барон назначил провожатым. Следом везли знамёна два паладина: Деметрий — церковную хоругвь, Хирмений — паладинский стяг. Сир Амадей замыкал маленькую колонну. Вопреки изначальным планам, они всё же прихватили нескольких сквайров.

Винслоу магистру сразу же не понравился. Даже несмотря на то, что среди рыцарей Вудленда он был, похоже, самым ярым сторонником Церкви — и помогал сгинувшему Вермилию.

Тиберий начинал понимать слова барона о сложном отношении вудлендцев к деятельности церковных рыцарей. Сир Вилфорд производил впечатление человека, в истовости которого говорит вовсе не искренняя вера, не чистая любовь к Творцу Небесному. Скорее речь шла о пристрастии иного рода — каковое в борьбе с ересью легко утолить.

— Ну... не то шоб они взошли на костёр... ходить-то уже не могли! — Винслоу расхохотался. — Я аж боялся, что с парочкой их этих нечистых отродий переборщил. Что трупы жечь придётся. Но всё прошло как должно! Мы согнали деревенских, шоб поглядели на казнь в назидание, и до самого конца никому уйти не дали. А горело-то долго: дрова собрали сырые.

Пухлые щёки Винслоу снова запрыгали, лицо покраснело, а маленькие глазки прищурились так, что почти исчезли. Тиберий поморщился. Сир Вилфорд смущал его откровенной кровожадностью и совсем не походил на крепкого бойца. Но, как заверил барон, Винслоу — небогатый, однако старый и уважаемый в Вудленде род. А сам сир Вилфорд — человек надёжный.

— Помните, сир Вилфорд: страдания заблудших служат лишь очищению их душ. Мы ни в коем случае не должны теми страданиями наслаждаться, какой бы праведной яростью ни пылали к неверным, еретикам и слугам Нечистого. Архиепископ каждого паладина тщательно наставляет о том, и сам я стремлюсь донести сию мысль до любого, кто стоит на защите креста.

Винслоу пожал покатыми плечами. Его грушеобразная фигура даже в доспехе не смотрелась так, как должно выглядеть рыцарю. Ко всему прочему, речь Вилфорда выдавала в нём человека плохо образованного, хотя достойного происхождения. Тиберий не привык видеть таких рыцарей.

— Не знаю, магистр. Не свезло мне бывать на проповедях архиепископа. Вам перечить не смею, но вот паладин Вермилий, знаете, слова поперёк мне не говорил. За все три месяца, что мы ловили да жгли проклятущих ведьм. А рыцари Перекрёстка... Ну, это... На вас не похожи. Сами увидите.

Орден Перекрёстка был силён в глубине страны — а не в столице, расположенной на юго-западе Стирлинга. Поэтому Тиберий братьев этого ордена знал плохо: лишь немногих столичных да успешно выступавших на турнирах. Вполне возможно, что их вера слабее. И не столь чиста, как у самого Тиберия, но чего тут удивительного? Именно поэтому Тиберий — паладин, а они — нет.

А вот рассказы о Вермилии немало удивляли. По всему выходило, что пребывание в восточных пределах Стирлинга ожесточило одного из самых опытных и уважаемых братьев. Оказавшись в жестоком краю, он сам быстро изменился к худшему. Отошёл от принципов смирения и милосердия.

Этим соображением паладин и поделился с местным рыцарем.

— Хм... Ну тут видите, оно какое дело... — Винслоу почесал подбородок, подбирая слова. — Вот говорят на проповеди: ворожеи в живых не оставляй! А потом, значица, что-то про милосердие. Оно ж простому человеку одно-то с другим увязать трудно. Вроде и жги ведьму, вешай язычника. А вроде и будь к ним милостив. Я человек простой, никак этого в толк не возьму. Да особо и не пытаюсь, просто дело своё делаю: всю жизнь гвендлов давлю, аки клопов. К этим вообще какое милосердие? Зверьё есть зверьё.

Тиберий подумал, что Винслоу лукавит. Красочные описания пыток пособников гвендлов и уличённых в колдовстве женщин говорили о большом удовольствии от процесса. Сомнительно, что он так полюбил истязания, внимая речам проповедников. Уж магистр-то в проповедях разбирался. Прекрасно знал, какое место в них обыкновенно уделяется любви к ближним, а какое — методам, коими этих ближних следует защищать.

— Всё просто, сир. Для истинно верующего человека есть только два пути: либо

славить Свет, либо сражаться с Тьмой. Мы рыцари, мы держим в руках оружие: значит, борьба с Тьмой суть наш рубеж. Но один монах много лет назад сказал мне мудрые слова... Когда смотришь в Тьму — и сама Тьма смотрит в тебя. Нужно быть осторожным, чтобы не стать чудовищем, сражаясь против них.

— Честно сказать, понятнее не стало. Если я Тьму давлю, значит — сам на светлой стороне. А разве по-другому бывает? Мудрёно это всё, магистр. Не для простых людей вроде меня: я хоть рыцарь, а книгу в жизни одну прочёл. Писание Святое. Другой у нас в замке не было.

Прозвучало вполне логично. О самой необходимости борьбы с мракобесием говорили и святые книги, и высшие церковные иерархи. Но методы они описывали очень обтекаемо. И неспроста, подумалось теперь Тиберию: в рассуждениях обо всём это легко зайти слишком далеко. Задать самому себе вопросы, ответы на которые лучше не знать.

Захотелось сменить тему.

— А почему вы, сир Вилфорд, не поехали из Лостера вместе с паладином Вермилием?

— Да я ему сразу говорил: дурное дело выезжать после полудня, точняк ночь в лесу застанет. Но он какой-то странный сделался, скажу вам. Бормотал всё про короткую дорогу. И настаивал, что в Колуэй ему нужно срочно. А я, после как ведьму-то пожгли — следил, шоб народ разошёлся мирно. Там, знаете, горячо-то было без костра. Лостерцы девку выдавать не хотели. Старейшина верещал: мол, это всё напраслина из соседней деревни. Никакая она, значица, не ведьма. Ну а те тоже за вилы: приворожила, дескать, сучка, того да вот этого... Насилу успокоили.

— Так не могла ли это быть засада лостерцев? Мечь?

За время борьбы с мракобесием, что широко развернулась после Великой Войны, Тиберий повидал всякое. Так что подобная мысль возникла давно.

И разговор с бароном Гаскойном не мог её не укрепить. Тогда многое прозвучало очень, очень тревожно для защитника Церкви. Тиберий не тешил себя иллюзией, будто уже во всём разобрался. Но он совершенно отчётливо понимал: в Вудленде что-то не так.

Да какое «что-то»... Здесь всё очень дурно.

— А я о том сразу подумал... но барон запретил спрашивать с местных по-моему. А похорошему ничего они о том не сказали. Но в Колуэе думают, что гвендлы виноваты: они и досюда, бывает, доходят. Очень редко, но доходят. Рыцарей, суки, боятся — но тех же трое было, со сквайром ещё.

— Всё же странно, что не найдено никаких следов боя. Я хорошо знал паладина Вермилия: такого человека никому легко не взять. И едва ли, учитывая все обстоятельства, он не был начеку. Поэтому очень удивляет, что на такой короткой дороге вы не нашли совсем ничего.

— Искали-то так себе... Я со своими парнями искал, это правда, но у меня людей ведь — кот наплакал. А это, как-никак, лес. Рыцарей Перекрёстка тоже мало. А остальные наши... барон разослал приказы, но у каждого своя отговорка. Кто болеет, у кого свадьба, у кого тризна. Кто за гвендлами гоняется.

Языческое слово, обозначающее поминальный обряд, больно резануло по уху паладина. Вот он, Вудленд: даже самые ярые защитники церкви тут не свободны от влияния пережитков мрачного прошлого.

— Да, я уже слышал от барона, что паладина не слишком рьяно разыскивали. Мы это исправим... И надеюсь, что-нибудь найдём.

Остаток пути до Колуэя магистр имел сомнительное удовольствие слушать рассказы Винслоу о том, как полгода назад содрали кожу с пойманного гвендла. И как нелегко оказалось вытянуть (в прямом, надо сказать, смысле) признание в сговоре с Нечистым из одной женщины. И всё такое прочее...

Колуэй показался на горизонте к вечеру — могли доехать быстрее, но пожалели коней. Деревня оказалась большой: почти маленький городок. Её даже обнесли крепким частоколом и окружили дозорными башнями. Вермилий удачно выбрал место для своей стоянки и лагеря рыцарей Перекрёстка. От кромки леса, в котором сгинул паладин, до частокола — два полёта стрелы.

Наверняка эти укрепления ставили сами жители — и обороняться при случае планировали своими силами. Но сейчас дозор на башнях несли лучники в красно-синих гамбезонах. Наверняка люди Винслоу: он носил такие же цвета.

Длинный лук, конечно, давно устарел: во всём Стирлинге от него практически отказались в пользу арбалетов, а иногда и порохового оружия. Некоторые держались за старые традиции, вспоминая славные победы Великой Войны — одержанные благодаря умелым лучникам. Но таких лордов осталось немного. В Фиршилде паладин не видел ни одного лучника: исключительно арбалеты.

Возможно, род Винслоу был слишком беден, чтобы перевооружить своих воинов. А может быть, в Вудленде это и не слишком требовалось. Вряд ли гвендлы носят хорошую броню.

У ворот стояли люди в прекрасных доспехах и чёрных накидках с диагональным белым крестом. Рыцари Перекрёстка приветствовали магистра. Тот сразу догадался: что-то случилось. Приветствия вышли сбивчивыми, а выскочивший навстречу приор Найджел был взволнован чрезвычайно.

Сира Найджела, одного из главных людей в ордене Перекрёстка, магистр видел не впервые — но знал плохо. Тот командовал далеко от столицы, в землях Линкольнов: паладин Вермилий, можно сказать, прихватил его по дороге. Сир Найджел был мужчиной стройным и подтянутым, более чем благородного облика. С момента последней встречи тёмные волосы приора успела тронуть седина.

— О!.. Сам Творец Небесный привёл вас в Колуэй именно сегодня, магистр!

На радостях приор едва не полез обниматься с Тиберием. Что было бы, конечно, излишне.

— Рад снова встретить вас, сир. Пусть и при печальных обстоятельствах... Но что случилось?

— Мартин жив!

— Мартин?..

— Мартин Мик! Оруженосец паладина Вермилия! Он нашёлся!

Теперь уже магистр чуть не дал волю чувствам. Едва ли не самая великолепная новость, на какую палadini могли рассчитывать. Разве только окажись жив сам Вермилий, но кто знает — вдруг и его ещё не поздно спасти? Барон запросто мог ошибаться. Или лукавить.

Разумеется, палadini поспешили вслед за приором, не тратя времени на вопросы. Найджел сопровождал их через половину деревни — по размытой дождями грязи, служившей Колуэю чем-то вроде главной улицы. Тиберий даже пожалел, что они спешили раньше времени. Каблуки кавалерийских сапог и острые носы латных саботонов вязли в хлюпающей жиже. Палadini смешно переваливались с боку на бок, стараясь не запачкать белые плащи.

Деревенские смотрели косо, и магистр лишний раз убедился: Вермилий снискал в этих краях недобрую славу. Мужчины хмурились, женщины отводили глаза, дети шарахались с дороги. Никто здесь не ждал от защитников веры ничего хорошего.

Ещё на подъезде к Колуэю была видна каменная церковь: самая большая из всех, что Тиберий пока видел в Вудленде. Оказалось, что это целая духовная община с зажиточным подворьем. Именно там расположились рыцари Перекрёстка — крепкий дом возле церкви был украшен чёрными полотнищами с диагональным крестом. Холёные рыцарские кони, привязанные рядом, совсем не напоминали деревенских кляч. На крыльце сидели рыцари и люди Винслоу, прервавшие свой разговор при виде командиров. А разговор был оживлённым...

— Прошу за мной, магистр.

Обитая железом дверь отворилась. Почувствовав запах жареного мяса, Тиберий вспомнил, что не ел с утра. Но сейчас не до этого.

Мартина Мика паладин узнал с трудом: парень явно пережил многое. Однако сквайр был жив и, кажется, невредим. Даже вполне бодр — по крайней мере с тех пор, как опустела большая тарелка перед ним. Рядом сидел крепкий круглолицый юноша, которого Тиберий сначала принял за солдата на службе Винслоу.

— Паладин-магистр? Вот это приятная неожиданность! Сир Робин Гаскойн, к вашим услугам. Полагаю, вы уже познакомились с моим отцом.

Даже после знакомства с бароном Клементом, не очень-то похожим на большинство пэров Стирлинга, Тиберий представлял его сына иначе. Но если подумать... плоть от плоти этого сурового края. Сир Робин продолжил:

— Я знал о вашем скором визите, но удивлён, что вы уже добрались до Колуэя. Как видите, это очень вовремя: как раз вчера вечером случай свёл меня с нашим общим знакомым. И Мартину есть что рассказать о судьбе паладина Вермилия.

— Так рассказывайте же!

Паладины, Винслоу и уже слышавший историю приор Найджел расположились за столом. Мартин пока молчал: говорил сир Робин.

— Мартина я освободил, случайно встретив гвендлов неподалёку. Простых разбойников, судя по всему. Мартин сбежал от отряда Даглуса — об этом человеке вы, конечно, уже слышали. Но снова угодил в руки язычников.

— Сир Робин в одиночку перебил неверных! — восторженно добавил сир Найджел. — Зарубил четвертых!

Тиберий не так легко впечатлялся чьими-то подвигами. Ему на ум пришёл вопрос приземлённый, пусть и не связанный с тем, что сейчас было важнее всего.

— В такое беспокойное время вы путешествуете по Вудленду в одиночку? Довольно безрассудно, сир Робин. Тем более — для единственного сына барона.

Робин Гаскойн улыбнулся.

— Я немного умею постоять за себя. В чём враги снова имели возможность убедиться. К тому же вы плохо знаете Гаскойнов: единственный я сын барона или нет, однако уклоняться от боя — не по мне. Итак, Мартин кое-что знает о случившемся в роковой день. Мартин?..

Оруженосец немного стусевался, хотя всю историю наверняка рассказывал уже не раз. Наверное, от общества паладинов, на которых смотрел с даже немного чрезмерным восхищением. Магистр припоминал появление Мартина среди братьев: славный был

мальчик, искренне мечтавший стать настоящим рыцарем.

Он и теперь оставался мальчиком, но уже другим. Словно на войне побывал.

— Гвендлы. Это были гвендлы. Они...

— Я не удивлён! — перебил сквайра сир Вилфорд.

Недобрые взгляды Тиберия, сира Робина и приора, сошедшиеся на нём, не позволили Винслоу продолжить. Мартин говорил спокойно и чётко.

— Мы поняли, что не успеем засветло добраться до Колуэя, и начали искать укрытие на ночь. Вскоре нашли дом. Дом в чаще, похожий на охотничий. Я очень точно помню, где он находится.

— Вот только есть один нюанс. — теперь Мартина прервал уже Найджел. — Местные в один голос твердят: нет там никакого дома и никогда не было.

— Брешут, собаки. — фыркнул Винслоу.

— И что случилось после?

— Оказалось, что гвендлы этот дом использовали в качестве укрытия. Жилище, вероятно, ими и построено. Может, потому крестьяне не в курсе? Ночью туда пришёл отряд Даглуса. Мы сразились с ним, но... врагов было слишком много, магистр.

— Что стало с паладином Вермилием?

Мартин виновато опустил глаза. Сир Найджел, хоть уже говорил со сквайром, чувств не сдержал. Он ударил ладонью по столу — так, что задребезжала посуда.

— И мои люди тоже мертвы! Двое славных рыцарей, двое добрых слуг Творца Небесного... Неверные должны заплатить за это!

— А ещё Мартин уверен, что Даглус вернётся в тот дом. — добавил Робин.

— Почему же, Мартин, ты так в этом уверен? Они ведь знают, что ты сбежал. И можешь раскрыть их убежище.

— Они уверены, что я погиб. Так... ну, так получилось. Прошу вас, поверьте. Я убеждён: гвендлов в том убежище ещё можно застать. Они используют его постоянно. К тому же прошло много времени...

Тиберий ничего не ответил, размышляя над услышанным.

Истории не хватало деталей, которые долго выяснять: почему Мартина оставили в живых, как он бежал, из-за чего гвендлы уверены, что он мёртв... Но предположение о том, что сквайр Вермиллия может оказаться предателем, а всё это — подстроеной ловушкой, Тиберий решительно отверг.

Во-первых, Мартин просто никогда бы так не поступил. Он был верным слугой Творца Небесного, помогать язычникам такой человек не согласится. По крайней мере теперь — когда угроза жизни миновала. Во-вторых, уж очень изощрённый план. Не просидели же гвендлы месяц в засаде? А знать о том, когда в Вудленд прибудет паладин-магистр, да и прибудет ли вообще, они никак не могли. И потом — убитые Робинем язычники...

В истории что-то не клеилось, но Мартин был очень спокоен, производил впечатление человека в трезвом рассудке. Тиберию ясно виделось: юноша говорит то, в чём уверен.

— Стал-быть, дом этот нам нужно отыскать. — заявил Вилфорд Винслоу.

— Я совсем не возражаю поохотиться на гвендлов! — рассмеялся сир Робин так беззаботно, словно для него война была ещё немного игрой. — У меня недурно получается.

— А я хоть в тёмные чертоги Нечистого спущусь: лишь бы добраться до тех, кто подло убил моих лучших людей. Орден Перекрёстка не простит их смерти!

Тиберий откинул прядь со лба. Пока он взвешивал «за» и «против», всё за этим столом

решилось как-то само собой — не очень приятно для человека, привыкшего командовать. Формально никто из высказавшихся ему не подчинился, конечно. Но едва ли кто-то стал бы спорить, что командир теперь — именно паладин-магистр. Полагалось всё-таки подвести черту под обсуждением.

— Я сомневаюсь, что мы встретим там гвендлов. И уж тем более самого этого... Даглуса. Однако можем найти какие-то следы. В конце концов, мы должны что-то сделать! Все вы правы, братья, милорды. Мы должны пойти к этому дому. Без промедления!

— Пошлём в Фиршилд за остальными нашими? — поинтересовался паладин Амадей.

— Это займёт ещё целый день... а действовать надо быстро. Сир Найджел, сир Вилфорд: сколько людей у вас здесь? Сколько можно взять с собой в лес сегодня же?

— Здесь двадцать моих парней, но всех забирать не стоит. Кому-то деревню стеречь нужно, а то чего доброго, опять народ забудит... Возьму десятерых. — отозвался Винслоу.

— Из моих братьев здесь полторы дюжины: свежи и свободны от дозорных обязанностей. Но если необходимо, каждый из рыцарей Перекрёстка пойдёт в лес! Собрать всех недолго.

Прозвучало обнадеживающе. Едва прибыв в Вудленд, Тиберий тут же напал на след пропавшего паладина, о котором не было вестей месяц. Невероятное везение! Шанс, упустить который никак нельзя.

— Целое войско нам в лесу не потребуется. Десять людей Винслоу, полторы дюжины ваших рыцарей, вы сами... Ещё четверо палладинов с оруженосцами и сир Робин — он доказал, что один стоит своры язычников. И Мартин, конечно: ведь он уже сражался с неверными. Выходит, нас добрых четыре десятка. Почти все — рыцари и сквайры. Братья, милорды, не сочтите за самонадеянность: думаю, мы несравнимо сильнее отряда Даглуса.

С этим суждением все молчаливо согласились. Тиберий поднялся.

— Сир Робин! Вчера я спрашивал барона Клемента о возможности встречи с вами: наслышан о Робине Гаскойне как о прекрасном воине. Было бы чудесно сойтись с вами на ристалище прежде, чем такая честь выпадет цвету столичного рыцарства. Но, верно, обстоятельства складываются по-другому. Мне может улыбнуться удача стать вашим братом по оружию ещё более достойным способом. Вступив плечом к плечу в настоящий бой! Помолюсь о том, чтобы так и произошло.

Юный рыцарь также встал, польщённый этими словами, и поклонился — пусть поклон вышел не таким изящным, как принятый при королевском дворе. Этот юноша импонировал магистру: самая суть рыцарства, без чего-либо наносного. Весь в отца.

— Почту за честь стать вашим братом по оружию любым способом.

Молодые люди живут будущим, а барон Гаскойн давно вошёл в ту пору, когда человек начинает жить прошлым. Ничего плохого в этом лорд не видел. Отец много лет назад сказал: единственный способ жить — это стареть.

Лорд Клемент любил рассказывать о былом — а ему было что рассказать. Особенно барон ценил такую возможность в последнее время: благодарных слушателей в лице подрастающих Робина и принца Бернарда под рукой больше не было. Один покинул Фиршилд, другой просто вырос.

Теперь-то слушатели появились. С тех пор, как Тиберий выехал в Колуэй, занятий у паладинов было два: молитвы и рассказы старого рыцаря. А паладины, что ни говори, настоящие воины. Истории Клемента были им очень интересны.

— Надо сказать, этот сир Себастьян оказался воплощением всех пороков Балеарии. Сначала я счёл, что его жалкая попытка преодолеть ворота в женском платье была военной хитростью. Но позже выяснилось, что Себастьян тяготел к ношению женских нарядов... и один Творец Небесный ведаёт, к чему ещё. Глупец упорно доказывал, что я не вправе его задерживать. Дескать, не имею полномочий. Ссылался на короля Балдуина, поставившего меня комендантом! Славно посмеялись...

Беседа в чертоге Фиршилда вышла долгой. Утро сменилось днём, день клонился к вечеру. На столе менялось убранство — от скромного обеда к сытному ужину. Клемент днём отдал предпочтение элю, рассказывая о первых своих военных походах. Перешёл на крыжовниковую наливку, ведя речь о битве при Тагенштайне — прямо под огромной картиной, изображающей её. А теперь пил уже крепкий ишке: янтарного цвета напиток с ароматом дубовых бочек, что гнали из ячменя и ржи.

— В общем, попытка всех переиграть у сира Себастьяна провалилась. Статуса почётногo пленника этого паяца не лишили, но я уважил его вкусы: далее Себастьян ходил по замку исключительно в женских платьях из своего, кхым, тайного гардероба. Потеха была несусветная!

День шёл к концу. К концу шла и война в рассказе старого барона — разгар которой он вспоминал с юношеским трепетом. Будто ненадолго молодец. Нет, Клемент прекрасно помнил все ужасы войны. Однако с годами воспоминания имеют обычай становятся хорошими — даже когда вспоминаешь поистине ужасный век.

Вот только приближался неприятный момент: неизбежный вопрос, на который барону Гаскойну не хотелось отвечать.

— Благочестивые сирь, вот тут прошу извинить старика: у меня ещё много, очень много военных историй... Но о конце Великой войны я рассказывать не хочу.

— Почему же?

Сидя вокруг старого рыцаря, паладины слушали с такими же восторженно горящими глазами, как когда-то его сын и принц. Прекрасная аудитория.

— Потому что... — барон искренне хотел сменить тему, но тут уж выпитое начинало говорить за него. — Потому что в конце время подводить итог. А итог войны, вы знаете, горек.

Клемент Гаскойн понимал, почему сейчас на него посмотрели с таким недоумением. Конечно: Стирлинг двадцать лет жил памятью о Великой войне, в которой одержал победу.

О войне говорили постоянно: и лорды, и духовенство, и сам король. В столице пышно отмечалась любая её значительная дата. Каждый мальчик, коему суждено было судьбой взять в руки оружие, сызмальства только и слушал, что рассказы о Великой войне. Да и прочие мальчишки тоже слушали. И паладины исключением не были: даже в особенности не были, хоть орден не сыграл значимой роли на полях сражений. Он учреждён-то был лишь под конец войны, когда многое изменилось в положении Церкви.

Только об этом сегодня предпочитали не вспоминать. Делали вид, будто собственное войско у архиепископа имелось всегда.

— Понимаю, отчего вы в недоумении. Да: мы сокрушили Балеарскую империю, разрушив все её бесчестные планы. Стирлинг расширил границы и защитил слабых норшгатских соседей от узурпаторов. Да-да, всё это правда. Но вы, милорды, не задумывались ли...

Его слушали, не перебивая. Барон осёкся лишь потому, что в прошлый раз сказал паладинам много лишних слов. Он ещё раздумывал: стоит ли продолжать? Ишке, обволакивая вкусом рот и разливаясь теплом по старому телу, уверенно шепнул: стоит.

— ...о том, что утратили победители и что обрели проигравшие?

— Но ведь...

— Нет-нет, поймите правильно. Слава оружия Стирлинга несомненна. Слава мужей, что сражались сорок лет, великая миссия нашего королевства во славу Творца Небесного, память... это важно. Я только об этом и думал, когда был в вашем возрасте. Сейчас думаю о другом. В Балеарии, которая нынче уже королевство, а не империя... Там ведь всё хорошо, насколько мне известно. Сам не видел, но сужу по рассказам людей уважаемых. Иногда можно проиграть так, что вскоре окажешься победителем.

— Его Величество таких речей никогда не ведёт. — неожиданно дерзко возразили барону.

— Конечно не ведёт! Ему не пристало, во-первых: он король. Обязан говорить то, что подданные должны услышать. Во-вторых, старик Балдуин... Как бы это сказать... Я знаю его лучше многих. Он смелый и справедливый король, но вечно восторженный. Полагаю, Балдуин может о подобном и не задумываться. Тем более — что окружает его в Кортланке? Военные трофеи да память о славной молодости? Разумеется. Королю не приходится ступать по грязи: на то он и венценосец. Мне же приходится, потому как я всего лишь барон. Если хотите послушать, что я думаю об итогах войны, я расскажу.

— Хотим, конечно же. — паладины отвечали быстро, но не очень уверенно.

Лорд Клемент поудобнее устроился в кресле, вытянув больные ноги.

— Ну, слушайте старика... хотя... один момент. Ида! Ида, куда ускакала? Налей-ка мне ещё. Давай-давай, до краёв. И закусочки, будь любезна. Ну так вот...

Рыцари в белых одеждах терпеливо ждали, пока барон принимал от служанки новую посуду. Едва ли паладины одобряли пьянство, а набрался Клемент уже порядочно — выпить он всегда любил. Но воины Церкви или относились к барону с пониманием, или просто не подавали вида из вежливости.

Ишке мягко согрел изнутри. Даже колени ныть почти перестали. Барон почувствовал себя чудесно — и наконец-то начал развивать прискорбную мысль.

— Вот судить по моему краю. До войны — а я-то немного помню довоенное время, пусть и был мальцом совсем... Всё было иначе. Нет, Вудленд никогда не мог похвастаться богатством. Но что вышло? Сорок лет подвигов в далёких землях выпили все наши соки.

Провинции побогаче это, возможно, не так остро почувствовали. Но и они до сих пор не оправились от войны, хоть прошло двадцать лет! Вудленд, я боюсь, не оправится никогда. Я уводил на войну тысячи славных мужей, а возвратился лишь каждый пятый, и то не во всякую деревню. Покаюсь во грехе: я велел местному духовенству закрывать глаза на многожёнство. Да-да: некоторые, кому посчастливилось вернуться с войны, брали себе не одну жену. Двух, а иногда и трёх, пусть Творец Небесный строго возбраняет подобное. А что было делать? Без мужиков-то бабы нам новых солдат не нарожают. И пока я ходил с войском на юг, гвендлы безнаказанно орудовали здесь — те из них, кто не пошёл в наёмники. Опустошили всё, на что хватило аппетита.

И этот рассказ увлёл паладинов. Возможно, даже сильнее прежних.

— А ведь сама война до нас не дошла, если не считать набегов гвендлов. Каково же Бомонтам или Скофелам? По их землям ударило жестоко. Я и думать не хочу, как тяжело пришлось их людям, да и как тяжело теперь — если выглянуть из замка, конечно. Внутри стен-то всегда и воздух другой. Все беды моего края тянутся от Великой войны. Все беды Стирлинга тянутся оттуда же. Понимаю: можно застилать глаза роскошью и размахом празднований старых побед. И не замечать, что победители ослабли, а проигравшие окрепли. Но у меня...

Барон снова велел Иде налить ему.

— ...но у меня, благочестивые сиры, не получается.

Тяжёлой была пауза, повисшая после этих слов. Барон Гаскойн отвёл взгляд: смотрел в камин, на тихо потрескивающее пламя. Много горьких мыслей зароилось в голове. Славно травить байки о великих победах! На войне и помирать не так уж страшно. Послевоенное время — совсем другая история...

Один из паладинов решил разорвать мрачную тишину, сменив тему. Однако сменил он её страшно неудачно:

— Расскажите о победе над Волком Мелиньи.

— Я ведь уже рассказал о битве при Тагенштайне...

— Да, но тогда Гонсало Мендоса не был окончательно разбит: вы с королём уничтожили Волчий Легион только в последний год войны. И вот об этом в столице говорят редко... Признаюсь сам и выражу общее мнение: непонятно, почему так.

— Могу рассказать и об этом. Но знаете... мне не очень хочется.

Славные собеседники барона смутились. Историю окончательного разгрома Волчьего Легиона, знаменитого войска командора Мендосы, действительно предпочитали замалчивать. Вернее — предпочитали те, кто видел всё своими глазами. Включая самого короля Балдуина. Зато те, кто на Великой войне не побывал, языками чесали охотно.

Понятно, отчего паладинам так хотелось услышать ответ.

— Мы просим вас. Расскажите.

— Особенно нечего рассказывать. Гонсало Мендоса, Волк Мелиньи, был великим полководцем и достойнейшим врагом. Всяких кондотьеров с наёмными армиями водилось тогда — что гвендлов в лесу, но он был не чета прочим. Я много раз бился с Волчьим Легионом и знаю, о чём говорю. Война в землях Скофелов, марш по Лимланду, осада Вьунтенбаха, Перепелиный ручей, битва при Тагенштайне и многое, многое ещё... это славные дни. Славные победы и славные поражения. Мы с королём не любим говорить об окончательной победе, о Бахадосском поле, по очень простой причине: оба немного славы видим в победе над стаей без вожака.

— В каком смысле? Разве Мендоса не погиб на Бахадосском поле?

Барон усмехнулась. Да-да, эту сказку влили в уши многим... Она звучала куда красивее правды.

— Можно сказать, да: он погиб там... только от рук своих нанимателей. Не спрашивайте, я не знаю подробностей. Знаю лишь, что нас встретила на поле, дай Творец Небесный, четверть его войска. Остальные разбежались после подлого убийства командора. А те люди — коих было всемеро меньше, чем воинов нашего славного короля, сражались достойно. Я до сих пор спрашиваю себя, за что: им уже никто не заплатил бы. И предводитель их лежал в земле, и поражение виделось неминуемым. Прихожу к выводу: Волк Мелиньи внушил некоторым своим бойцам, пусть они являлись простолюдинами, своеобразные понятия о чести. Труссы, бандиты и подлецы сбежали. Однако настоящие волки остались — и дрались отчаянно.

— Вы полагаете, Мендоса был человеком чести?

— Безусловно. Разве это не очевидно из прежних моих слов? Немного иной чести, что мы с вами, но... был.

— И поэтому король Балдуин поступил так?

— А как ещё он мог поступить? Вы плохо знаете нашего короля? Я горячо поддерживал это решение, хотя не все полководцы были согласны. Конечно: после дня битвы мы могли атаковать снова. Могли перерезать, аки скот, остатки самого достойного своего противника. Втоптать их трупы в землю, разорвать их стяги, а пленных приковать к вёслам на галерах. Я думаю, проклятые балеарцы так бы и поступили, но мы — не балеарцы. В Стирлинге знают, что такое честь. Поэтому мы позволили им уйти: в строю и с оружием. Взяли только волчьи знамёна, больше ничего.

— Если бы не обеты, я бы выпил за этих людей.

— Я помолюсь за них сегодня.

— И правда. В этом есть что-то рыцарское.

— А что с ними стало потом?

Тут барону оставалось лишь пожать могучими плечами. После войны у него стало много хлопот: о судьбе разбитого врага беспокоиться не приходилось.

— Не знаю. Может, нанялись к кому-то на службу. Может, сами стали кондотьерами. Возможно, просто начали разбойничать. Думаю, всё вместе: кто как рассудил. Лишь истинно благородные люди благородны одинаково. А прочие... они бывают очень разными.

Барон Гаскойн разглядывал молодых паладинов. Сложные эмоции отражались на их лицах, что отнюдь не удивительно: наверняка взглянули на многое по-новому. Это прекрасные рыцари, без сомнений, однако рыцари мирного времени. Разница огромна.

Клемент понимал: его рассказ для этих людей картину мира в корне не изменит. Паладины на то и паладины — чтобы быть прямыми, как древко. Монахи с оружием в руках. Состязаться за их умы с архиепископом, святыми книгами и самим Творцом Небесным — бессмысленно.

Но тем солдатам под чёрными стягами тоже бессмысленно было сражаться на Бахадосском поле. Однако они не отступили, хоть почти поголовно были безродной чернью. С чего Клемент, рыцарь и лорд, должен вести себя иначе?

— Побери меня Нечистый: скверно, благочестивые сиры, что вы не пьёте хмельного. Потому что сейчас именно тот момент, когда выпить нужно.

Ответить паладины не успели: в этот миг с грохотом распахнулись двери.

Шателян Селвин, сопровождаемый вооружёнными рыцарями, буквально ворвался в чертог — так резко, что паладины невольно потянулись к кинжалам. Лорд Вудленда, полулежавший в кресле, приподнялся.

— Что случилось, Селвин? Говори скорее, пока меня удар не хватил!

— Тревожные вести, милорд! Даглус со своей бандой опять объявился. Причём в самом сердце ваших владений. Он разорил Вулмен!

— Вулмен?..

От удивления привставший было барон непроизвольно плюхнулся обратно. Такой дерзости он не мог ожидать. Даже от Даглуса, который умел преподнести неприятный сюрприз.

— Гвендлы? Вулмен? Что это место? Где оно? — оживились защитники веры.

— Это деревня, и она совсем неподалёку. Недалече от места, куда отправился паладин-магистр.

— Значит, магистр в опасности. Мы должны немедленно ехать к нему!

Ну конечно же, паладины думали о своём магистре. Барон же думал о собственных людях — что не менее естественно. Если серьёзный отряд гвендлов нападает на деревни, до которых просто-напросто дойти не должен — то речь о ситуации, требующей самых решительных действий.

В конце концов, Клементу не улыбалась перспектива когда-нибудь встретить Даглуса или кого-то ещё из лихих язычников, охотясь в угодьях возле Фиршилда. А как отреагирует простой люд? Эх, ведь едва всё успокоилось... и опять!

— Магистр, конечно, в опасности. — начал барон, от которого все ждали каких-то слов. — Но я предупреждал его, что здесь никогда нельзя расслабляться: надеюсь, мои слова запомнились хорошо. В первую очередь важно иное. За такую наглость должна последовать расплата: сколь быстрая, столь и суровая. Селвин! Вели собирать сотню. Нет, две сотни! Сейчас же!

— Да, милорд. — шателян кивнул, но с места не сдвинулся: понял, что это не все распоряжения.

Селвин Умбер не слыл бойцом, рыцарей с солдатами не водил. Однако это был сообразительный и верный человек, а также обладающий немалым духом. Сейчас вид у шателяна был не менее воинственный, чем у крепких латников за спиной и паладинов возле лорда.

— Разослать гонцов во все окрестные замки и деревни. Самого шустрого — к Логану: пусть тотчас выступает, чтобы отрезать мерзавцам путь к Восточному Лесу. Могу ли я рассчитывать на помощь паладинов? Опытные рыцари пригодятся, а это ведь точно по вашим обетам: карать безбожников. Так вы вернее всего поможете магистру, который давно может быть не в Колуэе, а где-нибудь в лесу. Или в Лостере... или Творец Небесный ведаёт, где ещё.

— Конечно, барон! Мы готовы тотчас выступить вместе с вашими людьми!

— С моими людьми? Шутить изволите, сир? Со мной самим!

Шателян раскрыл рот, чтобы возразить, но не успел. Барон вскочил так резво, будто ноги вовсе не болели — и не было за этот день так много выпито.

— Молчать! Раз Робин снова где-то пропадает... и, кстати — хорошо бы подальше от гвендлов... значит, я сам буду командовать. Принести мои доспехи! Седлать коня!

Хмель как ветром сдуло. Лорд Клемент давно садился в седло только для охоты на зверя

— не на разбойников. Однако и разбойники давно не забирались так глубоко в его земли, да ещё в отсутствии Робина. Или хоть представления о том, куда за ним посылать. Барон не собирався сидеть в замке, доверяя такую важную погоню кому-либо, кроме сына.

— Но милорд... — всё-таки проговорил Селвин.

Лорд Клемент с размаху врезал пудовым кулаком по столу. Чарка на нём подпрыгнула, ишке выплескался на баронский камзол.

— Я сказал, доспехи и коня!!! Где оруженосцы? Сие же мгновение ко мне! Выполнять!

Поставленный командирский голос барона уже лет пять не разносился по Фиршилду так гулко. Тотчас простыл след шателяна и латников. По всей крепости затопали, всюду зазвучали возбуждённые голоса. Скоро донеслись и трубные сигналы с башен. Побелевшая Ида осенила себя крестным знаменем.

— А ты, Ида, успокой женщин. Особенно мою сестру! Но и прочих тоже. Объясни: Фиршилду ничто не грозит, и Робину тоже. С остальным же я разберусь лично. Бегом! Брысь!..

Насчёт сына барон, конечно, кривил душой. Он понятия не имел, где сейчас Робин, чем занят и угрожает ли ему что-нибудь. Мальчик, конечно, умел о себе позаботиться: слишком большого волнения за него Клемент не испытывал. А вот женщины... Ну что с них взять? Женщины и есть. Им только дай повод для истерики...

Увы: женщин в роду Гаскойнов сейчас хватало, а вот с мужчинами не задалось. Но уж эту мысль барон не стал развивать — абсолютно не ко времени.

Слыша, как вновь гремят в его замке оружие и доспехи, как ржут во дворе кони, как зычно кричат командиры гарнизона, барон весь исполнился сил. От подобного молодец ещё вернее, чем от воспоминаний о прошлом.

Паладины покинули чертог — направились вооружаться. Сквайры суетились вокруг: один уже приволок шлем, но почему-то не находилась кираса. Броню лорд Вудленда давненько не надевал. Что висела на манекенах — сто лет не по размеру, а новая пылится где-то... Зато ему протянули меч.

— Что?! Мне — с этим, новомодным? Для Робина ковали? Чушь! Седрик, тащи из покоев мой старый меч!

Пока приказ исполняли, барон Гаскойн отвлекся от боевой суеты. Выпрямившись, расправив плечи и приглаживая посеребрённую сединой бороду, он стоял перед любимой картиной. Стоял, глядя на фигуру, изображённую подле короля Стирлинга.

Возможно, ситуация не требовала его личного командования. Сколько может быть этих гвендлов — двадцать, тридцать? Это даже не бой: действительно больше похоже на охоту. Но кто знает, представится ли ещё случай покомандовать? Хотя бы так?

На картине рыцарь в расцвете сил смотрел вдаль, на боевые порядки балеарцев. Старый рыцарь напротив картины смотрел на него.

Лорд Вудленда сжал кулаки.

— Ничего! Ещё повоюем!

Сиру Робину становилось всё тревожнее, но пока он старался это скрывать.

Показать слабость перед магистром Тиберием и приором Найджелом? Такого молодой рыцарь себе позволить не мог. Пусть он полагал, что вполне способен одолеть Найджела в поединке — но тот всё-таки являлся заслуженным рыцарем, а к таким людям Робину отцовское воспитание внушило известный трепет. Что уж говорить о самом Тиберии!

Тревожился Гаскойн из-за Мартина. Сквайр пропавшего паладина вёл себя очень, очень странно.

Когда Робин только освободил оруженосца, тот казался совершенно лишившимся рассудка. То ли из-за страха, то ли по иной причине, но это виделось очевидным. Однако к утру в Колуэе Мартин Мик удивительным образом изменился, обретя совершенно трезвый ум и полную ясность мысли. словно месяц провёл не в плену у гвендлов, а в уютном замке.

Сначала Робин не придавал этому очень уж большого значения. Мартин оказался в безопасности, наверняка испытал облегчение — не так уж удивительна перемена. Однако теперь, в лесу...

Год назад сир Фолиас — человек, с детства обучавший Робина рыцарским искусствам, пострадал в случайной стычке с гвендлами. Тогда он смело бросился в гущу боя — и получил по голове чем-то тяжёлым. Так крепко получил, что шлем спас лишь его жизнь. С тех пор Фолиас почти не говорил, едва держался в седле, а есть мог только с рук жены.

Так вот: Мартин сейчас выглядел немногим лучше несчастного сира Фолиаса. Весь обмяк, взгляд его потух, а речь сделалась вялой и бессвязной. Отчего это случилось, Робин не понимал. Потому, что они снова вернулись в лес, с которым у паренька связаны тяжёлые воспоминания?

Хотелось бы верить, что дело в этом. Однако Робин заметил ещё кое-что.

Мартин тайком снял с шеи деревянный крестик, подаренный колуэйским священником взамен того, который отобрали гвендлы. Робин долго размышлял, говорить ли об этом спутникам. Всё-таки решил пока промолчать: и без того рыцари-монахи были напряжены, а уж Винслоу сорвался бы наверняка.

Они до вечера без толку бродили верхом по лесу, хотя днём Мартин и утверждал, что дорогу к роковому дому помнит точно. Это тоже не прибавляло спокойствия. Винслоу злился, паладины хмурились, Найджел скрипел зубами. Ему больше всех не терпелось поквитаться с гвендлами.

Гвендлы. Робин успокаивал себя воспоминаниями о вчерашней схватке. Уверенность в собственных силах он обрёл давно. Никто из рыцарей Вудленда нынче не мог одолеть Робина в пешем поединке, да и на коне он сделался одним из лучших — однако тогда, у дома милой Мэри, готов был прощаться с жизнью. Положение сложилось отчаянное, но Робин не струсил. И победил. И это было прекрасно.

Мэри. И о ней наследник барона беспокоился: девушка была страшно напугана, однако пришлось оставить её дома — не захотела бросить больного отца. А того отвезти в Колуэй возможности не имелось. Сам Робин тоже остаться не мог, положение обязывало: нельзя всегда быть рядом со своими женщинами. Хорошо бы только возвращаться к ним, а не как вышло у Кайла Гэнна...

Робин навещал Мэри уже полгода — с того дня, как впервые встретил во время охоты.

Такие очаровательные веснушки, весело задранный носик, а глаза — утонуть можно, да он и утонул. Охота для рыцаря на том закончилась: оруженосцы ушли добывать оленя, а Робин вернулся в Фиршилд только через три дня. Прочих крестьянских девушек, которым давно потерял счёт, он с того дня почти забыл.

Давно стоило устроить Мэри работёнку в Фиршилде, но отец-рыбак уезжать не хотел. Девушка же не решалась его бросить. Старик явно умирал: всё казалось, вот-вот отдаст душу Творцу Небесному. Но никак не мог отмучиться.

Тем временем холодало и темнело. Лес, без того мрачный, становился всё неприветливее. Ветви над стальными шлемами всадников качались от ветра, не ощущаемого возле земли: будто живые. В прорехах крон вот-вот должны были показаться первые звёзды.

Паладин-магистр ехал рядом с Робинем, и чем дальше бесплодно шли поиски, тем оживлённее они беседовали. Силён был взаимный интерес, а тем для разговора хватало: Тиберий рассказывал юноше о столице, тот паладину — о Вудленде.

В какой-то момент паладин заметно понизил голос:

— Вот ещё что, сир Робин... На привале я слышал разговор солдат, которые тут же замолкли, когда поняли, что я рядом. А сир Вилфорд в ответ только плюётся да поминает Нечистого.

— Что же за вопрос? — на всякий случай Робин тоже отвечал почти шёпотом.

— Я слышал только имя: гвендлское, очевидно. Сибилхин.

Сир Робин присвистнул.

— Ох, ну это разговор не на трезвую голову.

— Мне с вами выпить не доведётся, сами понимаете, так что расскажите. Кто это такой? Предводитель язычников? Как Даглус — или похуже?

— Уж точно похуже. Во-первых, это «она». Сибилхин — древнее женское имя. Во-вторых, гвендлы тут особо ни при чём: Сибилхин они сами боятся. Не знаю, стоит ли рассказывать, потому что вы... ну... при всём уважении, вы не совсем знаете, как мы тут живём. Можете не так понять.

— Я постараюсь понять всё правильно, сир Робин. Ну же?..

Робин посмотрел на паладина. На коне, в шлеме с поднятым забралом, Тиберий смотрелся ещё блистательнее, чем при первой встрече. Наяву — лучше рыцарей с отцовской картины. Образец. Эталон.

— Это что-то вроде легенды, которая бытует и в Восточном Лесу, и в наших землях. Я потому и боюсь, что вы неверно поймёте: решите, будто наши люди поражены ересью. Но это не ересь, тут всё сложнее... Есть истина от Творца Небесного, однако встречается в этих местах такое, про что не сказано в Святом Писании. А оно... ощущается. И потому простые люди верят: крестятся, каются в греховных мыслях, но верят.

— И какова же легенда?

— Вы знаете, в чём именно состоят верования гвендлов?

— Не имею понятия.

Паладин словно немного оскорбился. Как же: ему, опоре Церкви, вникать в тонкости языческого мракобесия? Наверное, сама мысль о гвендлах Тиберию была противна.

— Ну, если в двух словах... Они видят божественное в природе: верят в духов стихий, а прежде всего в лесных духов. И им поклоняются. Гвендлы считают, что духи правят лесами — не только Восточным Лесом, а вообще любыми, если только там стоят идолы. Тогда это «живой» лес в их понимании, иначе — «мёртвый». Или «спящий». Так что все леса наших

земель для них мертвы.

— И при чём же тут эта Сибилхин?

— Гвендлы тоже веруют в ведьм и всякое колдовство. Только они ведьм не жгут, а сторонятся и... уважают. По их верованиям, ведьмы живут только в чащах. Они не совсем обычные люди, но и не божества. Другая сила: иной природы, с духами сосуществующая. Наши подданные в духов, само собой, не верят — а вот про лесных ведьм поговаривают. Это забавно в том смысле, что гвендлы считают: в «живом» лесу духи и ведьмы как-то делят власть, однако в «мёртвом» лесу у духов нет никакой власти. Там правят ведьмы. Получается, что у добрых вудлендцев для суеверий как будто и оснований больше.

Магистр кривился так, будто съел что-то кислое. Наследник Вудленда-то был обязан хорошо знать врага: ему всё это объясняли с детства.

— И всё-таки. Сибилхин?

— Про неё говорят по-разному. Одни утверждают, что Сибилхин — первая среди ведьм, их королева: то ли имя, то ли титул. Другие говорят, будто это иная нечистая сущность, порядка более высокого, а все ведьмы ей служат. Третьи ведут речь о мистической силе, которую ведьмы способны призвать. Не поймёшь. Дело тёмное.

— Помилуй нас Творец Небесный. — Тиберий четырежды перекрестился. — И правда, сир Робин: звучит как злая ересь. Мракобесие, которое Церковь велит искоренять огнём. Но я, пожалуй, последую мудрому совету вашего отца: не брошусь в омут, как паладин Вермилий. Не стану судить по первым своим чувствам.

— О, поверьте: это мудрый совет. В Вудленде всё очень непросто.

Недолго они ехали молча: Тиберий переваривал сведения. Но затем он снова заговорил.

— Хорошо, что вы это рассказали. Я подумал вот о чём... Мерзкие заблуждения гвендлов странным образом перекликаются со словом Церкви.

— В чём же?

— Вы упомянули, что Сибилхин — женщина. И вообще говорили только о ведьмах, о женщинах — не о колдунах. Около года назад епископ Корнелий, глава Конгрегации чистоты веры, написал очень важный труд. Вы, конечно, пока не могли его прочитать. Книга называется «Пламя очищающее». Епископ изложил там все тонкости борьбы с мракобесами и слугами Нечистого. Так вот: Корнелий пишет о женской сути зловердного колдовства. Всякая ворожба — мерзость, но именно женщины действуют по прямому наущению Нечистого. Мне показалось интересным, что убогие безбожники пришли к тем же выводам. Такая их очевидность явно указывает на правоту Корнелия.

— Я не очень много времени посвящаю религии: предпочитаю меч. Поэтому, магистр, мне вам и ответить особо нечего. Одно только скажу: в Вудленде с ведьмами...

— ...шуток не шутят. Я уже слышал это. Церковь одобряет такую позицию.

Хотелось бы Робину возразить: мол, судя по делам паладина Вермилия, церковь понимает этот тезис совершенно иначе. Но не решился дерзить. Да и незачем: богословские вопросы Робина действительно не занимали. Меч, копье, охота да милые девушки, конечно же — что ещё нужно молодому человеку?

Пока рыцари вели свою беседу, стемнело окончательно. Вилфорд Винслоу уже открыто выражал всё, что думает о Мартине и его неспособности указать дорогу — которую тот якобы помнил. Без толку. Во-первых, оруженосцу сделалось всё равно: держался в седле — и ладно, но уже ничего не соображал. Во-вторых, на Мартина Мика и так давно не полагались.

Солдаты Винслоу шли впереди. Сквайры тоже спешили, а вскоре это сделали и

некоторые из рыцарей Перекрёстка. Так приказал паладин-магистр, разумно помянув малую пользу от лошадей в лесу. Чаще становилась всё гуще: ехать пока можно было без проблем, но воевать при случае — уже не очень сподручно. Необходима помощь пехоты.

Робин никогда не понимал, за что отец так ценит Вилфорда Винслоу. Зато его лучники точно были хороши: привыкли к лесу, с юности охотясь на зверя и гвендлов. Рыцари слишком шумели, выдавая себя, и слишком мало замечали вокруг сами.

Пешие воины растянулись цепью. При свете солнца она была бы много шире, но тут уж пришлось поступиться обзором: не хватало потерять кого в лесу вместо того, чтобы найти. Впрочем, скоро так и так придётся свернуть поиски до утра. Либо ночевать в чаще, либо не солоно хлебавши возвращаться в Колуэй.

Отряд вернулся к той самой лесной тропе, где пропал паладин Вермилий. Многие поёживались от холода, но не Робин: под бронёй, наспех собранной из вещей сквайров Перекрёстка, у него имелся акетон настолько толстый, что запросто стрелу остановит. Днём даже было жарковато, хоть лето нынче не баловало.

Кажется, солдат беспокоил не только холод.

Как ни относишься к суевериям, трудно не видеть чего-то злого во тьме. Не слышать угрозы в скрипе веток и неясных шорохах. Лес — плохое место для людей: с этим согласны даже язычники. Робин ни за что не показал бы малодушие, но если позволить откровенность с самим собой — давно был готов плюнуть на поиски. Хотя бы до утра.

И тут, стоило всем почти сдаться, Мартин неожиданно оживился.

— Мы нашли. Нашли. Мы нашли. Здесь мы ехали. Нам вот туда. Нет дороги короче.

— Ну что он ещё бормочет? — прошипел из-под шлема Винслоу.

— Бормочет по делу. Наконец-то.

Мартин Мик говорил сбивчиво и неясно, но на своей правоте настаивал. Мол — то самое место, где Вермилий и его спутники свернули с дороги в роковой день.

— Что будем делать? — Найджел подъехал к Тиберию и Робину, успокаивая разволновавшегося вдруг коня.

— Не напрасно же мы провели полдня в лесу? Поедем, посмотрим. Всё одно возвращаться уже поздновато: в такой темени и люди, и кони ноги переломают. Сир Робин, вы знаете свои земли. Что вы думаете?

Конечно, лучше всех эти земли знал Вилфорд Винслоу. Но его мнения магистр не спросил: Робин мысленно позлорадствовал на эту тему.

— Даже если представить, что где-то рядом прячется отряд Даглуса... Нас больше, мы лучше вооружены. Бояться нечего. И вы правы: теперь уже трудно будет добраться до Колуэя. Проще ночевать в лесу. Если там правда отыщется дом, то нам службу и сослужит. Утром обыщем и жилище с подворьем, если всё это там есть, и окрестности.

Найджел был более насторожен:

— Если тот дом — постоянное укрытие гвендлов, за ним кто-то может наблюдать.

— Пусть наблюдают. Будем по десятку часовых выставлять: внезапной атаки не выйдет. К тому же, не считите за дерзость, я лучше вашего знаю гвендлов. Почти невероятно, чтобы они решились атаковать такой сильный отряд.

Винслоу подъехал к прочим рыцарям. Ему явно не нравилась роль простого сопровождающего, хотелось что-то решать вместе со всеми.

— Поищем следы, а после спалим дом: всего делов! — вклинился он в разговор с обыкновенной простотой мысли.

Тиберий размышлял недолго.

— Поехали.

Далеко ехать от тропы не пришлось. Почти сразу сир Робин заметил впереди огонёк, похожий на свет из окна. Странно... как же они не заметили дом прежде? Но явное присутствие людей указывало: думать надо о другом. Раз колузэйцы не знают об этом доме — или говорят, что не знают... значит, друзей там нет точно.

Лучники Винслоу рассыпались впереди, пешие латники приготовили оружие. Тиберий опустил забрало искусно выкованного шлема — он один стоял дорожке всего доспеха Винслоу. Не говоря уж о том барахле, которое досталось Робину.

Молодой Гаскойн тоже опустил забрало: глядя через прорезь в стали, он всегда чувствовал себя по-особенному. Отец рассказывал о подобном ощущении. Увы, кое-как собранный доспех плохо подходил ему: пару раз на пробу взмахнув мечом, Робин попросил сквайра снять латный наплечник. Хотел сделать так ещё в деревне, но побоялся сказаться в глазах рыцарей Церкви неуверенным. Ладно уж... проще защитить плечо клинком, чем мириться с неудобством при ударе.

Вилфорд Винслоу предпочитал кавалерийский топор на длинном древке. Робин помнил мерзкий рассказ Вилфорда о своеобразном использовании этого топора в допросах. Да уж... барону виднее, но его сын ощущал только отвращение. Может, всё потому, что Робин не бывал на войне? Отец наверняка выбирал, о чём стоит рассказывать, а о чём нет. Это Винслоу за языком не следил отродясь.

Солдаты заволновались.

— Помилуй нас Творец Небесный! Руку на отсечение дам: ну не было тут дома! Ну проходили же рядом!

— Значит, не тут проходили...

— Да как же не тут? А где? Вон болото, вон бурелом. Место-то приметное!

— А ну молчать!.. Тишина! — рявкнул Винслоу.

Молодой Гаскойн тоже помнил и болото, и поваленные сухие деревья. И никакого дома тут не было видно в сумеречном свете. Теперь же его контуры вырисовывались ясно, не говоря уж о светящемся окне. Может, правда другое место? Они старались подбираться как можно тише и незаметнее. Вскоре спереди дали знак остановиться.

— Что там?

— Люди.

— Да где? Какие люди?

— Справа, у деревьев.

Выслав коня вперёд, сир Робин взгляделся в темноту. На миг он как будто различил несколько фигур: но то ли показалось, то ли они растворились во мраке и наползающем со стороны трясины тумане.

— Трое, кажется?

— Ваша правда, милорд. Трое. — отвечал лучник. — Женщины.

— Женщины? Ты уверен?

— Благостной Девой клянусь! У меня глаз — белку там разглядеть могу. Три женщины стояли. Скрылись ужо...

— Выдвигаемся. — приказал Тиберий.

Пока подходили к хижине, никто больше не показался. Робин сразу решил, что это не постоянное жилище: подворья нет. Разве только охотник останавливается, но даже не

углежог. Из трубы поднимался дым. Сейчас воинов, окружающих дом, изнутри уже точно должны были заметить — не говоря о женщинах, которых видел лучник. Однако никто не суетился.

Выходит, и воинам Вудленда нечего тушеваться.

Было заметно, что сир Вилфорд вперёд не торопится — а вот магистр, приор и сын барона держались на острие. Их кони слушались всё хуже, словно что-то почуяли: вертели головами, всё норовили остановиться или свернуть.

До дома оставалось всего ничего, когда дверь резко распахнулась.

Гаскойн приготовился прищипорить коня, ожидая только от магистра. Одинокий силуэт мелькнул в дверях на мгновение: кто-то выскользнул наружу, бросился в сторону бурелома. Кто-то совсем крохотный, длинноволосый...

...неужели девочка?

Один из лучников уже разворачивался вслед, натянув тетиву, но Тиберий успел остановить его:

— Не стрелять!

— Но сир... гвендлы!

— И пусть. Паладины с детьми не воюют.

Сир Робин безмолвно покачал головой. В борьбе с гвендлами не до благородства. Однако убивать ребёнка и ему не хотелось — пусть такая подлость, как использование детей, останется на совести язычников. Она им всё равно не поможет.

— Вперёд!

Девочка бежала как раз туда, где солдаты Винслоу и рыцарь видели прежде неясные силуэты. Она не была испугана: из темноты послышался звонкий детский смех. От неуместности прозвучал он весьма жутковато.

Никому всё это не понравилось, поэтому приказ магистра даже Робин выполнил не слишком охотно. Только паладины не колебались.

Можно сказать, что дом был окружён — хотя скорее воины заняли круговую оборону. Изнутри-то никакая серьёзная угроза исходить не могла: слишком маленький домишко. Все ждали атаки из засады, однако её не случилось. Рыцари спешили у дверей, не закрывая обзора стрелкам.

— Я паладин-магистр Тиберий, Щит святой Церкви, Меч Творца Небесного и защитник всех добрых верующих! Именем единственного Господа истинного повелеваю вам выйти из дома, и да смилуйся Он над душой всякого, кто не подчинится!

Либо больше внутри людей не было, либо имя Творца Небесного никого тут не впечатлило.

Короткие знаки Тиберия ясно дали понять, кому и что делать. Согнувшись и подняв щит, Амадей нырнул в двери первым. Тиберий и Робин Гаскойн бросились следом, выставляя вперёд мечи, глядя каждый в противоположный угол. Кто-то из латников с треском вломился через окно.

Миг спустя все замерли в недоумении.

Дом пустовал. Ни в сенях, ни в большой комнате — никого. Дверь во вторую, неосвещённую, уже распахнул Деметрий.

— Пусто!

— Да, ни души...

— Творец Небесный, помилуй нас...

Рыцари пожимали закованными в железо плечами. Очевидно: люди покинули жилище только что. Здесь было безупречно чисто, хорошо натоплено, светло от множества лучин и свечей.

Стол ломился от ароматной еды и напитков: накрыли даже не на семью, явно на множество голодных гостей. Колесо прялки, стоявшей в углу, ещё слегка вращалось: будто пряжа оставила её мгновение назад. Огонь весело потрескивал в очаге, отражаясь на доспехах и клинках мечей.

— Нечистая тут. — уверенно заключил Винслоу. Робин был склонен согласиться.

А вот паладинов, казалось бы — тех, кто стоял на переднем рубеже борьбы с Тьмой, обстановка не смущала. Словно не видели ничего необычного. С другой стороны, им ли не быть привычными к странному?

Ещё с минуту все провели в ожидании какого-то подвоха — засады, ловушки, чего угодно. Ничего не случилось. Робин откинул забрало и осмотрелся получше.

Он обратил внимание: свечи-то все восковые! Такие и в Фиршилде иной раз жалели. Не бедные люди обставляли дом, хотя если упустить детали — на первый взгляд обстановка сошла бы за крестьянскую. На первый. Где вся утварь, припасы, инструменты?

Нет, тут не живут. Приходят. Вопрос только — кто приходит, и ответ не был очевиден Робину. С одной стороны — по стенам изобильно были развешены вязанки всякой всячины. Звериные шкурки, сухие травы, перья и лапы птиц — то, что шаманы из Орфхлэйта используют в ритуалах. Но по сути предметы обыкновенные. И уж очень пригоже тут для укрытия разбойников. Ощущалась женская рука...

Ни о чём из этого Робин не сказал. Сказал он о другом:

— А прялка-то тут откуда?

Прялка в доме, где никто не живёт постоянно — но зато и прибрано, и натоплено, и стол накрыт... Робину это намекало совсем не на гвендлов. И потому сделалось жутковато. Разве лишь не столь страшно, как показаться трусом магистру.

— А я и говорю, что нечистая! — повторил свою мысль Винслоу, который Тиберия вовсе не стеснялся.

Тиберий был спокоен. Он снял шлем и даже выпустил длинные волосы из-под стёганого чепца.

— Никакая нечистая сила не страшна рыцарям Церкви. Творец Небесный прямо следует за своими воинами, и ангелы Его стоят плечом к плечу с нами.

Сверкая великолепным доспехом, поправляя струящиеся волосы, Тиберий неторопливо расхаживал по комнате. По лицу Вилфорда не казалось, что тот сильно уповает на ангелов. Магистр продолжил:

— Какая же нечистая? Я видел многие дома ворожей и злых колдунов. Не замечаю тут никаких символов Нечистого. Ничего, что обычно на поклонение врагу рода человеческого указывает. Ни черепов, ни крашенных свечей, ни всяких известных ведьминых талисманов, ни символов круга, ни следов крови... Ничего подобного.

Поросячьи глазки Винслоу беспокойно бегали: он пытался отыскать взглядом нечто, чего Тиберий не заметил. Не нашёл, даже на свечки внимания не обратил: ладно паладин-магистр, он-то вряд ли часто имел дело с сальными. А Винслоу... эх. Робин лишний раз в нём разочаровался.

— Милорд Робин верно про прялку говорит. — продолжил возражать Винслоу. — Ведьмами тут смердит. Ведьмами!

Тиберия это ни в чём не убедило, как и прочих паладинов.

— И девчонка ещё эта... — сир Вилфорд не унимался. — Она-то что? Она откуда? Куды от нас побежала?

— Пошлите своих людей и выясните это. Ребёнок, верно, оставил множество следов в лесу. И далеко убежать не мог. — Это был не приказ: Тиберий лишь предлагал то, чего Винслоу явно не пожелал бы делать.

Он и не пожелал.

— Ну уж нет! Не пошлю я туда парней, больно они мне дороги. Хорошо: коли вы, каковые огнём и мечом колдовство искореняют, тут ничё не чуете... Пусть. Но сир Робин-то! Он всё верно говорит! Милорд?..

В голосе Винслоу послышалась настоящая мольба поддержать его, и потому Робин промолчал из принципа. Пусть паладины теперь увидят, кто перед ними. Трус и подонок.

Тиберий рассуждал спокойно:

— С девочкой одно из двух. Или подлые язычники используют детей в качестве разведчиков — и тогда, быть может, очень скоро мы встретим врага... Или мы попусту множим сущности, а ребёнок оказался здесь случайно. Дети иногда пропадают в лесах. Увы, но сейчас её судьба не есть наша забота. Деметрий: позовите Мартина и приора.

Пока Деметрий выполнял поручение, Винслоу продолжал кудахтать. Тиберий только морщился, продолжая осмотр и стараясь его не слушать. Робин присел на лавку, уперев меч остриём в деревянный пол. Он вдруг ощутил жуткий голод: последний привал был давно, и тогда лишь немного перекусили. А еда на столе пахла по-простому, но невероятно притягательно. Магистр понял, о чём молодой рыцарь думает.

— Я полагаю, сир Робин, нам в этом доме есть не стоит?

— Пожалуй, вы правы. А жаль.

— Да уж, не стоит! — испуг Винслоу вдруг выразился яростью.

Широко взмахнув топором, он смёл со стола половину убранства: Робина обрызгало яблочным вином, ячменная каша заляпала накидку магистра. Винслоу хотел перевернуть стол, но тут уж Амадей схватил его за плечи.

— Сир Вилфорд! Извольте держать себя в руках! — возмутился Тиберий.

— Но магистр, я...

— Молчите! Вы сказали довольно. Сир Вилфорд, желаете откровенность? Мне неприятно видеть такой страх — пусть и не греховен страх бесовских сил, но то для обычного человека. А вы? С утра только и слышу ваши рассказы о беспощадном искоренении ведовства. О подробностях пыток и всяческого насилия над ведьмами. Как же вы, сир, боретесь с ними, если настолько боитесь? Тем более — тут и нет ни одной!

Побелевший прежде Винслоу теперь густо покраснел. Сначала вырывался, но Амадей был гораздо сильнее и держал его крепко. Затем Вилфорд попытался объяснить, однако его больше не слушали. Красивое лицо магистра выразило настоящий гнев.

— Сир Вилфорд! Уж верно, я много больше вашего понимаю в колдовстве! Поручением и благословением Церкви веду борьбу с ним всю жизнь. А вы, как сами признались, даже ничего не читаете. Так послушайте: магистр паладинов не видит здесь ничего ведовского. А равно и Амадей, и Деметрий — опытные братья ордена. Вижу... странное, согласен. Однако не более того. А во всех странностях мы разберёмся! Вам это ясно?

Ответить Вилфорд не успел, поскольку в дверях как раз появились сир Найджел с Мартином.

— Что же, Мартин. Это и правда тот самый дом? Ты уверен?

Оруженосец поднял глаза. Робин снова углядел в них проблеск рассудка. Видимо, иногда сквайр делал над собой усилие, преодолевая очевидное безумие.

— Да... уверен. Мы пришли.

— Что-то не видно тут следов боя. А ведь Мартин рассказывал о схватке с язычниками... — первым делом отметил сир Найджел.

— Видимо, он что-то пугает и бой был снаружи? — предположил Тиберий. — А потом, за месяц гвендлы могли найти время убраться. В любом случае, уже слишком темно, чтобы искать нечто вокруг дома. Факелы толком не помогут. Начнём поиски с утра, а до тех пор останемся здесь.

— Ну нет! — воскликнул Винслоу. — Я в этом доме ночевать не собираюсь!

— Тогда ночуйте снаружи. Сир Найджел, нас вполне достаточно для организации хорошей охраны в несколько смен. Займитесь этим: распределите караулы, найдите укромные места для часовых, проследите за готовностью к бою. Мы не повторим ошибки паладина Вермилия! Неожиданного нападения на нас не выйдет. За своих братьев ручаюсь, милорд Робин тоже не заставляет в себе сомневаться...

Робин смущённо улыбнулся. Приятно было это слышать от такого человека.

— ...поэтому займитесь братьями Перекрёстка и людьми сира Винслоу. Скажите, кто из паладинов и наших сквайров потребуется.

Амадей едва-едва усадил сира Вилфорда на лавку, но теперь тот снова встрепенулся.

— Моими людьми?.. Они пойдут в Колуэй вместе со мной! Недолго вернуться утром, дорогу-то уже разведали. А ночевать в ведьмином доме не буду ни я, ни мои парни. Да гори оно ясным пламенем. Гори это всё!..

Винслоу подвёл черту своей тираде, плюнув на пол.

Тиберий только рот раскрыл от удивления, а сир Найджел едва не ударил Винслоу: было видно, что уже замахнулся, однако сдержался. Бросить рыцарей на месте гибели паладина Вермилия? Там, куда вот-вот могли нагрянуть гвендлы? Сиру Робину в этом доме тоже стало не по себе, это правда: вида он не подавал лишь из гордости. Так что понять Винслоу молодой рыцарь мог, однако всё равно возмутился. Особенно потому, что...

— Сир Вилфорд! Если я ничего не путаю, то род Винслоу — вассалы Гаскойнов?

— Конечно, милорд.

Винслоу сразу поостыл, даже склонил голову. Этот слияк превосходно помнил, кому служит. Хоть какое-то достоинство.

— А я с утра проснулся Гаскойном, наследником этих земель. И вы решили меня тут оставить? Хорошо... Мы как-нибудь обойдёмся без вашего десятка лучников, а без вас самого и подавно. Вчера я один убил четырёх гвендлов, будучи без доспеха — и я не лучший из рыцарей в этой комнате. Если хотите — уезжайте. Будьте уверены: мой отец тотчас узнает, какой вы жалкий трус.

Робин Гаскойн не любил бравировать положением, но иногда такая возможность приходилась кстати. Его слова проняли Винслоу, хотя не успокоили: глазёнки бегали по-прежнему.

Вид у рыцаря сделался жалкий, и Робину стало неловко. Ни для кого не являлось секретом, что сир Вилфорд — так себе воин. И его суеверность была известна, не говоря о прочих недостатках. Но раз барон считает его надёжным человеком — значит, так и есть. Робин был далёк от мысли, будто разбирается в людях лучше отца. Юноша вспомнил, как

шателян Селвин наставлял его и принца Бернарда, показывая пример игры в шахматы: каждую фигуру должно ставить в верную позицию на доске. Так побеждают.

Робин желал отцу долгой жизни, но как ни крути — тот стар и не очень здоров. Уже не столь далёк день, когда юноше самому предстоит стать лордом. Пора поступать как лорд.

— Вот что, сир Вилфорд... примите мои извинения. Я сожалею о том, что назвал вас трусом из-за страха перед нечистой силой: её никому не зазорно бояться. Каждый вассал Гаскойнов ценен на своём рубеже. Глупо заставлять вас заниматься не тем, за что вы высоко ценимы бароном. Сейчас же выезжайте в Колуэй, взяв всех лучников для личной охраны. А к утру приведите сюда большое подкрепление. Предстоит обыскать всё вокруг. Гвендлы, если были здесь, видели несколько десятков латников: такие силы они не атакуют. Ничего тут до утра не случится.

Было заметно: у Винслоу камень в души упал. Он, конечно, постарался сохранить хоть какое-то достоинство и скрыть это облечение, но вышло скверно.

— Не стоит извинений, милорд! Будет выполнено! На рассвете я приведу сорок парней... крестьян каких соберу. Под каждую корягу залезем!

Дверь хлопнула за грузным рыцарем, едва он договорил.

В светлом, тёплом помещении остались юный сын барона, сжавшийся в углу Мартин и славные церковные рыцари. Остриё меча Робина вырезало на половине равносторонний крест. Так... на всякий случай.

Быть может, и правда стоило вернуться с большим числом людей утром. Однако ехать в Колуэй ночью... Если отбросить суеверия, хоть Робину это давалось нелегко — Винслоу рискует больше, чем оставшиеся в доме. Кроме того, с утра потребуется много сил: нужно отдыхать. И вообще — кто кого тут должен бояться? Это же не Восточный Лес. Это земля Гаскойнов.

В узком кругу благородных воинов можно было говорить откровенно. Так Тиберий и поступил, едва исчез Вилфорд Винслоу.

— Это мудрое решение, сир. Я вижу: хоть вы очень молоды, но успели стать не только сильным воином. Вы также хороший командир. Вы понимаете: лучше иметь меньше людей, но не иметь среди них трусов.

— Рыцарское качество. — кивнул приор ордена Перекрёстка.

Два человека, бывшие образцом рыцарства для всего Стирлинга, сейчас смотрели на юношу с уважением. Робин чувствовал одновременно смущение и гордость: не сумел сдержать глупой улыбки, хотя старался выглядеть серьёзным.

— Вы действительно славный рыцарь, сир Робин. Поверьте, мы все это видим. И вот ещё что: быть может, это не так заметно... но нам всем здесь неуютно. Место странное. Пахнет недобро, даже если не знать, что здесь погибли наши братья. Но мы не даём воли страху, потому что рыцарям пристало всегда действовать вопреки ему. Развивайте в себе это умение, и скоро станете одним из лучших.

— Я ещё не стал одним из лучших, но уже нахожусь среди них.

— Что же... Сир Найджел, выполняйте моё указание. Деметрий, пригласите сквайров — пусть позаботятся, чтобы свободные от караула могли выспаться в доме. Все должны набраться сил для завтрашних поисков... Хотя нам и предстоит беспокойная ночь.

Тактика гвендлов всегда строилась на внезапности. Деревни, конечно, обычно не вырезали — но угоняли или убивали лошадей. Пока весть об атаке доносилась до людей барона, разбойники уже путали след и уходили к Восточному Лесу. А уж там преследовать их становилось невозможно.

Кромка колоссального леса тянулась вдоль восточной границы Стирлинга: от почти необитаемых северных гор, за которыми начиналась тундра, до ещё одной горной цепи южнее.

Вдоль леса и протянулся Вудленд, владения Гаскойнов. Многие полагали, что баронский титул для лорда Вудленда слишком незначителен — уж очень обширные земли, да ещё пограничные. Справедливо бы Гаскойну являться виконтом или графом, а скорее — вовсе маркизом.

Ни один другой барон в Стирлинге не имел столько земель и столько вассалов. Однако Гаскойны за титулом повыше не гнались: они пришли сюда баронами и никогда не просили большего. Тем более что титул всё-таки был пэрским, пусть младшим из них — положенные привилегии давал.

Лес уходил на восток невероятно далеко — словно океан. В Стирлинге знали: где-то Восточный Лес всё же заканчивается. За ним живут люди, равно не похожие как на слуг Творца Небесного, так и на гвендлов. Мало кто видел этих людей — а ещё меньше было тех, кто сумел их узнать. Редкие, очень редкие караваны в ту и другую сторону. Поговаривали, будто до другой кромки Восточного Леса — дальше, чем до южного побережья Балеарии.

На этот раз налётчики не смогли помешать сообщению об атаке. Гаскойны делали многое, чтобы наладить связь: ещё прадед барона Клемента организовал цепь аванпостов, способных различить сигналы соседей. Патрули рассылались постоянно. Увы, не всегда это спасало: слишком большие расстояния, слишком мало верных Стирлингу людей.

— Накануне случился... инцидент, милорд. С участием вашего сына.

— Ох, я не удивлён.

— Он случайно встретил нескольких гвендлов и убил их. В одиночку, милорд: говорят — не менее четырёх. Поэтому жители Вулмена были более бдительны, чем ожидали язычники.

— Мой мальчик. — Клемент Гаскойн удовлетворённо улыбнулся, пригладив бороду. — Только какого нечистого он делал там? Я ведь запретил охотиться без свиты!

Сир Киаран заметно смутился при этом вопросе, но суровый взгляд барона вынудил отвечать.

— Говорят, навещал местную девушку.

— Похоже на него. Тогда понятно, почему поехал один.

Сбежавшие из Вулмена вскоре встретили конный патруль: тот отрезал гвендлов от чащи, где легко было затеряться. А далее уже знал, куда гнать. Барон давно составил план загоной охоты на случай подобного набега.

Логан уже должен был выйти из замка, что лежал к Восточному Лесу ближе всех прочих. Ему досталась роль наковальни, тогда как молотом предстояло быть самому барону. Это не глухие гвендлские леса: собственные земли подданные Клемента знали превосходно. Согласно донесениям от передовых отрядов, всё шло по плану.

Возможно, это было немного жестоким решением — но барон сознательно не предпринимал в последнее время серьёзных мер против гвендлов. Нельзя было дать понять Дагласу, насколько его деятельность беспокоила знать Вудленда: разбойник в этом случае просто затих бы. Где-нибудь на год.

Клемент Гаскойн дал врагу ощутить безнаказанность — чтобы в нужный момент обрушить на него большие силы, действующие слаженно. Однако он надеялся, что момент этот настанет при обстоятельствах менее печальных: не после разорения зажиточной деревни, расположенной так далеко от границы.

Большая цена, но на этот раз Дагласу всё-таки не ускользнуть.

— Что же с Вулменом?

— Всё плохо, милорд. Деревня сожжена, считанные дома уцелели. Очень многие жители убиты. Пока трудно сказать, насколько многие: выжившие разбежались. Поди отыщи теперь да посчитай. Но люди Винслоу говорят, что видели сотни трупов. Скорее всего, барон, выживших очень мало. Почти нет.

Воины Винслоу оказались на месте первыми, хотя Вулмен не принадлежал этому роду. Деревней владел баронет Лорин Абелл, а скромные земли Винслоу с нею только граничили. Сейчас Лорин, ещё очень молодой человек с жиденькой светлой бородой, ехал подле барона.

— Творец Небесный... — барон не перекрестился, а сжал рукоять меча. — Известно ли что-нибудь о Робине? Надеюсь, он не посещал эту свадьбу?

— Мы толком не знаем, милорд. Одни говорят, что он уехал задолго до свадьбы, но другие не уверены в этом. Понимаете, ваш сын... Его ведь не все знают в лицо. Он не афишировал своей личности.

Какое-то время барон мрачно глядел вперёд, сведя седые брови. А после обернулся к Абеллу. Тот выглядел очень взволнованным. Неудивительно: Лорин совсем недавно похоронил сначала отца, а затем старшего брата. Он не должен был править землями Абеллов и уж точно не был готов к такому началу правления.

— Если выяснится, что мой сын был на этой свадьбе...

Барон осёкся. Ему не хотелось даже думать о том, что было необходимо сказать.

— ...если вышло худшее, то я созову все свои знамёна. И мы пойдём в Восточный Лес, как в старые времена. Учитывая обстоятельства, милорд, вашим долгом будет не только предоставить людей, но также возглавить их лично. Вы это понимаете? И главное, понимаете ли вы, почему так?

— Да, барон. — голос Абелла прозвучал теньше девичьего.

— Хорошо. Усвойте урок: кровь подданных пачкает не только руки врага, но и ваши тоже.

Конечно, об уроках молодым вассалам барон Гаскойн сейчас думал в последнюю очередь. Приятное возбуждение от возможности вести воинов в бой померкло: старик вновь с горечью размышлял о том, что сын у него один. Наследовать, случись дурное, лишь женщинам — и что тогда станет с родом Гаскойнов? Неизвестно. Он может и пресечься.

Эта мысль мучила лорда Клемента долгие годы.

Он желал растить наследника настоящим рыцарем, воином — таким и вырастил, как пристало Гаскойнам. Но также ужасно боялся за судьбу дома в случае, если Робин погибнет прежде, чем оставит законных наследников. А возможностей погибнуть, при таком-то характере, у юного рыцаря уже случилось предостаточно.

Следовало как можно скорее устроить свадьбу, но задача не из простых. Принуждать

сына к браку не хотелось. А Робин слишком любил женщин, чтобы в ближайшее время захотеть связать жизнь лишь с одной.

Вот и в проклятый Вулмен его привела очередная девка! И в кого Робин таким уродился?.. Сам лорд Клемент за долгую жизнь познал совсем немного женщин: по пальцам одной руки пересчитать. Первая невеста, дочь одного из отцовских вассалов, уж очень возжелала осуществить брак прежде венчания. И хорошо, потому как перед самой свадьбой тяжело заболела. Схватка со смертью вышла короткой.

После молодой Клемент однажды переспал со служанкой — но это лишь потому, что был пьян. Затем — та норштатская герцогиня после столичного турнира: первого значительного, который Клемент выиграл. Репутация у дамы имелась своеобразная, а до чего же хороша была собой... Ну и наконец — законная супруга. Ей барон хранил верность от помолвки до того дня, когда Смерть судила разлуку. И после того дня — тоже хранил.

Словом, лорд Клемент к женщинам всегда был довольно холоден. Сын уже к шестнадцати годам записал на свой счёт больше трофеев. Барон нисколько этого не осуждал — лишь бы не мешало в жизни... А уже похоже, что будет мешать.

Ну да ничего. Раз Робин не афишировал своих визитов в Вулмен — значит, и на праздник едва ли остался. Что касается деревни — беда, конечно... Но далеко не самая страшная на памяти барона. Вудленд переживал много худшее, переживёт и это. Главное — решительно покарать виновных и пресечь возможные беспорядки после.

Посему сейчас — охота.

Две сотни наскребли с трудом. Риган Винслоу практически никого не прислал: часть его людей и так уже участвовала в погоне, а часть находилась в ведении брата — Вилфорда, занятого сейчас другой проблемой. Баронет Абелл проявил полную неготовность к войне. Так что выехали в основном люди самого барона, оказавшиеся под рукой. Некоторые присоединились по дороге: с дозорных постов, из встреченных патрулей.

А ещё, конечно, паладины.

Даже без магистра и его ближайших людей отряд Церкви смотрелся очень внушительно. Денег архиепископ на своё войско не жалел. Даже о таких доспехах, какие носили церковные сквайры, рыцари Вудленда могли только мечтать. Работа лучших столичных бронников, по последней моде. А кони!.. Ещё лучше тех, которых король подарил Клементу двадцать лет назад. Не сыскать во всём Вудленде таких коней.

Жаль только — порохового оружия не имелось. Церковь всегда порицала даже арбалеты. Нытьё священников по этому поводу особо не слушали, однако развитию более современного оружия оно всё-таки помешало. После войны Клемент не раз делился с королём своим беспокойством: Стирлинг отстаёт от веяний времени. Уже в конце сорокалетнего побоища порох играл большую роль — каждый ветеран знал это. Барон слышал: после поражения балеарцы сделали выводы — и сейчас полностью перевооружились, отказавшись от арбалетов в пользу аркебуз.

В Вудленде было всего несколько пушек, совсем немного старых трофейных пищалей. Против гвендлов аркебузы не требовались, разумеется: беспокоился барон за южные рубежи Стирлинга, на случай новой войны. Рано или поздно она случится, вечным мир не бывает.

— Похоже, всё идёт без неожиданностей.

— Помолимся, чтобы вы оказались правы.

Гонец от Логана сообщил: верному вассалу Гаскойнов удалось вовремя вывести отряд наперерез гвендлам. Всадники Винслоу так и не позволили им укрыться в чаще. Теперь

разбойникам ничего не оставалось, кроме как идти вдоль реки. Логан шёл по противоположному берегу: не позволял им переправиться, но и не стремился обогнать.

Гвендлам должно было показаться, что вудленцам не хватает людей ни для окружения, ни для уверенной атаки. Необходимо, чтобы Даглус поверил в возможность ускользнуть. Узрел явный путь к спасению.

Ложный путь, разумеется: в ловушку. Ведь именно туда, куда теперь пришлось убежать гвендлам, барон вёл собственный отряд. Проведя на войне полжизни, Клемент Гаскойн превосходно знал: главное — предварительный манёвр, а не сила и храбрость в самой схватке. Хорошее сражение выигрывается до начала.

После бессонной ночи в седле приятно было ощутить: ты ещё кое на что годен! Уже рассвело, когда бронированные всадники, преодолев пролесок, выехали к разрезанному рекой полю. На той стороне виднелись синие знамёна Логана: совсем немного людей, однако всё же больше, чем гвендлы способны одолеть в открытую. Наверняка язычники горько сожалели, что не вступили в бой с патрулём. Да, сумеи они победить — то была бы очень тяжёлая победа. Но так спасся бы хоть кто-то из гвендлов.

Теперь же шансов никаких. С одной стороны — река, которую можно даже не пытаться пересечь: люди Логана из воды выбраться не дадут. С трёх других — поле, где пешим никак не уйти от конных.

— Блестяще, барон. — отметил паладин Викентий, оставшийся старшим среди своих братьев.

— Благодарю, но это была лёгкая задача. Даглус — далеко не Гонсало Мендоса, о котором вы так много спрашиваете. Перед нами дикари, хотя в храбрости и силе им не откажешь.

Барон немного лукавил: в качестве командира Даглус вызывал известное уважение. Он ускользал от подданных барона бессчётное множество раз — порой невероятно хитро, порой удивительно нагло. Долго, долго не удавалось перехитрить этого лиса...

Хорошо бы иметь подобного разведчика на войне! Некоторые гвендлы побывали на ней двадцать лет назад. Почти все сражались за балеарцев, конечно же.

Отряд налётчиков насчитывал дюжины три. Немного, однако мужичьё в Вулмене и против такого оказалось бессильно. Всё-таки каждый гвендл рос воином: плохим или хорошим, но воином. О вудленцах такого сказать было нельзя.

Горстка бойцов выставила круглые щиты, крашенные клановым узором. Позади торчали топоры на длинных древках. Там и лучники есть, сомневаться не приходилось.

Напротив развернулись всадники под тремя знамёнами: белым с чёрным крестом — паладинским, жёлтым с зелёной елью — гербом Гаскойнов, и стягом баронета Абелла. Хоть знамя в замке не забыл — уже неплохо. Научится.

Убегать Даглус явно не собирался. Наверное, в основном потому, что понимал: не убежит. Можно получить удар в спину, пытаясь достигнуть леса, который слишком далеко. Или на том берегу реки оказаться втоптаным в ил конями Логана. Гвендлы пожелали более достойного финала, что в глазах барона было достойным поступком.

— Мы атакуем их?.. — поинтересовался Викентий, уже принявший от сквайра копьё.

Барон покачал головой, едва не опрокинув поднятое забрало.

— Предложим сдаться: сложивших оружие до боя я никогда не казнию сразу. Предаю суду. Они откажутся, конечно... Но я должен предложить.

— Благородно и милосердно, барон. Достоин истинного рыцаря и доброго слуги

Творца Небесного.

— Если сдадутся, то сир Робин жив. — рассудил сир Киаран Фиршилдский.

Клемент Гаскойн скривился. Если честно, да: то была одна из причин, по которым он не собирался просто скомандовать атаку. Гвендлы могли не узнать Робина, но точно поняли бы, что это знатный человек. Ещё вчера убив такого, сложно рассчитывать на милосердие суда: зачем тогда сдаваться? В противном случае Даглус мог решить сохранить жизни хотя бы части своих людей.

Судил барон справедливо, враги это знали. Казнил только отъявленных, и то не всегда. Ведь иной раз приходилось выкупать своих вассалов, и на такой случай хорошо иметь в темнице уважаемого среди язычников человека. А иные пленные и вовсе крестились, начиная новую жизнь в Вудленде. Барон прекрасно понимал разницу между глупым голодным мальчишкой, впервые пошедшим в набег от безысходности, и отъявленным головорезом.

Лорд Клемент снял шлем: немногим менее дорогой, чем у паладинов, но старомодный.

— К моему слову даже язычники прислушиваются. Сир Киаран, милорд Лорин: едете со мной. И мои сквайры. Паладин Викентий, вы желаете участвовать в переговорах?

— Разумеется.

Оставив шлемы подвешенными на ремнях, без копий, всадники выехали в сторону гвендлов. Там могло быть достаточно лучников, но тучу стрел им не выпустить. А уж если какая-нибудь шальная угодит в чьё-то лицо — такова судьба... Риск невелик. Однако Клемент приказал остановиться довольно рано. Вполне достаточно того, что язычники могут разглядеть барона — убедятся, что парламентёр действительно говорит от его имени.

Говорить поехал сир Киаран. Могло сыграть на руку то, что по крови рыцарь из Фиршилда сам был гвендлом. Хотя могло выйти и наоборот.

Стена щитов разомкнулась. Навстречу всаднику вышел один человек — наверняка сам Даглус. На солнце, неожиданно выглянувшем из-за низко стелющихся облаков, блестела хорошая кольчуга. меховая накидка, вполне уместная для ночующего в лесу столь холодным летом, порядочно истрепалась — но явно была знаком статуса среди гвендлов.

Даглус вовсе не был таким жутким великаном, как в ходящих по Вудленду байках. Для гвендла он даже оказался мелковат — но было нечто иное, притягивающее внимание. Голову предводителя набега покрывал покрывал трофейный шлем, причём приметный: барбют с очень узкой прорезью и необычным гребнем. Когда-то многие балеарские рыцари носили такие, но в Стирлинге — ох какая редкость.

Барон видел в Вудленде ровно четыре таких шлема. Два из них, будучи ценными трофеями Великой войны, никогда не покидали замков — один как раз хранился в Фиршилде. Два других, один почти копия другого — принадлежали людям, пропавшим без вести в этом году.

Нельзя было не заметить, как нахмурился паладин Викентий. Тем временем голос сира Киарана разнёсся по полю, преодолевая качающий травы ветер.

— Я сир Киаран Фиршилдский! Говорю от имени присутствующего здесь Клемента Гаскойна, лорда Вудленда, Дозорного восточных пределов Стирлинга! Барон не желает боя и предлагает свою милость. Назовись, покажи лицо, и мы будем говорить!

Руки гвендла были свободны, щит висел за спиной, но шлема он не снял.

— Моё лицо почти как твоё, Отступившийся: оно от древней крови Орфхлэйта. Сниму шлем перед бароном, а предателю своего народа могу показать только хер. Желаете?

— Повторяю: назовись!

— Раз сам барон прискакал с паладинами и мальчиком-лордом — то верняк вы знаете, кто я такой.

— Даю последний шанс назваться, чтобы я знал, кому излагаю условия барона!

Наверняка предводитель гвендлов понял: Киаран действительно не продолжит, не услышав его имени. А переговоров гвендл всё-таки желал. Поэтому заговорил, хотя лицо так и осталось под шлемом.

— Меня зовут Даглус Гэнн. Я арнвейд своего клана, если тебе, Отступившийся, этот титул о чём-то говорит. Что ещё нужно, дабы я поговорил с бароном? Может, хочешь знать моё прозвище? Его дала твоя мать!

Барону этот титул говорил многое. Арнвейдами именовали себя лучшие воины лесных кланов: отличившиеся и храбростью, и умелым командованием. Титул не передавался по наследству и не давал власти сам по себе. В какой-то мере его можно было сравнить с рыцарством.

Дерзость гвендла снова не возымела никакого действия на Киарана.

— Барон Гаскойн, повинуюсь принципам рыцарского благородства и великой жалости сердца, предлагает вам сложить оружие! Честью своего рода барон клянётся совершить справедливый суд над каждым и проявить возможное милосердие. А если кто-то будет осуждён на казнь, то он получит быструю и достойную смерть от меча. Если же вы откажетесь сложить оружие, то будете перебиты, а пленённые позавидуют мёртвым!

Барона очень интересовала реакция Даглуса, но также он заметил, насколько напрягся Викентий. Паладин приподнялся в стремени и весь вытянулся, разглядывая гвендла.

— У меня другое предложение для барона. Я знаю, как доконал вас, Пришлые. Знаю, как вы хотите со мной расправиться. А ещё знаю, что слово барона и правда кое-чего стоит: я ведь сам жил среди вас. Я готов сдаться. Берите меня, судите, приговаривайте к чему угодно — и не надо сулить милосердия. Никакой смерти я не боюсь. В обмен желаю лишь одного: дайте уйти всем моим людям.

Теперь барон и сам привстал в седле. Контрпредложений он не ожидал. Даглус продолжил:

— Пусть барон даст слово, что никто не помешает моим людям дойти до Орфхлэйта. По пути они не станут чинить никакого разбоя. Пусть он поклянётся пред всеми лордами да рыцарями на этом поле — и получите меня живым. Иначе обойдётесь трупом, потому что в плен вам меня не взять!

Как ни странно, но тут барону было о чём задуматься. Шанс взять Даглуса живым действительно так себе, а суд над ним для Вудленда стал бы большим событием. Такое поможет успокоить народ после набега: куда лучше, чем просто голова, вывешенная на стене Фиршилда. Правда, о судьбе Робина подобный уговор не давал никаких намёков...

Согласиться? Ну, сколько пленных удастся взять после боя, в котором гвендлы станут сражаться до последнего... Может быть, двоих-троих, пятерых при большой удаче — не больше. Изначально на это барон и рассчитывал: убить людей, посмевших лить кровь в самом сердце его владений, если повезёт — предать кого-нибудь суду при большом стечении народа. Однако возможность гарантированно взять живым лишь одного гвендла, зато настолько одиозного...

А если Робин и правда погиб? Тогда смерть в бою — слишком хороший финал для виновного в ней человека. Нет, за такое Даглус точно должен заплатить иную цену, и пусть

пока храбрится, что ему всё нипочём. Когда встретится с сиром Вилфордом Винслоу — изменит мнение.

И ведь никто даже не вспомнит об ушедшем в Восточный Лес отряде, когда Даглус поднимется на плаху. Никто из подданных барона такого решения не осудит. Рассуждения Клемента клонились к согласию, однако он задумался слишком глубоко: не заметил происходящего за спиной.

Видимо, Викентий дал знак паладинами. Сзади застучали копыта — когда барон обернулся, прямо перед глазами уже были белые сюрко, покрывающие полированные доспехи, и белые попоны могучих коней.

— Что происходит?

Викентий уже водрузил шлем на голову.

— Барон, прошу меня простить, но это дело Церкви. Мы уважаем ваши права в этих землях, но есть суд более высокий. Эти люди убили паладина Вермилия! Мы постараемся взять их живыми... или же сами передадим заблудшие души в руки Творца Небесного. Но Церковь не может отдать виновных пред нею вашей воле.

— Что?..

— Шлем. Это шлем Вермилия, у меня нет никаких сомнений.

— Паладин Викентий, я... — барон только теперь осознал, как напрасно не поделился своими соображениями о шлеме.

Викентий уже не слушал. Пришпорив коня, он понёсся вперёд: белый плащ с чёрным крестом красиво развевался за спиной. Такими же блестящими стрелами с белым оперением полетели вслед за ним, из-за спины Клемента Гаскойна, другие палadini.

— Я запрещаю! Вы на моей земле! Церковь не имеет права!.. — прокричал барон, но что было толку?

Вообще-то Церковь имела такое право: гвендлы были неверными, а значит — подпадали под действие грамоты архиепископа, визированной королём и выданной Вермилию. Без сомнения, магистр Тиберий имел те же полномочия. А спорить о том, насколько законно позволять церковникам вершить суд в обход права барона, явно следовало не здесь и не сейчас.

— Бросайте оружие! Или познайте меч Господа истинного!

Даглус не бросил оружие, но и познать паладинский меч ему оказалось не суждено.

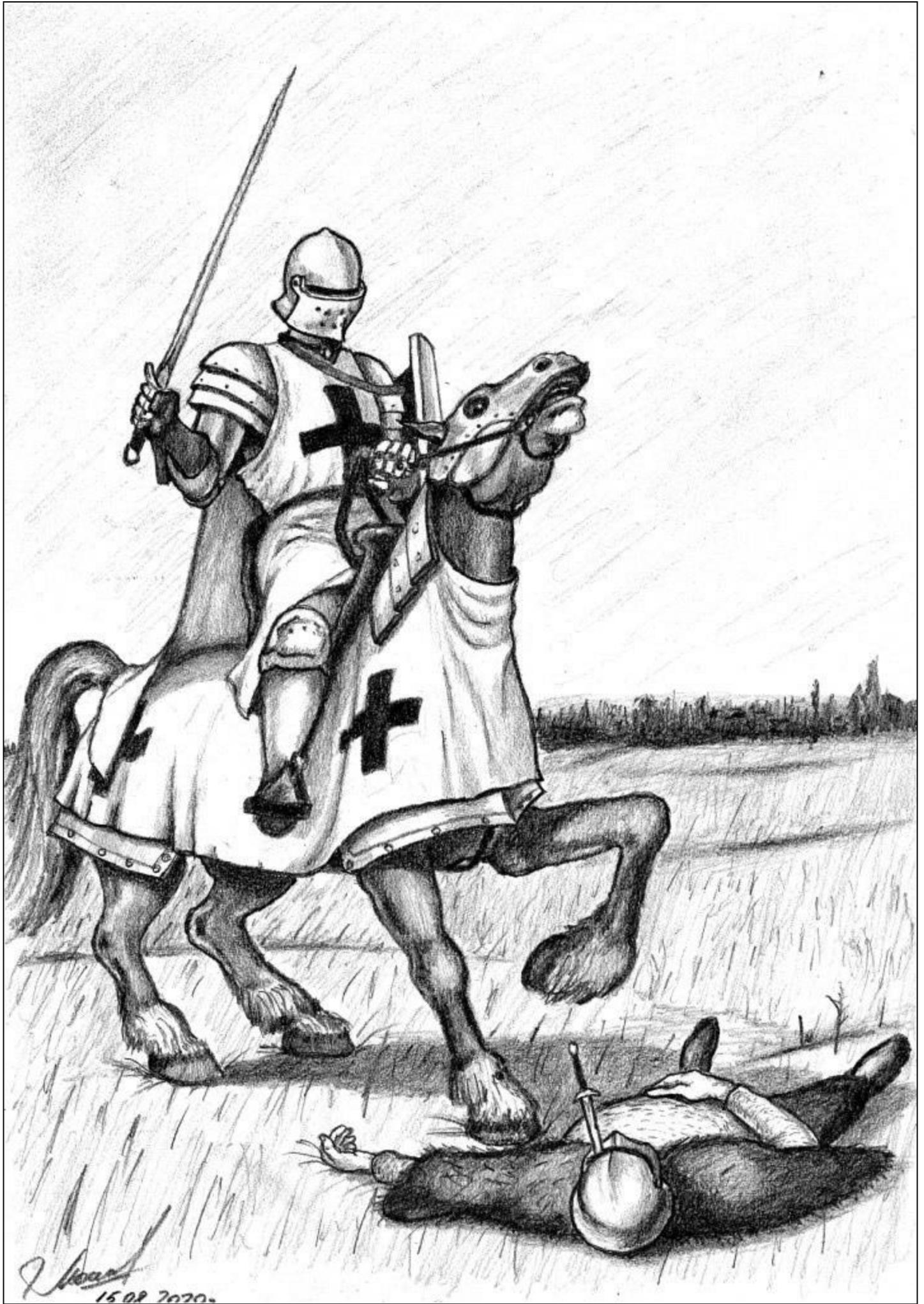
Он запустил в Киарана топор, появившийся в руке внезапно. Попал или нет, барон из-за спин палатинов не разглядел. Следом Даглус выхватил длинный кинжал. Клемент успел только удивиться, сколь нелепо воевать с кинжалом против всадников, да вспомнить себя при Тагенштайне. Но драться Даглус не собирался.

Он направил остриё в глазную прорезь своего шлема. Арнвейд Гэннов не соврал: шанса взять его живым не представилось. Тело рухнуло на мягкую траву.

Клемент скомандовал атаку, удержав при том баронета Абелла — пришлось схватить поводья его лошади. Но помощь паладинам не требовалась. Гвендлские стрелы бессильно срикошетили от начищенных доспехов, а лучшие боевые кони Стирлинга набрали скорость очень быстро. Этих коней могли остановить крепкие пики, но не щиты с топорами.

К чести гвендлов, они не дрогнули. Но отвага была бессильна изменить итог: закованные в железо лошади смяли горстку людей и похоронили под собой. Некоторым врагам свезло умереть от меча, прочих просто растоптали. Всё кончилось в одно мгновение. После смерти Даглуса палadini уже не собирались брать пленных.

Барон был зол, но в конце концов — победы слуги Творца Небесного достигли, а ругаться в поле с Викентием смысла никакого. Поговорить с Тиберием, а может — и написать королю... но всё это позже. Клемент толкнул коня в бок.

J. Scott
15.08.2020

Киаран сидел возле трупа Даглуса. Полголовы рыцаря — в крови. Она пропитала ворот поддоспешника, ползла алыми ручейками по кирасе, капала на землю с края латного плеча.

— Сир Киаран, вы серьёзно ранены. Сквайр! Сквайра сюда! Нужна помощь!

Барон спешился, охнув от прострелившей колени боли. Тяжело старику и забираться на коня, и слезать с него: обычно помогали оруженосцы, но сейчас лорду Клементу было не до их ожидания.

Плохая рана. Хотя брошенный топор соскользнул по черепу, не повредив его — он всё же лишил Киарана уха и немалой части скальпа. Кровь уймётся — насмерть так не истечёшь. Однако старый рыцарь знал: подобные раны часто гноятся, приводя к лихорадке. Которая уже запросто кончается мучительной смертью. Теперь жизнь Киарана Фиршилдского находилась в руках Творца Небесного.

— Шлем... я узнаю его.

Киаран, ещё не осознавший ранения, вытащил кинжал из черепа Даглуса и снял трофей с его головы. Шлем был важным вопросом, но прежде лорд Вудленда посмотрел в лицо врага.

Гвендл вогнал кинжал себе в глаз: не считая этой раны, лицо не пострадало. Разбойник оказался моложе, чем барон думал — хотя далеко не юнцом. Он коротко, неровно обрезал волосы — такие же медовые, как у Киарана, приличная часть которых болталась теперь на лоскуте кожи. Обычный с виду человек... и столь необычный в действительности.

— Это не шлем паладина Вермилия.

— Что? Вы уверены?

— Абсолютно, милорд. Взгляните.

Рыцарь показал господину левую сторону необычного барбюта. Клемент не сразу понял, что именно должен увидеть.

— Посмотрите на эту вмятину. Ни с чем не спутаю, потому как оставлена она моим мечом. В поединке с сиром Вибертом, на турнире в честь прошлых именин вашего сына.

О да. Барбют сира Виберта Освина был тем самым четвёртым подобным шлемом, что барон знал в своих владениях. Почти точная копия барбюта паладина Вермилия, который Виберт годом ранее видел на большом турнире в Фултоне. Немало денег он отдал, чтобы справиться такой же.

— Сир Виберт говорил мне, что не станет исправлять вмятину, дабы помнить о неожиданном поражении. Славный тогда вышел удар... не думал, что сумею победить.

Барон историю о вмятине прежде не слышал. Возможно, её знали лишь два сошедшихся в том поединке рыцаря.

Виберт Освин сгинул по весне: никто понятия не имел, что с ним случилось. Ходили очень разные слухи. Теперь, увы, судьба его стала совершенно ясна. Жаль, очень жаль. Ещё одним ветераном Великой войны меньше: скоро совсем никого не останется...

— Значит, Викентий обознался. Мало что влез, куда не должно — так ещё и понапрасну! А у мёртвых мы о судьбе паладина не спросим...

— Вы расскажете паладину Викентию об ошибке?

Барон задумался. Поглядел на рыцарей в белом, ещё кружащих вокруг тел — и бездыханных, и угасающих. От паладинов в Вудленде по-прежнему выходили одни беды. Право слово — зараза какая-то, не лучше гвендлов! Решение созрело быстро.

— Ну уж нет! Молчите об этом, сир Киаран, и я тоже буду молчать. Чем быстрее

уверяться в судьбе своего Вермилия, тем быстрее оставят нас в покое.

Рыцарь гвендлской крови кивнул. Он был надёжным человеком, барон всегда знал это. Ещё с той войны, которую Киаран прошёл оруженосцем. Благородное происхождение — не всегда главное качество. Пусть Киаран был сыном фиршилдского плотника, попавшим в войско барона случайно — пользы от него выходило больше, чем от многих людей древних фамилий. Только бы оправился от раны!

Оруженосцы спешили помочь раненому: Клемент Гаскойн кое-как влез на коня без их помощи. Вдалеке всадники Логана перебирались по броду, глубокому для человека, но подходящему для коня. Люди в жёлто-зелёных цветах сновали вокруг барона. Ветер развернул знамя Гаскойнов — такое яркое на фоне сгустившихся облаков. В небе кружили чёрные птицы.

Похоже, паладины отдавали своим сквайрам распоряжения насчёт тел, и с этим барон мириться не собирался.

— Ну нет, благочестивые паладины! Я уважаю грамоту архиепископа, однако в ней ни слова о мертвецах. Уж будьте любезны, оставьте павших властителю этой земли!

Возражений не последовало, хотя паладины остались недовольны. К барону подъехал всадник в гаскойнских цветах, которого тот не узнал. Странно... было время — помнил в лицо каждого.

— Милорд, как прикажете поступить с телами? Закопать? Бросить зверям в лесу?

Тут уж Клемент Гаскойн не задумывался.

— Нет... Даглус был той ещё гадиной, но также был и храбрецом. С мёртвыми счетов нет. Сожгите их, как принято у гвендлов.

Всадник безмолвно подтвердил, что понял приказ. Барон стянул подшлемник, вытер им лоб.

— Эй, ты! Стой! Ещё вот что: сообщи Логану — ночевать будем в его замке. Это ближе Фиршилда, а я смертельно устал.

Гони древние суеверия, отрицаемые Церковью, сколько угодно — но Робин прекрасно знал: в лесу вечно снятся дурные сны. Таких никогда не случалось в замке. Образы и картины, вспоминать которые поутру не хотелось, но и забыть не выходило. А отец, бывавший в глубине Восточного Леса, рассказывал юному рыцарю ещё больше. Но очень путано и немногословно, когда бывал сильно пьян: протрезвев, всегда отказывался отвечать на вопросы.

Вот и в странной хижине спалось Робину Гаскойну из рук вон плохо. Идея ночевать здесь ему с самого начала не нравилась, но юноша понимал стремление паладинов не показать смущения перед суевериями. Ведь борьбе с Тьмой каждый из них посвятил жизнь. Так что Робин продолжал держаться мысли: нужно следовать примеру Тиберия. Сейчас это единственный достойный путь.

Робин спал не возле очага, а в другой комнате — на единственной в доме кровати, которую ему любезно уступили. Комнатка была крохотной, без окна: практически ничего, кроме кровати, здесь не имелось. Только какой-то хлам. Тиберий, Деметрий с Амадеем, приор Найджел и Мартин Мик расположились в большой комнате. Кто-то ещё отдыхал там посменно.

Сначала Робин, памятуя об опасности, думал спать прямо в броне — паладины так и поступили. Однако это оказалось очень неудобным. Ладно бы латы были подогнаны по фигуре — но чужой доспех противно впивался углами в тело. Рыцарь рассудил: уж лучше он накопит сил перед возможной схваткой, чем бросится в неё одоспешенным, но разбитым. Разве что акетон снимать не стал.

Да, сны вышли дурными, но главное — слишком реальными.

Первое наваждение — об очень странном разговоре возле очага, Робина ещё не слишком напугало. Станных речей Найджела он почти не разобрал: тот твердил про круги да про короткую дорогу, как Мартин недавно. Мартина вообще не оказалось в видении.

— Вы тоже видели это, сир Робин? Всем нам чудится что-то... — бормотал Тиберий, не глядя на молодого рыцаря.

Деметрий молчаливо сверлил Робина взглядом, полным ненависти: словно готов был тотчас зубами разорвать, но не мог пошевелиться. Окаменел. Не в силах выдержать этого ужасного взгляда, Гаскойн отвернулся — и вдруг увидел лицо Амадея, так близко, как прилично видеть только женское. Амадей тоже не шевелил ни одним мускулом, но глаза его выражали какую-то невероятную, запредельную боль. Выражали так остро, что Робин и сам немного ощутил её. Молодой рыцарь зажмурился — и первый сон развеялся.

Следом пришло нечто загадочное. Непроглядная тьма, в которой угадывалось нечто зловещее, гнетущее самим фактом существования: будто во мраке таится такое, чего по замыслу Творца Небесного просто не должно быть. Оно шевелилось, тянулось к рыцарю то мохнатыми лапами, то щупальцами, то ветвями без листьев, то нежными женскими руками в крови. Шептало множеством голосов, шуршало и скрипело. Молодой Гаскойн не разобрал сути кошмара, а может быть, просто не запомнил. Невелика потеря.

А вот следующий сон — действительно дрянь.

Рыцарь обнаружил себя в той же комнате, где спал. Не поймёшь: то ли этот сон — уже не совсем сон, то ли Робин действительно проснулся, однако не всё вокруг видел наяву. Так

бывает, когда ты смертельно устал и прямо на ходу веки слипаются.

Рыцарь встал с постели, привлечённый звуками из-за двери. Будто кто-то перешёптывался — да перебирал костяное с деревянным и металлическим. Робин поднял с пола меч, заметив, что тот будто ничего не весит — и шагнул к двери.

За дверями всё оказалось почти как вечером — но люди... Они все были здесь, да. Рыцари сидели за столом, но словно спящие. Тётушку Робина, помнится, мучил недуг: она временами ходила во сне. Выглядело примерно так же. Тиберий, Найджел, Амадей, Деметрий — они расположились на лавках в позах странных: вроде слишком скованных, а вроде и слишком безвольных. Их глаза как будто смотрели внутрь, а не наружу.

Но за столом сидели не только рыцари.

Был ещё Мартин — вроде бы вполне бодрствующий, в отличие от прочих. Его приобняла женщина: очень высокая, очень худая. Кажется, рыжеволосая — но Робин точно не разобрал. И ещё была девочка: наверное, та же, которая убежала из дома вечером. Она стояла возле очага, даже слишком близко к нему, и вертела что-то в ручках. Молодой Гаскойн не видел лица ребёнка, только растрёпанные влажные волосы. Шагнул ближе — и вздрогнул, заметив ещё фигуру в углу, возле прялки. Там стояла женщина, почти сокрытая мраком.

Девочка бросила то, что держала, в огонь: маленький предмет, похожий на мешочек, полыхнул неожиданно ярко. Вспышка на миг озарила комнату, вырвав из темноты силуэт возле прялки — но только силуэт, будто вся женщина была абсолютно чёрной.

Рыжая, что обнимала Мартина, посмотрела на Гаскойна. Лицо у неё было болезненно бледным, а скорее даже серым, как у трупа. И совершенно измождённым — с остро выступившими скулами, выпученными глазами.

Рыцарь закричал, но его никто здесь не слышал. А дальше свет померк.

Скоро Робин понял, что лежит на кровати. Он совсем ничего вокруг не видел, но зато слышал: стук, глухой и негромкий. Похоже — из-за стены, из соседней комнаты. Кто-то проснулся, что-то делал? Вскоре рыцарь понял: это похоже на работающую прялку.

Тут дом вспыхнул.

Не просто загорелся — а весь оказался объят пламенем быстрее, чем моргнуть успеешь. Огненные потоки бежали по стенам, половицы переливались огоньками и чернели. Дым стремительно заволакивал комнату. Робин вскочил с кровати, бросился к дверям.

За дверью тоже полыхало: чёрный дым скрыл потолок, искры лезли в глаза. Паладинов Робин не видел: заметил только Мартина в объятиях страшной рыжей женщины. Та безумно хохотала, её волосы развевались среди языков пламени — не как от ветра, а подобно клубку змей. Робин протянул руки к Мартину: хотел вырвать его, освободить — не успел. Женщина, подхватив оруженосца, метнулась к сням быстрее, чем стрела летит. Дверь открылась перед ней сама собой — и так же захлопнулась следом.

Напрасно Робин пытался сначала отворить её, а затем выбить, стремясь выбраться из пламени. Сон или нет — но он явственно чувствовал, как задыхается от дыма и как огонь обжигает его. В момент, когда рыцарь почти отчаялся спастись, сознание покинуло его.

А вернулось уже с глотком свежего воздуха. Точнее, воздух оказался с сильным запахом болота — но также хвои, да и хотя бы без дыма. Это был запах леса, и лес же увидел перед собой сир Робин Гаскойн, подняв веки.

Он лежал на земле, облачённый в то же, в чём отходил ко сну. Было темно, сквозь ветви над головой виднелись звёзды. Слышались отдалённые крики, и Робин, обернувшись на звук,

увидел дом в огне. Всё тот же дом — только теперь рыцарь вдруг оказался очень далеко.

Откуда-то взялись силы, чтобы вскочить и броситься на помощь. Рыцарь не глядел под ноги, чудом огибая и перепрыгивая коряги: лишь раз поскользнулся, когда под подошвой оказался покрытая сырым мхом кочка. На деревьях вокруг болтались в петлях трупы. К своему ужасу, даже в темноте Робин различал цвета рыцарей Перекрёстка и паладинов.

Робин бежал и бежал. Горящий дом сначала почти не приближался, а потом приблизился резко — просто двинулся навстречу. Оказавшись возле двери, Робин неожиданно обнаружил в руках меч. Зацепил перекрестием ручку, рванул на себя изо всех сил. Дверь поддалась: жар из-за неё опалил лицо, глаза защищало от дыма. Не сомневаясь ни мгновения, Робин бросился внутрь, проскочив сени одним махом.

А внутри — никакого пожара. Никакого огня, кроме мирно потрескивающего очага. Свечи не горели, так что в полумраке оказалось трудно разглядеть фигуры спящих по углам.

Однако человека, что стоял посреди комнаты, Робин узнал сразу.

Паладин-магистр Тиберий сжимал в руках меч. Так же, как вечером, мягко поблёскивали полированные латы — но нечто тёмное покрывало пятнами и брызгами белую накидку. Это была кровь. Теперь Робин заметил, что и меч магистра весь в крови, и его красивое молодое лицо залито ею, и длинные волосы слиплись от крови. А люди по углам вовсе не спали вповалку: паладина окружали изрубленные трупы.

Тиберий поднял глаза. Поднял и своё оружие, приняв фехтовальную стойку.

— Сокройся, нечистое создание! Прочь!

— Паладин? Паладин?.. Это я, Робин, я...

— Изыди! О, Святая Белла, Благостная Дева! Силы небесные и Свет Творца, избавьте от...

— Это я! Робин!

Тиберий не ответил. Изыщный клинок блеснул в свете очага — Робин едва успел защититься. Паладин двигался молниеносно, но плавно. Рубящий удар полетел с другой стороны, затем сверху — и почти сразу же снизу, по диагонали, под руки. Гаскойн успевал только блокировать и уворачиваться, лавируя по небольшой комнате.

— Прекратите, магистр!

Сон, явь — но этот бой ощущался как бой. Мечи столкнулись, со скрежетом заскользили друг по другу. Тиберий, развернув клинок в соединении, отвёл оружие Гаскойна. Тот парировал укол, не разрывая контакта и не теряя яростного взгляда паладина. Два длинных меча, стараясь обойти друг друга, описали ещё одну красивую фигуру — а потом расцепились. На миг Тиберий и Робин замерли, занеся оружие: рыцарь — над головой, паладин — над плечом.

— Магистр...

По глазам Тиберия было ясно: и теперь не ответит, говорить не о чем. Едва звук произнесённого Робинем слова затух, как оба меча одновременно устремились к цели. Встречная атака: каждый метил наверняка, каждый стремился опередить противника — поразить кончиком клинка, одновременно защитившись сильной его частью.

Но тут всё снова померкло. Прямо в миг перед развязкой, когда ещё неясно было — кто оказался быстрее и точнее?

А следующего сна не случилось. Впервые за ночь Робин Гаскойн абсолютно точно понял: всё-таки очнулся. Жуткие наваждения оставили его, хвала Творцу Небесному.

Он ещё не поднял веки, но уже мог понять, что до сих пор темно. Хорошо

протопленный с вечера дом уже порядком остыл. Было тихо. Проклятые сны... Да, в лесу по ночам вечно какая-то блажь мерещится, однако ничего подобного молодой рыцарь прежде не испытывал. Никогда лесные сны так не смешивались с реальностью.

Что же: как минимум — дом не горел. Рыцарь лежал на кровати и никаких подозрительных звуков не слышал. Испуг, с которым он проснулся, уже прошёл: кошмары всегда быстро отпускают. А вот закрывать глаза больше не хотелось. Нехорошо, ведь нужны силы, а нынче только середина ночи. Но что поделать, если подобный сон скорее выпивал силы, чем давал новые? К тому же — пересохло в горле.

Нужно пойти в большую комнату. Там осталась вода, которую рыцари привезли с собой: пара глотков точно поможет. Только тихо, чтобы спящих не потревожить... Робин попытался осторожно подняться с постели.

И не сумел этого сделать.

Уже совершенно точно наяву. Физически. Рыцарь лежал лицом к стене и не мог даже пальцем пошевелить, хотя все мышцы превосходно чувствовал. Попытался крикнуть — грудь свело, вышел только негромкий хрип.

Робин испугался, и ему в том даже паладинам признаться было бы не стыдно. Когда тело вдруг отказывается слушаться — это страшно, без дураков. Но то оказалась лишь половина ужаса Робина.

Он был здесь не один. И речь не о комнате.

Робин был не один в этой постели.

Кто-то осторожно прижался к нему сзади. Тепла тела не ощущалось, а вот дыхание касалось затылка.

Меч лежал на полу у кровати, кинжал и вовсе под рукой — но что толку, если пошевелиться не можешь? Отчаянная попытка заставить тело слушаться не дала ничего. И закричать вновь не вышло: как будто рёбра стянули крепкими ремнями. Робин хватал воздух ртом, словно вытасченная на берег рыба.

— Кинжал ни к чему, сир Робин. Он и бесполезен, и не нужен. Разве так приходят в ночи враги?..

Тихий голос, почти шёпот в самое ухо. Женщина? Или показалось? К сир Робину прижались плотнее, приобняли. Ну точно: женщина. Формы её тела рыцарь спиной ощущал.

— Я знаю, сир Робин, что вы видели дурные сны. А явь — и того дурнее.

Рыцарь было попытался убедить себя: очередной кошмар. Без толку. Сон перепутать с явью ещё недолго, но явь ото сна всегда отличишь. Вновь попробовать шевельнуться? Оказалось, что слушается только лицо: оно сжалось в гримасе. Ничего более. Слышал Робин сказки о демоне, садящемся ночью на грудь, вызывающем кошмары и удушье — но то сказки. Они рассказывали и о драконах, и о призраках, и ещё обо многом, чего никто в здравом уме не видел. В реальности всё оказалось гораздо страшнее, чем в устах престарелой служанки. Страх забрал силы, бессилие подпитывало страх — замкнутый круг ужаса.

Тонкие женские пальцы, расстегнув верхние пуговицы, скользнули под акетон, к груди Робина. Холодная рука.

— Как у вас сердце колотится, сир... чего же вы испугались? Я не хотела, чтобы вам стало страшно. Напротив — желала чуть сгладить кошмар. Уж не об этом ли вы думали, засыпая: вот бы кто-нибудь согревал вас в такую сырую ночь? Хоть ваша Мэри — или кто лучше?..

Это было похоже либо на издёвку, либо на искреннее непонимание, отчего сердце

Робина едва не выскакивало из груди — разуж иное движение оказалось невозможным. Ничего, кроме ужаса, рыцарь сейчас не чувствовал.

Голос у самого уха звучал, впрочем, приятно: и при всём страхе Робин не мог этого не заметить. Почти музыкальное, мурлыкающее полилось дальше.

— Жаль, Мэри прийти сюда никак не может. Горька её судьба, кстати... и печально, что приходится вам об этом сообщать. Вы мало что человек, так ещё человек молодой и наивный: оказывается, вас так легко обмануть! Не отличаете ни лжи разбойника от правды, ни сна от реальности. Ну да хватит о бедняжке Мэри: ей уже не поможешь. Зато я... Я более приятная компания ночью, чем вам пока кажется.

Робин не удивился, что ночная гостья знает и его имя, и Мэри, и что-то о её судьбе. Ясное дело: встретился он таким странным образом не с человеком. Или, по меньшей мере — не с простым человеком.

— Да не бойтесь вы. Я не кусаюсь... — женщина, кем бы она ни была, коснулась губами уха Робина — ...если только вам самому это не нравится, конечно. Я не враг, по крайней мере сейчас. Поверьте: в ином случае ваша жизнь давно бы угасла. Как свечку задуть. Мы пришли сюда не за вами, но уж раз вышла такая встреча — желаю поговорить. Вы ведь не против?..

Робин не мог ответить, но в любом случае — едва ли у него имелся выбор. Женщина приподнялась: рыцарь только почувствовал это, не имея возможности повернуться и увидеть гостью. Её рука забралась рыцарю под шею, острые ногти попробовали кожу на прочность.

— Вам вернётся дар речи, но только давайте условимся: это разговор, вы не будете кричать. Всё равно никого не разбудите. Здесь кричи, не кричи... всё едино. Просто не люблю шум. Хорошо?..

Робин действительно не закричал, хотя хотелось — когда стало ясно, что он в силах ответить. Но и никакие толковые слова на ум не пришли. Пришли лишь такие, которые люди вечно повторяют, если не знают, что делать и говорить.

— О святая Белла, Благодетельная Дева, силы небе...

Молодой Гаскойн молился редко, но сейчас было самое время.

Женщина тихонько рассмеялась, и смех вышел жутковатым. Не безумным, как у рыжей из сна — скорее фальшивым. Словно гостья знала, как и когда надо смеяться, однако не могла понять, зачем именно люди это делают.

— Да что вы! Ну откуда здесь Благодетельная Дева? Я разве на неё похожа? Разве эту Святую Беллу желают встретить ночью, ммм?.. Толку-то от неё в ночи?

— Ты... кто ты?

— Уж точно не святая Белла! Да и Творца Небесного можете не кликать: он не придёт сюда. Называйте меня Гелла. А кто я... Да вы ещё вечером догадывались, кого в этом доме можно встретить, не правда ли? Это паладинам грезится, что они больно много знают о моей породе.

Последние слова спокойствия сиру Робину не прибавили. Говорить он уже мог, но шевелиться — по-прежнему нет, и собеседницы не видел; только ощущал ласковые прикосновения.

— Не волнуйтесь. Вы храбрый, благородный рыцарь. Воспринимайте это комплиментом. Я, знаете ли... — холодная ладонь пригладила его волосы. — ...в рыцарях кое-что понимаю.

— И... что тебе здесь нужно?

Снова послышался смех.

— Мне? Здесь?.. Это наш дом, вообще-то. И вы в моей постели. Я бы лучше вас о том же спросила, но не буду: сама знаю. Это не случайность, что добрые рыцари пришли сюда. Ведь Мартин не должен был оказаться у вас. А раз так вышло, то не было ему дороги короче. И вам вместе с ним: так уж выходит. Случайности бывают случайными гораздо реже, чем вам кажется...

— Оставьте Мартина...

— Мартин немного изменился, вы могли это заметить. У него теперь другие заботы и другая роль: не быть ему рыцарским сквайром, да и рыцарем не стать. Но не волнуйтесь за мальчика. Ничто плохое не грозит ему. Скорее наоборот: поверьте, мы его вовсе не разочаровали.

Гелла нащупала золотой крестик на груди Робина. В церкви говорили, что крест хранит от всякой нечистой силы, страшнее огня для неё: либо ошибались, либо женщина в постели Робина была чем-то другим.

Эту мысль она словно прочитала. Или не «словно».

— Вы все так веруете в силу этой милой безделушки! Даже жаль, что она защищает от всякого... зла, как вам угодно выражаться — не лучше, чем от меча или стрелы. Но я не крестиках и не о Мартине хотела побеседовать. Есть важный разговор.

— Почему со мной?..

— А с кем же? Тиберий фанатичен в своей вере, дальше носа едва ли увидит... Как ни стучись, хоть и стоит попытаться. А вы, сир Робин, дело другое... И мне есть что вам сказать. Но хочу прежде убедиться, что вы относитесь ко мне серьёзно и поутру не станете обманываться, будто лишь видели кошмарный сон. Знаю эту скверную человечью привычку. Не зря же я пыталась оказать любезность тем, как именно пришла?.. Я даром времени не трачу.

Что бы женщина себе ни думала, Робин такой «любезности» не оценил совершенно. Неспроста маленькие дети прячутся под одеялом от всяких страхов: встретить нечто прямо в постели куда хуже, чем вглядываться в тёмные углы.

— Простите, сир Робин, если это напугает вас пуще прежнего... Не всё, что вы видели во сне, было сном. Такая вы, человеки, порода: любой пьяный бред готовы почитать проявлением того, во что веруете... Но едва пытаешься с вами говорить, как сразу прячетесь за трусливую мысль: дескать, то нечистые силы обманывают.

Потянув Гаскойна за бессильные плечи, женщина перевернула его на спину. Только теперь рыцарь увидел Геллу, ловко усевшуюся на него верхом. Это именно она стояла во сне около прялки, никаких сомнений. Пышные чёрные волосы струились до самого тела Робина. Они же были единственным, что прикрывало грудь ведьмы.

Робину подумалось: женщины красивее он никогда не видел.

— Теперь-то вы должны понять: коли я морочу, то ни за что не отличить истины от лжи. Таков ведьмин удел, если верить сказкам да святым книгам: смущать род человеческий? Быть может, это отчасти правдиво. А раз так, нет мне нужды словами лгать вам в лицо. Поэтому выслушайте. Вы готовы?

Робин хотел ответить, но в горле и раньше-то было сухо — а теперь его словно крючьями рвали при попытке что-то произнести. Не слушающиеся руки сами собой дрожали. Гелла выразительно покачала головой: её волосы сдвинулись, на мгновение приоткрыв грудь.

— Вы не готовы. Ну что такое? Вас так сестрицы мои напугали? Не держите зла: они... от меня несколько отличаются, и есть тому причины. Ну же, сир Робин, ммм... как мне вас успокоить?..

Сколь бы ни был напуган — рыцарь понемногу чувствовал то, что и полагается чувствовать, будучи в постели с прекрасной женщиной. Гелла коснулась грудью его груди. Кончики их носов мягко соприкоснулись следом, да и губы почти соединились. Только теперь Робин разглядел, какие у ведьмы необыкновенные глаза: голубое с янтарным пополам. Гелла пахла чем-то приятным, травяным и свежим.

— Любопытно: не будь вы лишены сил, полезли бы теперь за оружием? Или нашли бы рукам применение получше?.. Я ведь знаю, какой вы. Лучше вас самого знаю. И об этом тоже поговорить хотела: женщины. Женщины вас сгубят, сир. Ваша к ним искренняя страсть.

Что правда — то правда. Как отрицать великую любовь Робина к женщинам, если даже сейчас не все его мысли были связаны с кинжалом и мечом? Гелла улеглась на рыцаря — к одной его щеке прижавшись своей, а другую лаская пальцами.

— Паладины, с которыми вы спутались, затеяли дурное дело. Дурное в своей бессмысленности. И у них, и у вас очень скоро будут заботы посерьёзнее. Угроза много страшнее деревенских девок, гадающих да сушащих травы — и уж точно пострашнее меня. Магистру Тиберию сужден свой рубеж, Мартину свой... и вам тоже. Ваш, сир Робин, здесь: в Вудленде. Вы нужны этому краю, поверьте. Жизненно необходимы. Как будущий барон. Как лучший из рыцарей — уже скоро таковым станете. Вы понимаете, к чему веду?

Робин не понял — уловил только лестно прозвучавшее. Насчёт «лучшего из рыцарей».

— Женщины, сир Робин... вам ведь всегда мало, правда? Они все такие разные, и каждая мила по-своему... Уж новизной — так точно, а вы столь молоды, что вам почти всё в новинку, верно? Это трагическая слабость. Если пойдёте у неё на поводу — не ждите добра. Сгинете ни за что, оставив свой край без правителя. Без опоры и почти без надежды.

Гелла говорила, кончиком носа выводя фигуры на его щеке. Нежные прикосновения отвлекали от сути слов, но иначе стал бы Робин слушать вообще?

— А пойти на поводу у желанья так легко... уж мне ли не знать! Сколько ещё вас будут прельщать крестьянские девки? Взбудоражит ли вас какая-нибудь дурнушка из местных девиц на выданье? Али из неверных жён ваших вассалов? Нет. Вас потянет в столицу, ко всему новому: дамы, пиры, турниры. И к вашему старому другу, принцу Бернарду. Скучаете по нему, правда? Представляете, если вдруг Бернард призовет вас к себе, нуждаясь в поддержке — а тут и все соблазны большого города? Вам тотчас захочется упорхнуть из гнезда, такому прекрасному молодому соколу. Так вот, сир Робин...

Гелла клацнула зубами у самого уха — Робин вздрогнул бы от неожиданности, не будь парализован. Ведьма заставила сконцентрироваться на своих следующих словах.

— ...так вот: не делайте этого. Найдите силы отказать другу в помощи. Сумейте умерить свои амбиции. В столице желанные женщины, блистательные турнирные противники... и новые добрые друзья, возможно. Однако и враги похуже гвендлов: там в ходу не только мечи. А вы сами отчаянно нужны здесь. Всех ждёт впереди мало хорошего, но пока ещё можно обойтись малой кровью, если никто не станет делать глупостей. Паладина я едва ли уберегу, но вполне могу уберечь вас.

Она соскользнула в сторону, прижалась сбоку, положила голову Робину на плечо. Ведьма всё ещё пугала рыцаря, но понемногу то делался иного рода страх: влекущий, а не

отгалкивающий. Вроде страха, который бурный океан внушает моряку — такой лишь заставляет сделать шаг вперёд.

— Вы думаете, что я вас обманываю. Неудивительно: все женщины суть лживые создания, а уж ведьмы-то вдвойне. И я тоже, но сейчас я не лгу. Немного труда составит сделать так, чтобы вы сами упали предо мной на колени и внимали каждому слову. Но нет... лишь по доброй воле. Вы должны быть вождём, опорой своих подданных, а не моей игрушкой. Недолговечной к тому же: которую я скоро выпью до дна и выкину. Потому предлагаю последовать доброму совету.

— Доброму? Ты ведьма.

— Доброму. Когда на пороге ужасный век, из Тьмы вернее совет шепнут. «Если я в настоящей беде — пусть грешник придёт на помощь»: вы помните, кто это сказал? Принц Бернард справится без вас. Найдутся люди, которые помогут ему. И подвигов на ваш век хватит без турниров, ой как хватит! А что до женщин, сир Робин...

Её новое прикосновение оказалось совсем неприличным — и волнение вызвало понятное. К своему удивлению, Робин и в неспособности пошевелиться нашёл нечто будоражащее. Странное, противоречивое чувство. Удивительно рыцарю чувствовать себя беспомощным. Удивительно и... интересно.

— ...что до женщин: лучше меня нигде не найдёте. Заскучаете в Вудленде — так позовите. И я тотчас, сир, вся ваша. Вся ваша... Питаю давнюю слабость к знающим, что делать и с мечом, и с женщиной. Это меньшее, что я могу с радостью сделать для вас, для Вудленда, для королевства Стирлинг, для рода человеческого... И для своего тоже.

— Как же это: теперь ведьмы о людях заботятся?

Вопросом Робин больше хотел отвлечься от того, что невольно начало рисовать воображение.

— Не слышали, сир, что благими намерениями устлана дорога к Нечистому? Так ведь это работает в обе стороны: иной раз от Тьмы исходит благо. Представления человечьи о Свете и Тьме до того смешны... Ничего вы не знаете ни о том, ни о другом, сир Робин. Ни о том, кому молитесь. Ни о том, кого боитесь. Я понимаю, что выражаюсь туманно, но тому есть причина. У меня много гордости. И обоснованной: я не деревенская травница. Занимаю, знаете, некоторое положение... Потому рассчитываю на доверие. Сюзерены не упрощают вассалов им служить, и церковь с паствой не ведёт богословских дискуссий. Вот и я долго уговаривать не стану. Не послушаете — ваша печаль: горько выйдет, но незаменимых среди человеков нет.

Робин, конечно, доверия испытывал мало. Однако и не уверился, что слышал одну ложь: отец недаром говорил в подпитии крамольные вещи. Подозрения питались недосказанностью — да темами острыми и скользким, как предостережение о принце Бернарде. Однако Гелла ясно дала понять, что хочет доверия авансом.

Чёрные волосы щекотно проползли по лицу, и Робин угадал, что теперь случится: губы ведьмы коснулись его губ. Совсем ненадолго, скупое, но он даже успел немного ответить. Гелла хихикнула, оторвавшись от него, и мягко отвернула голову рыцаря к стене: не слушающаяся шея была бессильна помешать.

— Уж не знаю, что вы решите, сир Робин, однако прощаться не буду. Скажу: до встречи. Поспите немного. Не переживайте: с утра будете в порядке.

Робину трудно было поверить, что он теперь сумеет уснуть, однако именно это почти сразу и произошло.

Утром паладин-магистр Тиберий настоял на одном: не обсуждать, кто что видел ночью.

Рассветные разговоры о кошмарах, мучивших накануне каждого по-своему, вышли тяжёлыми. Они не струились, как обычная беседа, а текли вязко, подобно чёрной смоле. Отрывистые фразы ощущались липкими — и снова возвращали рыцарей туда, куда им не хотелось.

Тиберий, быть может, меньше всех желал вспоминать свой кошмар. Даже исчезновение Мартина Мика его теперь мало заботило.

Хотя Мартин действительно исчез, что было происшествием чрезвычайным. Дозорные не видели ночью ничего подозрительного, в том числе выходявшего из дома оруженосца — или говорили, что не видели. В самой хижине с вечера ничего не изменилось: ни малейших следов хоть каких-то событий. Только очаг потух.

— Он с вечера вёл себя странно. Тронулся умом мальчик, вот и убежал...

— Умом тронулся, это правда. Однако уйти незамеченным ума ему хватило.

— Нужно искать. Он может погибнуть в лесу.

— Где же теперь искать?.. Нас слишком мало, лес слишком велик. Судьба Мартина в руках Творца Небесного...

Спавшие этой ночью в доме выглядели хуже тех, кто провёл её под кронами деревьев. Лишённые сил и лишённые духа, они были подавлены как видениями, так и пропажей юного сквайра. Что до магистра, то ему снился не просто кошмар: нечто худшее.

Всего два образа пришли к нему ночью, и оба — знакомые. Один был искажённой до уродства копией Тиберия: словно зримой формой тёмных уголков души, которая всегда была устремлена к Свету. Из чего соткано чудовище, в котором магистр едва узнал себя? Из страстей, от которых смертному окончательно не избавиться? Из самой греховной природы рода людского? А может, того хуже, это была тень самого ужасного порока — сомнений Тиберия в вере?

Неизвестно. Кто знает: может, то был сам Нечистый, пытавшийся через сон найти лазейку, брешь во внутренней броне магистра. Не стоило рассказывать никому, даже Корнелию и архиепископу. Иерархи не должны видеть слабость того, кто среди воцаренных обязан быть самым сильным.

Тиберий во сне сражался с чудовищем — в стенах проклятой лесной хижины. И силы оказались почти равны, однако исход поединка остался неизвестным. Да, паладин хотя бы не проиграл: что это могло значить? Победу над скверной и искушениями? Или только ложную надежду на победу? Такова главная хитрость Нечистого: убедить добрых верующих, будто он слаб.

Магистр ордена исполнился сомнений, но из-за другого ночного образа не мог сосредоточиться на мыслях о душе. Нет, мысли упорно сворачивали к низкому. К тому, о чём паладин так старался не вспоминать уже много лет.

Проклятые лазурно-бирюзовые глаза были хуже любого чудовища. По причинам самым веским и самым болезненным. Лицо, образ прогнать из сна удалось — однако после паладина преследовал уже сам цвет. Тиберий видел и небо, и листья, и траву этих ненавистных оттенков. В лазурном небе бирюзой отливали звёзды. Чудовище-то исчезло вместе со сном, но куда теперь деться от воспоминаний? Лазурно-бирюзовый кошмар и

наяву незримо продолжался...

Никогда в жизни настолько не хотелось нарушить обеты, выпив чего-то крепкого.

— Паладин Деметрий прав. Нас слишком мало для того, чтобы найти Мартина: он мог уйти очень далеко. И совершенно непонятно, в какую сторону. Меня судьба сквайра тревожит не меньше вашего, однако нет иного пути, кроме как действовать по плану. Мы дождёмся Винслоу с людьми для поисков. Обшарим тут всё. Как знать: может, и Мартин отыщется неподалёку.

Сын барона проснулся позже всех. Он был единственным, кто ничего не сказал о прошедшей ночи, а выглядел весьма целеустремлённо: едва показавшись из комнаты, облачился в доспех и направился готовить коня. Неужто Робин забыл, ради чего рыцари здесь? Сообщение об исчезновении Мартина Мика не удивило его, словно юный Гаскойн и так всё знал.

— Куда вы, сир Робин? — поинтересовался Тиберий.

— Я должен ехать, срочно. Прошу простить... Здесь от меня всё равно немного проку. Ведь мы не встретили врага.

— Но всё-таки, куда вы едете? Я должен знать, если это не тайна.

Робин Гаскойн затягивал подпругу седла. Мыслями он был где-то далеко, на магистра даже не смотрел. С молодым Гаскойном что-то не так, это точно...

— Вулмен.

— Вулмен?..

— Деревня... та, где я нашёл Мартина. Нет времени объяснять, магистр! Увидимся в Фиршилде, я надеюсь.

Конь понёс Робина Гаскойна прочь: коренастая фигура быстро скрылась за деревьями. Тиберий не переживал за рыцаря. Тот умел постоять за себя, да и судьба Робина никак не касалась паладина, если подумать. Но что юноше так срочно понадобилось в деревне?.. Ещё один вопрос без ответа, оставшийся после ужасной ночи.

Сир Вилфорд Винслоу обещал явиться на рассвете — и не опоздал. При нём снова было немного воинов, но зато Винслоу пригнал целую толпу крестьян из Колуэя: как сам объяснил, наиболее смышлёных. Особых признаков ума Тиберий в этих чумазных лицах не заметил, но лишние глаза и руки пришились кстати. Начались поиски.

Винслоу, который так испугался этого странного места вечером, нынче воспрянул духом: вероятно, потому что увидел паладинов невредимыми, пусть и в дурном настроении. На Мартина ему было наплевать. Тиберий обмолвился о тяжёлых снах, виденных в доме всеми, но Винслоу его слова пропустил мимо ушей.

Наверное, он вообще не задумывался о такой ерунде, как сны.

Рыскали вокруг дома, по окраинам леса и болоту почти весь день: лишь прервались для обеда, на чём сир Вилфорд особенно настаивал. Прихватить из Колуэя снеди он не забыл. Паладинам и рыцарям Перекрёстка кусок в горло не лез, но местные ели с аппетитом.

Поиски не дали ничего. Округа выглядела так, будто люди здесь не ходили очень давно, да и крупные звери тоже. Ни малейших следов. Это разочаровывало в вопросе судьбы Вермилия и заставляло сильнее переживать о Мартине.

— Творец Небесный... как сквозь землю.

— Слово призраком обратился да улетел.

Таковы были суждения Деметрия и Амадея. Те, кто ночью стоял на посту, не стремились высказывать соображений. Тиберий поймал себя на мысли: сквайры и рыцари,

бывшие снаружи дома, ведут себя неестественно. Как будто им было что поведать о прошедшей ночи. Не про сны, а про явь.

Так ничего и не нашли. Крестьяне из Колуэя божились, что видят дом впервые и никогда о нём не слышали.

Тиберий помнил и убежавшую девочку, и странную ухоженность дома, где будто только что гостей принимали — но не оказалось никого. И умом, и сердцем он ощущал здесь недоброе: куда острее лёгкой вечерней тревоги. Однако аморфные ощущения не прояснят судьбу Вермилия, не вернут Мартина и не удовлетворят столичных иерархов. Нужны конкретные ответы!

Магистр задумался, глядя на проклятую хижину. Начинался дождь, капли барабанили по куполу шлема.

— Сожжём?.. — спросил Деметрий: Тиберий и не заметил, как тот подошёл.

— Если не сожжёте, я сам это сделаю. Дурной дом! — заявил сир Вилфорд.

Тиберий быстро взвесил «за» и «против». Дом не содержал того, что паладин привык считать признаками колдовства. Но и ничего хорошего в нём точно не было. Возможно, Конгрегация чистоты веры и сам епископ Корнелий знают о нечистой силе не всё?

Корнелий учил просто: сомневаешься — жги. Пламя очищает, а за пределами церкви нет ничего, что не нуждалось бы в очищении. Хотя бы отчасти.

— Пусть горит.

Под морозящим дождём хижина разгоралась неохотно. Кто бы ни был хозяином бедному, но уютному жилищу — не так уж много он потерял. Эта мысль в голове паладина прозвучала и успокаивающе, и горько: смотря чей всё-таки дом рыцари предали огню. Двойкая, двойкая мысль...

— Успеем в Колуэй до темноты! — Винслоу был доволен и этим фактом, и чёрным столбом дыма над хижинкой. Пламя всё-таки брало своё.

«Ведьмин дом»: так Вилфорд сказал вечером. Он оставался железно уверенным в своей правоте: меньше ума — меньше колебаний. Это магистр, обременённый многими знаниями, был обречён на многие сомнения.

Тиберия вид дыма и огня никогда не воодушевлял. Пламя свято, но у магистра с ним были связаны дурные воспоминания. Те самые, что обострились от ужасных снов в лесной хижине. Он так поспешил взобраться на коня, что едва не соскользнул со стремени. Вот был бы позор!

На обратной дороге почти всё время молчали. Радоваться было нечему, а люди собрались не склонные к пустому нытью. Крестьяне шли пешком, сильно устали за время поисков — поэтому к Колуэю приближались медленно.

— У вас есть мысли, что делать дальше, сир Найджел?

Рыцарь в чёрном сюрко пожал плечами. Тиберий и не рассчитывал услышать много соображений — хотел лишь как-то разорвать унылую тишину. Однако, чуть подумав, Найджел заговорил.

— Ясно одно: не найти нам уже никаких следов. Но и отступить вы не согласитесь, правда? Я тоже не желаю. Нужно удостовериться, что к исчезновению паладина не причастны жители Лостера. Хотя бы ради того, чтобы Винслоу успокоился: иначе, боюсь, без нас он отправится искать правды по-своему. А после займётся гвендлами... Кто-то из них должен что-то знать.

— Если потребуется, пойдём прямо в Восточный Лес. Со мною почти полсотни, у вас

не меньше наберётся, а ещё возьмём людей барона. Будет нужно — истребую подкрепление из столицы. Не нам бояться неверных!

— Мои люди тоже не боятся язычников. Не забывайте, что пропал не только ваш брат по оружию, но и двое моих. Орден Перекрёстка этого врагам Творца Небесного не спустит: мы готовы на всё, чтобы докопаться до истины и отомстить. Можете полностью на нас рассчитывать.

— Отрадно это слышать, сир Найджел. Вы были и остаётесь примером для всех рыцарей.

— Благодарю, магистр. Мы добьёмся своего, чего бы это ни стоило.

Солнце уже клонилось к горизонту, а так и не показалось из-за туч. Зато прекратился дождь, и это радовало. Тиберию уже не хотелось о чём-либо думать сегодня: желание осталось одно — лечь в постель и наконец-то нормально отдохнуть. Страшная ночь совсем не вернула сил, а унылый день отобрал оставшиеся.

Колуэй выглядел мрачнее прежнего. Тиберий не сумел бы объяснить, в чём именно выразилась таковая перемена: поначалу даже списал впечатление на собственную разбитость. Но нет, нет. От деревни издали веяло тревогой.

У ворот рыцарей встречало необычайно много людей: и воины Винслоу, и братья Перекрёстка, и люди в церковных рясах. Это не могло не насторожить. Похоже, что-то случилось. Тиберий пустил коня рысью. Так же поступили прочие всадники: пешие сразу отстали. Сержант в красно-синем со священником сами вышли навстречу.

— Что стряслось?

Сержант бросился объяснять, но Тиберий совершенно ничего не понял: белиберда бессвязная. Местный отец церкви, имени которого Тиберий не запомнил, перебил воина. Он изъяснялся чуть более внятно, хотя был очень взволнован.

— Магистр... тут не обойтись без вас! Кажется, нечто... прояснилось насчёт судьбы паладина Вермилия. И помимо того... ох! Это не расскажешь в двух словах. Вас ожидают, сир. Поспешим.

Ожидают? Интересно...

— Поспешим, коли так.

События снова ускорили ход. Вчера Колуэй принёс неожиданные вести о Вермилии, но оказалось, что это был ложный след. Или, по крайней мере, заведший в тупик. Однако надежда узнать что-то быстро вспыхнула снова — это придало Тиберию сил, хотя и немного.

На этот раз рыцари не повторили вчерашней ошибки: спешиваться не стали. Тем более что дождь размыл деревенские улицы пуще прежнего, и грязь громко чавкала под копытами могучих коней. Священник вёл всадников к церковному подворью — туда же, где говорили с сиром Робинотом.

За частоколом Колуэй оказался ещё мрачнее, чем со стороны. Местные попрятались по домам, заперли двери и закрыли ставни, у кого они имелись. Огней почти не было. Стояла гнетущая тишина.

— Так кто нас ожидает?

— Вы... ну... вы сами увидите.

Опять Мартин? Или кто-то прибыл из Фиршилда? Паладины... а может, сам барон? Что ещё могло произойти? В уставшей голове мысли ворочались медленно. Рыцари подъехали к церковным строениям, слезли с коней. Во дворе церковной общины было полно вооружённых людей, и все они молчали.

— Да что происходит?!

— Пройдёмте, магистр, пройдёмте...

Священник привёл Тиберия, приора, паладинов и Винслоу в ту же комнату, где вчера днём сидели Мартин и Робин. Теперь защитников Церкви ждало здесь совершенно иное. Ни одна из версий, успевших родиться у магистра, не подтвердилась.

Голос священника задрожал:

— Солдаты доложили м-мне о ней. Эту ж-женщину некоторые будто узнают, но никто не сказал о ней н-ничего. О-она назвалась...

— Довольно мямлить, прошу вас.

— ...ведьмой. Так и сказала. Она желает поговорить с вами, магистр. О палатине Вермилии.

Тиберий подумал было, что ослышался. Сколько лет он служил Церкви — любая колдунья всеми силами избегала святых рыцарей. Да что уж там! Ни в одной деревне никто в здравом рассудке не объявил бы себя ворожеей или колдуном — каждому известно, чем это кончается. Нелепица!

Не говоря уж о том, что ясно декларировал епископ Корнелий в своей книге: ведьма никогда по доброй воле в церковь не войдёт. И при чём тут Вермилий?..

Женщина сидела за столом, склонив голову: её сторожили одоспешенные сквайры Перекрёстка. Незнакомка не была ни связана, ни закована: вопрос по этому поводу Тиберий задал священнику первым делом.

— Нет нужды, к тому же... мы видели кое-что. Помилуй нас Творец Небесный!

Чушь. Возмутительный фарс! Тиберия было нелегко разозлить, но теперь он закипал, причём стремительно. Нужно взять себя в руки. Никто, кроме магистра, порядок не наведёт.

— Выйдите все, кроме приора Найджела, сира Вилфорда... и вы, Деметрий, Хирмений Амадей, останьтесь. Остальные — вон! Закройте двери.

Такой приказ и охранники, и отец Церкви были рады исполнить. Дверь затворилась. Тиберий, памятуя о вчерашнем малодушии Винслоу, думал выгнать и его. Однако под сводами церкви сир Вилфорд страх перед нечистыми силами вновь утратил начисто.

Света в комнате имелось достаточно: может, даже больше нужного. И места на всех хватало, так как комната, по всей видимости, обыкновенно служила трапезной. Сейчас утвари на столе не было — лишь россыпь мелких предметов. Беспольный хлам: косточки, камешки, угли, клочки шерсти и спутанные нити, зёрна и сухие плоды.

Магистра признания в колдовстве сейчас интересовали мало. Он сразу задал главный вопрос:

— Паладин Вермилий. Что о нём?

— Как невежливо... ну где же столичные манеры? Сначала предаёте огню приютивший вас дом, такой уютный в холодную ночь — а теперь и имени моего не спросите, достопочтенный паладин-магистр Тиберий?..

Женщина подняла голову, и Тиберий наконец увидел что-то, кроме скромной крестьянской одежды и совсем не по-деревенски ухоженных угольно-чёрных волос. Красивое бледное лицо. Глаза, чудно сочетающие голубой и янтарный цвета пополам.

Магистр собрался повторить вопрос, но Вилфорд Винслоу заговорил прежде.

— Позвольте-ка, магистр, я поясню этому отродью, как палатину отвечать должно!

Наглость Винслоу сбила Тиберия с мысли. Он ещё не придумал, как лучше осадить рыцаря — а женщина снова заговорила.

— Можете удовлетворить просьбу сира Винслоу: он мастер вести беседы в определённом ключе. Большой, большой мастак в этом деле... Конечно, разговора у нас тогда не выйдет, зато зрелище получится интересное.

— Сир Вилфорд, обождите, прошу вас. — Тиберий убедился, что Винслоу его понял, а затем вернул взгляд к янтарно-голубым цветам. — Хорошо. Назовись.

Она улыбнулась. Паладинам не пристало восхищаться женщинами, однако Тиберий не смог избежать мысли: давно не видал ничего прекраснее этой улыбки.

— Гелла... зовите меня так. Вы выглядите смертельно уставшим, магистр, но должна признать: даже в таком состоянии вы удивительно красивый мужчина. Истинный рыцарь, как с картины! Ох, на что вам эти обеты безбрачия... Уж я бы не отказалась уединиться с вами при лунном свете. Простите-простите: увлеклась. Немудрено: что у одинокой женщины ещё может быть на уме?.. Но вы не думаете о всяких глупостях. Вы сразу переходите к делу, сразу спрашиваете о Вермилии.

— Спрашиваю.

— О... люблю твёрдых мужчин. Умеющих приказывать. Уж я бы послушала ваши приказы, только другие... Успеем поговорить о Вермилии: никуда старый осёл не денется. Понимаю, вас беспокоит его судьба, но ведь интересует и кое-что другое, верно?

Гелла вела себя совсем не так, как обычно для людей в шаге от пытки и костра. Это само по себе интриговало, однако от Тиберия не ускользнули и слова про сгоревший дом. Что-то тут не то.

— Гелла. И утверждаешь, что ты ведьма?

— Самая настоящая.

Кто-то за спиной Тиберий выразительно хмыкнул. Смешно, да.

— Ты безумна. Любая ведьма отпирается до последнего, и ни одна не приходит с признанием: наказание за порочную связь с Нечистым одно.

Гелла закатила глаза.

— Я ведь не девчонка, которую винят в том, что коровы в деревне не доятся. Я о своей природе с гордостью говорю. И прямо, потому что Вермилий совсем не показал догадливости: беда с вами, с паладинами... Святым книгам верите, а глазам да ушам — нет.

Гелла грациозно выпрямилась на стуле, закинула ногу за ногу, сложила руки под внушительной грудью. Чёрные линии бровей, такие яркие на бледном лице, мрачно сблизились.

— Я ведьма. Понимаю, вы впервые слышите это не после дыбы или калёного железа... зато впервые для вас эти слова правдивы. Мне что же — вылететь в печную трубу на метле, чтобы вы поверили? Показать пару ярмарочных фокусов?.. Не будьте таким же дураком, как Вермилий.

Тиберию пришлось схватить Вилфорда Винслоу за руку, чтобы удержать на месте. Сир Найджел — и тот привстал, Хирмений прошипел что-то, а Амадей вовсе согрешил бранным словом. Магистр был единственным, кто при этой дерзости сохранил самообладание.

— Ты встречалась с паладином Вермилием? Где и когда?

— Да там же, откуда вы нынче прибыли. В ту самую ночь, когда он ехал из Лостера. Чу, чу! Предвосхищу вопросы. Помолитесь за душу Вермилия, потому что его больше нет. Как и сира Брюса, и сира Гордона. Не подумайте: я не убивала.

Уже не впервые Тиберий слышал, что паладин Вермилий мёртв. И в это было легко поверить, но ведь Мартин-то жив?

— Кто же его убил?

— Не то чтобы убил... не суть. Вам имя ничего не скажет, и объяснений не поймёте. Про него кое-что написано в этой вашей книге, «Пламя очищающее». Но написана полная чушь.

— Порочить слова епископа не смей! — возмутился приор Найджел, хотя странно было ожидать иного от той, что открыто признавалась в колдовстве.

Гелла рассмеялась в голос, совершенно бесстыдным образом.

— Да я всем естеством своим порочу слова Корнелия! Ну же: поднесите крест, обрызгайте меня святой водой, как там ещё положено? Вы знаете о моей породе меньше, чем ничего. Наслушались припадочных фантазий борзописца... Деревенские сплетницы ведают о настоящем колдовстве больше вашего.

Магистру опять пришлось утихомиривать спутников.

— Успокойтесь, братья! Так... Безумна ты или нет, Гелла, но раз говоришь о судьбе паладина Вермилия, то слова нужно чем-то подтвердить. Как опознать ведьму, учить нас не надо. А что до Вермилия — чем обоснуешь эти слова?

— Ммм, вот оно что.... Вот это уже разговор по делу...

Гелле явно понравился такой поворот. Она откинулась к спинке стула, красиво изогнула спину, вновь улыбнулась.

— Я могу доказать, что говорю правду. Но не собираюсь делать этого сразу. Вы ведь не станете более со мной беседовать, узнав всё желаемое? А я обо многом поговорить хочу. Поясню для начала, ради чего пришла и зачем раскрываю судьбу вашего драгоценного паладинишки...

— Магистр, я терпеть это отказываюсь. — заявил Найджел.

Тиберий собирался потерпеть. Много довелось вести бесед с подозреваемыми в колдовстве и осуждёнными за таковое — но ничего похожего на эту. И одно правда: Гелла больше любой другой напоминала настоящую ведьму. В этом выводе Тиберий руководствовался ощущением, а не знанием.

Один только взгляд чего стоил... В голубое с янтарём тянуло, словно на краю пропасти: когда страшишься не случайно сорваться, а сигануть в бездну сознательно. Тем временем Гелла продолжила.

— Я понимала, что вы приедете искать Вермилия. Именно на это рассчитывала — ради нашей беседы. Так уж вышло, что сама я не могу посетить Кортланк. Не уйти мне далеко от Орфхлэйта. А доказательства гибели паладина, которые вполне удовлетворят архиепископа, вы получите лишь ради одного: чтобы понять бессмысленность и вред всего, чем Вермилий здесь занимался. И того, чем пытаетесь заниматься вы сами. Рыцари Церкви не уйдут из Вудленда, не выяснив судьбы такого важного человека, это ясно... Главное, чтобы все они ушли после.

Тиберий счёл это не очень удачной шуткой.

— Ты рассчитываешь, что защитники Церкви подчинятся слову... ведьмы, предположим?

— Ну нет. Я собираюсь рассказать вам о том, что действительно важно, и подвигнуть исполнять истинный долг как следует. Вы же защитники веры, так? А на вере в Творца Небесного стоит всё королевство Стирлинг: власть короля дана от его, Творца, имени. И на правление помазан король архиепископом, верно? Вам очень скоро будет что деятельно защищать... ноне здесь, не в Вудленде. Об этом крае найдётся кому позаботиться... и это

будет правильно. Порядок. Как заведено. Колесо катится, свершается круг. Нарушите порядок — всё рухнет, а вы уже нарушаете. Я многое расскажу, если вы готовы слушать и верить.

Это уже слишком. Тиберий был готов говорить по-хорошему с человеком, желающим говорить. Но выслушивать наказания исполнять не волю церкви, руководствуясь её словом — а чью-то иную? Будь всё это соблазны Нечистого или простой бред сумасшедшей... Перебор. Так что в очередной раз сдерживать Винслоу паладин не стал.

Магистр отвёл взгляд прежде, чем покрытый латной перчаткой кулак Вилфорда достиг цели. Судя по грохоту, женщина упала вместе со стулом.

— Да-да, Винслоу, это ты можешь, я зна...

Дыхание Геллы сбилось от нового удара, и дальше сказать ей уже ничего не удавалось: только позвякивал с каждым движением доспех рыцаря.

Скоро Тиберий понял, что больше в сторону смотреть не может: это уже сочтут проявлением слабости. Сир Вилфорд к тому моменту порядком запыхался. Он согнулся пополам и шумно дышал. Гелла осталась в углу — бесформенным чёрно-серым клубком. Кое-как она приподнялась, оттолкнувшись руками от пола. Из-под скрывших лицо волос закапала кровь.

— Ты знаешь, что уже мёртв, Винслоу?.. — голос, однако, звучал вполне твёрдо и спокойно.

Сир Вилфорд вместо ответа с размаху опустил тяжёлый сапог на кисть Геллы. Под подошвой хрустнуло: Тиберий невольно поморщился.

— Не стесняйся, Винслоу: на мне быстро заживает. Покажи святым рыцарям, что...

Ведьма — раз уж так она себя называла, снова кубарем отлетела в сторону, ударившись головой об стену. Тиберий окинул взглядом своих людей. Паладинам всё это не нравилось, однако они сохраняли спокойствие — видя, что магистр не вмешивается. Гелла снова попыталась подняться: под ладонями на полу оставались кровавые разводы.

— Жаль, что у тебя не получится так просто перейти к... уфф... к части поприятнее... Правда, Винслоу?.. Сказать, почему?

Винслоу схватил женщину за волосы и поволок обратно к столу — с немалым усилием, потому что она совершенно тому не помогала. Тиберий понял: хватит.

— Сир Вилфорд, довольно!

Вряд ли Винслоу послушался: скорее, пыхтя и грязно ругаясь, просто не услышал распоряжения паладина. А потому успел от души приложить Геллу головой об край стола. Он собирался сделать это и ещё раз — но тут уж, повинуясь жесту Тиберия, его остановил Амадей. Сир Вилфорд попытался вырваться, не отпуская волос ведьмы. Его пухлое лицо покраснело, маленькие глазки смешно выпучились.

— Сир Вилфорд, успокойтесь! Вы её убьёте!

— Ну, это как раз вряд ли... — послышалось снизу.

В конце концов Винслоу всё-таки оттащили — клок длинных чёрных волос остался у него в руке. Магистру не пришлось указывать Деметрию, чтобы тот поднял стул и помог женщине сесть.

— А это было не зря... ещё лучше теперь видно, кто здесь какой рыцарь. — хлюпая носом, Гелла говорила уже не так внятно.

На её лицо теперь смотреть было страшно, но взгляд полностью сохранил прежнюю ясность и пронзительность. Казалось, будто Гелле вовсе и не больно: только кровь пыталась

вытереть рукавами платья, но без толку. Тиберий слегка сожалел о том, что позволил Винслоу действовать. С другой стороны — теперь магистр догадывался, почему самый жалкий из рыцарей на его памяти столь ценим бароном Гаскойном.

— Винслоу поведал вчера о своих подвигах, правда?.. Я знаю. Но он сильно скромничал. Я бы рассказала подробности, которые сир Вилфорд упустил, да только противно будет произносить вслух. Вы даже не представляете... наш благородный сир — самый омерзительный извращенец, какого только представить можно.

Истории про древко топора, рассказанной самим Вилфордом Винслоу, магистру хватило именно для такой характеристики. Оставалось догадываться, что ещё Гелла могла иметь в виду. Видимо, многое: как только она начала говорить, Винслоу снова принялся вырываться. Но, как и в лесной хижине, Амадей держал его крепко.

Правая кисть Геллы бессильно висела — явно была раздроблена, а левой ей с трудом удалось убрать волосы, прилипшие к крови на лице. Лучше бы она их не убирала, право слово.

— Что, Винслоу, ты не хочешь подробностей?.. Тебе ведь всё постепенно приедается: сначала нужно было, чтоб они кричали, верно? Ну, чтобы у тебя, ммм, получилось? А потом и этого стало мало. Неудивительно, что твоя жена ходит к конюху: с ней-то ты вообще ничего не можешь, от твоих привычек она мигом придёт в негодность...

Сир Вилфорд, зажатый в угол, истошно взревел. Геллу это весьма развеселило.

— О, так ты не знал? Ну надо же! Да, Винслоу, к конюху. И прямо сегодня, между прочим! Ты только не спеши беднягу вешать на воротах: на всех, с кем она трахалась, верёвки не хватит.

Сцена вышла за всякие разумные рамки, а Тиберий балаганом управлять не нанимался.

— Прекратите! Вы оба, ради Творца Небесного! Сир Вилфорд, всем здесь совершенно безразличны ваши семейные дела. Решите их позже без нашего участия. И ты тоже замолчи!

К чести Винслоу, он и правда постарался взять себя в руки. Амадей отпустил его, и тучный рыцарь отошёл в сторону, утирая взмокшее лицо — но не сводя злобного взгляда с женщины.

Гелла кое-как приняла достойную позу на стуле — почти как в начале, с некоторой помощью Дементрия. Но вот молчать не собиралась: только теперь обратилась уже к магистру. Тиберий мог её прервать, скорее даже должен был — сам не понял, почему не сделал этого. Такое ощущение, будто утратил волю, снова встретившись взглядом с янтарно-голубым. Неприятное ощущение.

— А я, магистр... ох... ммм... я ведь знаю, почему вам столь неприятно смотреть на эту... сторону вашего долга. Нет, конечно же: и потому, что вы не подонок вроде Винслоу, а достойный рыцарь. Без сомнения. Но не только поэтому. В каждой женщине, на каждом допросе вы видите одну и ту же, правда? Давно мёртвую? Вам из каждого костра слышится один голос?..

Вот это был удар в самое болезненное место. И самое потаённое: о котором почти никто не догадывался. У паладина всё скрутило внутри, и единственным желанием стало немедленно заставить ведьму замолчать — любым возможным способом. Однако магистр оцепенел и оказался бессилён сделать это. Он даже произнести ничего не смог.

— Такой сюжет... любовь и долг, хоть трагическую пьесу пиши. Вы ведь могли стать мирским рыцарем, и паладинские обеты тогда не помешали бы счастью, правда? Но так удачно долг борца с ересью вынудил уничтожить милый предмет, рождающий сомнения в

пути служения Церкви... Чудесное совпадение. Хотя случайности часто бывают не случайными. За десять лет вы почти забыли, а тут сны сыплют соль на раны, ммм?

Тиберий почувствовал, как капелька сползла по щеке; он сильно надеялся, что это пот. Позавчера паладин вынужден был ответить барону, что в действительности никогда не видел настоящего колдовства. Он не солгал, на тот момент так всё и обстояло.

А теперь?

Чему угодно, услышанному от Геллы раньше, паладин-магистр был готов найти рациональное объяснение. Её слова о Винслоу могли быть догадкой, ходящими по Вудленду слухами — или нечаянно попавшей точно в цель голой ложью. Даже слова о сожжённом доме можно объяснить. Но не это! Этого никакая женщина из Вудленда знать не могла. Знали лишь несколько человек в столице, за десять лет словом о том не обмолвившиеся.

Гелла видела его насквозь, это Тиберий осознал чётко. И лазурно-бирюзовый сон окончательно перестал казаться простым сном. Летать на метле женщине не потребовалось: как она и говорила в начале, довольно было просто послушать.

— Вы, человеки, так боитесь Преисподней... но правда в том, что персональный Ад начинается при жизни. И он обходится без демонов, без котлов кипящей смолы, без прочей ерунды из глупой святой книжонки. Ваш личный Ад, паладин Тиберий, весь такой... лазурно-бирюзовый.

Да лучше бы демоны и котлы. Что угодно другое! Казалось, всё вокруг Тиберия затихло: ему могло чудиться, а возможно, все рыцари и правда остолбенели, когда дело дошло до скелетов в шкафу самого магистра. Гелла смотрела Тиберию в глаза, и надо сказать, что взгляд её выражал вовсе не насмешку. Не злорадство. Она ранила рыцаря сознательно, но ради иного.

— Больно, наверное... но вы сами меня вынудили. Мы не творим бессмысленного зла, что бы человеки о нашей породе ни думали. Но как иначе, если вы глухи, когда пытаешься сказать по-хорошему?.. Это необходимое начало того серьёзного разговора, которого я желала. Вчерашнего сна оказалось мало? Хорошо, вот та же мысль наяву: вам, магистр, предстоит борьба за веру не только на полях сражений. Ваша собственная душа скоро станет полем битвы. И вы должны сосредоточиться на этом. Иначе выйдет дурно... причём гораздо раньше, чем вы думаете.

Она была ведьмой, без сомнений. А являлась ли ведьмой любая другая на памяти магистра, раз подобное происходило лишь теперь? Оцепенение Тиберия прошло, и если прежде он не мог ничего сказать или сделать — то теперь, пожалуй, просто не хотел.

Окровавленная женщина своей речью ещё не закончила. Невесть, видел это один Тиберий или все остальные тоже — но в глазах Геллы янтарно-голубое вдруг начало меняться, медленно сливаясь в один цвет. Неумолимо обретающий оттенок бирюзы.

— Знаю, добрый паладин... выглядит так, будто я пытаюсь посеять сомнения в вере. Но на самом деле наоборот. Я делаю вам больно, однако всё по-честному: поверьте, другие поступят более подло. Уже поступали. Так мы поговорим — или снова спустите этого жирного пса? Почему бы нет, пускай порезвится! Он всё равно скоро сдохнет.

— Магистр... — послышался голос Амадея. Тиберий лишь отмахнулся.

Потому что думал. Недавно он говорил Винслоу, что есть только два пути. В той ситуации, которая сложилась, их тоже было два: один простой и понятный, а другой — ведущий неизвестно к чему. Однако с детства паладина приучили считать сомнения злом. В таких ситуациях нужно поступать одним и тем же образом.

В соответствии с заветами епископа Корнелия, разумеется.

— Магистр?..

Сейчас и Амадей, и другие паладины, и приор Найджел, и даже Вилфорд Винслоу — все ждали от Тиберия не рефлексии, а решений. Разбираться в собственной голове ещё придёт час, сейчас надо отдаваться приказу. Вернее, только один приказ. Магистр собрался с духом.

— Вы все видели козни Нечистого, смущающего наши добрые души. Она ведьма, а значит, обеты велят нам только одно. Сжечь.

— Уж я позабочусь, не беспокойтесь! — откликнулся Винслоу.

Как бы то ни было, но Тиберий слышал от Вилфорда Винслоу слишком много, дабы оставить казнь на него одного. Барон Гаскойн утверждал: смерть — это смерть, и нет особенной разницы, каким образом она приходит к осуждённому. Тиберий согласиться не мог. Церковь соблюдала ритуалы, имеющие вполне конкретный смысл, описанные в книгах и распоряжениях архиепископа. Что до сира Вилфорда, то его представления об очищении мира от скверны были для паладина ничем не лучше деревенского самосуда. Скорее хуже: ведь Винслоу-то рыцарь. Уж какой-никакой.

Но заниматься казнью лично паладин не имел ни сил, ни желания. Он только и думал, чтобы убраться от лазурно-бирюзового кошмара как можно дальше. Было ли это возможно вообще? Трудно сказать, но одно Тиберий ощущал точно: даже если покоя не будет нигде, то уж рядом с ведьмой — тем более.

— Сир Найджел, прошу вас руководить казнью. Уверен, вы совершите её в точном соответствии с заветами Церкви. Сир Вилфорд, если желаете помочь приору — оставайтесь.

Для «точного соответствия заветам Церкви» был потребен суд, но приор Перекрёстка наверняка понял сказанное Тиберием правильно. Казнь должна выглядеть пристойно — а вовсе не так, как описывал сир Вилфорд свою с паладином Вермилием деятельность.

Ведьму костёр не напугал совершенно. Ничего, кроме разочарования, на её лице не читалось. И разочаровалась она не насчёт собственной судьбы.

— Вот каково ваше решение, дорогой Тиберий... Жаль, что не вышло разговора, но тут уж ничего не поделаешь. Магистр, а вы помните, что она кричала из костра? Она кричала, что прощает вас. Так вот, знайте: я тоже вас прощаю.

Тиберий ничего не желал отвечать. А ведьму отчего-то никто не прерывал, даже Винслоу.

— Сомневаешься — жги, всего и делов, верно? Книга епископа Корнелия делает жизнь доброго воцерковленного человека завидно простой. Да, пусть всё горит. Ведьмы, ваша смятенная душа, многострадальные земли Стирлинга — которым некому будет помочь. Так ведь проще?

Магистр снова промолчал, и Гелла дала ответ сама:

— Конечно проще. Гори это всё!

Гори, в самом деле. Приговор был вынесен. Приказ человеку, способному его исполнить — отдан. Магистр свой выбор сделал, а самообладания уже едва хватало, чтобы хоть сохранять видимость такового. Поэтому паладин просто вышел вон быстрым шагом, ни с кем не попрощавшись. Братья по ордену, следовавшие за командиром, ничего не спрашивали.

Тиберий плохо помнил, как добрался до коня. Возможно, последние слова ведьмы слышал уже не ушами, а прямо в голове. Не важно. Он не собирался задерживаться в Колуэе

ни единой лишней минуты.

«Видения» — неточное слово. Нельзя сказать, будто Мартин нечто именно видел.

Образы прорисовывались во всём, на что падал взгляд. Слышались в звуках вокруг. Возникали вовсе где-то в глубине сознания, не имея доступной обыкновенным чувствам формы. Сон наяву? Тоже нет... Речь не шла лишь о являемых Мартину картинах. Это был разговор.

Однако не «разговор», как его понимают люди. Общение не велось при помощи слов: подобное было бы просто невозможно. Вроде того, как человек и собака понимают друг друга, хотя речью собака не владеет. Или как перестукивание через стену, которая голосов не пропустит. Образы менялись, откликаясь на мысли Мартина, чутко на них реагируя.

Было страшно.

Пугала непонятность, конечно. Однако и понятное — не лучше, потому что Мартин не видел ничего доброго. Очертания городов, охваченных пламенем. Мёртвые лица людей, которые сейчас были живы. Толпы на площадях, растерянно застывшие в ожидании слова. Копыта бесчисленных коней, несущихся через поглощаемые мраком пасторальные поля. Рушащиеся стены могучих замков.

Мартин видел, как привычный ему мир рассыпается в ничто. Не только под натиском снаружи — но также и разрываемый изнутри.

Святое Писание описывало конец времён: час, когда Творец Небесный сокрушит Нечистого и воздаст по заслугам каждому. Но это не то. В знакомых картинах разрушения мира, построенного грешными по своей природе смертными, всегда имело место божественное присутствие. Здесь же — ничего подобного.

Если высшие силы были причастны к тому, что увидел Мартин — то они не имели ничего общего ни со Светом, ни с Тьмой, какими их описывала Церковь.

Конечно, он видел нечто тёмное, но оно не ощущалось именно злом. Сначала Мартин решил, что узрел нечто чуждое и добру, и злу — лежащее абсолютно вне этих категорий. Затем же он подумал иначе. Должно быть, Тьмой надвигающаяся масса представлялась лишь потому, что была непроглядна. Возможно, она не чернее утреннего тумана или молока.

Мартин понял немного. Он осознал некую угрозу: видимо, способную находить бесчисленное множество проявлений. Не заключённую в чём-то конкретном, не выразимую одним образом. Также он понимал, что отнюдь не с этой угрозой сейчас общается.

Истории о пророках, которым являлись ангелы Творца Небесного или сама святая Белла, были мальчику знакомы. Но конечно, его странный собеседник ничего общего с Творцом Небесным или ангелами не имел. Нечистого тоже напоминал не слишком, но уже значительно сильнее.

Калейдоскоп проникающих в разум картин остановил ход. Неверно было бы сказать, что Мартин очнулся: он и прежде оставался в сознании, просто теперь перестал видеть вокруг лишнее. Второй слой реальности померк. Остался только ночной лес.

Как Мартин здесь оказался? Этого он вспомнить не мог. Ясно лишь, что это не чаща возле Колуэя, где стоял ведьмин дом и сгинули рыцари Церкви. Совсем другой лес.

Деревья здесь росли довольно редко, и все они были какими-то искажёнными, перекрученными, потерявшими нормальные очертания. Земля вспучилась от толстых корней, меж ними петляли бесчисленные ручейки. Было на удивление светло, но Мартин не

мог понять, откуда этот свет берётся. Уж точно не от луны — ту скрывали или облака, или кроны.

— Где я?

Мартин не очень-то рассчитывал, что ему ответят — ведь рядом никого не замечал. Однако ответ последовал мгновенно.

— В Орфхлэйте.

— В Восточном Лесу?..

— Да. Но не волнуйся: тебе здесь ничто не грозит.

Мартин обернулся на голос, который не сразу узнал. В лесной хижине Гелла говорила иначе. Мартин помнил, как резко тогда её бросало из развязности в кротость, из холода в гнев — Гелла была полна жизни. Теперь её речь звучала совершенно отстранённо, безо всякой эмоции.

Да и выглядела ведьма по-другому. Вроде ничего в ней не изменилось, а вроде... словно статуя ожившая? Как и Мартин, ведь сидела прямо на земле, на мягком мху.

— Гвендлы не придут сюда?

— Вряд ли придут, пока мы здесь. А если появятся, тебе опасаться их не стоит. Гвендлы бывают в этом месте: одна из их священных рощ. Последователи старой веры считают, что здесь должно поклоняться духам леса. Будто бы здесь духи их слышат.

Хорошее место для поклонения кому-либо, заключил Мартин. Совсем не похожее на простой лес. Наверняка большая часть Орфхлэйта выглядит куда более обыкновенно.

«Орфхлэйта». Мартин поймал себя на том, что употребил языческое слово — вместо «Восточный лес». Пусть лишь мысленно, однако... тревожный знак. Или не тревожный? Может, так и должно быть?

— И что, духи правда их слышат?

— Тебе интересны духи? Ты ведь в них никогда не верил, а веровал в Творца Небесного.

— Я... уже не очень знаю, во что верить.

Ведьма придвинулась ближе. На миг в красивом лице отразилась какая-то теплота, но мимолётная эмоция тотчас растаяла. Гелла была похожа на актрису, которая до смерти устала играть.

— Понимаю, Мартин. Очень хорошо, что ты сам коснулся этой темы, поскольку она удачно ведёт к нашему с тобой... вопросу. Видишь ли: всякую человечью молитву кто-то слышит. Всякую, даже если молящийся почти утратил веру и полагает, что говорит с пустотой. Но совсем не обязательно слышит его именно тот, кому молитва адресована. Что уж там... чаще всего слышит некто совсем иной. Ты ведь образованный мальчик, ты знаешь о далёких странах, даже о другом континенте слыхал... Так вот: в мире очень много разных человеков, и все молятся по-своему, разным богам. Ты никогда не задумывался, что как-то глупо выходит — Творец Небесный един, однако лишь на небольшой части Ульмиса его почитают? Выходит, все прочие во всём огромном мире ошибаются?

Мартин, естественно, никогда не задумывался о подобном. Святое Писание ясно говорило: только из откровений святой Беллы исходит истина о природе мироздания, а прочее — в лучшем случае заблуждения несчастных людей, не слышавший истинного Слова. Иногда того хуже: прямое зло для всех добрых верующих. Ересь и мракобесие из тёмных веков, с коими борются паладины.

— Я понимаю: не задумывался, ведь в Святом Писании всё очень просто. Вот тебе Свет вот Тьма. Забавно... Когда-то — очень давно, за тысячелетия до всяких там «писаний», и

правда было просто. Но те времена прошли, возврата к ним нет. Счастливое прошлое мира, забытое человеками напрочь. Отвечая на твой вопрос... какие бы молитвы ни возносились в Орфхлэйте, слышит их один и тот же. Хоть духам молись, хоть Творцу Небесному, хоть кому угодно ещё.

— Кто?

— Тот, кто общался с тобой.

— А кто он? — Мартин хотел спросить, не сам ли это Нечистый, однако не решился на такую формулировку. В основном потому, что побоялся услышать в ответ «да».

— Очень сложно объяснить это правильно. И так, чтобы ты понял правильно — по крайней мере сейчас. Придёт время, не беспокойся. Всему свой час и черёд. Пока не так важно «кто»: важнее «что». Много ли ты понял из всего, что слышал и видел?

Мартину осталось только ответить честно.

— Немногое.

Показалось, будто ведьма хочет горько вздохнуть, но этого не произошло.

— Неудивительно. Тебе вообще не нужно было ничего понимать, но увы: магистр Тиберий оказался именно настолько упрям, как я и ожидала. Горько, однако для тебя это удача, Мартин. Потому что теперь мы пойдём иным путём. По этой причине и вернулся твой рассудок. Наверное, неприятно такое слышать? Рассуждая по-человечески, ты имеешь право возненавидеть нас — и трудно будет это осудить. А можешь просто принять на веру: зла тебе никто не желал. Мы с самого начала дали тебе гораздо больше, чем забрали. Как бы объяснить, чтобы человек понял... Потеря здравого ума была для тебя этаким... самопожертвованием? Полагаю, так это называется. Самопожертвованием ради важной цели. Великой. Но не суть, потому как ты уже почти прежний. Даже лучше прежнего, вот так скажу.

Мартин не чувствовал ненависти. Из недавних событий он мало что помнил отчётливо. К тому же до сих пор судьба особенно и не бывала в его собственных руках: так ли важно, распоряжается ею Церковь или кто-то иной?

И очень хорошо, что здесь одна Гелла. Другие женщины, которых Мартин встретил в лесу, пугали гораздо сильнее. Дело не в том, что Гелла была очень красивой, а прочие... не особенно. Просто те женщины совсем мало напоминали людей. Выглядели они как люди, однако пугающее отличие, едва ли выразимое словами, бросалось в глаза почти сразу.

Гелла — другая. Мартин уже догадался, что и она — не человек, однако это было не настолько заметно.

— О чём... ну... о чём он, оно... о чём со мной говорили?..

— Я как раз и хочу немного пояснить.

Гелла придвинулась совсем близко, и это привело Мартина в смущение — хоть в глубине памяти сохранились воспоминания приятные, делающие любые смущения бессмысленными. От ведьмы это не ускользнуло.

— Да брось. Я же понимаю, как это выглядит. Сколь бы смехотворны ни были представления человек о мире за пределами человеческого — что ваши, что гвендлов, что ещё чьи угодно... Они ведь не могут быть совсем ни на чём не основаны, правда? Ты читал «Пламя очищающее»?

— Читал.

— Епископ Корнелий много написал о суккубах и инкубах, соблазняющий добрых верующих. Да и вообще о том, как похоть становится для Нечистого вратами в душу. Смех да

и только! Полагаю, у Корнелия те же беды, каковые превратили в кусок дерьма сира Вилфорда Винслоу. Однако доля истины в бреде сумасшедшего святоши есть. Просто смысл совершенно другой: Корнелий ткнул пальцем в небо и, как ни удивительно, попал более-менее близко. Но мы сейчас не об том беседуем. Давай не терять времени. Думаю, ты уже осознал: впереди тяжёлые времена, так?

Юноша подтвердил это молчаливо. Немногое ему было сейчас ясно, но это — в полной мере.

— Хорошо. Тогда слушай меня очень внимательно, Мартин. Человекам свойственно делить мир на чёрное и белое. Свет — добро, Тьма — зло. Просто и понятно. На деле всё устроено очень сложно, но я постараюсь упростить. Тьма и Свет — не большие противники, чем ночь и день: это части мироздания, части установленного когда-то порядка. Солнце заходит и восходит снова. Короли умирают, и их дети надевают короны. Однако нетрудно заметить: иногда в мир приходят большие перемены. Хаос крушит упорядоченное, а из руин прошлого рождается новый уклад вещей. Это можно увидеть везде. Земля сотрясается, меняя свой облик. Империи рушатся, и на их месте поднимаются новые королевства. Так и катится по дороге колесо Порядка, иногда меняющее свой ход под действием хаоса.

Это было предельно не похоже на привычную картину мироздания, в которой Свет и Тьма только вечно сражались между собой. С другой стороны, верно: как люди поняли бы милость Творца Небесного, не грози им Нечистый? Невозможно ценить свет, если темноты никогда не видел. Дихотомия очевидно лежала в основе религии, хотя прямо Церковь не объяснялась.

Мартина ещё в детстве, когда он начал посещать приходскую школу и впервые ознакомился со Святым Писанием, смущал один аспект. Священники без конца твердили о Нечистом, однако на страницах книги, призванной отвечать на все возможные вопросы доброго верующего, о сути зла имелось буквально полтора слова.

Если Святое Писание о Нечистом почти не говорит, то откуда Церковь столь многое о нём знает? Мартина за такие речи однажды крепко выпороли — с тех пор мальчик перестал вести их.

Но из головы вопрос никуда не делся.

— Этот мир построен вокруг вас: человеки не столь ничтожны, как им святоши пытаются внушить. Многие в мире они меняют сами. Иное, бывает, списывают на волю случая: но ведь очень часто отсылают к высшим силам, так? Дескать, то решил добрый бог или сотворил назло его тёмный противник? В точку, Мартин: подобное и правда случается. Некоторые изменения, направляющие вращение Круга жизни, бывают... связаны с некими силами. Разными. Теми, кому человеки молятся. Теми, кого они боятся. Теми, о ком даже не знают. Пока всё понятно?

Мартин кивнул, хотя понятно было не всё. Он побоялся показаться ведьме глупыми или, что ещё хуже, невнимательным. Да и речь шла о вещах сложных. И пережил Мартин за последнее время слишком многое, хоть немалую часть дурных приключений позабыл.

И вообще, что греха таить: рядом с Геллой сложновато было ясно мыслить. Всё тянуло подумывать о греховном. Между тем ведьма продолжила.

— Вы, человеки, видите нас созданиями Тьмы. Противниками Света. Это очень примитивные категории, годные лишь для неспособных понять истинную суть вещей, но если вам так проще... пускай. Настоящая беда наших краёв не в том, что есть Тьма — а в том, что со Светом нынче стало непросто. Ночь не виновата, если в доме кончились свечи.

Тот, кого вы зовёте Творцом Небесным, хоть он не заслуживает столь громкого титула, давно молчит. Не замечал, сколь бессмысленны стали молитвы? Многие корят себя — дескать, они недостаточно праведны, не верят истово, неправильно Творцу Небесному поклоняются... глупости. Нам он тоже не отвечает.

Мартина глубоко поразили эти слова. Его вера в Творца Небесного давно начала рассыпаться: да что там — бросив крестик в огонь, юноша так или иначе её отринул. Но изменить вере — это одно. Признать же нечто подобное... что значит — Творец Небесный молчит? Выходит, его просто нет? Но ведь бог умереть не может. Или может?

— Не могу сказать, Мартин, что я сама по Творцу Небесному сильно скучаю. Однако в чём штука: силы, которые меняют сущее, так или иначе проявят себя в положенное время. Наши проблемы им безразличны. Дождь ведь не станет ждать, пока ты залатаешь крышу? И это угроза. Очень большая угроза: если порядок и так-то зыбкий, невесть во что он способен обратиться за порогом перемен. Поэтому то, что вы считаете «тёмными силами», чувствует себя... неуютно. Очень неуютно, Мартин. Всё идёт совершенно не как должно, и мы стараемся это исправить. Увы, наши силы ограничены пределами установленного порядка. Человеки не смогли бы так легко разделить Свет и Тьму, не будь те связаны определённым образом. Чтобы настала ночь, должно закатиться солнце. А иначе новый день не придёт! Вот о чём речь. По нраву это вашей Церкви или нет, но мы — часть Порядка. И помним об этом куда лучше паладинов, жгущих деревенских девок почём зря. Чего-то мы не можем сделать, а чего-то делать просто не должны — иначе выйдем только хуже. Потому мне приходится говорить с тобой, с Тиберием, с прочими... Хорошо, когда с человеками не приходится лишний раз разговаривать. Но иногда нужно направлять их, даже если естественный твой удел — морочить.

Звучало пугающе донельзя: ничуть не слабее слов о конце времён в Святом Писании. Но как Гелла верно отметила, там всё объясняли предельно ясно. Любой деревенский дурачок, даже не умея читать, уж проповедь-то поймёт. Тут — увы.

— То есть, что же... мир в опасности?

— Не могу судить обо всём мире. Всё мироздание — не моя забота: я ведь говорила, оно устроено очень сложно. Лес Орфхлэйт — место очень особенное. Таких в мире немного. Мы здесь живём издревле, потому что так положено. И заботимся не обо всём мире: лишь о его части. Не хочу тебя лишний раз пугать, однако Великая война покажется ерундой в сравнении с тем, что может выйти теперь. Никто рад не будет. Ни королевства на месте Старой Империи, ни гвендлы, ни даже те, кто живёт по ту сторону Орфхлэйта. И мы тоже не будем. И даже тот, с кем ты говорил, не порадует. Улавливаешь эту иронию? Тьме выпало сберечь устоявшееся от того, что может оказаться ещё хуже. Так бывает. Ты ведь читал про разные войны: не всегда на последнем рубеже стоят хорошие человеки. Чаще всего на последнем рубеже хороших мало.

— Значит, эти силы... силы перемен, если я верно понял... они враги?

— Не совсем. Человеки, вы такие... человеки: Свет-Тьма, друзья-враги... Это не вражда. Не будет смысла в Свете без Тьмы, я уже объясняла. Порядок без перемен тоже смысла не имеет: это уже не порядок никакой, а болото. Неужели так трудно понять?.. Всё устроено как устроено: лишь бы работало. Ради этого нам предстоит бороться, понимаешь? Чтобы ветер перемен гнал колесо по дороге дальше, а не опрокинул.

Мартин совсем запутался, и Гелла почувствовала это. Она нежно коснулась ладонью его щеки.

— Ладно, не переживай. Ты ещё во всём разберёшься. Когда время придёт.

Мартин совсем не чувствовал себя в силах разобраться. Он оказался в полном смятении от таких откровений — а в ещё большем от непонимания, ради чего с ним ведут подобные разговоры. Ну почему именно с ним?

Мартин отвернулся, потому что побоялся расплакаться. Гелла обняла его.

— Так уж сложилось, милый Мартин: тебе предстоит тащить на плечах многое. Вместо человека покрупнее, которым стоило бы этим заняться. Но кто-то ведь должен, правда? Иногда бремя ложится на случайного человека. Иногда герой кажется слабым, даже самому себе — но лишь поначалу. Ничего не напоминает? Да: уверена, ты в книжках читал о подобном. Ничего не бойся. Люди любого, кто капельку сильнее них, готовы представить всемогущим. Даже полководца или короля — что говорить обо мне или ком позначительнее? Ах, кабы и правда было так! Но увы. Среди людей нет всемогущей власти: почему они решили, будто таковая имеется выше? Ума не приложу. Но раз готовы верить — для нас это хорошо.

Они говорили ещё очень долго. Говорили обо многом. Мартин Мик по-прежнему понимал далеко не всё, но перестал из-за этого волноваться. Он осознал: понимать всё не требуется, особенно в начале пути. Ведь Церковь тоже предлагала прежде всего поверить. Идти верой, но не видением.

И теперь происходило почти то же самое.

Мало на свете более отвратительных ощущений, чем когда пьёшь и не можешь опьянеть. По крайней мере, так думал Робин Гаскойн. По крайней мере — сейчас. В чертоге было темно. Раньше на столе горели свечи, но сейчас они потухли, а зажигать заново недосуг. Бутыль ишке, обжигающего горло, юный рыцарь видел и так — в свете камина. Наливай да пей.

То ли это ишке пролился на руки, то ли никак не отпускало липкое ощущение давно отмытой с них крови. Робин, сгорбившись, сидел за столом в нижней рубахе — но не сняв с ног латной защиты.

В одной ладони молодой Гаскойн держал серебряную чарку. В другой — рукоятку меча, пребывавшего в ножнах. Беспольный клинок, сжимаемый по привычке. Ощущение бессилия — особенно отвратительное, когда уже привык быть сильнейшим из окружающих. Пустота и отчаяние.

Рыцарь не видел вошедшего в зал, но узнал отца по тяжёлым шагам и кряхтению. Да прислуга и не решилась бы показаться здесь — служанку Робин со злости едва не ударил. А женщины из их семьи давно спали. Юноше уснуть не грозило: забыться разве что.

Отец какое-то время молча стоял за спиной Робина. А затем стукнула об столешницу вторая чарка.

— Плесни-ка и своему старику.

Барон сел рядом, и они выпили, не чокаясь. Потом сделали это ещё раз. Лорд заговорил первым.

— Вижу, повод есть. И у меня тоже: много людей погибло за эти дни. Сир Киаран тяжело ранен: Творец Небесный ведает, выживет ли. А сира Вилфорда Винслоу больше нет.

Робин Гаскойн уже слышал странные и страшные известия из Колуэя. Казнь очередной ведьмы не кончилась ничем хорошим. Кончилась даже хуже, чем некоторые прежние — что оборачивались деревенскими погромами. Но о судьбе Колуэя сейчас как-то не думалось. Ответ юноши касался сира Вилфорда:

— Туда и дорога. Он был подонком.

— Он был нашим подонком, сынок. Тебе ещё предстоит научиться оценивать людей так, как это делают лорды и полководцы, а не простые рыцари. Потому как самому суждено стать лордом и полководцем. Наш удел — война, а новая рано или поздно случится: вряд ли на твоём веку суждено лишь мирное время. Когда возьмёшь первый вражеский город и потребуются навести в нём порядок, ты сразу поймёшь, чем хороши подобные люди. У сира Вилфорда было много пороков, но имелись две главные добродетели вассала: верность и исполнительность. Ему я мог уверенно поручать вещи, о каковых большинство рыцарей и не попросишь. За это я его ценил. Подонок, говоришь? Может быть. Но этот подонок отдал жизнь за Гаскойнов.

— Ты никогда не говорил о подобном.

— Потому что каждому разговору своё время. Гляжу сейчас на тебя — и вижу: пришло то самое.

Робин постарался задуматься над этими словами. Во-первых, он каждый день сознательной жизни стремился учиться у отца всему. Во-вторых, мысли про Винслоу могли отвлечь от того, что неумолимо жрало душу.

— Понимаю. Кажется... Раз так, давай выпьем за его упокой.

— Вот это дело.

Пахнувшая солодом и дубом жидкость снова полилась в серебро. А затем в горло. И опять чарки наполнились. Отец мог выпить больше любого человека в замке и остаться на ногах, это известно. А Робин нынче казался себе способным и на более лихие хмельные подвиги.

— Где ты пропадал? Знаю, что сначала по девкам, потом из Вулмена приехал в Колуэй, виделся с магистром, а после куда-то подевался. Хотя... что я спрашиваю-то чушь? — чарка юного рыцаря опять оказалась пустой, и теперь лорд Вудленда наполнил её сам. — Расскажи лучше, что случилось. Вижу: беда.

— Я возвращался в Вулмен. Поехал от паладинов туда, узнав о набеге. Точнее, не так... Поехал я сначала к Абеллам, потому что солдаты сказали, что там выжившие.

— Девчонка?

— Мэри.

— Да, вот куда ты всё время уезжал. — барон совсем не к месту усмехнулся. — И что вышло?

— Выжившие сказали, что она убежать не смогла. Тогда поехал в Вулмен, искать... Искал. Почти весь день.

Клемент Гаскойн наклонился поближе. Вопрос был очевиден и без слов.

— Но я её не нашёл. Там...

Робин весь день старался сдерживаться. Этому его всегда учили — как важному рыцарскому качеству. Душевных сил хватило, чтобы выглядеть более-менее достойно: и среди трупов в Вулмене, и вдрызг пьяным в замке, потому что пить он начал уже по дороге. Но теперь совладать с собой не удалось — и, наверное, наступил самый подходящий момент дать волю переполняющему. Робину было стыдно, но как он ни морщился, слёзы полились из глаз. Молодой Гаскойн уронил голову на могучее плечо отца и еле проговорил:

— ...там не поймёшь, где кто.

Лорд Клемент молчал, только приобнял сына. Когда слёзы залили лицо, Робину сразу стало легче. Странное дело — никогда не думал, что слёзы помогают. Это вроде бы для женщин естественное дело, не для рыцарей. Шмыгнув носом, он заговорил снова:

— Понимаешь, я мог помешать. Те гвендлы, которых я встретил... Я должен был понять, что они там не случайно. Должен был приказать выслать к Вулмену отряд, хоть на всякий случай. Должен был её забрать! Я же чувствовал что-то, понимаешь? Что будет плохо. Но я вообще ничего не сделал. Ничего! Я думал о другом.

Известно, о чём он думал. Спешил похвастаться подвигом, показать себя перед приором Найджелом. Об остальном позабыл.

Будь отец Робина другим человеком, он сказал бы что-то обычное для такой ситуации. Какую-нибудь утешительную чушь — вроде того, что не нужно себя винить. Но лорд Клемент был не таков.

— Да, ты прав. Должен был понять, должен был приказать. Но я тебя не сужу. Тебе семнадцать, ты пока не лорд: никто не вправе требовать от тебя большой рассудительности. В том числе и ты сам. Мы учимся этому на горьких жизненных уроках, сынок. Жестоко, но говорю как есть. Постарайся понять: то, что тебя любят женщины, что ты искусен с мечом, будто свыше благословили... Всё это ещё не делает тебя мужчиной. Мужчины получают не в постели, не на ристалище. Вот в такие моменты они рождаются.

Робин Гаскойн и так уже осознал свои ошибки. Сделает ли это его лучше — вопрос, очень значимый вопрос, и здесь оставалось лишь довериться отцу. Однако Мэри никакие уроки, сделанные из ошибок, не воскресили бы. И даже её смерть не стала бы менее ужасной.

Тут уже ничего не исправить. Ни-че-го.

— Тебе предстоит водить людей в бой, сынок. И не просто гонять гвендлов, а вести настоящие войны. Осознай же: на твоих руках окажется не только вражеская кровь, но и кровь твоих подданных. Каждый, кто водит армии, живёт после со своими мертвецами. И король Балдуин, и я. Вот теперь и ты. Привыкай к этому ощущению.

Действительно: теперь Робину стало яснее многое из того, что отец рассказывал о войне. А равно и то, почему многого барон не рассказывал. Но Робин желал бы получить такой урок как-то иначе. Желал бы, да кто спрашивал о его желаниях?

Сравнение с ответственностью военачальника виделось уместным — однако Мэри не была ни рыцарем, ни солдатом. Как можно сравнить её жизнь с жизнями, которыми рискуют сознательно? Ради чести, вассальной клятвы, денег — не важно. Это ведь совсем другое!

Да и суть роли, к которой Робин всю жизнь готовился, слегка размылась. Этим тоже хотелось поделиться.

— Я не понимаю, в чём смысл. Недели не прошло, а что случилось... Я порубил четырёх гвендлов в одиночку. Гвендлы растерзали мою Мэри. Ты перебил отряд Даглуса. Винслоу погиб. Двух деревень больше нет. Несколько сотен людей больше нет. И ради чего? Мы что-то изменили? Или наши враги добились чего-то? Непохоже. Ты всегда говорил, что мечом можно сделать мир лучше. Но я совсем этого не вижу сейчас. Люди умирают ни за что, а всё остаётся по-прежнему.

Сначала ответом был тяжёлый вздох, затем — молчание, но Робин знал: отец хочет что-то сказать. Просто подбирает слова. Наконец слова нашлись.

— Мы с тобой рыцари, сынок. Творец Небесный дал нам сильные руки, а король вложил в них острые мечи. Так что наше предназначение вполне очевидно, тут не в чем сомневаться. Сражаться приходится всегда, а мы именно те, кто рождён сражаться. Мечом и правда можно менять мир, уж поверь, мне это немного удалось. Проблема в другом... Если бы, чтоб спасти всех, хватало одного меча — мы бы давно это сделали. Невелика наука, сам знаешь.

Барон Гаскойн явно хотел добавить что-то, но в последний момент, уже набрав воздуха в грудь, передумал. Он только похлопал сына по плечу, с трудом поднявшись.

— Пей, это помогает. В рыцарском деле без выпивки никак. Не пойму, как паладины обходятся: верно, святые люди. Пойду спать... Мне завтра ехать с магистром Тиберием в Колуэй. Разбираться со всем, что там произошло. Можешь присоединиться, можешь остаться дома. Это уж решай сам.

Шаги хозяина Фиршилда ещё долго разносились по коридорам. Робин чувствовал, что наконец-то достаточно пьян, чтобы постараться уснуть — а утром подумать обо всём случившемся в эти дни. И обо всём, что сказал ему отец. И не только отец...

О другом разговоре он вспомнил вновь, кое-как по стеночке добравшись до спальни и рухнув на кровать. Прямо в одежде, даже в латах на ногах: не было ни сил, ни желания раздеваться. Того и другого Робину хватило лишь на одно — чтобы поднести бутылку к губам. Завтра поразмыслит о смысле войны, об ответственности, о Мэри, об уроках отца. Всё

равно пока он, семнадцатилетний, не понимал, что такое похмелье: с утра будет как огурчик. Сир Фолиас — тот самый, что остался калекой после боя с гвендлами, говаривал Робину в детстве: «Чтобы узнать похмелье, потребно хорошо владеть мечом. Иначе не доживёшь до возраста, когда оно появляется».

Робин собирался дожить.

Отец верно сказал: люди вроде него обречены жить со своими мертвецами. Барон имел в виду ответственность лорда за подданных, но эту фразу можно было истолковать иначе. Жить со своими мертвецами — что это значит?

А вот что: с теми, кто ушёл, или без них — жизнь продолжается.

О долге с Робинсом говорил в последнее время не только отец. Эта мысль не могла не прийти в голову юного рыцаря, пока хмель окончательно брал верх, повергая его в вязкое забытьё. Юноша вспоминал встречу в ведьмином доме. И правда: ночью вовсе не Святую Беллу желают увидеть...

История со шлемом Тиберию не понравилась. Его должность в основном требовала не думать, а действовать, конечно. Но это не означало, что действия должны быть безрассудными.

Очень уж всё выходило гладко. Недавние события укоренили в голове магистра одну мысль: совпадения не обязательно случайны. Даже вовсе наоборот. За тем, что кажется случайным, куда вернее видеть чью-то волю — и речь необязательно о людях.

Это было бы не так плохо, помогай Творец Небесный своим паладинам какими-нибудь чудесами. Но на чудеса он пока оказывался скуповат.

Известно уже, чьими происками оказалось внезапное обнаружение живого и здорового Мартина Мика. После этого паладин-магистр не мог не насторожиться, узнав от Викентия и барона историю столь узнаваемого барбюта.

Таким вот чудесным образом именно сейчас попался человек, носивший шлем пропавшего паладина. И ни он, ни его люди уже ничего не могли рассказать: все они погибли. Теперь магистру предлагали поверить, что Вермилий — действительно жертва гвендлов. Того самого Даглуса. И убийцы, выходит, мертвы: обстоятельства прояснились, отмщение свершилось, а шлем упокоится в столичной крипте. Вроде бы на том всё.

Может, Тиберий и поверил бы. Он вполне мог заставить себя поверить. Но ведьма намекала на совершенно иное, странная история с Мартином и хижинной — тоже. Да и пора было окончательно признать: тёмные дела творятся в Вудленде. Последнее, что тут стоит делать — верить кому-либо. Барону, что ли? При всём уважении к легендарному полководцу, главе прославленного рода и близкому другу короля — больно много скользких речей вёл лорд Клемент. Конечно, явление нечистых сил почти отринуло подозрения, будто сам барон причастен к исчезновению Вермилия. Но трудно доверять властителю края, где так запросто можно встретить язычников, их крещёную родню и не боящуюся служителей Церкви ведьму.

А уж самой-то ведьме верить — точно последнее дело. Для истового служителя Церкви недопустимое.

Эти мысли в голове Тиберия вращались всю дорогу — с момента, как он, получив в Фиршилде внезапное мрачное известие, выехал обратно к Колуэю. Паладины выдвинулись всем отрядом, почти полусотней человек, и вдвое больше сопровождало барона Гаскойна. При лорде Клементе были и местные рыцари, и многочисленные сквайры, и простые солдаты. Не поехал только сир Робин, сказавшийся больным: уклонился даже от разговора за торопливой утренней трапезой.

День выдался ещё более холодным и сырым, чем прежние. Хоругви Церкви и жёлтые знамёна с елью хлопали на порывистом ветру. Дождь то едва моросил, то всю барабанил по доспеху, но ни на минуту не прекращался. Скверный день, скверные вести, скверная картина перед глазами.

Всадники понуро глядели на пепелище. Колуэй был сожжён дотла.

Чернел покосившийся частокол, от деревянных башен остались бесформенные груды. Дождь едва потушил сожранные пламенем дома: кое-где ещё немного дымилось. Уцелел только покрытый копотью камень, из которого колуэйцы сложили церковь — но изнутри выгорела и она. Даже посевы вокруг деревни пострадали значительно. Рядом с ними спешно

вырыли ямы, мужичьё волочило к ним скрюченные обгорелые трупы. Похоронные обряды свершали кое-как: всё равно почти невозможным оказалось опознать погибших.

Даже рыцарей теперь не узнаешь: разве только поймёшь по доспехам, что это не простой человек, а кто-то из орденских братьев или сквайров. Выжили очень немногие. Деревенский староста рыдал обо всём местном духовенстве, всём гарнизоне Винслоу и примерно половине жителей. Что до рыцарей — кое-кого из обожжённых, надышавшихся дыма, но всё ещё живых, без промедления отправили в Фиршилд. Среди них был и приор Найджел, о котором оставалось только молиться. Приор цеплялся за жизнь, хотя огонь изуродовал его до неузнаваемости.

— Творец Небесный, помилуй и прими на Небесах верных слуг Твоих, облегчи муки пострадавших за святую веру, сохрани жизни братьев наших... — Деметрий раз за разом крестился, не поднимая глаз.

Риган Винслоу отдавал распоряжения своим людям, которых привёл несколько десятков, и говорил с деревенскими. Тело его брата, сира Вилфорда, давно увезли — кажется, глава рода Винслоу не очень горевал по нему. Деревня беспокоила местного властителя больше, что вполне понятно: и зная погибшего в огне Вилфорда, и глядя на Колуэй. Множество людей лишилось крова, всего своего имущества — это в начале холодного лета, за которым не ожидается лёгкой зимы. Тиберию не приходилось прежде задумываться, чем живут такие мелкие лорды — по меркам столицы не слишком отличные от простолюдинов. Казалось бы, вся их жизнь суть незначимая мелочь. Живя в Кортланке и заботясь о судьбе Церкви, всех добрых верующих, Тиберий привык мыслить совсем иными масштабами и категориями. Но теперь, взглянув на трагедию маленького мирка — обрёл новый угол зрения.

Могучая фигура на тяжёлом коне, представшая перед магистром, прервала размышления. Лорд Клемент выглядел глубоко опечаленным, но собранным.

— Мои люди опросили выживших. Учитывая все обстоятельства, полагаю, вы захотите повторить то же сами?

— Да, захочу. — мрачно процедил Тиберий, но тут же принудил себя к учтивости. — Однако лишь по своему долгу, а не от недоверия к вам. Прошу, барон: расскажите, что вы узнали.

— Ничего хорошего. Пожар начался во время казни. Выжившие говорят путано, что вполне им простительно. Поэтому не могу судить: то ли рассказы просто звучат странно, то ли действительно повествуют о странном.

— Уж верно, нечисто это всё. — заявил Амадей, хоть его мнения никто не спрашивал. — Как есть нечистая сила. Защити нас святая Белла...

— Согласен. — барон жестом потребовал у оруженосца флягу. — Очевидцы рассказывают, что едва ведьму возвели на костёр, как пламя разгорелось много сильнее должного. Настолько, что уже в этот момент некоторые предпочли бежать — в основном таковые и спаслись. А дальше поднялся ветер: раздул огонь пуще прежнего и перебросил на крыши. Говорят, на удивление стремительный был пожар. Мало кто вовремя понял, насколько дурно дело.

Тиберию вспомнилось, как ведьма грозила смертью избивавшему её сире Вилфорду. Его-то не жалко, конечно, однако всё прочее... Такое нельзя было назвать мстью за боль и унижение. И за сам приговор тоже, потому что человек, который его вынес, остался невредим. Если сама ведьма сотворила такое, то зачем? Тиберий видел в том лишь

бессмысленное зло и никакой логики.

Это удивляло. Учитывая, как Гелла вела себя при допросе, как упорно пыталась склонить магистра к разговору, как убеждала в том, что Церковь сильно заблуждается относительно колдовства... Что же Тиберий видел теперь? Он ясно наблюдал именно описанное в «Пламени очищающем»: зло роду людскому ради самого зла. Совершённое по самой природе Нечистого, без каких-то иных причин и побуждений. Либо здесь недоставало сведений, либо паладин не мог правильно их понять, либо вовсе содержался некий иной смысл. Какой?..

С другой стороны, колдовство могло быть ни при чём. Ведь и правда: никто не летал на метле, демоны Преисподней очевидцам зримо не являлись. По словами барона, выжившие описывали чрезвычайно сильный и беспощадный пожар, однако только пожар — и не более. Он мог иметь и естественную природу, хоть известные обстоятельства подталкивали к иному объяснению.

— Амадей! Выясните у подданных барона, кто из очевидцев способен внятно описать события. Не важно, насколько много таких будет: я не пожалею времени поговорить с каждым. Лишь бы их речи были речами, а пустыми причитаниями.

— Будет исполнено, магистр.

Барон глядел на Тиберия с некоторым сочувствием. Старого рыцаря можно было во многом заподозрить, но случившееся явно шокировало и его самого. А ведь ранее Клемент Гаскойн признавался, что видел в Восточном Лесу нечто, «о чём предпочёл бы забыть».

— Магистр... возможно, я лезу не в своё дело, но уж простите старика. Выслушайте. Не важно, случился здесь обычный пожар или нет: в любом случае вы не должны корить себя ни за какие решения. Я много дурного сказал о паладине Вермилии, признаю... однако о вас мне дурного сказать нечего.

Тиберий корил себя совсем за иное. Но пока не давал воли самотерзаниям: время исследовать фактические обстоятельства дела.

— Вы уверены, что никто не рассказал ни о чём, кроме пожара? Ненормального свирепого, но пожара?

— Один твердит: якобы огонь не причинял ведьме вреда. Дескать, она только насмеялась над рыцарями и священниками. Другие того не могут ни подтвердить, ни опровергнуть. Но это, магистр, ваш долг — бороться с колдовством. Подробности сего рода надежнее будет выяснить самому. Я трудов епископа Корнелия, каюсь, не читал — да и не собираюсь. Меня заботят теперь проблемы насущные: я лишился двух деревень за два дня. Прямо как на войне, помилуй нас Творец Небесный...

Тиберий, миг назад хотя удручённый, но вполне рассудительный, сорвался неожиданно сам для себя. Он почти закричал в лицо барону:

— Вот как?! Не вы ли говорили мне, что в Вудленде с ведьмами шуток не шутят? Предостерегали от повторения ошибок Вермилия?

Барон не обиделся на грубость тона паладина. Только выразительно обвёл пепелище взглядом.

— Говорил. Предостерегал. Выходит... не зря? Тем более — вы по итогу живы, как и прочие паладины. А я, как видите, продолжаю честно содействовать Церкви.

И то верно. Тиберий запросто мог валяться сейчас среди обугленных трупов. Или корчиться от ожогов, как приор Найджел.

— Простите эту дерзость, барон: мне тяжело сохранять спокойствие в таких

обстоятельствах. Обстоятельства, как вы понимаете, чрезвычайные. Ещё один вопрос: тело ведьмы нашли? Оно ведь должно было остаться на костре.

Лорд Клемент пожал плечами.

— Никто толком сказать не может. Понимаю, что это важно для вас — но и крестьяне, и рыцари после пожара думали об ином. Теперь уже не разобраться, боюсь, кого нашли или не нашли... такой бардак! Но куда ведьме было деться? Кабы она правда не горела в огне — мы бы более одного свидетельства такого рода услышали?

— Мне бы вашу уверенность, барон. Теперь и я видел нечто, о чём предпочёл бы забыть.

Барон хмыкнул в густую бороду — скорее горестно, чем саркастически. Хотя не поймёшь.

— Выходит, магистр, хоть какой-то прок от череды печальных событий. В том, как горят ведьмы, вы явно разбираетесь лучше моего: насколько могу судить, ранее пламя им шансов не оставляло? Но я и правда желал бы оставить этот вопрос вам. Каждому своё.

Конечно: пламя раньше действовало точно так, как положено пламени. Да и кулаки Винслоу ещё как сработали на лице Геллы, это Тиберий видел своими глазами. Но другие ведьмы — если ещё оставался смысл называть их так, не забирались в потаённые уголки души паладина. Не извлекали оттуда болезненных воспоминаний.

Да, опять сомнения. И опять мысли о прошлом. Временами магистр презирал себя за это горькое несоответствие: он считался образцом рыцарства и примером чистоты веры, но то всё внешне. А на деле-то в броне хватает слабых мест... глупо этого не признавать. Иной раз Тиберий готов был всерьёз задать себе вопрос: подходит ли он на должность магистра? Лишь абсолютные доверие и покорность высшему духовенству Стирлинга не позволяли о том по-настоящему задуматься.

Архиепископу виднее, несомненно. Как и Корнелию, и прочим иерархам. Грешно сомневаться в их решениях.

— И тем не менее, магистр... — лорд Клемент заговорил очень вовремя. — Позволю себе напомнить: судьба паладина Вермилия выяснилась. Что вы намерены предпринять в связи с этим?

Наконец-то вопрос, ответить на который очень легко. Тиберий успел от таких поотвыкнуть.

— Доставлю шлем паладина Вермилия в столицу: мой долг сделать это лично. Расскажу обо всём случившемся архиепископу, моим братьям по ордену и Конгрегации чистоты веры. И тогда, барон, в Кортланке будут приняты решения. О том, как понимать произошедшее в этой деревне. О том, какие действия предпринять относительно убийц Вермилия.

Да: Тиберий слабо верил, что Вермилий пал от рук гвендлов. Слишком гладкая история со шлемом, очевидные сомнения в словах Мартина. Но и слова ведьмы в столице пересказывать не станешь. По сути паладин добился в расследовании чего-то — и не добился ничего. Он пока даже не знал, что именно доложит иерархам, как всё это преподнесёт.

— Убийцы рыцарей Церкви мертвы. — заметил барон.

— Убит тот, кто носил шлем паладина. А никаких подробностей мы не узнали. Станем ли далее разыскивать тех, кто способен пролить свет на случившееся, и достаточным ли ответом является разгром отряда Даглуса... это серьёзные вопросы. К тому же погибшие здесь братья Перекрёстка — тоже воцерковленные люди. Хотя, конечно, не паладины: это не моя забота. У их ордена свой магистр, ему и разбираться.

Барон помрачнел. Он наверняка ожидал, что рыцари теперь покинут Вудленд. И они, конечно, действительно должны были так поступить — но, вполне возможно, чтобы вскоре вернуться. Это решать не Тиберию, однако трудно представить, что один только шлем ответит на все вопросы иерархов.

— Что же, магистр... Если командиры ордена Перекрёстка будут иметь ко мне какие-то вопросы, я отвечу. По крайней мере, этот орден не имеет бумаг, позволяющих начинать атаку на моей земле, когда ведутся переговоры с противником. Ещё раз подчеркну, что это весьма вопиющий случай.

— И я уже принёс за него извинения.

— И я их принял. Просто выражаю надежду, что подобное никогда больше не повторится. Моё мнение по этому поводу услышите не только вы — но и, уж будьте уверены, сам король. А что до поисков людей, знающих о смерти Вермилия больше... даже если таковые существуют, где вы собираетесь их искать? Идти за ними в Восточный Лес?

Паладин мог ответить на это лишь одно — иначе не был бы паладином.

— Если Церковь прикажет, то хоть в Преисподнюю.

Лицо Клемента Гаскойна приобрело сначала изумлённое, затем даже возмущённое выражение. Он дважды хотел что-то сказать, но произнёс лишь на третий раз, хорошо подумав:

— Я-то бывал в Восточном Лесу. Хочу, чтобы вы понимали: лучше уж в Преисподнюю. Там хотя бы знаешь, чего ожидать.

Тиберий гордо задрал голову, выпрямился в седле, положил ладонь на рукоятку меча.

— Я ничего не боюсь, барон. Смерть за веру — венец моих обетов.

Если вести речь о бое, об искоренении врагов Церкви огнём и мечом, то слова насчёт бесстрашия были абсолютно правдивы. Если же говорить об иных страхах — всё становилось сложнее, это ведьма показала наглядно. Но барону знать о подобном не стоит. Как и архиепископу.

Даже допустив мысль о своей негодности к роли магистра, в одном Тиберий не сомневался: уж яркий символ, воодушевляющий каждого рыцаря пример из него получается точно. А это, быть может, даже важнее.

Барон молчал долго, даже слишком долго. Затем толкнул коня в бок: лошадь послушно пришла в движение, и последние слова Клемент Гаскойн произнёс за миг до того, как развернулся.

— Храни вас Творец Небесный. Храни он нас всех.

Крупный мужчина с мясистым носом выглядел угрюмо — но беспокойство его казалось вполне искренним. Явно из тех людей, за суровой и неприятной внешностью которых скрывается добрая душа.

— Полежай-ка в телегу, парень: дело-то к ночи, а места тут нынче беспокойные. Целее будешь-то.

Здоровяк средних лет явно происходил из крещёных гвендлов. Его волосы поредели, были сильно засалены, но цвет и в темноте ни с чем не спутаешь. Медовый оттенок выдавал древний народ практически всегда — наряду с говором и некоторыми чертами лиц.

Телега была крепкая и совсем новая. Может, немного великовата для одной лошади, однако запрягли в неё очень крепкого гнедого мерина. Хозяин повозки носил хороший дорожный плащ. Безусловно, это был простолюдин — но явно не самый бедный в Вудленде.

— Повезло тебе, парень, что меня-то встретил: нынче прирежут и имени не спросят. Да ты не бойсь. Я-то не обижу. Я нормальный человек-то.

Мартин не боялся. Более того: он знал, что встреча вышла отнюдь не случайная. Сквайру было точно известно, куда идти и к которому часу. Он многое теперь знал наперёд, сам не понимая, откуда.

На облучке телеги устроиться оказалось неудобно: тут поместились бы двое обычных мужчин, но гвендл был слишком велик. Так что Мартин Мик забрался в кузов.

— Гевин меня зовут-то. Я купец-бакалейщик.

— Купец... — задумчиво произнёс мальчишка, пока витающий в собственных мыслях.

— Бакалейщик.

Гевин свистнул лошади, взмахнул вожжами. Телега тяжело тронулась, переваливаясь по кочкам.

— Тебя-то как звать, ну?

— Мартин.

— Мартин. А ты на местного-то не похож. В смысле, не с деревни какой. Чьих будешь-то?

Внешность Мартина, конечно, выдавала. Он и лицом вышел, как человеку благородных кровей положено, и одет был вполне неплохо. Только доспех выбросил: за ненадобностью и скорее даже опасностью. Ни к чему привлекать внимание. Хорошо было бы продать, но кому? Для местных броня слишком дорогая. Ещё подумают что-то не то...

— Я не отсюда. Издалека.

— Ты знатен.

— Мой отец — рыцарь, но это уже совсем не важно.

Гевин только хмыкнул. Похоже, человек он не только добрый, но также не склонный к лишним вопросам. Хорошо. Это очень на руку.

Мартин слабо представлял, что ждёт впереди, и почти не понимал произошедших с ним перемен. Но оставался спокоен: сложилось чёткое ощущение, что всё идёт как должно. Дорога куда-нибудь его выведет, а прочее — не ума Мартина дело. Вот как раз насчёт дороги вопросы у Гевина были.

— Куда путь-то держишь, Мартин? Сворачивать-то не стану: езжай, пока по пути.

— А нам по пути. Вы же на юго-запад?

— Да уж ясно, что не в Восточный Лес! И не в горы. Еду-то я в герцогство Линкольн точнее — прям в Дартфор. За добрым товаром, стало быть. Лорды-то без соли не едят, известное дело. А тебе там что надо-то?

— Да самому бы знать... — честно ответил Мартин.

Лишних вопросов опять не последовало. Гевин, не отвлекаясь от дороги, заговорил по делу.

— Вижу, стряслось что-то с тобой. Понимаю: житуха-сучка всех поимеет, в хвост и в гриву. Давай, Мартин, так... езжай уж в Дартфор-то со мной. По пути да на месте поможешь старику Гевину, чем сможешь — и считай, в расчёте. Вижу, что ты парень-то нормальный. Небось и с лошадьми обучен. И крепкий. Руки-то не помешают.

— Вы очень добры, благодарю. Я был оруженосцем, умею обращаться с конями.

Доехать до Дартфора — это Мартина вполне устраивало. Один из главных городов страны, прямо в центре Стирлинга. Уж оттуда судьба точно куда-нибудь поведёт. А может, и на месте прояснится что-то. Мальчишка твёрдо знал одно: ехать надо на юго-запад. В глубину Стирлига, в сторону столицы. Возможно — прямо в неё... опять в Кортланк. Такой знакомый и уже почти забытый, хоть прошло совсем немного времени. Иногда за пару месяцев можно прожить целую жизнь.

Немного необычным выглядело, что купец едет в ночи. Но если подумать — разумно. При той обстановке, которая сложилась теперь в Вудленде, гвендлу не стоило лишний раз попадаться на глаза что патрулям, что местному люду. Угрозы от них больше, чем от тех, кто сознательно рыщет в ночи.

Выглядел Гевин весьма грозно, а за спиной у него лежал здоровый солдатский тесак. Сомневаться в умении купца обращаться с оружием не приходилось.

Топор, который дали Мартину в Колуэе, когда он неволью обманул рыцарей рассказом о лесной хижине, в лесу и остался. Теперь юноша вооружён не был. Он вообще ничего при себе не имел. Не было ни в чём нужды.

Бакалейщик снова начал разговор, когда место их встречи уже скрылось из вида. Видать, его всё-таки тяготило одиночество в дороге — и предпочитающие путешествовать в одиночку бывают рады попутчикам.

— Ты только не думай, что я святой какой-то иль вроде того, раз тебе помочь не против. Тяжело таким, как я-то, нынче приходится. Ты и сам знаешь, наверно: дикие из леса гадят, а гвендлы из Вудленда между молотом и наковальней, выходит. Понимаю, с одной стороны: голод их гонит в набеги, а голод-то, знаешь ли, не тётка. Но, мать их, я-то могу себя честным трудом прокормить! Херли же они, сучьи дети, не могут? По что крещёные-то гвендлы за диких платить должны? Справедливо это, как думаешь? Молчишь... ясно, чего ты в том понимаешь. Ты же после Великой войны родился, а я-то её помню. И скажу: с тех пор лучше не стало. Только хуже сделалось.

— Вы воевали?

— Воевал.

— А... ну... за кого?

Гевин обернулся, злобно сверкнул глазами. Вопрос, конечно, не из неожиданных — однако и не из приятных. Великая война всё перемешала. Одни гвендлы, надеясь улучшить своё положение, служили в те годы королю Стирлинга. Мартин видел крещёных среди людей барона Гаскойна. Другие из древнего народа, искренне Стирлинг ненавидя, пошли под знамёна его врагов. Таких, говорят, было значительно больше.

— А какая разница? Двадцать лет прошло, мальчик... Насрать уже, кто за кого воевал-то. Король Балдуин сокрушил балеарцев, так ведь? Слава Стирлингу, героям слава? Ну да! Погляди теперь, что стало и со Стирлингом, и с героями.

Мартин Мик уже слышал подобные речи: в Фиршилде, будучи там вместе с покойным паладином Вермилием. Барон Гаскойн весьма скептически смотрел на плоды победы, о которой Мартину восторженно рассказывали едва ли не с колыбели. Столичная знать если частью и мыслила так же, то помалкивала. А вот простые люди вроде Гевина — эти стесняться не будут... Мартин сам был из небогатого рода, так что понимал: в Стирлинге жизнь тяжелая. Гром войны затих до его рождения, а вот эхо всё ещё разносилось. Неудивительно. Пусть прошло двадцать лет, но война-то длилась все сорок. Такое бремя отягощает и послевоенные поколения.

— Я потому и не боюсь ездить с товаром один-то: повидал всякое дерьмо. Меня-то разбойники не пугают. Встречал на дороге всякое отребье-то: глянут мне глаза — и серются. Правильно, суки, делают!

Ночь сгущалась, и вскоре они остановились, чтобы зажечь пару факелов — хоть немного осветить путь. Судя по всему, Гевин собирался ехать до рассвета. А может, и дольше. Созрел вопрос, вроде бы неуместный и способный Гевина разозлить. Но задать его Мартину хотелось — в основном ради того, чтобы проверить собственные озарения.

— А вы, Гевин... вы же исповедуете древнюю веру, да? Тайно?

Вообще-то на толстой шее Гевина болтался деревянный крестик. Голос гвендла прозвучал скорее с удивлением и даже ноткой испуга, чем раздражённо. Вот такого вопроса он не ждал.

— Ты это с чего взял-то?

— Я чувствую.

— Чувствуешь? Это как? Ясновидящий, мать твою?

— Просто чувствую. Я никому не скажу, не волнуйтесь. Да вы можете и не отвечать. Совершенно не важно, кто кому молится.

— Да ну! Прямо так и не важно? А не скажешь — глядя, сколько народу-то пережгли да перевешали за веру. В последнее время-то особо.

— Я раньше думал, что важно. Я ведь вырос при Церкви... но теперь многое узнал. И оказалось, что всё иначе устроено. Что дело не в крестах и кругах. И в действительности есть только одна вещь, за которую стоит сражаться.

— Вот тут-то соглашусь. Я на этой вещи сижу как раз: на жопе своей.

— Да нет... — Мартин даже хихикнул, хотя сразу подумал, что зря. — Я о другой вещи.

Гевин добродушно отнёсся к этим суждениям. Может, купцу было всё равно, о чём говорить в дороге. А возможно, Гевина самого интересовали подобные вопросы. Раз уж он носил на шее символ одной веры, а душе — другую.

— Чудные вещи-то, Мартин, говоришь. Ты, я смотрю-то, прямо как святая Белла: проповедник, получается?

— Ну, наверное... я пока не знаю. А может быть... пророк?

Купец присвистнул.

— Ты только об том особо-то не болтай: сожгут на раз-два. С еретиками теперь строго. В Дартфоре особенно следи за языком. У герцога Линкольна-то порядок вот так держат! — бакалейщик выразительно сжал огромный кулак.

Понятное предостережение, но Мартин ощущал: как раз говорить с людьми ему теперь

и следует. Причём при любой возможности.

— Благодарю, но не беспокойтесь. Вы говорите, что многое повидали на войне... А я на войне не был, но так вышло, что тоже нечто повидал. Такое мало кто видел.

— А вот в этом-то не сомневаюсь. По глазам вижу. Я-то всё думал, что ж тебя на дорогу понесло? От чего бежишь? А вот оно-то как, оказывается: еретик. Бывает... Теперь-то, знаешь, каждый чего-то за себя скрывает, вот и мы с тобой тоже. Такие времена.

Пусть догадка Гевина не была верной, суть он вполне уловил. Мартин испытывал интерес к этому человеку. Купец, бывший прежде солдатом, встретился ему не случайно — это заранее было ясно, но теперь сделалось совершенно очевидным. Кто-то или Что-то свело Мартина с Гевинем неспроста. Зачем? Прояснится со временем, пока бег колеса торопить не стоит.

На шее Мартина креста давно не было, но он ещё не привык к этому. Однако кожаный шнурок её опоясывал — а на этом шнурке, под одеждой, висел мешочек из пенькового полотна. Уже не символ веры, но как ему объяснили — предмет полезный. Мартин не знал, что лежит внутри. И не интересовался.

Качка на дороге перестала раздражать: напротив, начинала постепенно убаюкивать. Мартин лёг, прислонившись к борту. В полудрёме мальчишка заговорил, слов не обдумывая: они лились сами собой.

— Времена и правда тяжёлые, а будут ещё хуже, но это не беда. Так положено. Это как солнце по небу движется: кабы не наступала тёмная ночь, никогда не случилось бы рассвета. Надо только, чтобы все это понимали. Чтобы не блуждали в ночи, слепо молясь о восходе солнца... Тьма такая же часть мира, как и Свет...

— Да спи ты уже.

Мартин как раз засыпал. Окутавшее душу спокойствие чудно сочеталось со сладким предвкушением грядущих приключений. Бывший оруженосец чувствовал: он пока лишь в самом начале большого и важного пути.

На дороге к чему-то великому.

Интерлюдия. Дни прошлого

Анхелика не помнила ночи ужаснее. Она легла поздно, а едва успела уснуть — как проснулась от выстрелов.

Не то чтобы в балеарской столице по ночам нельзя было услышать стрельбы. Марисолема — огромный город, и на её улицах случалось всякое. Но теперь речь шла не о случайной драке, не о попытке городской стражи остановить преступника. Выстрелов было очень много. То россыпью, то стройными залпами.

Пятнадцатилетняя инфанта едва начала расцветать, ещё самой себе казалась ребёнком — и была по-детски впечатлительна. Первым делом она подумала о войне. Да: все сорок лет Великая война оставалась вдалеке от Марисолемы. Невозможно было представить, что битвы докатятся до столицы Балеарии, до самого юга континента. Однако звучало так, будто это случилось.

Сначала Анхелика звала служанку, а потом вскочила и сама побежала за ней — прямо в ночной сорочке, босиком. Старая Хуана тоже не знала, что происходит: только крестилась да поминала святую Беллу. Тем временем стрельба прекратилась, но инфанту привело в смятение новое обстоятельство.

— Ваш отец мёртв!

Сама по себе горькая новость Анхелику не очень впечатлила.

Император Педро Фелипе тяжко болел уже месяц. Всем было понятно — дни правителя Балеарии сочтены, и на смертном одре он не особо горел желанием видеть дочь. Анхелика давно не бывала в императорском дворце, хоть жила от него в двух шагах: перейти улицу, свернуть за угол, вот и он.

— Творец Небесный! — служанка перекрестилась. Анхелика этого не сделала.

По-настоящему смутило инфанту то, какой именно человек принёс вести. В покои ворвался Лайош Чавдар: благороднейший юноша из далёких северных земель. Анхелика мало знала о его родине, а ещё меньше — о причинах, по которым Лайош давно вращался при императорском дворе.

Он был одет по-дорожному, вооружён мечом и кинжалом. Выглядел в равной мере решительно и нелепо: словно актёр, совершенно не подходящий для роли, однако очень старательно играющий.

— Лайош, вам не нужно быть здесь!

— Ваше Высочество! Вы, верно, не расслышали: император мёртв.

— Я поняла. Это дурная весть... Но что вы тут делаете? Кто стреляет?

— Нет времени объяснять. Я боюсь, вы в огромной опасности! Я боюсь, ваш брат тоже мёртв.

— Как?..

Смерть императора не могла стать неожиданностью, однако инфант Энрике, законный наследник его, умирать не собирался. Он был молод, полон сил и планов — в основном о том, как выиграть Великую войну.

По мнению многих придворных, впрочем, уже почти проигранную. С тех пор, как Педро Фелипе перестал подниматься с постели, об этом не стеснялись говорить публично.

— Возможно, Энрике убили. Ваше Высочество, свет души моей, умоляю! Я не знакомых подробностей, а прочие совсем нет времени рассказывать. Вы в опасности!

Необходимо бежать, срочно!

— Бежать? Как? Куда?

Лайош вдруг опустился перед ней на колени.

— Со мной, Ваше Высочество. Корабль готов к отплытию, верные моряки ждут только нас. Нужно спастись. Соглашайтесь, прошу! Я увезу вас в Ургвин.

— Меня? В Ургвин?

— Там вы будете в безопасности!

— В сраном Ургвине?!

Анхелика сама не поняла, как из её уст вырвалось такое грубое — и такое, должно быть, обидное для Лайоша слово. Она тут же расплакалась: то ли от страха и смятения, то ли от стыда. Лайош поднялся и, что было ужасно не к месту, попытался обнять Анхелику. Она еле отскочила.

— Уходите!

— Ваше Высочество, пожалуйста! Я осознаю, что всё это так трагично, так внезапно... Но поймите! Я не смогу жить, зная, что не выручил вас из беды. Клянусь девятью вершинами Ург: я убью себя, если с Вашим Высочеством что-то случится!

— Лайош, не ну...

— Ради вас я готов на всё! Умоляю, соглашайтесь. Я... ну... поймите... я ведь не принуждаю вас к какому-то... серьёзному решению, словом. Мы просто должны уехать. Чтобы вы переждали тревожное время в безопасности. Ни о чём большем не смею вас просить, хотя... ну... ах, не время! Нужно спешить!

Решать Анхелике, к счастью, ничего и не пришлось. Старая Хуана как раз выглянула на улицу — и заверещала пуще прежнего. Анхелика бросилась к окну сама, чтобы посмотреть.

Из темноты к дворцу подступила толпа. Только благодаря факелам, которые многие держали в руках, было ясно: это солдаты. Стража даже не попыталась защитить ворота. Почти сразу их распахнули, вооружённые люди хлынули во двор.

Если это враги, то Лайош был совершенно прав насчёт опасности — но спастись уже поздно. Если друзья — то этой ночью они уж как-то слишком бесцеремонно являлись в гости. В любом случае от инфанты ничего не зависело. Куцая стража её не защитит, а уж Лайош и подавно — что бы он себе ни думал.

Может, это люди Энрике? А может, её брат и правда мёртв? Творец Небесный... Анхелике стало дурно, она бессильно рухнула в кресло. Лайош сел на пол рядом, взял её за руку — но что толку от такой поддержки? Слов ургвинского аристократа инфанта не слышала. Для неё он словно шевелил губами беззвучно. Слышала Анхелика только одно: как грубо барабанят с улицы в двери.

Солдаты вошли в покои, наверное, всего через минуту — но Анхелике показалось, словно полночи прошло. Человека, возглавлявшего их, инфанта узнала не сразу. Хотя должна была.

Сантьяго, старший сын герцога Тормалесо, был моложе тридцати — но Анхелике всегда казался каким-то очень зрелым, умудрённым. Возможно, таковы были его внутренние качества. А может быть, дело ином: инфанта знала наследника одного из величайших родов Балеарии с раннего детства. Тогда он был чуточку старше, чем сама Анхелика теперь.

У инфанты никогда не было повода считать Сантьяго врагом. Но кто знает, что случилось...

— Анхелика! — Сантьяго обошёлся без церемоний. — Ваш отец мёртв.

— Я знаю. — проронила она. — Но что...

— Нет времени на объяснения! Ситуация чрезвычайная. Прошу, идите со мной. Срочно! Лайош вскочил и, что самое страшное, схватился за меч. Анхелика подумала, что сейчас его убьют — прямо посреди покоев, на её глазах. Однако ничего не случилось. Сантьяго лишь смерил угвинца весьма презрительным взглядом.

— Лайош, подите к маменьке. Время не детское.

Лайош тут же принял вид нашкодившего ребёнка. Даже попытался убрать меч за спину.

— Маменька в Ургвине...

— Тем более. Вам тоже самое место именно в этом... Ургвине. А здесь вершится история Балеарии! Анхелика, прошу! Нет времени на сцены: речь идёт о судьбе государства.

Анхелика вдруг вспомнила о том, на что Сантьяго не обратил внимания. Или тактично сделал вид, что не обратил.

— Да я... Я даже не одета!

И правда: Анхелика оставалась в шёлковой ночной сорочке. Настолько тонкой, что считай — как голая. Сантьяго без лишних слов снял плащ и водрузил его на хрупкие плечи инфанты. Укутавшись в тяжёлую ткань, Анхелика вдруг почувствовала себя гораздо увереннее. Почти в безопасности.

— Нет времени на сборы. Идём, прошу. Немедленно.

— Но Энрике...

— После. Я всё объясню. Идём!

Лайоша уже след простыл. Может, он сбежал из будуара инфанты. А может, спрятался — почём знать? Анхелика перечить другу детства не стала: лишь нацепила первые туфли, что попались под руку.

Минуту спустя они уже шагали по улице — во главе множества солдат. На углу Анхелика заметила лежащих людей: скорее мёртвых, чем хотя бы раненых. Однако рассмотреть Сантьяго ей ничего не позволил. На вопросы он тоже не отвечал: лишь торопил.

— Быстрее, прошу!

— Я...

— Шевелитесь, Ваше Высочество!

Идти быстрее Анхелика не могла. Туфли, выбранные в спешке, имели ужасно неудобные каблуки. И хотя инфанта сразу догадалась, что ведут её к императорскому дворцу, делали это окольным путём: приближались с торца здания. В отличие от Полуденной площади, покрытой гладким гранитом, здесь мостили огромными булыжниками. Не очень-то удобно...

— Нечистый побери! — Сантьяго наконец понял, что поторапливать толку нет. — Эй, ты! Неси Её Высочество!

Анхелика возразила бы, однако толпа народу уже видела её в белье и чужом плаще — чего теперь заботиться о приличиях? Здоровенный солдат поднял инфанту на руки: надо признать, он хотя бы постарался сделать это деликатно. И зашагал бодро, не слишком отяготившись драгоценной ношей.

Так Анхелику и внесли во дворец императора Балеарии.

Путь по коридорам и анфиладам она запомнила плохо. Дворец казался почти незнакомым и совершенно чужим — словно Анхелика не выросла здесь. Словно не переехала лишь около года назад, когда и прежде замкнутый отец начал сторониться даже близких. Всех, кроме Энрике.

Зал, в который Анхелику привели, за год сильно изменился. Раньше это была малая трапезная — тут обыкновенно обедали в самый разгар лета, когда на солнечной стороне делалось слишком душно. Теперь шкафы с роскошной посудой убрали, стены завесили императорскими регалиями, а вместо длинного обеденного стола поставили круглый.

Двери стерегли солдаты, а внутри оказалась целая толпа. И такая толпа, что возжелай Творец Небесный направить в зал комету — он бы разом погубил половину высшего света Балеарии. Здесь был и императорский канцлер, и отец Сантьяго — герцог Тормалесо, и граф де Фанья, и Гаиска Ибарро — один из первых людей Тайной канцелярии, и многие другие. Кого-то инфанта видела впервые, кого-то помнила только в лицо — по старым приёмам, когда их ещё проводили часто.

Анхелику поприветствовали, но очень сухо и коротко — сразу вернувшись к делам, которые явно были важнее её появления. Некоторые, кажется, на инфанту вообще не обратили внимания. Все оживлённо переговаривались, отдавали подручным распоряжения, составляли и подписывали какие-то бумаги.

Одного лишь человека, без которого тут не могло обойтись, Анхелика не замечала: своего брата.

Творилась страшная суета, было шумно. Сантьяго любезно усадил Анхелику за стол.

— Фалькао уверен, что Марисолема под контролем?

— Маршал доложил только о центре города. Но сейчас это главное. Если кто-то ещё собирается выступить на стороне...

— И всё-таки я считаю, что понтифик...

— В задницу понтифика! Нам вполне достаточно...

— Третий секретариат докладывает о...

— Да, не волнуйтесь: уже вынесли. И почти вывезли.

— Тем не менее я уверен, что Гонсало Мендоса ни в коем случае не согласится с...

— Если угодно наше дело Творцу Небесному, с Бахадосского поля Мендоса не вернётся.

— В любом случае Волк Мелиньи в Марисолему теперь попасть не должен: даже если выиграет сражение. Извольте действовать по своему усмотрению, но чтобы ноги Мендосы не было...

— Борхес де Стефано до сих пор не явился? Где его Нечистый носит?!

— Вы же знаете, что сеньор Борхес...

— Больно важным человеком этот Борхес себя возомнил! Мы с Хуаном Тадео и Руисом можем всё насчёт норшгатцев решить сами. Но пусть он потом не жалуется!

— ...немедленно выделить необходимую сумму. В случае возражений сошлитесь на меня. Они не посмеют перечить. А что касается прочих банков...

— Депеша от маршала Фалькао!

— Это не мне, это для Тадео. Мне не до игр в солдатики!

— ...любые методы. Если возникнут вопросы, я отвечу на них лично. Кроме того...

— Так и скажите: командор Мендоса больше не нужен. На нашем корабле ему места нет.

От этого многоголосья у Анхелики загудела голова — впрочем, как и от всех остальных волнений ночи. Она никак не могла взять в толк, что вообще происходит. Хорошо, пусть отец умер... Энрике? Верно. Вот о нём нужно узнать! За какие-то минуты совсем вылетел из головы... К счастью, Сантьяго не оставил инфанту: лишь коротко переговорил с отцом и сразу вернулся.

— Что с Энрике?

Сантьяго промолчал, и инфанта повысила голос.

— Почему он не здесь?!

— Я желал отложить эту новость... Мне жаль. Ваш брат не выдержал горя утраты.

Анхелика думала, что опять расплачется, но этого не случилось. Она не смогла пустить слезу, не смогла даже толком вдохнуть. Гул в ушах заслонил все звуки, отгородил инфанту от мира. Лица и фигуры в зале закружились, слились в узор калейдоскопа. Анхелика едва-едва почувствовала, как Сантьяго положил ладони ей на плечи — видно, пытался утешить. Но утешений сейчас не хотелось.

В конце концов, инфанта не была круглой дурой. «Не выдержал горя утраты»? Она догадывалась, что за этими словами может скрываться.

— Ваше Высочество? Ваше Высочество?!

Анхелику принялись довольно-таки грубо тормошить. Она наконец вышла из оцепенения, первым делом поправив сползающий плащ. Инфанте вдруг снова стало не безразлично, в каком виде она сидит среди множества мужчин.

— Ваше Высочество, вы слышите?

— Да.

Над ней склонился сам герцог Тормалесо. Его сын по-прежнему стоял позади.

— Я говорю о безотлагательной процедуре. Мы должны провозгласить императрицу...

— Королеву. — послышался голос графа де Фанья.

— Королеву?..

— Королеву. Какая разница с точки зрения государства? Зато это будет символически значимый шаг, показывающий наши...

Балеарские гранды заспорили о том, в чём Анхелика сейчас не могла и не желала разобраться. Тем временем Сантьяго наклонился к её уху.

— Послушайте, Анхелика... Можете поверить: мне самому трудно уместить в голове всё, что происходит сейчас. Обязан обратить ваше внимание лишь на один вопрос — первоочередной и не допускающий ныне компромиссов.

— Какой?..

— Речь идёт о войне. Уверен, вы в полной мере унаследовали мудрость предков... по крайней мере ту мудрость, что бывала свойственна им до определённого момента. Вы ведь понимаете, что продолжение войны со Стирлингом никак не отвечает интересам Балеарии?

— Понимаю?..

— Убеждён, что понимаете. Мудрая сеньора не может не видеть — эту варварскую бойню, затеянную сорок лет назад по глупой ошибке, давно пора остановить.

— Я...

— Позвольте объяснить проще. Вы против того, чтобы верные подданные балеарской короны умирали на полях сражений?

— Да, разумеется, я...

— И вы против того, чтобы никому не нужная война оставалась тяжким бременем для нашего возлюбленного государства?

— Да, но...

— И вы желаете Балеарии процветания?

— Конечно!

— Это я и надеялся услышать. Выходит, ваше мнение полностью совпадает как со

скромным моим, так и с мнениями почтенных авторов этого документа. Прошу: подпишите.

Кто-то передал Сантьяго большой лист, а тот протянул его Анхелике. На бумаге было много слов, начертанных рукой опытного писаря, однако второпях. Инфанта не стала читать всё: хватило заголовка. *«Прокламация о мирных намерениях»*.

Сантьяго вложил в её тонкие пальцы перо.

— Подпишите.

— Но друг мой... — Анхелика подняла голову, посмотрела Сантьяго в глаза. — Но как я могу?..

— Очень просто.

Ничего не просто!.. Руки инфанты мелко затряслись. Капля чернил упала на край листа.

— Сантьяго! Она подписала?!

— Одну минуту, отец... сейчас мы...

— Живее, умоляю тебя! Полки Фалькао должны присягнуть ей как можно скорее. Да и прочих дел у нас ещё полно!

У Анхелики вдруг защипало в носу. Слезинка всё-таки скатилась по щеке, но только одна. Совсем маленькая. Сантьяго вытащил из рукава платок и осторожно убрал каплю с лица инфанты.

— Ну будет же!.. Вы достойная продолжательница великой династии. Понимаю, момент тяжёлый, но соберитесь. Пишите: «Анхелика...»

— «Анхелика»... — проговорила она, с трудом выводя собственное имя.

— «...первая того имени из рода Марисоль...»

— Угу.

— «...волею Творца Небесного...»

— Творца Небесного...

— «...королева Балеарии».

Анхелика едва карябала первые буквы, но последнюю вывела твёрдо, с красивым завитком. Рука больше не дрожала.

— Я горжусь вами, Анхелика. Любой правитель может устроить войну, но лишь великий способен её остановить. Кровь лилась сорок лет — а вы уняли её, пролив лишь немного чернил. Не окажете ли мне великую честь одной сущей мелочью?

— Всё что угодно, Сантьяго.

— Дозвольте первым обратиться к вам так: «Ваше Величество».

Глупо было отрицать: прозвучала прекрасно. Анхелика впервые за эту ночь улыбнулась. Сантьяго улыбнулся в ответ — а потом будто собирался попрощаться, чтобы заняться другими вопросами... но словно в последний момент вспомнил ещё одну «сущую мелочь».

— Ах, вот что... Достойные государственные мужи, трудившиеся здесь полночи, составили вам на подпись ещё несколько документов.

Провинциальный городок у моря был пьяным и приятно уставшим. Народный праздник давно достиг той стадии, когда веселье ещё ощущается, но возбуждение схлынуло — и всё сделалось расслабленным. То прекрасное время после заката, когда кто-то храпит под столом, кто-то давно уединился с женой — своей или чужой, а песни нестройно затягивают по два-три голоса. Когда струны не отбивают ритм, насильно тянущий в пляс, а шелестят сонно. Когда вино льётся в стаканы уже как-то нехотя. И всё обретает мягкость: тёплый южный ветерок, плеск волн, свет луны и городских огней.

Дон Карлос Мигель Каронеро в празднике, можно сказать, не участвовал.

Почтил мимолётным присутствием — как уважаемый горожанин, без благословения которого веселиться не с руки. Дон Карлос был человеком не тех лет, не того здоровья и не того положения, чтобы бросаться головой в омут лихих гуляний. Немного вина, побольше угощений, потребная случаю речь за накрытыми прямо под ясным небом Балеарии столами... И ещё наблюдение за традиционной забавой.

Днём молодые и горячие парни бежали по специально огороженной улице от быков — к счастью, обошлось на этот раз без пострадавших. В молодости дон Карлос и сам ценил такое развлечение, но давно уже на него не годился.

Да и вряд ли преследование быками взбудоражило бы морского офицера Великой войны. Сеньор Каронеро на своём веку повидал многое. О да! Он видел куда больше, чем хотел вспоминать.

Сейчас дон Карлос расслабленно возлежал в ванне — на втором этаже крепкого дома из белого песчаника. Человек, полжизни проведший в суровых условиях военного корабля, на пороге старости очень ценил подобные удобства.

Страницы книги, установленной на пюпитре, освещали многочисленные свечи. Чтобы книгу ненароком не испортить, дон Карлос перелистывал страницы, цепляя за краешек остриём кинжала.

Голоса и музыка уже едва слышались: прибором мягко, но неумолимо поглощал их. Луна заглянула в окно.

Лучшее время, чтобы погрузиться в свежую работу сеньора Луиса Родриго де Барба-и-Пескара, виднейшего в Балеарском королевстве специалиста по медицинским наукам. Хозяин дома давно не вёл регулярной практики, но продолжал интересоваться свежими веяниями — тем более что книга была посвящена полевой хирургии. Сеньор де Барба-и-Пескара тоже сражался в Великую войну: полученный тогда опыт до сих пор анализировал во всё новых и новых трудах.

Дон Карлос так увлёкся чтением, что даже не заметил, как приоткрылась дверь.

— Дорогой, пойдём спать. Книга никуда от тебя не убежит.

Франсиска была вдвое моложе супруга, и всякий подтвердил бы: она настоящая красавица. Лет десять назад вопрос выбора между ней и какой-то книжуркой вовсе не мог быть поднят. Однако теперь дон Карлос знал, что всему своё время.

— Я приду скоро. Ты уложила детей?

— Конечно, хоть это было нелегко.

Многочисленные сыновья и дочери дона Карлоса унаследовали истинно балеарский характер: после залихватского праздника трудноато оказывалось их успокоить. Старший

сын, ещё от первого брака, готовился поступать на королевскую службу — а младший едва ходить научился.

— Ложись и сама. Я скоро, обещаю.

Франсиска кивнула и затворила за собой. Сеньор Каронеро приподнял пышные усы в улыбке, затем хлебнул из хрустального бокала.

Он был доволен жизнью. Прекрасный дом, полный заморских диковинок и военных трофеев. Ворох воспоминаний о боевом прошлом. Добытый в сражениях титул — а ведь по наследству такового не досталось. Солидное пожизненное содержание от короны. Красавица-жена, дети и масса свободного времени на них.

Что ещё нужно, чтобы встретить старость?

Каронеро перелистнул страницу. Ещё один разворот — и отправится в спальню. Но он не дошёл и до середины, когда в ставни ударилось что-то тяжёлое.

— Дон Карлос! Дон Карлос!

Голос он не узнавал. К тому же, кем бы ни был человек на улице — ему потребовалось перелезть через высокий забор. Дон Карлос отложил кинжал и поднял со столика пистолет. Аккуратно, чтобы не намочить порох, взвёл колесцовый замок — а после с трудом выбрался из ванны.

Не стоило чего-то всерьёз опасаться в Касорло: ничего здесь никогда не случалось. Но привычка есть привычка. Море учит держать ухо востро. Неловко доковыляв до окна, старый офицер приоткрыл ставню. Сначала высунул наружу пистолет, затем выглянул сам.

— Кто тут?

— Не стреляйте, дон Карлос! Это я, Диего!

— Кто?!

— Диего, сын сеньора Нуньеса!

Ну конечно! Тот ещё юный стервец — скорей бы отправили на службу, пока бед не натворил.

— Что случилось? Какого Нечистого ты ломишься в окно?

— Я не решился стучаться в двери: боялся разбудить вашу семью. Я знаю, вы в такое время всегда принимаете ванну. Там... случилось кое-что. Нужна ваша помощь. Срочно!

— Какая ещё помощь?..

Если честно, дон Карлос уже догадывался. И предчувствие не обмануло его.

— Врачебная, сеньор! Там, человек... ну... вы сами увидите. Нужно идти, скорее!

— А что сеньор Паредес? Он же тут практикующий врач!

Впрочем, ветеран догадывался и о причине, по которой побежали именно за ним. Опять не ошибся.

— Ну что Паредес... пьян вдрызг, на ногах не стоит. Прошу вас, сеньор! Поспешите, ради Творца Небесного! Я буду ждать у дверей.

Дон Карлос вздохнул. Проклятье... Небось кто-то повздорил во хмелю — да схватился за клинок. Или выпил столько, что рисковал уже не протрезветь. Хотя... Раз Диего не назвал имени, могло приключиться и что-то другое.

Не имея времени на рассуждения, дон Карлос собрался по-военному скоро. Велев жене его не ждать, через считанные минуты сеньор Каронеро вышел из дому — одетый в морской камзол, при положенной по благородству эспаде, пистолете и кожаном саквояже с медицинскими принадлежностями. Дон Карлос едва поспевал за бойким Диего, опираясь на тяжёлую трость: военную карьеру когда-то прервало ранение в ногу.

Диего повёл врача не в глубину города, а напротив — вниз по вырубленной в скале лестнице, к морю. Становилось любопытно, хотя крутые ступеньки ветеран Великой войны ненавидел.

На песчаном пляже под скалой собралось прилично народу. Некоторые горожане держали факелы, другие оказались вооружены. Дон Карлос сразу узнал тучную фигуру в рясе — отец Доминго, куда без него! Что бы ни случилось в Касорло — он тут как тут.

На берег были вытащены две лодки.

Одна — весьма крепкая и явно местная. Другая — потрёпанная, но не это важно. Опытный моряк ещё издали заметил: она не похожа ни на рыбацкую посудину, ни на шлюпку с корабля. Где-то дон Карлос подобное уже видел, но не мог вспомнить, где. Давно было дело...

Ковылять по песку оказалось ещё неприятнее, чем по камню, но Каронеро ускорился, влекомый возбуждённым гулом завидевших его людей. Объект всеобщего интереса предстал перед ним скоро: разумеется, это был лежащий на песке человек.

— Творец Небесный, всемилостивый Отец наш... — бормотал падре Доминго.

Ну а что ещё может сказать священник?

— Что тут? — поинтересовался дон Карлос.

Из сбивчивых рассказов он понял немного. Выяснилось, что Пепе — местный повеса не лучше Диего, за каким-то Нечистым отправился на лодке в отдалённую бухту. Объяснять, что ему там понадобилось, юноша не захотел. Но догадаться нетрудно! Ночь лунная, море спокойное: ясное дело — стащил с затухающего праздника какую-то девчонку. Поехали, красotka, кататься! Полуразбитая шлюпка, найденная в бухте, сорвала романтическое приключение.

Человек из той шлюпки был жив, хотя без сознания. А кто он такой — о, это вызвало горячие споры. В Касорло почти каждый был связан с морем: потому горожане сразу поняли, что шлюпка не корабельная. А значит, этот несчастный не потерпел кораблекрушение. И вообще — он не местный.

Может, вовсе не из Балеарии.

— Каторжанин беглый, говорю ж!

— Или с галеры сбежал.

— Да какая галера! Ясно же: с Сартанских островов. Каторжанин!

— При чём тут острова? Напраслину попусту не наводи!.. Где Сартаны, а где мы? Это ж пилить...

— Дык глянь на него! Как думаешь: долго плыл? То-то!

Сартанские острова — место, куда попасть изумительно легко, а вот возвращаются немногие. Потому легенд о них ходило немало, и все мрачные.

Эти вопросы дон Карлоса не заботили. Врач должен прежде всего думать о спасении жизни. Абсолютно не важно, чья она и чего стоит.

Заметных травм Каронеро не увидел. Судя по обгоревшей на солнце коже и тому, как космато отросли чёрные волосы с бородой, в море несчастный провёл много времени. Возможно, месяцы. Само по себе удивительно, но на флоте дон Карлос видывал и не такое.

Опираясь на палку и отодвинув за спину клинок, старый офицер опустился на колени. Поставил саквояж рядом, затем потребовал поднести факел. Посмотрим...

Молодой мужчина, не старше тридцати. Невысокий, явно худощавый от природы — и пуще истощённый теперь. Волосы смолистого оттенка, и даже по обгоревшей коже ясно:

смуглый. Если не балеарец, то из Тремоны — точно не северянин. Одежда не военная, не моряцкая. Однако и не каторжная: самая обыкновенная. Только совсем сгнила.

— Почему не отнесли в город? Хоть кто-нибудь ему чем-нибудь помог?

— Дык ведь это, сеньор... заразным выглядит, сами гляньте. Боязно трогать. А ну как чума?

Здоровым человек с лодки точно не выглядел: густая сыпь и кровоизлияния, явно не от травм. Но учитывая все обстоятельства, диагноз дон Карлос поставил легко. Никакой чумы. Раздвинув губы незнакомца, врач увидел именно то, что ожидал — кровь на дёснах.

— Он серьёзно болен, но это не заразно. Ну-ка! Сообразите ему носилки. Или вроде того... хоть парусины кусок.

— А я сразу сказал: цинга это.

— Цинга! Так зараза же страшная! Штабелями моряки мрут...

— Умирают, да. Но никакой «страшной заразы»! — оборвал обсуждение дон Карлос. — Я бы в лицо плюнул каждому врачу, который до сих пор считает цингу заразной болезнью. Бездарности...

Извечно дискуссионный вопрос среди медиков. Моряки страдали от цинги во все времена. Болезнь, косящую людей в походах на тесных кораблях, логично посчитать заразой. Твердили об этом до сих пор, но сеньор Каронеро давно подтвердил практикой иную теорию. В эскадрах, где он служил, моряки твёрдо усваивали: причина только в неправильном и скудном питании.

Тем времени горожане продолжали суетиться.

— Надо альгвасила Кристобаля звать!

— Да звали уже.

— И где он?! Ну каторжанин ведь, зуб даю! Арестовать надо!

К счастью, любое высказывание дона Карлоса легко пресекало ропот вокруг. В Касорло его крепко уважали. Покрепче, чем представителей королевской власти.

— Оставьте сеньора Кристобаля в покое! Раз добрый доктор Паредес опять набрался — тащите бедолагу ко мне в дом. Да поживее! Кем бы этот человек ни оказался, сейчас опасности от него никакой. А после разберёмся... Да и у меня понадёжнее будет, чем у альгвасила.

Горожане бросились выполнять приказ. Отец Доминго тем временем снова забурчал: о милости и помощи несчастному от Творца Небесного.

— Оставьте, падре. Помогай молитвы в такой ситуации — священник на флоте был бы полезнее судового врача. А я такого как-то не замечал.

Отец Доминго недолюбливал сеньора Каронеро за такие речи. Особенно потому, что к любому слову ветерана в Касорло прислушивались, так что он немало баламутил паству. Два десятка лет назад подобные слова могли дону Карлосу аукнуться. Однако после Великой войны в Балеарии изменилось очень многое.

И продолжало быстро меняться.

Пока шли поиски носилок, спасённый очнулся — начал вращать головой. Он почти сразу заметил дона Карлоса, встретившись с ним взглядом. Сколь ни плачевно было состояние мужчины, чёрные глаза наполнились огнём. О да, знал опытный флотский врач подобный взгляд... Некоторых людей никакими гвоздями в гроб не заколотишь. Они выживают несмотря ни на что.

Человек, который очень хочет жить, способен на многое. А если он ещё и точно знает,

ради чего живёт...

Мужчина что-то зашептал: дону Карлосу пришлось наклониться, чтобы разобрать слова.

— Это... это... Балеария?..

— Так точно, сынок! — отчеканил офицер, который не мог говорить о стране иначе. — Балеарская имп... кхым. Балеарское королевство. Южное побережье: недалече от Тремонского залива.

Даже за двадцать лет дон Карлос не отучился иной раз называть Балеарию империей. Хотя, если начистоту — он и не особо пытался искоренить в себе эту привычку.

Балеарским языком его собеседник владел, а вот есть ли какой-то акцент — пока не поймёшь. Но пока это и не так важно. Главное, что правильно понял слова врача. Слабая улыбка растянулась на лице, глаза умиротворённо поднялись к звёздному небу. Мужчина погрузил пальцы во влажный прибрежный песок.

— Дом... милый дом.

Комната была полна звуков, доносившихся снаружи — но звуки не имели никакого значения.

Утренний свет, льющийся через распахнутое окно. Крохотные пылинки, кружащиеся в воздухе. Безоблачное, безупречно голубое балеарское небо. Тянущиеся к нему мачты кораблей, почти неподвижные яркие вымпелы. Позолоченная рама, блик солнца на чистом стекле. И фигура человека, стоящего вполборота.

Высокий рост. Стройная фигура, благородная осанка. Одна рука заложена за спину, ладонь другой покоится на подоконнике. Длинные пальцы, крупный камень на перстне. Тёмно-синяя ткань приталенного камзола, девственная белизна кружевных оборок сорочки. Властный профиль, будто принадлежащий классической скульптуре времён Старой Империи. Взгляд, обращённый в окно. Жёсткие чёрные волосы, собранные бархатной лентой в хвост до лопаток. Гордо задранный подбородок. На боку — лёгкий клинок в ножнах из чёрного дерева, перечёркивающий идеально прямой, словно мачты вдалеке, силуэт.

Лимландский мастер Клас ван Вейт, смешивая краски, примечал каждую деталь. Кисти оторвалась от палитры, и конский волос нанёс на холст новый мазок. Как ни шумел огромный город снаружи, переливами всех звуков жизни и хором множества языков, Класу ван Вейту это было не важно. Раскрыв душу вдохновению и вверив руку отточенному мастерству, он писал портрет.

Наделённых такой властью людей обычно изображают в доспехе: обязательно парадном, даже преувеличенно помпезном. И что, если они отродясь не надевали брони, дабы идти в бой? Чтя традицию и привыкнув ко вкусам высокородных заказчиков, ван Вейт изначально задумывал портрет именно таким. Но в этот раз человек, образ которого предстояло запечатлеть навеки, желал иного. Теперь, успев с заказчиком неплохо познакомиться, художник понимал — не напрасно.

Это ведь был не знаменитый рыцарь, блистающий на турнирах. Не прославленный в сражениях полководец. Не монарх, обязанный являться символом власти, даже будучи ничтожным на поверку. Не иерарх, воплощающий святость Церкви и могущество Творца Небесного. И даже не праздный аристократ, желающий быть на портрете иным, чем в действительности. Совсем другой человек.

Сантьяго Гонсалес де Армандо-и-Марка, одиннадцатый герцог Тормалесо, канцлер Балеарии. Второй человек королевства, раскинувшегося по жарким, плодородным южным землям Ульмиса. Это формально. Фактически... все понимали, кто в действительности управляет Балеарией. И мало кто точно знал, насколько далеко простирается влияние канцлера за её пределы.

Этот портрет оказался для Класа ван Вейта интересной задачей. Мастеру доводилось писать победителей: ясно, как показать на холсте величие человека, управлявшего полками и эскадрами. Ван Вейт и теперь писал портрет победителя, однако победителя иного толка. Как выразить его величие? Перед художником стоял человек, вершащий судьбы мира не хуже полководца — но без грохота пушек и лязга стали. И это был даже не король. Увлекательно!

— А вам, сеньор ван Вейт... Вам нравится Балеария? — протянул вдруг канцлер, не отводя глаз от окна.

Мастер не промедлил с ответом.

— Прекрасный край, Ваша Светлость. Тёплый и полный всего вдохновляющего для художника.

— Я понимаю... — канцлер едва заметно поднял уголки губ. — В Балеарии много прекрасного. Яркое солнце, величественные города, море всего необычного для северных государств... Вкусное вино и горячие женщины, в конце концов. Всё это художники ценят, ведь правда? Но я, сеньор, спрашивал об ином.

Языки стран, сложившихся на осколках Старой Империи, во многом были похожи — пусть ещё в те благословенные времена единый староимперский распадался на диалекты. Слишком разные земли и народы объединяло огромное государство. Теперь сложилось нечто вроде двух языковых групп, северной и южной. Хорошо образованному человеку не составляло труда изучить любые речь и письмо Ульмиса: от берегов Западного океана до гор Ург и Восточного леса, от Марисолемы до северных пределов Стирлинга. Кроме, конечно, странного языка Ургвина. Но Ургвин — во всём отдельная история.

Вот и Клас ван Вейт без проблем изъяснялся с балеарцами на их языке, однако герцог всегда говорил с ним по-лимландски. Мастер слышал, что балеарский канцлер — настоящий полиглот. Блестяще владеет даже многими языками Шера, не говоря о любых ульмисийских! И с удовольствием в том практикуется.

— О чём же Вашей Светлости угодно спросить?

— Прошу об откровенности. — ни тени акцента: будто родился на продуваемых сырыми ветрами берегах Лимланда, где море и небо одинаково серы.

— Не смею в том отказать.

— Известно, сеньор ван Вейт: соседи и в прошлом не очень нас любили, а после Великой войны тем более. Балеарская империя прошла по дороге, выстеленной благими намерениями, к статусу настоящего воплощения зла. Трагическая несправедливость! Но что поделаешь, если историю пишут победители? Вот стирлингцы и рисуют этот мрачный образ. Вы лимландец, а Лимланд порядком пострадал в те годы. Потому я и спрашиваю, сеньор: вам нравится Балеария?

«Пострадал»... это так мягко сказано! Лимланд был королевством крохотным, но при том очень богатым — мудрость правителей, деловая жилка вассалов и мастерство подданных в морском деле позволили добиться огромных торговых успехов. Балеария и Стирлинг, разумеется, желали урвать такой сочный кусок. Нетрудно догадаться, чем это обернулось для Лимланда.

Клас ван Вейт очень осторожно подбирал слова.

— Я немного помню о Великой войне, ведь был ещё ребёнком. И моей семье тогда повезло. Я не испытываю ненависти ни к Балеарии, ни к Стирлингу, если вы об этом.

— Не об этом. И вы не смогли исполнить мою просьбу. Но ничего, я не виню вас. О некоторых вещах очень нелегко говорить откровенно.

Как бы то ни было, Великая война кончилась давно. И мастер ван Вейт ясно видел: у Балеарии раны зажили куда быстрее, чем у прочих. Более того! Вместо уродливых рубцов страна получила то, что теперь её лишь украшало.

Прежде Балеария была империей, управляемой одной крепкой рукой — и тем походила на Старую Империю в последние её годы. Теперь — напротив: воля монарха в Балеарии значила едва ли не меньше, чем где-либо ещё. Ворох новых законов разделил власть не только между тронем и его крупнейшими вассалами. Многие права получили те, кто был не

слишком-то благороден, но зато очень богат.

Клас ван Вейт помнил из детства всеобщие рассуждения: слишком смелые идеи! Недолго, мол, протянет королевство, которое отдало торговые порты, цеха и гильдии в руки магнатов. Где это видано — чтобы монарх не советовался с вассалами по доброй воле, а был обязан выслушивать их требования? Иронично, что всё это давно можно было сказать о Лимланде: вроде бы удачном примере перемен.

Однако Лимланд легко замечали лишь в бухгалтерских книгах, а не на карте. Балеария же была огромна. Дескать, это совсем другое! А уж сравнивать с норшгатскими государствами... сколько их, сотня? Мало кто мог сходу ответить точно. Быть может, сами норшгатцы давно утратили счёт.

Крамольными многие сочли и изменения, коснувшиеся Церкви: особенно учитывая, что ещё при Старой Империи главой верующих в Творца Небесного был марисолемский понтифик. Он и теперь формально оставался во главе — на бумаге даже стирлингское духовенство подчинялось Небесному престолу. Хоть на деле, конечно, отношения между понтификом и архиепископом из Кортланка разорвались давным-давно.

Вера ослабла в Балеарии вполне естественным образом. Ведь законы, написанные людьми, тут поставили выше многих прав, данных Творцом Небесным. Ослабла и сама Церковь, у которой отобрали львиную долю прежних богатств. В этом соседи также видели предвестие скорого краха Балеарии.

Но двадцать лет спустя любому человеку, имеющему глаза и уши, оставалось только признать: вышло наоборот. Иначе человек этот — либо глупец, либо лжец.

Без сомнений, проигравшая Балеария жила теперь лучше победившего Стирлинга — который от войны до сих пор не оправился. Находились мыслители, высказывающиеся даже более смело: дескать, теперь Балеарское королевство сильнее, чем было до Великой войны. Иногда, мол, нужно проиграть ради того, чтобы в итоге победить.

Клас ван Вейт ещё в детстве твёрдо решил, что посвятит жизнь искусству — и всякой политики сторонился, включая споры об особом пути Балеарии. Увы: политика плевать хотела, сторонись ты её или нет. Особенно — когда живёшь в землях, что от войны... «порядком пострадали»? Ха... Великая война Лимланд просто изнасиловала. Вот это — нужное слово.

Канцлер будто прочитал мысли художника.

— Знайте, сеньор ван Вейт: я искренне желаю вашему королевству скорее оправиться от ран и, подобно Балеарии, засиять пуще прежнего. Что бы ни говорили о нас северяне, балеарцы давно не хотят никакой войны. Я сам не желаю видеть марширующих на смерть полков. Более того!.. — канцлер поднял указательный палец. — Уверяю: Её Величество Анхелика, добрая королева наша, ни в коем случае не допускает такого инструмента ведения политики, как война!

Акцент на мнение королевы прозвучал для художника саркастически. Да кажется, канцлер не постеснялся специально придать ему гротескный пафос. Её Величество любила балы, представления, шумные праздники. Если верить слухам — выбор фаворитов интересовал её куда больше, чем выбор государственных мужей на должности. Блистательная Анхелика никогда не сводила взгляда с самой себя.

По крайней мере — если судить со стороны. Но в одном сомневаться уж никак не приходилось: представление балеарской королевы о войне ограничено потешными инсценировками и театральной сценой. В королевской опере нынче любили военные

сюжеты. Ван Вейту такая мода казалась немного странной — однако он не тешил себя иллюзией, будто в полной мере познал Балеарию.

— Лимланд никогда не славился воинственностью. Мир у нас получается строить лучше, чем сражаться.

Художник сам удивился тому, с какой горечью это прозвучало. Когда меряются силой мускулов — даже самые мудрые слова не имеют веса, к сожалению.

— И это правильно! — воскликнул канцлер, всплеснув руками. — Сеньор ван Вейт, давайте прервёмся. Вынужден признать: наша совместная работа за утро успела немного утомить. Да и вы наверняка устали? Я знаю верное средство для восстановления сил. Освальдо!..

Благодаря расторопности слуги «верное средство» немедленно появилось на низком столике. Оно весьма заманчиво поблескивало в хрустале графина: не то серебром, не то лунным светом. А может быть, и солнечным. Освальдо наполнил бокал Сантьяго, а едва поднёс сосуд ко второму — канцлер остановил его.

— Не нужно: я сам налью мастеру ван Вейту. Оставьте нас.

Двери — обитые атласом, в два человеческих роста, затворились за слугой. Освальдо на Класа ван Вейта произвёл неожиданно сильное впечатление. Известное дело: к слугам многие относятся с презрением. Нередко они того заслуживают. Но Освальдо, уже почти старик, служил с каким-то удивительным достоинством. С очевидно читаемой гордостью за свою скромную роль.

— Вы, сеньор ван Вейт, удивлены выбором напитка? Наверняка удивлены. Все знают балеарские красные вина — и все любят их, конечно же. Даже стирлингская знать до сих пор пьёт балеарское — и чему удивляться! У них, в землях Бомонтов и Скофелов, делают такую кислятину... Я пробовал дважды: в первый и последний раз. Однако вернусь к важной мысли! Белые балеарские вина трагически недооценивают, поверьте мне. Разумеется, их изготавливают у нас много меньше красных, а лучшие сорта бывают слишком дороги даже для обеспеченных людей. К тому же...

Канцлер ожидал, пока художник соберёт рабочие принадлежности и поднимет со столика бокал.

— ...к тому же мы коснулись вопросов войны и мира. Это очень к месту. О наших красных винах так и говорят: «кровь Балеарии». Пусть не в мрачном смысле, но зачем такие ассоциации? Мы с вами выпьем за мир, а к миру белое вино подходит гораздо лучше.

— Но ведь красное можно сравнить с солнцем?

Художник имел в виду балеарский флаг: лазурное полотно с красным кругом по центру.

— Можно, вы правы. Но когда льётся кровь — кто смотрит на небо?.. Красный цвет очень силён. Чуть прольёшь вина по неосторожности, одну каплю... и с манжеты его уже не смоешь. Красное лучше держать подальше от своих рук. Но довольно слов! Давайте выпьем за мир, который так нужен нашим королевствам!

Да, Балеарии всегда был нужен мир... а в прежние времена — по возможности весь. Но такую мысль художник, конечно, не посмел бы озвучить.

Вино оказалось отменным, и этим наблюдением ван Вейт немедленно поделился с канцлером. В ответ Сантьяго, элегантно расположившийся на стуле из азинийского чёрного дерева, только склонил голову — да слегка улыбнулся. А затем снова заговорил.

— Вот кстати, о красном. Вы наверняка слышали печальные новости из герцогства Тремонского, достойного соседа Балеарского королевства?

— Да, Ваша Светлость. Я слышал о смерти брата герцога.

— Нисколько не сомневался! Везде об этом говорят — даже на площадях, что уж о залах... Будьте уверены, сеньор ван Вейт: тремонцы теперь будут очень пристально глядеть на балеарские манжеты. Они постараются рассмотреть хоть одну, самую маленькую красную капельку. Мне доносят, что уже нашлись люди, смеющие открыто обвинить нас в убийстве! Вы представляете?..

При этих слова Сантьяго так выразительно покачал головой, словно был подобными сведениями глубоко обескуражен. Хотя реакция многих в Тремоне виделась художнику предсказуемой.

— Ваша Светлость, я просто не смею высказывать соображений по таким вопросам. Я всего лишь художник. К тому же — иностранец.

— И напрасно вы себя сдерживаете. Поверьте: я иной раз дам много большую цену именно за мнение человека, никак не связанного с войной и политикой. Людей государственных доводится выслушивать каждый день. Но не таких, как вы. Вы художник, это верно: поправьте, если я ошибаюсь, но ведь именно художники — люди с особым видением? Те самые, кто должен примечать самую тонкую деталь? Самую важную, самую ключевую и выразительную? Чтобы сделать такую деталь явной для всех. Это верно?

— Да, Ваша Светлость... Мудрые слова. Ёмкие и точные. Совершенно согласен: как раз в этом состоит мастерство художника. Самый корень мастерства.

— Ну вот! И потому я спрашиваю, сеньор ван Вейт: что вы... — на слове «вы» канцлер сделал мощный акцент. — ...вы думаете об этом скандальном убийстве? Точнее, не совсем так... Что вы думаете о его последствиях? Тремонцы пожелают обвинить нас, это несомненно. Но нет ничего, указывающего на вину Балеарии. Как вы, проникающий в самую суть вещей, полагаете: способны тремонцы на какую-то подлость? Стоит ли мне, канцлеру Балеарии, опасаться гнусного приёма с их стороны?

Конечно, история убийства в Тремоне была сколь громкой, столь и загадочной. Клас ван Вейт не очень ею интересовался, однако слышал: о совершивших злодеяние не удалось выяснить ровным счётом ничего. Некто проник в твердыню Тремо, зарезав лишь нескольких стражников — а всех прочих обойдя. Заколот жертву и растаял в ночи, будто призрак.

Тут и речи не могло идти об обвинениях на государственном уровне. Но любой человек в здравом уме понимал, кому именно выгодна эта смерть. Без сомнений: она сыграла на руку балеарцам.

Однако канцлер вовремя поправился, спросив в итоге о другом. Оставалось лишь отвечать.

— Мне случалось путешествовать в Тремону, но визиты были довольно коротки. Не смею утверждать, будто успел хорошо узнать тремонцев. Могу уверенно сказать только одно. Если времена таковы, что убивают благороднейших людей — никто не может позволить себе роскоши быть расслабленным.

— Bravo! — канцлер даже поставил бокал на стол, чтобы негромко поаплодировать. — Bravo, сеньор! Клянусь: сама королева Анхелика не сказала бы лучше. Вы словом рисуете мысль не хуже, чем картину кистью.

— Благодарю, Ваша Светлость.

Ван Вейт сделал большой глоток вина, порадовавшись обтекаемости своей формулировки. Тут легко было ляпнуть глупость, чего художник успешно избежал. Одна из сложностей работы придворного живописца: будучи близким к сильным мира сего,

приходится выбирать слова. При том молчать частенько просто не позволяют.

Канцлер решил прервать разговор о политике.

— Вам, сеньор ван Вейт, правда нравится это вино? Не по первому впечатлению, а теперь, когда уже распробовали? Я обеспокоен: не была ли прежняя ваша похвала поспешной. Или, например, простым жестом вежливости.

— Я был абсолютно искренен. И мое мнение не изменилось: вино превосходное.

— Прекрасно! Наслаждайтесь же: думаю, мы на том окончим сегодняшнюю работу. Очень скоро меня позовут дела государственные — только и успею, что разделить с вами этот графин. Я, сеньор ван Вейт, превыше всего на свете ценю мастерство. Мастерство во всём. Не имеет значения, о чём идёт речь. Мастерство винодела, мастерство художника... Я даже мастерство людей, совершивших злодейство в Тремоне, готов уважать. Вы — истинный мастер: а значит, достойны наилучшего. Вот и наслаждайтесь прекраснейшим в Балеарии! Вино, солнце, море, шедевры архитектуры, красоты природы. И кстати!..

Канцлер доверительно наклонился к художнику. На миг в его величавом образе мелькнуло лукавство.

— Находите ли вы наших женщин достойным источником вдохновения?

— Конечно, Ваша Светлость. Балеарские женщины прекрасны. И совсем не похожи на лимландок.

— Тонкое сравнение. Всякая женщина, сеньор — словно плод земли, на которой родилась. Всегда похожа на свою страну. Вы родом из красивого края. Поистине прекрасного, однако прохладного и даже немного сурового. А у нас иное дело... В Балеарии всё выходит ярким и жарким.

Сантьяго деликатным жестом призвал мастера наклониться ещё ближе, на дистанцию шёпота — что тот и сделал.

— Сеньор ван Вейт... Я знаю в балеарском свете женщин, красота которых никак не может оставить равнодушным истинного художника. И скажу больше: нет сомнений, насколько высоко они ценят благородное искусство живописи. Убеждён, что это изумительно совпадение просто обязывает вас сделать пару-тройку... набросков, скажем так.

Балеарки нравились Класу ван Вейту — уже хотя бы тем, что действительно отличались от женщин его страны разительно. Лимландки — в основном худощавые, бледные, светлоглазые. С волосами каштановыми или рыжими. Нет-нет, это красивые женщины! Но... однообразные. Зато в Балеарии взгляд художника всё время цеплялся за чудные оттенки кожи. То оливковые, то чая с молоком, то бронзовые... А какое удивительное многообразие, оказывается, способен иметь чёрный цвет волос! Для простого человека он вечно одинаков, конечно. Но живописцу как не видеть то уголь, то обсидиан, то вороново крыло или пепельный антрацит?

И фигуры этих женщин отличались не скупым лимландским изяществом: сплошь пышные, сочные. Первые красавицы Лимланда напоминали мраморные статуи. Балеарки, напротив, были полны жизни. Бурлящих чувств.

— Конечно, канцлер. Главное, чтобы работа над такими... набросками не пошла во вред созданию вашего портрета.

— И снова: bravo! Вы бьёте словом точно в цель, мастер ван Вейт. Будто аркебузир королевской гвардии. Воистину, талантливый человек талантлив во всём. Не только кистью вы меня раз за разом глубоко поражаете! Отраднo видеть человека, всегда отмечающего

главное. Знайте, сеньор: Балеария щедра. Она никогда не забывает ни врагов, ни друзей.

Герцог вновь наполнил бокалы: графин почти опустел. Сначала взгляд его нырнул ко дну сосуда, а затем чёрные глаза канцлера поднялись. Посмотрели в зелёные глаза художника.

— Запомните, мастер ван Вейт: все и всегда получают от Балеарии по заслугам.

Франсиску появление больного в доме не обрадовало. Дону Карлосу пришлось вновь объяснять, что цинга — тяжёлая, но не заразная болезнь, так что опасности нет никакой. Что касается детей — их событие, нарушившее привычный уклад жизни, привело в восторг.

Всё это мешало дону Карлосу работать.

Поначалу загадочный человек в основном пребывал без сознания. Сеньор Каронеро знал, что хоть все необходимые действия врача очевидны — благоприятный исход не гарантирован, раз болезнь зашла так далеко. Может выжить, может умереть: от врача это не вполне зависело. Как повезёт.

Ещё после первых процедур, пользуясь беспомощностью незнакомца, дон Карлос очень внимательно его осмотрел. Стоило узнать о неожиданном госте побольше, пока тот ещё не оправился. Старый офицер заперся в комнате больного, зажёл побольше свечей.

Пожалуй, возраст он изначально оценил правильно: не больше тридцати лет, не меньше двадцати пяти. Несмотря на природную худощавость и пуще истощение от морских приключений, ясно видно: крепкие мускулы, отличное физическое развитие. Никаких видимых патологий, серьёзных шрамов тоже не видно. А что до прочих особых примет?

Никакого клейма: значит, это не каторжанин и не галерный гребец. А вот обычный заключённый — возможно, это просто так не проверишь. Характерных морских татуировок не обнаружилось. И хотя мужчина был весьма силён, на посвятившего жизнь тяжкому простонародному труду он совсем не походил. Возможно, аристократ. Или просто какой-нибудь купец, священник, служащий — любой, кто не работает руками?

О постоянном пребывании в седле телосложение незнакомца тоже не говорило. Даже если благороден, то не всадник. Что касается внешности — сошёл бы и за балеарца, и за тремонца. Может, даже за самого-самого южного норштатца... случаются среди них довольно смуглые. Поверхностный осмотр больше ничего не дал.

Дон Карлос вздохнул, плеснул себе вина, посмотрел в окно. По лёгкой ряби тянулась дорожка призрачного света луны. Только что замолкли цикады. Заняться бы в такую великолепную ночь чем поприятнее... Однако дело есть дело.

— Ну что ж, продолжим... — пробормотал сеньор Каронеро себе под нос.

Руки. Руки многое говорят о человеке. Да, ладони не были совсем уж стёрты тяжёлым трудом — но осмотрев их более тщательно, судовой врач заметил небольшие мозоли под самыми пальцами. На правой руке они были выражены гораздо сильнее, чем на левой. Чтобы подтвердить догадку, дон Карлос хорошенько присмотрелся к суставам, особенно к большому пальцу.

— Да ты, сынок, не так-то прост...

Это рука фехтовальщика, без сомнений. Очень опытного. Теперь сеньор Каронеро внимательнее отнёсся к мелким рубцам — поначалу не придал им значения, сочтя за обычные бытовые травмы. Ну да: весьма похожи на следы как тренировочных, так и заточенных клинков. Абсолютно характерное расположение по правой стороне тела. На голени, предплечье, рёбрах — значит, этот человек доспехом не пользовался. Оружие он носил с обычной одеждой.

Впервые поговорить удалось только на следующий день.

К тому времени сеньор Каронеро успел порыться в бумагах, разыскивая старые

наброски — когда-то он зарисовывал буквально всё подряд. Убил пару часов, однако нашёл требуемое. находка освежила память: лодка, которую врач видел на берегу, наверняка тремонская. Типичное судно тамошних ловцов креветок и крабов.

Герцогство Тремонское никогда де-юре не являлось частью Балеарии. Но будучи государством не слишком большим, граничащим с могучей Балеарской империей — всегда в известной степени от неё зависело. Обе стороны не испытывали радости от такого положения вещей. Поколениями тремонские герцоги грезили стать королями. А каждый император Балеарии желал когда-нибудь наконец услышать вассальную клятву некрупного, но очень богатого соседа.

Такие же мысли роились в императорских головах и насчёт норштатских государств. Лимланд тоже соблазнял правителей Балеарии. Императоры сменялись — и всё более крепла идея восстановить величие Старой Империи. Хотя бы частично. Балеарцы считали себя законными наследниками великой державы прошлого.

Когда-то, во глубине веков, одно государство занимало весь запад Ульмиса. От Южного океана до северных гор, за которыми лежит мёртвая тундра. От лимландских прибрежных скал до хребтов Ург и Восточного Леса, уходящего за пределы известного мира. Увы: с тех пор, как Старая Империя рухнула под собственной тяжестью, у новых государств Ульмиса не находилось времени и сил на изучение далёких земель. Вдумчивое исследование мира виделось задачей поколений, которым выпадет жизнь поспокойнее.

На руинах Старой Империи сложилось немало государств, но лишь Балеарская империя на юго-западе и королевство Стирлинг на северо-востоке стали по-настоящему могучими. Остальные старались держаться кого-то из доминантов или лавировать между ними.

Рано или поздно большая война обязана была случиться. Вопрос состоял лишь в том, кому достанет смелости или глупости нанести первый удар. Шестьдесят лет назад на балеарский престол взошёл Педро Фелипе — и немедленно начал войну, к которой все давно готовились.

Неудивительно, что едва Балеария сцепилась с равным по силе противником — тремонцы выступили против своего грозного соседа. Герцоги так и не короновались, но послевоенные договоры освободили их от бывшего влияния Балеарии. Стирлинг подмять Тремону под себя тоже не смог: слишком далеко. Баланс остался шатким.

Все понимали, что Тремона хочет быть настоящим королевством. Более того: недалёк день, когда она сама возжелает начать экспансию. Возможно, станет подчинять небольшие норштатские графства, герцогства и княжества. Возможно — даже начнёт войну с Ургвином. Рано или поздно.

Конечно, многих балеарцев подобное не устраивало. Сдержат усиление Тремоны, в идеале — и вовсе вернуться к прежнему положению вещей... Вот о чём мечтали люди старой закалки. Истинные патриоты.

Но воевать открыто никто уже не собирался. Борьба теперь разворачивалась на бумаге, в переговорных залах да по тёмным углам, где вершились тёмные дела. Это — война уже не для таких людей, как дон Карлос.

Совсем для других.

Например — для тех, которые владеют клинком, но не носят доспеха. Для тех, кто не покрывает тело сталью, а прячет сталь под плащом. Дон Карлос размышлял об этом, глядя на обессиленного незнакомца.

Итак, первая беседа состоялась отнюдь не сразу. Время от времени больной начинал

бредить, но затем впервые по-настоящему заговорил.

— Я умираю, да?..

— Пока, сынок, трудно судить.

На лице незнакомца, еле освещаемом свечами, промелькнуло нечто вроде усмешки.

— Не... не жалеете... моих чувств. Если умираю, так и скажите. Смерти я не боюсь, а умереть в постели вовсе не чаял. Пусть даже в чужой.

Сентиментальность в таких вопросах сеньору Каронеро и не была свойственна — как любому врачу. Если слишком сопереживать каждому пациенту, быстро рассудком повредишься. Особенно на войне.

— Я правда не знаю. Известно лечение от твоего недуга, но я не могу уверенно сказать, что оно поможет. Либо умрёшь, либо нет.

— Мне нужно знать точно. А то как же умирать без исповеди? Не годится, сеньор...

— Для исповеди тебе потребен священник, так что это не по адресу. Я спасаю тела, а не души.

— Нет... Моя исповедь не для священника. Падре меня не поймёт. Многовато грехов. Вот знаете, статуя святой Беллы в церкви... будто корит: как ты, грешник, вообще посмел явиться сюда? Жил с Нечистым, так с ним и умирай, почто молитвы вспомнил?..

Дальнейшие слова утратили связность. Дон Карлос надеялся разобрать в этом бормотании нечто важное, но бред и был бредом. Затем мужчина опять пришёл в себя.

— Вы ведь военный, я вижу.

— Военный. Карлос Мигель Каронеро, лейтенант имперского флота. Судовой врач «Белла Светлейшая»... если ты слышал о флагмане адмирала де Сонгре, конечно.

— Как не слышать... Да вы большой человек. Только такому исповедь и доверю... А также доверю последнюю просьбу, коли выйдет, что умираю. Вы же славный воин Балеарии. Вы не откажете.

— Из меня плохой проводник на Небеса.

— Зато вниз... хороший. Как крестили, я с Творцом Небесным мало дел имел... Больше ждал, пока снизу заговорят. Дескать: сменяй душу на удачу, не видала Преисподняя убийцы лучше. Ну нет... При мне душонка-то пока. Да и удача, раз оказался здесь... Не отдал я душу Творцу Небесному, а Нечистому подавно не видать её при моей жизни. Но если подумать... Невелика ценность в моей душе. Её не отмыть. Я не уважал ни мирские, ни высшие законы. Что мне крест да хоругви... хрень собачья. Перекрестие эспады и флаг. Вот в это я верил, сеньор...

— Имей в виду, сынок: я не священник, тайну исповеди соблюдать не стану. Сейчас я исполняю свой долг и только. Мне ни к чему знать, убийца ты или нет. Потом будет иначе, если выживешь.

— Оттого и любопытно, выживу ли. Мне много лет не с кем было о жизни поговорить: такая уж вышла жизнь. Перед смертью должно поделиться с... С тем, кто выслушает самую суть, а не станет призывать покаяться.

— Ты лучше выпей вот это, чем тратить силы на болтовню.

Полубредящий незнакомец пил, сильно морщась. Глотал с большим трудом. Дон Карлос не пожалел на снадобье лимонов — пусть они были значительно дороже, чем лаймы. Морской опыт давно убедил его, что лимон несравнимо эффективнее.

— Я ни о чём не жалею... так и запомните. — пробормотал больной.

И более в тот вечер ничего связного уже не произносил.

Подозрения сеньора Каронеро лишь укрепились. Следующим утром он навестил альгвасила Кристобая, рассказав обо всём. Альгвасил — типичный полувоенный из числа не нюхавших крови и пороха, отнёсся к донесению с чрезмерным энтузиазмом. Горячо убеждал дон Карлоса немедленно отдать подозрительного человека ему. Врач предложение отверг: ведь для начала незнакомца предстояло спасти.

Однако осторожность не помешает, в этом дон Карлос убедился. Так что под конец недели, когда загадочный мужчина окончательно пришёл в себя, его правая рука была прикована к мощному каркасу кровати. Никакой возможности освободиться. Во-первых, больной был ещё достаточно слаб, а во-вторых — один из сыновей врача нехитрую работу выполнил на совесть.

Он же сторожил пациента большую часть времени, причём отец строго запретил юноше вести с ним какие-либо разговоры. В исполнительности сына дон Карлос не сомневался. Что до лечения, то ничего хитрого в нём по-прежнему не было: давать снадобья против цинги и пищу, когда имелась возможность это делать. И ждать.

Удостоверившись, что пациент уже в ясном сознании, старый моряк решил побеседовать с ним всерьёз.

Больной, похоже, почти не помнил последних дней — и едва ли сейчас твёрдо знал, что говорил хозяину дома накануне. Однако сделался вполне бодрым: в теле стало больше жизни, с лица не сходила кажущаяся немного зловещей улыбка. Из-за отросшей бороды трудно было рассмотреть лицо. Выглядела она ужасно нелепо, совсем мужчине не шла. Наверняка в обычной ситуации он брился начисто.

— Рикардо, оставь-ка нас вдвоём. Займись каким-нибудь делом.

Юноша был рад найти занятие поинтереснее. Сеньор Каронеро запер дверь и присел напротив незнакомца, многозначительно выложив на стол пистолет. Незнакомец следил за врачом с живым интересом. Глаза так и блестели в полумраке.

— Помнишь ты или нет, представляюсь ещё раз: Карлос Мигель Каронеро. Теперь, сынок, самое время тебе назвать своё имя.

Характерное движение глаз в сторону, миг промедления.

— Иньиго.

— Что-то не быстро ты имя вспомнил...

С кровати послышался смех.

— Вы проницательны, сеньор Каронеро. Я его выдумал только что. Обыкновенно продумываю все детали заранее, но нынче немного не в форме.

— Ну... Видимо, настоящего имени ты по доброй воле не скажешь. Не суть важно: пусть и Иньиго. Расскажи-ка, Иньиго, откуда ты пришёл к этому берегу? Как тебя занесло в море?

Иньиго, как бы его ни звали на самом деле, устроился на кровати поудобнее — насколько это позволяла цепь. Теперь дон Карлос понял, что по-балеарски его собеседник говорит абсолютно чисто. Даже без какого-нибудь провинциального, пограничного акцента: как настоящий марисолемец. Но это ещё ничего не значило.

— Я никогда не любил море, вот оно мне и ответило тем же. Думаю, вы уже догадались: я совсем не моряк. Мало имел надежды пройти большой путь по воде в одиночку, без опыта, да ещё на этой жалкой посудине. Но так сложились обстоятельства... Меня долго мотало по морю, по каким-то безжизненным островам. Сам не знаю, сколько: потерял счёт дням после месяца. Едва припасов хватило, да попалось по пути кое-что.

— Увлекательная история, но я знаю морские байки получше. Ты не сказал того, о чём я спрашивал.

— А я на допросе?

— Пока нет, но я рассчитываю на ответы. Хоть бы из благодарности: я спас твою жизнь. В камере ты бы недолго протянул.

— Что скажешь... Я благодарен, конечно. Но как знать: может, вам не стоило меня спасать?

— Позволь-ка, сынок, мне задавать вопросы.

Иньиго кивнул.

— Вот и молодец. Оставим пока вопрос, откуда ты чудесным образом взялся в море: пусть хоть ангелы Творца Небесного спустили тебя на тремонскую лодку. Чем ты занимаешься, Иньиго?

На этот раз ответ прозвучал без малейшего промедления — и чётко. Назвавшийся выдуманным именем явно говорил о том не впервые. Привык к такому вопросу.

— Я, сеньор, занимаюсь делами государственными.

— Это как раз ясно. — врач нахмурился, наклонился вперёд. — Делами какого именно государства?

Теперь Иньиго ответил далеко не сразу. Однако он не отводил глаз. Ничто в позе и взгляде Иньиго не позволяло заподозрить, будто он подбирает слова, пытается что-то разгадать в доне Карлосе, как-то его перехитрить. Пациент просто сознательно держал паузу. Словно был... немного обижен, что ли?

— Вот, выходит, как обстоит дело... Коль скоро я в Балеарии, а вы — офицер имперского флота, то суть подозрений ясна. Вы полагаете, я служу врагам этой благословенной страны? Тремоне, скажем — раз опознали посудину?

— Подозреваю, сынок. Люди вроде тебя не появляются на балеарском берегу просто так. Под чужим именем, на лодке из другой страны, со странной историей без подробностей.

— А вы желаете подробностей? Их много... Устанете слушать. Лодка тремонская, это верно. И я думаю, очевидно: вряд ли на ней оказалось бы довольно припасов на месяцы, кабы снаряжали судно для одного человека. Но... Сами видите, досталось оно одному.

— Ты снова уклоняешься от вопроса. А я ведь хочу говорить по-хорошему.

— Ох, ну только не угрожайте мне, сеньор! — Иньиго саркастически захихикал. — Вот уж правда, пуганого пугаете. Я не ответил на вопрос, потому что вы всё равно не поверите мне на слово. Ну хорошо, скажу так: я служу Балеарии. Вас это в чём-то убедило?

Дона Карлоса это, конечно, не убедило ни в чём. Скорее наоборот: теперь он полностью уверился, что имеет дело с личностью крайне тёмной. Такой омут, где водиться может что угодно. Это явно выходит за пределы долга и компетенций судового врача. Не лыком шит парень — кем бы ни являлся. Опытен не только в обращении с клинком.

Вопрос Иньиго явно был риторическим, впрочем. Дону Карлосу стоило сказать совсем о другом.

— Сынок, я врачебный долг исполню: сделаю всё, чтобы ты выжил. А прочим станут заниматься люди, дававшие иные присяги. Утром же с ними поговорю на эту тему... Пока ограничусь простым предупреждением: если ты думаешь, что набрался сил для какой-нибудь глупости, то напрасно. Прикован ты надёжно. И должен был заметить — в этом доме мужчины начеку.

— Ваш сын упорно неразговорчив. Правда, знаете... временами неосмотрителен.

Сеньора Каронеро эти слова слегка рассердили. Он потянулся к пистолету — однако этот жест не возымел никакого действия на подозрительного человека.

— Имей в виду, сынок: ноги мои шевелятся еле-еле, зато со скоростью и твёрдостью руки полный порядок. Если что — пристрелю тебя без малейших сомнений и горевать не стану! Я твою жизнь спас, я и заберу.

— Да вы, сеньор, прямо Творец Небесный.

— Плохой предмет для иронии, поверь мне.

— Верю-верю. Жаль, вы не согласитесь освободить меня от цепи, чтобы по-дружески помериться быстротой и твёрдостью рук. Я чувствую себя паршиво, но... сильно сомневаюсь, что уступлю вам.

— Именно поэтому ты на цепи.

— Я догадался: похвальная осмотрительность. Вы, сеньор Каронеро, несомненно достойнейший муж Балеарии. Великая страна наша поднялась на плечах таких, как вы. На них всегда и будет опираться. Отрадно, отрадно быть сведённым судьбой именно с вами! Вот что... Вы, так сказать, желаете дать положенный ход ситуации, которая у нас сложилась?

— Верно подмечено.

Иньиго снова поёрзал, пытаясь сесть более прямо. Либо у него имелись самые веские основания для спокойствия, либо хладнокровию этого человека стоило всерьёз позавидовать. Возможно — верно было и то, и другое.

— Надеюсь, вы сочтёте достаточно безопасным дать мне перо и бумагу. Я полагаю, здесь какой-то маленький городок? Значит, прямо на месте вы не передадите мой вопрос человеку, способному взять его на себя. Что тут обыкновенно происходит: пьяные драки? Раз подозреваете во мне тремонского шпиона — дело серьёзное. Такое необходимо донести до... компетентных людей.

Дон Карлос не прерывал Иньиго. Тот развивал интересную мысль.

— Так вот. Я напишу кое-что: буквально пару слов. Небольшого клочка бумаги довольно. Желаете отдать меня в руки властей? Пускай эта бумажка непременно к ним попадёт. Всё одно, к кому именно. Я не прошу нести её по определённому адресу, дабы не вызвать обоснованных подозрений. Главное, чтобы бумагу передали любому, кто в вашей местности занимается делами Тайной королевской канцелярии. Это совершенно естественное действие: кому ещё доносить о тремонском шпионе?..

От бумаги и пера действительно опасности не ожидалось. К тому же поведение Иньиго стало более загадочным — но зато менее подозрительным. Его совсем не страшила перспектива встречи с Тайной канцелярией. А эта организация в Балеарии пугала кого угодно.

Мужчине и правда хватило нескольких слов — накарябанных, из-за цепи и необходимости писать полулёжа, с большим трудом. Лист он сложил вчетверо. Бумага полетела с кровати на стол. Дон Карлос потянулся к ней: Иньиго вновь заговорил именно в этот момент.

— Хочу вас предупредить, сеньор Каронеро... Куда лучше для вас просто убить меня и бросить в море, чем прочесть это. Или, тем паче, поднять вокруг моей скромной персоны какой-нибудь шум... А шум неизбежен, если вы отправите меня в тюрьму. Слишком большое событие: шпионов ловят не каждый день. Передайте бумагу прямо в руки человеку уполномоченному. Любому. Иначе, я боюсь, вся эта история может быть... принудительно

предана бесповоротному забвению. Что не в ваших интересах, верно?

Дон Карлос даже утра не стал дожидаться. Сын сторожил Иньиго, пребывавшего в полной расслабленности, пока морской офицер наносил ночной визит сеньору Кристобалью. На не в меру впечатлительного альгвасила рассказ врача возымел действие большее, чем следовало. Он сначала порывался изучить бумагу, затем — бросить её в огонь. Только настойчивость дона Карлоса убедила Кристобаля дать обещание: он завтра же направится в соседний город. И подозрительный вопрос, возникший в Касорло, передаст специалистам по подозрительным вопросам.

Почти неделю после этого не происходило ничего. Иньиго оставался под присмотром, продолжал набираться сил. Ухаживали за больным сыновья сеньора Каронеро, наследующие профессию отца — но теперь уже частенько при его вооружённом присутствии.

К вящему неудовольствию Франсиски, альгвасил Кристобаль навязал пребывание в доме совершенно бестолкового солдата. Тот раздражал чету Каронеро заигрываниями с их старшей дочерью, но едва ли мог принести какую-то пользу.

Иньиго, с которого почти сошла сыпь, убеждал хозяев, что абсолютно не собирается бежать — хотя, якобы, способен сделать это легко. От прочих бесед уклонялся, хотя пару раз хозяин дома пытался выведать у загадочного гостя что-то ещё. Без толку.

За эти недели семейство Каронеро даже успело немного привыкнуть к Иньиго. Размеренная жизнь маленького прибрежного города быстро поглощает всё, что волны выносят на берег. Какое бы изменение ни произошло, оглянуться не успеешь — и оно делается частью обыкновенного течения событий.

За это старый моряк и любил беззаботный Касорло.

В городке не подозревали о тревожных деталях: жители лишь знали, что странного незнакомца выхаживают в доме Каронеро и нет никакого повода для беспокойства. Солдат Кристобаля оказался пускай бестолковым, но не болтливым.

Хватило пары дней, чтобы сплетни перестали вращаться вокруг морского происшествия и вернулись к темам обыденным: вроде морального облика чей-то дочери или мрачных жизненных перспектив чьего-нибудь сына. А также улова креветок, подорожания оливкового масла, планирующейся через месяц свадьбы — и других важнейших для этого крохотного мирка вопросов.

В середине недели отец одной из местных скороспелых девиц наcostылял Пепе — тому самому повесе, который обнаружил лодку Иньиго. И тогда фокус общественного внимания сместился окончательно.

А в последний день той недели, едва забрезжил рассвет, в Касорло въехал большой закрытый экипаж.

Дон Карлос заметил его издали по случайности, потому как в ту ночь ему не спалось. Отличная карета на рессорах, и лошади были запряжены холёные. Ко всему прочему, позади экипажа ехали двое всадников: в гражданском платье, но вооружённые короткими аркебузами.

Ясное дело — прибыл непростой человек. Как и следовало ожидать, экипаж направлялся к дому сеньора Каронеро. Провожатые гостям города не потребовались, альгвасила Кристобаля видно не было.

Всадники перед домом спешиваться не стали. Из кареты вышли двое — но, учитывая солидные размеры экипажа, нельзя было увериться, что внутри нет других людей. Велев Франсиске сидеть наверху вместе с детьми, дон Карлос отправился встречать гостей —

долгожданных и неожиданных в равной степени.

Двое мужчин, появившиеся в дверях, производили тяжёлое впечатление.

Один, одновременно изысканно и неброско одетый, мягко улыбался и очень пристально глядел. Говорящий контраст: вот такие и занимаются в Балеарии «делами государственными». Второй же был одет простонародно. Полный, с сальной кожей, залысынами и проседью. На первый взгляд — простой забулдыга, но то на первый. От толстяка веяло могильным холодком.

Да, вот так дон Карлос и сказал бы о гостях: это люди с запахом могилы.

— Лопе де Гамбоа. — представился хорошо одетый незнакомец.

И протянул дону Карлосу несколько бумаг. Документы имели такие подписи и печати, что словно весили не меньше хорошего кирпича. Лопе де Гамбоа приехал не из большого города неподалёку — из самой Марисолемы. Бумаги, которые он привёз, могли открыть любые двери в Балеарии не хуже тарана.

Его спутник не представился.

— Сеньоры, прошу за мной.

Иньиго сначала разворчался: был недоволен, что его разбудили так рано. Однако, едва завидел гостей из столицы — сразу оживился и даже обрадовался. Было легко заметить: больной и неопрятный толстяк узнали друг друга.

— Какая прелесть... — Иньиго сонно потёр глаза. — Едва вернулся в Балеарию, как уже вижу твою толстую рожу. Как же я по ней скучал!

— Это он? — спросил Лопе толстяка.

— Он самый. Оброс только...

— Прекрасно. Сеньор Каронеро! Обладая на то полномочиями, я забираю этого человека с собой. Не беспокойтесь об альгвасиле... Кристобале, верно? Он будет уведомлён надлежащим образом. Этот человек сможет самостоятельно спуститься вниз? Я могу пригласить людей, оставшихся на улице...

— Как только меня избавят от цепи, ещё как смогу! — опередил врача Иньиго.

— Он не вполне здоров, но поездку перенесёт. И ходить может. Должен лишь отметить то, что касается медицинских вопросов: он нуждается в...

Лопе де Гамбоа поднял ладонь, и хозяин дома сразу замолчал.

— Не беспокойтесь, сеньор: о здоровье этого человека есть кому позаботиться. Однако же мы спешим, потому прошу освободить нашего общего друга как можно скорее. А ты... — Гамбоа обратился к толстяку. — ...ты больше здесь не нужен. Спускайся, будь добр.

Пока старший сын сеньора Каронеро возился с цепью, создавая тем немало шума, Лопе де Гамбоа кивнул в сторону: дал хозяину понять, что желает поговорить наедине. Дон Карлос провёл его в кабинет.

Общаться с людьми из Тайной канцелярии ему прежде доводилось лишь пару раз — причём то были служащие невысокого чина. Да и сколько лет прошло... Людей вроде Лопе де Гамбоа врач всегда представлял именно такими: неприметными, очень спокойными, абсолютно уверенными в себе. Голос столичного гостя звучал приторно мягко, но за этой сладостью ощущалась и твёрдость. Будто металл мёдом помазали.

— Дон Карлос! В первую очередь я обязан... Ах, даже не просто обязан, но также почту честью и немалым удовольствием поблагодарить вас. За исполнение простого, но такого важного в наше время долга. Долга бдительного гражданина Балеарии и медика королевского флота.

— Имперского флота, сеньор. Я служил империи.

Лопе де Гамбоа не скрыл, что ему очень понравились эти слова.

— Как и все мы, сеньор. Как и все мы... Во всём, от и до, вы поступили верно — полностью подтвердив свою безупречную репутацию.

— Моя репутация так известна в столице?

— Мне, сеньор, по долгу службы известно многое. Я знаю всё важное обо всех людях, которых государству необходимо знать. Однако я здесь не только ради благодарностей. Уполномочен лично передать вам скромную награду за верность короне. Она же — компенсация за все нечаянно возникшие неудобства.

Тяжёлый звук, с которым кожаный мешочек опустился на стол, не оставлял сомнений: наполнен кошель золотом. Даже не серебром. Это огромные деньги... Старый офицер покачал головой.

— Награду я не приму. Речь об исполнении долга верного подданного Балеарии, как вы верно заметили. Таковой долг не требует оплаты.

Гамбоа вздохнул: мягко, но с явным неудовольствием. Так ребёнка уговаривают есть кашу.

— Сеньор Каронеро, я всё-таки вынужден настаивать: примите. Это не только награда и компенсация. Это... своего рода плата за одну простую услугу.

— За какую же?

— Речь об услуге забвения. Вы каждый день забываете какие-то мелочи, правда? Пусть же всё, что случилось здесь, окажется одной из таких мелочей. Понимаете... В бреду болезни люди иногда несут всякую околесицу. Опытный врач, каковым вы являетесь, не придаёт подобным вещам никакого значения, верно? А мудрые люди не склонны совершать глупости.

— И вы, конечно же, ничего мне не объясните.

— Конечно. Вы, дон Карлос, умудрённый жизненным опытом человек. Совершенно очевидно, что вы осознаёте: не следует задавать вопросы, на которые лучше не получать ответов. Поймите правильно! Я не пытаюсь вас купить. Подобное было бы оскорбительно, причём для нас обоих. Эти деньги — прежде всего жест благодарности со стороны королевства. Вроде содержания, которое полагается ветерану за подвиги в Великую войну. Вы, можно сказать, вновь совершили небольшой подвиг.

— О моих прежних подвигах не велели забывать.

— Конечно. В военное время всякий подвиг должен быть воспет! А вот настоящие герои мирного времени — это... скажем так, очень тихие люди.

Спорить было бесполезно. Да и неуместность своего естественного любопытства дон Карлос осознавал прекрасно. Он не столь уж многое понял из путаных слов Иньиго — которого, конечно, в действительности звали иначе. Но даже из того малого можно было сделать серьёзные выводы. Можно было... но явно не стоило. Лопе де Гамбоа был прав: ответы на некоторые вопросы знать ни к чему. Особенно семейному человеку, которому повезло пережить столь много опасностей. Не следует лишний раз искушать судьбу.

Дону Карлосу осталось лишь сопроводить гостей к выходу. Иньиго шагал нетвёрдо, зато выглядел радостным. Во дворе оказался ещё один человек, вышедший из кареты: столь же обыкновенный, как все остальные столичные гости Касорло. Он покрыл плечи освобождённого плащом.

— Всего доброго, сеньор Иньиго! Как знать: может, мы ещё свидимся.

Иньиго, не без труда забирающийся в экипаж, обернулся через плечо.

— Я не из тех людей, с которыми ищут встречи. Будьте счастливы и благоразумны, дон Карлос.

Леди Эбигейл Бомонт всегда утомлялась от путешествий — а нынешнее вышло довольно долгим. Обстоятельства, требующие хранить планы в тайне, вынудили не садиться на корабль в столице Стирлинга. Маленькое двухмачтовое судно отчалило в ночи — с пристани крохотной, не обратив на себя лишнего внимания.

Мужу маркиза сообщила, что собирается навестить престарелую мать. Та, давно вдовствующая, уединённо проводила остаток дней в скромном замке на севере Стирлинга. Вряд ли маркиз сумел бы найти родовое гнездо супруги на карте.

Матушка являлась женщиной мудрой, понимающей: она всегда была готова подтвердить ложь дочери. Нужными письмами обменялись загодя.

Леди Эбигейл происходила из бедного рода, не имеющего славной истории. Но в своё время она из нескладной поначалу девчонки превратилась в женщину завидной красоты — и такая удача подарила Эбигейл очень выгодное замужество.

Да ещё и удобное. Маркиз Амори Бомонт, в противоположность младшему брату Арчибальду — прославленному рыцарю, был слабой личностью и не слишком дальновидным человеком. Его способностей хватало, чтобы править обширными землями на юге Стирлинга, но обмануть Амори всегда было проще простого. Маркиз привык к долгим отлучкам жены и почти не придавал им значения. Весьма напрасно не придавал, если говорить честно.

Леди Бомонт с годами, помимо неувядающей красоты, обрела ещё и ум. Она научилась ловкой использовать обе свои сильные стороны. Ум и красота — опасное сочетание.

— Маркиза, мы будем на месте в течение часа. Вам должно готовиться сойти на берег.

Подготовиться действительно следовало. Путешествия, совершаемые инкогнито, накладывают неприятные неудобства: тут уж ничего не попишешь. Корабль не только вышел из крохотной гавани посреди ночи, но и прибывал в затемно, в какую-то балеарскую глушь. После предстояла дорога до Марисолемы, в которой возможности позаботиться о себе не ожидалось. При том на месте потребуется сразу выглядеть хорошо.

Увы, хоть маркиза не состарилась — но и молодость осталась позади давно. Законы Стирлинга позволяли замужество с пятнадцати лет: скоро леди Эбигейл в третий раз предстояло достигнуть этого возраста.

В такие годы женщина вынуждена прилагать много усилий, чтобы выглядеть впечатляюще. Леди Эбигейл в целом повезло. Всего одни роды — милостью Творца Небесного успешные, её фигуре почти не повредили. Никуда не делись ни изысканные черты лица, ни выгодное сочетание тёмно-каштановых волос со светлыми северными глазами. Вполне приличная для такого возраста кожа, особенно если носить печатки: руки маркизу выдавали более всего прочего. Ни намёка на седину.

Однако красота давно требовала серьёзной поддержки. Тем более что платье нынче придётся избрать скромное: внимание посторонних ни к чему.

Сам по себе крохотный причал в ночи вовсе не был виден: лишь дрожал свет пары факелов, много более ярких, чем рассыпанные по чистому балеарскому небу звёзды. Прохладный, но приятный ветерок слегка шевелил уложенные волосы маркизы и кружева её наряда. Приятная ночь. На юге они почти всегда такие...

— Леди, мы не сможем подойти прямо к причалу. Не подходит пристань для нашего

судна. Увы, вам придётся перейти на шлюпку.

— Ничего страшного.

Маркизу сопровождало всего несколько человек, но то были люди исключительно верные: давно понявшие, кто в семье Бомонтов представляет реальную силу. Семья-то, конечно — одна из самых древних и прославленных в Стирлинге. Пусть титул не герцогский, это вовсе не снижало значимости дома. Маркизами Бомонты оставались лишь потому, что стерегли южные границы королевства — вместе со Скофелами. Важная и почётная роль, на которую нынешний маркиз категорически не годился, если по чести. Военные дела никогда не пребывали в руках Амори — ими занимался Арчибальд. Прочее, явно или неявно, давно взяла под контроль Эбигейл.

В лодке, помимо маркизы, оказались ещё трое: рыцари на службе Бомонтов. Они были облачены в доспехи и вооружены, но не собирались сходить на берег. Таков уговор. Вёсла подняли плеск, а вдалеке кто-то сделал приветственный жест факелом. Всё правильно, их ждут.

Скоро люди на причале сделались более-менее различимы: несколько размытых фигур в плащах. Они если и говорили, то шёпотом, а скорее молчали. Здесь вообще было очень тихо. Глушь какая-то, право слово. Это далеко не Марисолема — огромный город, никогда не знающий покоя. Там вечно бурлила жизнь, с течением суток лишь перемещаясь: от вечно забитых людьми улиц, ведущих с одной многоголосой площади на другую — в кабаки у порта, богатые дворцы и готовые к высокосветским приёмам усадьбы.

Но здесь — только плеск воды и тихий ветерок.

Всё настраивало маркизу на умиротворённо-радостный лад, а вот сир Джон Барсби был весьма мрачен. Барсби сражался на полях Великой войны, побывал в плену, а при Тагенштайне потерял брата. Балерцев он, разумеется, не любил — и это ещё мягко сказано. Но несмотря на это, в таком щекотливом деле был одним из самых надёжных людей маркизы: разве только много ворчал.

— Имперские ублюдки... — процедил он, пристально следя за берегом.

— Перестаньте, сир Джон. Во-первых, они мои друзья. Во-вторых, война давнo закончилась.

Барсби только склонил голову — желая извиниться, но явно нисколько с леди Эбигейл не согласившись. Понятное дело! Военные раны не могли затянуться при жизни ветеранов — особенно если постоянно сыпать на те раны соль. Вопрос ещё, как скоро заживут они после смерти последнего из видевших войну своими глазами.

Двадцать лет прошло, а Стирлинг продолжал жить памятью о победе — которая забрала гораздо больше, чем дала. Маркиза думала, что немногие в Стирлинге понимают это лучше неё. Таковое понимание и привело леди Эбигейл в Балеарию, в земли старых врагов. Уже далеко не впервые.

Шлюпка стукнулась об деревянный пирс. Трое мужчин приблизились к ней: факелы давали не так уж много света, но и под ярким солнцем маркиза наверняка не заметила бы в незнакомцах чего-то необычного. Люди как люди, одетые небогато, но вполне прилично. Длинные клинки оттопыривали края дорожных плащей, но какой мужчина ночью ходит без оружия? Ничего необычного.

Балеарец вытянул руку с факелом, осветив лодку. Женщину он, конечно, сразу узнал.

— Добро пожаловать в Балеарию, сеньора.

Пирс оказался слишком высок, чтобы леди Эбигейл самостоятельно выбралась из

шлюпки — тем более в крайне неудобном для подобных упражнений платье. Сир Джон попытался ей помочь, но при этом слишком приблизился к пирсу. Людям на берегу это не понравилось.

— Не стоит, сеньор. Уговор есть уговор: вам нельзя ступить на балеарскую землю. Мы сами. Позвольте...

Мужчина, наклонившийся к маркизе, не обладал солидными габаритами Джона Барсби — однако его руки оказались очень сильными. Балеарцы мягко подхватили маркизу и перенесли на причал, словно ребёнка.

— Будьте осторожны, миледи. — в голосе сира Джона прозвучало серьёзное беспокойство.

— Не волнуйтесь, сир. Вы помните? Четвёртая ночь, здесь же.

— Разумеется. Мы прибудем без опоздания, а до тех пор отойдём прочь от берега.

Сир Джон понятия не имел, чего ради маркиза предприняла этот вояж — быть может, успел себе нафантазировать великих опасностей в духе плутовского романа. Впрочем, не такое уж напрасное беспокойство. Ведь дело не только в статусе замужней дамы, который уже делал путешествие щекотливой историей. За малым часто прячется большое — и визит леди Эбигейл в Балеарию имел цели, которые с супружеской неверностью сравнивать смешно.

Немного полюбовавшись видом корабля в лунном свете, леди Эбигейл проследовала за встретившими её людьми. Доски пирса скрипели под тяжёлыми сапогами и изящными туфельками. Никто из мужчин не представился, имя маркизы тоже не прозвучало. Эбигейл догадывалась: едва ли в дороге её станут развлекать беседами. Не положено.

Чуть поодаль, за покосившимся сараем, ждала карета. Ясное дело: экипаж маленький, совсем неброский, однако наверняка вполне удобный. Закрытый, окна занавешены. Кучер, трое мрачных балеарцев и маркиза — больше никого.

— Немногочисленный мне положен эскорт. Я надеюсь, местные дороги безопасны?

Слова леди Эбигейл в основном были кокетством: ей хотелось завязать хоть какую-то беседу. Леди прекрасно понимала, что безопасность обеспечена как должно. Балеария ей виделась не более страшным местом, чем собственный замок. Даже в столице Стирлинга, вероятно, больше поводов для тревог.

Всякая столица полна интриг. Полна перешёптываний, тёмных углов и тёмных планов. Маркиза всегда чувствовала опасность больших городов, не будучи и сама чуждой дел в тени. Разница для неё состояла в одном: дома Эбигейл Бомонт предоставлена сама себе. Здесь же, на чужбине, имеется могучий союзник.

Неприятного вида балеарец — с остро скошенным лбом и маленькими глазами, попробовал изобразить улыбку. Получилось скорее отталкивающе, чем мило или любезно, но попытку стоило оценить.

— Рядом с нами, сеньора, опасаться вам совершенно нечего.

— Почему вы так в этом уверены? — игриво усмехнулась маркиза, забираясь в карету.

Ответ был простым, но совершенно достаточным.

— Потому что именно мы — самые опасные люди в Балеарии.

Такая компания для путешествия в Марисолему устаивала Эбигейл Бомонт полностью. Самые опасные люди на твоей стороне — что может быть лучше?

Всю жизнь Фелипе де Фанья тянулся к знаниям.

Десятилетия, с самого раннего детства: когда мальчика впервые оторвали от безмятежных игр под тенью апельсиновых деревьев, высаженных в саду отцовского имения, и познакомили с каким-то добродушным стариком. Отец сказал, что это — учитель.

С того самого дня Фелипе ни в чем на свете не ощущал столь сильной притягательности, как в книгах. Даже женщины почти не влекли его. Сколько Фелипе де Фанья себя уверенно помнил, столько он был снедаем лишь одним: жаждой знаний.

Было забавно вспоминать об этом в такой необычный момент, как сейчас.

Долгие годы Фелипе учился всему и у всех — благо что богатство семьи удовлетворяло любые желания, а среднему сыну графа де Фанья вполне дозволялось не готовиться к государственным делам. Фелипе безрассудно бросался в омут каждой из наук: то его увлекала одна, то другая. Он измучивал безграничным любопытством виднейших учёных мужей Ульмиса. Не удовлетворился он даже полным изучением курсов Ромельясского университета — главной обители наук в Балеарии: ещё несколько лет провёл в лимландском Зюрдене. Тамошние учёные мужи в чём-то превзошли балеарских, хотя в чём-то и уступили.

Фелипе де Фанья никогда не желал посвятить себя какой-то одной науке, как многие мужчины не готовы посвятить себя одной женщине. Философия. Право. Медицина. Астрономия. Математика. Богословие. История прошлого, насколько её возможно было изучить. Далёкие страны — насколько в Ульмисе о них имели представление. И языки, разумеется. Всё это одинаково будоражило Фелипе: каждый раз, беря в руки новую книгу, он испытывал знакомое с молодых ногтей возбуждение. Казалось бы, со временем людям приедается всё — однако ему познание не приедалось.

Фелипе никогда не решался открыть книгу сразу: долго изучал пальцами переплёт, вслушивался в запах бумаги или пергамента. Это как женщину, говорят, скучно сразу же раздеть. В каждой новой книге Фелипе ждал целый мир.

Больше половины жизни Фелипе не вполне осознавал: а зачем ему все эти знания? На что он их копит? Конечно, он и сам написал немало книг, а ещё больше перевёл. Он годами читал лекции, занимался образованием виднейших людей Балеарии — даже будущего герцога Тормалесо, которому позже судьбой было назначено стать королевским канцлером.

Лишь на склоне лет Фелипе наконец понял, к чему в действительности стремился.

Ну что такое обычная книга, общеупотребимая наука — та, которой при желании может овладеть любой? Для этого необязательно и родиться в знатной семье, как сам сын графа де Фанья: любой крестьянский мальчишка при удаче может попасть в монастырь. Или даже в университет. А там уж...

Нет, такое знание ничем не лучше площадной девки. Любой возьмёт её в руки, овладеет ею. А истинно ценное знание — то, которое скрыто от большинства. Знание тайное. Такое, о котором лишь ходят слухи.

И Фелипе де Фанья удалось отыскать нечто подобное — разумеется, в целом море шарлатанства, безумия и мракобесия, не имеющего ни малейшей реальной ценности. Всего лишь одна книга, забытая в дальнем углу никем не унаследованной провинциальной библиотеки.

Книга, которую сочли чей-то глупой шуткой.

В конечном счёте именно эта книга привела Фелипе де Фанья к нынешнему положению, которое любой счёл бы крайне незавидным. Давно уже рассвело, и океан давно был спокойным, когда Фелипе обнаружил себя на песчаном пляже: промокшим до нитки, со вкусом морской соли во рту.

Корабля не было видно — и это, конечно, скверная новость. С другой стороны, не наблюдалось вокруг и следов крушения. Солнце поднялось высоко, освещая бескрайнюю гладь океана и белый песок. Высоко над головой кружили чайки. На небе — ни облачка. Фелипе де Фанья совершенно не удивился, обнаружив рядом с собой книгу. Ту самую, разумеется.

— Ты здесь... — он прижал фолиант к груди.

Долгая история. Лет десять назад назад Фелипе уже повезло отыскать в родной Балеарии нечто тайное. И при том — действительно стоящее. Тогда речь шла ещё не о книге. Это было общество людей — выдающихся и влиятельных, не афиширующих того, что их объединяло. Разумеется, всевозможных тайных обществ в Балеарии хватало, но что они представляли собой? Предлог для попоек и оргий знатных господ. Или бессмысленные игры юных дворян в загадочное, а чаще — вовсе пустопорожние разговоры о политике. Полная чушь.

В том обществе всё было иначе. Люди, которых оно объединило, действительно стремились к чему-то великому — и были способны великое совершить. Одна лишь беда: до сих пор они не вполне точно представляли, о каких именно переменах идёт речь. Найденная книга, как всю душу надеялся Фелипе де Фанья, должна была изменить многое. Должна была указать путь.

Время чудом более-менее пощадило фолиант: страницы сделались ветхими, а чернила порядком выцвели, но ничего. Слухи об этой книге оказались почти забыты: неизвестно было, кто и когда её написал, а главное — зачем?

Немудрено, ведь книгу никто не сумел прочитать.

Огромный том был исписан письменами на языке, который не узнавал ни один человек.

Это не был какой-то из языков Старой Империи — или хотя бы нечто похожее на них. Не знали такого письма и на далёком континенте Шер: в этом Фелипе сумел убедиться. Невероятной удачей сыну графа удалось показать фолиант мудрецу из-за Восточного Леса — ради этой встречи пришлось инкогнито посетить Стирлинг. Увы! Тот человек также не знал подобного языка.

Да, многие считали: это просто шутка. Бессмысленные каракули. Но опытному в языкознании Фелипе не составило труда понять, что перед ним осмысленный текст. Обсуждая вопрос с членами тайного общества, учёный привёл этому тезису целый ряд доказательств.

Во-первых, было совершенно очевидно: книга написана твёрдой рукой, устойчивым почерком. Человек, тщательно выводивший эти строки, определённо привык пользоваться невиданным алфавитом. Ради такого качества мистификации пришлось бы тренироваться многие годы.

Во-вторых, легко было различить слоги в словах, союзы между ними, увидеть логику в сочетании и частоте употребления различных букв. Однообразие поначалу вводило в заблуждение, но затем Фелипе понял, что диковинный язык просто-напросто лишён гласных букв: их заменяли знаки огласовки. Необычно для Ульмиса, но вполне нормально для ряда заморских наречий.

В-третьих, сама структура текста выделась логичной, натуральной: он естественным образом делился на предложения и абзацы.

Мысль о шифре отпала очень давно. Шифр либо вовсе не похож на осмысленный текст, либо замаскирован под таковой: его можно прочесть, не поняв истинного содержания. Конечно, одним лишь предположением Фелипе не удовлетворился. Он потратил месяцы на применение всех известных науке способов дешифровки. Тщетно.

Нет, это не была тайнопись. И бессмысленными убористые строки тоже не являлись. Ясное дело: это настоящая книга, написанная каким-то вполне настоящим языком.

Очень древним, погибшим?

Нет, бред: книга выглядела очень старой, однако всё-таки не древней. Её и написали-то именно на бумаге, пусть очень необычной — а ведь бумагу изобрели не столь давно. Всего лишь несколько веков назад. Никакие языки ни в Ульмисе, ни в Шере с тех пор не погибли.

Значит, язык каких-то других земель, никому не ведомых? А вот это уже само по себе тянуло на тайное знание. И тогда Фелипе де Фанья по-настоящему принялся за работу. Работу, на которую ушло пять лет — пять долгих лет, в течение которых учёный посвящал фолианту всё своё время. Он трудился с рассвета до темноты, часто даже забывая о пище. Друзья и родные почти не видели его.

И титанический труд всё-таки дал плоды.

Фелипе де Фанья никогда не сумел бы прочитать книгу, не окажись она снабжена некоторыми иллюстрациями, а эти иллюстрации — пояснениями. Из странных гравюр учёный понял: он имеет дело с чем-то вроде исторического труда или записок путешественника. Пусть изображения выглядели абсолютно безумно, они дали некоторые зацепки. Одна догадка следовала за другой, раз за разом новые идеи учёного вели в очередной тупик.

Но однажды он наконец сумел прочитать кое-что. Очень небольшое, конечно.

Однако того немногого хватило, чтобы в итоге оказаться здесь: на песчаном берегу неизвестного Фелипе де Фанье острова, далеко к западу от берегов Балеарии. В глубине океана.

Фелипе осмотрелся. Остров, по кромке окружённый песчаным пляжем, резко вздымался вверх скалами, поросшими хвойным лесом. Прямо от пляжа, на котором очнулся учёный, начиналась широкая тропа, ведущая наверх. Фелипе не испытывал ни малейших сомнений: именно туда ему следует идти.

Подобная тропа просто не может попасться случайно. Как сама книга угодила в руки Фелипе вовсе не просто так.

Старый учёный поднялся и, всё так же прижимая к груди драгоценный том, зашагал в гору. Солнце постепенно сушило одежду, а бриз придавал необходимых сил.

Фелипе де Фанья прекрасно помнил события последних дней. Капитан, которого он нанял в порту Марисолемы, был типом мутным: в лучшем случае контрабандист. Возможно — пират. Но искал Фелипе человека не по чистоте репутации. Ему нужен был некто отчаянный, готовый ради золота на всё — и не страдающий излишним любопытством.

Хосе, просоленный мужик с жидкими длинными волосами, сразу показался одним из таких. Деньги легко ослепили его: за пригоршню золотых монет Хосе готов был отправиться хоть в Преисподнюю. По возвращении Фелипе обещал капитану вдвое больше.

Что особенно подкупило в Хосе — так это то, насколько честно он обнажал своё бесчестие.

— Столько же? — спросил в тот вечер Хосе, утирая подбородок от портового поила. — А сколько дадут твои родные, чтобы я вернул тебя живым и невредимым с корабля?

— Ни гроша. — спокойно отвечал Фелипе. — Если причинишь мне зло, то жизнь свою сделаешь дешевле верёвки, на которой вскорости будешь повешен. Мои друзья — самые влиятельные люди Балеарии.

Команда двухмачтового судна косо смотрела на Фелипе де Фанью. Станным им казался старик в богатых одеждах, не выпускающий из рук фолианта, не говорящий ни с кем, а только смотрящий на горизонт. Фелипе велел Хосе вести корабль на запад: в океан, который не пересёк пока ни один человек. Возражений и вопросов не последовало.

Корабль вышел из столичного порта, прошёл вдоль южного побережья, обогнул западный край Ульмиса — и устремился в воды, которые многие считали бесконечными. Дальше, словно волны, покатались дни. За ними — недели. Не зная цели похода, матросня роптала всё больше — покуда судно углублялось в неизведанный Западный океан. Однако капитан продолжал верить словам Фелипе о том, что заветная цель приближается.

Сам учёный верил в это твёрдо, хотя не знал, какова именно цель. Он просто следовал скуным руководствам из книги. Примечал знаки, о которых узнал из неё. Таковых знаков с каждым днём делалось больше.

С каждым же днём портилась погода. Чем дальше от берегов Ульмиса — тем злее были ветра, выше волны, мрачнее небо. Однако удивительно: капитан Хосе при том становился всё более и более спокойным. Тревогу команды он видел. Очевидна она была и Фелипе, но одно грубое слово капитана пресекало всякую смуту.

Одним утром, едва отличимым от вечера, Фелипе увидел висельника на рее — тот позволил себе высказаться о гибельности путешествия и безумии капитана.

Учёный не беспокоился о ситуации на борту — пусть накалялась она уже не день ото дня, а час от часа. Он старательно выводил в судовом журнале Хосе знаки из своей книги — точно так же, как царапал их кинжалом на досках корабля с первого дня плавания.

Всё шло как должно. В полном соответствии с руководством.

Хосе вскоре откровенно обезумел. Он не отрывал глаз от запада и быстро шептал о том, что видит впереди. И хотя впереди не было ничего, кроме волн и сизых туч, некоторые матросы тоже будто начали замечать нечто. Фелипе не слушал бред моряков, опасаясь за собственный рассудок.

А потом налетел настоящий шторм, и что случилось дальше — учёный не помнил.

Теперь был только солнечный остров, тихий и безлюдный. И была тропа, ведущая вверх: скоро она превратилась в подобие мостовой, а затем — в выложенные из больших камней ступени. Подниматься было удивительно легко.

В конце концов Фелипе обнаружил высокую башню, похожую на маяк. Покосившуюся, сложенную из старых, обветренных камней. Вокруг не было ни души, не звучало ни звука — кроме криков птиц и отдалённого приboя. Лишь светило яркое солнце.

Рассохшаяся деревянная дверь оказалась не заперта. Фелипе де Фанья без тени страха отворил её: изнутри тянуло приятной прохладой. За дверью оказалось довольно темно. Солнечный свет падал из небольших окон, пробивался сквозь щели кладки.

А когда глаза привыкли к полумраку, Фелипе едва устоял на ногах от изумления.

Потолок округлого помещения было не разглядеть: он терялся в темноте, рассекаемой полосами света из окон, похожих на бойницы. Вдоль стен тянулись туда, в непроглядный мрак, деревянные стеллажи: неведомо, как они держались, выходя насквозь прогнившими.

Бесчисленные ряды книг, поднимающиеся от самого пола на высоту, может, восьми человеческих ростов — а дальше Фелипе просто не мог разглядеть. Переплёты — совершенно одинаковые: их корешки выстроились, словно воины древней армии.

Все до одного — точно такие же, как том в руках балеарского учёного. У Фелипе перехватило дух.

Нечто подобное иногда являлось ему во сне, но теперь происходило наяву. Ещё не разобравшись, куда пришёл, Фелипе понимал: это и есть та самая заветная цель. Все десятилетия, ещё с первой встречи с учителем в саду, через каждую книгу и каждую лекцию, Фелипе де Фанья шёл к этой башне. Сам не зная, зачем.

— Ты прочёл книгу?.. — послышался вдруг голос.

Очень слабый, хорошо различимый только в такой тишине, какая стояла здесь.

Фелипе оторвался от уставленных книгами полок, казавшихся ему бесконечными.

В центре помещения располагался стол, заваленный письменными принадлежностями. За ним, сильно сторбившись, сидел человек в рясе — одеяние напоминало монашеское. Сидел спиной ко входу, так что Фелипе видел лишь седые волосы. Настолько длинные, что они почти касались пола.

— Прочёл, но не полностью. Вы написали её?

— Я написал их все.

Безумие! На такую работу ушёл бы не один срок, отпущенный человеку.

Фелипе потянулся к полке, провёл пальцами по шершавым кожаным корешкам. Смешно! Он всерьёз чаял найти великое тайное знание лишь в одном-единственном манускрипте. Теперь учёный понял: самое волнующее знание, до которого ему стоило всей жизни лишь дотянуться — капля в бесконечном океане. В пучине неведомого, наводящей ужас своей необъятностью. Фелипе испытывал страх и благоговение.

Сколько здесь книг? Уж точно не сотни: тысячи. Или десятки тысяч? Или?..

— О чём они?

— О жизни. О чём же ещё пишут книги?..

Старец обернулся, оторвавшись от письма. У него было узкое, вытянутое лицо: довольно бледное и, кажется, благородное. Учёный снова поразился — и вовсе не аристократическим чертам незнакомца. Глаза старца были закрыты широкой повязкой: из такой же ткани, что и ряса.

— Вы... — Фелипе де Фанья выдавливал слова с трудом: не от страха или смущения, а потому, что хотелось спросить обо всём сразу. — Вы слепы?

— К чему нужны глаза, если ходишь не видением, но знанием? Глупый вопрос... А ты не глупец, иначе не попал бы сюда. Задавай умные вопросы, Фелипе де Фанья, сын графа Диего: я даром времени не трачу.

Фелипе не слишком удивился, что ему не пришлось представляться. Но настал верный момент, чтобы узнать имя слепого старца. Тот ответил уклончиво.

— У меня было много имён... Каждый раз люди называли меня по-новому. Избери имя, которое предпочитаешь.

— Но какое предпочитаете вы?

На лице старика не шевелилось ничего, кроме губ. Фелипе казалось, будто слепец через повязку глядит точно ему в глаза — и пронзительнее, нежели любой зрячий.

— Раз ставишь вопрос так, то можешь называть меня Ишмуром. Это древнее, хорошее имя... Оно мне подходит. Ты, Фелипе, ничего не понял из книги — кроме того, как попасть

сюда?

Хитрить было бессмысленно.

— Нет. Я даже не понял, что это за место.

— Особенное.

Как раз это было очевидно.

— Вы здесь один?

— Как видишь. Океан безумно велик, в нём найдётся уединённое место для каждого...

Следуй сквозь бурю — и во чреве её увидишь чистое небо. Это знают даже моряки.

Кто сидел перед Фелипе? Простак сказал бы: Творец Небесный. Или Нечистый. Однако Фелипе де Фанья превосходно понимал, что Ишмур являлся кем-то совершенно другим. Кем-то или Чем-то, несущим великую миссию. Тайное знание, ха... Быть может, не знание учёный искал все эти годы? Возможно, он искал этой встречи?

— Эти книги... — снова заговорил Фелипе. — Вы сказали: они о жизни. Но что это значит? Ваши труды о том, что было когда-то? Или о том, что будет?

Безумная догадка, пришедшая в голову только теперь. К сожалению — а может, и к добру, она была немедленно развеяна.

— Нет и нет. Эти тома обо всём, что может случиться. Каждому времени, каждому случаю — свой том. Ты чаял узнать от меня тайны бытия человека? Раскрыть грядущее? Разочарую: нет... Род человеческий сам и только сам пишет собственную историю. Он действует по своему разумению, в том нет воли свыше. Свыше лишь подскажут да вдохновят. Или, бывает, запутают.

Ишмур был прав. Фелипе де Фанья всегда придерживался схожей мысли: что бы ни говорили в Церкви, любое деяние на земле совершается людьми. Доброе или злое. Двигающее человечество вперёд или отбрасывающее назад. Ни одну войну не начали боги. Ни одного договора они тоже не заключили. Не возвели городов, не возделали почву, не написали книг...

...хотя вот тут торопиться с выводами не стоило. Был ли Ишмур богом — вопрос. Но человеком он уж точно не являлся.

— Каждый жаждет такого вдохновения. — заключил учёный.

— Если бы... Хаос перемен страшит так же, как страшит шторм. Ты сам видел этот ужас в своих спутниках.

Только теперь Фелипе вспомнил о людях, которые доставили его сюда.

— А что стало с ними?

— Погибли. Ради того, чтобы другие жили по-настоящему. Иначе в мире не устроено. Кто-то должен умирать, а кто-то должен жить.

Учёный отнёсся к горькой судьбе моряков с абсолютным безразличием. Он положил собственную жизнь на алтарь науки: с чего смерти каких-то отбросов не быть приемлемой ценой за будущее? За великое будущее для всех?

Фелипе де Фанья твёрдо уверился: манускрипт, который он обнаружил, действительно стал ключом. Ключом к двери, в которую люди попусту стучались веками. Как сказал Ишмур: люди действуют самостоятельно, но по вдохновению и совету. Вопрос лишь, к кому за тем самым советом обратиться.

Между тем Ишмур продолжал:

— Мои книги рассказывают, каким мир может стать. Они очерчивают пути, коими ходят человеки. Ты прочёл на первой странице о первом шаге — и отважно совершил его. Я

могу прочитать роду человеческому и другие страницы этой книги... Этим книг. Любой из них. Но лишь при одном условии, важнейшем и не обсуждаемом.

— При каком?

— Если уже есть человеки, для которых это будет не праздной проповедью. Если в мир вновь пришли те, кто готов отойти от берега и двинуться сквозь бурю. Кому не мил затхлый Порядок. Кто не боится хаоса перемен.

Фелипе де Фанья мог сомневаться во многом, но только не в ответе на этот вопрос.

— Такие люди есть. Я с ними знаком.

Ишмур, судя по тону голоса, должен быть улыбнуться — однако на его морщинистом лице ничего и не переменилось.

— Тогда и мне стоит узнать их.

Даже враги Балеарии признавали великолепие Марисолемы. Этот город умел превзойти любые ожидания.

И неудивительно! Марисолему возвели в зените могущества Старой Империи — когда давно погибшее государство могло позволить себе что угодно. Императоров ещё почитали как богов, и хотя бы в зодчестве они точно приблизились к божественному. Две тысячи лет назад правитель возжелал построить рай на земле — и вместо старой столицы, лежащей теперь в руинах ближе к норштатским границам, основал новый город на юго-западном побережье Ульмиса. Хотя сама Старая Империя ушла в пучину истории много веков назад, величественный город на лазурном побережье остался.

Вот только никакого рая из Марисолемы не вышло.

Скорее уж новая столица ярко выразила саму суть трагедии великой империи прошлого. В стенах, красота и мощь которых достойны богов, живут самые обыкновенные люди — такие же, как в любом жалком сарае. Со свойственными им слабостям и пороками. Грязь не очень заметна в болоте, но прекрасно видна на мраморе.

Впрочем, что люди? Они рождаются и умирают. Умирают в своих постелях от старости, в пышных чертогах от яда, в тёмных углах от кинжала — а город стоит. За века Марисолема ничуть не обветшала: напротив, сделалась ещё прекраснее.

И да: по-прежнему умела превзойти ожидания. Причём не только ожидания человека, впервые въезжающего в широкие городские ворота или заходящего в клочущий порт. Возвращайся сюда хоть сотый раз — удивляться не перестанешь.

Вот и Фидель вновь удивлялся.

Его привезли в столицу больше месяца назад. Не сразу Фидель ощутил этот хорошо знакомый, ожидаемый восторг — и тому были причины. Сначала продолжала мучить мерзкая болезнь, а затем он весьма увлёкся излечением души способами, которые вредят телу. Потребовалось время, чтобы восстановиться после тяжких испытаний последних месяцев. Чтобы вновь обрести способность чувствовать мир вокруг.

Болезнь отступила: несложен оказался секрет её исцеления. Едва почувствовав себя здоровым, Фидель вернулся к ежедневным тренировкам. Что касается души — чего греха таить, он пил. И курил всякую дрянь, которую легко достать у шерских моряков в порту. Так нужно.

Важно лишь суметь вовремя остановиться. Однажды ты просыпаешься после полудня, с сухостью в горле и гулом в голове, но понимаешь: тебя уже ничто не беспокоит.

На миссию в Тремонском герцогстве Фидель потратил полгода. Дело требовало самой скрупулёзной подготовки. Прибыть в Тремо, не обратив на себя внимания. Естественным образом влиться в жизнь чужого города, убедиться в отсутствии подозрений. Осторожно, словно капаешь сильное снадобье, разведать всё необходимое. Составить план, потом отринуть его и создать новый. Продумать каждую мелочь, раз за разом прокручивать детали в голове, обсуждать их с соратниками. Репетировать. Пробовать. Подбираться к цели шаг за шагом, поворачивая назад, если всё ещё не уверен.

Попытка только одна, ошибок враги не простят. И уж тем более — не простит их родина. Такие дела не терпят спешки, однако и бесконечно оттягивать роковой момент нельзя. Здесь нужен опыт, нужно развитое годами чутьё на ситуацию. Потребны обширные

знания, закалённое тело и ещё более закалённый разум.

Служить в Тайной канцелярии Её Величества — это не открыто сражаться на поле брани, хотя Фидель считал себя солдатом. Суть, конечно, та же. Форма совсем иная.

А ещё ведь обратная дорога пошла не по плану... Поэтому да: многомесячное напряжение пришлось тщательно заливать и затягивать дымом после.

В этот день Фидель проснулся рано, потому что так было нужно. Он давно выработал полезную способность: спать ровно столько, сколько требуется. Когда необходимо хорошо отдохнуть — забыться едва ли не на сутки, а когда надо проснуться через час — сделать именно так.

Тайных дел мастер жил на верхнем этаже порядком обветшавшего каменного дома, нависающего над каналом. На этом берегу — район бедный и неприветливый, здесь стараются лишний раз не смотреть туда, куда не стоит. И уж точно не задают лишних вопросов: легко получить совершенно нежеланные ответы.

Но стоило пересечь канал по горбатому мостику, пройти сотню шагов — и город начинал мало-помалу расцветать. Фидель направлялся именно туда, к центру.

Улицы уже ожили. Марисолемцы летом всегда старались сделать побольше дел спозаранку — пока солнце не поднялось высоко, ведь тогда работать станет совершенно невозможно. В середине дня город дремал, пока светило не переваливало на другую сторону неба. После начинал шуметь снова — не затихая уже до поздней ночи, а то и до утра.

— Что за день, что за прекрасный день!

На улице Фидель нисколько не бросался в глаза. От большинства балеарцев отличался лишь тем, что не носил усов и тем более бороды — отросшую за время морских скитаний давно сбрил. Лицо Фиделя редко кому запоминалось, его затруднялись описать. Одет он был также неброско, но главное — вполне прилично и удобно. В былые времена длинная эспада, подвешенная к поясу, ещё могла привлечь внимание: тогда серьёзное оружие открыто носили лишь дворяне. Теперь это запросто делал любой.

Под солнцем ещё не стало так жарко, чтобы Фидель выбирал тенистую сторону улицы. Вела она к рынку: оттуда доносился привычный гвалт. Под торговлю была отведена небольшая площадь, однако рынок давно выплеснулся за её пределы, поглотив близлежащие улочки. Тут торговали простыми, насущными товарами: что-то серьёзное или экзотическое следовало искать ближе к порту.

Почувствовав запах фруктов и разнообразной снеди, Фидель остановился возле торговли, что показалась симпатичнее прочих — хотелось перекусить немедленно. Однако в кошеле он обнаружил только серебро, да не самое мелкое: за любую монетку можно было купить и весь этот товар, и его хозяйку в придачу.

— Прости, милая: как-нибудь в другой раз.

Можно было и обойти толпу, и вовсе свернуть на короткую дорогу к порту, но Фидель поступил иначе. Ему хотелось послушать голоса на родном языке, вдохнуть все запахи Марисолемы — даже те, что не из приятных.

Скоро рыночный шум остался позади: начались дома позажиточнее. Мостовая тут была гораздо чище, по улице могли бы проехать в ряд три больших экипажа. Вот каменная арка, которую сложили ещё при Старой Империи. Полсотни шагов, резкий поворот — и Фидель оказался в по-настоящему красивом месте.

Дворцы чуть меньше и беднее королевского. Не самая помпезная в столице, но очень красивая церковь — красный камень, изящными линиями тянущийся к голубому небу. Так

похоже на балеарский флаг!

Здесь тоже было многолюдно, но публика совсем иная. Каждый вышагивал чинно, с великим достоинством. Мужчины гордо придерживали на боках эспады, а женщины закрывались от солнца зонтиками. Речи звучали сдержанно. От фонтана веяло прохладой. Рядом расположились музыканты — не какие-то бродяги, а средней руки мастера, нанятые властями. Пару раз мимо Фиделя прошли стражники — в лазурно-красных цветах, начищенных кирасах, с ярко украшенными протазанами на плечах.

Фидель улыбнулся, бросив взгляд на ухоженное здание, стоящее тут с глубокой древности — оно гораздо старше и соседних дворцов, и церкви. Ещё староимперское. Именно здесь уже около века размещалась Тайная канцелярия. Фидель редко бывал внутри, а если заходил — то не с площади, не через главные двери.

Сейчас уж точно не сюда. Мелькнула мысль свернуть направо, к Полуденной площади: взглянуть на королевский дворец и величественный храм Благостной Девы. Но всё-таки Фидель вышел не на праздную прогулку. В сторону порта вёл широкий бульвар, и тайных дел мастер зашагал именно по нему.

Было отрадно видеть Марисолему радостной и суетной. Стоящей по-прежнему крепко. Ради чего ещё Фидель занимался своим мрачным делом? Вся тьма доставалась людям вроде него — чтобы простые балеарцы видели только солнце. Процветали под чистым небом, даже не задумываясь, чьей запятнанной совести обязаны своим покоем. Эту страну берегли ангелы с грязными душами.

На такой работе, как у Фиделя, благодарят лишь за закрытыми дверями. Перед ним возвышались памятники военачальникам и флотоводцам — а людям на тайной службе не всегда доставался и могильный крест. Возможно, Балеарскому королевству суждено когда-нибудь узнать имя Фиделя. А вот имена тех, с кем он полгода назад отправился в Тремону, канули на дно — вместе с трупами своих носителей. Ничего не поделаешь.

Бульвар упирался в совсем маленькую круглую площадь, опоясанную колоннадой — строгие, без всяких излишеств мраморные столбы. Как солдаты. По меркам столицы тут оказалось необычайно тихо, но удивила Фиделя не тишина. За полгода в Марисолеме изменилось немного — однако памятника посредине этой площади раньше не было.

— Хм, и кто же это у нас?

Отнюдь не самый величественный монумент в столице, но всё же — памятник в полный рост, на солидном постаменте. Мужчина в старомодном доспехе заслонял собой город, обращая волевой взгляд в сторону моря. Скульптор потратил массу сил и времени на мелкие детали: поэтому, ещё не обойдя монумент, Фидель догадался, кого изображает статуя. Неожиданно!

Надпись на постаменте подтвердила догадку.

«Командор Гонсало Мендоса, Волк Мелиньи»

Какая ирония! Те, кто избавился от ставшего ненужным и опасным волка, спустя двадцать лет поставили ему памятник. Для пущей трогательности не хватало рядом лишь кого-то из ветеранов Волчьего Легиона, оставившего товарищей и здоровье на Великой войне — опустившегося и просящего теперь милостыню. Фидель едва не рассмеялся. Вот это была бы картина!

А смеяться-то не стоило. Фидель даже снял шляпу. Он стоял перед настоящим героем.

— Что ж, командор: насколько мне известно, вы достойны памятника. Хорошо, что столь немногие знают правду о вашей смерти. Недолжно людям вроде вас умирать от рук

убийц. Я-то сам убийца... Я это хорошо понимаю.

Надолго Фидель у памятника командору Мендосе не задержался. Порт был уже близко.

Гавань Марисолемы была почти «городом внутри города»: её даже отделяла невысокая Морская стена. Скорее имеющая символическое значение, нежели кого-то от чего-то защищающая.

За Морской стеной город, конечно, делался уже далеко не таким блистательным — зато обретал ярчайший колорит. Любой порт — котёл безумной ведьмы, где замешано всё подряд. Но эта гавань была особенной, хотя бы из-за размера. Крупнейшая в Ульмисе. Что там! Крупнейшая в известном мире, говорят.

Фидель чуть не столкнулся с лимландцем в огромных деревянных башмаках, затем разминутся с чернокожими азинийцами. Наперерез важно шагал богатый капитан из-за Южного океана — в тюрбане, с кривой саблей и мрачными бородачами за спиной. По рядам ящиков ловко скакали почти не одетые люди, перекрикивающиеся на каком-то лающем языке. Таких Фидель не видел прежде. Откуда они? Неважно. Следом проплыли перед глазами мужчины в меховых шапках, в расшитых халатах, даже в каких-то кольчугах — вроде изображений с древних барельефов.

А вот кого тут видно не было — так это городской стражи. Порт жил своей жизнью, многие дела решал самостоятельно. Почти все, если честно. Воздух здесь был отчётливо солоноват, пах рыбой и немислимыми пряностями, но прежде всего — деньгами. Пока гавань приносит казне огромные доходы, власти не будут навязывать свою стражу. Это понятно.

Фидель держал путь не к причалам, не к нагромождению складов. Нужный ему дом стоял чуть в стороне от широкой улицы, опираясь на Морскую стену. На первый взгляд — обычный портовый кабаk. Не дыра для бедного матроса, но и не хорошее место для богатых купцов. Нечто среднее. Подмигнув крайне фривольному изображению на вывеске, Фидель уверенно шагнул внутрь.

Это в здание Тайной канцелярии он пробирался тайком. В кабаки заходил красиво.

Людей в таверну набилось уже порядочно, но пока здесь больше ели, чем пили — время раннее. Ели, надо признать, с аппетитом. Вдохнув аромат чего-то мясного, тушёного с овощами, Фидель опять вспомнил про пустой желудок. Не изысканная кухня, конечно, но... Однако прежде — дело.

Хозяин заведения сразу заметил Фиделя. Не только потому, что ждал: глаз у этого человека был намётан. Педро только выглядел непрезентабельно — полный, лысеющий, краснорожий. Это был очень непростой человек.

— Ну наконец-то! Ты, приятель, не торопишься.

— Я тоже рад тебя видеть.

Педро ухватил за локоть дородную девушку, очень кстати проходившую мимо.

— Инес, хорош болтаться: подмени-ка меня тут. Мне с гостем надо потолковать. — обернувшись к Фиделю, толстяк кивнул в сторону лестницы.

Они поднялись наверх, подальше от лишних ушей и глаз. Только рассевшись на стуле, Фидель понял: прогулка успела его утомить. Это плохо. Значит, он всё ещё слабее, чем должен быть.

Тем временем Педро выдернул пробку из большой бутылки. Плеснул тёмно-красной жидкости в потёртые кружки.

— Ты их моешь хоть?..

— Ну давай, повыкобенивайся! Едва не помер, а снова с замашками. Пей, не обижай друга.

Вино оказалось, мягко говоря, посредственным — но зато и не таким разбодяженным, как обычно в подобных местах.

— Тебе надо что-то с этим, брат, сделать.

Фидель не сразу понял, что товарищ имел в виду. Вспомнил, только случайно нащупав языком отсутствующий зуб. Напоминание о болезни: другие прежде распатались, но остались на местах.

— Надо, понимаю. Приметная деталь. Вот только я большую часть денег потратил, так вышло. Сам понимаешь: зуб вставить — дело дорогое.

— Ну так не поскупись, не будь дураком-то. При нашем ремесле такое ни к чему. Я ж тебя знаю: всё лыбишься, как параша.

— А о чём мне горевать, Педро?

Фидель глотнул ещё — и сразу решил с вином коней придержать. Почувствовал, что с голоду его слишком пьянит.

— Да не о чем, понятное дело. Ты как вообще? Долго мурыжили в канцелярии?

— Не особенно. Я думал, вопросов зададут больше: но мне, выходит, начальство доверяет. Или говорю больно складно. Сам Гамбоа допрашивал, представляешь? Экая честь...

— И чего спрашивали?

Фидель лукаво улыбнулся.

— Не помню.

— Ну да, само собой! А у меня тут не скучно. Вчера нагрянули дураки какие-то: дескать, от Мясника Фиренсы. Я даже имя этого обсоса не слышал. Ну так и они, оказывается, вообще не в курсах: кто я, что у меня тут за заведение. Этот Фиренса, значит, хлыщ с амбициями на дела в порту. Ну... Ты понимаешь: слово за слово. Они мне про деньги какие-то — чудаки-люди, а я им хером по столу.

Фиделю это показалось забавным. Нужно плохо знать портовую жизнь, чтобы вот так запросто являться к Педро и задавать ему какие-то вопросы. Тем более — о деньгах. Погружённый в тайные дела Марисолемы человек обыкновенно знал: к гавани длинная рука государства тянется именно отсюда.

— А что Пессоа? У нас старый уговор — пусть исполняет. Не мне ведь с парнями гонять всяких дураков...

— А! Давно ты не был в Марисолеме. Спёкся старый бандюга. Пессоа больше не при делах в порту.

— Это с каких пор?

— С тех самых, когда кто-то ему подарил вторую улыбку. Пониже бороды.

Фидель присвистнул. Вот так новости... И любопытно, и тревожно. Взаимодействие с теньвыми силами города было частью их с Педро службы. Резкие перемены — не к добру.

— Ну, помянем Пессоа... Сволочь была та ещё, но понимающая государственную волю. Полезный мужик.

— Да уж поминали — не просыхали три дня. Не бери в голову: я эти дела решу сам. Моя работа.

И важная. Без надёжных контактов в преступном мире Тайная канцелярия теряла многие рычаги контроля над столицей. А ещё теряла источник людей, пригодных для

определённой службы, что Фиделя беспокоило больше. С портовыми воротилами, контрабандистами, пиратами и главарями банд Педро общий язык найдёт. Это его стезя. Что же касается замены парней, не выбравшихся из Тремоны...

— Ты, Педро, своё дело знаешь. Я понимаю, не для поминок по Пессоа ты меня звал... Но вот что: я бы поел сначала. Не позавтракал, на пустой желудок соображаю тугу. А пахнет у тебя, признаю, аппетитно: повариху новую нашёл?

— Поварихи все те же. Только эту стряпню я тебе не советую.

— Отчего же?

Фидель только успел задать вопрос, как догадка мелькнула в голове. Такую мысль он рад был бы прогнать — но глаза Педро, полуприкрытые тяжёлыми веками, всё безмолвно подтвердили.

— Отчего-отчего... Говорю ж, приходили три дурака от Фиренсы этого. Разговор у меня с ними не сложился. Зашёл, понимаешь, в тупик.

Фидель ощутил тошноту. Так крепко ощутил, что пустому желудку теперь даже порадовался. Он осушил кружку залпом, хоть вино едва не вырвалось обратно. Полегчало.

— Знаешь, Педро... Ты какой-то больной, даже по нашим меркам. Тебе бы лечиться... лёд, что ли, к головушке прикладывать. Или покурить чего. Боюсь, балеарские лекари тут уже не помогут.

— Тю! Помнишь, что нам Гамбоа по дороге из этого... Касорло, говорил?

— Я плохо помню дорогу.

— Зато я хорошо. Гамбоа так говорил: «Врата Рая стерегут адские псы». Ну, вот. Стережём.

— Да уж... Стараемся. Это в войну за Балеарию стояли законные сыновья. Теперь время для её бастардов.

— Вот-вот. Для ублюдков вроде нас.

Сладковатый запах тушёного мяса тайных дел мастер теперь старался не замечать. Немногое на свете могло смутить Фиделя: привычные жизненные принципы велели ничего не бояться и ничего не стесняться. Но то, как мыслил и поступал Педро, иной раз пробрать могло.

Педро стал таким не от счастливой судьбы. Жизнь обошлась с ним жестоко. Даже хуже, чем с Фиделем — который хотя бы мог винить во всех страданиях самого себя. Иногда это — не худший вариант.

— Ладно, дружище, аппетит у меня пропал. Давай к делу. Я так понимаю, есть работа?

— Есть. Не самая сложная, но ответственная и дающая, это... простор творческому подходу, во. Как раз походит тебе: форму пора набирать. И не доверишь такое человеку без опыта. Ты у нас теперь, это... как говорится, широко известен в узких кругах.

— Честь-то какая...

— Немалая, между прочим! Слыхал, что серьёзные люди на старину Фиделя внимание обратили: ты уж докажи, что не спёкся после морских приключений. Да ты и сам говоришь, что сам Гамбоа допрашивал. Глядишь, поднимешься — а там и другу Педро подсобишь. Столько говна вместе съели... Считай — родные братья.

— Сказочно с братом повезло! И с сотрапезником в поедании говна. Вот тебе крест, Педро: прямо отсюда — пулей в церковь, благодарить Творца Небесного!

— Ша! Не богохульствуй в моём заведении. А я, между прочим, серьёзно говорю, не шутеечки распускаю. Не смехуёчки да пиздохаханьки. Эта заваруха в Тремоне — оно не

кошелёк на рынке срезать, а ты всё разыграл по красоте. Это оценили, я знаю: родина не забудет, если сам всё не испортишь. Тут такой момент: главное — не обосраться.

— Хорошо б, чтобы не забыла. Ты знаешь, я Балеарию люблю. Да мне больше любить особо и нечего. Но тут, братец Педро, штука какая: все горлопаню под окном серенады. Пора родине хоть верёвку с балкона скинуть. Дальше уж... разберусь.

— Разберёшься... А пока давай разберёмся с делом. Ты наливай ещё по одной, а я расскажу, что к чему.

— Начинай. — Фидель потянулся к бутылке.

— Начинаю. Начало такое: приехал недавно в Марисолему один заграничный мудака...

Эбигейл Бомонт очень хотела прогуляться по Марисолеме. Она никогда толком не видела этого города, хотя не впервые приехала сюда. Не следовало привлекать внимание. А внимание здесь маркизе было гарантировано: она ничем не напоминала балеарок. Конечно, в портовом районе никому человеку не удивятся — однако не заметить стирлингскую аристократку среди людей благородных или хотя бы состоятельных... Это сложно.

Ничего не поделаешь! Прекрасный древний город, совсем не похожий на всё северное, маркиза видела только из окна экипажа — через слегка отодвинутую занавеску. И так Марисолема, пожалуй, будоражила даже сильнее: полунагота искущённому человеку всегда интереснее. А уж маркиза-то была из искущённых во всём.

В конце концов, Эбигейл проделала долгий путь, поставив себя в известную опасность, вовсе не ради балеарских красот. И даже не только ради человека, с которым предстояла встреча — хотя он весьма занимал мысли леди Бомонт.

Когда-нибудь она сможет не таиться, приезжая в Марисолему.

Когда-нибудь она вообще сможет позволить себе всё.

«Мой милый друг! Я пишу эти строки чудесной южной ночью: при распахнутом настежь окне, лишь при паре свечей, ибо луна нынче полная и свет её ложится на лист так же легко, как ложатся эти строки. А что за ночь у вас, в суровом северном краю?..»

Какая милая чушь!

Он делал вид, будто очарован. Она делала вид, будто влюблена. Оба прекрасно понимали, что другой играет и ничуть не обманут сам. Многие нашли бы такую игру бессмысленной, особенно для не слишком молодых людей. Но что эти «многие» понимают в жизни? И в прелестно увлекательных играх?

Разумеется, это не была любовь: между подобными людьми вообще не может возникнуть такого чувства. Но говорить о холодном расчёте или простой страсти тоже не стоило. Нет-нет. Это были очень своеобразные отношения двух игроков, которые холоднее, умнее, расчётливее и опаснее прочих. Видевших друг в друге равных — большая редкость при их талантах и положении.

На миг Эбигейл представила, как мог бы выглядеть сам Сантьяго Гонсалес де Армандо-и-Марка, извечно непоколебимый и величественный, пиши он всё это всерьёз. Разумеется, Сантьяго всегда что-то изображал, причём намеренно небрежно. Чтобы даже непроницательный человек видел: его весёлость и добродушие — напускные. Так создавалось ощущение опасности, которое оцепеняло мужчин и, без сомнения, пленяло женщин. Когда ты точно знаешь, что где-то под овечьей шкурой прячется волк, но лишь мельком можешь его разглядеть — это сильное чувство.

Напрасно маркиза прихорашивалась перед тем, как сойти с корабля: путь до столицы оказался дольше ожидаемого. Прибыли только утром — и никакой встречи в ранний час, разумеется, не состоялось.

Леди Бомонт провела день в немного странном месте: доме исключительно богатым, но, судя по тому, что успела мельком увидеть — стоящем на окраине города. И не среди дворянских имений, а напротив: в окружении, чрезвычайно далёком от благородного. Окна выходили только во внутренний дворик, а человек при глухих воротах вежливо пояснил, что выходить за них не следует. Пришлось развлечь себя чтением, вскоре нечаянно уснуть на

козетке и быть деликатно разбуженной после обеда: дескать, скоро пора выезжать.

Теперь уже был вечер, а темнело здесь, в южном краю, чрезвычайно быстро. Солнце просто рыбкой ныряло за горизонт. Вместе с ним ушла жара, уступив место приятной прохладе. Тут и там, пока карета качалась на мостовой, раздавались чувственные звуки струн, быстрые ударные ритмы, нестройное пение. Постепенно шум балеарской столицы менялся: звучали уже не гуляния простого люда, а переливы высокой музыки, звучавшей из совсем других домов.

Без сомнения, они ехали к центру города.

Путешествие вышло недолгим. Экипаж остановился, и маркиза услышала, как сопровождающие её люди потребовали отворить ворота. Скоро лошади снова потянули карету. Потом кто-то открыл дверь и учтиво подал маркизе руку.

Волнительный момент, и маркиза Бомонт почти не заметила ни убранства зала, ни изящного изгиба лестницы — будто по волшебству перенеслась в большую полутёмную комнату на втором этаже. Окна выходили, как прежде, во внутренний двор — зато отсюда и правда было прекрасно видно луну. Ну точно как в письме! Луна на балеарском небе казалась больше и ярче, чем в родном Стирлинге.

— Санти...

Ну кто ещё мог так называть балеарского канцлера? Уж точно не его жена! Нежный поцелуй потянул за собой следующий, и снова, и опять, прежде чем Сантьяго остановил маркизу. Она прижалась к груди канцлера так плотно, что тому стоило некоторого усилия отстраниться.

— Полно тебе, не торопись. Я так рад тебя видеть. Присядь.

Говорил он, конечно, по-стирлингски. Хотя маркиза сама прекрасно владела балеарским, Сантьяго никогда не отказывал себе в удовольствии блеснуть талантом к языкам.

Эбигейл ему не возразила: опустила на мягкую софу. Здесь не имелось камина — горели только свечи на паре канделябров. Вкупе с луной они всё же освещали комнату тускло, так что картины на стенах нельзя было рассмотреть. Но так даже лучше! Ещё бы музыку — и обстановка сделалась бы поистине чарующей, пусть маркиза не отличалась падкостью на романтику. Куда там! Наивную великосветскую даму, витающую в облаках, она лишь привыкла изображать.

Получалось неплохо.

Пусть полумрак скрывал интерьер, самого канцлера Сантьяго было видно достаточно хорошо. Как всегда — гордо держащийся, одетый по моде столь свежей, что в Стирлинге костюм могли счесть странным. Канцлер почему-то распустил волосы, свободно спадавшие теперь на плечи: потому черты его лица, обыкновенно будто в камне высеченные, смягчились. Только взгляд остался прежним.

Это взгляд человека, который если и не повелевает всем, на что смотрит — то желает повелевать. И наверняка скоро начнёт.

— Красное или белое?

— На твой вкус, Санти.

На вкус канцлера моменту соответствовало красное вино, в темноте казавшееся чёрным.

— Как прошла дорога?

— Без происшествий. Но я лишь на несколько дней: моя отговорка не позволит большего.

— Ужели твой супруг стал проницательнее?

— Да брось! Мой милый Амори всегда был слепее крота. Но всё-таки приходится быть осторожной.

— Осторожность тебе присуща. Это одно из качеств, которые я в тебе высоко ценю не как Сантьяго, а как герцог и канцлер.

— Ох. А какие же ценит Сантьяго? — спросила Эбигейл с наигранным придыханием.

— Ну, их-то не перечесть. Давай выпьем за твою красоту, раз уж о том заговорили.

Красота леди Бомонт определённо была темой, поднимаемой часто: в Стирлинге редкий надолго задумался бы, попроси его назвать главное украшение высочайшего двора. Конечно, вращались там дамы много моложе. Но красоту недаром часто называют оружием: ею ещё потребно уметь пользоваться. А это приходит с опытом.

— Признаю: вино чудесное.

— Каким же ещё тебя угощать? Впрочем, оно даже излишне изысканное, полагаю. Завтра я отвезу тебя в одно чудесное место: в тех холмах, что к востоку от города. Виноградники... Там красиво, но речь не об этом. Там можно попробовать вино помоложе, однако воплощающее душу Балеарии ярче и точнее этого. Знаешь: иногда чем проще, тем лучше.

— Полностью тебе доверяюсь. Как всегда.

— Чудно. Как поживает славное королевство Стирлинг?

— У нас холодно этим летом. Дожди и туманы.

— А вот у нас лето чудесное. Но не грусти: пусть лето в Стирлинге не задалось, я надеюсь, что уже весной добрые вести согреют тебя.

— Уже весной?.. Так скоро? — она вполне искренне удивилась.

— Всем придётся постараться, и тебе тоже. Не хочу омрачать встречу долгими обсуждениями всех планов, однако о некоторых вещах желал бы поговорить сразу. Ночь долгая, мы всё успеем.

— Тогда говори, не откладывая. Даже самой долгой ночи бывает мало.

Канцлер и теперь не спешил говорить, совершая долгий глоток. Он не сводил глаз с маркизы, и хотя та твёрдо помнила, что совершает отнюдь не романтическое путешествие — от такого взгляда сложно было держать голову холодной.

— Эбигейл, поведай о принце Ламберте. О ситуации вокруг него. О разговорах. С мыслях. Обо всём, что мне следует знать: нет источника лучше тебя.

Вполне ожидаемый вопрос, к ответу на который леди Бомонт была готова.

— Кронпринц, полагаю, оставляет всё меньше равнодушных к своей персоне. Я имею в виду, что двор Балдуина теперь ясно делится на тех, кто видит в Ламберте прекрасную смену отцу... И на тех, кто в этом всё меньше уверен.

— А причина сему положению вещей именно та, о которой я думаю?

— Конечно. Стирлинг кругом видит врагов... Причём врагов, за которыми стоит Балеария. И это настроение, со всеми бесконечными разговорами о Великой войне, постоянно крепнет. На любое веяние, которое можно связать с Балеарией, люди старой закалки реагируют нервно. Ты сам это знаешь. С молодыми гораздо проще. А принц... он неосторожен в суждениях, сути которых сам иногда не осознаёт полностью. Звучат разговоры полушёпотом. О том, что путешествия по Ульмису, посольства, учёба за границей... в общем, всё это заразило принца вольнодумством.

Казалось бы, маркиза поведала о новостях не самых приятных, но канцлера они словно

даже порадовали. Он широко улыбнулся.

— Ну, в чём-то шептуны правы. Конечно, кронпринц Ламберт в своих путешествиях нахватался новых идей: которые в Стирлинге, особенно последние двадцать лет, так не приветствуются. Я ведь сам приложил к его просвещению руку, в конце концов! Негласно, допустим, но всё-таки. Стоит ли удивляться, что у меня получилось?

Сантьяго имел репутацию человека, который в любом деле всегда преуспевает. Уж верно, ничего удивительного. Это Балдуин, король Стирлинга, всегда полагал: его волю претворяют в жизнь только люди, закованные в броню. Балеарцы знали много других путей — и канцлер владел ими особенно хорошо.

Но всё-таки Эбигейл показалось, что самая суть её мысли осталась непонятой.

— Я имею в виду, Санти, что Ламберт очень явно всё это демонстрирует. Учитывая, что принц Бернард полностью пошёл в отца — контраст смущает некоторых очень влиятельных людей. И это может помешать, когда Ламберту придёт время занять трон. Перемен в Стирлинге не ждут с нетерпением, ты знаешь, потому что...

Канцлер и теперь совершенно не обеспокоился, перебив маркизу вопросом совершенно иным:

— Ах, кстати! Как дела славного короля Балдуина?

— Король по-прежнему стар и здоров.

— Это чудесно! — канцлер так всплеснул руками, словно Балдуин приходился ему любимым дядюшкой. — Ты совершенно напрасно тревожишься из-за разговоров при дворе, милая Эбигейл. Я не просто предвидел их: даже желал, чтобы эти кривотолки начались! Новости, которые ты принесла — хорошие, а не плохие. Давай о другом... Я немного знаю о младшем сыне короля, Бернарде. Вернее — знаю из не самых надёжных источников. Он что же, и правда весь в отца?

Маркиза весьма не куртуазно фыркнула.

— Ты бы знал, в какой глуши его растили! На самой границе Восточного Леса, где война так никогда и не кончалась. Там до сих пор бродят язычники... Ужасное место. Каким ещё Бернард мог вырасти? Совсем не удивилась, впервые его увидев. Такой же насквозь дубовый рыцарь, как отец.

— Да, «дубовый»... «Дубовый» — это хорошее слово для Балдуина. Он мне таким всегда и виделся. Старый, непоколебимый, вросший корнями в прошлое — и, по счастью, видит да слышит тоже не лучше дерева. Если разговоры о том, что Ламберт будет плохим королём для Стирлинга, ограничиваются старческим ворчанием пары-тройки пэров, то это не беда. Ведь сам король, я надеюсь, не видит в наследном принце подобных недостатков?

— Нет, что ты. Он до сих пор смотрит на мир так... Будто через забрало.

Балдуин III взошёл на престол во время Великой войны — и для такого тяжкого времени был, наверное, лучшим королём, какого только можно представить. Не сказать, чтобы он оказался плох и для мира. Но если воевать всю молодость — это неизбежно наложит отпечаток. Всё мирное для Балдуина выглядело слишком безоблачным.

— Прекрасно! Значит, должно и впредь укреплять его спокойствие. А это, дорогая, именно твоя забота, да-да! Впрочем, и Ламберта необходимо держать под контролем. Столь же мягко, как прежде. Шёлковая ленточка, не ошейник. Чтобы милый мальчик даже не почувствовал.

О, держать Ламберта на поводке было совсем не сложно. Леди Бомонт давно убедилась: если в младшем принце взрастили лучшие качества отца, пусть вызывающие у неё

отторжение, то вот кронпринц... Он выглядел идеальным монархом именно в глазах таких людей, как сама маркиза. То есть потенциально ведомым. Такой же восторженный ко всему, как отец — но лишённый жёсткого стержня. Какое счастье, что именно ему предстояло унаследовать корону...

Канцлер, прервавшись ненадолго, продолжил:

— Если покой короля, как и пэров, следует оберегать, то принцу Ламберту нужно обратное. В нём стоит посеять некоторое беспокойство. Подвести к мысли о том, что законное право на трон может оказаться под угрозой. Конечно, исключительно из-за чёрной зависти к его блестящим задаткам монарха, способного изменить Стирлинг! Кронпринц пусть не слишком умён, но и далеко не глуп: это вполне способный молодой человек. Он сам догадается, что в такой ситуации нужны силы, на которые можно положиться.

— Конечно. Это мы уже обсуждали.

— О да! Твоей памяти позавидовать так же легко, как красоте. Всё верно: обсуждали. И если честно... Сейчас скорее важно кое-что другое. Ламберт теперь — не главное.

— Не главное? Но почему?

Губы канцлера лукаво изогнулись.

— Я не ставлю всё только на будущего короля. Это неразумно, дорогая. Предположим, Ламберт успешно взойдёт на трон — с осознанием, что его чуть поддержали на крутых ступеньках. Что у него есть друзья и в Стирлинге, и за его пределами. Но это не гарантирует никакого королевского расположения в будущем. Корона — волшебная вещь: иногда она невероятно отупляет, будучи надетой на голову. Я видел множество людей, которые с радостью принимали любую помощь на пути к вершине, но достигнув её, просто говорили: ах, спасибо! И всё. Не более.

— Я начинаю понимать, Санти. Ты продумал и другие пути, правда?

— Продумал. Может быть, это только страховка... Однако может стать, что эти средства окажутся даже более действенными, чем наше влияние на будущего короля. Ускорят ход событий. Я ведь недаром говорил: возможно, уже весной многое изменится. Для этого в вашей великой стране как раз сложились условия.

— Церковь, я угадала?..

— Возможно. Я всегда восхищался твоей проницательностью!

Канцлер освежил бокалы и явно собрался поднять тост в честь маркизы. Она, однако, немного смутилась.

— Но если речь о Церкви, Санти, то я никак не смогу помочь.

— Я понимаю: ты поможешь людям, которые смогут. Но это уже очень долгий разговор. Не на ночь глядя. Не при встрече после столь долгой разлуки. И уж точно — не под такое вино!

— Как скажешь.

— Вот кстати, ты говоришь: Церковь... Я хотел бы похвастаться портретом, над которым сейчас работает блестящий художник. Выписать его стоило немалых усилий и неприличных денег. Жаль, что полотно не здесь... Я возлагаю на этот портрет большие надежды определённого рода.

Он вдруг замолчал, всем видом давая понять: хочет, чтобы маркиза сама поинтересовалась.

— Какого же рода?

— Я знал, что ты живо заинтересуешься! Речь вот о чём. Многие века люди ходили в

соборы, глядели там на святые образа и видели в них бога. Времена меняются. Балеарцы должны меньше полагаться на Творца Небесного, а больше на государство, для которого Церковь — лишь один из органов. Который по сути... мало чем отличен от маршалов, министров или, предположим, Тайной канцелярии. Значит, государству теперь нужны собственные образа.

Любопытная мысль. Стирлинг был бесконечно далек от чего-то подобного.

— Но ведь это твой портрет, Санти, а не портрет государства?

— Не вижу противоречия. В некотором смысле государство — это и есть я.

Прозвучало дерзко. Хоть и небезосновательно.

Они ненадолго замолчали. Канцлер поднялся с софы и обошёл её кругом, осторожно держа бокал за тонкую ножку. Он не сводил глаз с маркизы, а она не сменила кокетливой позы, последовав за Сантьяго лишь движением головы. Канцлер остановился напротив: высокий и идеально прямой, как мачта.

— Ты так восхитительно хладнокровна, что это буквально сводит с ума, Эбигейл. Захватывающее ощущение. Ведь то, о чём мы сейчас говорим, что мы давно делаем... О, это многие назвали бы предательством. «Предательство» — такое сильное слово! За ним совершенно не слышно лепета о благих мотивах.

Немного кольнуло.

Леди Бомонт была из людей, которые думают прежде всего о себе — это правда. И всё-таки она часто размышляла на скользкую тему предательства. Позиция у маркизы давно сформировалась. Была ли та мысль искренней — или лишь самооправданием? Самой себе маркиза не стеснялась признаться, что до сих пор сомневается. Но...

— Но ведь это и правда благие мотивы. Ты знаешь: владения моего мужа больших прочих земель Стирлинга пострадали от Великой войны. Разве лишь Скофелы претерпели наравне с Бомонтами. Двадцать лет прошло, но у меня дома всё напоминает о войне: вот глядишь на маковое поле — и будто видишь кровь, которую оно впитало. Никакой войны никогда больше не должно случиться. И я, Санти, убеждена: если для этого необходимо нечто, что дураки назовут «предательством», то так тому и быть. Одно маленькое предательство — пристойная цена за мир. Особенно если это мир для целых поколений. В Стирлинге слишком много разговоров о былой войне, чтобы умные люди не опасались грядущей... а дураки не начинали о ней мечтать.

— Сейчас любой мудрый человек хочет мира. И мы с тобой. А уж королева Анхелика, о солнце Балеарии... тем более!

Маркиза нашла забавным, что Сантьяго упомянул королеву рядом с «мудрыми людьми». Эбигейл представлялось, что последнее, чем канцлер интересуется — это желания королевы. Фи! Следуй балеарская политика помышлениям ветреной Анхелики — ничего хорошего в стране за двадцать лет построить бы не удалось.

Впрочем...

...кто знает? Эбигейл искренне восхищалась канцлером и охотно играла в его игры. Но доверяла ли ему полностью? Нет. Определённо нет. И эта вертихвостка Анхелика — как знать, не пытается ли она казаться гораздо глупее, чем есть на самом деле? Ведь Сантьяго тоже вечно паясничал. О чём он говорит с Анхеликой наедине? Кто в этом танце ведущий? Легко предположить. Однако есть шанс столь же легко ошибиться.

— Да, милая Эбигейл: я твёрдо и решительно говорю большой войне «нет». Ну а маленькое предательство... Для людей истинно благородных, мыслящих о грандиозном, это

вовсе не грех.

Прозвучало попыткой успокоения совести, и вот тут леди Бомонт вспыхнула. Она выпрямила спину, отодвинулась, сердито сложила руки под грудь.

— Ты ведь не думаешь, что я делаю это только ради самой себя?!

— Ох, ну как можно! Глупость! Разве ты можешь руководствоваться подобными меркантильными мотивами? Нет, и в мыслях не может быть!

Иногда маркиза просто ненавидела нарочитые переигрывания Сантьяго, которые он допускал совершенно намеренно. Сияющее чрезмерной искренностью лицо: так и хочется залепить пощёчину — но как осмелишься? Кто на это способен? Каждый ведь понимает, что таится под маской канцлерского благодушия. Словно стальной шлем обтянуть дорогим шёлком.

А может, и стоило сейчас его ударить? Но маркиза всё-таки не решилась.

— Я серьёзно.

— Прости. — он и сам сделался серьёзным. — Тебе показалось, что это была насмешка, понимаю. Но поверь, дорогая, нет... Это всего лишь невинная, однако крайне неудачная штука. Прости.

Леди Бомонт отвернулась, сделав вид, что смертельно обижена.

Она услышала, как скрипнула софа, когда Сантьяго снова оказался рядом. Почувствовала его дыхание и запах парфюма.

— Нас ждут великие дела, Эбигейл. — прошептал канцлер за миг до того, как силы на притворство у маркизы иссякли. — Мы с тобой...

Леди Бомонт прильнула к Сантьяго, не дав окончить фразу.

— После переговоров, Санти, после...

В Марисолеме было море, но не имелось большой реки. Зато столица могла похвастаться рукотворными каналами, вырытыми ещё во времена Старой Империи. Пожалуй, каналы являлись единственным, что напоминало Класу ван Вейту о родном Лимланде.

И то отчасти. В некоторых лимландских городах каналы были, можно сказать, главными улицами. В Марисолеме же их вырыли ради красоты и увеселения горожан. Приличный житель столицы у самого моря бывал редко: за Морскую стену ходят купцы, военные, чиновники да всякий сброд. Что аристократу делать среди складов, верфей и кабаков? Высший свет Балеарии на море взирал из окон особняков — а естественное желание водных прогулок утолял как раз благодаря каналам.

Таковую водную прогулку нынче совершал и лимландский художник. Но, признаться, без особого удовольствия: обстоятельства смущали.

Ведь в гондолу Класа ван Вейта усадили насильно. Художник расслабленно шагал по набережной, направляясь к Полуденной площади, когда двое детин подхватили его под руки, буркнув что-то о «важной встрече». Клас ван Вейт мало что возразить не успел: даже не заметил, как очутился в лодке, потеряв трость.

— За мастером ван Вейтом не следили?

— Нет, мы уверены.

Говорили не совсем по-балеарски. Учёные мужи спорили, является ли бытующее на юго-востоке Ульмиса наречие отдельным языком — или это лишь диалект балераского. Ван Вейт не вникал в тонкости языкознания. Он просто знал: именно так говорят в Тремоне.

Гондольер работал веслом неумело: вряд ли такового его истинное ремесло. Зато этот человек был вооружён. Имели оружие и двое других мрачных мужчин на борту. Да что там «имели» — они были вооружены до зубов. Длинные, тонкие мечи с изящными эфесами, большие кинжалы и колесцовые пистолеты. Наверняка все трое давно сложили о фехтовании и стрельбе куда лучшее представление, чем об управлении речными лодками.

Приятно иметь таких телохранителей самому — но нежданная встреча с человеком, которого столь тщательно охраняют, может смутить.

Тот человек скрывался под краем тента на носу гондолы, и сначала ван Вейт его даже не заметил.

— Мастер ван Вейт! Прошу прощения за мою, скажем так, неучтивость. Нам непременно нужно поговорить, а вы столь долго уклонялись от встречи... Наверняка из-за сильной занятости работой над портретом канцлера?

Хрипловатый голос, густая чёрная борода, почти квадратная фигура и такое же квадратное лицо. Клас ван Вейт узнал собеседника: Винченцо Кантуччи. Большой человек в местной торговой миссии Тремоны.

Представили их на одном из великосветских приёмов, коих художник за пару месяцев посетил немало. Ван Вейт ещё тогда твёрдо решил: от Кантуччи стоит держаться подальше. Причин тому было две.

Во-первых, учитывая убийство брата тремонского герцога и слова канцлера Балеарии на эту тему, лимландец заключил: между двух огней становиться не следует. Сейчас ему щедро платил Сантьяго Гонсалес де Армандо-и-Марка, думать стоило лишь о его портрете. И о

последующих заказах — которых ван Вейт в Марисолеме должен был получить теперь великое множество. Он и прежде был в моде, а после столь важной картины... Сближение с тремонцами может помешать всему этому.

Во-вторых, Винченцо Кантуччи слишком быстро и слишком настойчиво заговорил о работе художника с канцлером. Чересчур рьяно уговаривал побеседовать в приватной обстановке, которую сам организует. Ван Вейт не вчера родился и свет знал хорошо. Он понимал — торговые эмиссары часто занимаются далеко не только торговлей.

Что же: теперь встреча состоялась, пускай помимо желания художника. Оставалось вновь быть учтивым и осторожным, как при общении с самим канцлером.

— Я не в обиде на вас и ваших людей, сеньор Кантуччи. Но вы ставите меня в неудобное положение. Хуже того: в опасное.

Тремонец вяло махнул рукой.

— Бросьте, мастер. Я не отниму у вас много времени. Будьте уверены: никто не заметил, как вы сели в эту гондолу. Мои люди своё дело знают. А здесь... Я люблю лодки за то, что на воде проще всего беседовать без лишних ушей. «Немой как рыба», знаете выражение?

Ввязавшись в такие дела, недолго стать немым как могила. Но об этом лимландец промолчал.

— И о чём вы, сеньор, желали поговорить?

— Всё о том же, мастер ван Вейт. О том, как близки вы стали с Его Светлость герцогом Тормалесо. То есть с канцлером Балеарии. Для меня были бы очень полезны многие сведения и детали, даже самые мелкие, каковы вы наверняка заметили за время работы. Для вас, в свою очередь, было бы очень полезно оказать мне услугу.

— И в чём же моя польза? — ван Вейт не планировал торговаться, но задать такой вопрос следовало.

— Мы оба знаем: после проигранной войны влияние Балеарии в Лимланде крайне слабо. А вот влияние герцогства Тремонского... о! В наших силах сильно изменить жизнь любого лимландца. Мы маленькая страна, однако предприимчивая и амбициозная. Тот, кто взойдёт на борт нашей лодки вовремя, в накладе не останется. А кто предпочтёт остаться за бортом...

Кантуччи если и лукавил, то только отчасти. Королевство Лимланд и Тремону, несмотря на географическую удалённость, связывало многое. Во-первых, они были союзниками в Великой войне, пускай формальными. Во-вторых, конечно, морская торговля. Однако слова Винченцо всё равно не понравились художнику — особенно последние его слова.

— Вы мне угрожаете?

— Нет, что вы! Никаких угроз!

Винченцо Кантуччи улыбнулся вроде бы искренне, но у его телохранителей улыбки вышли весьма зловещими. Художник почувствовал себя совсем неудобно. Уже стемнело, каменная набережная высока — под тентом не разглядишь ничего. При случае полоснут по горлу, сбросят за борт — до утра никто не заметит. Тем более что Марисолема шумна после заката: тут и на пушечный выстрел не каждый внимание обратит.

— Я, мастер ван Вейт, скорее предупреждаю. Сами видите: балеарцы не очень-то пекутся о вашей персоне. Вас даже никто не охранял! А у меня в Марисолеме надёжные люди, которые защитят от всего. В любой ситуации.

— Охотно верю... Но не пойму, какой с меня прок? Ужели вы думаете, что канцлер ведёт при мне, а тем паче — со мной, какие-то государственные беседы?

— Не знаю, мастер ван Вейт! Вот и расскажите, ведёт ли? К примеру, о той ужасной трагедии, что постигла наше герцогство?

Ну конечно. Так и говорил канцлер: тремонцы будут искать красные пятна на балеарских манжетах самым тщательным образом. Художник рассудил, что часть той речи вполне можно воспроизвести.

— Я только знаю, что Его Светлость крайне обеспокоен этим убийством. Он исполнен сомнений о том, может ли сам спать спокойно.

— Нашим общим интересам пошло бы на пользу, узнай вы больше.

— Не понимаю, чего вы от меня хотите. Я не шпион, а художник.

— Я и не прошу вас становиться шпионом. Мне не нужны сокровенные тайны балеарского двора. Поверьте, я высоко оценю самые малозначимые детали. Это даже кстати, что вы художник: живописцу ведь полагается примечать детали?

Да, канцлер сказал ему то же самое. Возможно, глупец и внял бы словам Кантуччи, но Клас ван Вейт глупцом не являлся.

Сведения, которые он мог раздобыть, оказались бы скудны: столь же дёшево стоила для тремонского торгового эмиссара жизнь художника. Едва ли шпионы и информаторы долго задерживались подле Сантьяго де Армандо-и-Марка. Тремонцы будут рады получить хоть крупицу информации, а после — пусть что угодно станет с их источником.

За что купили, за то и продадут.

Но понимал Клас ван Вейт и другое. Он знал, что Винченцо Кантуччи в Балеари недавно. И очень может быть, что задержится ненадолго. Если он вот так запросто раскрыл себя перед художником, то решительный отказ сотрудничать может отправить лимландца на корм рыбам прямо сейчас. Следовало сначала сойти с гондолы, а уж после думать: бежать из Марисолемы или рассказать обо всём канцлеру.

Бежать, с одной стороны, крайне вредно для репутации и кошелька. С другой — как знать, не увидят ли в нём балеарцы двойного агента? Такое может кончиться очень дурно. А что, если всё это — просто спектакль, изощрённая проверка королевской Тайной канцелярии? Нет, едва ли... Ведь эти люди и правда из Тремонского герцогства.

Впрочем, кто сказал, что на Балеарию работает мало тремонцев?

Клас ван Вейт быстро понял, что гадать бессмысленно. Сейчас надо лишь подыгрывать.

— Мне потребуются гарантии, сеньор. И ещё... Я хотел бы подробнее узнать о той выгоде, на которую могу рассчитывать.

— Ну вот. Это уже деловой разговор. Я — купец, я ценю подобный подход. Прежде всего, мастер...

— Дон Винченцо! Дон Винченцо! — вдруг оборвал тремонца радостный и пьяный голос.

Голос этот донёсся с другой гондолы: чуть поменьше и без тента.

Шла она встречным курсом, по правому борту от судна Кантуччи. При том двое всадников, которые сопровождали гондолу тремонца с самого начала, ехали по противоположному берегу. Сейчас они приблизились к перилам набережной, наострились.

Кроме гребца, во встречной лодке сидели двое мужчин и две женщины. Явно молодые великосветские повесы в обществе куртизанок: одеты все были броско и дорого. Ван Вейта это наблюдение разочаровало. На миг он понадеялся, что встретил людей, у которых можно

просить помощи.

Но нет, что толку от них? Всего лишь пьяные молодые дворяне, пусть при положенных по статусу эспадах. К тому же весьма субтильные. Их спутницы манерно обмахивались веерами и бесстыже хохотали. Художник, привычный выхватывать детали сцены, обратил внимание на светлые волосы одной из женщин. Редкость для Балеарии, но на северянку она вовсе не походила.

Вторая девушка, напротив, была очень смуглой. Но столь же красивой и фривольно одетой, как первая. Предложи кто-то ван Вейту выбрать между ними — выбор оказался бы непрост.

Винченцо Кантуччи нахмурился.

— Я вас не знаю, сеньоры. Да благословит вас святая Белла: следуйте своей дорогой! Я очень занят.

— Да как же не знаете, сеньор! Мы виделись третьего дня, на приёме у графини Томпанельо! Неужто не помните? Я как раз рассказывал дамам об этой чудесной встрече!

Однако же зоркий глаз должен быть у этого балеарца: ночью, пьяным, сидя меж двух прекрасных и весьма доступных женщин, он умудрился разглядеть Кантуччи под тентом. Тремонец молодых дворян не признал даже теперь — зато заметил девушек, соблазнительно улыбающихся и машущих руками.

Это, конечно, немного смягчило Кантуччи. Тем временем балеарский дворянин взял быка за рога.

— Эй, лодочник! Давай поближе, ну! Не видишь, что ли: мы встретили большого человека! Зря я тебе серебряный реал дал?

Гондольер немедленно повиновался. Ещё бы: при такой-то щедрости пассажиров!

Клас ван Вейт сжал зубы: эти повесы запросто могли знать в лицо и его. Бедняги даже не представляли, какой опасности себя подвергают, становясь свидетелями разговора!

— Сеньоры, мы правда... — начал было Винченцо.

— Дон Винченцо, прошу: одно мгновение вашего внимания! Я обещал передать вам кое-что!

Девушки тоже лепетали нечто приветственное, пока пьяный идальго перебирался через них к борту — медленно и весьма неловко. Лодки сблизилась. Теперь Клас ван Вейт мог различить светлые глаза блондинки и кокетливую родинку на щеке смуглянки.

Художнику оставалось только надеяться на благоразумие Винченцо. Тремонец казался вполне рассудительным человеком, но ситуация сложилась очень нехорошая. Не для того лимландца практически выкрали и усадили в лодку, чтобы кто-то увидел его вместе с эмиссаром! Кантуччи запросто отправит в воду разом все концы этой небольшой шпионской истории...

— Хорошо. — тяжело выдохнул Кантуччи. — Что вы хотели мне передать, сеньор?

Балеарский дворянин широко улыбнулся. Художник заметил: его улыбка подпорчена отсутствием переднего зуба.

— Привет от Тайной канцелярии, пидорасы!

Эти слова успели дойти только до ушей Класа ван Вейта — не до мозга. Он ничего не сообразил прежде, чем события стали развиваться стремительно.

Обе девушки сей же миг спрятались за бортом. По-прежнему сидевший позади них балеарец выхватил два пистолета быстрее, чем стих последний звук бранного слова товарища. Первый выстрел он сделал навскидку — поразив гондольера, судя по плеску за

спиной ван Вейта. Из второго пистолета балеарец стрелял уже во всадников на берегу: то же самое делал и его лодочник.

Однако в центре сцены, мгновенно захватившей ван Вейта динамикой и кровавостью, оказался другой человек. Тот, что говорил с Кантуччи и передал своеобразное послание.

Выхватив эспаду и кинжал, он лихо перепрыгнул на борт тремонской гондолы. Опора шаткая, до крайности неудобная, однако балеарец был ловчее самого Нечистого. Клинок телохранителя, атаковавшего первым, он парировал лезвием кинжала. От почти одновременного укола второго противника уклонился, развернув корпус — и в этом же движении, прямо навстречу, поразил его эспадой. Ещё укол от тремонца — опять безуспешно. Кинжал вновь подхватил вражеский клинок, отвёл в сторону — и тем открыл телохранителя для удара. Кончик эспады, насквозь пронзившей тело, блеснул в лунном свете.

Винченцо Кантуччи был отнюдь не так проворен. Он вытащил меч только теперь, слишком поздно. Балеарец заметил это, метнулся вперёд, весь вытянулся — и уколол тремонского эмиссара в вооружённую руку. Меч Винченцо выпал за борт.

Художник ожидал, что сейчас увидит и смерть Кантуччи, однако этого не случилось. Тремонцу хватило ума не дёргаться, когда клинок противника коснулся его щеки. Ван Вейт снова увидел улыбку, испорченную отсутствующим зубом.

— В Марисолеме всегда было полно шпионов. Понятное дело: это столица, это порт. Крысы так и ломятся. Я видел много шпионов: иногда наглых, иногда тупых. Но вот таких, тупых и наглых... Это редкость.

— Я Винченцо Кантуччи! — выпалил тремонец, словно было не очевидно, что его имя все здесь знают. — Собаки, вы меня покалечили!

Клинок угодил точно в локтевой сгиб: ниже него рука Винченцо повисла. Он зажимал рану, хотя крови текло немного.

— Научись подтираться левой: боюсь, правую лекари могут отрезать. И не ори: велено сохранить твою жизнь, однако о хере в приказе ни слова. Сеньор ван Вейт! Вы в порядке?

Художник кивнул, хотя отнюдь не чувствовал себя в порядке.

— Славно. Парни! Вытащите того дурака из воды. Всадники не ушли?

— Положил обоих. — ответил гребец, тоже перебравшийся с лодки на лодку. — А наш красавчик вторую пулю в белый свет пустил. Нехер стрелять быстрее, чем целишься!

— Ну давай, поучи...

— Цыц! После поболтаете. Тела с берега сюда же... Один живой, что ли? Это он орёт?

— Он.

— Ну так прирежьте скорее! И без него нашумели. Живо!

Ван Вейт и не хотел смотреть на тела в лодке — и хотел одновременно. Профессиональное любопытство. Среди художников обычно посещать мертвецкие, а уж тем более анатомические театры, с недавних пор изобилующие в Лимланде. Но такое видели немногие коллеги.

Один из телохранителей получил укол в сердце — он уже потерял сознание, а может, и умер. Другой точно был жив: кровь тонким фонтанчиком била из шеи. Он пытался кричать, но выходили лишь хрип и свист, ещё более жуткий. Лицо, перекошенное криком, который почти бесшумен — это Клас ван Вейт нашёл страшным, но интересным. Получится ли когда-нибудь воплотить на холсте? Так, чтобы зритель не просто видел, но и слышал сцену?

— Да подохни уже... — пробормотал щербатый балеарец, тыкая умирающего

кинжалом.

Но умирать раненый не торопился и теперь. Только дёргался при каждом уколе. Балеарец был невысок: продолжая контролировать Винченцо, до умирающего он еле-еле дотянулся. Мучения прервали только подручные щербатого, когда наконец втащили на борт тело гребца.

— Вот, спасибо. А голова-то этого где?

— Что от головы осталось, всё здесь.

— Разнесло, сука, как арбуз!

— Мда... ладно. Давайте, живее! Свалите всех сюда — и уплываем. Тьфу, блядь, гадость... простите мои грубые выражения, сеньор ван Вейт. Будете смеяться: не терплю вида крови.

Класу ван Вейту вовсе не было смешно. Если за коротким боем он следил с восхищением, да и его последствия нашёл любопытными, то сами служащие Тайной канцелярии вызывали лишь ужас.

Учась писать человеческую анатомию, трупов ван Вейт повидал достаточно. В том числе несвежих, изрубленных, обезображенных. К этому художники привыкали, но привычка — одно. За привычкой к чему-то страшному сохраняется понимание, на что именно смотришь: просто уходят лишние эмоции. Однако то, как балеарцы добивали умирающих и грузили тела в гондолу... это нечто немного другое. Клас ван Вейт написал немало портретов знаменитых воинов, у которых руки были в крови по самые плечи. Но убивали они на войне — среди грома и пламени сражений, ведя солдат в лихие атаки, из последних сил удерживая последние рубежи.

Люди, которых художник видел теперь, были совсем другими. Тоже своего рода воинами, однако сражающимися совершенно иначе. На совсем другой войне.

— Я Винченцо Кантуччи!.. — снова подал голос эмиссар, когда клинок случайно оторвался от его лица.

— Ты... тьфу, ты обоссался, что ли? — увы, это было именно так. — Ну дела: понабирают кого попало в шпионы! Глупец и трус. Ладно, к делу...

Щербатый вытер пот со лба, расположился поудобнее. Только теперь Клас ван Вейт хорошо рассмотрел его лицо. Мужчина ещё молодой и, если бы не все обстоятельства, его наружность лимландец мог назвать приятной. Только уж очень скучной. Удивительно обыкновенный на вид человек.

— Никакой ты не Винченцо Кантуччи. На настоящего Винченцо похож только одним: тот лишился разума от старости, нынче точно так же гадит под себя. А тебя зовут Лоренцо Монтоливо. Тебе сорок семь лет, ты родом из Белуччо. Мы знаем, как ты попал на эту службу. Знаем, где живёт твоя семья — включая, кстати, бастардов. Джованни и Катерину, я правильно помню? Да: где живут твои любовницы — нам тоже известно. Сведения собирались ещё до того, как ты сошёл на балеарский берег, пидорасина тремонская. Думаешь, ты хоть шаг по этой благословенной земле сделал без нашего ведома? Шпионы суть необходимое зло: режешь одних, сюда присылают новых. Но некоторые... вроде тебя, Лоренцо, теряют берега. Например, начинают тянуть лапы к канцлеру и его добрым друзьям. Таких терпеть уже невозможно. Сам видишь, чем это кончается.

Балеарец воткнул кинжал в борт лодки, освободив руку, и подтащил лишившееся головы тело ближе. Винченцо — или Лоренцо, пытался отвернуться. Собеседник не позволил ему развернуть голову: удержал на месте клинком эспады.

Балеарец говорил быстро и чётко, явно зная каждое следующее слово наизусть.

— Видишь? Вот так кончают оборзевшие глупцы вроде тебя. И поверь: это лучшее, что может их ждать. Итак, Джованни и Катерина живут с матерью в Тремо. Их матушку зовут Изольдой, она брюнетка, голубоглазая, невысокого роста, худощавая, пока всё верно? Её дом возле рыбного рынка, она ходит туда каждый день, так? Не стану пересказывать, где найти прочих дорогих тебе людей и как их опознать. Думаю, ты уже понял: Балеария держит тебя за яйца. Которые в любой момент может отрезать.

— Я понял.

— Умница. Не знаю, почему тебя велено не убивать. Наверное, ты знаешь что-то важное. Или нужен для чего-то важного. Это не моё дело, моё состоит в ином. Знаешь, в чём именно?

— Я догадываюсь.

— Надеюсь. Я человек простой: делаю то, что приказывают. На благо Балеарии и Её Величества королевы Анхелики. Я не задаю вопросов и сам не задаюсь вопросами. Меня не купить, не запугать и не разжалобить. Любой, кто идёт против Балеарии, рано или поздно встретится с людьми вроде меня — и тогда ни Творец Небесный, ни Нечистый ему не помогут. Если кому-то из нас, Лоренцо, прикажут посетить дом у рыбного рынка в Тремо, мы сделаем это. И поверь: никто из нас не увидит лиц твоих детей в кошмарных снах. Мы спим очень крепко.

О да. Они совсем не выглядели людьми, знакомыми с угрызениями совести.

— Что будет дальше?

— А вот этого не знаю. Тебе всё объяснят. Позже.

Разум и взор Класа ван Вейта никогда не были так чисты. Оцепенев физически, художник обрёл невиданную ясность сознания. Он впитывал каждую деталь так легко, как бывает только в детстве.

Капельки пота на лбу эмиссара — и падающие с борта в воду капельки крови. Луна на небе, её отражение в ряби канала и лунный свет на клинке эспады. Чёрное ночное небо с безразличными к мирскому звёздами — и чёрные глаза балеарского убийцы, безразличного к жертвам.

А потом как-то отпустило, расслабило. Художник даже не понял, куда подевался его тремонский знакомый — и не запомнил, как его пересадили из одной лодки в другую. Он словно двигался в воде, и мысли текли так же. Слишком большое напряжение. Слишком стремительные события.

— Что скажете, сеньор ван Вейт? Воспользуйтесь случаем: последняя возможность обсудить сегодняшнее. Далее вам предстоит молчать об увиденном всю жизнь. Признаюсь: всё это могло выглядеть гораздо менее эффектно. Но я ведь тоже... не художник, нет, но своего рода человек искусства. И кстати, впутывать вас тоже было необязательно. Но вы заслужили.

— Чем же?..

Взгляд собеседника выразил укоризну.

— Тем, что не рассказали канцлеру о настойчивом интересе подозрительных лиц. Думаю, вас ни в чём не подозревали и не подозревают, нет... Но урок вам полагался. Надеюсь, он полезен для творчества: вы видели сегодня интересную сторону Балеарии. Не ту, которую превозносят в стихах.

Наверное, справедливо. Был бы полным образ этой страны, сложившийся у живописца,

без такого опыта? Можно ли предаваться настоящему искусству, не увидев настоящей жизни? А настоящая жизнь состоит не только из светских приёмов.

— Полно вам трястись. Мы сделали хорошее дело: да-да, именно мы, можно сказать — сообща. А я человек простой. Работаю не кистью, но клинком, а после всегда иду в кабак. Хорошая традиция, верно? А сегодня у нас ещё и приятное дамское общество!

Художник отчего-то настолько осмелел, что даже дерзнул в ответ:

— Если желаете выпить вместе, сеньор, нам полагается быть представленными.

— Ах, это... легко! Из уважения к другу канцлера я даже назову настоящее имя. Меня зовут Фидель.

— Я польщён: настоящее имя?

Сарказма в словах художника не прозвучало, он действительно был удивлён.

— Самое настоящее, уж можете поверить. Вы, мастер ван Вейт, только портрета моего не рисуйте. Не надо.

Асьенда в половине дня пути от столицы была ожидаемо роскошной — однако на леди Бомонт сильнейшее впечатление произвели не убранство дома и не великолепный мрамор его стен. Куда прекраснее оказалось то, что имение окружало.

Их с канцлером экипаж приехал сюда по широкой и абсолютно прямой дороге, разрезающей золотые поля. Могучие чёрные быки будто приветствовали герцога, качая рогами. За полями потянулись ряды виноградников, а ближе к асьенде вдоль дороги выстроились высокие, стройные кипарисы. Ни облачка на небе, а солнце сияло изумительно ярко. Даже на самом юге Стирлига, в землях Бомонтов, оно никогда не бывало таким.

Дом стоял на невысоком холме, очень далеко от высокой каменной ограды — и всякие подсобные строения усадьбы находились от него далеко. Уединённое место, хотя отнюдь не в глуши.

— Я бессильна не влюбиться в Балеарию, Санти.

— Ах, оставь! Под этим солнцем не сыскать ничего прекраснее тебя.

Утро они провели за дегустацией обещанного молодого вина, которое Эбигейл не разочаровало. Как и обещал Сантьяго, напиток был не изысканный — но прекрасно увлекал сочетанием самых обыкновенных оттенков вкуса. И пилось это вино на удивление легко. Да, канцлер оказался прав: иногда чем проще — тем лучше.

К полудню Эбигейл и Сантьяго переместились с веранды большого дома в газебо посреди сада. Воздух был совершенно недвижим, и леди Бомонт размеренно поводила веером. Снаружи приходилось прятаться под лёгким зонтиком, но здесь, в тени, её тонкой коже нежелательный загар не грозил.

— Это всё твои земли, Санти?

— Разумеется. Родовое гнездо, правда, достаточно далеко отсюда. Владения герцогов Тормалесо весьма обширны. На севере есть целые... государства, так сказать, подобного размера.

Да уж, богатству Сантьяго мог позавидовать почти кто угодно. Даже законный супруг Эбигейл, хоть он и являлся в Стирлинге одним из крупнейших землевладельцев. Хотя размер, конечно, имеет значение — но не только в нём дело. Очевидно: пусть Балеария уступала Стирлингу территорией, земли её были плодороднее. И людей на них жило больше. Победы в войне это не принесло, но когда настал мир — разница сделалась ощутимой.

А одиннадцатый по счёту герцог Тормалесо... Не удивительно, что в итоге он стал канцлером. Тут хватило бы и личных качеств, и исключительной силы рода — а Сантьяго обладал тем и другим.

— Мы, Санти, так часто поминаем моего мужа... А о твоей супруге я почти ничего не знаю.

— А зачем о ней говорить? Ты в курсе, как был заключён брак. Инесилья — она... одним словом, скучная. И слишком религиозная. Давай не будем об этом, хорошо?

Тут маркиза отлично понимала герцога. Жениться по любви везёт не всем — а особенно редкая это удача для тех, кому в остальном при рождении улыбнулась удача. Эбигейл не любила Амори Бомонта. Даже никогда не была им хоть сколь-нибудь увлечена. А что ещё хуже — и презирать мужа у неё не получалось. Амори просто не возбуждал вообще никаких чувств.

Что поделаться: она должна была как-то выбраться из жалких родных владений. Сантьяго же вовсе ничего не решал в вопросе брака: их с Инесильей де Адуарте-Браво помолвили прежде, чем оба узнали, откуда берутся дети.

Леди Бомонт догадалась, что увеселительная часть поездки уже сменяется деловой. Сантьяго стал менее разговорчивым, то и дело поглядывал на дорогу — было ясно, что они кого-то ждут. Скоро на горизонте показался экипаж. Кучер понукал коней, повозка оставляла за собой густые клубы дорожной пыли. Догадка подтвердилась.

— Не думала, что мы станем здесь заниматься делами...

— Это не займёт слишком много времени, не волнуйся. Ты ведь лишь на несколько дней, а нам столько всего нужно обсудить! В карете очень большие люди, Эбигейл — и я вызвал их сюда ради знакомства с тобой. Это не Марисолема, тут тебя не нужно прятать.

— И только ради знакомства?.. — маркиза приподняла брови.

— Не только, конечно же. Предстоит важный разговор, и тебе вполне уместно присутствовать.

Эбигейл не обманывалась насчёт природы их с канцлером личных отношений, но что касается дел — приятно было осознавать: Сантьяго ей доверяет. Тяжкий путь к вершине из захолустного замка она проделала не ради того, чтобы быть теперь пешкой. Пускай даже в большой игре.

Экипаж, сопровождаемый несколькими всадниками, проехал сквозь ворота. Из него вышли трое: даже с большого расстояния стало очевидно, что это два благородных человека и слуга. Они направились к газебо. Кучер и охрана остались на месте.

Визитёры выглядели сурово, и оба были немолоды, но сильно друг от друга отличались.

Один был среднего роста и телосложения, с аккуратными усами и бородой клинышком, в целом внешне непримечательным — если не учесть на удивление пронзительного взгляда. Чёрный цвет всего его костюма нарушала только лазурно-красная петлица: цвета балеарского флага.

Другой, напротив, выделялся ростом и шириной плеч. Он был заметно постарше, с обильной сединой и лицом, поровну исчерченным морщинами и шрамами. Эбигейл заметила конную выправку незнакомца ещё раньше, чем бархатный генеральский шарф, переброшенный через плечо.

Впрочем, первое внимание привлекли не шарф и не выправка. Пожилой полководец был страшно изувечен.

Один глаз закрывала повязка, левую ногу ниже колена заменял деревянный протез — да и на правой было что-то вроде металлического сапога, явно не служившего обычной обувью. Леди Бомонт невольно поморщилась и немного устыдилась этого. Мужчина едва шагал: одной рукой опирался на трость, под другую его то и дело поддерживал слуга. Но несмотря на это, старый военный держался с великим достоинством.

— Сеньоры, как я рад! — всплеснул руками канцлер. — Не терпится представить вас, и тем мы исчерпаем скучные церемонии. Эта очаровательная женщина — леди Эбигейл, маркиза Бомонт. Наш человек в Стирлинге. Эбигейл, познакомься: это Лопе де Гамбоа, третий секретарь Тайной Канцелярии Её Величества. Сеньор Гамбоа — одна из ключевых фигур в партии, которую мы разыгрываем.

— Моё почтение, сеньора. — человек в чёрном склонился и поцеловал протянутую ему руку маркизы. — Наслышан о вас по долгу службы. И счастлив этой встрече.

Лопе де Гамбоа предпочёл обратиться к ней по-стирлингски. Получилось вполне

изящно, но с сильным акцентом — совсем не так чисто, как говорил Сантьяго.

— А это... — канцлер указал на военного. — ...это дон Хуан Альварес Фалькао. О нём ты не могла не слышать: в Стирлинге определённо помнят прозвище Железный Сапог. Блестящий полководец империи и верный подданный королевства.

— Конечно, я слышала о сеньоре Фалькао...

— Проигравший войну маршал погибшей империи. — повёл челюстью дон Хуан. — И никчёмный обрубок верного слуги королевства... а, не берите в голову. Рад знакомству, маркиза.

Имперский маршал времён Великой войны тоже коснулся шёлковой перчатки леди Бомонт — но лишь после того, как сел. Изящества в его движениях было куда меньше, чем у Гамбоа, и голос звучал резко.

— Вы уж простите, сеньора, что подаю вам левую и делаю это сидя. Моя правая рука осталась в землях вашего мужа.

Только теперь Эбигейл заметила: правая кисть маршала, скрытая перчаткой, абсолютно неподвижна. Это тоже был протез. После того, как дон Хуан описал историю увечья, маркизе стало ещё неудобнее.

— Сожалею, сеньор. Я имею в виду... не о том, что мы нарушаем глупый ритуал, поймите верно. Сожалею о случившемся.

Маршал бесцеремонно фыркнул.

— Сеньора! Жалость — последнее, в чём я нуждаюсь.

— Эбигейл, прошу тебя, не обращай внимания на... некоторую резкость маршала. Он заслужил в боях право не быть образцом куртуазности. Дон Хуан, а вам я осмелюсь напомнить, что война окончилась очень давно. И уж верно, наша прекрасная гостья не водила тогда полков! А равно и её муж, впрочем. Похвально, что вы остаётесь прежним, но право слово: не стоит.

— Ничего страшного, Санти... ох, Ваша Светлость, я нисколько не... — снова начала маркиза как-то неловко.

— Эбигейл, дорогая! Мы не на официальном приёме. Мы среди людей, связанных одной великой целью: здесь ты можешь свободно называть меня так, как тебе будет угодно. И обращаться на «ты», разумеется.

— Раз уж в нашем кругу благородных людей дозволено избегать церемоний... — сказал Гамбоа, не замедлив потянуться к графину. — То, во-первых, зовите меня просто Лопе. Во-вторых, позвольте наполнить ваш...

— Нет-нет, мой добрый друг Лопе, не утруждайтесь: бокалы я наполню сам. — снова вмешался канцлер. — Для всех вас. Кстати, вино почти на исходе... Хосе! Принеси-ка ещё!

— Как пожелаете, сеньор Лопе. — маркиза ответила тайному секретарю улыбкой. — Но только при условии, что и вы будете обращаться ко мне по имени.

— Ваше слово — закон, леди Эбигейл.

— А меня зовите маршалом Фалькао.

Хорошо, что сир Джон Барсби остался на корабле: эти старые рубаки точно не поладили бы.

Пока Хосе — очень красивый молодой слуга, подносил новое вино, а Сантьяго разливал его по бокалам, все успели обменяться ещё несколькими фразами, ничего особенно не значащими. Лопе де Гамбоа оказался мужчиной любезным, не лишённым обаяния — хотя глаза выдавали его натуру. Опасный человек. Старый маршал, напротив — не скрывал тех

своих черт, которые хороши для полководца, но не приветствуются при дворе.

Эбигейл быстро составила мнение о том, почему именно эти люди приехали сюда. Она знала: Третий секретариат Тайной канцелярии ведаёт, так сказать, оперативными вопросами. Посему кинжал, которым Балеария всегда была готова ткнуть под ребро неугодного, определённо лежал именно в руке Лопе де Гамбоа.

Что касается маршала — пусть он смотрел на Стирлинг так же, как старые пэры с родины маркизы смотрели на Балеарию, виделось кое-что ещё. Дон Хуан Альварес Фалькао был до мозга костей империалистом. Из тех, кто так и не смирился с крахом балеарских амбиций. Возможно, не смирился даже более всех прочих.

Конечно, о Железном Сапоге маркиза была наслышана. На войне маршал Фалькас стяжал суровую славу: не щадил ни врага, ни собственных людей, ни себя самого. Однако вспомнила леди сейчас иную деталь. Дон Хуан не всегда был «доном». Являясь человеком происхождения ещё более незначительного, чем сама Эбигейл, он вышел в маршалы из рядов кондотьерского отряда. И позднее продвигал идею наёмных армий. Сир Арчибальд Бомонт часто рассказывал жене брата и о Железном Сапоге, и о Волке Мелиньи: как раз великом кондотьере. Эбигейл те рассказы о войне извечно были скучны. Но возможно, самое время припомнить их...

— Ну что же, сеньоры, Эбигейл... Сколь бы ни была усладительна эта лёгкая беседа, мы должны обсудить дела, верно?

— Да уж, пора бы! — старый маршал и не думал скрывать раздражения: он догадался, что ехать в такую даль пришлось именно из-за маркизы, иначе встреча легко состоялась бы в Марисолеме.

— Я полагаю, никто не возражает. Лопе, дон Хуан — спешу сообщить, что мы успели обсудить с Эбигейл многие детали предстоящего. Смее утверждать: в данной фазе этой маленькой партии наши позиции достаточно сильны. Однако же мы не можем удовлетвориться лишь достаточным: необходимо делать первый ход, уже создав все условия для победы.

— Раз пригласили меня, то речь идёт о военных вопросах. — рассудил маршал.

— Именно так. Эбигейл обладает обширными возможностями при королевском дворе Стирлинга, и я не ожидаю каких-либо осложнений в том случае, если мы будем разыгрывать долгую комбинацию. Это безопасный путь к успеху. Но, как и всякий безопасный путь, он имеет положенные недостатки. Во-первых, займёт много времени. Во-вторых, выигрыш с него не так велик.

Канцлер откинулся на спинку плетёного кресла, сложил руки на груди и продолжил:

— Полагаю разумным ускорить ход событий, а заодно и повысить ставки. Уверен, Лопе уже объяснил дону Хуану, что я имею в виду. Новый путь вмешательства в дела Стирлинга предполагает существенно более высокие риски. Вместе с тем, убеждён, всем здесь очевидно: ни о каком прямом военном участии Балеарского королевства не может быть и речи. Ни при каких обстоятельствах.

— Королева и слышать не желает о новой войне.

— И не только она. Я сам солидарен с королевой в этом вопросе: именно войну-то мы стремимся исключить. Наша цель звучит громко: мы принесём мир! Крепкий мир, мир на многие века. А он, разумеется, не обеспечивается без силы оружия. Итак, дон Хуан, мы посвятили вас в общие детали планов, поскольку не знаем человека, лучше знакомого с людьми, способными защитить наши интересы открытым силовым путём. За некоторое

вознаграждение.

— Вы говорите о наёмниках?

— Разумеется. Леди Эбигейл будет спокойнее и проще, имея под рукой некую осязаемую военную силу. Очевидно, что это не может быть ни армия Балеарии, ни войска наших союзников. Только люди, верные золоту, а не флагам и гербам.

— Но Санти... Ты собираешься доставить наёмников в Стирлинг? Как?..

— Дозволь оставить это моей заботой. Просто запомни обещание: у тебя, пусть и негласно, будет армия. Небольшая, конечно, но куда более существенная, чем верные тебе люди супруга. Их ведь немного, я знаю.

— И что именно требуется? — спросил маршал.

— В этом месте, дон Хуан, я позволю себе ещё раз напомнить о важном: разговор, который мы ведём, строго приватен. Разумеется, никакие слухи о запланированном не должны дойти до королевы Анхелики. Лопе обеспечит большую часть этой задачи: от вас потребуется только осмотрительность и ответственность. Вы понимаете, о чём я говорю?

— Полностью, Ваша Светлость. Вы ведёте речи о том, чего не достиг император Педрс Фелипе. И наверняка понимаете, как я дорожу даже малой надеждой на подобное. На новый золотой век! Я лишился руки, обеих ног и глаза, сражаясь именно за это. Если Балеария снова станет великой... Я и второй глаз отдам ради того. Со второй рукой в придачу.

— Это я и надеялся услышать. Итак, нам нужен наёмный военный отряд. Не слишком большой, но достаточно сильный: чтобы в нужный момент склонить чаши весов в нужном направлении. Разумеется, командир не должен быть как-либо очевидно связан с Балеарией. Кроме того, требуется истинный профессионализм... или определённая доля симпатии к нашему королевству. Мы не сможем посвятить этих людей даже в общие детали. Посему они должны не задавать лишних вопросов, но быть способными исполнять самые неожиданные приказы. И никогда не забывать, кому в действительности служат. Понимаете?

— Понимаю, и таких людей очень мало. Почти не осталось.

— «Почти»! Это хорошее слово. Ну же?..

— Думаю, сеньор Гамбоа навёл справки.

— Разумеется, я это сделал. Но суть в том, что нужно выслушать и ваши соображения. Мы с вами, маршал, очень разные люди: оттого и других оцениваем по-разному. Канцлеру важно составить мнение на основе как ваших, так и моих соображений.

— Ну хорошо... — Фалькао вздохнул, собираясь с мыслями. — Всякая шваль, понятное дело, не подойдёт. Все эти отбросы, что носились по Ульмису после войны... да и тех осталось немного. В таком деле нужен опыт Великой войны, как мне кажется.

— Командиры Великой войны в Стирлинге не будут уместны. — заметила маркиза. — Они вызовут резкое неприятие многих в любом случае. Каковы бы ни были основания их присутствия.

— Прекрасная леди права. — согласился Гамбоа.

— А что до людей, менявших в той войне сторону? Ведь таковых было немало.

— Это уже интереснее.

— Я знаю одного такого, который ещё в строю... он до сих пор сражается... хорошо знаю. Слишком хорошо. Он не подойдёт. А кто подошёл бы... Людвиг тер Хофген был бы способен на многое и сейчас, будучи стариком. Но я не уверен, что пожелает: он размяк от мирной жизни. Он больше не человек войны, а другие люди нашего поколения и подавно. Колонелла, Ян Новак, Габор, Монро... их лучшие годы позади, как и мои.

— Стоит подумать о тех, кто пребывал под их началом? — предложил канцлер.

— Да, это хорошая мысль. Но из таких я знаю в основном балеарцев — а они не подходят. Есть этот молодой лимландец, ван Стекелен: серьёзный человек. И обязан Балеарии по гроб жизни. На Великой войне, конечно, только чуть понюхал пороху, но после — вы знаете эту историю. Однако слишком многие на севере по-прежнему желают снять его голову с плеч.

— Сеньор Вальдемар ван Стекелен пределов Балеарии, милосердно его приютившей, безопасно покинуть не может. — очевидно, что Гамбоа знал всё обо всех.

Людвиг тер Хофген так удачно повоевал за обе стороны, что после Великой войны ни одна к нему не имела претензий. Это имя было хорошо знакомо маркизе. И о ван Стекелене она тоже что-то слышала. Что, когда? Не без труда, но Эбигейл вспомнила: Анри Бомонт, отец её мужа, называл некоего ван Стекелена среди вражеских командиров в битве при Тагенштайне. Но участник этого сражения нынче никак не мог быть молодым — с четверть века прошло. Выходит, речь шла о другом ван Стекелене.

— Иных кандидатур не припомню: без войн не бывает хороших наёмников, а нынче в Ульмисе не воюют. Достойные люди из числа кондотьеров давно устроили себе мирную жизнь. Прочих же истребили. Были те, из-за Восточного леса... Знаю, где они осели. Но я им не доверяю. Никогда не доверял.

— Я слышал о той дружине из восточных земель иное.

— При всём уважении, сеньор Гамбоа! Вы слышали, а я видел их в деле. Едва запахнет кровью — они потеряют человеческий облик. К тому же тех людей слишком легко купить: жадность и алчность суть разные пороки.

— Я приму к сведению оба мнения, сеньоры.

Маршал Фалькао замолчал. Старый полководец явно оказался не очень готов к разговору, однако невозможно было его за это судить. В план посвящены немногие, сама Эбигейл знала очень мало деталей.

Наконец маршал заговорил вновь:

— Есть на примете ещё один прекрасный кондотьер. И не балеарец. Но я несколько лет не слыхал вестей о нём.

— Кто же это?

— Шеймус Висельник. Слышали о таком?

— Я слышал только это прозвище. — сказал канцлер. — Не вникал в детали. Лопе?..

Гамбоа улыбнулся. Само собой: он-то вникал в детали! Приятное ощущение: знать больше, чем все серьёзные люди за столом. Оно давно было знакомо маркизе.

— Висельник тоже ветеран Великой войны. Воевал за Балеарскую империю.

— Значит, он не подходит.

— Нет-нет, не торопитесь. Висельник служил в Волчьем Легионе. Это человек Гонсалс Мендосы.

Эбигейл заметила, как сверкнули чёрные глаза Сантьяго. Героев на каждой войне хватает — но не о каждом спустя двадцать лет так хорошо помнят и друзья, и враги.

— О, самого Волка Мелиньи?.. Гонсало Мендоса был поистине великим полководцем. Жаль, что он уже не с нами.

Занятно, что первые люди Балеарии заговорили о командоре Мендосе в таком ключе. Эбигейл была одной из немногих в Стирлинге, кто хорошо знал истинную историю гибели Мендосы. Ту самую историю, которую не принято было обсуждать при дворе Балдуина — и

которая уж точно не к лицу придворным Анхелики.

— Да. — маршал заговорил прежде, чем продолжил Гамбоа. — Волк Мелиньи в личных беседах со мной отзывался о Шеймусе как о своём самом талантливом офицере. Прочил ему генеральский шарф. Висельник тогда был ещё совсем мальчишкой: может, лет двадцати... Сейчас, выходит, ему всего лишь около сорока. Не слишком стар. Далеко не тер Хофген. Висельника плохо помнят по событиям Великой войны, но юнец тогда подавал большие надежды.

— И что же, он их оправдал?

— Вполне, Ваша Светлость. Он выжил на Бахадосском поле, а затем собрал недобитков Волчьего Легиона под новым знаменем. Они назвались Ржавым отрядом. После этого воевали... ну, если коротко — в основном против нас. Лет десять, пока в Лимланде и Норштате ещё творился бардак. И Висельник немало преуспел. Особенно важно, что в Стирлинге его почти некому и почти не за что ненавидеть. Висельника ненавидят другие.

— А что до прочих качеств?

— Я всецело доверяю мнению Мендосы. Волк Мелиньи не отмечал людей просто так.

— Лучшей рекомендации и желать нельзя, это верно.

— Шеймус... — маркиза старалась не вступать в разговор, но сейчас следовало. — Это ведь гвендлское имя.

— Чьё, прости?

— Гвендлы. Те самые язычники, что бродят по нашим восточным границам.

— Всё верно, леди Эбигейл. — Гамбоа произнёс это на родном языке маркизы. — Висельник из Стирлинга. Насколько мне известно, он попал в Волчий Легион по случайности, однако сделал там прекрасную карьеру. Это не какой-то дикарь: он из крещёных гвендлов Стирлинга. Не из леса.

— Если он родом из Стирлинга, то это очень интересный вариант. — отметил канцлер. — Вариант, который стоит обсудить и проработать.

— Не торопись делать выводы, Санти: у нас с гвендами всё очень сложно. Должно быть, потому тот человек и воевал за Балеарскую империю.

То была непростая война. Только поначалу всё казалось очевидным: вот Стирлинг с союзниками, вот Балеарская империя с прихвостнями. Но шли годы: пять, десять, двадцать, тридцать... Бойня казалась бесконечной. Великие державы хоронили рыцарей и не жалели золота, чтобы закрыть прорехи в строю. Многие забыли об изначальных целях войны. Где-то всплывали старые обиды, у кого-то возникали меж собой новые счёты. Вчерашние враги вставали плечом к плечу, а тот, кто ещё вчера был вернейшим союзником, мог повернуть оружие против друзей.

— Хорошо. — канцлер положил ладони на стол, делая знак к новому витку разговора. — Давайте подробнее обсудим этого Шеймуса. Тем более что с Вальдемаром ван Стекеленом всё понятно... или почти понятно. Можно пока не тратить на него времени. Я уже уяснил, что Гонсало Мендоса был высокого мнения об этом... Висельнике. Ну и прозвище, должен признать! Его что же, вешали?

— Я не встречался с Висельником лично, но говорят, что прозвище связано с его внешностью.

— Так и есть. — подтвердил Гамбоа. — Этот Шеймус, он... Скажем так: это человек, обращающий на себя внимание. Такого сложно не заметить.

— Качество, которое может быть и полезным, и вредным в нашем случае. Хорошо. Что

лично вы, дон Хуан, думаете об этом человеке? Мнение Волка Мелиньи важно, но за этим столом сидит не он.

Старому маршалу было что ответить.

— Знаю, что одни Висельника до смерти боятся, а другие уважают: это правильная репутация для кондотьера. Он достаточно умён, очень опытен и, если это подходящее для наёмника слово, честен. Не слышал, чтобы он поступил с нанимателем подло. Это не благородство, конечно... На нём много грязи, как на любом подобном человеке. Но скажу так: если Висельнику щедро и без задержек платить, он будет верен. И не растеряется в самой сложной ситуации. Правда, платить придётся очень много.

— Деньги точно не станут проблемой. Чего-чего, а денег у нас достаточно! Но важно убедиться, что человек нам подходит... Вы упомянули, что давно не слышали вестей о Шеймусе. Почему же? Он отошёл от профессии? Пропал?

— Слышал, будто он уехал в поисках удачи, когда в Ульмисе не стало войн. Но уехал с войском. Это не тот человек, который сможет жить по-другому.

— Зато я точно знаю, где он. — вновь скромно напомнил о себе Лопе де Гамбоа.

— Где же?

— В Шере. Как известно Вашей Светлости, там уже пять лет идёт большая война. Она привлекла множество наёмников, и Шеймуса тоже.

— О войне мурадинов с Муангом я знаю, конечно. — уверенно заявил канцлер, но сразу же поспешил уточнить. — Знаю в общих чертах.

— Ржавый отряд воюет за мурадинов до сих пор. И вполне успешно воюет, насколько могу судить. Но увы, не владею всей полнотой информации. Наши шпионы в Шере — не под моим началом, это дело Второго Секретариата. Я могу навести самые подробные справки: это нетрудно, если вы распорядитесь.

Сантьяго де Армандо-и-Марка погрузился в размышления. Он редко подолгу думал на людях, предпочитая для них выглядеть предельно решительным, скорым на приказы. Наконец канцлер поднял глаза и снова заговорил:

— Хорошо. Итак, сеньоры... я дам задания обоим. Дон Хуан, вы должны осторожно поговорить с Вальдемаром ван Стекеленом. Прощупать его. Многое зависит от его готовности... да и от того, насколько Вальдемар поумнел с годами. В юности он был сколь смелым, столь и глупым, а это не лучшее сочетание. Однако если потребуется — я постараюсь найти варианты его возвращения на север. Для Балеарии нет ничего невозможного.

— Будет исполнено, Ваша Светлость.

— Ну а ты, Лопе, разузнай подробности о Висельнике, а заодно о прочих наёмниках в Шере. Быть может, в войне за океаном зажглись новые звёзды? Раз в пределах Ульмиса кандидатур осталось так мало, нам остаётся лишь разобраться, подойдут ли доступные люди.

— А если не подойдут? — маркиза ещё недавно даже не думала о подобном повороте событий, но теперь уже беспокоилась.

Ещё бы: перспектива обрести свою армию — даже подконтрольную опосредованно, немало её взбудоражила. В голове взвыл вихрь мыслей о том, как подобное можно использовать.

— Если эти кандидатуры придётся отбросить, мы придумаем что-нибудь другое. Не бывает безвыходных ситуаций.

Когда канцлер говорил так, с ним только соглашались. Все знали: герцог Тормалесо —

именно тот человек, у которого всегда есть какой-то план. А если нет, то очень скоро найдётся.

Деловой разговор на том и завершился: канцлер позвал музыкантов, которые дивно обращались со струнами. Невысокая девушка, пришедшая с ними, пела просто божественно. Стол в газебо наполнился свежими фруктами, оливками, дорогими сырами, тонко нарезанной ветчиной — и разумеется, новыми графинами с красными и белым.

Леди Бомонт любезничала с королевским разведчиком, старый маршал откровенно напивался, а канцлер с полной безмятежностью взирал на это, наслаждаясь музыкой. Маркиза понимала, что его расслабленность фальшива: Сантьяго вновь думал. Не о ней, не о вине и не о красотах этого края.

Мыслями он сейчас, безусловно, был где-то в Стирлинге.

Общество, которому Фелипе де Фанья желал представить Ишмура, приняло старца с смесью любопытства и скептицизма. Тайный союз объединял людей, которые на свои цели смотрели с разных позиций.

Одни привыкли мыслить сугубо практически. Немногословные, но мудрые речи Ишмура о переменах увлекали их — однако такие люди не видели всей значимости фигуры, представшей перед собранием. Для них Ишмур был лишь каким-то диковинным мудрецом — не более.

Но другие были похожи на самого Фелипе, и они поняли куда больше. Хотя о встрече на острове, куда Фелипе попал неведомым образом и откуда не менее удивительным путём вернулся, он никому не рассказал.

Немудрено: прозвучало бы бредом. Их обоих — Фелипе и Ишмура, сочли бы за безумцев.

Но Ишмур объяснил учёному, вновь на примере закрытых повязкой глаз, что дело не в видимом. Важны суть вещей и суть речей: потому старец остался доволен тайным балеарским обществом.

— Те самые люди, которые нужны... Те, кого я так долго ждал.

— Если бы они увидели то, что видел я!

— Им ни к чему.

Фелипе не смел спорить. В конце концов, ему было лестно среди посвящённых являться самым посвящённым. Он заслужил такой статус: многолетним кропотливым трудом, огромным багажом накопленных знаний.

Тайные встречи проходили раз в две недели, и Ишмур успел побывать на них дважды. Остальное время он проводил в доме Фелипе, стоявшем в самом центре Марисолемы. Учёный предложил гостю в распоряжение весь третий этаж: исключительно из вежливости, поскольку понимал, что Ишмур не нуждается ни в чём.

Он ведь не был человеком, это ясно. Кем же был? Этого Фелипе де Фанья пока в полной мере не осознал — а догадками делился лишь с бумагой, в запертом на ключ кабинете. Лишь свечи и луна в такие моменты составляли ему компанию.

Слуги в доме были не из болтливых, что кстати: ведь старец немало их удивлял. Это члены тайного общества видели его недолго. Иное дело в доме: Ишмур не притрагивался к пище и не требовал никакого ухода, хотя определённо был слеп. Он практически не покидал самую маленькую, самую дальнюю комнату третьего этажа — а из-за закрытой двери никогда не доносилось ни звука.

— Я не пробуду у тебя долго. Довольно скоро нам предстоит дальняя дорога.

— Я поеду с вами?

— Конечно. Разве ты не собираешься пройти этот путь до конца?

Фелипе не поинтересовался, куда они отправятся и когда именно.

Ишмур отказался обучать балеарца языку, на котором писал — однако сам фолиант не отобрал. Поначалу де Фанья всё-таки осмелился настаивать. Ответ был простым: он прочитает манускрипт, когда это будет нужно.

За эти недели лишь однажды произошло значительное событие. Оно в какой-то степени запутало Фелипе де Фанью, но многое для него и прояснило.

Ишмур сказал, что желает посетить храм. И сделать это в такое время, когда они с Фелипе никого не побеспокоят, а им никто не станет мешать. В ответ учёный, беспокоящийся насчёт возможного внимания к старцу — что было способно принести лишь вред, поинтересовался: не подойдёт ли иное святое место? Потише, чем храм?

Оказалось, что подходит любое. И тогда, посреди лунной ночи, они направилась в монастырь Сан-Бернардо.

Местный настоятель был связан с доном Фелипе многим. И дальним родством, и совместными научными изысканиями — и даже некоторыми щекотливыми делами, о которых не стоило лишней раз вспоминать. Потому он согласился ненадолго предоставить гостям скромную старую часовню, не задав никаких вопросов.

И славно. Что Фелипе де Фанья сумел бы ему ответить?

Под святыми каменными сводами было абсолютно тихо. Пусть и редко пользуясь часовенкой, монахи ухаживали за ней: внутри оказалось чисто, даже все многочисленные свечи стояли на своих местах. Фелипе осталось их только зажечь. Тусклый свет лёг на святые образа, алтарь и статую Беллы, Благодной Девы. По стенам заплескались тени.

— Ты верующий, Фелипе?

— Был верующим. Сейчас я уже не знаю, во что верить.

— Будто другие знают! Они верят в некий Порядок, который сами же и создают. Вера людям затем и нужна... Равно как и наука. Чтобы упорядочить окружающее. Но потом наука ломает привычные устои, а вера толкает к войнам. Вся суть мира в этом противоречии.

Ишмур неторопливо и почти беззвучно вышагивал по молитвенной зале. Хотя глаза его были закрыты тканью, как и всегда, старик будто осматривал обстановку. Несомненно, он что-то видел, однако что именно и каким образом — Фелипе даже не догадывался.

Наконец Ишмур остановился напротив статуи святой Беллы.

— Эта женщина отдала всё, чтобы изменить мир. Без колебаний отдала свою жизнь. Она сгорела, чтобы народ увидел свет того костра и пошёл к нему из тьмы. Как думаешь, Фелипе: не потому ли ныне, пред устрашающим порогом перемен, люди вновь стали жечь женщин на кострах? Быть может, они надеются увидеть новый указующий свет?

— Вы говорите об охоте на ведьм? Возможно, Церковь и правда толкает на это страх грядущего, но едва ли речь об осознанном страхе. И ещё замечу: в Балеарии подобного почти не происходит. Колдовство принялись воевать преследовать на севере — когда стирлингский епископ написал ту книгу. «Пламя очищающее».

— Довольно глупая книга. Её автор кое-что увидел, но почти ничего не понял. А остальное понял неправильно.

— Наше духовенство тоже не согласно с позицией епископа Корнелия. Он полагает, будто смерть, подобная смерти Благодной Девы, очистит души слуг Нечистого. Но это безумная идея. Люди, принявшие святую веру от женщины, теперь в женщинах же углядели врага всему святому! Увы, но в Стирлинге и королевствах, на которые он имеет влияние, учение Корнелия пугающе популярно.

Ишмур покачал головой.

— Ты не смотришь вглубь. Ты должен был понять, что это праздный вопрос — значит, объяснения бессмысленны. Полагаешь, будто рассказал нечто, чего я не знаю? Из истории с этими кострами можно сделать лишь один полезный вывод: человекам необязательно знать, зачем они делают что-то. Важно лишь то, что они делают.

И правда: ведь сам Фелипе понятия не имел, зачем отправлялся в море на том корабле.

Важно оказалось лишь то, что учёный предпринял путешествие, изменившее его жизнь. Возможно — изменившее нечто куда большее, чем жизнь одного человека.

— Попытки цепляться за Порядок таким образом, Фелипе, только приближают Хаос. Церковь сама подталкивает перемены, которых не желает.

— Зато перемен желаем мы.

— Это ты их «желаешь»... Для меня слово неподходящее. Я сам — часть этих перемен. Часть силы, которая рано или поздно указывает людям новый путь. Можно даже сказать, что я — самая суть перемен.

Пожалуй, впервые Ишмур заговорил об упорядоченном и хаотичном настолько конкретно. Речи, которые он вёл в тайном обществе, были куда более осторожными. Фелипе уже почти ощущал готовность понять то, что слишком рано объяснять другим. Ну а пока — набрался смелости для вопроса.

— Зачем мы пришли сюда, Ишмур?

— Я хотел поговорить... Но не с кем.

— Мы ведь здесь одни.

— Именно. Я хотел поговорить с тем, к кому приходят в подобные места.

В голове Фелипе мелькнула страшная догадка: пугающая всеобъемностью и безысходностью. Неужели?.. Голос учёного дрожал:

— То есть... вы хотите сказать... что Творца Небесного нет?

— Он безмолвствует.

Это были слова, способные напугать любого. В самые тёмные времена, в разгар войн и эпидемий, некоторые позволяли себе говорить: Творец Небесных отвернулся от людей. Одни тем оправдывали свой отказ от веры — а значит, и от диктуемых ею заповедей. Другие, напротив, подобными речами призывали к истовым молитвам о спасении.

Но так или иначе — это были пустые разговоры. Ни простой человек с крестиком на груди, ни высший церковный иерарх никогда не видели Творца Небесного. И не слышали его голоса. Они были совершенно равны в неспособности судить, присутствует ли Всевышний рядом.

А вот Ишмур судить об этом, вполне вероятно, мог.

— Что это значит?

— Не так уж много. Нам важны человеки.

Фелипе было трудно понять картину, которая вдруг обрела новую линию координат. Он, будучи искушённым в богословии, прекрасно понимал суть Света и Тьмы. Теология этой вечной борьбе и была посвящена: в масштабах от всего мира до конкретной души.

Как пересекалась эта простая картина с двумя ориентирами, лежащими в совсем иной плоскости — с Порядком и Хаосом? Учёный догадывался, где в этой системе стоит Ишмур. Конечно, он не имел отношения ни к Свету, ни к Тьме. И тем более, говоря о переменах, являлся противником Порядку.

Но как Творец Небесный и Нечистый, если в действительности существуют, отнеслись бы к Ишмуру и людям, которые пойдут за ним? С одной стороны, Фелипе де Фанья был готов предположить: Свет и Тьма, привычные каждому категории, составляют собой Порядок. Но обычный богослов, очевидно, сказал бы иначе. Любые перемены в мире он назвал бы или добром, или злом — а потому определил бы в союзники Ишмуру или Творца Небесного, или Нечистого.

Так многовопросов, так мало ответов! Фелипе де Фанья ничего не произнёс вслух, но

Ишмуру его мысли всё равно оказались слышны.

— Не забивай себе голову Светом и Тьмой. Для нас между ними почти нет разницы.

— Почти?

— Тот, кто должен быть здесь, молчит. Те, кто призван служить ему, уже давно претворяют только собственную волю. Однако вот Тьме по-настоящему служить не перестали... Встань здесь.

Фелипе повиновался, встав лицом к стене. Из-за спины послышался скрежет: Ишмур передвинул что-то. Тусклый свет пришёл в движение, тени изменили форму. Значит, старец разместил позади учёного тяжёлый напольный канделябр. Осветив стену, свечи ярко очертили на ней тень Фелипе.

И не только его тень.

К своему ужасу, рядом с собственной фигурой Фелипе де Фанья увидел и другие. Женские. Силуэты тех, кого в часовне не было. От неожиданности он закричал: вопль раскатился по залу, наверняка потревожил монахов, однако на это учёному было плевать. Он обернулся, но зажмурившись — и едва заставил себя поднять веки.

Нет, никого больше за спиной не было: только Ишмур. Видение. Наваждение. Что-то подобное. На лбу выступил пот, и напрасно Фелипе старался унять дрожь в пальцах.

— Они, Фелипе, будут цепляться за Порядок изо всех сил. И не только в силу своей естественной природы... Но также потому, что в молчании со стороны Света — шанс Тьмы на полную власть. О, не сомневайся: из их лживых уст польются самые сладкие, самые убедительные речи о том, сколь ценен Порядок и как страшны перемены! Они пойдут на всё, что в их силах... Но мы справимся. Ты не должен бояться этих женщин. Знай: они сами в страхе. О да! Дрожат, словно листья в их мрачном лесу.

Теперь учёный понимал гораздо больше. Конечно, далеко не всё — и может, это к лучшему, потому что таковое понимание совсем не радовало. Не только людям, боящимся перемен, ему предстоит противостоять. Старец сказал «женщины», но Фелипе сразу догадался: он видел не людей. Лишь тех, кто выглядит подобно людям.

И хотя Ишмур велел не бояться, исполнить его наказ было затруднительно.

— Вы спрашивали, во что я верю... Я твёрдо верю в одно, Ишмур: перемены нельзя остановить.

Старец ничего не ответил. И мускулом на лице не повёл: лишь развернулся и направился к выходу. Фелипе остался наедине со своими размышлениями.

А дома, едва запершись в кабинете, учёный бросился записывать. Перо выскальзывало из пальцев, чернила оставляли на бумаге безобразные кляксы, но ему было всё равно. После Фелипе открыл драгоценную книгу. Казалось, будто в убористых строках стало куда больше понятного, чем прежде.

Он уснул прямо за рабочим столом.

Нанятая карета была довольно дешёвой и рессор не имела — а потому неприятно подпрыгивала на булыжной мостовой. Зато вместе с ней подпрыгивала и солидная грудь молодой балеарки, что представляло собой приятное зрелище.

Фидель был пьян, но ровно настолько, чтобы не потерять контроля над собой и ситуацией. Большого он себе обычно не позволял. Весь вечер тайных дел мастер кутил там, куда пускали людей простых, но где имело смысл платить дорого. Иного досуга у Фиделя почти не имелось. Либо упражнения в фехтовании и стрельбе, либо это. Сегодня был такой вечер, когда эспаду в руки брать не хотелось, а вот женские округлости — очень даже.

— И что же я могу сделать для королевства?.. — промурчала девушка, пальцы которой уже совершенно ничего не стеснялись.

Фидель точно помнил, что не сболтнул ей лишнего. Напел про мирную государственную службу.

— Многое, радость моя. Вот приедем — и узнаешь.

День выдался какой-то дурной, и Фидель чуял недобрые предзнаменования. Шутка ли: с утра его потянуло в церковь! К подобному тайных дел мастер был совершенно не склонен.

Под святыми сводами нормальные люди находят сочувствие и утешение. А Фидель, стоя перед святыми образами и статуей Благостной Девы, ощущал только молчаливый укор. Неудивительно — при его ремесле и его истории жизни. Фидель даже примерно не представлял, скольких людей убил: считал когда-то, но в районе полусотни сбился. Одно ясно — такие грехи не замолишь. И пусть! Фидель точно знал, ради чего совершает тот или иной поступок. И ни об одном, пожалуй, не сожалел.

Нечистый ведаёт, отчего потянуло в церковь. Фидель и молитв толком не знал, а священник будто почуял в нём тьму, хотя несколько не должен был. Это было тихое, сонное утро. Слова находились с трудом. Мозг будто скрипел, как старые дверные петли.

— Вы, Белла, скрывать не буду — дама мною не очень-то почитаемая. И просить мне особо нечего, скверный я слуга Творцу Небесному. Вот для государства — хороший. Парням вроде меня, знаете, смерть-то нипочём... Но вы б сберегли меня пока что. Авось пригожусь.

Ответа он не ждал. Церковь создана быть приютом заблудшим душам — но душа Фиделя, вероятно, давно зашла слишком далеко. Как и говорил Гамбоа, райских куц он не заслуживал: только лишь стеречь врата чертогов Творца Небесного. Охранять тех, кто Рая достоин.

Потом тайных дел мастер бесцельно слонялся по городу. Зачем-то купил себе новую шляпу, объелся жареных креветок и долго слушал музыкантов на бульваре, что возле Полуденной площади.

Вечер Фидель встречал, глядя на тёплый свет из окон в центре Марисолемы. Стужались сумерки, а дом начинал шуметь: съезжались гости. Скоро начнётся званый ужин, а может быть, даже бал — кто их разберёт. Фиделю тот дом был отнюдь не чужим, но увы — его там никто не ждал, и потому на душе становилось погано.

Тогда родилась превосходная идея: нужно напиться и найти себе бабу. Фидель обычно имел массу свободного времени и в деньгах большого стеснения не знал, так что рисковал спиться — кабы не обязательства. Он должен был держать себя в форме, не расслабляться через меру и, что самое важное — не привлекать к себе внимания.

По счастью, кутить в Марисолеме умели лучше, чем где бы то ни было, так что требовалось просто не слишком вызывающе сорить деньгами. И не напиваться до беспамятства. Придерживаться образа человека со средним содержанием, не очень-то обременённого службой. Не более того.

Эта брюнетка была шлюхой, разумеется. Но достаточно хорошей, чтобы о таком обстоятельстве Фидель мог легко забыть. Направление кареты её несколько разочаровало — если не сказать, что обеспокоило.

— Ты живёшь за каналом?..

Ну да: ночевал Фидель в месте, явно не соответствующем количеству денег в кошельке. Именно из соображений скрытности. Девушке это показалось странным.

— Не живу. Мы просто туда едем, потому как там тише да удобнее. А тебе не всё равно?

— Да кто ж знает, что у тебя на уме?

Сказано было с кокетством, но нотку настороженности девушка скрыть не смогла. Однако денег у Фиделя имелось достаточно, чтобы проститутка была готова рисковать — это главное.

Самая неприятная сторона профессии Фиделя заключалась в том, что он не мог позволить себе сближаться с людьми. Особенно с женщинами. Привязанности сильно мешали бы работе, и риск для секретности недопустимый. Женщинам пристало возвращаться в свете, а Фидель был человеком тени.

Иногда от этого становилось обидно.

Иной раз по службе приходилось проводить много времени в свете. Конечно, сидя на тёмном балконе или изображая слугу — к которым, как известно, никто не присматривается. Фидель ловил себя на мысли, что добился бы многих из женщин, которые кружились вокруг. Он был недурен собой, не нищенствовал, да и хорошо говорить умел. Не самым высоким стилем, быть может, но что с того?

А уж узнай великосветские дамы, чем Фидель занимается, что он сделал за эти годы для королевства... Тут уж любая не устояла бы, это точно! Тайных дел мастер подобных даров от родины заслужил. Чем он хуже любого из героев, которым ставят памятники, посвящают пьесы и поэмы? Ничем.

Но довольствоваться оставалось шлюхами. Причём не самыми дорогими, хоть и не грошовыми.

«Балеарию я люблю: у неё здоровенные сиськи и упругий зад» — сказал как-то сослуживец, давно покоящийся в безымянной могиле, и Фидель не сумел бы сказать лучше. Это у законных сыновей любовь к родине высокая, чистая — а у бастардов королевства немного иная.

Ублюдки есть ублюдки.

— Вот что, милая: я буду называть тебя Анхеликой.

— Как нашу королеву?

— Именно!

Ей это, кажется, польстило — и шлюхи не лишены чувств, вкупе с общими женскими слабостями. Фиделю идея называть проститутку Анхеликой спяну показалась удивительно остроумной. Да и потом — плох тот балеарский мужчина, у которого не бывало пошлых мыслей, связанных с блистательной королевой!

При следующем поцелуе девушка нащупала языком отсутствующий у Фиделя зуб, и это обоим показалось волнующим. Но увы — постепенно тайных дел мастеру лезли в голову

совсем не те мысли. Интуицию, настойчиво стучающуюся в висок уже полчаса, становилось невозможно игнорировать.

Люди с большим опытом не всегда могут объяснить, почему они абсолютно уверены в какой-то догадке. Это и называется чутьём — качество не природное, а только лишь приобретаемое с годами. Фидель ни за что не выбрался бы из Тремоны без помощи голоса внутри головы, который несколько раз подсказал единственно верное решение.

Интуиции нужно доверять, если хочешь выжить на тайной службе.

Сейчас он окончательно понял, что скромно одетый всадник давно едет за каретой не просто так. И дистанция, которая Фиделю не позволяла разглядеть мужчину, а карете — скрыться у того из виду, избрана отнюдь не случайно. Тайных дел мастер быстро восстановил в голове подробную картину вечера. Фидель умел в моменте не отвлекаться на детали, выбрасывать их из головы — но при необходимости извлекать из памяти все подробности.

Теперь, вспоминая некоторых людей, весь вечер остававшихся где-то в пределах бокового зрения, оставалось признать: за ним, конечно, следили. Зачем — это вопрос бессмысленный. Важен был совсем другой.

Свои или чужие?

Уверенно ответить Фидель пока не мог — так что оставалось дать событиям идти своим чередом, особенно не отвлекаясь от спутницы. Кто знает: может, Фидель в последний раз имел возможность подержаться за женскую грудь. Предельно глупо не насладиться таким моментом! Тем более что грудь оказалась замечательная. Вряд ли у королевы Анхелики она лучше!

Ещё успокаивала логичная мысль: сразу убивать Фиделя не станут в любом случае. Если это свои и он оказался под подозрением, то оправдаться возможность дадут. Если же чужие — им живой Фидель тем более полезнее мёртвого.

А вдруг это просто негласное наблюдение — и ничего не случится вообще? Нормальная ситуация при его службе. Более того, хороший знак. Дополнительные проверки устраивают людям, которым хотят доверить нечто важное. И которых рассматривают на повышение.

Но увы: интуиция упрямо твердила, что дело вот-вот обернётся плохо. Подтверждений долго ждать не пришлось, потому что экипаж остановился на набережной — совсем не там, где должен был.

— Мы приехали?

— Приехали.

Это, с одной стороны, было неправдой — до дома, где жил Фидель, оставались ещё мост через канал и пара кварталов. Но всё-таки тайный дел мастер не соврал. Как бы ни вышло дальше, они с девушкой уже никуда вместе не поедут.

Приехали.

Он прикрыл плащом эспаду и сменил позу — так, чтобы она казалась естественной, но не мешала завести руку за спину. Туда, где находился кинжал.

Из экипажа ничего было не разглядеть — слишком маленькие окна. А высовываться раньше времени ни к чему. Звуки тоже не сообщали многого: Фидель слышал, как сзади карету нагнал всё тот же всадник. Слышал ещё одного коня, и что какие-то люди говорят с кучером. Разобрать слова не представлялось возможным: мешали шум соседней улицы, плеск воды и стенки кареты.

Наконец мужская фигура оказалась напротив окна — и рядом с этим человеком точно

стоял кто-то ещё, это Фидель чувствовал. Темно, лицо не разглядишь. Плащ, шляпа с широкими полями, а более ничего не ясно.

— Сеньор Фадрике де Орхес? — поинтересовался незнакомец.

Что?.. Фадрике де Орхес? Фидель никогда не представлялся подобным именем. И не значился под таким ни в одном документе. Иностранного акцента в речи не слышалось, что радовало. Это ещё не гарантия, что перед Фиделем балеарец, но уже что-то.

— Простите?..

— Сеньор Фадрике де Орхес? Вы служите в Первом Секретариате Тайной королевской канцелярии, это верно?

Разумеется, это было неверно. Первый секретариат занимался вопросами относительно мирными, а Фидель служил в Третьем — том самом, с парнями из которого врагам королевства лучше не встречаться. Никакого Фадрике де Орхеса он не знал.

Однако кем бы ни оказались эти люди — они едва ли могли случайно обознаться. Оставалось подыгрывать, что же ещё?

— Да, я Фадрике де Орхес. А о моей службе не пристало разговаривать с незнакомцами! С кем имею честь? Я, видите ли, немного занят, и мне не хотелось бы...

— Это не займёт много времени! Пустая формальность, сеньор. Сегодня вечером случился один дурной инцидент, и я уполномочен...

— Ещё раз: кто это — вы?

— Алонсо Эччеверия. Третий секретариат.

А вот это звучало неправдоподобно. Третий секретариат редко говорил не на языке стали, свинца или яда — это во-первых, а «во-вторых», «в-третьих» и так далее... У Фиделя возникала ещё масса вопросов. Не было смысла формулировать их даже мысленно: он просто не поверил, вот и всё.

— Рад знакомству, сеньор Эччеверия. И каковы же полномочия, о которых вы говорите? Что вам нужно?

— Прошу вас, выйдите из кареты. Это не займёт много времени.

Иной раз перед человеком встаёт вопрос, от которого зависит вся жизнь. Например, заключать ли брак? Поступать ли на церковную службу? Отправиться ли в далёкое путешествие? Теперь такой вопрос стоял перед Фиделем, только звучал проще.

Выходить ли ему из кареты?

Что снаружи, сколько там людей, как они будут себя вести — оставалось только догадываться. А точнее «гадать» — как на кофейной гуще или козлиных кишках. Хорошо, что шлюхе хватило ума затихнуть, не обращать на себя внимания: важное в этой профессии умение.

Кое-чем шлюхи удивительно похожи на тайных слуг королевы.

— Я предъявлю свои бумаги, чтобы вы были спокойны. — добавил человек, назвавшийся Алонсо Эччеверия.

Ну-ну. Какие же это, любопытно, бумаги? Будь Алонсо из тех сотрудников Третьего секретариата, что вообще имеют документы подобного рода на руках, Фидель знал бы его. Сам тайных дел мастер не владел подтверждающими должность бумагами — от них больше вреда, чем пользы. Случись что, и Балеарскому королевству будет удобнее отрицать с ним всякую связь.

— Бумаги, говорите... Хорошо, сеньор. Начинаю догадываться о сути вашего вопроса... Я так понимаю, вас послал Гаиска Ибарро? Это всё объясняет, если так — никаких проблем.

На миг собеседник Фиделя замялся, но затем ответил:

— Да. Именно сеньор Ибарро.

Большого не требовалось. Гаиска Ибарро скончался буквально на днях: об этом Фидель слышал от Педро, своего постоянного связного. Ничего подозрительного в той смерти — Ибарро был человеком очень преклонных лет.

Разумеется, один из высших чиновников Тайной канцелярии не мог нынче отдать никакого приказа... если только Алонсо Эччеверия не умел общаться с душами мертвецов. Но подобное предложение Фидель благоразумно отбросил.

Всё понятно: Алонсо, кем бы они в действительности ни был, просто не узнал о смерти Ибарро так скоро. Тайная канцелярия — не та организация, о жизни которой говорят на любой площади. Этот человек оперировал устаревшими сведениями, чем окончательно выдал себя.

Кем он мог являться на самом деле?

Возможно, тремонским шпионом, и тогда это как-то связано с недавними событиями. Или любым другим врагом Балеарии: возможно, даже внутренним, а не внешним. Вероятно, Алонсо и правда выслеживал некоего Фадрике де Орхеса из Первого секретариата. Наверняка Фадрике — человек, работающий с бумагами, а потому представляющий для врагов королевства немалый интерес. Но не несущий при том опасности при встрече. Кабинетная, как говорится, крыса.

Но каковы бы ни были причины ошибки, вместо конторского работника самозванцы столкнулись с Фиделем.

А Фидель работал отнюдь не с документами.

Если честно, самозванец повёл себя самонадеянно. Те же наглость с глупостью, каковые Фидель обнаружил недавно в тремонском эмиссаре, пытавшемся завербовать лимландского художника. Эти люди решили изобразить служащих Тайной канцелярии, зная о ней слишком мало.

— Хорошо, сеньор Эччеверия. Давайте поговорим. Один момент.

А ведь неплохой был вечер! И женщина эта, пусть продажная — но до чего хороша... Как здорово было бы провести ночь с ней!

Не судьба. Теперь уж — как сложится.

Фидель отворил дверь кареты, поставил ногу на подножку. Алонсо шагнул назад, позволяя ему выйти — и, высунувшись наружу, тайных дел мастер смог увидеть хотя бы что-то. Ещё двое людей рядом, всадник позади — и, судя по расположению незнакомцев, всего их было довольно много. До десяти человек. Фидель расставлял бы людей так, имея именно десяток.

Нога будто случайно соскользнула с кованой подножки — но, конечно же, это было осмысленное движение. Падая под ноги Алонсо, Фидель успел выхватить кинжал — и не промахнулся. Он был очень опытен в своём деле. Точно почувствовал, под какое ребро и под каким углом вошла сталь: это смертельный удар.

Увы, при падении оружие вывернулось из руки. Неприятно, но не смертельно.

Едва коснувшись мостовой, Фидель ловко перекатился под карету — спустя мгновение уже вскочил на ноги с другой стороны. Трезвым он двигался бы быстрее, но и теперь хватило сноровки, чтобы опередить всех.

Почти всех: следивший за ним всадник оказался непрост. Он уже направил на Фиделя пистолет. Наверное, не собирался убивать, а целился в руку или ногу, ведь раненый ещё

может говорить.

Положение вынуждало рассчитывать лишь на милость свыше. И...

Выходит, недаром Фидель с утра ходил в церковь? На пороховой полке полыхнуло, но из дула огонь не вырвался. Осечка. Такое случается. Второго шанса всаднику не представилось: Фидель нырнул под коня, что небольшой рост позволил сделать легко, выскочил с другой стороны. И пронзил противника эспадой — снизу вверх, насквозь.

Идеально было бы тут же вскочить на освободившуюся лошадь, но настолько Фиделю всё же не повезло. Может, он и приглянулся нынче Благостной Деве, но не так же сильно, право слово! Ещё несколько противников — положим, тремонцев, тоже оказались достаточно проворными.

Пришлось отскочить назад. Четверо! Плохие новости, учитывая, что кинжала в левой руке не было.

Один клинок едва не дотянулся до тела Фиделя, но промах на палец — это всё равно промах. Другой удар тайных дел мастер успел отразить эспадой. С трудом, без всякого изящества — но коряво взятая защита остаётся взятой защитой. Не на уроке фехтования дело! Чистоту приёмов тут никто не оценит. Кто останется жив — тот и мастер своего ремесла.

Уходя в сторону, Фидель сорвал с плеч плащ, широко взмахнул им — и сумел запутать оружие врага. Тот освободил меч, но слишком поздно: от удара это тремонца спасти не могло. Остриё клинка влетело ему под кадык.

Теперь появился шанс сбежать. От широкого рубящего удара Фидель не уклонился полностью: спину обожгло болью, однако рана не показалась серьёзной. Он метнулся в одну сторону, но мгновенно сместился в другую, едва противники среагировали. Так Фидель выиграл ещё одно мгновение.

И за это мгновение успел перемахнуть через ограду канала.

Канал под вечер плотно заставили лодками: Фидель не сомневался, что упадёт на палубу. Так и вышло. Пара прыжков — с одной пришвартованной гондолы на другую, и тут пришло время собрать все силы. Предстояло сигануть далеко: к лодке у противоположной набережной.

Прыжок вышел похуже, чем хотелось бы. Фидель сумел только уцепиться руками за борт, а почти всё тело ушло в воду. Но главное — он не потерял эспадой, так что манёвр счёт успешным. Теперь осталось подтянуться, перелезть на соседнюю лодку, а уж с неё выбраться на берег.

Враги не рискнули повторить акробатические упражнения Фиделя. Им предстояло бежать до того самого моста, которого так и не достигла карета балеарца. Хорошая фора, однако её ещё нужно суметь использовать.

Бежать к дому, конечно, никак нельзя. Фиделя вполне могли поджидать там, да и в любом случае — после такого происшествия не стоило показываться на прежнем месте уже никогда. Фидель, к счастью, не хранил в убогой комнатке ничего ценного.

У тайных дел мастера вообще не имелось ценного имущества. А единственный предмет, имевший большое значение, находился нынче при нём.

Скрываться стоило в другом месте, специально для таких случаев предназначенном. Но сначала надо оторваться и запутать след. А эта задача не обещала оказаться простой: Фидель спиной чувствовал, что враги не отстают.

Раздался выстрел, пуля свистнула совсем рядом. Недавно Фидель радовался, что добрые

жители столицы плевать хотели на стрельбу, а теперь сожалел о том. Но всё же решил бежать именно к центру: туда, где многолюдно и часто курсируют патрули.

Перед горбатым мостом он едва не попал под копыта лошадей, тянущих дорожную повозку. Потому потерял время, непозволительно много времени. Самый быстроногий преследователь был уже слишком близко.

Прозвучал ещё один выстрел, испугавший коней и милую старушку, случайно оказавшуюся рядом. Пуля пролетела далеко, зато очень вовремя: когда Фидель почти добрался до высокого красного здания на перекрёстке.

Он изобразил, будто ранен, и завалился за угол дома.

Самый прыткий из тремонцев выдавал себя тяжёлым дыханием, так что к его появлению Фидель был готов. Он взялся за эспаду и второй рукой — положив её на клинок, и встретил врага подобием удара копьем. Из рук преследователя выпал пистолет, но Фидель не подобрал его. Даже если оружие заряжено, оно запросто может не выстрелить после падения.

Фидель вообще относился к пороховому оружию скептически. Рука осечек не даёт, да и промахнуться ею труднее. Пуля — дура.

— Ублюдок... — прохрипел тремонец.

Это слово на обоих языках звучало одинаково.

— Ещё какой!

Фидель похлопал раненого по плечу, за затем воткнул эспаду ему в глаз.

Послышался стук копыт. Конь скакал галопом. Точно не случайный всадник, а конных патрулей в этом районе не бывает. Тайных дел мастер, убегая по знакомой торговой улице, позволил почти догнать себя — и резко свернул в переулок буквально из-под копыт. Лошадь пролетела мимо, а Фидель лихо перемахнул через чью-то ограду. Пересёк внутренний двор приличного дома: пришлось сбить с ног местного слугу, который пытался помешать.

Добежав до следующего перекрёстка, тайных дел мастер остановился и убрал окровавленную эспаду в ножны. Выхватить недолго, а вот внимание ни к чему: здесь уже хватало зевак, несмотря на поздний час. Фидель дышал довольно ровно. Он остановился не потому, что устал: пытался предугадать, откуда приближаются разыскивающие его люди. Лучший способ уйти от погони — это поймать момент, когда можно проскочить между преследователями в обратном направлении, навстречу. Тогда им останется лишь гоняться за собственным хвостом, как безумной собаке.

Потеряться в толпе — тоже неплохо, но настоящая толпа до сих пор не встретила. Как и достаточно многолюдное заведение. Понятно желание чужаков хотя бы убить Фиделя, раз не удалось взять живым: они выдали существование в Марисолеме ячейки неплохо подготовленных людей. Это не обычные шпионы, и они не могли приехать просто так. Нет-нет, они прибыли с серьёзной целью — а этим вечером просто не рассчитывали встретить по-настоящему опасного человека. Иначе, конечно, Фидель не сумел бы спастись.

При всём обоснованном самолюбии он был готов признать: повезло, очень повезло.

Тайных дел мастер осторожно двинулся по улице в обратном направлении. Издалека в темноте его и могли и не узнать, если идти с невозмутимым видом. Но везение Фиделю слегка изменило: выбравшись на широкую улицу, он сразу услышал крики преследователей.

Да сколько же их? Четверо уже выбыли из гонки, так что или на Фиделя организовали настоящую облаву, или противник тоже до неприличия везуч. Вероятнее было второе, но удача подтвердила свою репутацию вертихвостки, вновь улыбнувшись Фиделю. Всадника на

улице не оказалось, а балеарец вскочил на заднюю подножку проезжавшей мимо кареты. Кучер его не заметил.

Вот и всё! На прощание Фидель показал бранящимся преследователям неприличный жест. Карета быстро унесла его прочь, да ещё в удобном направлении: Фидель спрыгнул на тротуар буквально в двух шагах от укрытия. Зайти за угол, пересечь небольшой сквер, и там уже будет фисташкового цвета дом. С аркой и легко узнаваемой башенкой. В том доме имелись комнаты, используемые подопечными Педро: о них даже в самой Тайной канцелярии мало кто знал.

Там, конечно, обстановка отнюдь не шикарная — разве только матрас найдётся. Да какая-нибудь сушёная снедь и пара бутылок дешёвого вина. И туда шлюху уже не поведёшь! Секретность. Но главное, что место безопасное. Это Фиделя сейчас полностью устраивало.

Он ненавидел подобные моменты. В минуты опасности мозг ищет пути к спасению, а тело обретает неожиданные силы: не думаешь ни о чём. Действуешь механически, ничего не боясь и не ощущая. Но когда возбуждение отступает, чувства совсем иные. Начинают роиться бессмысленные быстрые мысли, руки трясутся, сложно сконцентрироваться — и ещё сложнее не выдавать себя видом. Брр! Нужно скорее дойти до места, выпить, привести в порядок одежду и голову. Забыться сном, а на утро с великой осторожностью добраться до таверны Педро.

Хотя нет: и в таверну идти не стоило. Возможно ли поручиться, что Педро не раскрыт? Есть другой способ связаться с ним. Более медленный, но однозначно безопасный. Да, так и стоило поступить. Но это завтра...

— Сеньор, выпейте за моё здоровье!

Сильно пьяный, зато неплохо одетый человек протянул Фиделю бутылку. Он вывалился из кабака, окружённый поющими друзьями. Тайный дел мастер ответил только взглядом — видимо, весьма впечатляющим, потому что незнакомец сразу отстранился и зашагал прочь. Не страшно, о встрече он забудет через полчаса.

Лихой ритм струн и кастаньет, доносившийся из окна рядом, точно лёг на быстрое биение сердца. В сапогах, хлебнувших воды из канала, неприятно хлюпало. Да ещё горела рана на спине, которую и прикрыть от случайного взгляда нечем: плащ остался на месте схватки, возле кареты.

Но Фидель постепенно успокаивался. Ничего из ряда вон выходящего не случилось: иногда и ему доводилось оказаться в роли жертвы, а не охотника. Это нормально. А кем были те люди, зачем они искали Фадрике де Орхеса... тут уж предстоит разобраться начальству. Проанализировав последние дни, Фидель пришёл к выводу, что не мог допустить какой-то фатальной ошибки. Если искали именно его — в том нет вины тайных дел мастера.

Да, пусть разбираются начальники. Его-то дело небольшое. Фидель лишь выполнял приказы, которые передавал Педро, и следовал простым повседневным инструкциям.

— Слава королеве Анхелике! Слава Балеарии! — раздалось под ухом, но Фидель отвлекаться не стал. Он почти пришёл.

Только теперь Фидель заметил, что потерял в погоне купленную сегодня шляпу. Сворачивая в знакомую арку, он размышлял, где остался головной убор. Искать его не собирался, конечно же, но отвлечённые мысли помогали утихомирить разум. Каменный свод сомкнулся над головой, фигуру тайных дел мастера окутал мрак, и тут послышался щелчок.

— Подними руки.

Тихий, спокойный голос. И самого Фиделя звук, с которым замок подготовили к выстрелу, совсем не беспокоил. Какой смысл волноваться? Он всё равно ничего не сумел бы поделать, это очевидно.

Как его нашли здесь? Что вообще происходит? Любопытные, конечно, вопросы... Но бестолковые. Сейчас от Фиделя зависело лишь одно: застрелят ли его сразу. Может, стоит сделать глупость — и пускай всё кончится в тёмной арке? Лучшие люди Тайной канцелярии умирали в куда более неприглядных местах. Далек от родины, а не почти в центре столицы. Уже неплохой жребий! Точно лучше проклятой лодки, затерянной посреди моря...

Но Фидель всё-таки поднял руки. Пусть всё идёт так, как идёт. Возможно, у него остались какие-то шансы. Но точно не в открытом бою.

— Выше. Высоко над головой.

— Как вам будет угодно. У меня только эспада, не нервничайте.

— Заткнись. Иди вперёд.

Тайных дел мастер повиновался. Впереди был проходной двор, но нелепо и мечтать о том, чтобы противоположная арка не оказалась перекрыта. Деваться некуда.

За длинной аркой было светлее, глаза не сразу привыкли к этому. Фидель машинально сосчитал людей во дворе: по одному в углах, двое у выхода на параллельную улицу. Посреди двора стояла небольшая карета, причём дорогая. Не чета той, в которой недавно ехал тайных дел мастер. И лошади породистые!

Неожиданная подножка, удар коленями об землю — и нос Фидель об неё не расквасил лишь потому, что его схватили за шиворот. Дуло упёрлось в затылок, с перевязи сняли клинок. Фиделя быстро обыскали: понятное дело, такие парни на слово не поверят. И правильно ему не поверили: спустя мгновение ножа за голенищем больше не было.

— Туда. — прозвучало одновременно с тем, как открылась дверь кареты.

Фидель спокойно забрался бы внутрь и сам, но его почти затолкали. Тайных дел мастер несколько раз моргнул, стараясь разглядеть единственного человека внутри. А разглядев, узнал его тут же: с превеликими облегчением и удивлением.

— Должен признать, Фидель Ривера, ты весьма меня впечатлил.

Лопе де Гамбоа, вальяжно закинув ногу на ногу, смотрел на Фиделя с улыбкой — но таким же острым взглядом, как прежде. Они виделись второй раз в жизни, поскольку должность Фиделя личных встреч с третьим секретарём Тайной королевской канцелярии не предполагала.

— Служу королевству.

Карета закачалась на рессорах: люди забирались на подножку и облучок. Внутри же никто не сел.

— Всё в порядке, похоже. Верните Фиделю оружие: уверен, никакой глупости он уже не сделает.

Чья-то рука протянула Фиделю эспаду.

— И нож.

Этот нож был тайных дел мастеру куда дороже меча. Единственная вещь, вызывающая чувство привязанности. Фидель даже оставил клинок в таверне Педро, когда уезжал в Тремону. Нельзя было брать с собой оружие.

— Хулиан, трогай! В канцелярию.

Экипаж пришёл в движение: не без труда развернулся в тесном дворе, затем выехал на улицу. Огни большого города замелькали сквозь кружевные занавески. Лопе де Гамбоа не

шевелился, ничего не говорил. Наверное, сам ожидал вопросов.

— Это были тремонцы? — первое, что пришло Фиделю в голову.

— Они самые. Лоренцо Монтоливо знал об их приезде, однако не мог рассказать, как подлецов найти. Они не такие уж глупые! На подобную рыбу не ходят с острогой: потребны крючок и хорошая наживка.

Вот, значит, какую роль сегодня исполнил Фидель. Непонятно только, какой смысл провоцировать ещё одну бойню в городе, рискуя и упустить шпионов, и потерять Фиделя — не самого, как он смел надеяться, бесполезного человека. Об этом и был следующий вопрос: нечаянный, потому что не следовало спрашивать подобное.

— А здесь, Фидель Ривера, уместна другая метафора. Уже охотничья: предпочитаю убивать одним выстрелом пару уток. Ты обратил на себя внимание, но я многократно проверяю людей, которым планирую доверять. Было любопытно взглянуть, как ты выкрутишься из серьёзной передраги. Вот мы и решили, что будет хорошей идеей подсунуть тремонцам тебя: под видом человека, который их заинтересовал.

Фидель едва не рассмеялся. Это ведь шутка с двойным дном! Знали бы тремонцы, что у них практически в руках был не какой-то бумагомарака из Первого секретариата, пусть даже обладающий ценными сведениями... Незваные гости Марисолемы могли поквитаться с человеком, убившим брата их ненаглядного герцога. Прирезавшим его собственными руками. И никогда о том не узнать, вот потеха!

— Их было человек десять. Многовато...

— Всего их дюжина, а за волком в овечьей шкуре пошло девять: ты почти верно сосчитал. Это удивительно, учитывая обстоятельства! Тремонцы делают кое-какие успехи, но мне отрадно видеть, что им по-прежнему далеко до Тайной канцелярии Её Величества. Грубая работа, согласись. Не в твоём стиле.

— Не в моём. Они работают топорно.

— Да, «топорно»... Отличное слово. Просторечное, но точное. Тремонцы рубят там, где мы делаем точный, тонкий надрез. Итак: ты убил четверых, а четверо тех, от которых оторвался, уже арестованы. Уверен, до утра будут схвачены и оставшиеся.

— Вы сказали «девять». Был ещё всадник.

— Да, именно «был». Ещё раз поздравляю, Фидель Ривера: ты окончательно подтвердил свою репутацию. Я как раз подыскивал именно такого человека... Того, кто способен на многое, но мало кому известен.

Фидель сейчас с удовольствием разразился бы бранью, но пришлось сдержаться. Не самая безобидная из проверок, что говорить, а роль живца — тем более не отрадная. Он всегда был для Тайной канцелярии пешкой: той самой, которая способна съесть любую фигуру, но которую без колебаний подвергнут опасности, когда это выгодно. Или вовсе принесут в жертву. Да, ощущение знакомое. Но к такому не привыкнешь.

Зато был добрый знак: Лопе де Гамбоа охотно рассказывал Фиделю детали, совершенно его не касающиеся. Так могут говорить только в двух случаях: плохом или хорошем. На плохой эта ситуация совсем не походила. А значит, Педро оказался прав! Только что Фидель поднялся по карьерной лестнице — и как знать, сколько ступенек разом перемахнул...

Лопе де Гамбоа продолжал:

— Итак, Фидель, мы расстанемся у Тайной канцелярии. Я выйду, а ты поедешь дальше, но ни о чём не беспокойся. Тебя отвезут в приятное место. И там о герое вечера славно позаботятся: получишь всё, чего пожелаешь. Ты не ранен?

— Совсем немного.

— Тебе окажут помощь. И не скромничай в том доме, прошу! Ты верный и талантливый слуга Балеарского королевства, а такие люди достойны лучшего.

Хоть дерьма Фидель сегодня хлебнул порядочно, слышать такое от самого третьего секретаря Тайной канцелярии было восхитительно. Лучше ночи с той девкой. Почти не хуже памятника на площади!

Карета вскоре остановилась. На прощание Лопе де Гамбоа сказал:

— Хорошенько наберись сил! Завтра вечером у тебя очень важная встреча. Очень важная! Доброй ночи.

Гамбоа вышел, а экипаж покатился дальше по улице, залитой бледным светом луны.

Тело обмякло, Фидель буквально растёкся по мягкому сиденью. Лишь теперь он ощутил смертельную усталость. Бастард отличается от законного отпрыска тем, что просто так от судьбы получает немного. Ублюдок должен сам всё заслужить.

Тремонские псы сгнули. Отправились кто к Нечистому, кто в застенки Тайной канцелярии — это ещё хуже. А вот Фидель был жив, практически невредим. И карета везла его в новый этап жизни.

Клас ван Вейт не был лишён тяги к приключениям — иначе не путешествовал бы по Ульмису так много. Однако приключений балеарских ему хватило на годы вперёд.

Потребовалось много выпить, чтобы оправиться от событий на гондоле. И даже не только выпить: Фидель угостил лимландца зёрнышком маковой смолы. Прежде Клас ван Вейт избегал этой субстанции, поскольку видел много портовых городов — а потому и много людей, коих привычка к такого рода курению привела на дно более глубокое, чем океанское.

Но в этот раз отказаться он не смог.

Художник плохо помнил, как они провели остаток вечера: были в дорогой таверне и ещё более дорогим борделе, это точно. Прочее напрочь стёрлось из памяти, и ещё несколько последующих дней остались слегка в тумане.

Теперь лимландский мастер менее всего желал будоражащих событий. Герцог Тормалесо отнёсся к нему с пониманием: уже неделю не вызывал к себе, не требовал продолжения работы. Более-менее придя в себя, ван Вейт решил посвятить остаток свободного времени знаменитым домам Марисолемы, куда его охотно приглашали. Уже скоро предстояло взяться за работу, навёрстывать упущенное.

Канцлер сдержал ранее данное обещание: дамским вниманием лимландец был весьма обласкан. Он не вникал, кто из этих прекрасных женщин — столичные куртизанки, а кто — благородные дамы свободных нравов. Главное, что художника они вполне искренне увлекли.

Марисолема блистала контрастами. Художник уже познал мрачную сторону столицы, но на первом плане оставался город-праздник. Жизнь тут вечно была ключом — прямо как кровь из раны тремонца, долго умиравшего в лодке.

И сейчас художник был в богатом, модном доме. Честно говоря, он толком не помнил, у кого именно гостит: марисолемская роскошь совсем замылила глаз. Опять центр города, опять кругом — самые богатые и знатные люди. Изысканные, искушённые, пресыщенные. Как всегда, звучала прекрасная музыка: мастеров обращаться со смычками и клавишами в столице хватало. Кто-то громко смеялся, кто-то перешёптывался. Воздух благоухал, мягкий свет расслаблял глаза. Лица — знакомые, полужнакомые, незнакомые вовсе, проносились мимо одно за другим.

Клас ван Вейт был доволен: последствия пережитого улетучивались. Не о чем тревожиться в таком великолепном месте! Но в тот момент, когда художник менее всего ожидал подобного, случилось очередное неожиданное знакомство.

В полутёмной комнате, примыкающей к бурлящему залу, Клас ван Вейт прежде всего ощутил запах табака. Это сразу напомнило о родине. Среди балеарских дворян курение в моду не вошло — трубка даже считалась здесь дурным признаком человека низкой культуры. Если только он, конечно, не лимландец! Однако в силу известных нюансов политики встретить лимладца в таком доме, а не где-нибудь в порту, казалось почти невероятным.

— Вы искали меня?

— Конечно, мастер ван Вейт. Вы ведь великий художник, правда? К тому же лимландец. А мы, лимландцы, что ни говори — славные ребята...

Безусловно, они с незнакомцем были соотечественниками: впервые за долгое время

услышав родную речь из уст настоящего лимландца, ван Вейт понял, что даже канцлер всё-таки не абсолютно безупречен во владении языками. Акцента у герцога не было, но что-то всё же слегка выдавало его. Здесь — иное дело. Художник не сумел бы объяснить эту разницу, однако в происхождении собеседника не усомнился.

— Присядьте, мастер: в ногах правды нет.

Клас ван Вейт повиновался. Собеседник восседал на софе в обнимку с двумя женщинами: одеты они были превосходно. Однако на лицах, пусть и очень красивых, явно читалось низкое происхождение.

— Раз уж вы знаете меня, то извольте представиться. Пока ясно лишь, что мы земляки.

Незнакомец выглядел ровесником ван Вейта: тоже немногим старше тридцати. Он был высок, весьма внушительно сложен — и явно привык к седлу, даже сейчас это было заметно. Тёмно-каштановые волосы почти закрывали глаза, и это совсем не напоминало причёску, принятую хоть в каком-то свете. Зато пышные бакенбарды соответствовали лимландской моде. Броский костюм, блистающий пошлыми излишествами, сразу напомнил мастеру людей, которые служили королям за золото.

Человек из Лимланда забивал табакком большую трубку, совершенно не торопясь ответить на вопрос. Художник следил за его пальцами: движения привычные, однако чуть неловкие. Собеседник наверняка порядочно пьян.

— Вы обо мне слышали, мастер. Плохое слышали, ага. Я Вальдемар ван Стекелен.

— Вот нечаянная встреча... Я слышал о вас, разумеется. Но почему же именно плохое?

Ван Стекелен рассмеялся: художник заметил, что его зубы в скверном состоянии.

Попытка сгладить очевидные углы провалилась.

— Потому что я этого заслужил. Бросьте: каждый в Лимланде знает, что я злейший из военных преступников. Разбойник и убийца, верно?

Да уж! Хотя только ленивый не поучаствовал в надругательстве над несчастным Лимландом, которое и после войны длилось ещё лет десять — собственных чудовищ помнят особенно хорошо.

— Вы, мастер ван Вейт, из Зюрдена. Не припомню, чтобы грабил Зюрден, а такое, ха, не забыл бы! Скажите: мой батенька не причинил вам лично какого-то зла? Или дорогим вам людям?

— Нет. Моё семейство счастливо избежало лишений Великой войны. А иных дорогих людей не имею.

— Вот и славно. Закурим?

Художник покачал головой.

— Да бросьте! Уверен, трубка у вас при себе.

— Простите, но вынужден отказать.

— Почему же?

— Не хочу.

— Ой, да и кобыле под хвост! Вы с дамой? Если нет, охотно поделюсь. Вам которая больше по нраву?

— Благодарю, не стоит.

— Ну что это за дела... Разве так начинают хорошую беседу? Ладно. Хоть выпейте со мной. Ээй! Слуга! Вина нам с мастером, живо! Вот только не отказывайтесь от вина. Иначе прогневаюсь, а в гневе я неприятен.

О, вот в этом сомневаться не приходилось. У отца ван Стекелена, знаменитого

наёмника Великой войны, была очень мрачная репутация. Он воевал за всех и против всех: с переменным успехом, однако неизменной жестокостью. После войны сын приумножил кровавую славу ван Стекеленов. Без сомнения, оба заслужили право считаться хорошими командирами. Быть может, даже отличными. Выдающимися. Другой вопрос — как они своими талантами пользовались.

— Не думали, что я живу в Марисолеме?

— Если честно, господин ван Стекелен, я вовсе не знал до сих пор, что вы живы.

— Ещё как жив.

Коль скоро Вальдемару предоставили убежище в Балеарии, здесь его заслуги ценили куда выше грехов. И не похоже, чтобы нынче младший ван Стекелен, Геделенское Чудовище, в чём-то нуждался.

— Фи, мастер! Вы еле скрываете презрение. Откровенно говоря, мне на это наплевать, но нынче хорошее настроение выдалось. Вы бы знали, что эти красотки умеют... тут уж поди не разомлей. Раньше думал, будто знаю о шлюхах всё, но тогда я не бывал в Марисолеме! Что за кислый вид, мастер? Претит моё общество? Ха... Если желаете, я расскажу, как люди становятся чудовищами. Геделенское Чудовище, так ведь меня называют?

Художник промолчал, и бывший кондотьер повторил вопрос. Пришлось всё-таки отвечать.

— Да. Именно так.

— Ну и хорошо. Я это прозвище заслужил, похоже. Невольно заслужил, но какая разница? Мир несправедлив, а война уж давно. Один на ней — герой, другой — чудовище. Причём по одинаковой причине: тот и другой убили много людей.

— Смотря каких людей и за что. Уж простите мою дерзость, господин ван Стекелен.

— Прощаю. Вы, говорят, друг канцлера. Наверное, и я тоже — иначе меня бы давно повесили в Зюрдене. Или в самом Геделене, или на первом суку, кто знает...

— Насколько мне известно, в приговоре значатся кастрация, сдирание кожи и последующее колесование.

— О, ну так ведь даже интереснее! Думаю, перед смертью лучше хорошенько помучиться. Это тоже форма жизни.

Если Вальдемар ван Стекелен и правда считал так — то он оказал подобную любезность очень многим людям. Причём помимо их желания. Ничто в Вальдемаре не указывало хоть на толику мук совести. Нет-нет, он определённо ни о чём не жалел.

И это было совсем иное безмолвие совести, нежели у Фиделя и прочих убийц Тайной Канцелярии, которых недавно видел художник. Те люди без колебаний убивали во имя своей страны — у них имелись твёрдые убеждения, оправдывающее любые деяния. Убеждение наверняка имелось и у Вальдемара, однако иного рода.

Он казался ван Вейту одним из людей, ошибочно полагающих, будто им дозволено всё.

— Вы неплохо устроились в Балеарии.

Из-под дурацкой чёлки опять сверкнула улыбка. Такая же гнилая, как сама душа ван Стекелена. Впрочем, сколь бы дурно зубы Вальдемара ни выглядели — они точно по-своему крепки. Пошлое сравнение, но это был самый настоящий оскал хищника.

— Ага. Уж получше, чем на эшафоте! У меня неплохое содержание за все былые заслуги, за славу отца. Его и проматываю, пока не сыграл в ящик. Не на что пожаловаться, всего в достатке. Вы ведь тоже не бедствуете, правда? Особенно при канцлере?

— Его Светлость весьма щедр.

— Ага, похоже на него.

Как и на залитой кровью гондоле, в этот момент художник не мог сдержать профессиональное любопытство. Перед ним был интересный образ. Вальдемар ван Стекелен несколько не являл собой монументальную фигуру командира: выглядел более бандитом, чем полководцем. Однако же бандитом выдающимся. Аура которого имеет определённую притягательность.

А ещё он совсем не казался счастливым. Несмотря на то, что грязь не липла к совести и денег явно хватало. Нечто бывшего наёмника тяготило. Явно не старые военные грехи. Тогда что же?

— Вы, мастер ван Вейт, предвзято смотрите на меня. Как и любой лимландец... Знаете, я люблю Балеарию за одно: тут никому нет дела до моего прошлого. Совершенно. Всем просто наплевать. Ну что вы скривились? Вот так новость — балеарцам наплевать на несчастья нашей родины! Так вы не тешьте себя иллюзиями. В Стирлинге на наш край точно так же всем насрать.

Война для любого лимландца была темой очень болезненной. Никто в Ульмисе не хлебнул от неё больше. И хотя Клас ван Вейт не солгал насчёт великой удачи его семьи, развивать беседу обо всём этом не хотелось.

Особенно с человеком, виновным в столь многих бедах Лимланда.

— Если позволите, господин ван Стекелен, не станем говорить о войне. Вы явно позвали меня для чего-то иного.

— Ага.

Наёмник спихнул с софы одну из девушек — и шлёпнул её, направив к художнику. Куртизанка охотно пересела на колени ван Вейта, а тот сопротивляться не стал. Пусть. Собеседник был не из тех людей, которым стоит перечить без нужды — даже пребывая под защитой Тайной канцелярии. Это просто неразумно.

— Так о чём же вы хотели говорить?

— А... Напишите мне портрет.

— Ваш?

— Чу! Побойтесь Нечистого. Кому нужна моя рожа на холсте? Другого человека.

— Которого?

Прежде чем ответить, Вальдемар выпустил пяток густых колец дыма.

— Одного человека, которого никогда не видели, скорее всего. Но это не страшно: мне важен сам образ. Нет, конечно, только после портрета канцлера! И я щедро заплачу. У меня гораздо больше денег, чем можно просрать на вино со шлюхами. Хоть они здесь и дорогие.

Идея поработать на Вальдемара ван Стекелена была одновременно отвратительной... и столь же притягательной. Никуда ван Вейт не мог деваться от извечного дуалистического противоречия, свойственного людям искусства.

И сама задача, похоже, была нетривиальной.

— Что же это за человек? Что вы о нём помните?

— Человек, которого я не видел давно. Лет десять, наверное... точнее сказать не могу. Это очень необычный человек.

— Чем же он необычен?

— Ха... Представьте: как бы вы изобразили саму Войну в человеческом облике?

Мастер ван Вейт никогда об этом не задумывался. Антропоморфная персонификация

войны... интересно! Его соотечественник продолжил прежде, чем художник успел что-то сформулировать.

— Ну знаете, мастер ван Вейт... Что-то не совсем человеческое, даже по фигуре. Худое, словно скелет. Уродливо искривлённое, возвышающееся над вами. Такое высокое, что я ростом едва ли по плечо буду — а я, как видите, не карлик! Оно тянется к вашему горлу костлявыми пальцами. Всё в мерзкой сыпи, будто трупные пятна. С глазами, которые ни хрена не выражают. Ну что, картинку представили?

— Вполне.

Образ и правда начинал вырисовываться в голове художника. Причём достаточно ясно, чтобы ван Вейт начал кое о чём догадываться. Если правда так... Занятно же обернулся разговор, от которого поначалу хотелось уклониться!

— И зачем вам этот портрет, позвольте полюбопытствовать?..

— Хороший вопрос!

Наёмник одним глотком осушил бокал, потребовал налить ещё — исполнять распоряжение было некому, кроме черноволосой девушки на коленях Вальдемара. Она не уклонилась, но и торопиться особо не стала. Ван Стекелен успел ещё пару раз затянуться из трубки.

— Знаете, мастер ван Вейт, как умер мой отец?

— Погиб в Лимланде под конец Великой войны, если не ошибаюсь. Кажется, когда в очередной раз выбирал удобную сторону?

— Вроде того.

Ван Стекелен освободил руку от бокала, вытянул её перед собой. Крепкая рука, это было видно сразу. Она ничуть не дрожала.

— Смотрите, мастер. Я уже не юноша — и пью каждый день, пока не упаду. Да ещё курю всякую дрянь. И мои сомнительные подвиги остались далеко позади: нету больше войн, где можно славно подраться. Люди вроде меня теперь никому в Ульмисе не нужны. Так лишь... Ручная бестия при балеарском дворе... Пёс, от которого толку хер, да выгнать жалко. Но я, как видите, сохраняю руку твёрдой. Каждый день забочусь об этом, пока не начинаю пить. И знаете, для чего?

— Для чего же?

— Только для одного, мастер.

Вальдемар наклонился вперёд: теперь его глаз стало совсем не видно. Только гнилой оскал и шевелящиеся при речи бакенбарды.

— Двадцать лет назад человек, о котором мы говорили, убил моего отца. Не из воинского долга, не ради денег, даже не из-за бабы — а по причине иной. Которую трудно объяснить в двух словах. И он сказал тогда мне, совсем ещё пацанёнку: у тебя, дескать, будет возможность поквитаться. Если не сдохнешь прежде. Я пока что не сдох. И сохраняю руку крепкой, мастер ван Вейт, чтобы убить того человека, едва снова представится случай.

История увлекла художника. Он больше не сожалел о встрече. Образ врага заиграл для Класа ван Вейта новыми оттенками привычных красок — следа которых не было пять минут назад. Наверное, охватившие художника чувства явно выразились внешне. И мерзкая улыбка кондотьера выражала многое.

Только куртизанки оставались безмятежны: они наверняка не знали лимландского.

— Снова? Выходит, такой случай вам уже представлялся?

— Было дело, да только убить этого гада нелегко. Итак, мастер! Я хочу, чтобы вы

написали портрет человека, которого сами никогда не видели, но которого мне никак нельзя забывать. Так что?.. Мы договоримся?

Разумеется, Лопе де Гамбоа не соврал: о Фиделе позаботились в тот вечер наилучшим образом. Обработанная и зашитая рана на утро почти не беспокоила — если можно назвать утром время окончания сиесты, когда Фидель наконец-то проснулся.

Этот дом наверняка принадлежал Тайной канцелярии, но в таких Фидель ночевал куда реже, чем хотелось бы. Богатый особняк, где и спалось-то совсем иначе! Тайных дел мастер принял ванну, побрился, облачился в свежую одежду — не дороже прежней, но весьма добротную. Старый нож отправился за голенище, а рядом со своей эспадой Фидель обнаружил кинжал — явно подарок взамен оставшемуся в теле тремонца.

Прежний кинжал не представлял особой ценности: обыкновенная дага для левой руки с широким «парусным» эфесом. А вот небольшой презент от Тайной канцелярии, доставшийся теперь Фиделю, стоил недёшево. И вовсе не из-за украшений: декора-то оружие почти не имело.

Это был кинжал из тех, лезвие которых имеет два лепестка: они подпружинены и раскрываются в форме трезубца, когда жмёшь на рычаг. Оружие подлое, но исключительно эффективное в умелых руках! Можно внезапно захватить клинок противника так, что шансов спастись у того почти не будет. Немногие мастера изготавливали подобное. С такими кинжалами не приходят на дуэль, если не желают запятнать репутацию.

Но то на дуэль...

Вскоре, набросив новый плащ и покрыв голову шляпой с большим пером, Фидель сел в экипаж: в отличие от предыдущего, он был открытым. Это явно говорило, что Фиделя везут не в Тайную канцелярию. И запоминать дорогу он имеет полное право. Кучеру Фидель вопросов задавать не стал: ясное же дело — не ответит. Ехать пришлось почти через весь город, но прогулка по Марисолеме погожим вечером едва ли способна доставить неприятные эмоции.

Ещё один богатый дом, но не почти за чертой столицы, а посреди города. Перед экипажем отворились тяжёлые ворота, Фиделя любезно встретили и проводили внутрь. Он оставил эспадку и шляпу при входе, проследовал за местным распорядителем во чрево особняка — который скорее следовало назвать небольшим дворцом. Сквозь череду высоких дверей, по гулким коридорам, увешанным картинами.

В просторном светлом зале, где пол был выстелен до блеска отполированным паркетом, Фиделя ожидал человек. Он был здесь один — точнее, отослал второго прочь, едва тайных дел мастер вошёл.

Высокий, худощавый мужчина средних лет: в падающих из огромных окон закатных лучах он отбрасывал длинную тень. Идеальная осанка, перехваченные лентой волосы, мужественно красивое лицо. Судя по плотному колету и неровному дыханию — он как раз упражнялся в фехтовании. Только что попросил наставника выйти.

— Сеньор Фидель Ривера! Рад встрече с вами.

Своё полное имя Фидель слышал очень, очень редко. Пару лет как не слышал — до вчерашней встречи с Лопе де Гамбоа. Фидель поклонился: так, как было принято при королевском дворе.

— Вы меня узнали, сеньор Ривера?

— Ваше лицо мне не знакомо. Но я догадываюсь, кто вы.

— Проверим догадку? Сантьяго Гонсалес де Армандо-и-Марка, канцлер Балеарии Охотно верю, что именно так вы и подумали. Судя по всему, что говорил о вас Лопе де Гамбоа... следует ожидать проницательности. Или интуиции. Или обоих этих качеств.

Фидель счёл нужным поклониться ещё раз.

— Эта встреча — большая честь, Ваша Светлость.

— Без церемоний, сеньор Ривера. Я такой же слуга Балеарии, как и вы — не более, посему в действительности мы на равных. При всём неравенстве нашего положения.

Канцлера Фидель и правда никогда не видел. Герцог Тормалесо был фигурой публичной, но в тех кругах, куда скромный тайных дел мастер отнюдь не был вхож. Зато именно этот человек отдал с полгода назад приказ устранить воинственного брата тремонского герцога: в том сомневаться не приходилось.

Канцлер заложил руки на спину.

— Говорят, сеньор Ривера, что у вас есть одно замечательное качество... помимо всех прочих. Вы, по словам моего доброго друга Лопе, превосходный фехтовальщик. Он не попусту вам польстил?

— Лучшего фехтовальщика не встречал.

— Сильное заявление. Давайте его проверим.

Канцлер указал на круглый столик — там остались лежать две эспады. Не заточенные, очевидно, но в остальном аналогичные настоящему оружию. С таким упражняются серьёзные бойцы: те дворяне, которые просто желают немного разогнать кровь, выбирают оружие полегче.

— Я ценю людей, искушённых в своём деле. Лучших виноделов, лучших художников... и лучших убийц тоже. Всякое занятие можно превратить из ремесла в искусство. У нас имеется некоторое свободное время, а поскольку я сам немного фехтую... Покажите мне своё мастерство, будьте любезны.

Любопытная просьба. Несмотря на рану, Фидель был рад её исполнить. Уже лишь ради того, чтобы взглянуть на канцлера под иным углом. Когда человек брал в руки оружие — то чем бы он ни владел, кому бы ни служил, но оказывался на территории Фиделя. В том несуществующем королевстве, где тайных дел мастер полагал себя высшим светом.

Учебная эспада отлично легла в руку: это не какой-то жалкий кусок металла, выкованный подмастерьем. Изделие превосходное. Ощущение эфеса в пальцах мгновенно перенесло Фиделя на ту высоту, где герцог для него немногим отличался от вчерашних тремонцев.

— Что за стойка, Ваша Светлость? Вы будто на нужник присели. В стойке стоят так, как сидят за королевским столом.

Канцлера дерзкий тон позабавил. Видимо, он вспомнил наставления учителя: сразу принял близкое к правильному положение.

Фидель с ленцой смахнул укол влево, а от следующего шагнул вправо. Выставил эспаду навстречу, и канцлер напрасно дважды пытался соединить оружие: оба раза клинок Фиделя описывал круг и ускользал, оставаясь направленным в грудь.

Герцог снова атаковал, и большое преимущество в росте должно было сыграть ему на руку — но не сыграло, потому как Фиделю не стоило и малейшего труда уклоняться, даже опустив оружие. Он не сказал бы, что канцлер двигался безнадёжно плохо — просто в этом искусстве между ними лежала слишком большая пропасть. Примерно такая же, как если взглянуть на положение в обществе.

— Напрасно так бьёте ногой в пол, Ваша Светлость: нужно шагать легче. Это веде танец. Просто в конце умирают, а не целуются.

Канцлер принял к сведению и это. Фиделю было любопытно видеть: человек, фактически правящий Балеарией, человек от войны далёкий — чего-то да стоит в поединке.

Без труда он отразил клинком ещё два укола: достаточно хороших для того, чтобы не вышло просто увернуться.

— Не атакуйте дважды одинаково, Ваша Светлость. Скучно!

Поначалу канцлер двигался бодро, но скоро начал сдавать: он не запыхался, но тайных дел мастер ясно видел замедление движений. Это понятно. Рука устаёт, мышцы ног деревенеют, о лёгкости в бою уже говорить не приходится. Всё-таки герцог не был настоящим фехтовальщиком — в том смысле, который привык вкладывать в это слово Фидель. А также давно не был юношей.

Позади скрипнула дверь. Фидель шагнул полукругом, обозначив укол, который не стал наносить — действительной целью манёвра было обернуться к дверям, чтобы посмотреть на вошедшего.

Это была женщина. Не слишком молодая, но очень красивая и прекрасно одетая. Фидель принял бы её за супругу канцлера, особенно по тому неподдельному интересу, с которыми дама следила за движениями герцога, расположившись на маленьком стуле.

Но нет: она совсем не напоминала балеарку. Северная женщина.

Канцлера тоже отвлекло её появление, а Фидель не мог упустить возможность покрасоваться. Он подхватил клинком оружие противника, коротким круговым движением кисти сковал его. Затем резкое движение плечом и корпусом — рукоятка вырвалась из пальцев герцога. Эспада с грохотом улетела в угол.

— Благодарю, сеньор. — канцлер совершенно не смутился, а Фидель отметил, что он не произнёс имени. — Дорогая, запомни этого человека. Очень возможно, что вы ещё встретитесь: тогда будет полезно помнить, что это друг.

— Вы нас представите? — Фидель, только что красиво завершив поединок, был полон наглости.

— Пока такое знакомство неуместно. Но вы, сеньор, тоже хорошенько запомните эту женщину. Она — мой друг. Стало быть, и ваш тоже.

— О, не волнуйся, Санти! Этого человека я не забуду.

В её глазах и улыбке промелькнуло нечто весьма двусмысленное. Любопытно, откуда она? Сошла бы даже за знатную даму из Стирлинга, если предположить подобное. Акцент очень похожий. Вдруг и правда оттуда? Тогда Фидель близок к получению роли в очень интересном спектакле. Этакой постановки не случалось в Ульмисе уже двадцать лет.

Едва ли герцог пригласил тайных дел мастера ради фехтовального упражнения. Да и разговор между ними мог состояться при иных обстоятельствах. Фидель догадался, что важнейшая цель его визита — краткая встреча с этой женщиной. Как будто случайная. Они должны были запомнить друг друга, чтобы узнать при случае.

Канцлер принял от вошедшего слуги шёлковый платок, тщательно вытер лоб и шею. На протянутом ему подносе стоял бокал вина, который герцог мигом осушил. Затем он развязал ленту, стягивавшую волосы, и разбросал их по плечам. Снял с рук толстые фехтовальные перчатки, уложил их на тот же поднос, расстегнул пару пуговиц колета.

— А вы-то, сеньор, даже не запыхались! Лопе де Гамбоа не ошибался относительно вашего боевого мастерства. Что до прочих оценок, я удостоверяюсь в их верности небольшой

беседой. Дорогая! Тебе уже пора к столу: дождись меня там. Я перекинусь с гостем парой слов, после приведу себя в порядок — и тогда приду.

Дама только учтиво склонила голову, а канцлер указал Фиделю на противоположную дверь. Вскоре они оказались в маленькой комнате с двумя креслами, плотно занавешенным окном и охотничьими трофеями на стенах. На низком столике располагалась шахматная доска, а также графин: канцлер сам наполнил бокалы.

Затем он велел Фиделю сесть.

— В Тремоне вы, сеньор Ривера, сделали большое дело для Балеарии.

— Это было великой честью, Ваша Светлость.

— Ну, будем откровенны: чести в вашем искусстве мало. Это не упрёк, напротив! Забота о чести порождает войны, в которых гибнут десятки тысяч людей. А если ненадолго о чести позабыть — можно предотвратить подобное одним ударом.

— В том и суть моей службы.

— Вы верно её понимаете. Это хорошо.

Герцог не торопился развивать беседу. Величественно расположившись в кресле, он потягивал вино. Определённо догадывался, что у Фиделя полно вопросов — и столь же ясно понимал, что тайных дел мастер не дерзнёт заговорить о деле первым. Канцлер, можно сказать, открыто наслаждался моментом. Смаковал свою власть так же, как напиток в бокале. Он молчал настолько долго, что Фиделю сделалось неудобно.

— Итак, о вас. Лопе де Гамбоа давно подыскивал очень способного и очень верного человека, которого практически никто не знает. Редкое, согласитесь, сочетание — но кандидатур нашлось много. Из всех кандидатов только вы добрались до этого кресла. Постараюсь предугадать ход мыслей тайных дел мастера... Полагаю, у вас две версии относительно цели этой встречи: или разговор о новом назначении, или о какой-то особой миссии. К которой вы склоняетесь?

— Ко второй. — Фидель ответил молниеносно, даже толком не подумав. — Вы слишком большой человек, чтобы обсуждать должности, на которые меня могли бы назначить.

— Bravo! — неожиданно громко воскликнул герцог. — Bravo! Блестящий ход мысли. Но не вполне верный. Я предлагаю вам то и другое. Скажите, сеньор Ривера: вы играете в шахматы?

— Я знаю, как ходят фигуры.

— Этого довольно. Взгляните на доску: сию партию я веду по переписке уже не первый год. С одним очень мудрым человеком, живущим далеко. Постарайтесь оценить сложившуюся ситуацию: кому я, играющий чёрными, отвёл решающую роль?

Партия явно близилась к финалу: чтобы понять это, хватало и слабых представления Фиделя о шахматах. Чёрные фигуры высокой ценности были надёжно прикрыты чёрными пешками. У белого короля осталось мало шансов.

— Вот та пешка скоро поставит шах, верно?

— Верно, это вы сумели заметить. Так вот, сеньор Ривера: хороший шахматист отличается от плохого умением обращаться с пешками. Пешки! Вот ключ в победе! Часто встретишь противника, который не придаёт им должного значения. Такому игроку интересны фигуры короля с королевой, рыцарей, епископов, замков... Слабая стратегия. Я играю иначе: используя все средства, имеющиеся на доске.

Пешки... Фиделю и самому вчера пришло на ум такое сравнение. Вполне прозрачная

МЫСЛЬ.

— Я уже играл роль пешки, решающей исход партии. И не раз.

— Знаю. Но в нынешней партии вы не совсем обычная пешка. Я предлагаю не просто участвовать в составлении очередного мата вражескому королю: у вас, сеньор Ривера, будет возможность дойти до края доски. На котором, как известно, пешка становится другой фигурой. Значимой.

Да неужели? Захватывающая перспектива. Фидель давно был готов к любой судьбе, послужит она благу Балеарского королевства — однако ни за что не отказался бы от подобной возможности. Вот только...

— Вы ведь знаете мою историю, Ваша Светлость? Это скверная, грязная история. Меня можно сказать, разжаловали в пешки. Причём неспроста. И я благодарен даже за такую возможность продолжить служить Балеарии. Сделанного не воротишь, да я ни о чём и не жалею. Просто... разве мне путь навверх не заказан?

— Да, я знаю эту историю. Знаю, что вас привело на тайную службу и как вы несли её — хочется верить, что в надежде искупить грехи перед родиной, а не от безысходности. На этот раз, сеньор Ривера, партия больно уж крупная. А вы — уж очень ценная пешка, которую я способен поставить в самую сильную позицию. Так что, если совместными усилиями партию мы выиграем... Скажем так, в Балеарии нет ничего невозможного. Пешка сможет начать новую жизнь, в новом качестве. Это я обещаю.

Никакая перспектива не смогла бы подкупить Фиделя больше. Он любил родное королевство, но и себя любил тоже. Как любой здравомыслящий человек: пусть охваченный некой идеей, однако сохраняющий голову холодной.

Впрочем, какие-то посулы было странно слышать. Он ведь не наёмник.

— Вы ведь можете просто приказать, Ваша Светлость. И я исполню всякий приказ.

— Могу, вы правы. И я прикажу! Но прежде хочу убедиться в вашем понимании серьёзности момента. Речь не о балеарских интересах в Тремоне. На сей раз дело куда серьёзнее. И уж если вы окажетесь на доске — то уже никакого пути не будет, кроме пути вперёд.

— Как у пешки.

— О, да вы схватываете на лету, сеньор! Именно: этим вы также напоминаете пешку. Я хочу представить вас кое-каким людям. Начиная с этого знакомства вы будете уже не просто служащим Третьего секретариата Тайной королевской канцелярии. Это другая плоскость... Вы станете прежде всего моим человеком. Служба ещё более серьёзная, чем обычная для канцелярии. Чувствуете ли вы себя готовым к ней? Не торопитесь отвечать: не суть важно, что вы скажете мне. Хочу увидеть, как вы ответите на этот вопрос сами себе, Фидель Ривера. Ну же?..

Собственное внутреннее ощущение было Фиделю понятно. Оставалось надеяться, что канцлер прочтает его правильно. Судя по всему, так и произошло.

Это был любопытный момент. Коль скоро канцлер делал акцент на себя, то Фидель догадывался: речь идёт о партии, как минимум не инициированной королевой. Очень возможно, что о замысле герцога Анхелика вовсе не знала.

Тайных дел мастера это не смутило. Фидель Ривера был верен прежде всего Балеарии, а уж потом — её королеве. Он относился к новому, послевоенному поколению, которое научилось различать монарха и государство. Таковая способность подданных и делала Балеарию особенной.

— Если желаете, чтобы я был вашим человеком, я буду им.

— Не сомневаюсь. Уже не сомневаюсь. — тут герцог громко хлопнул ладонями. —

Добро пожаловать на мою сторону доски!

Канцлер наполнил себе бокал: Фидель к своему почти не притронулся.

— Раз так, мы немедленно сделаем первый ход, после которого пути назад у пешки не будет. Я познакомлю вас с одним человеком. Меня убеждают, будто он — фигура чрезвычайно сильная. Если так — она нуждается в защите хорошей пешки. Но важно, сеньор Ривера, и другое! Может статься, что вам придётся защищать саму нашу стратегию от этой фигуры. Понимаете?

— Понимаю. Вы не доверяете этому человеку?

— Доверяю меньше, чем вам. О вас я знаю почти всё, а о нём... почти ничего, если честно.

— И речь не о той женщине?

— О той женщине, полагаю, вы узнаете позднее. Всё, что будет нужно. Пока — нет: не о ней. Надеюсь, у вас не было планов на вечер? Мы посетим одно любопытное общество.

Худшее, что может сделать тайное общество — придумать себе название. В этом Фелипе де Фанья был глубоко убеждён.

Едва только появится какое-нибудь название — будь оно претенциозным, вроде «Союза Посвящённых», или обманчиво-обыденным, вроде «Вольных рыболовов» — и всё покатится в пропасть. Именно так настоящее тайное общество, способное к великим делам ради великих целей, встаёт на путь вырождения. Рано или поздно, причём скорее рано, оно превратится в очередное сборище пьяниц, или извращенцев, или пустопорожних болтунов, или безумных мистиков.

К счастью, у этого общества названия не было. И никто не ощущал в таковом нужды.

Встречи проводились вечерами, достаточно далеко от столицы. Это причиняло членам тайного общества известные неудобства: к примеру, жёны могли заподозрить дурное. Но иначе поступать было бы неразумно. Раз в две недели лучшие люди Балеарии съезжались в особняк на высоком холме, откуда вид на огни Марисолемы открывался потрясающий — но пейзажем редко кто-то любовался.

Фелипе де Фанья давно не пропускал ни одной встречи.

Теперь он, конечно, приезжал уже не один — а в обществе мудрого старца, чьи глаза были закрыты повязкой. Посвящённые к обществу Ишмура успели привыкнуть, а вот Фелипе привык не вполне. Он-то знал гораздо больше остальных.

Размышления о великой цели, которая до появления Ишмура не имела чёткой формулировки, не были единственным занятием тайного общества. Да: теперь мудрец, не являвшийся человеком, донёс до каждого мысль о грядущих переменах. Но ещё задолго до того, как Ишмур впервые переступил порог уединённого особняка, в этих стенах уже зрел амбициозный план.

План, который не очень-то касался Фелипе. Идею своего рода реванша — возрождения амбиций эпохи Великой войны в новой форме и новом качестве, вынашивали другие люди. Те, кто был ближе к государству, нежели к науке.

Многие, возможно, назвали бы происходящее «заговором». Очевидно направленным на благо Балеарии, конечно — но раз государственные планы составляются на тайных встречах, а не в королевском дворце, то как выразиться точнее? Фелипе де Фанья полагал, что Анхелика ничего не знает.

Именно так утверждал канцлер. Некоторые сомневались в его искренности. Полагали, что какие-то беседы с королевой канцлер всё-таки ведёт — он не может играть совсем в тёмную, однако старается сложить подобное впечатление.

Может быть, канцлер слегка лукавил. Может быть, говорил искренне. Обсуждения реваншизма не становились основной темой встреч: канцлер подолгу беседовал за отдельным столом с Его Сиятельством Борхесом де Стефано, Хуаном Тадео, Руисом — графом Аренас, и другими старыми гигантами балеарской политики, вошедшими в силу ещё при императоре.

Иногда Фелипе видел, как присоединяются к беседами о государственных вопросах и более неожиданные люди: например, норштатский теоретик Ульрик тер Перглер. Уже двадцать лет — с самого конца войны, Перглер вынужден был жить в Марисолеме. Кажется, он не очень тужил по этому поводу. За двадцать лет у Перглера родилось две дюжины детей

— в основном незаконных, и вдвое больше книг по различным вопросам управления государством.

Замечал Фелипе за тем столом и Педро Эрреро из рода Томпанельо — выдающегося картографа, автора лучшего атласа известного мира. А ещё поэта Алехандро Барульо, создателя любимых опер королевы Анхелики. Что эти люди делали среди империалистически настроенных реваншистов, учёный не очень понимал.

Чуть позже к разговорам присоединился Лопе де Гамбоа, один из ключевых людей Тайной канцелярии — и, что любопытно, единственный её служащий в узком кругу тайного общества.

Ишмур активно участвовал в беседах, которые заводил канцлер — причём поддерживая его. Он даже подал герцогу Тормалесо несколько смелых идей.

Если бы не вовлечение Ишмура, Фелипе де Фанья предпочёл бы по-прежнему держаться в стороне. Но старик учёного от себя ни на шаг не отпускал. Ишмур недавно говорил о путешествии, в которое оба отправятся: ужели речь о Стирлинге, раз старца так заинтересовали беседы политического свойства?

Это там свершится нечто великое? Может быть. Должно же оно где-то свершиться.

— У нас, выходит, около четверти часа до заседания?

— Да. Нынче председательствует Борхес, а он нетороплив.

Члены общества могли свободно общаться до и после основной программы каждой встречи. А сегодня начало заседания и правда сильно задерживалось.

Это позволило Фелипе познакомиться с любопытным человеком, которого представил сам канцлер. Новички не присутствовали в главном зале: внутри общества существовала иерархия. Даже Ишмур сегодня впервые был допущен к самой церемонии — пусть и будучи особым случаем! Что касается Фиделя Ривера, некоего доверенного лица канцлера, то ему пока полагалась лишь возможность неформального общения.

— Интересно, что канцлер счёл необходимым познакомить нас. — рассуждал вслух Фелипе, пока Ишмур безмолвствовал. — Не поймите неправильно, но вы совсем не похожи на учёного человека, коими являемся мы с Ишмуром. Скорее напоминаете военного.

Фелипе кривил душой: молодой человек, лишённый одного переднего зуба, более всего походил на Лопе де Гамбоа. Наверняка связан с Тайной Канцелярией... невозможно ведь, чтобы канцлер притащил сюда обыкновенного бандита? Фидель Ривера был из тех людей, которых никогда не заметишь, если их не представили. Не вынудили обратить внимание.

— Вы оба, сеньоры, добрые друзья Его Светлости. — беззаботно отвечал Фидель. — А я оказываю содействие друзьям канцлера. Логично нас познакомить! К тому же Его Светлость имеет ко всем нам некий важный разговор. Если я правильно понял, беседа состоится после заседания.

— Я надеюсь, вы не заскучаете, пока оно будет идти. Новых лиц среди нас нынче немного. Но если ни с кем не сложится разговора — то в доме есть великолепная библиотека. К вашим услугам.

— И надолго тут остаёшься новичком?

— Зависит от человека. Разумеется, никто не попадает сюда случайно, но вы должны понимать: в этом доме ведутся слишком важные и слишком приватные разговоры. Несмотря на любого рода рекомендации, заведён обычай немного присматриваться друг к другу.

Фидель Ривера улыбнулся. Отсутствующий зуб как-то не вязался с дорогой одеждой и весьма достойными манерами. Ко всему прочему, этот Фидель был уж очень молод. Сколько

ему? Не больше тридцати. Даже канцлер и Лопе де Гамбоа, прожившие почти полвека, по местным меркам оставались юнцами.

— Всё правильно. — произнёс Фидель. — Я знаком с тайными обществами. Без обычаев, основанных на осторожности, в таких делах не обходится.

Ишмур всё это время молчал, но закрытые повязкой глаза направлял прямо на Фиделя. Тот, если и был смущён или удивлён поведением старца, вида не подавал. Ишмур сидел напротив, сложив костлявые пальцы на груди. Даже не имейся на глазах повязки, смотрелся бы он странно: Фелипе де Фанья не сумел убедить Ишмура сменить одежду и причёску. Безумный монах, иначе по виду и не скажешь.

Заговорил Ишмур совершенно неожиданно.

— Не волнуйся, Фелипе. Фидель нам не чужой. Скоро он станет нашим союзником.

Учёному слов Ишмура было довольно: уже привык доверять. А вот Фидель немногo удивился.

— Союзником? В чём именно?

— В той истории, Фидель, героями которой мы являемся. Часть её уже записана мною в книгу. Часть только предстоит записать.

Фелипе прекрасно знал, о каких книгах речь. Фидель, разумеется, ничего понять не мог.

— И что за история?

Обычно на лице Ишмура не бывало эмоций. Но теперь он улыбнулся. Очень слабо и мимолётно, будто на миг блеснуло нечто в ночи, среди звёзд — а ты гадай, было или не было.

— История, до конца которой доживут не все. И после которой никто не будет жить по-прежнему. Хорошую книгу открывает один человек, а закрывает уже совсем другой.

Учёный обеспокоился, что странные слова Ишмура смутят Фиделя. Вряд ли этот мальчишка, зачем бы канцлер ни привёл его с собой, готов к подобному. Но тут вовремя зазвенел колокол, возвещающий о начале заседания — неловкость оказалась сброшена сама собой.

Фелипе взял Ишмура под руку, помогая подняться. Он успел попрощаться от имени обоих, когда Фидель задал вопрос вслед:

— Так что же, сеньор Ишмур, я нынче герой вашей книги?

— Да. — ответил старик, не оборачиваясь. — Ты только что появился на первых страницах.

Интерлюдия. Дни прошлого

Алебарда была очень тяжёлой — особенно для паренька, которому ещё не исполнилось шестнадцати. Кудряшка не жаловался, но невольно выдавал внешне, насколько устал. И отец, видя это, говорил только одно:

— Она настолько тяжёлая, насколько нужно, чтобы сделать тебя сильным. Будь мужиком, блядь!

Потому Кудряшка заставлял себя тащить алебарду на плече, не отставая, хотя давалось ему это очень непросто. Передовой отряд, высланный ради разведки и провианта, продвигался вглубь «ничьей земли». Туда, где не закрепилась ни одна из армий.

Отгремело неделю назад важное сражение, в котором полегли тысячи: оно принесло тяжёлую, но заслуженную победу. Теперь время славы кончилось, вернулись суровые будни — в которых хорошего находилось мало. Один лишь тяжёлый солдатский труд.

Стояла омерзительная весна. Снег недавно растаял, а пролившиеся следом дожди превратили почву в сплошную грязь. Эту землю некому уже было вспахать и засеять, чтобы по осени собрать урожай. Разве только армии вспашут колеями обозов и осадными траншеями, а вместо семян в почву лягут солдаты.

Отряд был пехотным: только три женщины, сопровождавшие солдат, ехали в косо сколоченной телеге. Даже командир — отец Кудряшки, шагал пешком. Облегчить себе ношу, сняв часть доспехов, никто не решился. Расслабляться здесь не стоило.

Низко стелились серые облака, до костей пробирал ветер: вроде бы лёгкий, но очень холодный. У юного солдата хлюпало в носу и ботинках. Очень хотелось съесть что-нибудь горячее — но привала пока не ожидалось, да и еды ещё не нашли. Кудряшка обыкновенно был весёлым парнем, разговорчивым и заводным, но нынче с утра не проронил ни слова. Паршивое настроение. Новый день — прежнее дерьмо.

На горизонте показалось деревянное укрепление: кривой, тёмный силуэт, словно чудовище оседлало холм. Форт был ещё далеко, зато деревенька перед ним — близко. Поселение выглядело опустевшим. Ничего удивительного: отец Кудряшки был уверен, что именно через эти земли прошли отступающие. Всякие недобитки, дезертиры и прочее отребье.

— Поглядим, что там.

Знамя едва шевелилось на ветру: мокрая тряпка. Однако даже не разглядев рисунок, всякий должен был узнать цвета. Цвета людей, шутить с которыми не стоит.

— Ничо-ничо... — бубнил старый солдат. — Скоро заживём. Дали приказ наступать — значица, заживём!

— А толку? Кабы город брали, так зажили бы.

— Ты чо, город какой с зимы видел?

— То-то и оно, шо не видел. Поля да поля, а эта сволочь не кончается. Рубишь-рубишь... Бабы на севере, видать — аки крольчихи.

— Всё говнишься!.. То не так, сё не эдак. Наступление, сука, всегда к лучшему!

Кудряшка ещё не отошёл от недавнего боя. Пусть и подросток, на войне он был уже не новичком — но в таком колоссальном сражении прежде не участвовал. Казалось ему тогда, будто всё сущее, что есть под серым небом — то самое поле боя. Будто битвой охвачен весь мир и не было нигде в этот день ничего другого. Ни в землях, что Кудряшка уже видел, ни в

тех, о которых только слышал. Ни в заморской стране, ни к востоку от леса — ничего, лишь война. Будто всюду только и должно быть слышно, что топот копыт да лязг брони бесчисленных вражеских всадников. И лишь голос командира может состязаться с тем грохотом — даже не гром небесный.

Слышал Кудряшка от полкового лекаря: дескать, земля-то на самом деле круглая, а не плоская. И вертится она сама по себе, а вовсе не солнце вокруг ходит. Чудак-человек... но если это правда, то верно одно: солдаты землю и вращают. Солдаты, шагающие по полям войны туда-сюда.

Сначала казалось, в что в поселении ни души, но скоро послышался шум. Из большого дома вытащили за шкурки нескольких солдат в грязных, прогнивших стёганках.

— За кого воевали?

Отец Кудряшки на этих оборванцев совершенно не походил. Он служил сержантом. У него и одежда была новая, и крепкая кираса имелась, и очень неплохой шлем — пусть жутко старый, с кольчужной бармицей и полумаской. Семейные реликвии бывают не только у рыцарей.

— За наших. — процедил один из недобитков, подняв рожу из грязи, в которую его вдавили.

— И мы за наших. Вы за которых именно «наших»?

— А вы за каких?

Дураку ещё повезло, что врезали за это обухом глефы: могли зарубить.

— Ты сам, сука, по знамени не видишь?

Кудряшка не стал слушать дальнейший разговор. Он пошёл вперёд.

В деревеньке живых, кроме этих дезертиров, не осталось. Многие дома выгорели, повсюду валялись трупы: вразброс, а не кучами — прямо там, где наступила смерть. Поселение окружали кое-как сколоченные ограждения. Ясное дело: пытались обороняться от пришедшей банды, но сил не хватило. Скорее всего, почти все дезертиры давно ушли, а эти просто с перепоею отстали. Дисциплину они утратили вместе со знаменем.

Жестокость излишняя, свойственная именно дезертирам. Отец всегда так и говорил Кудряшке: мол, банды недобитков — уже не люди. Это как стая волков, а то и просто падальщики. Из качеств солдата у них остаются оружие в руках да решимость, но уже иного толка: просто терять нечего. Такие банды, шатающиеся повсюду после проигранных битв, надо вырезать. Человек способен легко обратиться в зверя, но вот из зверя человека уже не сделаешь.

Потому даже не важно, своими они когда-то были или чужими. Убивать таких — санитарная мера. Как рану промыть. Кудряшка уже понимал, что иначе не устроено.

В стороне от домов, на небольшом поле, виднелись человеческие головы: с десятков. Перед ними лежала обнажённая женщина с перерезанным горлом. Лишь на первый взгляд Кудряшке показалось, что головы отрезаны и аккуратно разложены. Подойдя ближе, он понял: эти люди по шею вкопаны в землю.

— Мммать моя...

— Ну ты глянь, а! Это по-людски? Это, блядь, по-человечески?!

— Конченые, етить. Отбитые наглухо. Говорю ж, дезертиры — не люди. Нормальному такое в башку не придёт.

И верно, нормальному солдату не пришло бы. Сколько времени потребовалось на изуверство, даже если ямы копали сами деревенские? Такое можно творить, только

наслаждаясь насилием ради самого насилия. Кудряшка подобного не понимал. Да и люди вокруг него — тоже.

Чёрная птица деловито выклёвывала глаз одному из мертвецов: прочие падальщики, громко захлопав крыльями, разлетелись прочь — едва Кудряшка приблизился. Но эта оказалась особо смелой.

У тех, кого зарыли в землю, оставив медленно умирать в раскисшей грязи, была общая черта. Перепачканные волосы имели медовый оттенок. Это могло объяснить, почему с деревенскими поступили именно так.

Солдаты, плюясь и ругаясь, ушли обратно к домам. Юноша уже было последовал за ними, когда почудилось какое-то движение. И верно: в одном из закопанных еле-еле теплилась жизнь. Он смотрел на Кудряшку и пытался что-то сказать, но только бесшумно шевелил губами, до крови потрескавшимися от жажды и ветра.

Это был подросток, ещё младше Кудряшки. Не больше четырнадцати лет.

— Сюда! Сюда!..

Кудряшка кричал изо всех сил, и товарищи примчались мгновенно — с оружием наперевес. Поняв, в чём дело, они сначала побранили юношу, а следом кликнули его отца и притащили пленных дезертиров.

Те в ответ только плечами пожали.

— Так это ж гвендлы. Чо ещё с язычниками делать? Мразь, какой мало осталось.

Отец Кудряшки долго матерился. Остальные молчали, потому что прекрасно понимали ситуацию — в отличие от пленных. Наконец сержант нашёл осмысленные слова:

— Вам поэтому нравится гвендлов убивать? Потому что их здесь мало?

Не дожидаясь ответа, сержант снял шлем, а следом и стёганный чепец: из-под него на плечи упали волосы медового цвета. Тут всё было ясно без слов: сослуживцы знали, каковы взгляды Фейна. Сержант яро исповедовал старую веру, отступившихся от неё гвендлов презирал — но даже такие соплеменники ему были дороже чужаков.

Дезертиры наверняка поняли, что ничего хорошего их уже точно не ждёт.

— Выкапывайте, пидоры. Живого первым.

Подростка скоро вытащили из земли. Он оказался гораздо выше Кудряшки, но страшно худым — кожа да кости, и на ноги подняться не сумел. Фейн склонился над ним, смерив не самым добродушным взглядом. На шее мальчика болтался деревянный крестик.

— Отступившийся, значит. Ну как? Помог вам Творец Небесный?

Подросток ничего не сумел ответить. Только трясся и ошалело вращал глазами, лёжа на земле. Когда сержант сорвал с него крестик и повторил вопрос, мальчик забился в истерике.

— Фейн, ты дурак? Чего пристал к нему?

Это был женский голос, голос матери Кудряшки — из того же древнего народа. Фейн позволял ей подобную дерзость: характер у Милдрит был покрепче, чем у иного мужчины. Могла бы и сама сражаться, будь в отряде такое принято. Женщина закутала мальчика в чёрный солдатский плащ и прижала к груди — лишь тогда он немного успокоился.

— Вроде целый...

— Чего с ним делать?

— Ну не бросать же! — огрызнулась Милдрит. — Наш ведь...

— Да ни хера не делать... Верно говоришь: наш. Тащите в телегу. — распорядился сержант.

Мало хорошего Кудряшка видел на войне, но всё это вовсе лежало за гранью. Он ведь

сам был почти ребёнком, потому едва не расплакался: удержал лишь страх перед отцом. Фейн, впрочем, всё равно отвесил Кудряшке подзатыльник.

— Чего нюни распустил?

Трупы тоже вытащили на поверхность. Старики, женщины и подростки: деревенские мужчины, видимо, живыми не сдались. Увы, никто не оказался столь же везучим, как мальчик с крестиком.

Говорят, выживает вопреки всему тот, кто пуще других жить хочет. Этот тщедушный долговязый мальчишка, наверное, и до ямы вечно боролся за жизнь. Такие хилыки не всякую зиму перенесут, что говорить о подобном испытании.

Фейн велел стащить трупы в какой-нибудь дом и поджечь: не лучшая последняя милость, однако оставлять тела гнить никто не хотел. Дезертиров бросили внутрь вместе с жертвами. Хижина, несмотря на сырость, занялась быстро. Кудряшка стоял к огню ближе всех: так близко, что жар почти опалял лицо. Очень хотелось согреться.

Вопли сгоравших заживо дезертиров тоже немного грели.

Уже далеко за полдень отряд выдвинулся к форту.

Это была, конечно, не великая твердыня: простое деревянное укрепление, способное защитить от случайной банды — но не представляющее проблем для серьёзного отряда. По всей видимости, внутри это прекрасно понимали: вида знамени с волчьей головой хватило, чтобы парням Фейна немедленно открыли ворота.

Местный лорд оказался крепким мужиком, на благородного человека не особенно похожим. Едва ли он был старого рода: наверняка получил земли за какие-то личные заслуги перед маркизом. Может быть, храбро сражался в молодости. Или как-то раз спас сюзерена на охоте. Или хотя бы от похмелья, сгоняв поутру за пивом — кто знает? Такие нынче настали времена. Благороднейшие люди в один миг теряли всё, и также молниеносно многие поднимались из грязи.

Воинов лорд встретил со хмурым лицом.

— Братъ с нас нечего, сразу говорю. Сами последний хер без соли доедаем. Бабы нужны? Баб в избытке.

Форт оказался забит под завязку: не протолкнуться от хилого деревенского мужичья, насмерть перепуганных женщин да сопливых детей. Люди оголодавшие, натерпевшиеся страха, близкие к полному отчаянию. Местные плотно обступили Фейна и его бойцов, каждый с немой мольбой в глазах: Кудряшка понимал, что местным от войны порядком досталось. И надежды на то, что бойня скоро прекратится, очень мало. Этим людям не приходилось строить планов — дожить бы до следующего дня. Что в немалой степени зависело теперь от солдат Фейна.

Командир всё равно задал вопрос о деревне, на что мелкий лорд отвечал безо всякого стеснения.

— Ладно бы простое отребье! Да тут под сотню недобитков гуляло: свои, чужие, поди пойми... Бандиты как есть. Неделю всё в округе жгли, сволочи. А у меня людей, которые копьё да арбалет держать могут — видал, сколько? Кот наплакал. Вот мы и серились: удержим ли частокол, если на нас ползут... Не решились, хвала Творцу Небесному. И припасов, знаешь ли, не густо осталось в замке. Чем мне людей накормить? Только зима кончилась. Сам месяц мяса не видел. Я сколько смог, столько черни забрал за стены, а прочим уж Творец Небесный защитник.

Несложно было истолковать мрачное выражение лица Фейна. Лорд и сам всё прекрасно

понимал. Кудряшке он не нравился, но у юноши ума накопилось достаточно, чтобы разобраться, почему всё происходит так, а не иначе.

— Ну, делай со мной чего хочешь. Я тебе честно скажу: да, мне свои люди дороже тех, которые сюда лет десять припёрлись. И тебе тоже свои дороже чужих. Понимать должен! Колотила гвендлская баба в ворота: мол, хоть сына возьми, он ведь твой. А я помню, что ли, кого да когда у себя на земле поимел? Может, и правда мой. Проку с детей мало, лишние рты — и всё. У меня законных семеро. Самому жалко было, вот веришь-нет, я ж нормальный человек... Но что поделаешь?

— Выходит, вы неделю со стен глазели, что вокруг творилось?

Местный лорд раздражённо фыркнул. Мальчик лет восьми, весь в струпинах от тяжёлой болезни, прижался к нему и захныкал. Девочки-близняшки робко выглядывали из-за спины отца.

— А скажи: ты кто такой, чтобы меня судить?

На это сержанту ответить было нечего. Кудряшка про себя согласился: не им осуждать человека, отчаянно старавшегося выжить в это мрачное время — да сберечь хотя бы немногих своих людей. На войне быстро избавляются от иллюзий.

Ничего солдаты не получили с этого форта. Да и стратегической ценности в укреплении не виделось никакой. Только несколько местных девок увязались за отрядом, рьяно убеждая, что пригодятся: видимо, дома им окончательно всё опостылело. Кудряшке одна приглянулась, и он отвлёкся от мрачных мыслей, представляя себе всякое. Женщины у него до сих пор не было.

На обратном пути отец отвлёкся, и юноша уличил момент забраться в телегу, чтобы хоть немного отдохнуть. Ноги уже едва шевелились, плечо нестерпимо болело. Бабы собрались у переднего борта и вполголоса говорили о своём. Спасённый мальчик сидел напротив, бесцельно глядя назад — в сторону уходящей за горизонт крепости, подле которой прежде жил.

Он более-менее успокоился и дрожал теперь скорее от холода, чем от страха — зябко кутаясь в шерстяной плащ. Лицо подростка без грязи, которую более-менее отёрли, выглядело ещё хуже прежнего. Всё в какой-то сыпи. Кудряшка плохо представлял, что с пареньком будет: на человека, подходящего в рекруты, дохляк совсем не походил. Его бы бросили, не заступись Милдрит. Мать Кудряшки была женщиной по-своему доброй, хоть и убила людей больше, чем он сам пока успел.

Впрочем, рассуждал Кудряшка — этот мальчик лагерь особо не отяготит, а уж на самую простую работу как-нибудь сгодится. Отряд под чёрным знаменем с белой головой волка не голодал, в отличие от несчастных жителей измученных войной земель. Наниматели платили щедро, хотя и с задержками, а трофеи рано или поздно появятся.

Ничего: когда-нибудь эта война закончится. Не может ведь в жизни быть одна война?.. Кудряшка очень надеялся увидеть нормальную, мирную жизнь. Без крови и страданий. Изучить какое-то ремесло, построить дом и жениться: нехитрые у него водились мечты.

— Ты не бойсь. — заговорил юный солдат. — У нас кормят хорошо. И с нами не страшно: всё время побеждаем. У нас гвендлов много, хорошо нашему брату в отряде. А ты какого клана?..

Мальчик даже не посмотрел на Кудряшку. Ох, ну и глупый же вопрос тот задал: какие кланы? Так далеко от Орфхлэйта могло занести лишь давно крещёных гвендлов, которых отчего-то погнали с насиженной земли. К лесу, что далеко на северо-востоке, им пути не

нашлось: вот и направились в противоположную сторону. Но всё равно не обрели покоя.

Не получив ответа, Кудряшка сам продолжил:

— А я из клана Нэйрнов. Ангус Нэйрн. Только отца изгнали из Орфхлэйта. За убийство. Вот мы и тут... Батя в Волчьем Легионе служит, уже десять лет. Сержантом! Его зовут Фейн а матушку Милдрит. Я сам пехотинцем младшим уже год... Имя-то есть у тебя? Как зовут?

— Шеймус. — едва пробормотал мальчик.

Ангус, которого все называли Кудряшкой, ободряюще похлопал Шеймуса по плечу — от чего тот невольно вздрогнул.

— Ну вот, так-то лучше. Будем знакомы! Авось подружимся...

ЛЮДИ СЕРЕДИНЫ (часть четвёртая). Глава 1

Ирма проснулась от сильного удара по рёбрам. Она не сразу поняла, что происходит.

Конечно, Шеймус не сделал это специально. Повернувшись к капитану, женщина увидела, что он сел на постели и схватился за клинок, который всегда держал рядом. Очень длинный кинжал: человеку поменьше сошёл бы за короткий меч.

Шеймус тяжело дышал. Он сжался, готовый к броску. Направлял оружие в темноту на вытянутой руке — напряжённой и твёрдой, ничуть не дрожащей. Снова ночные кошмары: похоже, капитан метался во сне и нечаянно ударил Ирму локтем.

Никакого врага в их роскошной спальне не было. Обычная история.

Капитан и сам это понял.

— Блядь...

Он отшвырнул кинжал: оружие со звоном улетело под трюмо. За дверьми послышался шум. Это среагировала охрана, всегда держащая ухо остро.

— Всё в порядке! — выпалил Шеймус.

Шум сразу стих. Капитан уткнулся лицом в подставленные ладони и застонал.

Ирма обняла его сзади, покрыла поцелуями плечи и шею. В постели к ним было просто подобраться: это стоя Ирма едва доставала Шеймусу до груди. Закалённое боями и тренировками тело, усыпанное веснушками и пятнами, покрылось холодным потом.

— Успокойся, милый... всё хорошо. Я здесь, я рядом... Что тебе приснилось?

Может быть, битва при Тагенштайне. Или Бахадосское поле. Или тот проклятый горный перевал, или... что сказать, у Шеймуса хватало тяжёлых воспоминаний. Как и у Ирмы, и у кого угодное ещё в отряде. Интересно, крепко ли спят остальные наёмники?.. Большинство — едва ли. Разве только Ангус: ему всё нипочём.

— Яма. — еле прошептал Шеймус.

Ирма знала эту историю. Она была одной из немногих, кто знал — наряду с Ангусом и, может быть, ещё десятком самых заслуженных ветеранов вроде Люльи. Тех, кто сражался вместе с капитаном больше четверти века.

Даже она услышала случайно: Шеймус рассказал однажды, когда был сильно пьян и порядком разбит. Страшная история. Каждый раз колело сердце, когда Ирма думала об этом — хотя у самой имелась история немногим лучше.

— Всё хорошо. — повторила она. — Успокойся, тебе нужно поспать. Завтра так много дел...

Она уложила Шеймуса, прижала его голову к своей обнажённой груди. Наверное, всякого мужчину это успокаивает. Ирма запустила ногти в растрёпанные волосы капитана: под лунным светом гвендлский медовый оттенок казался более заметным, чем обычно.

На всякий случай она проверила повязку. Рана, полученная при штурме Фадла, ещё не совсем зажила. Откровенно говоря, заживала она плохо — куда хуже обычного. Кресс объяснял это тем, что ранение само по себе очень неудачное, а капитан вдали от посторонних ушей сетовал: стареет. Дескать, лет двадцать или даже десять назад «такая царапина» (хорошенькие слова для глубокого укола саблей подмышку!) затянулась бы за неделю — но она беспокоила и спустя почти месяц. Правая рука по-прежнему работала хуже, чем нужно.

Понятное дело, что он действительно старел. Никто на пятом десятке не остаётся таким, как в молодости.

Вскоре Шеймус уснул в её объятиях. Ирма любовалась отражением в огромном потолочном зеркале, висевшем над кроватью, где бы хватило места десятерым. Рядом с Шеймусом она казалась совсем крохотной, ребёнком. А капитан выглядел в отражении не так, как обычно. Стоя, он пугал окружающих колоссальным ростом, кривой фигурой и ненормально длинными руками, почти достающими до колен. Но сейчас выглядел как некоторые персонажи древних фресок: идеально сухие, состоящие сплошь из крепких жил.

В темноте Ирма и сама себе нравилась. Ночью в зеркале было не разглядеть так смущавших её крестьянских черт лица — оставалась только фигура, а уж тут лимландка ни на что не жаловалась. Она усмехнулась, представив видимое в зеркале картиной модного художника. Что-то вроде короля и королевы наёмников, а почему бы и нет...

Ирма вспоминала собственный недавний сон. Подобные видения в последнее время повторялись нередко.

Она видела всадника, скакавшего по бескрайнему полю, что поросло высокой травой. Всадника с позолоченной саблей, в богатом чешуйчатом доспехе, совсем не похожем на те, которые носили наёмники. Воин нёсся вперёд, чуть привстав в стременах, и женщина не могла видеть его лицо. Она видела только длинные рыжие волосы, развевающиеся на скаку, и фигуру. Всадник был не настолько высоким и не настолько худым, как Шеймус, но всё равно со спины чем-то напоминал капитана.

Ну нет, уснуть сейчас точно было невозможно. Нужно вино!

Ирма осторожно переложила голову Шеймуса на подушку, слезла с кровати, надела на голое тело халатик из тонкого шёлка. Тихонько подошла к столу, но обнаружила, что графин почти пуст. Там едва осталось на половину бокала.

Половина лучше, чем ничего. Наполнив хрусталь кроваво-красной жидкостью, лимландка вышла на огромный балкон.

— Как в сказке...

Иначе об Альма-Азраке, столице Мураддинского халифата, сказать было нельзя. Возможно, Марисолема могла сравниться с ним в великолепии — там Ирма не бывала, но какой-либо ещё город на свете... Ох, едва ли.

Альма-Азрак полумесяцем раскинулся на берегу огромной бухты: с севера сверкали под луной волны океана, а вдалеке на юге возвышались величественные дюны. Почти все дома здесь — и маленькие, и большие, были выкрашены насыщенным синим цветом. Говорят, именно поэтому столице дали такое название... или всё было наоборот? Из дворца, в котором разместился капитан со свитой и старшими офицерами, хорошо просматривались купола храмов, тонкие силуэты тянущихся к небу минаретов, древний форт на берегу, мачты бесчисленных кораблей в гавани. Казалось, будто порт зарос лесом — настолько много их было.

И разумеется, воистину поражающий своим величием дворец халифа. Огромное здание в форме куба, даже выше храмов — оно просто подавляло человека масштабами. К тому же дворец был сложен из диковинного чёрного камня. Днём причудливые узоры и надписи мураддинской вязью, выведенные на матовой чёрной поверхности золотом, ярко сияли — словно светились изнутри. Сейчас же их не было видно. Своей чернотой дворец немного пугал, тем впечатляя ещё сильнее.

Город был огромен. Больше любого, который Ирма когда-либо видела. Наверное, даже

больше любого, какой она могла себе представить. Как хорошо, что до Альма-Азрака не дошла война! Меньше всего хотелось бы увидеть его в огне и дыму, залитым кровью. Даже разграбленный Фадл женщине было самую чуточку жаль, а столица — ещё красивее и величественнее.

Ирма поставила хрустальный бокал на перила из полированного мрамора. Ночной ветер приятно трепал распущенные волосы, задувал в глубокий вырез халата. Совсем не жарко, но и вовсе не холодно — как бывает по ночам южнее, в пустыне.

— Всё спокойно! — перекрикивались на мураддинском стражники.

Действительно, всё было спокойно. Полная луна, мягкий ветерок, запах фруктовых деревьев и сказочно красивый город перед глазами. И вино было вкусным, и шёлк приятно прилегал к коже. После изнурительной военной кампании, продлившейся больше года, всё это по-настоящему ублажало. Даже в Фадле не ощущалось подобного: то была лишь трехдневная передышка, да с запахом гари и крови. Совсем иное дело теперь.

Ирма глядела на север, на чуть рябящий океан. С ума сойти, ведь...

Мать Ирмы за всю свою жизнь покидала родную деревню раза три или четыре — да и то ездила лишь до соседней. Отец пару раз в год бывал на ярмарках в ближайшем лимландском городке. Оба никогда не видели ничего, кроме окрестностей родного дома — живописных травянистых низин, мелких речушек и невысоких холмов. Оба не умели читать и едва ли что-то знали о землях за пределами крохотного Лимланда. Даже никогда не видали холодного океана, омывающего запад Ульмиса, по берегу которого тянулось родное королевство.

То же самое определённо было уготовано Ирме, когда её в семнадцать лет выдали замуж за Михела, зажиточного фермера. Она ведь считалась завидной по местным меркам невестой: большинство лимландок были совсем уж плоскими с обеих сторон. Ирме в этом плане от природы досталось пусть немного, но хоть что-то.

Они спокойно прожили вместе несколько лет, а потом всё повернулось по-другому. Сейчас Ирма даже не могла толком вспомнить лицо Михела. Да и родителей помнила едва-едва, если честно.

Зато она повидала целый огромный мир. Пасторальные поля герцогств и графств Норштата (пусть к тому времени и напитанные кровью больше, чем дождями), густые леса у подножия гор Ург на востоке. Очаровательные городишки на границе Балеарии и могучие замки на границе Стирлинга. Пышные виноградники Тремоны, лазурное южное побережье, заснеженные перевалы, древние руины бывшей столицы Старой Империи.

А потом были Аззинийские острова, населённые чернокожими людьми, сухие шерские пустыни и душные джунгли Муанга. Сожжённые Рачтонг и Фадл тоже оставили яркие воспоминания.

И теперь Ирма пила вино, глядя в сторону родины с другого края света. В юности она и вообразить не смогла бы подобного. Это действительно была сказка: пусть не из таких, какие станешь рассказывать детям.

«Со временем все воспоминания становятся хорошими» — так говорила мать, и теперь Ирма точно знала, что это чистая правда. Она нечасто вспоминала реки крови, осиротевших детей, страдания раненых, братские могилы, разорённые поселения, голод в осаждённых городах и ярость тех, кто брал эти города штурмом. Те моменты, когда ей было страшно. И когда хотелось не проснуться на следующий день. Гораздо чаще память предлагала что-то яркое, тёплое, светлое.

Стоило ли оно того?

Об этом лучше не думать.

А вот о чём подумать стоило — так это о вине, потому что половины бокала не хватило. Нужно пойти к бочкам, наполнить кувшин заново. Уснуть сейчас в любом случае не грозило, так что...

Осторожно ступая босыми ногами по мрамору, чтобы не потревожить Шеймуса, Ирма вышла в гостиную.

На софе в углу восседал Айко, из-за чёрной кожи почти не заметный в темноте. Его широченная грудь мерно поднималась и опускалась, голова была запрокинута, мясистые ладони лежали на толстом гранёном древке двуручного топора — Ирма за такое толком и не ухватилась бы. Айко редко видели не рядом с Шеймусом, и в сравнении с Ржавым Капитаном он казался вполне обыкновенным солдатом. Но сейчас, когда Шеймуса рядом не было — становилось очевидно, насколько аззиниец на самом деле огромен.

— Не сплю. — пробурчал Айко.

Кто бы сомневался?

Можно было отправить за вином его, но Ирме всегда было неловко командовать. Она обулась и вышла из покоев.

В широком коридоре прислонился к стене Идвиг Дровосек, закутавшийся в «ржавый» плащ, будто замёрз тёплой ночью. Его густая борода странно пошевелилась — видимо, это была улыбка.

— Не спится, Ирма?

— Вроде того. Я за вином.

— Как капитан? Я слышал...

— Всё нормально, не волнуйся.

Ирму очень смущало то, как Идвиг на неё смотрел. Давно уже поглядывал. Она, конечно, убеждала сама себя: мол, они ведь земляки — вот и весь секрет! Но на самом деле женщина прекрасно понимала, что суть в ином. Наверняка понимали и другие. Шеймус по этому поводу вида не подавал, но ситуация Ирме всё равно не нравилась. За десять лет у капитана не случилось повода показать, ревнив ли он — однако никакой человек в здравом уме не захотел бы это проверить.

Шеймус очень редко выходил из себя, но все в отряде знали, как это бывает. Ничего хорошего. Один Рачтонг вспомнить... это было жутко и отвратительно. Даже по меркам войны.

— Давай схожу с тобой? Вальфри сменять меня через час, могу сейчас разбудить. Он мне в карты должен.

— Пусть Вальфри поспит. Что со мной случится? Это же дворец, я на улицу не пойду.

— Хорошо.

Идвиг так улыбнулся, слово хотел добавить нечто вроде «солнышко». Или «милая». Или даже «любимая». Брр! Лучше о таком не думать.

Дворец казался мирно спящим, хотя лимландка прекрасно знала: по его тёмным углам полно вооружённых людей, которые начеку. Как ни прекрасен был Альма-Азрак, ситуация складывалась напряжённая. Пусть верхушке отряда предоставили великолепное жилище, но вообще-то в столице наёмников встретили холодно. Полководцы мурадинов представили всё при дворе чудным образом: будто Камаль-бея они разбили в поле. Разумеется, разбили сами: заслуги наёмников вообще не упоминались.

Не требовалось большого ума, дабы понять: подобная легенда означает, что Ржавый отряд якобы разграбил Фадл просто так. А Фадл был священным городом, и пахло всё это неприятностями. Ирма видела, что Шеймус сильно нервничает. Пусть эмоции капитана почти никто никогда не мог прочесть, но она-то умела. И даже вечно беззаботный Ангус казался каким-то не таким весёлым.

Ничего, они разберутся. Ирму сейчас интересовало только вино.

Чтобы добраться до желанного напитка, нужно было спуститься вниз и пересечь внутренний дворик. Держа подмышкой кувшин, Ирма вышла под открытое звёздное небо — и не поверила своим глазам.

Узкий дворик, выложенным похожими на шахматную доску чёрно-белыми плитами, должен был пустовать — в крайнем случае один-два часовых. Однако здесь оказалась целая толпа народу — и на это никто не обратил никакого внимания.

Да что уж там: это не обычная толпа.

Разодетые в шелка и сатин люди казались свитой какого-то очень богатого, знатного человека. Все они были вооружены, многие — одоспешены, но клинки и броня выглядели странно. Ирма ещё никогда не видела подобного. Кожа большинства этих людей оказалась тёмной, однако черты лиц ей совершенно не соответствовали. Никаких толстых губ, широких носов и мощных бровей аzzинийцев. Да и на мураддинов эти воины не походили.

Но ещё более удивительным оказался человек, которого они сопровождали.

Он въехал во двор верхом на верблюде. Слуги склонились у бока животного, образовав собой лестницу: один чуть опустил голову, другой согнулся пополам, третий встал на четвереньки. Господин сошёл по их спинам на землю.

В отличие от слуг, его кожа была бледной, похожей на тонкую рисовую бумагу — прямо как у Ирмы. Он оказался совсем юным, не старше двадцати. Загадочный господин не носил выше пояса ничего, кроме несусветно вычурной короны — а ниже был облачён в сотканые из удивительной ткани шаровары и остроносые сапоги из переливающейся в лунном свете кожи.

Ирма разинула рот от удивления и не могла пошевелиться. Не могла даже закричать, хотя это очень хотелось сделать — происходило что-то... не то.

Юноша приблизился. Он был очень красивым, но скорее красивым по-женски — отчасти даже напоминал девушку. Хоть одежды выше пояса не было, из драгоценностей странный гость носил не только корону. Он оказался весь увешан браслетами, цепочками и перстнями, тут и там хрупкое тело покрывали серьги. Словно древний золотой идол.

— Не бойся меня, Ирма. Я не враг тебе, не враг Заржавевшему человеку и его людям. Я пришёл с миром. Я пришёл из любопытства.

Женщину это не очень убедило. Она отступила на пару шагов и охнула, ощутив спиной стену.

— Кто вы?..

Юноша улыбнулся. Его зубы были идеально белыми и идеально ровными — красивее любимого жемчужного ожерелья Ирмы.

— Ты много раз обо мне слышала. Когда местные человеки славят Иама и проклинаят Амоама — они так или иначе говорят обо мне. Но я не люблю эти имена. Когда-то давно, ещё до прихода мураддинов, меня называли Отцом Пустыни. Но и это глуповато: ведь я не породил её, а только получил в дар. Не люблю этот пафос. Я лишь пыль и песок, я сухой ветер и полуденный зной, я мираж среди барханов. Однако моё истинное имя ты едва ли

выговоришь. Так и быть: зови меня Отцом Пустыни.

По внешности загадочного человека и его свите трудно было сказать, что он скромен. Но спорить Ирма, конечно, не стала.

Отец Пустыни продолжал тепло улыбаться. Несмотря на весь ужас, который лимландке внушала ситуация, в нём самом действительно не ощущалось угрозы. Ирма всё равно невольно схватилась на равносторонний крестик, болтавшийся на шее. Юноша вздохнул.

— Не нужно, Ирма. Во-первых, я правда тебе не враг. Во-вторых — тот, чей символ ты носишь, слишком далеко. И давно безмолвствует. Он ничем не помог бы тебе, даже будь это нужно.

— Откуда вы знаете?.. — единственное, что удалось вымолвить вмиг засохшими губами.

— Я ведаю все дела мира, таков мой особый дар — особый даже по меркам тех... к кому я принадлежу. Именно потому и захотел взглянуть на тебя.

— Я?.. Что?.. Почему?..

— Я узнал, что Книжник покинул свой остров и направился в Ульмис. Узнал, что затих тот, кому молятся на твоей родине. Узнал, как испуган этим Князь на востоке и что задумали Сёстры из его леса. Новая книга уже пишется, и когда оказалось, что кое-кто из её важных героев сейчас в моих землях... Раньше было любопытно, но теперь эта история захватила всё моё внимание.

Книжник и книга? Князь и сёстры? Ирма ничего не могла понять, кроме одного: юноша пытается поколебать её веру в Творца Небесного. А женщина веровала пусть не слишком истово, но больше многих. Конечно, стать героиней чьей-то книги приятно — особенно важной героиней, раз уж всё выходит так. Но...

Отец Пустыни взял Ирму за руку, чему она не смогла воспротивиться. Кожа юноши была холодной и сухой, но очень мягкой. Нежное прикосновение. Шеймус прикасался к ней совсем не так.

— Ответь мне на один вопрос.

— Вы же ведаете все дела мира?.. — дерзость вырвалась как-то сама собой.

Отец Пустыни не разозлился. Он звонко, музыкально захохотал.

— А ты отважная женщина! Это чудесно. Да, я ведаю все дела мира, но мне интересны мысли тех, кому Книжник отвёл столь важное место в своём новом труде. Поэтому всё-таки ответь... Ты ведь любишь Заржавевшего человека, правда?

— Да.

— Несмотря на то, что он с тобой сделал?

Ирма хотела сказать, что давно обо всём забыла, но эти слова буквально застряли в горле. Лгать самой себе ещё можно, но Отцу Пустыни — явно бессмысленно. Ирма не забыла ничего. Ни одной самой маленькой детали. Она выкинула из-под рыжей шевелюры очень много дурного, что случилось в жизни, но только не это.

— Ирма, ответь на мой вопрос, и тогда я отвечу на два твоих. О чём угодно. Хорошая сделка?

— Я давно ему всё простила.

А вот это было правдой.

— Да, я это знаю. Хороший ответ. Раз так, то послушай: ты должна позаботиться о Заржавевшем человеке. Он силён, возможно — как никто из живущих сейчас. Могуч телом потому, что ещё мощнее духом. Однако он всё-таки лишь человек. И ему не справиться в одиночку со всем тем, о чём нынче пишет Книжник. Но он должен. Есть те, кто рождены,

чтобы победить. Понимаешь?

Женщина вспомнила, что Шеймус с месяц назад произнёс то же самое. В дурмане, страдая от потери крови, почти засыпая... Он ли говорил с Ирмой тогда?

— Я понимаю.

— Хорошо. Каковы два твоих вопроса?

— Всё кончится хорошо?

— Нет. Как бы ни сложилась эта история, Книжник не задумал счастливого финала: ни в одном из всего множества вариантов, которые я вижу и которые выбирать человекам. Но поверь, ты не будешь сожалеть. Трудно объяснить, почему: не поймёшь. Но ты вспомнишь мои слова после.

Странно, что она вообще задала столько пространный вопрос. А вот второй вышел простым и естественным.

— Я ещё увижу Лимланд?

Юноша покачал головой.

— Нет. Ты увидишь очень многое, тебе предстоит удивительные вещи. Даже вообразить их сейчас трудно. Но домой ты больше никогда не попадёшь. Прости.

Жаль, но это было не самое страшное, с чем Ирма сталкивалась в жизни. И уж точно не самое ужасное, что она могла представить.

А затем всё рассеялось. Ирма только услышала звон, с которым разлетелся вдребезги кувшин, выскользнувший из рук. Ничего больше не было во внутреннем дворике: ни Отца Пустыни, ни его свиты. Только слышался топот: это спешил на помощь Идвиг, сжимающий алебарду.

— Ирма! Ты в порядке?!

Она не нашла слов, чтобы ответить.

Игги старался играть на лютне как можно громче: шум из-за шторы, отделявшей угол комнатухи от остального пространства, его порядком раздражал. Кеннет пыхтел и рычал, а девчонка визжала так, будто её резали.

Хорошо бы в самом деле не резали, а то с Кеннета станется.

Ничего не попишешь: хотя город портовый, он всё-таки не безразмерный — и лучше уж такая тесная комната в более-менее нормальном доме возле порта, чем лагерь за стенами. Лагерями солдаты уже были сыты по горло — слишком долгая кампания. Нужно то, что в Ульмисе называли бы «зимними квартирами», пускай в халифате не бывает никакой зимы.

— Кеннет, ты сраное животное! Можно потише? — рыкнул Арджи, которому всё это тоже надоело.

Кеннет ничего не ответил. Девчонка продолжала верещать: крики перемежались фразами на непонятном никому из солдат языке. Она не была мураддинкой. Незадолго до прибытия наёмников Альма-Азрак оказался наводнён беженцами: это были толпы ашраинов, этнического меньшинства халифата. Насколько Игги понял путанные объяснения через третьи руки, ашраины исповедовали иную религию, говорили на собственном языке и когда-то давным-давно правили всеми землями севера Шера — до прихода мурадинов. В последние века положение их стало незавидным, а особенно печальным сделалось из-за неких последних военных событий. Игги не знал подробностей.

Потому многие тысячи людей и ломанулись в столицу. Первые волны проникли в город, но теперь ворота закрылись: колоссальная масса людей скопилась под стенами, будто осадившее их войско. Оставшихся пытались ловить и выгонять прочь, но получалось так себе.

Вот Кеннету и взбрендило в голову трахнуть ашраинку: мол, никогда не пробовал! Найти готовую отдаться за деньги, конечно, не стало проблемой. Хотя подписывалась ли она на то, что второй час творилось за шторой — большой вопрос.

Но наёмникам стоило благодарить ашраинов не только за приток дешёвых шлюх. Именно из-за закрытых городских ворот весь отряд пустили в город.

Мурадины явно не хотели этого делать, но как бы ни говнились в адрес наёмников — всё-таки нельзя было совсем не пойти им навстречу. Одно дело, кабы «ржавые» жили за стенами и ходили в город по всяким нуждам нехитрого солдатского отдыха, другое — когда в город толком не попасть. Так уж точно не годится.

Мало кто в Альма-Азраке был рад наёмникам. На «ржавых» смотрели не с большей теплотой, чем на ашраинов. Но у наёмников было оружие, а у этих бедолаг — нет. Вооружённые люди всегда получают хотя бы толику уважения.

— Кеннет! Может, ты ей хоть рот заткнёшь?

Это Карл оторвался от жареной курицы, которую безо всякого изящества манер поглощал, с противным звуком обсасывая кости. Ответа опять не последовало.

Комнатуха была, конечно, убогая — не чета роскошному дому, который товарищи захватили в Фадле. Так, конура для нищих моряков в кособоком трёхэтажном здании. Но зато отсюда их никто не погнал бы через три дня: отдых намечался длительный. Пока командиры сговорятся о деньгах, пока их получают, да и возможность поставить на ноги раненых отряду обещали. На такой службе, конечно, трудно ручаться за завтрашний день —

однако были основания рассчитывать хотя бы на месяц в городе.

Нет, жаловаться не на что. В конце концов, и такие удобства досталось далеко не всем. Большая часть бойцов жила в лагере при лазарете, который разбили на окраине города: там имелась подходящая площадь.

Кстати, о лазарете...

— Надо бы навестить Бо. Глянуть, как он там.

— Да чо значит «как»? С обозными жёнами любезничает, как ещё. Рана у него — фигня полная!

— Ничего себе «фигня»! Да и в любом случае, он наш человек. Нашей десятины. Навестить надо.

Игги только привыкал командовать. Иногда он даже забывал, что вообще-то обязан это делать. Слишком непривычно и для него самого, и для товарищей. Но так решил сам капитан — кто с ним поспорит? Только полный кретин.

— Так точно, чо... Кеннет! Слыхал десятника? Сворачивай своё херосуйство! Есть дела поважнее...

Кеннет был кем угодно, но точно не человеком, игнорирующим приказы. Так что он наскоро закончил свои дела и показался из-за шторы — с мерзкой улыбкой до ушей, на ходу натягивая подштанники.

Если не знать, какой Кеннет отморозок и мудак, то он даже мог вызвать симпатию. Высокий, без пуза, широкоплечий, с простым, но мужественным лицом. Его бы постричь нормально, переодеть по придворной моде — более-менее сойдёт за самого задрипанного рыцарюшку. В десятине вообще не водилось красавцев с картин: Арджи годы ничуть не пожалели, Карл был жирным и волосатым, словно обезьяна.

Когда-то Игги был хорош собой, но не теперь.

Его ужасная рана полностью зажила, но юный командир продолжал заматывать половину лица. То, во что эта половина превратилась — кошмар. Уродство тяготило больше, чем потерянный глаз. Игги и одним отлично видел, а вот как на него самого смотрели теперь...

Он тогда зазевался всего на миг. Поторопился, высунулся не вовремя. Один удар — и вот, теперь он достойный командир компании уродов. «Шрамы украшают», ну конечно...

— Давайте, собирайтесь.

— С оружием идём?

— Нет, с дымящимися наперевес! Без оружия ходить не велено. Нас тут любят не больше, чем в Фадле.

Поскольку Игги вырос в Ржавом отряде, он сизмальства привык к ненависти окружающих. Наёмники хорошо зарабатывают, иногда даже заслуживают какую-никакую славу, но уж точно не стяжают любви. Для обычного человека те, кто готов убивать за деньги, едва ли понятнее, чем для самих наёмников — здоровые мужики, тратящие жизнь на ковыряние в земле и подобную чушь. Нахрена так жить? Бред какой-то.

Жизнь в отряде тоже не мёд, но у неё есть хоть какие-то плюсы. А ради чего влачат существование те, кто не воюет, Игги вообще никогда не мог в толк взять.

Девчонка выскользнула из угла, второпях натянув платье. Она была не старше Игги, стройной и с симпатичным личиком. Ащраины внешне не очень отличались от мурадинов, но всё-таки отличались. Чуть менее смуглые, почти все — кудрявые и светлоглазые. Вот и она тоже.

— Кеннет, сколько ты ей дал?

Ещё месяц назад Кеннет ответил бы что-то вроде: «А твоё какое дело? Пошёл в жопу!». Но теперь он уже не имел права игнорировать вопросы Игги.

— Ну, пяток медяков дал.

Даже Карл закатил глаза.

— Ну ты и сволочь! У тебя монет больше, чем она в жизни увидит. Девчонка же старалась!

— Чего пристали? Сколько попросила, столько и дал.

— Ой, всё...

Игги запустил руку в кошель на поясе, вытащил оттуда серебряную монетку с отверстием в центре. У стен Фадла он получил такую за необычайно меткий выстрел, да ещё прямо из рук лейтенанта Бенедикта. Тогда это были для него немалые деньги. Теперь же серебро водилось...

Игги протянул монету девушке. Та залепетала по-мураддински.

— Карл, чего она говорит?

— Что даст и тебе, но просит отдыха.

А ведь когда-то эти люди правили всей Великой пустыней!..

— Да нет, я ж не к тому, я не хочу... не том смысле, что тебя не хочу, ты очень красивая, в смысле... ох. Карл, объясни ей! Пусть просто возьмёт монету и проваливает.

Когда до ашраинки дошло, она схватила монетку с протянутой ладони Игги так быстро, как змея жалит. След ей простыл тотчас. Похоже, Игги сильно сократил число солдат и моряков, которых девушке предстояло обслужить в ближайшее время.

Ну, хоть какой-то хороший поступок.

— Ты теперь всегда моих шлюх будешь оплачивать? — усмехнулся Кеннет.

— Обязательно, если станешь убивать за меня. Пошли уже!

Вскоре они уже шагали по улице, застроенной нежно-синими, как воды бухты, домами.

Каждый второй оборачивался вслед компании наёмников. Ульмисийцы в портовом городе сами по себе не очень удивляли. Но несусветно кричащие, прямо-таки попугайские наряды солдат не могли не привлекать внимания. Пусть одежды порядком износились за время похода, они всё равно поражали местных буйством красок и гротескной помпезностью. Пышные буффы, длинные разрезы верхнего слоя ткани, огромные гульфики, набитые песком, плотно облегающие мускулистые ноги шоссы — едва ли что-то могло меньше напоминать костюм, принятый в халифате.

Сам Игги новым костюм справиться не успел: он по-прежнему ходил в потёртом, насквозь пропитанном потом оранжево-красном гамбезоне. Зато плечи покрывал «ржавый» плащ, прямо с иголочки. У остальных, конечно, тоже были заслуженные плащи — но не такие новые.

Плащ хоть как-то скрашивал уныние от увечья и волнение от внезапно обрётённой должности. Тут всё честь по чести: Игги заслужил, с этим никто бы не поспорил. Возможно, никто раньше и не получал плащ в таком юном возрасте. С другой стороны, нанятым на островах аззинийцам они куда быстрее достались: чернокожие оказались уж очень сильными и свирепыми бойцами.

— И кстати, о монетах... надо скинуться для Флори. Её теперь кормить некому.

— Я бы её покормил!

— Кеннет, я тебя ослиным дерьмом накормлю за такие разговорчики.

— Да чо я не так сказал?..

— Знаю я тебя! Без никакой херни, понял? Только прикоснись к ней!

— Да она, может, сама попросит... — пробурчал Кеннет себе под нос.

Позаботиться о вдове Густава виделось необходимым. Во-первых, тот всегда был добрым другом и прекрасным командиром. Во-вторых, девушка вроде как осталась при десятине, хоть никто обозных жён к солдатам и не приписывал. Их всё равно не хватало на всех, само собой, не то отряд стал бы похож на табор кочевников. А молодых и красивых, которые всякому солдату интереснее — того меньше... Но пока Флори в отряде податься было больше некуда, это факт. Нужно о ней позаботиться. Девушка всегда была добра и к Игги, и к остальным. Даже к Кеннету.

Они шли через город, волоча на плечах аркебузы, придерживая фальшионы и тесаки на поясах. Шлемы и кирасы быстро нагрелись под солнцем. Дети глазели на наёмников с интересом, иные женщины — с огоньком в глазах. Но в основном взгляды источали ненависть.

Весь Альма-Азрак винил наёмников за поругание святого города, потому что именно такая версия недавних событий по столице разнеслась. Солдат, которым штурм Фадла дался потом и кровью, это бесило едва ли не больше, чем мураддинов — осквернение святыни.

Утешало лишь одно: Фадл принёс много трофеев, много денег. А эти мудаки так и будут жить в своём дерьме.

Впрочем, вид лагеря напомнил и о другой горечи.

Площадь не была мощёной, в отличие от прочих — обычная земля под ногами, и это очень кстати. Здесь поставили великое множество палаток и тентов, благо что пространства с лихвой хватало, и оградили укреплёнными обозными телегами — не хуже частокола. Местные на всё это смотрели с изумлением: действительно, будто кочевое племя обосновалось в городе.

Но дело-то было не только в нехватке свободных домов.

Штурм Фадла обернулся тяжёлыми потерями: многие умерли за неделю после него, а многие не перенесли дорогу к столице. Отряд сократился на добрую треть. Но раненых до сих пор было полно, а без хорошего лазарета их не выходишь. К счастью, Кресс знал своё дело, подмастерий натаскивал отлично, да и обозные жёны старались изо всех сил.

— Здоров, братушки!

Навстречу Игги и товарищам вышел балеарец Хуан, тоже солдат их десятины. Он успешно приударил за одной из прибившихся к отряду фадлских простолюдинок, а потому лагерь покидать не спешил. Непорядок, конечно — надо бы держаться вместе, но Игги закрыл на это глаза. Хуан на вид был откровенно мерзким: костлявый, нескладный, кривоzubый, пучеглазый, весь в прыщах. Но его точно не стоило судить по внешности. Хуан был прекрасным солдатом. Хладнокровным, смелым и очень шустро соображающим в бою. Однако чем он привлёк девушку, на которую было полно желающих посимпатичнее и побогаче — загадка.

— Здоров! Как там Бо?

— Лекари говорят, что нога при нём осталась. Плясать уже не будет, но хоть не на деревяшке.

— Славно!

Лагерь весь шевелился, как улей. Рекруты отрабатывали строевые команды и приёмы обращения с пикой, солдаты в цветах отряда бегали вокруг ограды, подгоняемые офицерами.

Часовые отгоняли местных зевак. Туда-сюда сновали подопечные Кресса: тащили вёдра, выносили из лазарета окровавленные тряпки, волокли плетёные корзины и ящики. Немногие здесь носили «ржавые» плащи: почти все солдаты на двойном жаловании расползлись по городу. Им было что проматывать в кабаках и борделях, а простой физической работой ветеранов не нагружали без нужды. Вдруг тревога, а ты уставший?

И было много женщин, конечно. Почти все обозные жёны — здесь, работы им хватало.

— Слыхали про корабли в гавани?

Похоже, Хуан узнал все местные новости, пока Игги с Карлом, Кеннетом и Арджи торчали у себя.

— В гавани кораблей — что прыщей на твоей роже.

— Ха-ха, Кеннет, ха-ха. Ты такой остроумный, шо слов нету. Твоя матушка ночью шепнула — это с пелёнок. С тех пор, как младенцем в выгребную яму уронила.

— Трахни ты мою матушку, батя бы за это пива поставил. А если в жопу — две кружки.

— Отставить! Как дети... что за корабли?

— Балеарские, говорят. Что-то вроде небольшой эскадры. Привезли то ли посла, то ли большого торговца, то ли миссионера. Хер пойми. Только ещё вот какие слухи ходят: моряки не очень похожи на таких, которые в королевском флоте.

— А на кого похожи? На тебя?

— Кеннет, завались!

— Похожи... скажем так, на кого-то вроде нас.

Интересно. Что за корабли такие, что за моряки? Вряд ли это было дело ума Игги, но всё-таки... Насколько он слышал, в балеарском флоте сейчас полный порядок, и его моряков ни с кем не спутаешь. Вроде бы их уже в форменную одежду облачили! Стоило сходить в гавань, поглядеть на те корабли. Поспрашивать. Когда ставишь людям кружку-другую, языки развязываются быстро. А Игги деньгами не дорожил, по крайней мере сейчас. Слишком быстро их стало много: двойное жалование за плащ плюс доля десятника.

— Ладно, пошли к Бо.

Однако до тента, под которым лежал Бо, Игги не дошёл. По дороге он сказал товарищам, что догонит после — и нырнул в сторону, потому что увидел кое-кого.

Гретель нынче надела не самое своё красивое платье, и грязный кожаный фартук не добавлял изящества, а её роскошные золотистые волосы были собраны в узел. Но она всё равно впечатляла, что тут говорить? Женщина отмывала запачканные кровью руки, склонившись над корытом, и на её зад глазел каждый проходящий мимо.

— Привет!

Гретель подняла глаза. Большущие, оттенка голубого льда — и с чем-то таким, что не у каждого солдата встречается. Суровая женщина.

— О, здравствуй! Ты чего всё с повязкой?

— Ну... не зажило ещё. — соврал Игги.

Кажется, Гретель всё прекрасно поняла, но развивать тему не стала.

— Красивый плащ. Говорят, ты заслужил.

— Говорят, их просто так не дают.

— О, это правда.

Хоть и до сих пор очень красивая, но Гретель годилась юному Игги в матери. И под «ржавым» знаменем стояла уже очень, очень давно. Где-то с тех времён, когда десятника зачали в обозе. Она превосходно знала, что такое плащ и как он достаётся.

— Ты чего-то хотел?

— Да. Слушай... в общем, ну...

— О, слова настоящего командира. Пора в сержанты!

Игги стало неловко, что он так мямлит. В самом деле, уже не простой солдат ведь!

— Короче, я... Фархана. Её ведь забрали из Фадла. Я слышал, что она где-то здесь.

— Может быть. И на что она тебе?

Игги сам не очень понимал, на что. Его просто мучила совесть, как это ни странно для человека, ничего кроме обычаев войны в жизни не знавшего. Может, потому что подобное с ним вышло впервые? А может, было в той девушке нечто особенное. Поди разберись, но думал он о Фархане постоянно.

— Ну... я с ней хочу поговорить.

— Миленько... — Гретель вытерла руки об свою солидную грудь. — И что ты ей скажешь?

— Ну...

Игги понятия не имел, что он ей скажет, хотя выведал у Карла кое-какие фразы на муррадинском специально для этого. «Прости»? Ну да, смешно. Ага, милая, прости: я не хотел тебе зла, просто очень разозлился на всех муррадинов из-за того, что один из них выбил мне глаз и разворотил пол-лица. А ведь я был таким славным молодым красавчиком! Правда, после насилия над тобой глаз не вернулся, но может, тебе понравилось? Вот мне понравилось меньше, чем ожидал. Но ты всё равно была лучше дешёвых шлях, с которыми доводилось прежде!

Какой идиотизм.

Гретель вдруг улыбнулась, склонив голову набок. Тонкая витая прядь выбилась из её нехитрой причёски, ледяные глаза немного потеплели.

— Мой тебе совет: забудь. Здесь у всех руки по локти в крови и дерьме. Даже у меня. А у многих по самые плечи.

Это Игги как раз понимал, только отчего-то пока не умел толком применить к себе. Хотя... если подумать: сколько людей он уже успел убить? И не прикинешь. Очень многих. Десятки. С таким багажом как-то глупо строить из себя невинность.

— Ты ведь пришёл к другу, да? Поспеш, он будет рад.

И то верно. Игги кивнул на прощание и зашагал прочь.

Ирме было стыдно подслушивать, когда Шеймус вёл совет с лейтенантами, но иногда она это делала. А потому знала, что насчёт судьбы Фарханы звучали разные мнения.

Само собой, Люлья предлагал по-тихому избавиться от девушки самым простым способом. Концы истории Мансура ар-Наджиба в воду — самое рациональное решение. Ангус говорил о том же чуть менее холодно, но всё-таки отнюдь не склонялся к милосердию. Однако Регендорф и Бенедикт были против. Оно и понятно: один всё ещё сохранял нечто рыцарское — несмотря на то, что давно лишился титула. Другой хорошо помнил, что когда-то был миссионером, и чуть хуже — о том, куда путь веры и милосердия его завёл.

Никто не приходил в Ржавый отряд от хорошей жизни, но Бенедикт — уж точно в наименьшей степени из возможных.

Шеймус отложил решение. Ему тогда ещё было очень плохо из-за раны. И тут Ирма решилась попробовать повлиять на него — редкий момент, когда такое казалось возможным.

«Я очень редко тебя о чём-то прошу, ты знаешь, но...»

Кажется, удалось.

По крайней мере, сейчас они с мураддинкой приближались к дверям капитанских покоев. Быть может, Фархана не вполне понимала, по какой великой её удаче до этого дошло.

— Не волнуйся. — шепнула ей Ирма по-мураддински. — На самом деле он не такой, просто это... ну, сразу не поймёшь.

Фархана, конечно, выглядела подавленной. Она была гораздо ниже Ирмы, совсем хрупкой, а теперь, казалось — вовсе ветром сдует. Девушка не снимала головной платок даже во дворце: ни к чему кому-то видеть её лицо.

Впрочем, во дворце Фархану держали с самого прибытия в Альма-Азрак, а привезли сюда в крытой телеге. Шеймус не испытывал ни малейших сомнений, что среди солдат полно мураддинских шпионов: за четыре года отряд набрал множество местных рекрутов, среди них обязаны были оказаться совсем не случайные люди. Таковы реалии войны, никуда не денешься.

А во дворце всё-таки находились самые проверенные. Вряд ли Шеймус по-настоящему доверял кому-то кроме лейтенантов, нескольких телохранителей и Ирмы, конечно. Но тем, в ком он мог подозревать шпионов, точно находились далеко.

Айко затворил за женщинами двери.

Капитан сидел у окна. В этом мягком позолоченном кресле Ирма могла лечь, но под Шеймусом оно казалось крохотной табуреткой. В руках у капитана была книга — внушительный том в чёрном переплёте. В свободное время он всегда читал: почти так же часто, как тренировался.

Читать Шеймуса научили при штабе Мендосы — когда командор заметил молодого сержанта, дал лейтенантский плюмаж и приблизил к себе. Шеймус неспроста так уважал Мендосу: всегда прямо говорил, что никому из людей не обязан больше. Кабы не убийство командора — прямая дорога в балеарские генералы.

Не только жизнь Ирмы резко свернула на совсем иной путь. Так вышло со всеми

людьми в этой комнате.

— Я читать-то могу до утра. — негромко произнёс капитан. — Раз пришли, так присаживайтесь и говорите.

Ирма усадила Фархану на софу напротив и сама расположилась рядом. Хотя Шеймус предложил говорить им — но начал это делать сам. На куда более уверенном, беглом мураддинском, чем Ирма.

— Я не стану извиняться за то, что с тобой случилось. Такова война, и уж поверь: я хлебнул от неё больше многих. Мои солдаты — не герои баллад. Они ведут себя как солдаты, и их невозможно за это судить. Но если тебе важно, скажу: мне жаль, что так вышло. Надеюсь, ты понимаешь разницу между сожалением и извинениями.

Фархана кивнула.

— Если ты не совсем глупа, то должна понимать: для нас было бы куда проще от тебя избавиться. И всё, что обо мне говорят — сущая правда. Я самое жуткое и свирепое чудовище на свете. Только быть чудовищем и быть уродом — тоже немного разные вещи. Надеюсь, и это ты понимаешь.

— Я очень благодарна, что...

— Пфф! Прекрати, пока не за что меня благодарить. Благодарю лучше Мансура за то, что он был совершенно отвратительным, спесивым, напыщенным куском дерьма. Жаль, что так и не вышел против меня в Муанге: я бы с огромным удовольствием выпотрошил его. А я очень редко получаю удовольствие, когда убиваю человека.

— Мансур — старый враг моей семьи. Он много лет назад поклялся отомстить.

— Ну, теперь-то он подох. Плохо, конечно, что и твои родные тоже. Именно это подводит нас к обсуждению сложившегося положения.

Шеймус закрыл книгу и перевёл взгляд, прежде направленный к потолку, на Фархану. Приятного в этом взгляде было мало. Обыкновенно бесцветные глаза Шеймуса совершенно ничего не выражали — а это куда хуже, чем если видишь гнев, презрение или нечто подобное.

— Надеюсь, ты понимаешь: мы не можем отпустить тебя сейчас.

— Я никому ничего не скажу. Я...

— Пустые слова. Ты думаешь, что никому ничего не скажешь, но это зависит от того, кто да как станет спрашивать. Мансур был не простой кучей говна, а кучей очень влиятельной. Полагаю, что с начала мятежа Камалья до вашего города не очень-то доходили вести из столицы. Ты знаешь, кто нынче дядя Мансура?

— Сулим ар-Наджиб? Он жрец в Храме Сотворения.

— Ага, и я так думал. До вчерашнего дня. К сожалению, пока вы бунтовали, а мы брали ваш город, Сулим возглавил жречество. И нынче к халифу ближе, чем гарем. А говорят, что он и прежде был опасным человеком.

Ирма понятия не имела обо всём этом. Выходит, загадка исчезновения Мансура — вопрос гораздо более острый, чем наёмники ещё вчера могли предполагать. Оставалось надеяться, что Сулим не слишком горюет по племяннику, но эта надежда была очень-очень робкой. Жизнь давно научила Ирму: если что-то может пойти плохо, то именно так и случится. Удача — редкий миг, несчастье — извечный рок.

— То есть я не смогу...

— Ну, этого уж я не знаю. Можешь попробовать устроить свою жизнь сама, когда мы уйдём. Отпустим, если пожелаешь. Невеста из тебя теперь, уж прости, не самая завидная —

учитывая мятеж и всё прочее. Но тебе виднее. Я не имею понятия, каково отношение Сулима к твоей семье и во что это может вылиться. Это не моя проблема. Или...

Капитан размял шею, склонив голову туда-сюда, посмотрел в окно. За окном был всё такой же безмятежный город, но теперь он не казался Ирме сказочным. Альма-Азрак определённо таил большую опасность.

— ...или можешь уехать с нами. Место под моим знаменем найдётся. Это совсем не такая жизнь, каковую ты месяц назад представляла. Но любая жизнь лучше смерти. Умирать проще простого, с этим справляется любой, а вот жить вопреки всему — трудно. Не каждый способен. Именно таким способом можно проверить, из чего человек на самом деле сделан. Ты знаешь, почему мой отряд называется так?

— Я слышала, что из-за...

— Что из-за моей внешности. Это неправда, всё совсем наоборот. Я не люблю то своё прозвище, которое в широком ходу повсюду, да только оно со мной большую часть жизни. О Ржавом Капитане стали говорить далеко не сразу. Дело состоит в другом. Как отличить железо от чего угодно иного? Можно перерезать горло осколком стекла, можно проткнуть пузо деревянным колом, можно разбить голову камнем. Это не свойства одного лишь металла. С другой стороны, сталь гнётся лучше деревяшки. Нет, дело не в этом. Ржавчина, вот что отличает. Тот, кто способен покрыться ржавчиной — точно железный. Поэтому мы воюем под таким знаменем. Поэтому мои лучшие люди рано или поздно надевают плащи.

Хотя Ирма встретила капитана десять лет назад — уже тогда друзья не называли его Висельником. Ангус как-то обмолвился, что и за появлением нового прозвища стоит история не из приятных, только подробностей не рассказал. А женщина знала: есть много вопросов, ответы на которые лучше не искать. Особенно в прошлом людей, вся жизнь которых прошла на войне.

— Так что ты можешь пойти с нами. Впереди будет только война. Много крови, много лишений и много тяжёлой работы. Но это жизнь, которую сумеет прожить не каждый — тем она ценна. Да и потом, посмотри на Ирму: положим, она не похожа на твоих великосветских бывших подруг, но и на несчастную женщину тоже. Как знать? Может, ты выйдешь замуж за одного из моих офицеров, хватает таких историй. Что угодно может случиться в жизни, если не бояться идти по ней до конца. Короче говоря, решай: времени — до нашего отъезда. Прежде ты будешь здесь, подальше от лишних глаз и ушей.

— Я подумаю. — вымолвила Фархана.

Трудно было судить по виду девушки, к чему та может склониться. В принципе, не так уж важно, уйдёт Фархана из халифата вместе с отрядом или их пути разойдутся. Они с Ирмой не успели толком узнать друг друга, не говоря уж о том, чтобы подружиться по-настоящему.

Лимландке просто не хотелось, чтобы Фархану убили. По крайней мере — чтобы это сделал Шеймус. Причин не хотеть этого имелось достаточно. Девочка заслужила какой-то шанс.

— Ну... иди, думай. — равнодушно пожал плечами капитан. — Я только дам совет: сыпь соль на свои раны. Каждый день. Пока они болят — соображаешь лучше.

Фархана исчезла из покоев тотчас: Ирма и моргнуть не успела. Вряд ли для мураддинки это была приятная встреча, но в самом деле — пусть теперь думает. Если начистоту, немало людей попало в отряд подобным образом: взять хотя бы Кресса.

Хороший врач, желательное — с университетским образованием, был тогда отряду очень

нужен. Вот только подобные люди не спешили под знамя Шеймуса даже ради немалых денег и практики. Кресс, обвинённый одним из норштатских герцогов в убийстве герцогини с наследником, удачно подвернулся под руку — и у него по итогам непростой, кровавой истории вокруг того замка тоже оказалось два варианта.

Не похоже, что много лет спустя Кресс сожалел о выборе — пусть светила университетской медицины из него не вышло. Не все получают то, чего хотят изначально. Не всегда то, что ты получаешь, хуже изначально желаемого.

Двери затворились. Ирма немедленно перебралась на колени капитана, обняла и поцеловала его.

— Спасибо.

— Не нужно. Во-первых, я сделал это не по твоей просьбе. Я сам всё решаю. Во-вторых знай я раньше о Сулиме — девчонка была бы мертва. Но теперь уже как-то не с руки.

— Ты ведь часто вспоминаешь те слова Мендосы.

— Которые? Я вспоминаю многие.

— Что нельзя всё время только убивать.

— Ах, да... хорошие слова. Ты видела, что вышло в Фадле из попытки им следовать? Только если вечно ломать голову, не пожалеешь ли о решении — никогда ни одного не примешь. Иной раз запоздалое правильное решение — хуже своевременного ошибочного.

Ирме не нравился этот разговор. Её начинало пугать ближайшее будущее, а ещё больше пугало то, что капитан день ото дня мрачнел. В Альма-Азраке становилось всё неуютнее, тучи явно сгущались. Женщина мало знала о происходящем, но...

Отвлечься бы. Она положила голову на грудь капитана, провела пальцами по колючей щеке.

— А что это за книга?

— Книга? Ааа... Свежий труд тремонского политика Никколо Равелли. Рассуждает о войне.

— Интересно?

— Полная чушь. Горячечный бред про какие-то регулярные городские ополчения и вред наёмных армий. Вдали от сражений легко про это рассуждать. Но всё, что я знаю о своём ремесле, говорит: если в Ульмисе опять случится большая война... моментально станет постарому. Опять кондотьеры, опять банды, и они сделаются лишь больше прежних. Равелли — профан и пустозвон.

Большая война в Ульмисе отряду сейчас не помешала бы. Ирма помнила слова капитана о том, что он пока не знает, куда отряд пойдёт из халифата. И действительно, куда? Это тоже тревожило. «Ржавые» покинули родной континент, чтобы заработать на далёкой от дома войне, но и здесь война закончилась. Причём не лучшим для наёмников образом. И что теперь? Идти ещё дальше? В земли, про которые никто толком ничего не знает?..

Неясных очертаний на карте мира пока хватало, конечно. Есть ещё много мест, где живут какие-то люди. А раз живут, то наверняка воюют.

Опять разговор зашёл не туда.

— Почитай мне ту книгу... мою любимую. Про корабль под алыми парусами.

— Я давно научил тебя читать.

— Она же на балеарском! По-балеарски я не умею...

На самом деле немного читать на нём Ирма могла. Из-за пестроты Ржавого отряда у наёмников давно сложился особый язык — впитавший всё подряд пиджин. Немало

досталось этому наречию и из балеарского.

Но покетничать не грех.

— Ладно. Пойдём в спальню, там разберёмся.

Ангус повидал достаточно больших городов, старых и прекрасных. Но ничего подобного дворцу мураддинского халифа не видел нигде.

Даже трудно сказать, впечатлял он сильнее издалека или вблизи. Когда только подъезжаешь к Альма-Азраку морем или по дороге — первым делом видишь колоссальный чёрный куб, абсолютно несоразмерный, вообще не похожий на творение человеческих рук. Действительно впору уверовать, будто его спустил с небес какой-то бог.

А вблизи дворец заставлял ощущать себя жалким насекомым, ползущим по раскалённой от солнца брусчатке. Резиденция халифа мгновенно внушала трепет. Насколько удивительной казалась эта махина на панораме, настолько же поражал идеально гладкий и абсолютно матовый камень стоящего на площади. Стены поглощали свет, как будто из ткани реальности кто-то вырезал лоскут, открыв проход в великое Ничто. На безупречно чёрном фоне золотые орнаменты и надписи буквально слепили, резали глаз.

В таком дворце ожидаешь встретить какого-то бессмертного бога-императора, величайшего в истории правителя всего сущего, не знающего себе равных государя. Увы, Ангус уже бывал здесь и видел халифа. На поверку всё оказалось несколько прозаичнее.

Они с Шеймусом поднимались по широкой лестнице, ведущей к глухим позолоченным воротам. Позади шагали телохранители в полном обмундировании — полированная броня, аркебузы, алебарды, двуручные мечи. Капитан и лейтенант, конечно, не несли тяжёлого оружия и не надевали доспехов. Неприлично при дворе.

— Ты пошто, кстати, так вырядился? Решил угодить халифу?

Сам-то Ангус выглядел как обычно. Ботинки северного фасона из самой дорогой местной кожи, облегающие ноги красно-оранжевые шоссы. Тяжёлая чёрная куртка, расшитая золотой нитью, с огромными дутыми рукавами и множеством разрезов, обнажающих красный и оранжевый сатин. Гульфик размером с два кулака и абсурдно широкополая шляпа, увенчанная тяжело качающимися перьями цветов знамени отряда. Ну и плащ, конечно, куда же без него.

Как всякий приличный наёмник, Ангус искренне наслаждался запредельным пафосом костюма, доходящим до смешного. В этом всегда был вызов. Пощёчина великосветским вкусам. Вот зачем такое нужно.

— Да нет... Я просто попробовал, и ты знаешь: удобно. Мне нравится.

Шеймус, понятное дело, тоже был при оранжево-красном плаще — недавно пошитом, но со всё тем же воротником из тигровой шкуры. И шляпу надел, да не менее вызывающую, чем у Ангуса. Но что удивило лейтенанта — так это парчовый мураддинский халат до колен, перехваченный широким бархатным кушаком. Такое сочетание казалось то ли бредом сумасшедшего, то ли совсем уж изощрённой издёвкой над местными представлениями о моде.

— Ты только в Ульмисе эту дрянь не носи: засмеют.

— Ну да, всегда хватает желающих меня высмеять. Особенно в лицо.

— Это всё из-за бханга и маковой смолы. Чем больше ты куришь всякую дрянь, тем сильнее становишься похож на этих.

— Очень ценю твоё мнение. А как думаешь, что в Орфхлэйте сказали бы о твоей одежде?

Ангус задумался. Скорее всего, воины лесных кланов приняли бы его за мужеложца. Да и пёс с ними...

Лестница всё не кончалась. Как будто дворец сам по себе недостаточно высок: надо было ещё и на таком холме возвести!

— Как твоя рука?

Правая рука Шеймуса уже не висела плетью, как несколько недель назад, но даже при ходьбе шевелилась иначе, чем левая. Обычно громадная, перекошенная фигура капитана только статичной выглядел жутко — а в движении он был на удивление плавен и грациозен. Но теперь и двигался как-то криво.

— Ну так. Бывало и хуже. И лучше тоже бывало.

Стражники из Святого Воинства открыли наёмникам калитку в воротах. Шеймус едва протиснулся в неё, согнувшись почти пополам, да и Ангусу пришлось поберечь голову. Хоть капитану он только до плеча доставал, всё же был выше почти любого мураддина. Народ тут воинственный, бесспорно, но росту всё больше не гвендлского.

Гвендлы вообще редко жаловались на кучее телосложение — хоть какое-то достоинство народа, отжившего своё славное время много веков назад. Из всех людей, каких Ангус встречал за долгие годы странствий по свету, только аzzинийцы в массе своей были такими же здоровяками. Забавно, что это единственное, чем светловолосые выходцы из далёкого Орфхлэйта, вечно промозглого и сырого, были похожи на темнокожих жителей райских островов. Бледные люди на фоне мрачной серости, чёрные люди на фоне белоснежных пляжей.

Мир прекрасен и удивителен.

Во внутреннем дворике сверкали струи фонтанов, важно прохаживались павлины. Повсюду были люди в позолоченных и посеребрённых масках, с короткими копьями, кривыми саблями на перевязях, колчанами у пояса — охраняли халифа прекрасно, тут и мышь не прошмыгнёт.

Но изнутри дворец был вполне обыкновенным. Невероятно богатым, конечно, но... дворец как дворец, типичные мураддинские интерьеры. В халифате многое делали напоказ. Взять хоть всю их хвалёную высокую мораль — при том, что Альма-Азрак переполнен притонами и борделями, как любой портовый город.

Наёмников встретил старый слуга, надушенный словно клумба. Они оставили внизу и свою охрану, и мечи — но ни кинжалы, ни заткнутый за кушак Шеймуса пистолет никто сдать не потребовал.

Это сразу намекало, что к халифу не пустят. Так оно и случилось.

Вскоре Ангус и Шеймус полулежали на очень низком диване — в несколько излишней близости, потому что для них, здоровяка и настоящего гиганта, диван был смехотворно мал. Мураддинская мебель казалась Ангусу ужасно неудобной. Жрать и пить лёжа — какое-то извращение! Перед ними стоял необъятный круглый дастархан, заваленный сладостями всех возможных форм и оттенков, персиками, виноградом, инжиром, финиками, дольками арбузов и дынь. И никакого вина, конечно, ведь эти сволочи до заката не пьют. Зато кальяны уже были прогреты: Ангус сразу потянулся за мундштуком.

— Ты ведь местное не куришь.

— Не курю ту дрянь, что ты. Любой табак — за милу душу.

К табаку Ангус пристрастился в Лимланде, ещё во время Великой войны. У балеарцев тогдашних его нанимателей, трубка не была в моде, но каждый уважающий себя лимландец

посасывал её с утра до вечера. Даже многие женщины!

Напротив наёмников восседали величайшие особы халифата. Тут был и Джамалутдин-паша, и не скрывающий своего презрения Валид, и Усман ар-Малави — отец того паренька, что всё крутился вокруг «ржавых» на войне. Как его звали... Налим, Алим... Ангус не помнил, но парень был ничего. Один из немногих мураддинов, что не вызывали отвращения.

Явились на встречу и ещё какие-то люди, но их Ангус толком не помнил. Халифа не было.

— Мы ждём господина?.. — поинтересовался Шеймус.

— С прискорбием вынужден сообщить, что великий халиф не придёт на эту встречу. Он в высшей возможной степени занят неотложными делами своего возлюбленного государства. — ответил визирь Джамалутдин.

Обосраться можно, с какими серьёзными лицами они говорят столь витиевато и напыщенно. Ангус всегда с трудом сдерживал смех.

— Печально. До последней кампании он не отказывал мне в аудиенциях.

— Все возможные вопросы, касающиеся наших общих благородных дел, вне всякого сомнения возможно обсудить с присутствующими здесь людьми высочайшего положения.

Ангус представил, как запихивает самый здоровый персик в рот визирю. Ну что за козлы, кто так общается? А вот Шеймус, похоже, вполне комфортно ощущал себя в такой беседе.

— Нисколько не сомневаюсь. Дела у нас, если честно, очень простые. Насколько могу судить, война с Муангом закончена. По крайней мере, закончена для таких людей, как я: настало время переговоров, правда? Поэтому я испытываю только два желания: получить положенную по нашему договору плату и вскоре избавить Мураддинский халифат от своего присутствия.

— Ваше второе желание, капитан, без сомнения весьма уместно. Что касается первого, то халиф рассмотрит его, как только решит прочие неотложные вопросы управления своими бескрайними владениями.

Это что вообще значило?.. Шеймус выразительно поднял светлые брови.

— Я, признаться, не в совершенстве владею вашим прекрасным языком. Поправьте, если ошибаюсь, но... Это прозвучало так, будто халиф собирался размышлять о том, исполнять ли принятые обязательства? Не сочтите за дерзость, но думаю — никто из здесь присутствующих не упрекнёт меня в том, что я не исполнил своих. Чтобы вы знали, господа, я вовсе не оскoblён той версией недавних событий, которая сейчас известна последнему нищему в Альма-Азраке. Хотите забрать мои победы — забирайте, они и так ваши. Я не сражаюсь за славу. Но что, извините, насчёт денег?

— Халиф рассмотрит этот вопрос. — заявил Валид.

— Не смею сомневаться, но я рассчитывал получить вполне конкретный ответ сегодня.

— Сколько времени вам потребуется, чтобы покинуть Альма-Азрак? — Джамалутдин будто и не услышал вопроса.

— Ну... позвольте ответить развёрнуто. Во-первых, из ваших прекрасных земель некуда идти сушей, кроме как в Муанг, а там... там мне не очень рады. Поэтому потребуются корабли, и я бы сказал — много кораблей, а на их поиск нужно время. Кроме того, вам наверняка докладывали, как выглядит мой лагерь в городе. Выглядит он как лазарет, таковым и является. После штурма Фадла...

— После битвы за Фадл.

— Ага, ну да. Верно. Я совсем забыл, что Камаль-бея разбили под стенами города, конечно. Кто бы с этим поспорил. — учтивость Шеймуса начинала рассеиваться. — Так или иначе, у меня очень много раненых. Большинство из них не готово к переходу по морю, а я очень ценю каждого человека. В них вложены силы и время, то и другое стоит денег. Этих людей необходимо поставить на ноги. Им требуется отдых и...

— Так сколько? — перебил капитана Валид.

Ангус почувствовал, даже не глядя на капитана, почувствовал, как тот помрачнел. Лейтенанту представилась чудесная картина: как Шеймус стаскивает Валида ар-Гасана с дивана, поднимает на вытянутый руках и втыкает башкой в мраморный пол. Было бы славно!

— Как минимум месяц.

— И это мы тоже обсудим с халифом.

— Чудно. Вот только для чего тогда вы меня пригласили?

В зале появился ещё один человек: довольно высокий, щуплый, с узким лицом и очень длинной седой бородой, одетый во всё белое, без украшений. Ангус не сразу, но всё-таки узнал его. И совсем не обрадовался.

Сулим ар-Наджиб встал позади Джамалутдина, Валида и прочих. Он молчал, но смотрел на наёмников пристально. Вместо него заговорил визирь.

— Нам с вами, вне всяких сомнений, есть что обсудить. Самые разнообразные вопросы, великие и малые, праздные и острые. Скажем, такой вопрос, что вселяет тревогу в мою душу, в душу святейшего Сулима, в душу самого халифа.

Ангус предпочитал помалкивать и прикидываться дурачком. Шеймус тоже сделал вид, будто бы ничего не понимает.

— Звучит интригующе. И что же это за вопрос?

— Что случилось с Мансуром ар-Наджибом? — процедил Валид.

— Он исчез.

— При всём уважении, капитан, я нисколько не нахожу вашу шутку уместной. А равно, как я в самой превосходной степени убеждён, не сочли её удачной и остальные почтенные люди перед вами.

— Какие шутки? Очевидно, что Мансур исчез. Возможно, его кто-то убил. Возможно, с ним приключился несчастный случай. Возможно, он решил бросить прежнюю жизнь и сам не хочет, чтобы его нашли. Люди исчезают по тысяче и одной причине. Почему вы спрашиваете об этом меня?

— Потому что Фадл, как всем присутствующим здесь превосходно известно, находился в тот момент в ваших руках.

Капитан немного подался вперёд. Он сначала направил взгляд на визиря, затем поочерёдно — на каждого из присутствующих. В их лицах Ангус без труда прочитал пусть самую лёгкую, тщательно сокрытую, но всё же рябь. Страх. Даже Валиду стало не по себе. Лейтенант знал, как это бывает. Его командиру не требовалось орать, пучить глаза и строить рожи, чтобы у всех вокруг душа ушла в пятки. Он просто чуть-чуть приспускал с поводка то, что держал обычно под проржавевшей оболочкой.

Посмотрите, сволочи, самой Войне в лицо.

— Позвольте заметить... — Шеймус произносил каждый звук медленно. — Не весь Фадл, а лишь лучшая его часть. Где-то треть драгоценного священного города грабили люди, которых вы сами привели под его стены. Давайте не будем ломать комедию, изображая, будто это не так. Напоказ — как пожелаете, но если речь о деле, то и разговор деловой. О

том, что действительно было. Я не сторож Мансуру ар-Наджибу и не командир вашим ополченцам. Я понятия не имею, куда он делся. Я не хочу получать такие вопросы.

— Ты указываешь нам, о чём спрашивать? — Валид тоже наклонился вперёд.

— Я сказал точно то, что хотел сказать, Валид. Думаю, для такого простого выражения мой мураддинский достаточно хорош. Мне не нравится этот разговор. Я не возразил, узнав, как в столице представили победу над мятежом. Но теперь мне не отвечают на вопрос о деньгах — несмотря на то, что халиф собственной рукой поставил печать на нашем контракте. Прямо в этом дворце. Он дал тем самым своё слово, а теперь, выходит — должен размышлять, сдержать ли его. Мне не отвечают на вопрос о необходимой передышке, хотя и это обсуждалось ещё полгода назад. Зато спрашивают о Мансуре так, будто уверены, что я каким-то образом повинен в его пропаже. А это громкое обвинение, верно?

Джамалутдин коснулся плеча Валида: намекнул, что стоит приосадиться. Сулим, верховный жрец Иама, по-прежнему глазел на наёмников недобро и молча. Усман ар-Малави восседал с таким видом, словно даже не понимал языка, на котором ведётся разговор. Любопытный он человек. Старше остальных и, похоже, умнее их всех.

Визирь было раскрыл рот, но Шеймус продолжил прежде.

— Уже сказал: если хотите забрать мою победу, то забирайте. Но если попытаться отобрать у меня всё, я буду... не согласен.

У Ангуса промелькнула мысль, что положенная Ржавому отряду сумма — весьма, надо признать, солидная, могла просто-напросто осесть в чьём-то кармане. И халиф, возможно, вообще не имеет понятия о реальной ситуации — как при Фадле, так и здесь. Тогда положение ещё дерьмовее, чем лейтенант мог себе вообразить. Даже после новости о назначении дяди Мансура...

Впрочем, ничего нового. Сколько раз наниматели пытались их обмануть? Сколько раз от них хотели избавиться? Если Джамалутдин, Валид и прочие думают, будто выдумали нечто новое, то очень напрасно. Этот танец «ржавые» плясали не раз.

К сожалению, перед ним с капитаном сидели нынче не какие-то вшивые бароны, чьи владения немногим поболее этого дворца будут.

Нет, вся эта ситуация точно не шла к ни чему хорошему.

Едва шаги Висельника и его помощника в гулком коридоре стихли — до сих пор молчавший Сулим заговорил.

— Почтенный визирь, это возмутительно!

— Что именно?

— Все мы прекрасно понимаем, кто убил Мансура. За его кровь подонки должны заплатить сполна! По законам, установленным всевеликим и всеблагим Иамом.

Джамалутдин-паша вытер лоб и вздохнул. Ослу понятно, что Мансур мёртв — и с этим так или иначе связаны люди Шеймуса. Однако визирь прекрасно понимал целый ряд вещей, которые жрец не хотел даже рассматривать.

Во-первых, пусть наёмники убили Мансура — едва ли это случилось по приказу Шеймуса. И не факт, что он вообще лгал, говоря о своём неведении. Один лишь Иам зрит всё сущее, но никак не человек.

Во-вторых, даже сократившись после тяжёлого штурма и будучи отягощённым сотнями раненых, Ржавый отряд представлял собой огромную военную силу. Сколько людей готовы

сражаться за Шеймуса в любой момент? Уж как минимум тысяча, это считая обученных, дисциплинированных, здоровых людей. В прекрасной броне и с пороховым оружием. А всего — ещё больше... И этих солдат, вооружённых до зубов, даже не удалось удержать за стенами города. Проклятые ашраины, как всё не вовремя... Одно к одному.

Как ни горько, но визирь понимал: Шеймус прав. Он не глупец и избежит конфликта даже ценой некоторой части самолюбия, пока это разумно. Однако вытирать об такого человека ноги — глупость, которая может обойтись слишком дорого.

— Почтенный Сулим, проявите ко мне угодное Иаму милосердие. Я очень устал. Говорите прямо, чего вы желаете добиться в сложившемся положении? Насколько я понимаю, презренные блестящие металлы не возбуждают в вас интереса.

— Я хочу, чтобы этот мерзкий человек ответил за Мансура. Так, как положено по законам халифата.

— Соблаговолите ли пояснить, как конкретно вы видите процесс отправления подобного правосудия? Даже если предположить, что кто-то из нас способен представить какие-либо доказательства? Вы, вероятно, предложите почтенному предводителю Святого Воинства произвести, так сказать, арест?

Валид много хорохорился на тему наёмников и большую часть времени, кажется, искренне был готов на самые решительные действия. Но сейчас энтузиазма не выказал.

— Правосудие? Доказательства?! — Сулим гневно сверкнул глазами. — Есть только две формы справедливости: дарованная Иамом и дарованная халифом. И для начала я, конечно же, обращусь к правителю халифата. Уверен, что наш великий господин прислушается к мудрым речам, а не станет требовать соблюдения абсурдных формальностей.

Да уж, халиф принимал жёсткие решения охотно — он за них ни перед кем, кроме Иама, никоим образом не отвечал. К чему это приводит, паша видел ещё в Фадле. Теперь ситуация грозила повториться, да только как это объяснить оплакивающему племянника старику? Как его урезонить?

— Возможно, стоит найти компромисс. Например, заставить Висельника выдать, так сказать, непосредственный убийцу. Алим, любезный, пойдите сюда. Вы знаете этих людей лучше всех нас. Что вы думаете?

Молодой аристократ появился из тени между колонн. Коротко кивнул, приветствуя отца: старик Усман ар-Малави отвечал тем же.

— Итак, что?

— Я полагаю, почтенный визирь, что неразумно даже пытаться вести такие переговоры. За время военных кампаний против Муанга, в которых я имел отрядную возможность наблюдать за Ржавым Капитаном, возникали... некоторым образом схожие ситуации. Капитан утверждает, что из-под его знамени выдачи нет. Но я предложил бы взглянуть на положение чуть иначе, приняв во внимание все заслуги...

— Довольно. Вы ответили на мой вопрос. Благодарю.

Алим ар-Малави поклонился и исчез в тени. Визирь несколько раз затянулся из кальяна, окружив себя облаком дыма.

— Сулим, если вы желаете пойти к халифу с этим вопросом, то я никоим образом не в силах вам препятствовать. Я лишь прошу, нижайше прошу вас об одном: быть благоразумным и обсуждать каждый шаг с теми людьми, которые сейчас находятся здесь.

Жаль только, что старик ар-Малави не проявлял к ситуации видимого интереса. Да и ар-Мутисим, ополченцы которого как раз грабили Фадл и тоже могли ненароком убить

Мансура, молчал. Он вообще в последние месяцы был тише покойника. Всё сидел и смотрел в никуда, пока решались важные дела.

Сулим вышел из зала молча. Даже не попрощался. Не к добру.

— Что же, помимо всего прочего... меня по-прежнему занимает вопрос балеарского посланника. Я имею в виду тот весьма удивительный факт, что он прибыл в Альма-Азрак так давно... сколько?

— Месяц.

— Да, месяц назад. И зачем же мы до сих пор не видим его во дворце? Это начинает вызывать некоторые вопросы. Я бы хотел, чтобы кто-нибудь уделил им всё возможное внимание, и чем скорее, тем лучше. Под нашими стенами тысячи оборванцев-ашраинов, в нашем городе полно наёмников, разочарованных... той линией поведения, которую избрал халиф. А помимо этого на рейде стоят четыре балеарских корабля, и я до сих пор не знаю, чего ради они прибыли!

Четыре больших корабля, стоит заметить. Не такая уж слабая военная эскадра, особенно если сравнивать с пусть многочисленным, но галерным и плохо вооружённым артиллерией флотом халифата. Когда на пороге подобные гости — надо разобраться, чего они хотят. А балеарцы весьма изворотливо тянули время, это уже стало очевидным.

— Я займусь этим вопросом. — произнёс наконец Усман ар-Малави.

— О, хвала Иаму! Это я и желал услышать. Итак, если позволите...

— Если позволите, я также хотел бы переговорить с вами лично.

— Разумеется.

Усман заговорил далеко не сразу после того, как они остались наедине. Старик долго курил и словно опять потерял интерес ко всему, творящемуся за пределами собственной головы.

Старший ар-Малави визиря, можно сказать, немного пугал. При всей физической дряхлости он сохранял ум отточенным лучше, чем Валид ар-Гасан — свою саблю. А ещё был баснословно богат и крайне влиятелен. Сила Сулима крылась в его близости к халифу и толпах черни, внимавших каждому его слову. Усман не был близок ни к халифу, ни к народу. В его руках находились иные нити, а что хуже всего — Джамалутдин-паша не вполне представлял их число и силу. Да ещё этот его младший сын... который по меньшей мере об одной из актуальных проблем знал больше, чем сам паша.

— Вы понимаете, что происходит, визирь? — наконец заговорил старик.

— Понимаю. Я следую воле халифа. Согласитесь, что на моей должности не пристало заниматься иным, а раз уж наш великий господин изменил свой взгляд на...

— Чушь.

— Что?..

Это было слишком дерзко даже для такого человека, как Усман.

— Я скажу, что вы в действительности делаете. Вы не исполняете волю великого господина. Вы пляшете под дудку капризного ребёнка. Ребёнка, не готового править. Ребёнка, уже наделавшего много ошибок, в том числе по научению нашего общего друга Сулима.

Самое ужасное, что это было чистой правдой. Старик продолжал:

— Почему восстал Камаль-бей? Почему мятеж был пресечён худшим из возможных способов? Почему положение только осложняется? Вы, почтенный визирь, можете объяснить старику простую вещь: что мешало бы нам просто спровадить людей, которые

сами желают уйти?..

— Почтенный, вы позволяете себе слишком много. Я...

— Что? Вы исполняете волю халифа? Вы визирь? Я видел четверых халифов и втрое больше визирей, Джамалутдин-паша. Они менялись, а я по-прежнему стою, как этот дворец. Возможно, это говорит о том, что иногда имело бы смысл слушать мои слова. Возможно, нет. Вы, в отличие от Сулима, не дурак.

— Вам не стоит оскорблять его даже за глаза.

— Назвать дурака дураком — не оскорбление. Это истина, которую сам наш верховный жрец так превозносит. Он харизматичный, сладкоречивый, решительный... дурак. Который скоро наделает глупостей.

Усман ар-Малави не без труда поднялся с дивана, поправляя свои роскошные одежды. Он пригладил бороду и посмотрел на визиря как будто... с жалостью.

— Если вы не способны предотвратить ошибки, то хотя бы подготовьтесь к ним.

Свежий воздух на площади перед дворцом остудил голову. Ангусу это точно требовалось, да и Шеймусу наверняка тоже.

— Нужно сваливать. — сказал лейтенант.

— Сам понимаю.

Они стояли в тени пышной пальмы. Ангус торопливо забивал табаком трубку, Шеймус положил руки на рукояти меча и кинжала. Он смотрел вдаль. Куда-то в сторону порта.

— Они всё знают. — заявил Ангус.

— Нихера они не знают, но догадываются.

— Они все какие-то придурки.

— Нет, Ангус, они далеко не придурки. Если бы мы имели дело с глупцами, это ещё ничего. К сожалению, здесь полно умных людей под руководством идиотов. Самое худшее, что только бывает.

Ангус чиркал огнивом, но табак никак не хотел заниматься. Руки слушались плохо. Это не бой, это куда менее комфортная ситуация. В бою-то всё просто и понятно. Просто убивай.

— Хуже того, что у нас недостаточно денег, забитый лазарет и ни одного сраного кораблика? Хоть вплавь вали отсюда, бля.

— Ну что ты! Ещё есть стрёмные балеарцы, которые здесь совершенно не случайно. Я не верю в такие совпадения.

Ангус наконец разжёт трубку, но даже затянуться забыл.

— Думаешь о том же, о ком и я?

— Без понятия, о ком ты думаешь. Я не ясновидящий. Но я не думаю об этом ничего хорошего в любом случае.

Вот уже двадцать лет ничто, связанное с Балеарией, не вызывало у старых друзей хороших предчувствий. С тех пор, как убили командора. С того времени, как маршал Фалькао устранился от происходящего и бросил целые армии на произвол судьбы. С тех пор, как после войны они были вынуждены начать собственную кампанию, потому что уже не могли жить иначе.

Уж тем паче — с момента, когда балеарцы приютили Вальдемара ван Стекелена.

— Да ну нахер. Нужно всё разузнать.

— Так разузнай. Не Регендорфу же этим заниматься.

— Как скажешь.

Светило яркое полуденное солнце, ни облачка на небе. Прекрасный город вокруг шумел и благоухал. Дул лёгкий ветер, даже не было особенно жарко. Но людей в «ржавых» плащах, стоявших на площади, всё это не радовало ни на йоту.

Возможно, награбленного в Фадле им хватит и без положенной платы — на какое-то время. Но это не решает ни одной из прочих проблем. Нужно что-то делать, однако что именно? Ангус мог лишь понадеяться на капитана. В конце концов, неспроста он когда-то пошёл за Шеймусом, а не наоборот.

Двадцать лет назад они почти так же стояли под деревом. Только посреди раскисшего поля, в покрывшихся ржавчиной доспехах, прохудившихся сапогах и жалких тряпках. Без крепкого отряда за спиной, но и без обузы в виде людей, которых нужно защитить. И то хотя бы не был чужой континент на другом краю света.

— Прорвёмся?

— А куда мы денемся? Помирать легко, идти дальше трудно. Не припомню, когда мы с тобой искали лёгкие пути.

В комнате царил полумрак. Впрочем, нет: даже не «полу». Скорее то была почти полная темнота, лишь чуть-чуть нарушаемая мерцанием нескольких свечей и тусклым светом углей. Глаза Алима не сразу привыкли к мраку. Все остальные помещения великолепного дома освещались ярко, и вот только тут...

Его отец восседал, скрестив ноги, в окружении множества подушек. Перед ним на низком столике стояла шахматная доска: партия близилась к финалу. Старик смотрел на фигуры так пристально, словно хотел сдвинуть одну из них взглядом. Иссохшее, испещрённое глубокими морщинами лицо сморщилось сильнее обычного. В костлявых пальцах Усман ар-Малава сжимал мундштук кальяна. Он размеренно курил: дым достигал доски, стелился по её поверхности и клубился между фигурами. Будто две армии сражались в тумане.

Алим молчал: он знал, что пытаться начать разговор бесполезно. Отец заговорит лишь тогда, когда сам захочет. Поэтому тишину нарушало только бульканье воды в колбе при каждой затяжке. Когда старик втягивал очередную порцию дыма, угли начинали светиться сильнее — и позволяли на миг увидеть его пожелтевшие глаза. Усман даже никак не показал, что заметил появление сына. Хотя заметил, это точно.

— Что ты думаешь о партии, сын?

— Кажется, она почти проиграна.

Не было смысла юлить перед отцом, пытаться ему угодить. Усман ненавидел лицемерие и лесть: не из-за высокой морали, просто слишком много повидал лицемеров и льстецов. Ему надоело.

— Ты прав. Ты хорошо понимаешь шахматы. Что же, я играю с очень мудрым человеком. Таким, каких в Шере сыскать трудно. Не зазорно проиграть ему. Тем более что...

Он ещё раз затянулся, выпустил дым через ноздри.

— ...что я всё-таки ещё не проиграл.

Играть в шахматы Алима учили с раннего детства. Как и сидеть на коне, рубить саблей, стрелять из лука, охотиться с соколом, сочинять стихи, наблюдать за движением звёзд, читать и говорить на иноземных языках. Юноша получил блестящее образование, хотя был всего лишь третьим сыном Усмана: к роли наследника его не готовили.

Усман имел далекоидущие планы на каждого своего родственника. И в каждого вкладывал все усилия. А уж в сына, пускай и младшего...

— Халифу наплевать на Мансура. Он выслушал жреца вполуха. У него дюжина новых диковинных наложниц, думает только о них.

— Вы уверены, отец? Я имею в виду... источник надёжный?

Усман раздражённо фыркнул. Глупый вопрос!

— Халиф ещё не успевает встать с ночной вазы, а мне уже докладывают о цвете и вкусе его свежего дерьма. Источники надёжные. Понимаешь, что всё это значит?..

Алим задумался. Досконально изучив все базовые науки, к более высоким он пока только подступался. Всё-таки едва исполнилось двадцать лет: рано для искущённости в политике.

— Сулим начнёт действовать самостоятельно?

— Обязательно начнёт. Уже начал. К сожалению, он абсолютно безнадёжный дурак, а

действия дурака просчитать нелегко. У меня есть основания полагать, что он попытается убить Висельника.

— А у него получится?

Алим не слишком хорошо представлял, какие силовые возможности находятся в руках верховного жреца Иама. Отец опять надолго замолчал, только вдыхал и выдыхал дым. Юноше и самому захотелось покурить: всегда помогает думать.

— Если получится — это плохо. Святой полудурок наверняка думает, будто стая без вожака не стоит ничего. Судя по всему, что я узнал из твоих донесений за время войны, это не так.

— Безусловно не так. Эти люди не разбегутся и не растеряются, если только не лишить их всех командиров разом. А это... ну... это крайне сложно.

— Верно. Беда в том, что если у него не получится...

Алим и сам прекрасно понимал, что тогда ситуация станет ещё хуже. Если Шеймуса попытаются убить, он уж верно не побежит из города. Он ответит, как это было в Рачтонге — Алим видел всё собственными глазами. Что вышло, когда муангцы решили устрашить врага видом пленных, насаженных на колья. Им показалось — это будет деморализующим зрелищем. Алим довелось узнать: у ужасов войны совсем иное лицо. То, что учинил в ответ Ржавый Капитан, сломило даже видавших виды.

Однако размышлять — не задача Алима, ему полагалось действовать. Юный аристократ понимал, что отец отнюдь неспроста послал его на войну, которую так не одобрял. И вовсе не случайно давал поручения, раз за разом сводившие Алима с наёмниками. Эти люди сразу же вызвали у мудрого Усмана живой интерес — при том сам он держался в стороне и ни разу с Ржавым Капитаном даже словом не обмолвился.

— Что мне делать?

— Тебе стоит развить своё знакомство с Висельником. У наёмников много свободного времени, ты без труда навяжешь свою компанию. Заодно передашь кое-что. Только не лично: придумай, как. Но это потом.

— А что сначала?

— Корабли.

Юноша и раньше предполагал, что исполнять обещание отца визирю будет именно он. Ну что же: балеарский язык Алим знал великолепно, а также много лет увлекался культурой и историей Ульмиса. Такое задание не представляло для него сложности.

— И о чём мне говорить с балеарским посланником?

— На кораблях нет никакого посланника. Только ряженный под него паяц. Познакомься с капитаном эскадры: он сам задаст вопросы, а ты отвечай. И расскажи всё мне после. Капитана зовут Вальверде, он уже ждёт визита. И да: тебе также следует познакомиться с людьми, которые гостят в нашем доме.

«Гостят» — такое себе слово. Эти люди прибыли глубокой ночью, вошли через задние ворота и не показывались из своих покоев. Алим не знал о визитёрах совершенно ничего, и никто в доме не знал, кроме самого хозяина. Здесь никогда не задавали лишних вопросов... но теперь настало время.

— А кто они?

— Люди моего друга. Старика, который живёт на горе.

Ах вот оно что... Ситуация становилась всё тревожнее, но приятно щекотала в животе ощущением опасности. Алим на войне успел выработать вкус к нему.

Усман снова замолчал, уставившись на доску. Его сын сразу понял: разговор окончен. Настало время действовать.

Если сменить дорогие одежды на что-то попроще, Алиму становилось несложно затеряться в толпе. Конечно, он обладал благородными чертами лица, но в целом был вполне обыкновенным: не слишком высокий, не слишком широкий в плечах, не худой и не полный. Таких людей в Альма-Азраке великое множество. Повязав на голову платок и переодевшись в простой халат, сын Усмана ар-Малави добрался до порта, не обратив на себя никакого внимания.

По дороге он видел множество людей в оранжево-красных цветах: уже совсем стемнело, наёмники кутили. Окрестности столичного порта никогда не жили по правилам, установленным Иамом. Тут повсюду стояли злачные заведения, где и засветло охотно наливали хмельное, всю предлагали маковое зелье, бханг и многие другие субстанции. Иам не запрещал их людям, в отличие от вина при свете солнца, однако и не одобрял.

А уж найти здесь продажную женщину вовсе было делом пяти минут. На любой вкус и кошелёк.

Помолвка Алима была заключена уже давно, однако с невестой доводилось лишь гулять под руку в саду, ничего больше. Юноша до сих пор так плохо знал Лейлу, что даже не мог поселить её в своих фантазиях: как-то неудобно было и представить суженую голой. Если бы не война, он до сих пор оставался бы девственником. Но пребывание при штабе Ржавого Капитана очень быстро исправило это досадное недоразумение. Шеймус в два счёта раскусил определённые волнения Алима и заявил, что война — дело мужчин, а не мальчиков, потому познать женщину юноше стоит незамедлительно. Отряд стоял тогда в Сиан-Мае, без боя сданном муангском городе, а порядки Муанга совсем не напоминали мураддинские. В городе царил настоящий разврат. Отказаться от участия было не с руки. А там уж завертелось...

Ночью порт Альма-Азрака не гудел так, как днём: весь шум смещался в его пьяные предместья. Однако всё равно было достаточно оживлённо. Где-то до сих пор грузили товары, где-то разгорались ссоры, где-то уставшие таможенные чиновники продолжали улаживать формальности. Главный порт Шера ломился от кораблей, каждый день прибывали и убывали десятки судов со всего света. Ходили сюда и из Муанга, несмотря на военные запреты, и из других шерских государств, и с Аззинийских островов, и из Ульмиса. Балеарцы, тремонцы, лимладцы — в изобилии.

Но эти четыре корабля под флагом Балеарского королевства — красным кругом на лазурном поле, не вошли в порт. Они бросили якоря на рейде и теперь возвышались могучими тенями в свете луны. Два огромных боевых галеона, изящная каравелла поменьше и лёгкое разведывательное судно. Впрочем, даже на этой шхуне могло оказаться больше пушек, чем на флагманской галере флота Мураддинского халифата.

Алим знал, на каком пирсе искать людей с этой эскадры.

Дорогу ему преградил очень необычный человек: никого подобного Алим раньше не видел. То был мужчина совсем крохотного роста, очень худощавый, но явно великолепно тренированный. Его лицо имело странный оттенок: то ли красноватое, то ли желтоватое. Узкие глаза напоминали по форме наконечники копий. В них словно было что-то муангское... но нет. У муангцев тоже узкие глаза, однако не такие. Совсем не такие.

Жёсткие чёрные волосы незнакомца были собраны в косичку.

Он носил странные одежды, пёстрые и очень свободные, был обут в деревянные сандалии, а руки держал на рукоятках двух мечей: один длинный, другой заметно короче. Мечи изгибались подобно мураддинским саблям, но при том казались увесистыми — как оружие наёмников. И рукоятки с небольшими круглыми гардами. Очень необычное оружие. Очень необычный воин.

В конце концов, это был кто угодно, но только не балеарец.

Диковинный воин молчал, лишь сверлил Алима взглядом — наверное, и его клинки были не такими острыми, как этот взгляд. Он стоял в одновременно напряжённой и расслабленной позе.

Немая сцена затянулась, но тут между Алимом и незнакомцем возник другой человек: тощий и долговязый, с пышной рыжей бородой и изогнутой трубкой в зубах, в простой моряцкой одежде. Типичный лимладец.

— Алим ар-Малави? Ох-хо, какая честь! Мы премного рады видеть вас! Не считайте за оскорбление то, как ведёт себя мой добрый друг! Мы неспроста зовём его Тишайшим: поверьте, он вообще ни с кем не говорит! Говорит только на одном, кхым, языке, да вот только вам точно ни к чему подобная, хо-хо, беседа! Соблаговолите ступить на нашу шлюпку, уважаемый! Вальверде уже ждёт! Ах, я не представился? Нижайше прошу извинить! Меня зовут Вильгельм, можно просто Вилли. Пойдёмте же, пойдёмте!..

Вскоре Алим сидел у кормы шлюпки, а Вилли и Тишайший усердно работали вёслами. Усеянный всевозможными торговыми судами порт остался позади, а военные корабли на рейде приближались. Алим уже мог различить названия галеонов. Один именовался «Гнев королевы Анхелики», а другой — «Дочь морей». К нему-то и гребли: похоже, флагман.

Лодка стукнулась о борт «Дочери морей», сверху сбросили верёвочную лестницу.

— Надеюсь, господин Алим, вы осилите подъём?

— Я в хорошей форме, не волнуйтесь.

Занятно, что до сих пор он не видел среди балеарских моряков ни одного балеарца. На палубе Алима встретили чёрные лица азинийцев, ещё кто-то рыжий... а, вот: первый человек, который хотя бы похож на балеарского подданного.

Команда «Дочери морей» мало напоминала военных моряков. И ещё меньше — моряков мирных. Глядя на этих головорезов с разных концов света, одетых броско, вооружённых кто чем горазд, обильно увешанных украшениями — Алим подумал, что именно так представляет себе пиратов.

— Это Алим! Тот самый! Скорее проводите его!

Вилли куда-то исчез, да и Тишайший остался на палубе. К капитану Алима провожал немолодой матрос с бельмом в глазу, отрезанной по локоть правой рукой и склеенными в странное подобие кос волосами: будто жирные черви.

«Дочь морей» производила впечатление не только размерами. Насколько мог судить Алим — самый современный такелаж, а на палубе идеальный порядок. Она вылизана лучше, чем дворец халифа. Наверняка и пушки на двух орудийных палубах просто великолепные. А моряки хоть и казались расхлябанными на первый взгляд, но имели отличное оружие и явно умели им пользоваться. Да к тому же каждый — при деле.

Этот корабль один стоил половины халифатского флота. Последнее слово судостроительной мысли: воплощённые мощь, стремительность, грация. Крепкое, прекрасно обработанное дерево. Дощечка к дощечке: палуба почти не скрипела под ногами. Толстые

мачты, собранные в сложные узлы канаты, сочетание прямых и косых парусов. Ход у корабля должен быть отличный, даже против ветра. А уж как даст залп... сколько пудов чугуна за раз направляет в цель?

Интересно, сколько всего под балеарским флагом таких судов? Наверняка много. Королеве Анхелике достался, пожалуй, самый сильный флот в мире. Великая армада, несмотря на проигранную войну.

Под палубу вёл узкий люк, за ним — крутая лестница. Конечно же, внутри оказалось темно, тесно и душно, но чего ещё ожидать от корабля? Однорукий моряк ориентировался здесь уверенно, а Алим только и оставалось, что держаться за едва различимым силуэтом. Наконец перед юношей открылась дверь в кормовую каюту.

— Алим ар-Малави, полагаю? — послышалось из тёмного угла.

Голос был довольно высоким, но пропитым, прокуренным и искорёженным морской сыростью.

— Да. А вы капитан Вальверде?

— Адмирал Вальверде, прошу заметить. С некоторых пор — адмирал королевского флота Её Величества, хей!

Теперь Алим окончательно убедился, что перед ним самые настоящие пираты. До недавних пор, конечно.

Внешне Вальверде не очень впечатлял — разве что развороченной щекой, жуткое увечье которой переходило в мужественные шрамы на подбородке. Он был совсем маленького роста, хрупок сложением — если миниатюрный Тишайший выглядел сильным бойцом, то про адмирала нельзя было сказать и этого. Черты начисто выбритого лица вкупе с безупречным произношением выдавали настоящего балеарца. Вальверде носил блестящие сапоги выше колен, красивый морской камзол и лазурного цвета платок на голове — повязанный не на мураддинский манер, конечно. В ушах сверкали серьги — простые золотые колечки. Адмирал протянул Алим руку: тот увидел синеватые татуировки на кисти и пальцах.

— Как мои корабли? Команда любезная?

— Ваши корабли великолепны. И на приём со стороны команды не пожалуюсь.

— Благодарю. И рад. Вы складно говорите по-балеарски: лучше большинства моих парней. Радость! Желаете рому?

— Благодарю, не стоит.

— А я выпью.

Вальверде извлёк откуда-то большую бутылку, вытащил пробку зубами. Несмотря на отказ Алима, плеснул в две серебряные рюмки, стоящие на небольшом столике. Каюта адмирала напоминала размерами туалет в доме ар-Малави, но юноша понимал: для корабля и такое — роскошь. Кроме стола, тут помещалось несколько стульев, два больших шкафа, забитых книгами и свитками, а также рундук, явно служивший одновременно и кроватью. В стене напротив, части кормы галеона, были проделаны большие окна: через них открывался прекрасный вид на огни Альма-Азрака. Даже в темноте различались очертания циклопического дворца халифа.

— Итак, Алим. Слышал, Висельник добрался до столицы?

— Да, это так. Ржавый Отряд уже больше недели в городе. Война с Муангом окончена, мятеж на юге страны тоже.

— Да, я слышал. Жаль, когда война заканчивается. Без войны жизнь похожа на айран, а

кому охота пить айран? Ром надо пить. Вы пейте, пейте.

— Более не смею вам отказывать.

Алим впервые в жизни попробовал ром. Он вообще никогда не пил ничего хмельного, кроме вина. Непривычная крепость ударила по горлу: пришлось напрячься, чтобы проглотить эту огненную жидкость. На глазах даже проступили слёзы. Однако это было довольно вкусно.

— Вы, Алим, воевали?

— Да. Больше года.

— И вы воевали вместе с Висельником?

— В том числе.

— Какое впечатление он произвёл?

Интересное направление беседы. Хотя Алим догадывался, что задание связано с наёмниками.

— Ну... он прекрасный командир. Хотя его методы многие из нас находят слишком суровыми. И... ну... он не всем приятен. Жёсткий человек. Но Ржавый Отряд впечатляет дисциплиной и выучкой. Капитан тщательно муштрует войско и очень хорошо управляет им. Солдаты организованы и хладнокровны в бою, хотя... не очень сдержаны за его пределами. Великолепное войско, и это явно полностью его заслуга.

— Хей, да вы впечатлены. Висельник до сих пор сражается сам?

— Всегда. Это великолепный боец, несмотря на возраст. В Фадле он убил сына мятежного бея голыми руками.

— Хей! — адмирал Вальверде рассмеялся. — Вот это на него похоже! Старый козёл не изменяет привычкам. Всегда любил убивать руками, все знают. Форс у него такой. На первый взгляд кожа да кости, но людей ломает... что куклы.

Похоже, Вальверде был давно знаком со Ржавыми Капитаном. Адмирал тоже выглядел лет на сорок или того больше: возможно, ещё в Великую войну успел повоевать. Алим недурно знал историю того конфликта.

Вальверде плеснул себе ещё рома — и рюмку Алима освежил, несмотря на его застенчивый протест. Адмирал выпил сразу, залпом, и налил ещё.

— Я слышал, при нём женщина. Он женился?

— Ну... не знаю, как сказать. Он не называет её женой. Но они живут... ну... вроде бы как муж и жена. Она лимландка.

— Лимландка! Рыжая, значит. Похоже на него. Привычки старой сволочи неизменны. Забавно. Мир, сука, меняется быстрее, чем ядро летит. Не успеешь ветру пустить, как мода новая. Годы — что волны об штевень бьются. Но мы храним привычки. Я пересел с галеры на галеон, Висельник — с алебард и пицалей на пики с аркебузами. А привычки при нас. Забавно, хей... Хоть я балеарец, а Висельник — гвендл, но мы одной крови, так сказать.

Вальверде стянул с головы платок, обнажив коротко остриженные волосы. Поднялся, прошёлся на каюте, встал возле окон — в них заглянула луна, залив помещение холодным бледным светом. И тут Алим, как раз решивший ещё раз попробовать ром, поперхнулся.

Он понял одну вещь, совершенно не очевидную на первый взгляд. И совершенно поразительную.

Перед ним была женщина.

Довольно мужеподобная, побитая морской жизнью, с изуродованным в бою лицом, говорящая о себе в мужском роде. Но женщина, вне всяких сомнений — теперь это стало

заметно. Конечно, Алим не решился сказать что-то на эту тему. Вальверде наверняка заметила, что он всё понял, но вида не подала.

Женщина, командующая серьёзной военной эскадрой. Женщина, определённо очень опытная в войне и морском разбое. Чудеса! Алим отродясь и не слышал ни о чём подобном.

Она снова села напротив, достала маленькую трубку и мешочек, из которого донёлся запах бханга — ни с чем на свете не спутаешь.

— Я понимаю, что ситуация непростая сложилась. Мне, Алим, нужны подробности. Рассказывайте.

Дворец, в котором разместили верхушку Ржавого Отряда, находился в приличном квартале — но буквально пару шагов от него, и это будет уже не центр города. Да и не самый прекрасный район. Место было одинаково удалено как от лазарета, так и от порта, возле которого жили многие солдаты.

Поэтому Игги предстояла долгая прогулка. Он соврал товарищам на тему свидания, а потому избежал ненужной компании. Впрочем, если подумать — не так уж сильно Игги кривил душой.

Авантюра, конечно. Но Игги, хоть был простым десятником (да ещё без году неделя), однако всё же в некоторой небольшой степени мог пользоваться репутацией отца. Тот сражался в отряде с самого начала, командиры считали его старым другом. Поэтому Игги многие знали лично: и Ангус, и Бенедикт, и Люлья, и самые уважаемые из обозных жён.

На последнее он и рассчитывал.

Тяжёлый плащ приятно давил на плечи: всё же греет эта штука не только шерстью. Аркебузу Игги с собой не взял, но повесил на спину большой круглый щит. Приличное вооружение никак не помешает в этом городе. Фехтовал он, конечно, гораздо хуже, чем стрелял — но каких-нибудь недовольных наёмниками оборванцев при отцовском мече, щите, шлеме и кирасе можно не опасаться. Даже не подойдут.

Но вообще-то вечер в Альма-Азраке выдался спокойный.

Трёхэтажный дворец был не особо-то велик по местным меркам, но выглядел превосходно. Ряды изящных колонн, вычурные орнаменты, позолоченные ставни, декоративные башенки — Игги не назвал бы себя ценителем архитектуры, однако подобное ему нравилось. Да ещё красивая синяя плитка, покрывающая стены: её насыщенный цвет и в темноте оставался прекрасно различим. Дворец был окружён садом, потому здесь сильно пахло жасмином и фруктовыми деревьями. А вокруг сада тянулась ограда: стальная решётка в два человеческих роста, украшенная кованой вязью.

Скорее всего, просто так внутрь не пустят — даже несмотря на плащ. Но варианты есть.

Однако варианты не потребовались. Приближаясь к зданию с торца, Игги заметил двоих людей по разные стороны ограды. Снаружи стоял плотный мужчина в мураддинских одеждах, внутри — женщина, которую Игги узнал моментально, по одному силуэту. Не Фархана, к сожалению.

Это была Ирма. Она коротко переговорила с мураддином, кажется — что-то передала через решётку. Тот торопливо зашагал прочь.

Сцена Игги не понравилась. А Ирме ещё больше не понравилось, когда она внезапно увидела солдата перед собой.

— Ты что тут делаешь?

— А ты? — Игги рассудил, что имеет полное право задать такой вопрос.

Всё-таки он теперь пусть самый младший по чину, но офицер. А женщины отряда, чьими бы они ни были — это всё-таки женщины. Командуют не они.

Ирма не была такой красавицей, как Гретель — по крайней мере, на вкус Игги. Золотистые волосы и голубые глаза нравились ему больше, чем рыжие и зелёные. Да и солидные достоинства фигуры Гретель впечатляли больше, что говорить. Зато Ирма была одета великолепно — в облегающее атласное платье, при жемчуге, золотых браслетах и

огромных серьгах с изумрудами.

Она только поначалу разозлилась. Затем подступило смущение.

— Не говори никому.

— Ну, знаешь, при всём уважении... У меня должность. Объясни, если это твои дела, а не капитана.

— Может, и капитана.

— Тогда ты не просила бы никому не говорить.

Логично. Ирма опустила глаза.

— Ты же из-за Фарханы пришёл, да?

— Угу, из-за неё. Мне бы с ней встретиться, понимаешь... И кстати, ты бы мне очень помогла. Ты же знаешь их язык. Тогда, считай, в расчёте: я никому ничего не скажу.

— Не велено к ней пускать. — слова Ирмы звучали виновато. — Я бы договорилась, но при ней сегодня... ну, не те люди. Я же, ну... меня не все слушают. Понимаешь... этот человек... ну, это кто-то из её местной родни. Я просто послание передала, Фархана очень просила. Она не знает, остаться тут или пойти с нами. Ты же понимаешь, положение теперь сложное.

— Понимаю.

Игги вздохнул. Именно он это положение осложнил — во всех смыслах. Если бы не Игги, резни в богатом фадлском доме не случилось бы. И капитан недаром сказал в тот день: история ещё не окончена. С другой стороны, кабы не Игги — Фархана сейчас наверняка была бы мертва.

Он надеялся, что девушка это понимает.

Десятник вспомнил тот вечер. Вспомнил заплаканные чёрные глаза мураддинки, стоявшей перед ним на коленях. Воспоминания с каждым днём становились отвратительнее, но Игги просто не мог заставить себя всё забыть. Отчаянно требовалось сказать Фархане хотя бы пару слов. Пусть даже она плюнет ему в лицо.

— Я не могла ей отказать. Я, ну... я её понимаю.

Игги в общих чертах знал, почему Ирма так хорошо понимает Фархану, но об том разумно было никогда не говорить. Есть вещи, о которых следует молчать, даже если все всё знают и никакого секрета нет. Иначе получится нехорошо.

Как и если Игги расскажет о письме, тайком переданном Ирмой. Если по-честному — он обязан был рассказать. Если женщины делают что-то тайком — жди беды! Отец вообще наставлял когда-то Игги: все беды от женщин! Сам-то папенька отлично знал, о чём говорил. Кабы не женщина — он никогда не сделался бы наёмником.

Да, Игги был обязан раскрыть командирам маленький секрет Ирмы. Но не хотел этого делать.

— Можешь хотя бы сказать ей, что я приходил? И объяснить, почему. Тебе, может...

Он вспомнил взгляд Гретель. «Миленько... и что ты ей скажешь?». Пусть эти женщины сами были людьми войны, сами иной раз убивали, но всё-таки они прежде всего женщины. У них свой взгляд на все вещи — и своя особая солидарность.

— ...я имею в виду, Ирма... Может, тебе всё это не очень понятно. И даже противно. Но я, просто... блин, как это сказать? Короче, понимаешь: плащ, звание — это всё фигня. Я ни к чему не привык. Ну и вот, значит...

— Перестань.

Ирма протянула руку через решётку. Коснулась лица солдата: в том самом месте, где его

закрывал оранжево-красный платок. Получилось очень трогательно. Пусть Ирма была младше Гретель, но всё равно почти вдвое старше Игги. В её прикосновении солдат ощутил нечто материнское.

Игги даже вспомнил мать, давно погибшую по глупой случайности. Чем-то она напоминала Ирму. Не поймёшь только, чем: волосы у матери были чёрными-чёрными, глаза — необычно узкими. Прежде, чем оказался в Муанге, Игги не видел сколь-нибудь похожих людей. А уж с типичной лимландкой, казалось бы, ровно ничего общего. Но...

— Ты хороший мальчик. — шепнула Ирма. — И хороший солдат. Если хочешь знать, ты чем-то похож на капитана. Я думаю, ты далеко пойдёшь.

Юноша даже вообразить не мог, чем напоминает Ржавого Капитана. Но Ирме наверное, было виднее. Защемило в груди, десятник с трудом сохранил самообладание.

— Ты только передай ей, хорошо?

— Хорошо.

— Ладно. Я ничего не видел, если что. Я пойду.

«Хороший мальчик»... Конечно, женщина просто пыталась его приободрить. Игги понимал: он не плохой человек, как Кеннет. И не хороший, как Ирма.

Он где-то посередине.

В гостях у адмирала Алиму пришлось пить ром, а здесь пили вообще всё подряд. Но деваться некуда: оставалось поспевать за офицерами Ржавого отряда, стараясь при том сохранить голову хоть сколь-нибудь работающей.

Они сидели за столом, что мураддину было непривычно. Шеймус расположился во главе — еле-еле уместившись на самом большом кресле. Он был одет на местный манер, что Алима порядком удивило. Капитан опрокидывал рюмки одну за другой: с изумительной лёгкостью, как будто в них была вода. И всё как будто не пьянел.

Но именно «как будто». Неспроста ведь теперь Шеймус произносил столь многословную речь в ответ на случайный, короткий вопрос?

— Я не поклоняюсь никаким богам, потому что мне ничего от них не нужно. Жил ли я у Творца Небесного за пазухой? От рождения не досталось ни богатств, ни титула, ни даже фамилии. А когда я ещё читал молитвы — не похоже, чтобы кто-нибудь на небесах к ним прислушивался. Но мне это не помешало. Когда-то я рос безграмотным крестьянином, а теперь говорю и читаю на множестве языков. Когда-то я жил в нищете, а теперь на моей женщине больше золота и камней, чем на иной герцогине. Когда-то я был болезненным сопляком, слишком слабым для мужской работы! А теперь могу сплющить подкову в кулаке, могу оторвать человеку руку или плечом опрокинуть лошадь. Когда-то меня никто ни во что не ставил, а теперь перед вами — самая злобная, страшная и свирепая тварь на свете. Не припомню вспоможения свыше: помогали люди, да и то немногие. И половина из них сидит за этим столом!

Поначалу капитан говорил спокойно, но теперь уже заметно распалился.

— Разве меня отметили неким знаком? Назначили Избранным или хотя бы одарили наследством? Так бывает с героями, верно. Но я-то никакой не герой. Перед вами самый обычный солдат, простой человек откуда-то из середины. Как я получил всё, чем обладаю? Дар с небес? Это было предначертано? Чушь! Всё, что я собой представляю, зиждется исключительно на моей собственной силе воли. Возжелал — и стало так. Я самодостаточен

без поклонения кому-то, потому что сам себя сотворил. И вы бы знали, из какого дерьма...

Капитан приложил два пальца ко лбу.

— Все победы рождаются здесь: просто одни люди живут, чтобы победить, а другие нет. Любые цели можно бросить в сильную волю, как семена в плодородную землю — и они прорастут! Вы спрашиваете о вере. Вера! Если я во что-то и верю, Алим, то только в одно: никто не обязан умирать тем, кем родился. Запомните эту мысль.

— Это мудрые слова, капитан. Я запомню.

Интересно, кем ему самому предстояло умереть?

— Мы тут все из середины... — послышалось со стороны.

— Ага. Из тех, кто и не сдох, и не сбежал.

Кроме капитана с Алимом в этом небольшом зале, расположенном на третьем этаже гостевого дворца, сидели ещё четверо. Ангус, Иоганн Клаус тер Регендорф, Бенедикт и Рамон Люлья — все лейтенанты отряда. Эти люди производили на юношу совершенно разное впечатление.

С Ангусом всё было более-менее понятно. Здоровенный красавец с завидной шевелюрой, вечно улыбающийся и смеющийся — прямо-таки типаж из легенд: кто-то подобный всегда бывал подле главного героя мифа. Это был человек простой, по-своему симпатичный — но, конечно же, сугубо человек войны. Невозможно было представить Ангуса занимающимся чем-то другим.

Прямо как самого капитана. Только вот Ангус неизменно улыбался в лицо непростой судьбе — а о капитане Алим так не сказал бы.

Люлья тоже на первый взгляд казался понятным. Его чёрная борода местами успела заметно поседеть: Рамон был постарше Ангуса с Шеймусом, хотя и моложе совсем пожилого Бенедикта. Этот Люлья — словно обратная сторона монеты, на аверсе которой Ангус: был всегда немногословен, смур, говорил грубо. Однако в простом и суровом образе балеарского лейтенаната то и дело проглядывалась некая тонкая деталь. Нюанс, суть которого упорно ускользал от Алима. Что-то с Люльей было не так... что-то. Имелся какой-то полупрозрачный штрих. Юноша давно ломал голову над этой загадкой.

— Ну... не уверен насчёт «все». — сказал Люлья. — Вот Бенедикт, например. Можно с нём так сказать? Как сам думаешь, Бенедикт? Ты из середины?

Интересно: Люлья тоже участвовал двадцать лет назад в битве на Бахадосском поле, последнем сражении Великой войны? Как Шеймус и Ангус? Судя по всему, да. В этом контексте Алим очень хорошо понимал, что значит «люди середины». Многие в тот день трусливо сбежали, многие героически погибли.

А за этим столом сидели пошедшие третьим путём.

Бенедикт был стар, весьма полон, и не только странные речи до сих пор выдавали в нём бывшего священника. Алим примечал в толстяке нечто особенное, присущее лишь таким людям. Конечно, Бенедикт служил не Иаму — а богу, которого почитали в Ульмисе. Творцу Небесному. Но это не важно. Всякие люди, соприкасающиеся с божественным, чем-то отличаются от прочих.

Бенедикт напился сильнее всех. Он уже несколько раз пролил вино на свою седую бородищу, напоминающую огромную лопату. Вопрос, кажется, остался не вполне понят. По крайней мере, слова священника не показались Алимусу сколь-нибудь с тем вопросом связанными:

— Я, друг мой, хожу на свету верою, но не видением.

— Хорошенькая вера! — усмехнулся Ангус.

Алим знал, что Ангус почитает иных богов, богов своего древнего народа. Разумеется, знал это и Бенедикт — но всё равно немного нахмурился.

— Что же, Ангус, не так с моей верой?

— Да пустяки...

— Нет уж, друг мой: объясни, будь добр.

Кажется, Ангус пожалел о своих словах. Едва ли он хотел обидеть друга: ляпнул что-то спьяну, не подумав. Он мог просто извиниться. Алим подумал, что этого не случилось как раз из-за него: не хотел Ангус при постороннем показать слабость.

— Бенедикт, мы ведь оба твою историю знаем. И все остальные здесь знают... ну может, кроме Алима. Ты понял, о чём я.

Если прежде Бенедикт только нахмурился, то теперь от образа добродушного толстого старика следа не осталось.

— Не понял!.. Объясни-ка, дорогой!

— Не горячись. — Регендорф коснулся его плеча.

— Сам не горячись! Я хочу понять, что не так с моей верой и моей историей. Пускай объяснит!

— Да Ангус просто нажрался и херню порет. — буркнул Люлья. — Целый день такого не было, и вот снова!

— А я разве не нажрался? А ты? Но я ни о чьей вере ничего не говорю! Ни словечка не сказал про лесных язычников! Ангус — большой мальчик. Сколько лет знакомы. Сам объяснит! К чему это ты, Ангус?!

Капитан в случайную перепалку не вмешивался.

— Ладно-ладно, сдаюсь! — Ангус поднял раскрытые ладони. — Объясню: ты сказал, что ходишь верой, а не видением, так? А я имел в виду, что странно оно выходит: вера привела тебя в клетку, что ли?

— Да! — воскликнул Бенедикт. — Именно вера! И за девять лет в этой клетке Творец Небесный открыл мне многое. Он пояснил, что порох звучит громче самых мудрых и искренних слов. Что пуля — лучшая проповедь Его. И если я сохраню истинный крест в одной руке — придёт человек, который вложит в другую оружие!

— Етить, вот это проповедь...

— Рамон, не наливай ему больше!

— Но ведь я говорю истину! Именно так всё и вышло! Да, капитан?

О присутствии за столом Шеймуса все будто ненадолго забыли — но теперь каждый смотрел на него. Капитан ответил не сразу.

— Ты единственный на свете, должно быть, кто встречу со мной считает делом доброго бога.

Все громко рассмеялись. Напряжение в один миг схлынуло.

Бенедикт лукавил, конечно — как положено священнику. Алим знал: старик и до встречи с капитаном прекрасно знал, как обращаться с оружием. Пути войны сначала привели его к служению божеству, а потом, через годы в клетке — к чему-то среднему.

В этом смысле он тоже стал человеком середины.

— А вот взять ашаринов. — Ангус плеснул себе ещё вина и наклонился к Алиму. — Вот вы, вы про них сказать можете, я уверен. Они ж в вашего этого Иама не веруют. Молятся нынче под стенами своему божку, да вроде без толку. Но было же другое время, так? Время,

когда им то ли боженька помогал, то ли ещё кто. Вот как с этим быть?

Ситуация с ашраинами Алима беспокоила. Толпы под стенами Альма-Азарка негодовали всё больше. Отец говорил: среди них уже нашлись проповедники, как всегда бывает в такой ситуации. Проповедники, говорящие не только о справедливости к слабому народу — но и о его былой силе. О временах, когда ашраины безраздельно правили Великой Пустыней. О том, что всё ещё можно вернуть, несмотря на силу мураддинов.

Никому в городе не могли понравиться такие разговоры: конечно, кроме проскользнувших в него иноверцев.

— Я бы не хотел судить об их боге, лейтенант. Я истово верую в своего, но уважаю также и вашу веру, и веру господина Бенедикта, и взгляд капитана... И то, во что верят ашраины, тоже по-своему готов уважать.

Положа руку на сердце, Алим было немного жаль ашраинов. Шеймус говорил верно: никто не обязан умирать тем, кем родился. Однако же никто и не выбирает себе обстоятельства рождения. Алим повезло, а вот что людям за стенами, что людям за этим столом...

Алим попытался осторожно сформулировать мысль вслух, но зря. Ангус, в конец окосевший, то ли понял его неправильно — то ли просто ухватился за повод для новой подколки. Едва Алим сказал, что Регендорф — единственный офицер благородного происхождения, как Ангус перебил его.

— Да! Вот кстати, наш светлый рыцарь! Мне тож кажется, что он посерёд нас на Алима-то больше прочих похож. До такой степени, что...

Регендорф был моложе товарищей, благородный человек в нём узнавался сразу. Утончённый, красивый. Не толстый, как Бенедикт, но и не такой крепкий, как Ангус или Люлья. Алим в общих чертах знал историю рыцаря прекрасного нортштатского рода, который волею судеб безнадёжно запятнал на войне репутацию. Однако по сей день верил, что поступил правильно.

— О, я знаю, о чём ты сейчас начнёшь говорить...

В противоположность вдрызг пьяному Бенедикту, Регендорф был почти трезв. В его позе, в выражении лица и манере речи читалось лёгкое дворянское пренебрежение всем вокруг. Это не значило, что он смотрит на друзей свысока: скорее под иным углом. Алим хорошо знал таковое ощущение. Жизнь может перетасовать людей по-разному, но есть неизменные вещи. Бывает стержень, который из человека не вытащишь. Крепче позвоночника сидит.

— ...ты начнёшь про Гайю, верно?

Ангус расхохотался. Медовые волосы соскользнули с плеч и угодили в блюдо перед гвендлом. Он хотел хлопнуть товарища по плечу, но не дотянулся: слишком широкий стол.

— А то! Вот как пить дать: наш доорогой Регендорф представляет себя на турнире. И эту Гайю, которая... э-хе-хе, повязывает ленточку на копьё, если вы, хм, понимаете, о чём речь. Вот я живо представляю!

Регендорф обиделся не меньше, чем прежде — Бенедикт. Однако и не больше.

— А хоть и повяжет! Я повторю вещь, которую каждому из вас, исключая любезного Алима, уже не раз говорил. Можно отобрать у человека титул — однако рыцарство отобрать нельзя. Тебе, Ангус, это понять трудно. Я рыцарь по праву рождения, я рыцарь по воспитанию. Рыцарем же я умру под этим знаменем. Как бы ты над рыцарством ни потешался.

— Вот смотрите, Алим... — сказал Люлья. — Этот болтун знает, над кем под хмельёк смеяться. Один, сами видите, человек божий, а другой вовсе рыцарь. Даже в задницу его не пошлют! А вот я бы ему в рыло дал. По-дружески. Что, Ангус? Надо мной-то пошутишь?

Ангус словно и правда хотел сказать Люлье что-то, но быстро передумал. Алима это немного расстроило: наверняка Рамон Люлья намекал как раз на то, что юноша хотел о нём узнать. Ангус заговорил совсем о другом.

— Вот вы говорите: рыцарство...

— Мы говорим?

— Ну ладно, я говорю. Имею право! Батя-то был арнвейдом клана. Ничем не хуже рыцаря.

Хоть они с капитаном были одного племени — даже со стороны ясно виделось, насколько Ангус ближе к своей природе, чем Шеймус.

— Ну и что нам до старика Фейна? — возразил Люлья. — Ты-то никакой не арн... как его там. Вейд.

— Да и насрать. Мне плащ дороже.

— Так, вот давайте-ка и выпьем за это. — наконец вмешался капитан. — А то ведёте себя как... не знаю кто. Алим, вы уж не судите моих офицеров строго. Как видите, под моим знаменем очень разные люди. Каждый мне дорог, каждого я высоко ценю. Но это как если запрячь в одну повозку коня, мула, быка и верблюда. Тяжко такой управлять.

— Ааа сейчас начнём выяснять, кто из нас мул! — воскликнул Ангус.

— Вот тебя им и назначу, если будешь нести ерунду. Уймись! Мало тем для застольной беседы?

Разговор вскоре свернул к теме военного опыта: словоохотливый Ангус начал расспрашивать Алима о впечатлениях от войны — свежих, чего не сказать о давно привыкших к этому делу командирах. Юноша от беседы не уклонился: в конце концов, таков наказ отца, хотя рассказывать было особо нечего. Алим сражался, но совсем не так, как наёмники. На коне, в окружении защищавших его воинов отца. Вроде и убивал, да толком не видел, кого и как.

— Вот я в первом бою обоссался. — неожиданно заявил Люлья. — Я серьёзно. Живот скрутило лихо со страху... и привет. Забирался на стену с полными подштанниками дерьма, ещё и на парней снизу капало. Ржали потом всю ночь над этим. А сержант сказал: можешь обоссаться, главное — победа.

— Что-то я раньше этой истории не слышал. — заявил Ангус.

— Так я и не рассказывал.

— Тридцать лет не рассказывал? Ха! Не ведитесь, Алим! Есть такая присказка: «врёт как балеарец». Рамон для вас только что эту историю выдумал!

— Ну валяй, расскажи свою, а мы послушаем.

— Нечего рассказать. Не помню я первый бой.

— А я молюсь Творцу Небесному, чтобы он никогда не послал мне таких воспоминаний. — сказал Бенедикт.

— Ну а вы, капитан? Вы помните свой первый бой?

Ангус присвистнул. Регендорф откинулся на спинку кресла, отстранившись. Бенедикт осенил себя крестным знаком ульмисийского бога. Рамон Люлья немедленно выпил. Похоже, Алим задал вопрос, тянувший за собой какую-то не очень весёлую беседу.

Но капитан как раз напился достаточно для неё. Он почесал щёку, задумчиво поглядел в

пустую рюмку и отставил её прочь, вместо того потянувшись за кубком с вином. В бесцветных глазах что-то на мгновение блеснуло, впалые щёки надулись.

— Правда хотите знать?

— Мне любопытно, если соблаговолите.

— Ну, почему бы нет. Я тогда хотя бы не обосрался... и уж точно всё помню.

Над этим все посмеялись, но немного нервно. Капитан сделал несколько глотков, потом достал трубку — для бханга, такую же, как у адмирала Вальверде. Закурил от свечи. Кажется, между двумя командирами правда было много общего, хоть один и оказался женщиной.

Интересно, не слишком ли много общего? Ладно, об этом спрашивать не стоит. Шеймус наконец заговорил.

— Ангус эту историю лучше всех знает: мы уже дружили. Мне было четырнадцать лет. Да-да, любезный Алим, всего четырнадцать. Я был сопляком, хотя и росту такого, как Ангус сейчас.

— Ну уж не такого!

— Не суть. Это было на Великой войне, как вы наверняка догадались. В землях Бомонтов на самом юге Стирлинга, неподалёку от места, откуда я родом. Я ещё не годился в солдаты, а потому торчал в обозе с женщинами и ранеными, пока Ангус бегал по полю с алебардой. На обоз налетела лёгкая конница: странные наёмники, говорят — из-за Орфхлэйта... ну, Восточного Леса, вы это название знаете.

Капитан отвёл взгляд в сторону, к окну.

— Я прятался, пока не увидел, как трое спешившихся пытаются вытащить баб из-под телеги. Тогда что-то разыграло. Эти женщины были добры ко мне, что случай редкий, если честно. Женщинам в жизни я в основном или платил, или... вовсе их не спрашивал. Но не о том история. Короче говоря, я схватил топор — даже не боевой, плотницкий, которым в обозе работали. Подбежал и ударил одного из тех парней по голове, с которого шлем слетел по случайности. Это было как-то странно... Я себе представлял всё иначе. А тут просто: тюк... и он упал лицом в грязь, без звука, без крови почти. Просто упал — и всё. А его товарищ ткнул меня кинжалом. Вот сюда.

Шеймус оттянул пальцем нижнее веко справа: стала заметна маленькая бледная полоска.

— Это мой первый шрам. Лезвие чудом прошло прямо под глазом. И чудом же не вошло в мозг. Я ошалел, отмахнулся топором — и попал ему в лицо. Хотя толком этого не видел. А третий рубанул меня саблей. Вот сюда.

Теперь капитан отодвинул волосы слева: открылась длинная отметина, идущая вертикально вниз через висок, мимо уха и до самой челюсти.

— Это мой второй шрам. Одним глазом я почти не видел, другой залило кровью. Я упал, тот воин навалился сверху. Пытался перерезать мне плотку саблей, а я подставил руку. И он... пилил, пилил мне предплечье, чтобы всё-таки достать до шеи. Вот тут.

Шеймус сдвинул рукав халата и показал Алимусу шрам на запястье.

— Это мой третий. Боли я не чувствовал, как помнится. В итоге выдернул кинжал из-под глаза и стал колоть гада в спину. Раз, два, пять, десять. Колол и колол, даже когда он обмяк и придавил меня к земле, как мешок. Колол и колол, пока с меня не стащили тело. Кинжал из моей руки не смогли вытащить: пальцы свело намертво. Я потом много лет носил тот самый клинок, но в итоге потерял. Не жалко: он был дешёвым, просто запомнился.

Такой вот бой.

Алим счёл уместным промолчать, да и все остальные как-то притихли.

— Кстати, о бабах! — прерывал неловкую паузу Ангус. — У нас тут слишком много мужицкого духу, мне кажется. Меряемся и меряемся. Баб нужно!

Бенедикт только отмахнулся. Люлья тоже не выказал энтузиазма. Однако капитан явно возжелал увести разговор куда подальше от крови.

— Думаю, если ты кого пошлешь за Ирмой и Гайей, то это будет вполне уместно. Наше общество и правда стоит разбавить. С женщинами за столом куда приятнее.

— Дык я и ещё это...

— Себе в компанию кликай кого хочешь. Я надеюсь, наши глубоко верующие люди не против.

Пока наёмники решали этот животрепещущий вопрос, Алим размышлял об отце и его заданиях. Да и не только заданиях: обо множестве вещей, на которые прежде внимание почти не обращал, о которых как-то мельком слышал.

А ещё о том, чьими руками Сулим вскоре может попытаться убить этих людей. И что тогда получится.

Джамалутдин-паша следил за творившимся на площади из закрытого паланкина. Ему не хотелось вылезать под палящее солнце и ещё больше не хотелось внимания к своей персоне. А все глаза, многие тысячи пар глаз смотрели сейчас на одного человека.

— Похоже, в стенах Храма Сотворения ему уже тесно.

— Амбиции нашего друга простираются до самых небесных чертогов: в этом я уверен так же, как в том, что солнце сегодня зайдёт на западе и завтра поднимется на востоке.

Вот здорово бы иметь такую уверенность во всём прочем...

Главное святилище Иама, великолепное здание из девственно белого камня, размером уступало только дворцу халифа. Колоссальный храм, минареты которого едва не щекотали облака, а купол напоминал визирю огромную женскую грудь. Ту, что вскармливает святую веру в столице. Во всём халифате. Таков Альма-Азрак: мать мурадинов, прилегшая на берегу океана. Храм Сотворения — одна её грудь, дворец властителя халифата — другая. Слегка непропорционально, но ничего. Зато метафора вышла красивой: Джамалутдин-паша мысленно похвалил себя.

Но да, Сулиму в этих стенах уже сделалось тесно. Он вёл проповедь на ведущих к храму ступенях, обращаясь к ужасающе огромной толпе. Хотелось сказать, что тут собралась половина Альма-Азрака, но нет, разумеется. Никакая площадь на свете половину населения столицы не вместит.

И всё же: тысячи. Каждый внимает словам верховного жреца, не обращая внимания на зной. Визирь обмахивался пышным веером из павлиньих перьев, а сидевший рядом Валид ар-Гасан такой утончённой аристократической привычке был чужд. По его сурово сморщенном лбу тёк пот.

Они с визирем — такие разные люди... Прирождённый политик, прошедший всю жизнь во дворцах, и прирождённый же воин, ветеран множества славных кампаний в Великой пустыне и южных джунглях. Однако обоим не нравилось то, что они слышали.

Мощи голоса Сулима не хватало, чтобы огласить проповедь на всю площадь. Тут и там стояли люди в белых одеждах, повторяющие его слова, передающие их по цепочке.

— ...и я спрашиваю: должны ли слуги всеблагого и всемилостивого Иама мириться с подобным? Возможно ли искупление греху того, кто закроет глаза и заткнёт уши? Ужели неизмеримая горечь наших женщин, днями и ночами оплакивающих поруганную святыню, не наполнит справедливой яростью сердца наших мужчин? Неверные подонки, хулители Иама и прихвостни Амоама, осквернители святейшего из городов, заполонили столицу. Не родит всходов земля, по которой они ступают! Дыхание их отравляет воздух! В ужасе и отвращении глядит Иам с небес на всю ту мерзость, что свершается ныне в великом Альма-Азраке. Доколе?!

Толпа черни загудела, пришла в движение. Она напоминала отвратительного паука, занявшего всю площадь, шевелящего бесчисленными жёсткими волосками — каждый из оных был человеком. Визирь всегда немного боялся народа, от которого был бесконечно далёк.

И сейчас он испытывал подлинный страх.

Валид, конечно, не боялся ничего. Возможно, не боялся даже Висельника — а чего-либо более пугающего визирь в своей жизни точно не видел. Перед глазами до сих пор

стояла картина того, как наёмник резал горло Исхиле-Камаль. Как из-под клинка неожиданно мощным потоком лилась кровь, как смотрели на пашу остекленевшие глаза женщины. А взгляд Висельника не выражал ничего.

И так же было во дворце халифа. Висельник мог прямо там вспороть живот Джамалутдину-паше, и у него бы даже веко не дрогнуло. Совершенно ни к чему не потребен конфликт с подобными людьми. Но будто мало капризов юного халифа! Сулим ар-Наджиб уже выплеснул всю грязь этой истории на улицы города.

Как бы ни оказаться этим улицам залитыми кровью, причём очень скоро.

— Вольготно чувствуют они себя в столице, словно готовы оспорить право стать её хозяевами. Они пьют вино при свете дня, на глазах Иама, причиняя ему тяжкое оскорбление. Они расхаживают по улицам в нарядах, подобных одеждам демонов Амоама. Они нагло разбили здесь военный лагерь, откуда несомненно планируют вершить зло! Их шлюхи искушают правоверных своим развратным видом, пока наши женщины продают подонкам свои тела!

Сулима понесло так далеко, что визирь едва не рассмеялся. Альма-Азрак всегда ломился от падших женщин, продававших себя любым гостям: вот уж новость так новость! Но многих в толпе такие слова били под дых: сколько там молодых бедняков, неспособных заплатить родне желанной невесты? Если подумать, обычай мало отличался от того, о чём говорил Сулим. Хоть за пару баранов продай женщину, хоть за пару монет: всё одно смешная цена.

Какой бред... Но толпа негодовала больше и больше. Люди бесновались: мужчины потрясали в воздухе кулаками, женщины тянули к небу руки. Тут и там из общего гула вырывались голоса, призывавшие к кровопролитию.

— Что вы об этом думаете?

— Что я думаю? Почтенный Сулим сам говорил на днях о двух формах справедливости. Раз уж его слова о Мансуре не тронули нашего великого халифа, денно и ночью занятого неотложными делами государства, то... что тут скажешь, это было до высшей горечи предсказуемо. Сулим видит Иама в толпе: он всегда так говорил, если помните. К Иаму теперь и обращается.

Валид нахмурился пуще прежнего. Он не был, конечно, жрецом — но всё-таки командовал Святым Воинством и потому имел определённое отношение к Иаму.

— Мерзость. Чего он хочет? Погнать этих оборванцев на пули и пики? Учинить резню руками людей, умами которых владеет? В этом нет чести. Это подло. Если бы вы только дали приказ, я...

— Я не могу дать вам приказ в обход халифа. А халиф, да будут долгими годы его правления, как мы оба знаем, проявляет к ситуации... некоторую степень весьма разочаровывающего всех безразличия. Если он и примет какое-то решение, то нескоро. Да и если уж говорить в высшей степени откровенно, вспоминая то, как вышло с мятежом... иногда нашему великому правителю лучше вовсе ничего не решать.

Воин сжал кулаки в бессильной злобе. Визирь испытывал похожее чувство. И без того непростая ситуация только осложнялась. Усман ар-Малави не сказал ничего определённого на тему балеарских кораблей: дескать, он пообщался с посланником из-за океана, но вереница отговорок по-прежнему оттягивает визит посла во дворец. И цели балеарцев всё ещё не ясны. А тут Сулим со своими проповедями, перешедшими в откровенное подстрекательство к беспорядкам.

Да в плюс к тому...

— А что за стенами, любезный Валид? Что говорят ваши люди?

— Там всё ещё хуже.

— Подробнее?..

Валид утёр лоб. Это визирь был облачён в лёгкие шелка, а предводитель Святого Воинства зачем-то нацепил позолоченный доспех из кольчужного полотна и маленьких пластинок, с бронзовым зеркалом по всю грудь. Хоть не собирался ни с кем сражаться, но часто носил доспехи просто так. По какой-то важной причине, ради которой был готов к мукам на жаре.

— Ашраины близки к отчаянию, а окончательно отчаявшиеся люди опасны даже без оружия. Насколько я знаю, уже три дня у них практически нет пищи, да и воды не хватает: ручьи под стенами пересохли. Они каждый день требуют посланника халифа, чтобы изложить свои прошения.

— Их прошения и так понятны. Я бы сам давно явился для такого разговора... Да только что им скажешь? Передать слова халифа? Тогда получится, что я просто промолчу.

— Эту проблему нужно решать. Толпа под стенами не разбредётся по домам, как многие из нас надеялись. Ашраины настроены серьёзно. В основном потому, что отступать им некуда.

— Когда все они были рабами, выходило проще.

Рабами ашраины перестали считаться при позапрошлом халифе, человеке мягкосердечном и охваченном идеями прогресса. До сих пор бытовали разные мнения о разумности подобного шага. Естественно, никакого счастья свобода древнему народу не принесла: он просто сделался предоставленным самому себе. Ещё беднее и ещё обездоленнее. А тут война. И все те печальные события ближе к границе...

Что теперь делать — непонятно. Разогнать ашраинов силой оружия? А ведь для этого отлично подошли бы как раз наёмники Ржавого отряда. Очень удобное решение проблемы, как и в Фадле. Если бы не поведение халифа, во многом основанное на лжи Джамалутдина и Валида, если бы не Сулим, если бы не...

Усман советовал визирю подготовиться к ошибкам, если не получается избежать их. Легко ему говорить... Джамалутдин-паша всё меньше понимал, к чему именно готовиться.

Шеймус стоял, заложив руки за спину, и смотрел вниз — прямо себе под ноги. Вокруг столпились люди в «ржавых» плащах: они глядели туда же. Сгущались сумерки, в саду вокруг гостевого дворца уже сделалось прохладно, поднималась луна. Птицы замолчали, зато стрекотали цикады. Прекрасный вечер, в такие не должно случаться ничего плохого... но оно случается.

Все молчали. Ирма догадывалась, что мужчины видят. Приблизиться ей не хотелось.

Хотелось сейчас двух вещей: вина и отмотать время на три дня назад. К тому моменту, когда она поддалась уговорам Фарханы, тайком передала послание её родне — и скорый ответ тоже. Дурацкое проявление неуместных чувств. Провалиться бы теперь под землю.

Ах, какой каламбур!

— Вальфри. Ты докладывал, что в каждую щель дворца заглянули. Простучали каждую дощечку, каждую плиточку. Так ведь ты говорил, верно?

— Но мы правда ничего не нашли!

— Ага. И теперь понятно, почему. Искать в саду никому в голову не пришло? Я вас всему учить должен?

Это было едва ли не первое, чем Шеймус приказал своим людям заняться. Он и прежде не доверял мураддинам, а уж после того, как наёмников встретили в Альма-Азраке — не верил вдвойне. Сразу сказал: во дворце, где селят гостей вроде «ржавых», просто обязан иметься какой-то потайной ход. Хозяева должны быть полными идиотами, чтобы не позаботиться о чём-то подобном.

Но наёмники ничего не нашли, хотя искали тщательно. Возможно, капитан решил, что их наниматели всё-таки полные кретины — не первый повод так подумать.

Но мураддины оказались гораздо менее безнадёжны.

— Мы обосрались. — заключил Шеймус.

Рядом с ним будто стало темнее, чем вокруг. Все немного попятнулись.

Теперь-то найти люк, ведущий в туннель, оказалось несложно: благодаря переломанным веткам кустов и прочим следам. Увы, пытаться догнать Фархану не имело смысла — хватились её слишком поздно. Девушка явно сбежала прошлой ночью, а в дворце её толком не искали до обеда. Охранники рассудили, что Фархана с обозными жёнами. Женщины решили наоборот.

К моменту, когда произошедшее стало очевидным, Фархана могла быть уже где угодно. На пути в Фадл. Или в доме своей родни. Или, что хуже всего, в руках Сулима.

— Ну и хренли вы хвосты поджали?.. — процедил капитан. — Ты... ты самый мелкий, так что лезь в туннель. Мы должны узнать, куда он ведёт. Общайте дворец: могут быть ещё сюрпризы. Охрану нужно усилить, но немного, чтобы этого не заметили. Айко, ты займёшься. Не суетитесь, мы должны вести себя естественно. Лейтенанты где?

— Регендорф и Бенедикт в лагере. Люлья и Ангус где-то в городе.

— Пошлите в лагерь и разыщите остальных. Лейтенанты нужны мне здесь... и немедленно.

— Есть!

Шеймус явно начинал закипать, это Ирма чувствовала — но распоряжения он раздавал вполне спокойно и уверенно. Вот только распоряжениями дело не ограничится. Было очевидно: теперь капитан захочет очень быстро выяснить, каким образом побег Фарханы стал возможен.

Ирма заскрипела зубами. Ясно, что мураддинка не могла знать о потайном ходе. Очевидно, каким образом ей про него сообщили. Девочка-то оказалась гораздо умнее, чем выглядела! Она поняла: Ирма, даром что знает мураддинский, не станет читать её записки. Хотя обязана была это сделать! Простейшее действие предотвратило бы всё случившееся. Не говоря о том, что правильнее всего вовсе не начинать совершать глупости...

Фархана воспользовалась сочувствием, в два счёта обведя лимландку вокруг пальца. И уж точно семи пядей во лбу не потребно, дабы понять: побег совершён не с добрыми намерениями. Нет, Фархана только изображала смирение со случившимся и благодарность за то, что ей сохранили жизнь.

Наверняка хочет отомстить.

Как обо всём этом рассказать капитану, Ирма даже не представляла. Но знала, что рассказать придётся — и уже этой ночью.

С балкона третьего этажа открывался прекрасный вид на Альма-Азрак: и дворец халифа, и Храм Сотворения, и порт — вот они. Алим пытался понять, куда именно сейчас смотрит отец, но не мог.

А это было очень важно.

Каково ремесло людей друга Усмана, старика с горы, юноша догадывался. И конечно, они не появились в доме ар-Малави просто так. Отец никогда не рубил с плеча: он предпочитал аккуратные, но решительные действия.

Новости о проповедях Сулима старому вельможе очень не понравились. Новостям о том, что происходило за стенами города, он также не порадовался. А вот рассказ о встречах с Вальверде и Ржавым Капитаном вызвал удовлетворённую улыбку.

— Знаешь, чем мудрец отличается от глупца?

С этой присказки Усман начинал великое множество своих уроков.

— Расскажите, отец.

— Глупец помогает кому-то победить. Мудрец вовремя встаёт на сторону того, кто сам побеждает.

Похоже, это было началом новых распоряжений. Старый ар-Малави опёрся руками о парапет балкона, наклонился вперёд. Внимательно всмотрелся в картину перед собой. Будто мог за один миг изучить огромный город во всех деталях, разгадать все его бесчисленные секреты: великие и малые, достойные и грязные.

— Ещё вчера я думал, что позиции наших любезных друзей сильнее, чем у наших дорогих гостей. И скорее было бы разумно пособить Сулиму в том деле, где он способен только наломать дров. Но посмотри, что происходит?.. Мы едва не взошли на палубу корабля дураков. Которые по-прежнему ничего не делают с ашраинами, будто всё решится само собой. Которые даже не могут урезонить Сулима. А мне казалось, что ничего глупее истории с Камаль-беем на своём веку уже не увижу! Никогда нельзя умалять непредсказуемость глупости.

— И что теперь? Мы поможем капитану?

Отец повернулся к Алису, бросив весьма раздражённый взгляд.

— Ты меня слушал? Во-первых, нет: будем следить за ситуацией, потому что пока она совершенно непредсказуема. И делать ставки рано — мы не на тараканьих бегах. Во-вторых, Висельнику мы и так уже немало помогли. Сын, ты должен быть готов действовать решительно. Я не смогу поручить это твоим братьям: они уже обладают репутацией, которую необходимо беречь. У тебя репутации пока нет. Это по-своему завидное положение.

Алим не привык задавать лишних вопросов, тем более отцу. Кроме того, с детства ему внушили простую мысль: благо семьи безусловно является высшим и всякие меры оправдывает. На том ар-Малави крепко стояли издавна и именно поэтому мало кому в халифате нравились.

Но как говорил Усман — дереву безразлично, что о нём думают бабочки. На его веку перемен в стране было очень много, хороших и плохих, однако любое делало положение семьи более прочным. Всякий ход событий Усман умел использовать себе на пользу.

— Ты ведь готов выполнить любой приказ, верно?

— Без колебаний.

— Например, пойти против симпатичного тебе человека? Или же против людей, которым клялся в верности?

Что скрывается под обоими вариантами, Алим догадывался.

— Всё, что вы скажете, отец.

Усман вновь улыбнулся. Он хорошо умел и скрывать эмоции, и показывать их — смотря по случаю. Вряд ли глава семейства сомневался в Алиме: готовность юноши действовать по всем указаниям проверила ещё война. И она же кое-что изменила в младшем муже рода ар-Малави.

Придворные интриги, женитьба на благороднейшей и богатой невесте, государственная служба — всё это для Алима за последний год слегка померкло. Он ощущал, что способен на нечто иное. Хотя ещё толком не понимал, на что.

Но ситуация складывалась так, будто скоро настанет время проверить.

Айко подпирал своим могучим телом двери, держал секиру в руках и выглядел даже грознее, чем обычно. Он обводил присутствующих не менее тяжёлым взглядом, чем Шеймус, хотя вряд ли полностью понимал разговор. Аззиниец изучил бытовавшее в отряде наречие посредственно.

Что поделать: это могучий воин и человек более верный капитану, чем может быть верен любовно выкормленный пёс. Но... не великий интеллектuala. Почти дикарь, если уж честно. Ирма не назвала бы это недостатком — просто факт.

Другие телохранители капитана — Идвиг Дровосек, Вальфри, гвендл по кличке Лось и тремонец Козимо (тот самый, что из-за небольшого роста и щуплости вынужден был исследовать туннель), выглядели менее решительно. Сцена допроса женщин и охраны дворца отнюдь не вышла приятной.

Капитан быстро шагал из одного конца комнаты в другой: каждое касание пола отдавалось гулким звуком. Он был в ярости, и пусть по лицу не так заметно — но все ощущали, что от Шеймуса вот-вот молния ударить может.

А воздух тут, пусть до сих пор пах цветами и плодами из-за окна — хоть ножом режь.

— Довольно этой болтовни. Я не я, вина не моя... полная блажь. В чудеса и магию нихуя не верю. Я получу нормальные ответы? Или пора по-другому задавать вопросы? Я ведь могу. Вы, сучьи дети, прекрасно это знаете. Добрячка во мне увидели? Расслабились? Думаете, хватка ослабла?

Возможно, никто действительно не мог ничего пояснить о побеге Фарханы. Побледневшие солдаты совсем не напоминали людей, способных в такой ситуации нечто скрывать. Разве только не признавали очевидного: великолепие Альма-Азрака, столь ублажающее после тягот затянувшейся военной кампании, расслабило их.

И как обычно бывает на войне — расслабленность мгновенно оказалась наказана.

Шеймус остановился посреди комнаты. Он возвышался среди своих людей, словно дворец халифа над панорамой города. И чёрный цвет того здания хорошо ложился в сравнение.

— Ну?..

— Я передала послание Фарханы родным. Три дня назад. И ответ на следующий день.

Ирма выдохнула эти слова скороговоркой. Будто груз упал с плеч, но одновременно закрутило в животе, по спине пробежали мурашки. Женщина, хотя и опустила глаза — почувствовала, как на ней в один миг скрестились все взгляды. В лучшем случае изумлённые.

— Ты... что?

— Я думала, это никому не повредит. Она очень просила. Говорила, что здесь есть родня, что ей помогут, что она иначе не сможет решить... Я...

Голос дрогнул, Ирма с силой сжала веки. Дерьмовая ситуация. Но лучше рассказать всё как есть сейчас, чем если правда вскроется после. Её мог видеть только не только Игги. Да и можно ли ему полностью доверять?

— И что там было? В посланиях?

— Я не знаю...

— Хочешь сказать, что решила передавать её писюльки... и даже не читала их?

Ирма лишь молча кивнула. В носу защипало, к горлу подкатил ком, плечи сжались, пальцы задрожали. В наступившей тишине было прекрасно слышно, как под потолком нарезает круги крупная муха.

— Какая ты дура...

— Я...

— Овца. Ты понимаешь, насколько это тупорылый поступок? Да нет, ты не понимаешь... Хотя я, казалось бы, донёс свою мысль ясно и до каждого. Что сложного — проследить за одной девкой? Для вас всех это было трудно? Я лично должен был за ней приглядывать?

Шеймус почти не повышал голос: скорее произнёс это театральным шёпотом, ровным и приглушённым, но прекрасно слышимым. Впрочем, лучше бы он орал.

Ирма боялась поднять глаза. Капитан никогда не бывал с ней особенно обходителен, но так...

Уж тем более — при людях. Ужасно обидно, хотя Ирма понимала свою вину в произошедшем. И всё равно больно. Унизительно. Зачем?.. В конце концов, Шеймус сам был виноват перед ней — лимландка никогда не забывала об этом, несмотря на прощение. Она ведь ничуть не лгала Отцу Пустыни.

Вот бы загадочный местный бог явился сейчас и как-то разрешил положение! Повернул время вспять. Чтобы ничего этого не случилось!

— Ладно. Но я с вами ещё не закончил. Один совет, котятки: если кто-то ещё продолжает что-то скрывать, то пусть этой же ночью рвёт когти к своим местным друзьям. Потому что завтра утром я продолжу разбираться с каждым. Лично. По очереди. И если узнаю о чём-то, не прозвучавшем в этой комнате, то... я такого человека даже не повешу, нет. Поджарю суку в медной бочке. Вы все знаете, что это не шутка.

Они, безусловно, знали. Это в Муанге кое-кто из врагов не прочувствовал ситуацию...

— Если Сулим, Валид или ещё какой-нибудь Хуйлид желает поквитаться со мной, то пусть приходит. Но сначала я разберусь с дураками и предателями. Вон отсюда.

Айко отступил от двери, и никому не потребовалось повторное предложение — солдаты и обозные жёны бросились наружу одной плотной кучей. А вот Ирма шагнула к капитану.

— Послушай, я...

Шеймус её не ударил, конечно — не то от хрупкой лимландки и мокрого места бы не осталось. Просто оттолкнул в четверть силы. Но и этого хватило, чтобы ноги Ирмы оторвались от пола: она упала, больно ударившись, и проскользила по мрамору через полкомнаты. До самой стены.

— Прочь! И не смей показываться на глаза, пока сам не позову. Ясно?

Ирма ничего не смогла произнести. А может, и смогла, но сама того не запомнила. Женщина пришла в себя, только когда Идвиг уже поднял её с пола и повёл куда-то. Он говорил с Ирмой по-лимландски, но та словно забыла родной язык.

Вечер в Альма-Азраке уступал место ночи. А следующее за ней утро не сулило ничего хорошего.

Несмотря на срочный вызов во дворец, Ангус был по обыкновению весел. Понятно, что дело срочное, однако он совсем не ощущал тревоги, и это было странно. Тревожные предчувствия не отпускали почти всё то время, что наёмники провели в столице. Особенно после разговора во дворце и слухов о проповедях Сулима.

Но как-то уж очень сладко сложился вечер. Успело окончательно стемнеть, окна Альма-Азрака засветились, луна поднялась высоко.

Лейтенант приближался к дворцу в компании пары сержантов и троих опытных солдат. Он был порядком пьян, но что поделаешь? Пить сегодня никто не запрещал. Походка лишилась обычной твёрдости, мир вокруг не плыл — однако сделался немного мягким и тягучим. В голове звучала музыка.

Одной рукой Ангус прижимал к себе дородную мураддинку в настолько бесстыдном платье, что Сулим наверняка пожелал бы забить её камнями. Другой — почти равную ему по росту стройную аззинийку: чёрную, как старое знамя командора Мендосы. Обе женщины обошлись вдвое дороже, чем смогли бы отработать даже при исключительных талантах. А ведь таланты ещё предстояло проверить. Но что такое деньги, в конце концов? Пыль!

Солдаты тоже были навеселе. Они пытались затянуть строевую песню, но никак не могли попасть в общий ритм. Так что на улице зазвучал простой похабный куплет.

Из дворца доносился шум, но рассеянное хмелем сознание не позволяло что-либо разобрать.

— Разосрались там, видать. — заявил один из сержантов.

— Ник-ка, ик... Сулим шо-та выдал, так думаю. Капитан, знамо дело, зол. Трахнет мне мозг, точно. Прямо вот на всю длину засадит. Ну, девочки, вам потом меня утешать, верно?

Аззинийка мурлыкнула что-то на своём языке, мураддинка ухватила Ангуса за задницу. Этим красоткам не занимать энтузиазма! Хорошие шлюхи любят свою работу не меньше, чем хорошие наёмники.

— У меняя, ик... ванна. Ванна в покоях. Воот такая. Мы там втроём поместимся. Обожаю ванну. Это вы вспотеете да помоеетесь, а я тут месяцами по пустыням... четыре, сука, года. Ненавижу ебучую пустыню. У меня, ик, на родине только леса. Лес видели когда-нибудь? Не между ног только!

По пьяни Ангусу эта шутка показалась невероятно остроумной. Он заржал в голос, и сержанты следом за ним — но как-то не очень уверенно. Наверное, ради субординации. Ангус сам годами ухахатывался над тупыми скабрзностями командиров: теперь уже не его черёд.

— И у нас леса. — хихикнула чернокожая.

— Видел я ваши леса. Такое ж гумно, как в Муанге. Орфхлэйт — вот это лес! Коли будете умницами, так я вас при себе оставлю и, может быть, отвезу туда...

Они подошли к ограде, окружавшей дворец. Тёмный ночной сад не позволял рассмотреть нижний этаж, но на втором мелькали в окнах тени: и верно, беспокойно. Что-то

случилось, с этим придётся разбираться... Главное — чтобы не до утра, а то гульфик Ангусу нынче сильно жал. Бенедикт может проводить ночи в молитвах, а Регендорф пускай своей зазнобе стихи читает. Или что там делают с женщинами рыцари? Нормальному мужику под светом луны потребно иное.

Возле ворот Ангус заметил по другую сторону ограды часового в «ржавом» плаще. Мерзавец привалился к решётке, присев на её невысоком каменном основании: спит! Трезвым лейтенант пришёл бы в ярость от подобного, но теперь сделался скорее шутлив.

— Эй, ты! — он со смехом толкнул спящего в плечо.

Обмякшее тело беззвучно соскользнуло вниз.

Шлюхи завизжали, пьяные солдаты тупо уставились на труп. У одного сержанта глаза округлились, словно кошачьи. Другой выпустил из пальцев початую бутылку, которую ему вручил лейтенант — но звон, с которым она разбилась, будто вовсе не прозвучал.

— Блядь. — проронил Ангус и схватился за меч.

Запершись в крохотной комнатке для прислуги, где едва можно было развернуться и имелось лишь одно крошечное окошко под потолком, Ирма принялась рыдать.

К этому делу она подошла основательно, хоть и некому было оценить старания. Слезы хлестали не хуже крови из глубокой раны. Они залили щёки и капали в вырез платья, нос тоже потёк. Время от времени Ирма набирала полную грудь воздуха и издавала протяжный рёв, гнусавый из-за забившихся ноздрей. Наверное, её бледное лицо покраснело, как томат. Пару раз в глухую дверь начинали стучаться — это наверняка был Идвиг, но Ирма и не подумала открывать. Вот уж он-то ей сейчас был нужен меньше всех.

Какой толк с его утешений? Да и что Дровосеку ещё придёт в голову?

Вот если бы здесь была Гретель — иное дело... Но увы, подруга ещё до заката ушла в город. Ей, дескать, охота стало повеселиться от души — замучилась работать в лазарете.

Плакать Ирме в конечном счёте надоело. До какого-то момента слёзы помогают, но потом уже нужно что-то другое. Например, вино — которое здесь, как ни странно, нашлось. Бокалов нет, да и пусть. Ирма откупорила бутылку и стала пить прямо из неё, большими глотками.

Вино было самое дешёвое, совершенно негодная кислятина — от подобного Ирма давным-давно напрочь отвыкла. Но ей сейчас не вкусом хотелось наслаждаться, а как можно быстрее опьянеть. На голодный желудок это удалось быстро.

Напившись до того, что губы онемели и ноги стали ватными, Ирма опять разрыдалась. И теперь уже сама не могла понять, почему именно. Кололи изнутри совершенно разные чувства.

Во-первых, чувство вины. Она ведь взрослая женщина, скоро уже не назовут молодой. И она десять лет провела на войне. Как можно быть такой беспечной идиоткой? Последняя дура, какую видывал свет. На ровном месте она натворила дел, грозящих чем-то очень дурным всем людям, что были ей дороги.

— Овца, вот уж правда. Тупая овца.

Во-вторых, она была ужасно обижена. На Фархану, которой спасла жизнь — а эта малолетняя стерва запросто воспользовалась искренней добротой. И на Шеймуса, который так безобразно сорвался. Ушибленный при падении бок до сих пор болел, и это ощущение упорно тянуло наружу давние-давние воспоминания. Те, что совсем не хотелось извлекать из глубины.

Ладно бы хоть наедине, но вот так... ещё унизительнее.

«Несмотря на то, что он с тобой сделал?»

Капитан давно не делал ей больно: ни телесно, ни душевно. Вернее говоря, делал — но тем путём, как Ирме самой нравилось. А случившееся в той комнате напомнило о худших временах жизни. «Несмотря на...» Да, несмотря. Ирма любила Шеймуса изо всех сил. И думала, что он любит её, хотя ни разу не услышала этих простейших слов. Прошло столько лет, они столько пережили вместе, и Ирма отдала капитану всё, что только могла. Однако кто она после всего этого?

«Я разве похож на женатого?»

Любовница? Наложница? Как это называется?

«Вы зря её обидели: она вовсе не шлюха»

Хотя бы так. Уже хоть что-то. Хотя самые простые слова Ирма оценила бы куда выше, чем все эти украшения и платья. Даже выше серёг Исхилы-Камаль, которым иная королева позавидует. Хоть бы раз сказал, что любит её. Хоть бы раз назвал женой!

Ирма злилась и продолжала пить. Пей, плачь, проклинай свою долюшку — любить тебе всё равно больше некого и нечего. Только этого человека и это знамя.

«...но домой ты больше никогда не попадёшь»

А как знать, не сама ли Ирма виновата? Она не столь красива, как многие. Она никогда не станет такой, как Исхила-Камаль или Фархана — можно увезти человека из деревни, но деревня из него никуда не денется. Никак не получается забеременеть — а возможно, именно это бы всё изменило?

Или нет.

Ирма ещё немного поплакала, думая обо всём этом. Уже почти беззвучно, да и слёзы толком не текли — так, пара капелек и жалкое хныканье. Ну почему Гретель не рядом, когда она так нужна? Подруга сейчас тоже пьёт, только ей-то весело. Хотя бы ей весело.

Тут как раз и подкатило «в-третьих».

Прошое десятилетней давности Ирма вспоминала редко. Но вот что успела забыть окончательно, так это чувство одиночества. Одиночества в безжалостном мире, которое сразу порождало страх.

«И не смей показываться на глаза, пока сам не позову»

У капитана было полно недостатков: каждый Ирма видела ясно, несмотря на любовь. За многие годы вместе так, наверное, у людей всегда происходит. Но что бы там ни было — имелось одно несомненное достоинство. Ирма вспомнила сказку про маленькую девочку и большого волка в тёмном-тёмном, мрачном-мрачном лесу.

Места лучше, чем под боком у этого волка, там быть не может. В лесу полно хищников, он её зверь — самый большой, сильный и страшный. И это гораздо важнее всяких глупостей про признания в любви, если толком подумать. Всё равно ей давно не семнадцать. И не двадцать, и не двадцать пять. Сказки для подростков, про прекрасных принцев на белых конях, которые спасают заточённых в башнях красавиц — они с годами теряют смысл. Особенно если вместо принца явился кто-то другой.

А другие сказки — те, что для совсем маленьких детей... вот они с годами обретают новый смысл.

Кроме того...

Эту мысль Ирма не додумала, потому что выпить успела слишком много: веки слиплись, сознание затухло.

Что оборонять дворец уже поздно, Агнус понял почти сразу: едва оказался во внутреннем двореке. Наверху шум ещё слышался, но здесь — только тела и кровь, залившая чёрно-белое подобие шахматной доски под ногами.

Тела мураддинов в неприметной местной одежде, но вполне недурно вооружённых: у некоторых под халатами даже была кольчуга. И тела в красно-оранжевых плащах — на которых оранжевого уже почти не разглядишь. Некоторые из порубленных и заколотых ещё дышали, но это уже на какие-то минуты. Тут никому не помочь.

Ублюдки проникли за ограду незаметно — может, наёмники оказались отвлечены тем скандалом. Или не было никакого скандала, а слышал Агнус именно сражение? Снаружи

дворца никакого боя не вышло, там только перерезали часовых. Первая настоящая схватка состоялась именно здесь: уже за парадными дверьми, во внутреннем дворе.

Врагов много, это уже стало ясно — десятки. Может, полсотни. Или даже больше, раз они потеряли столько людей, но пробились дальше. Наёмники положили первых, кто оказался внутри: изувеченные тяжёлым оружием тела мураддинов напоминали развалившуюся поленницу.

Но потом подоспели новые противники, отрезали охрану от лестницы, зажали в углу. Там всё для парней в плащах и кончилось — кирасы со шлемами не помогли.

— Наверх!

Ангус мог не командовать: его маленький отряд и без того следовал за командиром. Твою-то мать: сержанты и солдаты в броне, а вот лейтенант с одним клинком наперевес! Так много не навоюешь, но что бы ни творилось наверху — нужно туда. Без малейшего промедления.

Первых противников Ангус увидел, когда бежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. Сначала показалось, что трое или четверо смуглых мужчин собираются перекрыть ему путь, атаковать.

Однако мураддины пробежали мимо. Они отступали.

За ними, со слоновьим топотом и громоханием тяжёлых доспехов, нёсся Айко. Чернокожий здоровяк изрыгал проклятия на родном наречии и потрясал секирой: с лезвия разлетались веером капельки крови.

— Айко! Сюда!

Аззиниец тут же потерял интерес к бегущим.

— Пындоры! — он повёл могучей рукой, указывая сразу на всё вокруг. — Везде пындоры!.. Мураддин!..

— «Пидоры». — машинально поправил его лейтенант, хотя место и время для языковых уроков было слегка не подходящим. — Ты прав. Они самые.

Судя по звукам, яростный бой до сих пор кипел в дальней части дворца. Однако покои капитана и штабное помещение, напротив, находились рядом — там, где было тихо. И тишина несколько не радовала. Ангус мотал головой туда-сюда, стараясь скорее определиться. От него ждали приказа.

Ясное дело, найти капитана — первая задача. Только где вернее искать?

— Где капитан? Там? — Ангус указал в сторону, откуда доносились крики и звон стали.

— Не знам. Не там, думам. Женщину ругал. Шёл спат.

Куча лишних подробностей: лейтенанту хватило бы жеста. Он и сам отдал приказ без слов, просто махнув рукой. Всемером они побежали по полутёмному изогнутому коридору, который вёл к покоям капитана.

Первым, кого наёмники встретили, оказался Лось: он лежал плашмя, зажимая глубокую колотую рану на шее. Кровь обильно текла между пальцев. Но стены и пол явно окрасило не только то, что вытекло из наёмника: хорошенько покромсать врагов он успел. Быть может, двоих или троих.

Телохранитель Шеймуса дышал быстро и шумно, взгляд его выпученных глаз помутнел. Лось пытался что-то сказать, но у него не получалось: только хрип.

— Капитан? Где?.. — Ангус и сам говорил не очень, дыхание успело сбиться.

Вопрос раненый понял и указать направление смог. Верное направление: Ангус не ошибся. Хоть что-то складывалось как надо.

— Не ссы, Лось, видал я раны хуже. «Ржавые» от таких не мрут. Эй, ты! — имена солдат вылетели из головы. — Помоги ему. Зови, если чо.

Лось только моргнул в ответ. Прозвали его так не за телосложение, хоть мужик был не из хилых, и не за здоровье. Просто нос и губища — прямо лосиные! Та ещё образина, однако Шеймус выбирал себе телохранителей не за красоту.

Если подумать — он и женщину выбрал явно за что-то иное.

На углу коридора замерли в нелепых позах два человека, за которыми тянулись длинные, размазанные красные следы. Наверняка те самые, кого ранил Лось: ушли говнюки недалече. Ангусу показалось, что один ещё жив — но не было времени ни проверять, ни добивать. Всё равно это уже не бойцы. А цель близка...

У распахнутых дверей капитанских покоев сидел Вальфри. На алебарду, которую наёмник продолжал сжимать, был насажен ещё стонущий мураддин: длинный шип до упора вошёл под рёбра. Это смертельная рана, осталась минута-другая. Раненый негромко булькал, и с каждым звуком из горла выливалась новая порция красного. Другой враг лежал рядом — с разрубленным до самой челюсти черепом.

Увы, но и старик в «ржавом» плаще своё отвоевал.

Остекленевшие глаза Вальфри выражали умиротворение. Один из немногих в отряде, кто видел усыпанное цветами Бахадосское поле. Один из считанных единиц, кто видел и кровь на снегу при Тагенштайне, и одноглазого маршала Фалькао, бросающего свою отрубленную руку в стирлингцев при Перепелином ручье. Да что там: последний, кто видел двух гвендлских мальчишек в той самой кособокой обозной телеге...

Достойный путь и красивый финал: вряд ли Вальфри, так и не вышедший даже в сержанты, мечтал умереть от старости. А на почести сейчас нет времени.

— Шеймус?

Ответа не последовало. Изнутри вообще ничего не было слышно. Ангус осторожно, ожидая засады или чего-то подобного, вошёл в гостиную. И то, что увидел в падающем через широкие окна лунном свете, было по-своему прекрасно.

Первые трупы лежали в дверях: эти двое ползли к выходу, разматывая по полу синеватые кишки, но не добрались. Следующий широко раскинул руки посреди гостиной — его череп был сплюснен, наружу показались мозги, как если раздавить пирожок с ягодной начинкой. Худой мураддин в паре шагов от него ещё бормотал, отбрасывая искорёженную тень. Из-за перевёрнутого дивана торчали ноги в остроносых шерских сапогах. Тело без головы валялось поперёк двери в спальню.

— Шеймус?

Какая-то надежда ещё оставалась.

В спальне трупов было, может, вдвое больше. Здесь кровь покрыла почти весь пол: огромная тёмная лужа продолжала расползаться, уже приближаясь к дальним углам. Кровь натекла из разбитых голов, рассечённых шей, вспоротых животов, обрубков рук. Два, три, пять, десять... сколько их тут всего? Не поймёшь. Переломанная мебель смешалась с изуродованными людьми, как гренки с курицей в салате.

Побоище в спальне выглядело картиной абсолютно безумного, однако гениального художника. Навроде тех пафосных переплетений тел, заставших в единый миг движения, которые рисовали лимландские мастера. Перед огромной кроватью, в самом центре композиции, располагался завершающий штрих: двое убийц, насквозь проткнутые одной саблей. Два куска мяса на шпажке.

Ржавый Капитан лежал поперёк кровати, голый по пояс.

Кое-как пробираясь через трупы, стараясь не поскользнуться, Ангус видел: постель насквозь пропитана кровью, из бедра неподвижного Шеймуса торчит кривой кинжал, а поперёк его груди тянется глубокая рубленая рана — широко раскрывшаяся, как накрашенный рот.

— Шеймус?!

Капитан медленно повернул голову.левой брови у него больше не было — отлетела с большим куском кожи на лбу. В лунном свете светилась обнажившаяся белёсая кость. Ещё одна рана тянулась от скулы через губы — обе оказались рассечены, нижняя раскрылась на два лепестка.

— Нихрена себе ты накрошил!

— Да знаешь... дерутся посредственно.

Ангус и Айко кое-как подняли капитана, мгновенно перепачкавшись в красном. Сержант принялся рвать одежду убитых на бинты. Шеймус был плох — но хотя бы жив и в полном сознании.

— Где Ирма?

— Не знам. — пожал плечами Айко с такой невозмутимостью, будто вопрос был совершенно праздным и никак его не касался.

— Мы тоже не видели.

— Ангус, мы должны её найти.

— А где искать-то? — лейтенант возился с тряпками, пытаясь кое-как закрыть рану на груди капитана: опасное кровотечение. — Куда она пошла?

— Не знаю. Я её прогнал.

— Зачем?..

— Дохера вопросов! Нужно искать.

Ангус присел на кровать и попытался подумать. Снаружи шумели. Может, это отступающие враги. А может, к ним пришло подкрепление? Весьма похоже — кажется, мураддины перебирались через ограду с противоположной от ворот стороны. Да сколько можно-то? И кстати, чьи именно это люди? На Святое Воинство враги не ходили. На профессиональных убийц тоже. Однако и не шваль какая-нибудь...

Эти люди были подготовлены. Недостаточно хорошо, но подготовлены.

— Шеймус, отсюда надо валить. Срочно.

— Ирму я не брошу.

— Может, её здесь нет. Убежала. А может... — ну нет, эту мысль Ангус решил не озвучивать. — Нам нужно в лагерь. Или хотя бы к нашим в порту. Собрать людей. Тогда мы вернёмся... Мы её найдём. Обязательно найдём, слышишь? Но не сейчас. Нужно уходить.

— Да... понимаю.

Сержант помог Шеймусу надеть халат, протянул первую попавшуюся под руку саблю. Капитан и лейтенант смотрели друг на друга в упор, молча. Веснушек и пятен на лице Шеймуса теперь не было видно: оно всё стало красным, только блестели глаза.

Ну да, этот бледный огонь Ангус знал превосходно.

— Хорошо. Пойдём отсюда. Соберём парней, потом найдём Ирму. И перекрасим этот их «синий город» в наши цвета. Оранжевый и красный. Огонь, блядь, и кровь.

Моряцкие таверны, разбросанные вокруг столичного порта, порядком перекрасились в оранжево-красное. Не то чтобы «ржавые» вступали с моряками изо всех уголков света в конфликты, но как-то незаметно оттеснили их из лучших заведений. От пьяных наёмников даже обладатели самых горячих голов старались держаться подальше. И правильно.

Заведение, облюбованное компанией Игги, действительно было довольно приличным.

Ясное дело, лейтенанты со своими свитами отдыхали в местах подороже — но и здесь далеко не дыра для нищих матросов. Скромно, зато чисто, и выпивка вполне достойная. В такое место мог зайти даже небогатый капитан торгового судна.

Хозяин был аззинийцем и наёмникам радовался — особенно чёрным, конечно, которых в отряде хватало. Но цвет кожи интересовал его меньше, чем количество денег в кошельках и готовность с ними расставаться.

На пороге ночи зал набился плотно, чад гулянки всё густел. Почти все люди тут были или в плащах, или хотя бы просто при цветах отряда — немногочисленные посторонние расселись по углам и старались лишнего внимания на себя не обращать. Наёмники плясали на всякий манер, игра на несочетаемых инструментах слилась в какофонию. Кухня работала вовсю. Вино и крепкие настойки лились, словно кровь в запомнившихся Игги сражениях.

Девушки, разносившие выпивку, от попыток ущипнуть или шлёпнуть уворачивались скорее кокетливо: десятник догадывался, что многие из них и дополнительного заработка не чураются. В основном это были не мураддинки. Чернокожие соплеменницы хозяина, кудрявые ашраинские милашки и ещё какие-то женщины, о происхождении которых Игги догадаться не мог. Порт есть порт, кого тут только не встретишь.

В заведении вообще было мало мураддинского, разве только кальяны булькали повсюду.

— Ты б сыграл, что ли!

— Да тут и так играют.

— А я тебя послушаю!

С лютней Игги не расставался: инструмент он любил не меньше, чем аркебузу, которая тоже была при нём. Юноша полагал, что не родись он в обозе отряда — наверняка всё равно бродил бы по свету, только без оружия. Менестрелем.

— Ну ладно. — сказал он и принялся перебирать струны.

Карл, как обычно, ел. Игги казалось, что товарищ вообще всё свободное время посвящает этому занятию. Вот и теперь: толстый солдат запивать едва успевал. Золотые перстни на всех пальцах покрылись жиром.

Зато Кеннет пил и за себя, и за Карла. Он развалился на лавке и следовал сальным взглядом за каждой официанткой — в одной руке держа кружку, а другой поглаживая необычного вида ружьё. Что-то новенькое.

— Ты где эту дуру взял-то?

— У лимландцев купил. Выменял, точнее: на ту херню, которую на шее таскал.

— Не продешевил? Хрень же золотая была.

Игги вспомнил странный амулет, который Кеннет давным-давно спёр невесть где — так и не выяснил, чьему богу посвящена побрякушка. Выглядела дорого, это главное.

— Да пёс с ней. Из золота не стреляют. А это вещь! Там ствол винтом нарезан: бить должна ого-го, только заряжать запаришься. Но пригодится, как удобный случай настанет пальнуть подальше. А замок видал?

Замок у аркебузы и правда был диковинным. Это уже не колесцовый: тут кремень крепился на взводимом рычажке. Ударялся при спуске об ребристую крышку пороховой

полки, одновременно открывая её и высекая искру. Игги слышал о подобных штуках, но никогда не видел воочию.

Сам он по-прежнему доверял только фитилю. Чем проще — тем лучше. Хотя прогресс шёл стремительно: Игги в детстве учился стрелять ещё из примитивной пищали, недалеко ушедшей от совсем старых ручниц. А теперь чего только не встретишь!

— Про ствол интересно. Дашь потом стрельнуть?

— Ну! Как командиру откажешь...

Игги и сам подумывал вооружиться получше, раз деньги появились. Но сначала всё-таки костюм! Неплохие шлем и кирасу юноша уже имел, это главное, однако без приличной одежды несолидно. Подчинённые выглядели уж больно богаче него.

Арджи помалкивал, только пил. Старикан вообще был не из болтливых, но попоек не пропускал. Хуан щебетал по-мураддински с подругой, сидевшей у него на коленях. Красивая девушка — и правда, что она в балеарце нашла? Он хороший солдат, верно — но ведь и уродец, каких мало. Ко всему прочему, девчонка напоминал Игги о Фархане, а это неприятно.

Десятник машинально потрогал повязку на лице. Глупая привычка.

Они всё больше пьянели. Карл куда-то запропастился: может, решил поискать себе женщину, наконец-то вдоволь нажравшись. Хуан увёл подружку прочь — с понятными целями. Арджи совсем окосел, старику-то требовалось меньше других.

Солдаты вокруг завели строевую песню, хлопая в ладоши и стуча кружками по столам — вместо привычных барабанов.

В один момент, когда никто уже не заметил бы, Кеннет шепнул Игги на ухо:

— Слушай, командир. Хочу, чтоб ты знал кой-чо...

— Что?

— Короче, мы оба знаем: я говнюк. И отбитый на всю голову, так уж со мной война обошлась. Я делаю много вещей, которые никому не нравятся. Но это... короче... если ты во мне видишь проблему, то зря. Сам капитан сказал: ты командир. Я принял. Вопросов не имею. В бою со мной напрягов не будет. А вне боя — давай не обострять. Густав мне мозг не трахал, вот и...

— Да я в тебе и не видел проблему. Ты отличный солдат.

— Я отличный стрелок. А отличные солдаты за десять лет хоть как-то выслуживаются. Так рядовым при плаще и помру. Говно судьба, да мне как раз. А вот ты... Ты далеко пойти можешь. Мне так кажется.

— Увидим. Давай выпьем. За понимание!

Интересно, вспомнит ли Кеннет этот разговор позже? Но едва ли он пьяной лавочке кривил душой. Никто бы не сказал, что Кеннет — славный малый, однако одно правда: в бою хорошо плечом к плечу с таким человеком. Вне боя... можно и потерпеть.

Игги негромко играл, что приходило в голову. От беседы с Кеннетом опять зароились под черепом мысли о недавних событиях. Да и о будущем. Второй человек за пару дней сказал: мол, Игги способен на многое. У него, дескать, большое будущее. Вот только правы ли они — обозная жена и аркебузир? Юноша всё время видел рядом тень отца, человека поистине заслуженного. Не переставало казаться, что только родителю Игги обязан вниманием к себе.

А что пока успел сам Игги? Пошёл в бой после тяжелейшего ранения? Много ума не надо. Устроил ту заваруху в Фадле? Да. И явно принёс тем много вреда отряду. Игги даже не

убил Мансура сам: это сделал Кеннет. Далеко ему пока до заслуженной славы Горри.

События недавнего прошлого свершились слишком быстро. Будущее выглядело туманным. И теперь уже на Густава не понадеешься...

Впрочем, дурные мысли улетучились с появлением Гретель.

Красавица из земель Норштата привлекла общее внимание, как всегда. Гретель уже была заметно навеселе и наверняка не собиралась останавливаться. Пришла она в одиночестве: и без подруг, и уж тем более без мужчины. Давно её ни с кем не видели.

Пышные светлые волосы свободно спадали на обнажённые плечи. Вместо простой рабочей одежды, в которой Игги видел её на днях, Гретель надела прекрасное красно-оранжевое платье, плотно обхватывающее большую грудь и тонкую талию, а ниже расходящееся в широкую, тяжёлую юбку чуть выше щиколоток. Вместо полевых башмаков — изящные красные туфли.

— О, Игги! Вот с кем я выпью!

Кеннет присвистнул и пихнул Игги локтем в бок. Тот хотел ответить красиво и уверенно, но опять замямлил.

— Будем считать, я услышала: «Да, дорогая, конечно! Я и выпивку тебе куплю!».

Гретель подобрала юбку и уселась прямо на стол — между Игги и его белобрысым товарищем. Тот отодвинулся, показав раскрытые ладони: мол, я не мешаю! Всё это было для Игги как-то немного неловко.

Так, ладно. Соберись. Ты же десятник!..

— Да, Гретель, конечно. Я и выпивку тебе куплю!

— Так-то лучше. — она игриво подмигнула.

Пила Гретель лихо, не хуже любого солдата. Несколько красных капель стекло по губам: одна упала вниз, и Игги не мог не проследить за этой каплей. Да что там! Он достаточно напился, чтобы откровенно глазеть на аппетитные округлости — безо всякого стеснения. Это язык всё путался, а глаза-то смотрели куда надо.

Наверное, Гретель нравилась здесь всем. Игги исключением не был точно.

Хотя дело не только в красоте. От Гретель всегда исходил холодок: непривычно даже в Ржавом Отряде видеть столь суровую женщину. Непривычно — и оттого интересно. А теперь, когда она была пьяна, веяло ещё чем-то.

Пороком, пожалуй.

Ну точно, им самым. Что на Гретель клейма ставить негде — сомневаться не приходилось, даже если мало слушать сплетни. Поговаривали, будто она и с Ангусом была когда-то, и чуть ли не с самим капитаном. Как знать? Но это не тот случай, когда слухи портят репутацию. Они же не при дворе. Да и те клейма ставили, мягко говоря, не последние люди.

— Хочу танцевать! — заявила Гретель.

— Со мной, что ли?

— Ох, ну что за дурачок! А с кем я разговариваю, спрашивается?

— Я не очень-то умею...

— Придётся учиться. Ты здесь из всех, которые при плаще да звании, самый трезвый. И точно самый симпатичный!

Она снова подмигнула и наклонилась к Игги, открыв весьма завораживающий вид.

— Я ж тебя ещё свёрточком у Навчин на руках помню. Мамка с батеи померли, упокой их Творец Небесный: так кому ещё плясать научить?

Похоже, плащ и чин десятника начинали окупать себя не только деньгами — взамен на весь неожиданный и непрошенный груз.

Действительно: не с простым же солдатом Гретель танцевать? Юноша вспомнил, как первым из наёмников коснулся стены Фадла, и почерпнул из этого воспоминания немного уверенности.

Когда Ирма поняла, что за шум её разбудил, хмель рассеялся мгновенно.

Это был бой, вне всяких сомнений. На дворец напали. Кто, зачем, почему?.. Лимландка отчётливо слышала крики и звон стали. Она прильнула ухом к тяжёлой двери. Осторожно, боясь выдать себя малейшим шорохом.

Крики по-мураддински. Топот множества ног по лестнице. Лязг, вопль боли. Сигналов тревоги не слышно, а это может значить только одно: их не успели подать. Теперь уже некому. Ирма крепко зажала рот ладонью, вцепилась в неё зубами — чтобы самой не закричать.

Совсем рядом! Вооружённые люди сцепились шагах в пяти от двери, не дальше. Что там творится?

Что делать?..

Ирма нащупала рукоятку кинжальчика, который болтался на поясе. По сути и не оружие, так: чьи-нибудь страдания прекратить. В крайнем случае — предотвратить собственные. Никакой уверенности маленький клинок ей не придал. Да и чего удивительного? Это Гретель храбрая. И жестокая. А вот Ирма...

Плохое время для самобичевания, конечно — как бы она ни любила посетовать на собственные недостатки, реальные или мнимые.

Переждать здесь?

Дверь крепкая, но именно поэтому её могут решить вынести. Да и как знать, не горит ли уже дворец? Ирме чудилась гарь, но уверенности никакой — у страха глаза велики. А страх всё больше наполнял её, наполнял с каждым мгновением: как песчинки в часах падают. Одна за другой. Раз, раз, раз...

Женщина сильнее сжала зубы. В глаза опять будто песка бросили. Где Шеймус? Почему она не с ним? Будь капитан рядом — не было бы страшно. Ни капельки! Но...

А вдруг...

Нет, этого не может быть. Никогда. И думать не смей.

Ирма всё прислушивалась, пытаясь что-то понять. Бой шёл на втором этаже, но не прямо у двери. Где-то в отдалении справа: там жили лейтенанты. И слева тоже: там, где устроили штаб. И где Ирма сейчас должна была лежать на огромной кровати под потолочным зеркалом. Там, где её было кому защитить.

Но увы.

Разумнее всего пересидеть. Тихо, как мышка. Да, нужно...

Послышались шаги: кто-то приближался к комнате для прислуги. У Ирмы перехватило дыхание. До последнего момента она надеялась, что враг пройдёт мимо — но дверь задёргалась. Человек по ту сторону наверняка понял: заперто изнутри.

— Открывай!

От ужаса Ирма даже не поняла, на каком языке это прозвучало.

— Ирма, открывай! Скорее! Это я, Идвиг!

Не совсем то, что она мечтала услышать — зато много лучше того, что услышать ожидала. Лязгнул засов, по полу протянулась полоска света. Идвиг Дровосек был весь в крови — но сразу ясно, что в чужой. Ярко-алая кровь, такая льётся из горла.

Идвиг сжимал маленький топорик — старая привычка. Его оружие лишь казалось

несерьёзным в сравнении с красивыми мечами, огромными алебардами и секирами, жуткого вида тесаками и боевыми молотами, которые предпочитали другие наёмники. Дровосек умел работать топором. Он не стал бы телохранителем капитана, не слыши одним из лучших бойцов среди «ржавых» — уже много лет и по праву.

На этого человека можно положиться. Тем более что... Ах, не время для этого.

— Пойдём!

Идвиг схватил Ирму за руку. Она поначалу упёрлась.

— Шеймус?..

— Нет времени! Мы сейчас не поможем ему. Надо уходить, прошу тебя, скорее!

Пришлось подчиниться. Идвиг потащил Ирму по коридору, затем — вдоль баллюстрады второго этажа, опоясывающей внутренний дворик. На той стороне мелькали тени, но кто с кем бьётся, кто побеждает — не поймёшь. Внизу, на шахматном чёрно-белом полу, в беспорядке валялись тела.

Оставалось надеяться, что их с Идвигом никто не заметит. Впрочем, скоро Ирма немного пришла в себя — и бежать без оглядки ей расхотелось.

— Что значит «мы ему не поможем»? Что с ним? Говори!..

Она брыкалась, пытаясь заставить Идвига остановиться и всё объяснить. Без толку, конечно — солдат был гораздо сильнее.

— Я не знаю. Там много людей. Не шуми, пожалуйста!..

Они добрались до угла и нырнули в другой коридор, тёмный и безлюдный. Ирма помнила, что в конце — узкая лестница, ведущая наружу. Если от тех дверей для прислуги пройти через сад — окажешься возле вечно запертой калитки. Хороший план!

Но до лестницы они не дошли: впереди показались силуэты людей в мураддинских халатах. Ирма едва не вскрикнула, но Идвиг вовремя накрыл её рот ладонью. Наёмник развернулся, подхватив женщину, однако и сзади приближались враги.

Что хуже всего — их заметили.

— Дерьмо!

Дровосек с Ирмой подмышкой бросился к ближайшей двери, распахнул её плечом. Женщина не поняла, что это за помещение: заметила лишь окошко с видом на сад. Позади топали, кричали по-мураддински.

— Куда бежать?..

Идвиг огляделся.

— Да всё уже. Некуда.

Это и правда оказался тупик. Комнатка почти без мебели — даже попытаться спрятаться негде. Они замерли возле окна: ноги Ирмы наконец коснулись пола, но Идвиг по-прежнему крепко прижимал её к себе.

Кабы враги, которые вот-вот должны ворваться сюда — сцена сошла бы за романтическую.

Голова совершенно опустела: ни единой мысли. Никакой воли. Ирма просто не могла заставить себя подумать, как теперь поступить и что будет дальше. Мураддин с длинной саблей показался в дверях: за ним протискивался другой, а следом и ещё...

Неужели вот так всё должно закончиться? Ирма вспомнила Отца Пустыни. Сейчас этому божестью скорее пора молиться, чем Творцу Небесному. В конце концов, Творец Небесный ни разу с ней не говорил.

Ну нет. Нет! Что-то должно было случиться — и оно случилось.

Так быстро и неожиданно, что лимландка не успела никак возразить, не смогла ничего сказать или сделать. Идвиг впился в её губы: короткий и грубоватый поцелуй.

— Вспоминай меня почаще, ладно?

И он вытолкнул Ирму в окно.

Наплясались досыта — Игги не жаловался на плохую форму, но немного запыхаться успел. Да и Гретель вся покраснелась, а ещё пуще завелась: от неё сейчас трубку прикурить можно было.

Арджи дремал, привалившись к стене, Карл с Хуаном так и не показались, Кеннет тоже ушёл на поиски чего-то поинтереснее выпивки. Но стол занять никто не решался — их десятину в отряде крепко уважали, ведь на хорошем счету у самого Бенедикта.

Так что Игги с Гретель остались вдвоём, если не считать спящего старика. Кружки освежили, становилось всё веселее.

— Можно?.. — красавица кивнула на аркебузу.

— Конечно.

Оружие было заряжено, но пока фитиль не горит — никакой опасности.

Гретель с почтительной осторожностью взяла аркебузу в руки, внимательно осмотрела. Нежно провела ладонью по стволу, обхватила его пальчиками, увешанными золотыми и серебряными кольцами — это заставило Игги подумать известно о чём.

Волосы Гретель, не собранные ни в какую причёску, совсем растрепались в танце. Прилипли к вспотевшему лбу, обвились вокруг шеи, забрались под край платья. Голубые глаза утратили обычный холод — теперь совсем осоловевшие. Грудь, подхваченная снизу лентой, тяжело поднималась при дыхании.

Какая же она всё-таки красивая! Хотя и правду говорила: годится Игги в матери. Рядом с Гретель не было никакого желания думать про кого-то ещё.

Даже про Фархану. Как ни удивительно.

— Обожаю оружие. — произнесла она с придыханием.

— Кто же его не любит?

— Горе тому, кто не любит.

Гретель продолжала изучать аркебузу. Осмотрела замок, потрогала рычаг. Повращала в руках, любуясь отражением света на полированном дереве и матовой стали. Ясное дело, аркебуз она в жизни видала множество. Потому Игги надеялся, что Гретель интересно именно его оружие.

Она и ещё кое-чего видала достаточно. Потому Игги надеялся...

— Обожаю, да. Кто мы без оружия? Жалкие людишки в огромном злобном мире. Большие люди собирают армии, считают барыши, политикой занимаются. На нас глянь — кто мы? Грязь из-под ногтей. Ничто. Но это если без оружия! С оружием... Пуле-то без разницы, кто есть кто. Рыцари, правители, все эти бооольшие люди... ба-бах!

Она рассмеялась. Упёрла приклад в плечо, направила ствол в потолок. Нажала на рычаг, будто выстрелила.

— Ми-шень-ки. Вот они кто, когда мы при оружии. Каждый говнюк, невесть чего о себе мнящий. Лорд-хренорд, рыцарь-херьщарь... Сраная, матушку его, ми-шень-ка. Бах! Вот что мне здесь всегда нравилось: глянешь на рекрутов... Мальчики как мальчики. Выстроит Люлья новобранцев: обнять и плакать! Сопли утирают, каждый третий без сапог, через

одного ещё борода не растёт. Но они берут в руки оружие — и скоро превращаются в мужчин. Как ты.

Было приятно, что она видела в Игги мужчину. Сам десятник ещё не в полной мере ощутил себя таковым.

— Сколько людей ты убил, Игги?

— Ну... я не знаю, честно говоря.

— Понятное дело. Но мне кажется, что уже достаточно. Ладно, а кого последним?

— Человека Мансура в Фадле. Ну... в том доме.

— Застрелил?

В подобревших было глазах цвета льда опять сверкнул тот тёмный огонёк. Кровожадный. Ей точно нравились такие истории... Самое время угодить, хотя Игги не привык хвастаться подвигами. Их на счету-то водилось всего ничего.

— Нет. Мечом убил.

— А как именно?

— В смысле?

Гретель положила аркебузу на стол, отхлебнула вина. Потом придвинулась к Игги, закинув ногу за ногу. Юноша старался смотреть ей в глаза, но выходило так себе — взгляд упорно опускался ниже, тут уж ничего не поделаешь. Естественно, Гретель это заметила. И ничуть не возражала против такого внимания: скорее даже подначивала.

— Ну расскажи мне, как? Голову ему снёс? Кишки выпустил? Расскажи. Хочу подробности!..

И в чём такой женщине откажешь?

— Ну, проткнул. Голову. Так получилось: меч ему прямо в рот попал.

— Ух ты!

Гретель вытащила из-за пояса кинжал: длинный и широкий, с круглой гардой. Оружие довольно серьёзное — большинство обозных жён носили клинки поменьше. Гретель глядела на лезвие: быть может, рассматривала своё отражение. А потом поднесла остриё к губам.

— В рот, говоришь. Звучит прям-таки... волнующе. Никогда такого не видела.

— Оно не то чтоб красиво вышло...

— Я ж и не сказала: «красиво». Я сказала: «волнующе». Ты такого слова не знаешь, что ли?

— Ну почему, знаю.

— Ну вооот...

Гретель запрокинула голову, прикрыла глаза. Остриё кинжала скользнуло вниз — от губ к подбородку, по шее, затем к груди. Легко, едва-едва продавливая кожу, но на самой грани того усилия, когда причинило бы порез. Игги не мог оторваться от этого движения.

Острая, холодная сталь на нежной, горячей коже. Великолепно.

— А я последнего вот этим кинжалом колола. Тоже в Фадле. Говнюк среди трупов прятался, ты представляешь? Вообще-то он не так умер. Башку ему разбила в итоге. Бух! И мозги туды-сюды. Такое-то ты всяко видал.

— Слушай, а как ты попала в отряд?

Поди объясни, зачем Игги задал такой вопрос. Просто вдруг в голову пришло. У самого-то об том не водилось интересной истории, потому вечно всех спрашивал.

Гретель нехотя приоткрыла глаза.

— Не от хорошей жизни, милый. Дерьмовая история. Может, когда-нибудь расскажу...

Давай не сейчас, ладно?

— Ладно-ладно. Извини.

— Не за что извиняться. Кому извиниться стоило, те уже... извинились. Ублюдки. Не важно. Это было очень давно.

Она убрала кинжал, взялась за кружку и мило сморщила носик: почти пусто! Игги уж было хотел сказать: мол, сейчас кликнет, чтобы налили ещё. Но Гретель его опередила:

— Шум, гам. Пошли куда потише? Может, расскажу тебе чего интересного. Или ты мне. Или ещё чем развлечёмся, а?..

Ирма упала на ушибленный ещё вечером бок — и это было очень больно. Воздух в сжавшейся от удара груди чуть лёгкие не разорвал. Рёбра, кажется, хрустнули. Но она всё ещё оставалась живой.

Наверху Идвиг сражался с мураддинами, и помочь ему было уже нечем. Нужно спастись самой. Он поступил так, как поступил, с одной целью: чтобы Ирма выжила. Не годится разочаровывать.

Еле-еле приподнявшись, Ирма первым делом сбросила туфельки на невысоких каблуках. От них теперь только вред. Осмотрелась. Похоже, с этой стороны в саду ни души — до ворот далеко, а вот та самая калитка рядом. Нужно бежать, хоть куда-нибудь — подальше отсюда, к лагерю или в другое место, где есть свои. Но через ворота... это рискованно.

Слишком рискованно. Ворота наверняка стерегут.

Превозмогая боль, женщина поднялась на ноги и побежала к густо растущим деревьям. Хоть и хотелось спешить в совсем другую сторону, найти Шеймуса — но это сейчас просто глупо. Во дворце её наверняка ждёт только смерть.

И вдруг... нет. Нет, этого не может быть. Даже думать не смей.

Из глаз снова капало, дышать получалось только через рот, но это было не важно. Ирма неслась через тёмный сад без оглядки. Кажется, пока её никто не преследовал. Может, Идвиг справился с убийцами?

Или хотя бы выгадал Ирме немного времени. «Вспоминай меня почаще...»

Хорошо.

Пришлось продирается сквозь колючие кусты, больно впивающиеся в кожу. Шумно, но сейчас дороже всего скорость. Вот и калитка.

— Ну что за...

Ирма прежде не успела подумать, как именно станет перебираться через ограду. Забор слишком высокий для неё: сильный и рослый мужчина ещё кое-как перелез бы, но точно не она. Калитка, разумеется, крепко заперта — и думать нечего как-то взломать замок. Но нужно что-то делать.

Ирма попыталась сосредоточиться.

Ограда стояла на невысоком каменном основании, стальные прутья шли прямо из него. Но вот под калиткой камня нет. К счастью, сделать порог поленились: всё равно ни один мужчина туда никак не протиснется. Концы прутьев едва-едва не доставали до земли, но всё же, всё же... там было немного пространства.

Ирма едва не рассмеялась.

Она годами завидовала пышной фигуре Гретель. Конечно, мужчинам такое нравится

больше, чем типичная для ирминого народа худоба! У лимландок ни за что особо не поддержишься, известное дело. Но теперь именно стройное сложение стало шансом спастись.

Ирма легла на землю и начала протискиваться под решёткой. Голова прошла, но дальше стало сложнее. Ох, лучше бы она была совсем плоской, как большинство землячек! Вроде Гайи. То, что Ирму хоть немного в себе радовало, теперь сделалось большой проблемой.

Нижние торцы прутьев не были острыми, но всё равно вгрызлись в кожу спины, с треском разодрали платье. Плевать. Другого шанса нет. Цепляясь за булыжники мостовой на той стороне, Ирма отчаянно тянула себя наружу. Но спине побежала кровь.

Очень, очень больно, но нужно терпеть. Иначе никак. Она сорвала ноготь — вышло ещё хуже, чем впившиеся в спину прутья, аж в глазах потемнело.

Ну же! Ещё немного!

В какой-то момент Ирма почти сдалась. Ничего не получится. Слишком больно! А потом вспомнила слова Отца Пустыни.

«Ему не справиться в одиночку со всем тем, о чём нынче пишет Книжник».

Конечно же, Шеймус выберется. Не может быть иначе. Он сильнее кого угодно, он сильнее их всех. Он — самый страшный зверь в этом лесу. Большой волк. Куда там шакалам каким-то... Он убьёт их всех. Как тогда, при осаде Индельбурга. Шесть норшгатских рыцарей решали, кому принять вызов, но капитан в итоге сразился с каждым. И убил всех, одного за другим. Забил их булавой, как гвозди в доску.

Шеймус выберется, но и Ирма должна.

И она всё-таки протащила себя наружу.

Ненадолго лимландка позволила себе слабость. Она лежала, касаясь щекой холодного камня, и плакала от боли. И от страха тоже. Однако потом взяла себя в руки: это ещё не конец. Спасение ещё очень-очень далеко. Нужно бежать.

Только на бегу Ирма поняла, что сильно ушибла не только бок. Одна нога подкашивалась, при каждом шаге колено простреливало насквозь. Но убегать всё равно нужно, хотя женщина толком не понимала, куда. Она совсем потеряла ориентиры. Где лагерь, где порт? Нет времени думать. Куда глаза глядят! Лишь бы подальше отсюда.

Увы, очень скоро её грубо окликнули. Ирма обернулась: трое вооружённых мураддинов спешили за ней.

Шансов оторваться мало, конечно — однако в бою их нет вовсе. Потому Ирма помчалась, что было сил. Несмотря на боль в рёбрах и колене, на то, как саднило залитую кровью спину при всяком движении. Боль, впрочем, чуть-чуть утихла: страх делал своё дело.

— Стой!..

Ну да, конечно! Догонят — она ещё успеет зарезать кого-нибудь.

За пустынной улицей началась более-менее оживлённая: прохожие в мураддинских одеждах оглядывались вслед Ирме, однако что толку просить у них помощи? Надежды спрятаться тоже никакой: преследователи слишком близко, отстают на десяток шагов. Да всё ближе и ближе.

Хорошо, что юбка разорвалась, зацепившись за решётку: теперь она не мешала бегу.

Какие-то дома, перекрёстки, вывески... Лимландка не могла понять, куда несётся, что видит перед собой. Только успевала уворачиваться от фигур, встающих на пути. Становилось всё болеелюдно, очередная улица неплохо освещалась — но Ирма помнила о проповедях Сулима и не надеялась, что кто-то из местных захочет её спасти.

Скорее предпочтут смотреть на то, что с ней сделают, и улулюкать.

Ничего, скоро подонки горько пожалеют! Обо всём. Ирма припомнила Рачтонг. Картины той резни прежде вызывали у обозной жены отвращение, но теперь ничто не могло воодушевить её сильнее. Муангцы слыли утончённым народом — во всём, и в жестокости тоже. Быть может, когда дошло до мести за замученных пленных, «ржавые» и не впечатлили муангцев изяществом в пытках и убийствах — зато сполна взяли размахом. Весь Шер говорил о Рачтонге, леденя от ужаса.

А этим скотам придётся ещё хуже!

На повороте преследователь чудом не ухватил Ирму за плечо: уже вцепился в платье, но ткань порвалась, позволив вырваться. Женщина споткнулась, пролетела кубарем мимо чьих-то ног, но тут же вскочила и побежала снова.

Увы, силы постепенно оставляли её.

Лёгкие не справлялись, каждый вдох отдавался жуткой болью в боку. Колено больше не желало сгибаться, бёдра свинцом налились. У самого уха вжикнула сабля — Ирма сумела увернуться. Из последних сил она ещё немного ускорила, но этот рывок вышел смехотворно коротким.

Как ни хотелось отогнать эту мысль, но становилось всё очевиднее: ей не убежать.

В глазах прохожих Ирма видела лишь любопытство или безразличие — уж точно никакого желания помочь. Наверняка, несмотря на растрёпанные волосы и порванное платье, муррадины прекрасно понимали, кто она. А наёмников в этом городе никто не любил. Особенно в последние дни.

— Помогите!.. Пожалуйста!..

Тщетно. Никто не бросится её спасать. Слезами тут никого не разжалобишь.

Колени подкосились: Ирма рухнула на брусчатку, едва успев подставить руки. Отбила ладони, но на фоне прочего боли почти не почувствовала. Её отрыв вмиг сошёл на нет — убийцы оказались рядом. Ирма перевернулась на спину и вытащила кинжальчик. Тык — сталь легко прошла через лодыжку мураддина. Он вскрикнул и отшатнулся. Сверкнула в свете фонарей и луны другая сабля: Ирма успела перекатиться в сторону, сталь звякнула об камень. Но третий противник тоже настиг её: уже примеривался для удара.

Хорошо ещё, если смертельного. В любом случае Ирма не собиралась сдаваться живой: какой в этом смысл? Рассчитывать на что-то хорошее не приходилось, а случившееся десять лет назад больше не повторится. Нет-нет-нет, даже не мечтайте.

Десять лет назад Ирма была совсем другим человеком. Да и враги были совсем другие.

Ирма подползла к ближайшей стене, выставляя перед собой кинжал. Понятное дело, испугать им троих мужчин с саблями было невозможно. Люди вокруг расступились, вмешаться не пожелал ни один. Ничтожества!

Очень, очень похоже на конец. Во дворце рядом был хотя бы Идвиг. Теперь Ирма осталась одна.

Однако убийцы замерли: Ирма не сразу поняла, из-за чего. Похоже, некто вышел из дверей дома, к стене которого женщина прижалась — показался прямо у неё за спиной. На того человека муррадины и вылупились. Ирма тоже обернулась.

Бах!..

Знакомый хлопок пороха, свист пули. Ирма услышала, как со звоном упала на мостовую сабля. А ещё услышала крик боли.

В дверях стоял мужик с такой густой чёрной бородицей, но сначала лимландка приняла его за мураддина. Рубахи на нежданном спасителе не было: только расстёгнутая куртка,

отрывающая взору огромное волосатое пузо. Он держал на вытянутой руке пистолет, переводя пьяный взгляд с Ирмы на мураддинов. Струйка порохового дыма ещё тянулась из дула.

Только теперь женщина узнала оранжево-красные цвета. Бородач разинул рот и завопил:

— Тревога!!!

Они стояли возле окошка на узком лестничном пролёте. Туда-сюда сновали люди, но до парочки дела никому не было. Кто в таком месте присматривается к творящемуся в тёмных углах?

Если точнее, в углу стоял Игги: как-то неосознанно попятился, а решительно подступившая Гретель отрезала всякие пути к отступлению. Юноша чувствовал себя неловко.

Потому что место не самое уединённое. Потому что прежний его небогатый опыт с женщинами подобных сцен не включал: только сцены оплаты, ну и... Ну да: как вышло с Фарханой. Фу... Лучше не вспоминать.

Ну и ещё потому, что это сама Гретель — кто бы из наёмников сейчас на место Игги не захотел? Эх, Кеннет бы не растерялся!.. Ледяные глаза оказались совсем близко. Грудь, впрочем, была гораздо ближе.

— Зачем тебе эта повязка, милый? Зажило ведь.

Юноша машинально прикоснулся к повязке, хотя коснуться хотелось кое-чего иного.

— Ну... там ничего хорошего.

— Покажи мне.

— Зачем?

— Хочу! Покажи. Может, потом и я тебе кое-чего покажу, а?..

Гретель и не стала дожидаться разрешения: сама стащила с лица Игги оранжево-красный платок, а тот и не сопротивлялся. Лишь надеялся, что в полутьме всё выглядит капельку менее ужасно, чем при свете дня.

Пустая глазница. Проломленная скула, осколки которой вытащили — осталась неестественная впадина. Дыра в виске, закрытая прикрученной к остаткам кости монетой. В ключья разорванная щека: сшили как могли, лишь бы зубы не торчали наружу. О красоте никто уже не заботился.

Это точно не такие шрамы, которые украшают. Это абсолютно отвратительно.

Но во взгляде Гретель не было ни капли отвращения. И какого-то сопливого сочувствия тоже не наблюдалось. Она изучала жуткое увечье Игги с интересом — и лишь толикой горечи. Словно ей было жаль не десятника, а его некогда красивое лицо само по себе. И то чуть-чуть.

— И ты правда этого стесняешься?

— Ну... выглядит дерьмово.

— Ах...

Гретель немного отстранилась и повернулась к десятнику спиной. Сгребла свои светлые локоны, убрала их за плечо, обнажив шнуровку платья.

— Развяжи.

— Что?..

— Творец Небесный, вот уж о чём я дважды никого не просила!.. Развяжи. Я же тебе обещала кое-что показать?

Шнуровка поддалась легко. Едва Игги чуть раздвинул ткань, как понял, о чём идёт речь.

На спине Гретель живого места не было: почти от плеч начинались ужасные рубцы, которые и слепой ощутил бы пальцами не хуже, чем Игги — оставшимся глазом. Переплетение жутких бугров, похожих на горные цепи.

Это не розги и даже не плеть. Определённо кнут. И наверняка ниже — ещё хуже...

— Кто это сделал?

— Тот, кто давно сдох. В заслуженных, сука, муках! О да, эта свинья сполна расплатилась, можешь не беспокоиться. А шрамы... ха. Мне ещё пришлось тогда постараться, чтоб спиной ограничилось. Понимаешь, милый... нас всех война изуродовала. Всех. Кого только внутри, но большинство — и так, и этак.

Игги робко гладил кончиками пальцев шрамы Гретель, испытывая странную помесь сочувствия с возбуждением. Хотя... странную? Что-то подобное уже было. Совсем недавно. Но в совсем иной ситуации.

— Так что не стесняйся своего лица. Ты же не по пьяни со стены упал. Это в бою. Ты же, ты же...

Гретель снова повернулась к нему. Развязанное платье немного соскользнуло: оно и так сидело низко, а теперь почти открыло грудь. Совсем бы упало, будь грудь Гретель поменьше. Женщина совсем вдавила Игги в угол.

— Ты ж окромя войны и не видел ничего. Ты просто не понимаешь. Почти все людишки на толику такого не способны, что могут парни вроде тебя. Народец всё больше мягкий, как дерьмо. А под ржавчиной-то всегда... Сам знаешь. Железо. Железо — оно и есть железо. Даже если дерьмово выглядит.

Ладонь скользнула по шее Игги, ногти впились в кожу под затылком. Гретель прижалась мягкой, тёплой щекой к лицу изуродованному лицу десятника. Прямо к криво зашитой щеке и тому месту, где булава проломил череп. Нежно-нежно. Игги дёрнулся было, хотел отстраниться — хоть на самом деле вовсе не хотел, непроизвольно вышло. Рука Гретель не позволила этого сделать.

Игги вспомнил, как его лица коснулась Ирма: тогда это было по-матерински. Да, почти такими он помнил руки Навчин. А вот теперь вышло совсем иначе. Никто прежде не прикасался к Игги так, как Гретель. За деньги так не делают.

— Знаешь, у меня здесь три мужа было. Всех убили. Говорят теперь, будто я погибель приношу! Пускай. Я ведь, Игги, не шлюха. Я замужем за этими цветами. Ржавчина. Огонь и кровь. Вот что я люблю, и ничего... ничего другого, милый. А ты уже заржавел, верно? Так время летит...

Игги наконец преодолел стеснение и обнял Гретель за талию. Потом опустил руки ниже: на ощупь там всё было ничуть не хуже, чем на вид. Лучшего и не пожелаешь! Гретель положила ладони ему на грудь, чуть оттолкнулась — лишь чтобы добраться губами до губ.

Но они так и не поцеловались.

Прозвучал выстрел. На выстрел Игги плевать хотел — мало ли что в портовом квартале стряслось, но следом с улицы донёсся голос Карла:

— Тревога!!!

Да вашу ж мать...

Почему сейчас? Почему какое-то дерьмо случилось именно этой ночью? Почему не

часом позже, да хоть на полчасика? Ни один солдат никогда не радуется тревоге, но сейчас Игги был просто в бешенстве.

Красивое лицо Гретель тоже скривилось — она была расстроена не меньше.

— Ну что у нас с тобой за жизнь, а?.. Беги. Беги, чего ждёшь?

— Мои руки чисты!

Ну конечно. Руки Сулима ар-Наджиба были так же чисты, как его белые одежды. Лицо, впрочем, выражало праведную ярость.

— И я даже сожалею о том, что они чисты! Учитывая всё то, что узнал!

Джамалутдин-паша постарался выразить свой вопрос без слов, взглядом.

В чём Сулиму не откажешь, помимо харизмы — так это во вполне искренней скромности. Хоть и будучи человеком высокого происхождения, да забравшимся на самую вершину духовенства, он жил в самых простых покоях и довольствовался крайне малым. Проповеди, которые жрец обращал в черни, в этом вопросе были вполне честными.

Он делал всё, что делал, не ради мирского. Ради славы всевеликого Иама, во вред презренному Амоаму.

Нет, вопрос всё-таки придётся озвучить.

— Этими словами вы желаете убедить меня, что никоим образом не причастны как к нападению на дворец, который халиф великодушно предоставил командирам наёмников, так и к тому, что в столь поздний час происходит, к великому моему беспокойству, на улицах?

— Разве только тем причастен, что добрые верующие вняли словам, которые я произносил открыто. На площади. Не имею понятия, что за люди призывали вечером народ на улицы. И тем более не знаю, кто совершил нападение, о котором вы говорите. Я услышал об этом только что, можете поверить.

Нельзя было исключить, что он говорил правду. Визирь легко поверил бы в желание Сулима сделать именно то, о чём говорил недавно Валид: собрать толпу и повести её против наёмников. Допустим... Не просто так же он читал свои речи. Но нападение на дворец было не в его стиле, да и совершили его явно не люди на службе ар-Наджибов.

Всё это куда больше напоминало совсем другого большого человека в Альма-Азраке. Однако напоминало — и только, а множить сущности без нужды не есть признак мудрости.

Валида в скромной комнате не было. Он на улицах — пытается разобраться, что происходит в столице и как на это нужно реагировать. События с вечера развивались быстро, Джамалутдин-паша не успел собрать информацию и вникнуть во всё. Но сделать это требовалось: халиф нынче уединился и докладов слушать не желал.

— Безусловно, я верю каждому вашему слову, слову благороднейшего и честнейшего из людей. Но дозволейте поинтересоваться, что вы имели в виду под сведениями, заставляющими жалеть о непричастности к случившемуся?

— Я имею в виду слова девушки, которую ко мне привели.

— И что же это за девушка?

— Фархана ар-Бартоли. Дочь Абдульхади, хорошо вам известного подонка, лжеца и преступника.

Джамалутдин-паша не сразу вспомнил, о ком идёт речь. Пришлось напрячься, поморщить лоб. Но в итоге из глубин памяти всплыло это имя: фадлский вельможа. Тот, которого Сулим и Мансур ар-Наджибы в чём только не винули, особенно с начала мятежа Камаль-бея. Но будь проклят Амоам, что же дочь Абдульхади ар-Бартоли делает в Альма-Азраке?..

Об этом визирь и спросил.

— Дитя привели ко мне утром. Вы спрашивали, есть ли доказательства моим обвинениями против иноземных нечестивцев? Теперь они есть. Фархана — свидетельница подлого убийства Мансура!

— Любопытно. И каким же образом она стала свидетельницей сего ужасного события?

— Наёмники разграбили дом ар-Бартоли. Они перебили всю семью Абдульхади, кроме несчастной девушки, которую обесчестили. В этом же доме подонки жестоко расправились с моим возлюбленным племянником, что вне всяких сомнений было совершено по прямому приказу Висельника.

— Дозвольте уточнить: а что Мансур делал в доме ар-Бартоли?

Жрец как-то замялся. Неудобный вопрос. Трудно было вообразить, чтобы Мансур явился в дом своего заклятого врага с миром — и как бы то ни было, но халиф приговорил Камаль-бея, а вовсе не Абдульхади и его семью. Всё это не очень ложилось в историю о подлом убийстве ни в чём не повинного Мансура, которую Сулим пытался составить.

Ещё меньше визирь верил в какой-то приказ Висельника. Какое командиру наёмников вообще дело до Мансура? Да, между ними едва не состоялся поединок, но это было год назад. И потом... Можно было сказать о Висельнике много плохого. Очень много. Но представить, чтобы этот человек убивал кого-то тайком — да ещё из-за ситуации, в которой сам был готов сразиться один на один с кем угодно?

Ещё менее правдоподобно, чем слова Сулима о непричастности к случившемуся сегодня.

Однако Сулим всё же заполучил именно то, чем так желал обладать: доказательства. И теперь пылал желанием отомстить пуще прежнего. Едва ли он хотя бы вполнину понимал, что на самом деле представляют собой наёмники Ржавого отряда и их командир. Даже Джамалутдин-паша не вполне осознавал это до поездки в Фадл. А Сулим и вовсе был предельно далёк от войны.

Как ни горько, но в очередной раз оставалось признать правоту мудрого Усмана ар-Малави. Жрец был всецело готов творить горестно глупые вещи.

— Теперь я пойду к халифу! Теперь я...

— Халиф нынче ночью не готов к аудиенциям. Я не имею права приказывать вам, но являясь визирем нашего великого повелителя, да будет долгим его правление, посмею дать весьма настоятельный совет, который без ложного стеснения назову мудрым. Что вам стоит сделать немедленно — так это пойти на улицы. Там уже толпы. Их нужно как-то успокоить.

— Успокоить?! Что вы изволите иметь в виду, достопочтимый визирь?

Джамалутдин-паша вздохнул. Неужели не понятно?..

— Почтенный Сулим... Я понимаю ваш праведный гнев и даже готов разделить его. Я лично пойду к халифу, да благословит его Иам, вместе с вами и буду нижайше просить обо всём его внимании к ситуации. Но положение на улицах выходит из-под контроля. Я доверяю вашим словам о полной к нему непричастности, как доверял бы словам собственного отца, но ведь это значит только одно: и нападение на дворец, и уличные провокации — дело рук кого-то иного. И мы не знаем, кого именно. Не ведаем, каковы его цели: благородные или низкие. А за стенами города, позволю себе напомнить, стоят тысячи разгневанных людей. И на рейде у порта люди, которые кажутся мне весьма подозрительными. Вы понимаете, что беспорядки на улицах — последнее, что нам в данный момент нужно? Умоляю: вы ведь имеете влияние на толпу. Народ слушает каждое мудрое слово, что срывается с ваших уст. Пойдите на улицы. Успокойте добрых жителей Альма-

Азрака хотя бы до утра. А едва забрезжит рассвет — да будет Иам свидетелем моей клятвы, мы во всём разберёмся.

Сулим пригладил длинную бороду. Смерил визиря взглядом, истолковать который было трудно.

Проклятье, ведь Джамалутдин-паша пока даже не имел представления, чем всё-таки обернулось нападение на дворец. Жив ли Ржавый Капитан? Кто командует сейчас его людьми в разных концах города? С кем и как именно вести переговоры?

Сейчас необходимо именно умиротворение. Хотя бы временное.

— Хорошо. — наконец молвил Сулим. — Я иду на улицу.

Вот только тон совсем не убедил визиря, что жрец сделает именно то, о чём его просят. Как знать, не поступил ли он наоборот?

Люди старика с горы, хорошего друга отца, Алима немного пугали. Недавно он сидел за столом с командирами наёмников, слушал их рассказы о войнах и сражениях, но... то были другие люди.

Они пахли порохом, походным костром, горящими городами. Люди старика с горы пахли только могилой.

Убийцы обыкновенно меньше всего похожи на убийц, и это как раз тот случай. Все двадцать человек, что прибыли в дом ар-Малави, были на вид самыми обыкновенными. Не высокие и не низкие, не толстые и не худые, в простой одежде — но добротной и практичной. Ни у кого тут не было повязок на глазах, страшных шрамов, жутких лиц. Мужчины как мужчины, внимания не обратишь.

Но их готовили на той самой горе. А значит — едва ли во всём Шере есть люди опаснее. — Гляди! Идут!

Они следили за гостевым дворцом через отверстия в плотных занавесках, со второго этажа. Атака начиналась неплохо: нанятые для неё бандиты даже догадались разделиться, чтобы перекрыть улицу на случай подкрепления.

Сейчас второй отряд бандитов как раз перебирался через ограду дворца: не похоже, что внутри всё прошло хорошо. Скорее совсем наоборот.

— Они?

— Они. Капитана ни с кем не спутаешь.

Небольшая группа людей вышла из ворот. Похоже, Шеймус был ранен, но всё-таки шёл сам: его только поддерживали Ангус и кто-то другой. Узнал Алим и чернокожего телохранителя капитана: тот нёс на руках тяжело раненого солдата.

Как и следовало ожидать, убить их не смогли.

Насколько Алим мог судить, отец до последнего момента раздумывал, пустить ли на это дело людей с горы или толпу недавних заключённых, изначально предназначенных для чего-то совсем другого. В каждом из двух случаев скорее предполагался разный результат. Вероятно, Усман принял решение именно по тем причинам, которые ранее излагал.

«Любая ситуация будет выгодна нам. Но всё же лучше, если его не убьют, чем наоборот»

Бандитам неплохо заплатили и пообещали все богатства дворца. Они толком не знали, с кем предстоит иметь дело — исход логичен. Впрочем, сам преступники едва ли сильно сожалели о результате: сейчас добро из богатого дома интересовало их больше всего.

— Убиваем? — спросил невысокий мужчина с большой плешью.

— Нет. Действуем так, как велел отец: раз капитан выбрался из дворца — теперь мы за него.

«Мудрец вовремя встаёт на сторону того, кто сам побеждает»

Если быть честным — Алим порадовался, что повернулось всё именно так.

Наёмники брели по пустой улице в сторону порта. Алим пересчитал их: десять человек, включая раненого. И это люди из лучших в отряде: случайная группа рассеянных вокруг бандитов им не особо страшна.

— Женщины с ним нет.

— Рыжей?

— Да, той самой.

— Убили? Сбежала?

— Это как раз и нужно выяснить. Если убежала, то твои люди вокруг могли её заметить. В любом случае мы должны выяснить, что с ней. Сейчас это важно. Капитан точно будет её искать.

— Понял. — плешивый кивнул. — Сейчас узнаем. Раз мы за них, то идём встречать?

— Нет, их встретят другие. Об этом уже позаботились. Как дела на улицах, есть вести?

— Всё по плану. Начинается!

Алим потёр руки. Он был доволен собой. Он оправдывал надежды отца. Город стоял на пороге катастрофы, в которой роду ар-Малави предстоит быть немало повинным — но раз отец решил так, то это правильно. Это выгодно.

Интересно, Сулим уже знает обо всём? Радуетя?

Если знает, то наверняка радуется. Что же... на эту тему Усман сказал коротко, однако совершенно исчерпывающе. «Падающего толкни».

До утра упадут многие, но точно не семья Алима. Она, как обычно, вращается в мураддинскую землю крепче прежнего. Юноша более-менее понимал план, и только один аспект до сих пор вызывал у него сильное любопытство.

Как со всем этим связана Балеария?

Ирме было трудно уследить за событиями последующих минут.

Её отнесли в дом на руках. Гретель заматывала раны лимландки прямо поверх порванного платья. Кругом было полно людей в оранжево-красном — десятки, наверное, но Ирма сейчас никого не узнавала. Руки тряслись, горло пересохло, и она бы плакала — но было уже нечем.

На улице кто-то дул в трубу, играя сигнал тревоги. Почти сразу тем же звуком отозвались: одна труба, другая, третья. Все наёмники, что жили в районе порта, должны сейчас двинуться сюда. Из всех его концов. Новобранцев за пределами лагеря не было: тут каждый хорошо знает, что делать при случае.

Прозвучали выстрелы. Возможно, в воздух — но не факт.

— Потерпи, родная... сейчас.

Теперь она была среди людей, способных защитить — но едва немного отступил страх за собственную жизнь, как Ирма начала думать о капитане. Что с ним?.. А с остальными во дворце? Ирма прекрасно понимала — сбежав, она поступила правильно. Но всё равно бередило душу чувство вины, подпитываемое тревогой.

Она его бросила. А ведь Отец Пустыни говорил...

Первым из столпившихся вокруг, кого Ирма узнала, был Рамон Люлья.

— Она в порядке?

— Более-менее.

— Ирма! Ирма, слышишь меня?

Лейтенант присел перед ней на корточки.

Люлья никогда Ирме особенно не нравился. Это был именно настолько жёсткий, даже жестокий человек, как казалось по внешности. Да ещё таивший некоторые секреты, что не шли за пределы штаба и ближайшего его окружения... однако Ирма-то знала. Знала, почему Рамон Люлья редко составляет Ангусу компанию в его загулах. И как на самом деле проводит время за плотно закрытыми дверями.

Но Шеймус этого человека не за извращённые вкусы ценил. Рамон был в отряде с самого начала. Рамон служил лейтенантом ещё при Мендосе, даже раньше Шеймуса им стал. Он надёжен, как скала — а остальное не имеет значения.

— Ирма, соберись. Во дворце был Ангус? Регендорф, Бенедикт?

— Н-н-нет... — ела выдавила она. — Н-н-не было. Но... он за ними посылал. И... и за тобой.

— Угу, вот только и доложили.

— Регендорф и Бенедикт в лагере. — отрапортовал кто-то со стороны. — Они не могли успеть добраться. Скорее всего, пока и не выступили.

— Точно. И не факт, что добраться возможно. Бьюсь об заклад — или на лагерь уже напали, или это вот-вот случится. Но вот Ангус... непонятно. Ирма, что с капитаном?

— Я не знаю!.. — вот теперь слёзы откуда-то взялись. Пускай и немного: едва глаза намокли.

— Ну... успокойся.

Люлья погладил её по голове, но вышло едва ли не хуже, чем у Шеймуса. Как собаку гладят. А вот сосредоточенный взгляд чёрных глаз балеарца внушил некоторое спокойствие. Уж как минимум — он знает, что делать. А ничего важнее в таком положении нет.

— Итак. Что с Шеймусом — непонятно. С Ангусом — непонятно. Значит, в данный момент главный я. Во всём отряде. Так что... Кто посмышлёней? Срочно вестовым в лагерь. Сказать, что я собираю наших в порту. Потом двинусь к лагерю. Регендорф и Бенедиктом понимают, кто сейчас командует. Донести, как у них дела. Всё ясно?

— Есть!

— Сержанты тут? Какие есть — ко мне! Строиться будем... И трубите, трубите!

Ирму кое-как перемотали — от подмышек и до живота, дышать стало совсем тяжело. Раны на спине болели всё сильнее, а уж рёбра — вовсе нестерпимо. Волосы облепили лицо, упорно лезли в глаза: оттого ещё труднее было что-либо перед собой разглядеть. Кто-то помог вернуть в ножны кинжальчик, который женщина продолжала судорожно сжимать: руки совсем ходуном ходили, сама она с этим не справилась бы.

— Рамон...

— Да? Что?

— Нужно ему помочь.

— Конечно. Но не прямо сейчас, ясно? Нужно собирать людей. Разобраться во всём. Капитан скоро будет тут, не волнуйся. Хорошо?..

Она хлопнула носом, вытерла ладонями лицо. Постаралась успокоиться. Или хотя бы

сделать вид, будто спокойна.

— Хорошо.

Скоро все уже были на улице: Гретель вывела Ирму наружу, приобняв и поддерживая под руку. Зевак давно разогнали, а солдат набралось прилично — может быть, целая сотня, поди посчитай. Бесформенная толпа быстро превращалась в строй: сержанты переставляли солдат, раздавали отрывистые указания. Трубы не переставали сигналить, к ним присоединилась барабанная дробь. Этот звук всегда приводил в чувство.

— Ну-ну, держись. — шептала ей на ухо Гретель. — Всё будет хорошо. А сейчас не время нюни распускать. Соберись. Ты же сильная, я знаю, ну.

— Понимаешь... там...

— Да понимаю я всё. Кому ты рассказываешь?

Обозных жён протолкнули в глубину строя, ряды мужчин в доспехах и оранжево-красном сомкнулись вокруг. Барабанщик выстукивал сбор прямо под ухом, каждый удар — словно в висок. Ничего, можно потерпеть: главное — здесь безопасно.

— Ирма!..

Это была Гайя: очень на Ирму похожая, разве только волосы не медного оттенка, а почти огненно-рыжие. Землячку провели вглубь строя вместе с пожилой обозной женой, мураддинкой и каким-то мальчиком. Тоже, значит, из своих...

— Ты цела?

— Почти. — Гретель ответила за Ирму.

— Регендорфа видели?

Ирма с Гретель молча покачали головами. Гайю это привело в полное смятение. Она сдержалась, не дав чувствам полной воли, но одинокую слезинку всё-таки пустила.

— А остальные?

— Да не знаем мы! — отрезала Гретель. Она усадила Ирму на мостовую и сама присела рядом.

В обступивший женщин боевой порядок вливались всё новые бойцы. Кто-то сам занимал место с краю, кто-то уверенно сдвигал товарищей, а некоторых сержанты за шкуру тащили туда, куда нужно — не имея времени объяснять. Словно на глазах собиралась диковинная механическая головоломка. В ширину строй наёмников заполнил всю улицу, а насколько длинным вышел — не понять.

Ставни на вторых этажах захлопывались, многие дома наверняка пустели. Местные догадывались, что происходящее — не к добру. Вот-вот станет жарко.

Приказа выдвигаться пока не было.

Гайя опустилась на колени возле подруг. Они втроём крепко обнялись. Ирма уткнулась носом в плечо Гретель, Гайя — землячке в волосы. Так было теплее и немного спокойнее.

— Страшно...

— Ничего. И не такое бывало.

Ирма только тихонько хныкнула. Ей на память как-то не приходила ситуация хуже.

Шеймус шёл с большим трудом, а толком помочь ему было затруднительно: даже двухметровый Ангус макушкой до плеча доставал — под руки не возьмёшь. К тому же Айко пришлось нести Лося: тот едва оставался в сознании и уж точно не мог выбраться из дворца сам.

По дороге встретили Козимо, который без лишнего героизма прятался, но трудно было парня за это осудить. Главное — с ними ещё один отличный боец, да к тому же целый и трезвый: из Ангуса хмель вроде бы выветрился, однако это ощущение всегда отчасти обманчиво.

Идти к порту напрямую, конечно, виделось глупой затеей. Хотя наёмники забрали кое-какую броню, включая доспехи Шеймуса, сейчас им в любой стычке пришлось бы трудно. Ангус так и оставался без брони, из тяжёлого оружия — только секира Айко да пара алебард, аркебуз нет. Козимо прихватил во дворце мешок с гранатами. Сейчас от них никакого толка, но все сошлись во мнении: не помешают.

И на том спасибо.

Издалека слышались тревожные сигналы труб. Ангус, конечно, узнал своих.

— Напали-то не только на дворец.

— Угу. Хорошо, если лагерь не в осаде.

— Хорошо, если он вообще ещё существует.

— Лагерь так просто не возьмут... — проговорил Шеймус. — Это во дворце мы обосрались. Всё из-за девки. Да я и сам виноват. Одно, сука, к одному... Но лагерь в порядке, я уверен.

Хотелось бы верить, что он прав, а не просто ободряет товарищей.

Хоть улица почти не освещалась — не составляло труда заметить мураддинов позади. Их было, увы, много. Враги не особо спешили, однако следовали за наёмниками неотступно. Может быть, давали подкреплению время нагнать. Может — просто понимали, что бежать «ржавые» не могут.

Ангус пригрозил врагам коротким мечом, но едва ли тем сумел произвести впечатление. Ничего: подойдут — мало не покажется.

Тем временем люди показались и впереди. Трое: высокий доходяга, коротышка в странной одежде и толстяк. Отлично различимые силуэты — луна как раз за спинами. Прятаться эти ребята не пытались, навстречу не торопились.

— Нас ждут.

— Хорошо уже то, что не поджидают.

И то правда, хотя Ангус совершенно не был уверен, что по тёмным углам вокруг не прячется ещё человек десять или того больше. Вооружённых до зубов. Такой уверенный вид обычно бывает как раз у людей, набивших рукава козырями. С другой стороны, кабы эти трое хотели убить «ржавых» — то и напали бы из засады. К чему столь явно обнаруживать себя?

Да и свернуть наёмникам было некуда: дома стояли тут один к одному, ни малейшего просвета. Позади явно враги, впереди... там хотя бы любопытно!

Они поковыляли вперёд: Ангус с сержантом обхватили Шеймуса вокруг груди, как ствол дерева. Капитан и шатался точно старая сосна в бурю — при каждом шаге. Айко натужно пыхтел, но продолжал тащить истекающего кровью Лося. Шли медленно. Гораздо медленнее, чем нужно, чтобы мураддины позади не собрались числом и духом.

Долговязый незнакомец шагнул вперёд и показал открытые ладони. Дескать, оружия нет. Хотя пистолет за спиной может быть запросто...

— Добрый вечер, любезные! — по-балеарски, но с мощным северным акцентом... наверняка лимландец. — Это же сам Ржавый Капитан, я полагаю? И его прекрасные офицеры! Вы, мужчина с завидной шевелюрой, видно... Ангус Нэйрн, да?

Разглядеть долговязого толком не удавалось. Видно только, что бородатый. Толстяк за его спиной был совершенно расслаблен — разве что в носу не ковырял, зато коротышка стоял в напряжённой позе.

— Ты-то кто такой?

Расстояние пока оставалось почтительным.

— Меня зовут Вильгельм, но можете называть просто Вилли! А это мои добрые друзья: упитанного зовут Гучо, а маленького мы называем Тишайшим. Вы скоро поймёте, почему! Уверяю: мы пришли с миром! Ни малейшего злого умысла!

Вилли сделал ещё два шага вперёд. Медленно-медленно, высоко подняв руки. Теперь стало видно: он добродушно улыбается. Может быть, даже искренне.

Ангус обернулся через плечо. Мурадины столпились вдалеке, оживлённо переговаривались. Их явно стало много больше. Видимо, решали: нападать или нет. Не похоже, чтобы Вилли хоть сколь-нибудь из-за этого беспокоился. Он продолжил:

— Мы вообще самые мирные люди на свете... когда нам приказывают!

— Вот как... — голос Шеймуса прозвучал сдавленно, он закашлялся. — И кто отдаёт вам приказы?

— Адмирал Мерседес Вальверде!

Сначала Ангус решил: ослышался, показалось. А когда понял, что расслышал всё верно — не смог сдержать смех. Шеймус тоже засмеялся, хоть всё опять закончилось приступом кашля. Остальные наёмники не уловили иронии.

— Адмирал? АДМИРАЛ Вальверде?

Сержанты переглянулись в недоумении, Айко нахмурился. Этот парень вообще не был любителем шуток, а уж шуток непонятных...

— Всё верно, любезные! Адмирал флота Её Величества королевы Анхелики, солнца Балеарии!

Если Анхелика была солнцем Балеарии, то Вальверде лейтенант уверенно назвал бы огромным фурункулом на её заднице. Представить, чтобы эта отморозенная сучка, служившая Стирлингу в Великую войну, а затем годами грабившая прибрежные города и торговые галеоны, сделалась адмиралом королевского флота... ха!

Это всё равно, что вообразить памятник командору Мендосе посреди Марисолемы.

Но по словам Вилли выходило, что странную эскадру привела в Альма-Азрак именно она. Нет, это едва ли могло являться ложью. Желай лимландец обмануть наёмников — ему стоило упомянуть кого угодно ещё. Но точно не Вальверде... разве только имя Вальдемара ван Стекелена послужило бы худшим началом каких-либо переговоров.

— Адмирал Вальверде... ну хоть не морской маршал, и на том спасибо!

— Ну что вы! Морским маршалом Балеарии по сию пору является славный сеньор Рикардо де Сонгре, наверняка хорошо вам известный! Старик крепок, аки скалы Сартанских островов и стены тамошних тюрем! Однако позволю себе заметить: мы теряем массу времени, а вон те, воон те господа, что толпятся позади... несколько сокращают отпущенное нам на приятную беседу время! Позвольте ли изложить наше предложение?

— Излагай.

— Адмирал Вальверде искренне жаждет встречи с вами! И любезно приглашает на борт своего галеона! Смею заметить, что принять это приглашение было бы мудрым решением! Потом что я боюсь: пробиться к лагерю вам сейчас будет... в высшей степени затруднительно.

Вот в этом Вилли был совершенно прав. Ангус, если по чести, слабо представлял, что именно им делать дальше. Похоже, и Шеймус сомневался насчёт идеи искать своих возле порта: тот уже мог быть полон мураддинов. Особенно учитывая трубы и барабаны. Пробиться будет ох как нелегко, проскользнуть — тоже... До сих пор у наёмников просто не было иного выбора. Теперь же какой-никакой появился.

— Что думаешь?.. — шепнул Ангус капитану.

— Думаю, что выбор между Вальверде и полным мураддинов городом... это как поест говна или попить мочи.

— Но выбирать-то надо.

— Угу. По крайней мере, Вальверде пыталась убить меня двадцать лет, а не двадцать минут назад. Эй, Вилли! Веди нас к... адмиралу!

Лимландец радостно хлопнул в ладоши.

— Чудесно! Поспешим же! Хотя...

Он смотрел за спины наёмников, и Ангус обернулся ещё раз. Ага! Мураддины наконец начали решительно приближаться. Человек пять оторвались от прочих, шли впереди. Сабли сверкали в лунном свете.

— Не волнуйтесь! — воскликнул Вилли, как будто кто-то из наёмников сильно переживал. — Это прекрасный повод показать наши добрые намерения. Подождите одно мгновение! Тишайший!

Человечек в необычных одеждах приблизился к своему командиру. Ангус заметил два странных клинка в ножнах, заткнутых за пояс: один подлиннее, другой покороче. Раньше наёмник не видел ни таких мечей, ни такой одежды.

— Тишайший! Будь добр: останови тех людей, пожалуйста.

Тот безмолвно кивнул.

Любопытно, как коротышка собирался остановить пятерых? Ангус полез бы в такую схватку только от безысходности, а он имел основания считать себя отличным бойцом. Да и здоровее любого из мураддинов раза в полтора будет...

— Убивам? — Айко кивнул в сторону мураддинов.

Солдаты и сержанты были готовы сражаться, в этом никаких сомнений.

— Нет. — с ухмылкой произнёс Шеймус. — Давайте-ка посмотрим.

Тишайший спокойно прошёл мимо них. Хоть был обут в деревянные сандалии — но словно вовсе без звука. Ангус заметил странный цвет кожи и раскосые глаза, однако не похожие на муангские. Из каких земель этот Тишайший?.. Ни в одном порту гвендл не встречал подобных людей.

Коротышка встал посреди улицы, молча вытянул руку с растопыренной ладонью: понятный знак. И хотя он был даже мельче юркого Козимо, напоминал скорее миниатюрную девушку — но в том, как этот человек двигался, кое-что ощущалось.

Опытные воины сразу узнают друг друга. Ангусу не составило труда понять: это боец.

— Вам лучше послушать моего друга! — крикнул Вилли по-мураддински, хотя Тишайший ничего не произносил.

Мураддины, конечно, не послушались. Пятеро вырвавшихся вперёд приближались, и остальные тоже не мялись вдалеке — шли, просто медленнее. Тишайший ещё немного подержал паузу, а затем схватился за мечи.

Ничего подобного тому, что случилось дальше, Ангус не видел никогда.

Два тяжёлых, немного изогнутых клинка лунный свет не отражали: они были матовыми.

Резко выдернув их из ножен, Тишайший широко развёл руки, выпрямился — и побежал вперёд. Даже не побежал: это было настолько плавное и стремительное движение, будто диковинный воин парил над мостовой, увлекаемый порывом ветра. Его плечи и корпус не шевелились: только мелко-мелко семенили ноги.

Мураддины бросились на Тишайшего, обступая полукругом. Любой боец тут ушёл бы в сторону, попытался выстроить врагов в линию, закрыться ближайшим от остальных. Но Тишайший и не подумал о подобном манёвре.

Он бесстрашно ринулся прямо в смыкающееся кольцо.

Пять сабель обрушились на коротышку одновременно. Вжик! В темноте мелькнули его клинки, почти невидимые. Тишайший двумя изящными движениями отразил три удара разом — смахнул сабли в стороны. Еще две просвистели мимо, когда он развернул корпус на бегу. Вжик! Ещё два молниеносных движения — и головы двух мурадинов упали на землю. Длинный меч Тишайшего продолжил движение, будто встречи с вражеской шеей и не заметил: он отсёк руку мурадина, который почти успел поразить диковинного фехтовальщика. «Почти» в этом деле не считается. Короткий меч, которым Тишайший орудовал левой, почти одновременно с тем воткнулся другому противнику в грудь.

Пятый мурадин замер. То ли просто от страха — то ли это зрелище заворожило его не меньше, чем Ангуса.

На краткий миг Тишайший остался неподвижным. А потом... вжик! И головы двух раненых тоже покатались по мостовой. Тут его последний противник всё-таки вышел из оцепенения, попытался атаковать. Тишайший даже не стал защищаться клинками: он ударил врага ногой в грудь. Мощное встречное движение отбросило мурадина на два шага, едва не опрокинуло. Восстановить стойку он уже не успел. Тишайший взмахнул мечами: разрезал шею противника, будто ножницами.

Пятая голова упала к его ногам — а никто и матушку помянуть не успел.

— Охренеть можно... — вырвалось у Ангуса.

Тишайший замер. Не просто остановился, а сделался подобным статуе — окаменел или, можно сказать, укоренился. Трудно было в этот миг поверить, что субтильный диковинный воин вовсе способен на какое-то движение.

Мураддины, сгрудившиеся дальше по улице, уже не наступали. Даже чуть попятились. А когда Тишайший резко развёл руки, стряхнув с клинков кровь — тотчас бросились наутёк.

— Вот видите! — Вилли буквально сиял. — Всегда в радость посмотреть, как Тишайший работает! Это словно в театр сходить! Искусство! Высокое искусство! Ну, пойдёмте, пойдёмте... Довольно задерживаться!

Невероятно.

Конечно, Ангус мог так сказать и о недавнем зрелище в спальне: сколько народу Шеймус порубил там? Уж не меньше дюжины, а вроде бы куда больше. Один, без брони. Но ему это далось ой как непросто, ценой тяжёлых ран, он едва не погиб, а тут... Этот странный воин будто танец сплясал. И даже не запыхался. Тишайший, конечно, лошадь плечом не опрокинет, как Ржавый Капитан. Да и руку человеку не оторвёт. Однако...

Тишайший, убрав мечи в ножны, просеменил мимо наёмников — и даже не глянул на них. Он не был взволнован, не казался гордым или радостным. Казался безучастным, словно это и не он только что сражался.

Вилли энергично замахал рукой: идём! Что делать... Ангус с сержантом повели Шеймуса вслед за пиратами.

— Ну ты видел, а? Видел? — Ангус всё не мог успокоиться. — Охренеть можно!..

Игги очень не хотелось бросать Гретель в порту, но приказ есть приказ. Смешно! Только миг за её задницу подержался, а уже успел ощутить ответственность.

Они с Кеннетом, Карлом, Арджи и Хуаном пробирались к лагерю — стараясь и торопиться, и особо не попадаться кому-либо на глаза. Альма-Азрак закипал: тут и там верещали на местном языке, размахивали руками и факелами, толпились. Ничего хорошего всё это не сулило. Дури полезть на лагерь людям, что наслушались проповедей, вполне могло хватить — ради чего ещё, собственно, они вывалили на улицы? Всего пятеро солдат, пусть при броне и аркебузах, тем более рисковали не донести важнейшее послание, если проявят неосторожность. Конечно, какая-нибудь кучка оборванцев на них не бросится, но если ненароком столкнуться с настоящей толпой...

Требовалось быть собранным, но и не слишком себя накручивать — потому десятник, стараясь совладать со страхом, вспоминал Гретель. И как ни странно, думал не про грудь, которая его так волнующе (отличное слово, надо запомнить!) коснулась. И не про упругие ягодицы, которые успел пощупать. Даже не про лицо и прекрасные волосы. Нет. Про руки.

У неё такие руки!.. Сильные предплечья, но совсем тонкие запястья. Натёртые от работы ладони, но они оказались приятнее мягких рук, тяжёлого труда не знавших — как у шлюх в Муанге.

И ещё маленькие-маленькие, но острые ноготки. Ох!

Интересно: если поутру они оба ещё будут живы — Гретель хоть вспомнит этот вечер? Когда протрезвеет? Не сделает ли вид, что ничего не было? Хотя... в сущности, ничего ведь и не было. Проклятьё!.. Ну почему хоть не на полчаса позже?

Наверное, точно потому же, почему Игги в злополучном бою не пригнулся на полмига раньше. Судьба такая.

Ладно: хорош ныть, подумал Игги. Хуан тоже оставил возле порта зазнобу, и едва ли ему теперь было спокойнее. А рожа у балеарца от рождения отвратительная, и ничего, живёт себе.

Путь предстоял неблизкий. Площадь, на которой разбили лагерь, располагалась почти у самой южной стены. Хотя то и не площадь по сути — она больше напоминала пустырь. Возможно, оставшийся после большого пожара. Довольно много мураддинов уже стеклось сюда, но пока это была ещё не настоящая толпа — кучки людей, негромко гудящие, словно разбросанные по пасеке ульи.

Наверное, ещё полчаса — и к лагерю солдаты не пробивались бы. Но им повезло.

— А там народ уже на стрёме. — отметил Кеннет.

И правда, и вовсе не удивительно. Тревогу пока не подняли, но вход был перекрыт, а солдат на импровизированной стене виднелось больше обычного. Лагерь «ржавых» прекрасно освещался — большое пятно оранжеватого света, так подходящего к знаменам отряда.

— Стой!

— Свои!

Игги на всякий случай поднял руки — дула смотрели на него вместе с глазами караульных. В темноте плащи со стены могли особо не разглядеть. Впрочем, не узнав в лицо — всё равно бы просто так близко не подпустили.

— Стой, говорю! Кто таков?

— Из роты Бенедикта! Донесение от Люльи, из порта!

Пока часовые оттаскивали перегораживающую проход телегу, Игги успел коротко объяснить им, как плохо дело. Наверное, не стоило этого делать — раньше приказов слухи поползут по всему лагерю, но спохватился десятник поздно.

Пару минут спустя заспанный Бенедикт и совершенно бодрый Регендорф внимательно слушали его. Старый монах потирал виски и шевелил бородой, пытаясь осмыслить случившееся. Рыцарь мял в руках оранжево-красный берет, сшитый по нортштатской моде. Игги чувствовал, что шатёр плотно обступили, хотя и не мог видеть сквозь стены. Наверняка в пересказах через вторые, третьи и десятые уста новости сделались ещё более тревожными.

— Пока мы не знаем о судьбе капитана и Ангуса, Люлья главный. — констатировал Регендорф.

— Да смилостивится над нами Творец Небесный, это именно так.

— Нам нужно вернуться с ответом. Мы должны...

— Нет. — прервал десятника Бенедикт. — Кого другого пошлём, причём на лошади. От вас при мне больше толку.

Спорить тут было, конечно, невозможно — хотя Игги совсем не обрадовался. Ему очень хотелось скорее вернуться в порт. Бенедикт поспешил в свой шатёр, а Регендорф и так оказался в броне — ему только поднесли старомодный шлем с забралом.

Лагерь зашумел. В такт забили барабаны — играли тревогу. Сотни сапог и башмаков грохотали нескладно, но почти так же громко. Зажигались новые факелы, офицеры поднимали знамёна и созывали своих подчинённых. Из потоков тел, заструившихся между палатками и тентами, к ним тянулись ручейки — солдаты собирались вокруг десятников, те вели десятины к своим сержантам. При понятном волнении никто, однако, не паниковал: каждый превосходно знал, что лично ему делать в такой ситуации.

Игги оставшихся троих подчинённых разыскал с трудом, но всё же разыскал. Бо пока не стоял на ногах, а десятого, взамен погибшего Густава, им назначить не успели. Пускай: и восьмерыми-то командовать юноше пока было немного боязно.

— Велено лезть на стену. — объявил Игги своим.

«Стена» — громко сказано, конечно. Но тяжёлые боевые возы с мантилетами даже против какой-никакой армии показывали себя хорошо. А для местного мужичья — уж точно солидная преграда, покуда её защищают отличные стрелки. Потому Бенедикт и рассудил, что здесь от Игги с Кеннетом проку больше. Вспомнил, может, тот выстрел по стене Фадла?

Игги взобрался на ограду и окинул взглядом площадь.

То, что ещё недавно было отдельными людскими островками, уже сливалось в единую массу: пока разреженную, но скоро это будет плотная толпа. Народ прибывал со всех улиц, упирившихся в пустырь. Показались и городские стражники, но настолько малым числом, что это не имело ровно никакого значения. Ни хорошего, ни плохого.

Факелов стремительно прибавлялось: как звёзды на небе зажигаются, пока сгущается мрак. Гул тоже усиливался. Сомнений насчёт опасности для лагеря не осталось — полезут на стену, ещё как полезут.

— Жалко дураков... — вздохнул Хуан.

Вряд ли горожане представляли, с чем столкнутся. Силу порохового оружия сполно ценили за эти годы мураддинские ветераны, но не простые жители Альма-Азрака. И не жрец, проповедовавший против наёмников. Порох — это хорошо, конечно, но численное

преимущество врага становилось всё более пугающим.

— Кончится всё это херово. — заключил Кеннет.

Он заряжал обычную аркебузу, новомодное лимландское винтовое ружьё пока висело за спиной. Арджи поджигал фитили, а Карл возился с ремнями кирасы: броню он нацепил кое-как, второпях. Прыщавое лицо Хуана выглядело абсолютно спокойным. Этого парня ничто не могло выбить из колеи — он даже Кеннета спокойно терпел! Что уж там бой...

— Херово. — согласился Игги. — Но надеюсь, не для нас.

Встреча с Сулимом оставила у визиря тяжёлое впечатление — надежда на то, что жрец сделает всё как надо, была крайне робкой. Очень, очень велика вероятность, что станет только хуже — и вместо умиротворения толпы Сулим накалит атмосферу пуще прежнего.

Казалось бы, дурнее ничего быть не может. Как же Джамалутдин-паша ошибался!..

Перед дворцом халифа он обнаружил крайне возбуждённую толпу придворных — и сохраняющих ледяное спокойствие солдат Святого Воинства, выстроенных в безупречные коробки. Лунный свет играл на начищенных шлемах с личинами, на ростовых щитах, грудных зеркалах, стальной чешуе. К тёмному небу тянулись наконечники копий.

Воистину воодушевляющее зрелище, если надеешься вскоре увидеть славный бой. И весьма печальное, если стремишься к обратному. Но в адекватности Валида не приходилось сомневаться: смятение визиря вызвало иное.

Посреди этой сцены возвышался боевой слон, бронированный и покрытый изысканной попоной. На спине животного, в украшенной золотом и серебром корзине, позади погонщика и в компании двух воинов, восседал сам Мехмет Хасан Ослепительный, великий халиф, правитель мураддинов.

Юный халиф делал всё, что казалось ему необходимым, дабы походить на воинственных предков, оваянных подлинной боевой славой. Он облачился в великолепный чешуйчатый доспех, сплошь покрытый золотом: казалось, что отцовский шлем слишком тяжёл для тонкой, слабой шеи. Вот-вот сломает её без помощи врагов. Халиф потрясал копьём, а лицо его сияло ярче позолоты.

Он был в восторге. Мальчишка наслаждался притворным восхищением свиты и безмолвной суровостью воинов Валида ар-Гасана. А ещё ему нравилось глядеть на всех свысока в прямом смысле слова: слон был для того достаточно огромен.

Да будет проклят подлый Амоам во веки веков, да будет вечна слава Иама: халиф в самом деле вознамерился воевать!..

Джамалутдин-паша едва сдержался от того, чтобы картинно хлопнуть себя ладонью по лбу. Зачем халифу не сиделось во дворце? Ради чего мальчишка покинул прекрасных наложниц и решил поиграть в полководца? Да ещё именно в такой момент?

— О великий государь!.. — прокричал визирь. — Я смею выразить робкую надежду, что вы не намерены лично присутствовать в горниле беспорядков! Будьте уверены, что ваши стальная воля и несомненные таланты полководца в сей час — излишняя мера! Я глубоко убеждён, что Валид ар-Гасан...

Какой фарс. «Вы пляшете под дудку капризного ребёнка...» Да, Усман был прав. В каждом своём слове, с самого начала всей этой ужасной истории.

— Ух ты, Джамалутдин!.. — халиф всегда был довольно фамильярен. — Как здорово, что ты пришёл! Забирайся скорее сюда!

Визирь и увеселительной прогулки ради не полез бы на слона — больно высоко, с его-то тучным телосложением... А ведь Мехмет Хасан определённо задумал не ночной променад вокруг садов и фонтанов в центре Альма-Азрака.

— Благодарю вас от всего сердца за это великодушное предложение, но покорнейше прошу извинить мой отказ. Едва ли корзина рассчитана на человека моих габаритов. О мудрейший из правителей, молю внять этим словам: вам не должно вмешиваться в ситуацию!

— Ещё как должно! — отвечал халиф с задорным смехом, словно всё происходящее было для него чем-то вроде соколиной охоты или костюмированной инсценировки. — Неблагодарные гости чинят непотребство в моей столице? Я лично поставлю их на место, не сомневайся!

В иной ситуации можно было попытаться объяснить халифу, что те самые непотребства в городе спровоцировал кто угодно, но точно не наёмники. Разъяснить всю серьёзность разгоревшегося конфликта. Но сейчас...

Как его остановить? Действовать нужно быстро, долгих речей халиф слушать не станет.

— Это слишком опасно, о великий!..

— Мои предки исстари презирали опасность, а я всецело унаследовал лучшие их качества! — провозгласил юный правитель, и толпа дворцовых прихлебателей встретила этот бред бурным одобрением. — Я уже послал Валида навести порядок к порту, а сам направляюсь к лагерю нечестивцев. С тобой или без тебя!

— Разумеется, я последую за вами, о светлейший! — ничего другого ответить было нельзя.

Хотя впору хвататься за голову. Мало всего прочего — так ещё и Валид, оказывается, далеко! А это был единственный человек, на которого визирь сейчас охотно положился бы в вопросах военного толка. Конечно, бойцы Святого Воинства — это серьёзная сила, но Джамалутдин ясно видел перед собой войско львов под руководством... не барана, конечно, нет. Павлина.

И даже скромных познаний визиря военном деле было довольно, чтобы оценить такую ситуацию.

Когда рядом появился посыльный, Джамалутдин был готов к сколь угодно дурным новостям.

— Говори. Хуже уже не будет.

Гонец запыхался: он явно спешил ко дворцу издалека. Потребовалось перевести дух.

— За стенами беспокойно. Ашраины узнали о происходящем в городе. Толпа у западных ворот!

Ну конечно. Именно этого и следовало ожидать!

— Как они настроены?

— Решительно. Но по-прежнему не вооружены.

— На воротах достаточно наших людей?

— Регулярная смена стражи. Неполная, многих людей отправили к лагерю наёмников.

Значит, недостаточно. Сейчас бы поговорить с Валидом, обязанным быть именно здесь, однако отосланным прочь... идиотский приказ!

Сколько в Альма-Азраке вооружённых людей и кому они подчиняются? Того же Святого Воинства, если прикинуть — примерно наравне с наёмниками. А сколько стражников? Где прямо сейчас найти их командира? У кого из вельмож в столице

приличные силы? Множество вопросов, ответы на которые требовалось узнать прежде, чем обострять ситуацию. Однако халиф был рад ввязаться в бой, не осознавая неготовности мураддинов к нему. Не осознавая вообще, что такое бой.

Выходило, что кроме Джамалутдина-паши позаботиться о благе Альма-Азрака теперь некому. Полководческое сумасбродство халифа не решит ни одной из проблем — только создаст новые. Валид, к сожалению — не там, где необходим. Сулим... на него вовсе глупо надеяться. Если он не усугубит ситуацию, а хотя бы на малую толику исправит её, это уже окажется великой удачей. Ну а мудрый Усман ар-Малави наверняка поступит по своему обыкновению: останется в стороне.

Визирь отчётливо понимал: ничем хорошим эта ночь не закончится.

Изнутри строя Ирма не могла точно видеть, сколько людей присоединилось по дороге.

Люлье явно удалось собрать в окрестностях порта многих наёмников. Это здорово, но одна беда даже женщине была очевидна: пусть почти все в броне, при клинках, многие — с аркебузами, как и велено...

...но все пики, разумеется, остались в лагере. Как и большая часть тяжёлого оружия на древках. На деле отряд сейчас был куда уязвимее, чем мог показаться.

С верхних этажей да из переулков неслись проклятия, кто-то умудрялся исподтишка бросить камень-другой — пару раз солдаты прикрывали женщин щитами. Но всерьёз атаковать горожане, конечно, не решались. Это вселяло надежду, что получится добраться до лагеря. А там... там видно будет.

Хотя ближе к лагерю — это дальше от капитана. Что совсем не прибавляло Ирме спокойствия.

Да и идти становилось всё тяжелее. Колено еле сгибалось, изодранная спина горела от любого движения. Подруга поддерживала Ирму на ходу. Гретель-то была в порядке — голубые глаза светились только злобой, ни малейших проблесков страха.

— Знаешь... Идвиг, кажется, погиб.

— Жаль. — ответила Гретель без тени какой-либо эмоции.

— Он спас меня во дворце.

— Молодец. Хотя, коль хочешь моё мнение...

— Ну что?

— А, забудь.

Улица уперлась в площадь, занятую маленьким рынком — тут днём торговали не дорогими заморскими товарами, а рыбой и подобной ерундой. Разумеется, ночью рыбаков и мелких купцов на площади не было. Поубавилось и телег, однако опустевшие лотки никуда не делись. Рынок тут вырос стихийно, прилавки ставили кто как горазд — вышли не стройные торговые ряды, а полный беспорядок.

Ни души. Барабаны Ржавого Отряда, всё не прекращавшие греметь, загодя разогнали простой люд. Все окна и двери закрыты, огни потушены — если кто-то из мураддинов и был рядом, то вида благоразумно не подавал.

Ирма заметила дозорных, которые спешно возвращались к отряду и о чём-то докладывали Люлье — но слов, конечно, не разобрала. Слишком далеко, слишком шумно. Но скоро и без слов стало понятно: дальше наёмники пока не двинутся. Напротив, солдаты начали укрепляться на площади.

Не похоже на тот план, который Люлья изначально озвучил. До лагеря им, похоже, просто так не дойти. Женщинам никто ничего не объяснял — не было в том ни времени, ни смысла. Но что могло заставить лейтенанта остановиться и перейти к обороне? Только одно: рядом враг, причём опасный.

Наёмники торопливо сооружали баррикаду из всего подряд, ломая прилавки и перетаскивая оставшиеся на площади телеги.

— Чего творится-то? — Гретель схватила за локоть сержанта в плаще.

— Да конница едет, вот чего.

Проклятье! Именно об этом Ирма думала совсем недавно — хоть Рамон Люлья сумел отлично организовать кое-как собранных людей, без пик они хороши только против пехоты. Альма-Азрак, увы, достаточно просторен и для всадников, а они теперь были смертельно опасны.

Похоже, Ирма рано почувствовал себя в безопасности. Угроза нисколько не отступила.

Люлья забрался на постамент странного изваяния, установленного посреди рынка, и во всю мощь глотки раздавал приказы оттуда. О толковой обороне при такой спешке речь не шла, но наёмники споро делали площадь настолько неудобной для всадников, насколько возможно. Вокруг выросла пусть жиденькая, но баррикада. Совсем не похожая на стену, разумеется. Не похожая даже на приличные полевые ограждения — каковые «ржавые» часто сколачивали перед боем.

Но это уже что-то.

Хорошо бы ещё «чеснок» рассыпать — маленькие шуковинки из скрученных гвоздей, которые конским копытам ой как не по нраву. Ирма частенько занималась этим, вспоминая крестьянское прошлое: такие вот семена войны. Только где ж «чеснок» нынче взять? Подобное добро осталось в лагере вместе с пиками.

— Как-то это всё безрадостно. — заключила Ирма вслух.

— И не говори. — отозвалась Гретель.

Гайя промолчала. Она забралась под ближайший прилавок и тихонько хлопала носом.

Всадники показались уже скоро — сразу с двух улиц. Из-за лотков и спин высоких солдат Ирме мало что было видно — удавалось разглядеть знамёна да султанчики на шлемах. Но наверняка это Святое Воинство. Кто же ещё?

И правда: командиром конницы оказался Валид ар-Гасан.

— Именем великого халифа приказываю вам сложить оружие!

Это предложение, произнесённое с великой торжественностью, солдаты встретили дружным смехом. Ирме было совсем не смешно.

— О, мы обязательно сложим оружие! — воскликнул Люлья. — Каждый, кого ты лично поцелуешь в жопу, сделает это! Валид, срать мне твои приказы и тем более на халифа. Ты знаешь, кому я служу.

— Тот, кому ты служишь, мёртв.

У Ирмы кольнуло в груди, хотя она понимала, что это почти наверняка блеф.

— Серьёзно? Что, ты мне и голову его покажешь? А... Ну да. Так и думал. Валид, я обжиматься-то долго не горазд. Пришёл, сука, драться — так дерись!

Сказав это, Люлья обнажил меч.

— Готовсь! Ржавеет железное!

— РЖАВЕЕТ ЖЕЛЕЗНОЕ! — нестройно, но сокрушительно громко отозвались наёмники.

Ирма видела, как Валид молча опустил на лицо позолоченную личину.

Толпа перед лагерем Ржавого отряда сплотилась, стала единым целым, издалека напоминающим желе. Куцый строй городских стражников отступил — эти люди явно не имели ни сил, ни желания, чтобы остановить происходящее. Имели только приказ. А для них приказы значили совсем не то, что для Игги и прочих наёмников.

Это не воины. Такие же простые мужики, просто кое-как вооружённые и кое-как одоспешенные. Хороши, наверное, для ловли воришек — но даже с выдворением из столицы ашраинов не справились. А тут...

Толпа подступала к боевым возам, опоясывающим лагерь. Игги не знал местного языка и потому не мог разобрать возгласов мужичья — но понятно, что ничего доброго солдатам не кричали.

Игги подул на фитиль, проверил пороховую полку, положил ствол на край бойницы. Только дадут приказ — у него-то рука не дрогнет. Не дрогнет даже мизинец.

Регендорф командовал в центре лагеря, а у стены распорядился Бенедикт. Уже нацепив доспехи, толстый лейтенант в одной руке сжимал аркебузу, а в другой — меч, держа его за лезвие, рукояткой вверх.

— Известно, дети мои, что не все вы почитаете Творца Небесного! — начал он. — Однако Творец Небесный мудр и милосерден. Он не требует от каждого поклонения. Он видит, что пусть не все в отряде почитают его святой крест, великий символ перекрёстка, на котором сожгли Благостную Деву, чтобы ветер разнёс пепел костра её по всем сторонам света... но!

Бенедикт высоко поднял эфес меча.

— Но этому кресту все вы верны! И того довольно! Ибо каждый наш выстрел грохочет могучим голосом Его, каждая пуля — святая проповедь Его!

Лейтенант подобрался к краю укреплённой телеги, высунулся из-за мантелета. Толпа уверенно приближалась: ещё не разобрать лиц, тем более в темноте, но уже вполне можно стрелять. Кто-то даже бросал камни, но те не долетали до возов: ударялись об землю шагах в двадцати, поднимали пыль.

— Стойте, глупцы! Не смейте приближаться, ибо обрушу на вас кару Творца Небесного! Обрушу огонь, что пожрал плоть святой Беллы! Прочь, нечестивцы! Уходите!

Глаза толстяка пучились, лоб покрылся потом, дряблые щёки надувались. Бенедикт, несмотря на свои религиозные речи, давно перестал быть проповедником. Когда бой становился близок, он всегда выглядел сущим безумцем, для которого вера — лишь форма выражения ярости.

Бенедикт, на первый взгляд добрячок, в такие моменты стремительно преображался. Он изрыгал громогласные слова, словно пушка — смысла в них было не больше, чем в грохоте пороха и лязге стали. Он говорил на том самом языке, не требующем перевода. Это был человек войны, сколь бы ни стремился казаться человеком мира.

Игги ощутил зуд в пальцах. Хотелось скорее нажать на рычаг, ощутить толчок в плечо и увидеть, как из ствола вырывается гневное пламя. О чём говорить с этой тупой толпой? Ясно, что без крови не обойдётся. Если так — лучше пролить её скорее.

И скорее вернуться к Гретель. Которой, сколь бы сильной и суровой она ни была, нужна помощь. Нужна помощь Игги, не чья-то другая — раз уж этой ночью Гретель выбрала его.

— Ни шагу больше! — взревел Бенедикт. — Или познаете ярость Творца Небесного, или примете первую и последнюю проповедь его! Крещу вас огнём!

Совершенно не удивительно, что его слова не возымели эффекта. Мураддины сделали и один шаг, и другой, а затем третий — столичная чернь не понимала, на что идёт. Мощь простой смеси угля, серы и селитры легко недооценить при первой встрече. И тогда встреча запросто становится последней.

Толпа наслушалась проповедей и поверила в свою силу. Силу, быть может, дарованную местным богом. Но уж точно — дарованную чувством локтя, которое Игги понимал прекрасно. Толпа — не строй, но даже в ней чувствуешь себя малой частью могучего целого. Разница лишь в том, что строй по-настоящему силён. А вот в толпе это ощущение ложно.

Бенедикт убрал меч и высоко поднял пустую руку.

— Готовсь!

Солдаты, направляющие на врага заряженное оружие, и так были готовы. Студенистая людская масса подползла ещё шагов на десять ближе. Рука лейтенанта ухнула вниз.

— Пли!

Кто-то выстрелил мгновенно, кто-то чуть позже — треск аркебуз растянулся, как долгая нота. Вслед за выстрелами слышались крики.

— Смена!

Ещё жмурясь от вспышки, Игги вытащил оружие из бойницы, развернулся и шагнул назад — освобождая позицию другому стрелку.

— Заряжай!

Десятник заряжал почти наощупь, но это ему было легко — движения не менее привычные, чем ложку ко рту поднести. Прочистить ствол шомполом: раз, два, три... Сорвать пороховую мерку с перевязи, засыпать порошок в ствол. Нащупать в пояском мешочке круглую пулю — холодный кусочек свинца, затем мягкий пыж в другом...

— Готовсь!

Это не ему. Это тем, чей черёд стрелять.

— Пли!

Ещё один залп. Игги забил пулю с куском тряпки в ствол. Поднёс пороховницу к полке, закрыл крышку.

Случайно обернувшись в сторону шатров, он увидел солдат с арбалетами. Не простые арбалеты: они были приспособлены для метания гранат. Тетивы уже натянуты, запалы подожжены: через мгновение маленькие круглые снаряды, на удивление лихо несущие смерть, полетели через стену.

Взрывы раздались прежде, чем Игги вернулся к бойнице. Он не видел, что случилось в толпе, но зато слышал: вопли мураддинов звучат теперь совсем не так зло и уверенно, как минуту назад. Боль, страх. Вот это всё. Как обычно.

— Смена! Заряжай!

Солдат с разряженной аркебузой скользнул в сторону, Игги ловко занял его место. Сунул ствол в бойницу и лишь затем посмотрел сквозь неё единственным глазом.

Толпа остановилась, даже отпрянула — убитые и раненые остались лежать впереди. Отступающие наткнулись на подпавших, возникла давка. Камней в наёмников уже никто не бросал — зато факелы многие мураддины побросали на землю.

— Пли!

Игги прицелился — точнее говоря, просто навёл ствол на роящееся перед ним людское

меси́во. Тут нет смысла выщеливать офицера, например: уж кому прилетит, тому прилетит. Судьба. Грохот, пламя, толчок в плечо... отличный выстрел — точно не промазал!

— Смена! Заряжай!

Тут бабахнуло по-настоящему громко — куда сильнее аркебузного залпа. Это сработала мортира. Пусть небольшим зарядом — чтобы бросить тяжёлую бомбу совсем недалеко, но это было громко до боли в ушах. Игги, возившийся со стволом аркебузы, не отказал себе в удовольствии проследить, куда бомба рухнет.

Она так и не коснулась земли: запал оказался коротковат. Взрыв прогремел прямо над головами мураддинов, почти посередине толпы — ещё более плотной, чем до обстрела. Ударная волна разбросала людей по кругу, образовав в густом скопище солидную плешь. Завизжали посечённые осколками и обожжённые. Те, кого не сбило с ног, сами падали теперь на колени, хватаясь за лица и головы.

— Вот это славно! Вот это угодно Творцу Небесному!

Взрыв не настолько обескровил врага, насколько сломил его волю. Третий раз Игги стрелял уже в спины бегущим прочь: словно морская волна, толпа накатилась на лагерь мину́ту назад, но теперь отхлынула. Множество тел осталось лежать без движения: как показалось Игги, не меньше сотни. Ещё больше было пытавшихся уползти, по-пластунски или на коленях.

Но время праздновать победу, конечно, ещё не наступило. Это Игги прекрасно понимал.

Хотя пальцы седовласого пирата напоминали толщиной колбасы, шил он блестяще. Ангус сразу это оценил: не хуже Кресса работает. Судовой врач «Дочери морей» уже разобрался с раной на груди Шеймуса — обработал и заштопал, его помощник наложил повязку. Лоб замотали первым делом, колотую рану на бедре тоже закрыли. Сейчас медик заканчивал возиться с лицом капитана — нижнюю губу ловко собрал, осталось повторить с верхней.

Красоты Шеймусу бой в спальне не прибавил — но у него и прежде шрамов имелось немногим меньше, чем веснушек да пятен. Вряд ли из-за парочки новых стоило переживать.

Лосю тоже помогли. Трудно было судить, выживет ли он после такой кровопотери, но пока что не умер — и хорошо.

Вальверде развалилась на стуле в углу каюты — откинувшись на спинку, вытянув скрещенные ноги в высоких сапогах. Камзола на ней не было: только белая камиза с огромным вырезом, который смотрелся бы весьма горячо, будь у адмирала хоть что-то похожее на нормальные сиськи. Увы, в этом Вальверде не повезло: взгляд к декольте могли приковать лишь татуировки.

По крайней мере, с непокрытой головой она напоминала женщину. Обычно-то не сразу поймёшь! Тем более что годы пиратку ничуть не пожалели. Двадцать лет назад она была похожа на очень женственного парня: любителю мальчиков наверняка понравилась бы, несмотря на отвратительный шрам. Теперь — напоминала просто худосочного, низкорослого моряка.

Обаяние, впрочем, никуда не делось. В сногшибательной харизме Вальверде никогда нельзя было отказать. Шутка ли: баба, которой готовы безропотно подчиняться сотни лихих мужиков!

Этим она напоминала Ангусу капитана. Сколько ни соберётся вокруг серьёзных людей — а все слушают только одного, стоит ему открыть рот. Прирождённые лидеры. Ангус никогда не мог похвастаться подобным, хоть и был красивее обоих вместе взятых, не дураком вырос, и военное дело знал прекрасно.

Это просто какой-то дар. Искра. Диковинная специя, брошенная в тесто, из которого лепили человека. Она или есть, или нет.

Балеарка раскурила огромную лимландскую трубку и наконец заговорила:

— Хей, не так я себе представлял эту необыкновенную встречу! Но как чувствовал, что посылать к тебе нужно сегодня, едва после заката. Чутьё, чутьё. Его не пропьёшь.

Шеймус ответить, понятно, пока что не мог. За него это сделал Ангус.

— Ты в курсе, что творится в городе? Что с нашим лагерем?

— Знаю, что в городе уже всю барагоз. Лагерь... хер его знает. Может быть, уже спалили. Может быть, в осаде. Волнения начались ещё в сумерках, сразу по всему городу: разбежались глашатаи... Всё это кем-то спланировано. Точно не случайность.

— Жупа. — буркнул Айко: он помогал спустить капитана под палубу, да так и не ушёл.

— «Жопа». — поправил его Ангус. — Ты прав. Она самая.

Спланировано... кем? Сулимом? Всё указывает на него, конечно. Только что-то смущает... Ангус не считал себя человеком выдающихся аналитических способностей, однако два плюс два в уме прикинуть мог. Побег Фарханы. Потом не шибко подготовленное

— но всё-таки организованное нападение на дворец... уж по меньшей мере убийцы знали, где именно искать капитана. А это без шпионов невозможно. Или, что ещё хуже, без предателей.

Да и могла ли мураддинка сбежать сама, пусть даже зная про тайный ход? Не факт, ой не факт...

— А доблестный капитан, кажется, стал ещё выше, пока мы не виделись. Зато ты вообще не изменился, Ангус! Всё так же хорош. А ведь тебе, если не ошибаюсь... сорокет стукнул, да?

— Сорок два.

— Хей! Вот над кем годы не властны. Жаль, не могу о себе так сказать.

Врач закончил шить раны Шеймуса. Вальверде поднялась со стула, важно прошествовала через каюту. Ангус отметил, что хоть сисек нет — но задница у неё что надо, несмотря на возраст. Пиратка внимательно осмотрела лицо Шеймуса: с видом ценителя искусств, оценивающего работу художника-реставратора.

— Наконец-то ты стал таким же уродливым, как я! Ладно-ладно... шучу. Но тебе, похоже, дурно... Погоди, дам кое-что.

Выглядел Шеймус действительно паршиво. Слишком много вытекло крови, а капитан и так не вполне оправился от раны, полученной в Фадле. Он сильно побледнел, очевидно обессилел и тяжело дышал. Взгляд едва сохранял ясность.

Ангус порадовался, что они всё-таки не дошли до лагеря или хотя бы до своих в порту. Капитан способен на многое. На то, что почти никому не под силу: в конце концов, половину полученных им за эти годы ран большинство людей не пережило бы. Однако он всё-таки человек — и сейчас едва ли бы способен вести кого-то в бой.

Что уж: вряд ли Шеймус сейчас мог подняться со стула без посторонней помощи.

Мерседес Вальверде шарилась по полкам здорового шкафа. Наконец она нашла то, что искала: небольшой ларец, из которого извлекла склянку. Наверняка таких внутри было много.

— Выпей. Только не всё сразу, немножко.

— А что это?

— Хей...

Вальверде сдвинула бумаги и карты, разложенные по столу, и забралась на его край. Ботфорты качались далеко от пола. А капитан здесь и выпрямиться-то не смог бы...

— Знаешь, когда на море начинается шторм... Я имею в виду не жалкую непогодишку, а настоящее дерьмо... Волны ростом с крепостные стены. Ветер, способный сдуть в палубы... Так вот: в такие моменты я принимаю пару капель этой штуковины. И тогда мне кажется, что это не я веду корабль через ужасную бурю. О нет! Мне кажется, что буря идёт против меня.

Капитан недоверчиво осмотрел склянку. Внутри была зеленоватая жидкость, похоже — довольно плотная, нечто вроде масла. Колебался он недолго: вытащил пробку и опрокинул в себя почти половину.

— Лихо! — рассмеялась Вальверде. — Эта хреновина делает слабых слабее, а сильных сильнее. Удивительная вещь. Из страны, о которой ты даже не слышал. Да и я-то услышал недавно.

Кажется, действовать диковинное снадобье начало почти сразу.

— Расскажи-ка, как ты стала балеарским адмиралом.

— Хей, хорошее начало разговора! Но история не из увлекательных. Тайная Канцелярия со мной в определённый момент имела интересную беседу. Варианта было три: виселица, пожизненная каторга на Сартанских островах или адмиральский чин. Если честно... я не очень долго думал.

— Балеарцы умеют делать предложения.

— О да! Судить хоть по тому, что вы оба из Стирлинга. Но воевали против него.

— Нам выбора никто не предлагал.

— Выбор есть всегда, и ты лучше меня это знаешь.

Шеймус ничего не ответил. Какое-то время все молчали. Судовой врач покинул каюту, да и Айко тоже вышел прочь — повинувшись знаку Ангуса. Наёмники пришли говорить не о снадобьях. И не о том, как пираты становятся адмиралами.

Вальверде продолжала курить, пуская дым кольцами. А потом снова заговорила:

— Я прибыл сюда месяц назад и всё ждал, когда ты появишься. Птички напели, что в Балеарии очень заинтересованы твоей персоной. И такая удача: я как раз неподалёку от Альма-Азрака! Нельзя было не подсуетиться. Хороший шанс выслужиться. Хорошая возможность помочь старому другу.

— Другу? — Шеймус рассмеялся бы, но раны мешали. — Думаю, нас с тобой можно назвать как угодно, только не друзьями.

— А я думаю, что когда людей столько всего связывает, они поневоле друзья.

— Вот как? И что же нас с тобой, позволь, связывает?

Вальверде придвинулась к нему поближе. Она широко улыбалась, а такое явно бывало нечасто. Глаза, уже окружённые морщинами, прищурились. Ангус замер, почти перестал дышать: его до того интриговал разговор, что хотелось стать совершенно незаметным. Словно адмирал и капитан здесь одни.

Мерседес по-кошачьи потянула спину.

— Мы с тобой дети Великой войны, Шеймус. Почти последние реликты славной эпохи: кто ещё не гадит под себя, способен командовать и сам держать оружие. Таких почти не осталось. Одни померли, другие ослабли. Мирная жизнь хуже маковой смолы. Размягчает людей. Но мы-то не умеем и не желаем жить по-другому, по крайней мере — сейчас. Мы настоящие люди настоящей войны, верно? Таких не делают в мирное время. И в жалких войнушках не делают тоже.

— Давно не слыхал о твоих подвигах.

— Это временная передышка. Да и потом, ты много чего обо мне не знаешь... Неважно. Важно то, что балеарцы опять замышляют нечто... масштабное, насколько я могу судить. Амбициозное. В своём стиле. И им нужен человек вроде тебя. А поскольку людей вроде тебя почти нет — выходит, что нужен именно ты.

— Я? Балеарии? Ты серьёзно?

— Более чем.

— Бред. Если хотят устроить войну, то у них есть Фалькао. Есть тер Хофген какой-нибудь, Монро, Габор... есть Вальдемар ван Стекелен, в конце концов.

— Хей! Во-первых, вряд ли они затевают простую войну. Ситуация определённо куда тоньше. А во-вторых... Фалькао — это уже половина человека, он искалечен и больше не может водить армии. Тер Хофген, Монро и Габор — глубокие старики, пишущие мемуары. Их время прошло. А этот ван Стекелен... Он серьёзный человек, правда. Но не ветеран Великой войны, в отличие от нас. А это нынче много, много стоит.

— Почему же они не обратились к тебе?

— Из-за репутации, думаю. Или потому, что я всё-таки воюю на море. Или... не знаю. Но в письме Тайной Канцелярии сказано то, что сказано: разыскать Висельника. Предложить ему работу на Балеарию.

Шеймус скривился так, будто уксуса глотнул. Ангус хорошо представлял, насколько капитану противна эта фраза: «работать на Балеарию». Он сам испытывал те же чувства. Однако как бы то ни было — Ржавый Капитан оставался наёмником.

— И что они хотят предложить?

— А вот этого я не знаю. — Вальверде пожала плечами. — Но речь явно не о командовании гвардией королевы на парадах, знаешь ли. И не о какой-то мелкой заварушке, раз они готовы из-за океана человека звать для работы. Одно знаю точно: денег у них просто до жопы. Канцлер не скупится на то, что своей платы стоит, а уж ты-то стоишь. Если не обосрёшься, а за четверть века такого не числится — озолотят, это точно.

Пиратка отложила трубку, придвинулась ещё ближе, наклонилась вперёд — едва не коснулась носом лица капитана. Это выглядело странно. Ангус совершенно не понимал, какой именно ему кажется эта сцена, чего в ней больше. Он вообще мало знал об отношениях Шеймуса с Вальверде.

В тот год, когда Шеймус, ещё лейтенант Волчьего легиона, познакомился со стирлингским капером, сам Ангус время проводил уныло: сидел в осаде за хлипкими стенами Геренсбурга, которые окружило такое же жиденькое войско союзников Стирлинга. Самая скучная осада на его памяти, но что поделать? Это Шеймус вышел в адъютанты командора Мендосы, а Ангус просто командовал ротой пикинеров. Извилистые дороги войны ненадолго разлучили старых друзей.

Потом Мендоса выступил к Геренсбургу — и осаждающие разбежались ещё до того, как главные силы Волчьего Легиона показались на горизонте. Ангус особо не расспрашивал, чем Шеймус целый год занимался. Тот бы всё равно толком не рассказал, да и были дела поважнее: Мендоса повёл наёмников к Бахадосскому полю.

Вальверде, кажется, обнюхала капитана. Это выглядело ещё более странно.

— А может быть, Шеймус... они даже дадут тебе маршальский жезл, хей!

— Маршальский?..

— А почему нет? Фалькао стар и болен. Ковыляет на половине ноги, подтирается левой, глядит одним глазом. Он своё отработал. А у тебя есть репутация, есть знания и умения, есть силы. И ещё ты — человек Мендосы. Возможно, в это сложно поверить... но быть человеком Волка Мелиньи — нынче при дворе королевы Анхелики очень хорошая рекомендация.

Действительно, трудно было в такое поверить. Но час назад Ангус не поверил бы, что Мерседес Вальверде дали в Балеарии какую-то должность, кроме головы на пике или шлюхи на сартанских каменоломнях. Так что...

А звучало заманчиво! Шеймус Висельник — маршал Балеарии... да почему бы нет? И уж верно, он не забудет старого друга. Коли Шеймус будет маршалом, то Ангус — точно генералом! Он представил себя в элегантном камзоле вместо смешных одежд наёмника. При накрахмаленном вороте, с бархатным шарфом поперёк груди. Под расшитыми лазурно-красными штандартами, перед десятками тысяч солдат.

А ещё представил богатый дом в Марисолеме. Не прямо сейчас, конечно, но ведь сорок два года — старость уже не за горами, и лучше бы до неё дожить. Проклятье, ведь когда-то он мечтал именно о доме! Больше четверти века прошло... За это время случилось многое. И

добился Ангус многого.

Но дома у него так никогда и не было.

Лейтенант внезапно понял, о чём Шеймус пытался сказать ему в Фадле. Тогда, после боя и после убийства Исхилы-Камаль.

— Маршалльский, говоришь...

— Мир меняется, Шеймус. Быстрее, чем ядро летит. В Балеарии всё уже совсем не так как было, когда ты уезжал. Это в двух словах не объяснишь... я из каждого плавания будто в другую страну возвращаюсь. Да и потом... как ни печально, но мы не молодеем. И лучше уж состариться так, как Фалькао с Габором и Монро, чем... уж прости, но чем кончить как Мендоса. Ты же сам вечно говорил, что умирать легко, а...

— ...а жить трудно.

— И лёгкие пути не для тебя.

— Судя по тому, сколько народу сегодня перекрошил — не для меня, точно.

Ещё какое-то время они молчали. Вальверде болтала ногами в воздухе, словно была маленькой девочкой, а не прожжённой бабицей лет пятидесяти, насквозь пропитанной кровью, потом, морской солью и порохом. Шеймус сидел неподвижно и смотрел в потолок: его лицо, как обычно, ничего не выражало. Но это только видимость. Он размышлял, конечно.

И Ангус прекрасно понимал: думает капитан сейчас не только о блестящих перспективах, которые сулит служба Балеарии. И не только о том, чем за эту службу могут отплатить на самом деле — как вышло с Мендосой.

То дело будущего, причём довольно далёкого. До которого ещё надо дожить. Но вот прямо сейчас...

— Предположим, что я соглашусь. Какой план ты предлагаешь?

— План? Пфф... мы можем сняться с якоря прямо на рассвете.

— Ты меня не поняла.

— Чего именно я не понял, дорогой? Что ты имеешь в виду?

— Своё войско, конечно. Своих людей в городе.

Вид у Вальверде был такой, словно она искренне не ожидала подобного вопроса. Хотя, ясное дело, ожидала.

— Шеймус, ты ведь не хуже меня всё понимаешь. Совершенно не факт, что твой лагерь ещё существует... и твоё войско вместе с ним. И даже тех, кто в порту, нам мураддины переправить на корабли не позволят. Ну и корабли мои, если уж начистоту... не безразмерные.

Шеймус вмиг помрачнел.

— А сейчас моё время спросить, что ты имеешь в виду.

— То, что в письмах сказано о Шеймусе Висельнике. Не о его войске. Им нужен командир, а здесь сейчас сразу два командира Ржавого Отряда. Сколько раз состав твоего войска сменился за эти двадцать лет? Сколько с тобой нынче солдат, видевших Бахадосское поле? Дело-то не в людях, и мы оба это знаем.

— То есть ты предлагаешь мне сбежать, бросив своих?

— Категоричная формулировка. Не знаю, может, в пехоте так и говорят... но настоящий пират вроде меня сказал бы «благоразумно отступить». Что-то такое я предлагаю, да.

У Ангуса от этого поворота беседы глаз задёргался. Самое отвратительное состояло не в поступке, который Вальверде предлагала. Увы: в осознании, что предлагает она разумное.

Ведь и правда нет никакого представления, что произошло в городе. Никакой уверенности, что в данный момент у Шеймуса и Ангуса имеется какой-то отряд — а не горстка рассеянных по столице недобитков. Ещё меньше оснований для уверенности, что получится кому-то помочь, а главное — что оно того будет стоить. Легко согнуть без толку.

Наконец, уж в чём адмирал точно не ошибалась — так это насчёт «дело не в людях». Хотя и в них, конечно, тоже, но... на самом деле незаменимых нет. Раз уж самому командору Мендосе нашёлся достойный преемник — хотя кто бы в это поверил за день до?..

Неприятная правда всё равно остаётся правдой. Ангус очень порадовался, что не ему тут принимать решение.

— Пойми, дорогой, я не хотел ставить перед тобой вопрос так. Я рассчитывал, что мы спокойно поговорим... до того, как в Альма-Азраке случится нечто плохое. И придумаем что-нибудь насчёт вывоза твоих людей: ты ведь сам думал о поиске кораблей, это понятно. Но час назад, как видим, ситуация сильно изменилась. Превратилась в полное дерьмо.

Да, это явно противоречило принципам отряда, но не бывает принципов, от которых никогда не отступают. По крайней мере, разумные люди. Есть о чём подумать.

Однако Шеймус не размышлял долго.

— Нет, я так не поступлю.

— Почему, дорогой?

— Потому что!.. — он вдруг рявкнул так, что едва посуда в шкафу не звякнула. — Потому что мой отряд — это не просто люди. Это то, во что я вложил душу и сердце. «Дело не в людях», ты говоришь? Славно. Но дело и не в кораблях. Однако бросила бы ты свою «Дочь морей»?

Вот теперь и Вальверде задело — аж из угла каюты, несмотря на полумрак, был замечен всполох в глазах. А высокий голос скрежетнул металлическим:

— Знаешь, мне было бы нелегко так поступить. Но я бросал корабли. И ты бросал людей, я знаю: не строй из себя невинность, пожалуйста!..

Увы, но и это было правдой. Ангус вжался в угол. Лучше не отсвечивать вообще. И не встречать уж точно. Вальверде прыгнула со стола, в два шага добралась до бутылки. Вырвала из горлышка пробку и хорошенько глотнула.

— Или ты из-за женщины упёрся, а?..

— Что?..

— Ты слышал.

Она отхлебнула ещё, и ещё раз, и снова. Спокойно пила ром. А вот Шеймус напрягся. Он вцепился в подлокотники, опустил голову на уровень плеч, не сводя взгляда с Вальверде. Свежезащитые губы плотно сжались.

— Ты что себе думаешь?.. — прошипел он. — Что слабое место нащупала? Нет у меня никакого слабого места. Сплошная, блядь, ржавая железная оболочка.

— Очень похоже на то, что ты лукавишь.

— Да? Похоже? Ну, тут есть только два варианта: либо ты права, либо я. Допустим, что я лгу, пусть даже и самому себе. Но что это меняет, Вальверде? Со мной девять человек, и ни один из них не скажет, что я когда-либо обделил его трофеями, что я прятался за его спиной в бою. Что на его теле больше шрамов, чем на моём. Что я не более всех соответствую тем принципам, которые провозглашаю. Мы даже трупы не оставляем, когда есть хоть малая возможность вынести их и совершить обряд, предпочитаемый погибшим. А сейчас речь о живых — или хотя бы о тех, кто ещё может быть жив. И о моей женщине в том числе, твоя

правда. Но какая разница?

— Иными словами, поступить разумно ты не желаешь?

— Если называешь предательство людей, полагающихся на меня, чем-то разумным... то нет.

— Не очень-то сочетается с твоей любимой присказкой насчёт «умирать» и «жить».

— Прекрасно сочетается. Жить и выживать — не одно и то же. Я хорошо знаю эту разницу: уже не впервые в такой ситуации.

Ангус предпочёл не думать, как пошёл бы разговор, окажись Ирма на борту «Дочери морей». Это было бы неуважительно к командиру и другу, пусть даже в мыслях. Они бросали людей, это правда. В последний раз, если уж начистоту, совсем недавно — в Рачтонге. Да, тогда речь не шла обо всём отряде, но где проходит граница? Сколько людей можно оставить позади, если так сложились обстоятельства, а сколько уже нельзя?

С какого момента циничное, но разумное решение превращается в предательство? На проклятом Бахадосском поле всё было проще: там граница между трусами, героями и людьми, которые где-то посередине, оказалась очень чёткой и ясной. А тут...

Лейтенант вспомнил то, что капитан сказал визирю в Фадле. Мол, это только со стороны кажется: проще отдавать приказы, чем исполнять их. А на самом-то деле всё наоборот. Чистая правда. Ни за какие блага мира он бы сейчас на место командира добровольно не встал.

Вальверде избавилась от бутылки. Заложив руки за спину и задумчиво опустив голову, описала круг по тесной каюте. Затем подошла к окну: отсюда был отлично виден порт Альма-Азрака. Порт, где в лучшем случае кипел бой. В худшем — шла к концу резня.

— Прекрасный город. Богатый. И ты прав насчёт моих... подвигов. — она говорила негромко, почти шёпотом, подолгу подбирая слова. — Я уже плохо помню, как такие города пахнут, когда доходит до дела. Дымом, кровью, страхом, золотом. Ничто на свете не пахнет так. Скольких ты, говоришь, убил во дворце?

— Не знаю. Дюжину. Может, больше.

— Ох... дюжину или больше. Лицо в лицо. Клинки в клинки. Я тебе немного завидую.

Не сводя глаз с панорамы мураддинской столицы, Вальверде достала откуда-то трубку — но уже другую, не лимландскую для табака. Местную, для бханга. Забила и раскурила без спешки. Шеймус оставался в прежней позе и глядел Вальверде в спину. Ангусу смертельно захотелось выпить, да чего покрепче.

— Видишь этот форт, Шеймус?

— Вижу.

Речь адмирала приобрела медовую тягучесть и мягкость. Так и сам капитан говорил, хорошенько накурившись.

— Форт старый, как дерьмо императора Педро Фелипе. Но я точно знаю, что там лучшие пушки, какие есть в халифате. И лучшие же артиллеристы. Пусть стены никуда не годятся, расположен форт умно. Прекрасно запирает бухту.

— К чему ты клонишь?

Вальверде ответила не сразу. Она отложила трубку, потёрла виски, тяжело вздохнула.

— А вот к чему. Через два часа я снимусь с якорей и войду в гавань Альма-Азрака. С открытыми оружейными портами, с заряженными пушками, с собранной абордажной командой. И я буду за тех, чьё знамя увижу над этим фортом.

Она обернулась. Ангус не разобрал, что за чувство выражает суровое лицо Вальверде, на

миг ставшее удивительно женственным. Но чувство было очень сильным, определённо.

— Это всё, что я могу для тебя сделать, Шеймус.

Шеймус поднялся: надо заметить, уже без видимых усилий. Возможно, так действовало зелье. А возможно, дело состояло в том же, в чём обычно.

— Большого и не нужно. Увидимся в порту. Ангус, пошли: поговорим с нашими.

Лейтенант догнал Шеймуса уже на крутой лестнице, ведущей наверх. И не стал ничего говорить об очевидной авантюристности идеи захватить форт вдвядтером — Лось-то сейчас точно не боец. Он шепнул другое.

— Ты собираешься идти туда сам?

— Думаешь, буду сидеть на корабле и ждать вестей? Хер там плавал.

— Ты пять минут назад на ногах не стоял! Да из тебя половина всей крови вылилась!

— Мне уже получше. Или проверить желаешь?

Проверить Ангус не собирался. Они выбрались на палубу: здесь было полно пиратов Вальверде, здесь же ждали Айко, Козимо, двое сержантов и трое солдат в плащах. Девять человек: даже под тем самым деревом, где началась история отряда, их двадцать лет назад собралось куда больше.

Прежде, чем Шеймус что-то сказал, из люка послышался голос Вальверде. Немного дрогнувший.

— Постой!..

Она вылезла из-под палубы. Уже успела набросить на плечи камзол: показалась перед своими людьми в приличном командиру виде.

— Ну что?..

— Возьми с собой Тишайшего. И ещё пятерых парней, которых он выберет.

— Я думал, ты больше ничего для меня не сделаешь.

— Хей, ты всегда умел пробудить во мне лучшие качества. Пятнадцать лучше девяти.

— Это правда. Ровно на шесть лучше.

Ангус, пожалуй, одного Тишайшего записал бы за шестерых. А уж Шеймуса, пусть даже в таком плачевном состоянии — и того больше. Айко с Козимо тоже могут многое, очень многое, хотя по щуплому тремонцу на первый взгляд-то скажешь. Да и сам Ангус был готов потрянуть стариной.

Если так считать, то их не пятнадцать, а как минимум вдвое больше. Всё получится.

Ирма плохо видела бой, но понимала, что всё с самого начала складывается тяжело. Баррикады на рыночной площади, конечно, не позволили всадникам Святого Воинства одним наскоком смять отряд, лишённый пик. Однако мураддины действовали с умом: часть их спешила и полезла прямо на укрепления, а остальные кружили верхом вокруг — атакуя слабые места обороны, отступая и вновь подходя с другой стороны.

Каждый раз навстречу стуку копыт звучали выстрелы: кого-то аркебизуры ссаживали с коней, но нанести врагу большого урона не могли. Слишком мало людей. Люлья командовал с постаментов в центре, пользуясь тем, что у мураддинов аркебузов не было. Он рассылал подкрепления туда и сюда, видя новые атаки. Увы, даже Ирме хватало представления о военном деле, чтобы понять: всё идёт по сценарию Валида. Он изматывает наёмников, заставляя защищаться со всех сторон, метаться по площади.

А между тем спешенные мураддины в тяжёлой броне тоже не переставали давить. Сталь звенела об доспехи и щиты, крики смешались — мураддинский язык уже не отличишь от привычного отрядного пиджина.

Может, стоило обороняться на узкой улице? Но с неё при случае не отступишь: запрут с двух сторон, это и обозной жене ясно. Всё-таки боёв Ирма повидала немало. Вот только обычно — со стороны: из лагеря на холме, со стен, а не из самого проклятого пекла.

Ирма с Гретель забрались под прилавок, где уже пряталась Гайя: пара просвистевших над головами арбалетных болтов убедила женщин, что так лучше. У них-то никакой брони не было.

— Не отобьёмся...

Гайя тут же получила от Гретель затрещину.

— Соберись!

Ныть и правда было не время. Во-первых, слезами делу не поможешь — Ирма полагала, что на сегодня лимит рыданий о горькой судьбинушке уже исчеран. Во-вторых, никто, включая Люлью и Валида — не говоря уж о женщинах, не мог быть уверен, как события повернутся через минуту.

Может быть, вот-вот подойдёт Шеймус — с хорошей коробкой пикинеров и кучей порохового оружия. Тогда всадников Валида раскидают на раз-два. И всё, конечно, снова будет хорошо — или гораздо лучше прежнего, по крайней мере. А может...

Нет-нет-нет, и думать не смей.

Ирма сжала в ладони равносторонний крестик — помнится, Отец Пустыни посмеялся над этим наивным жестом. Если уж Творец Небесный и правда далеко, если он действительно глух к молитвам — то пусть странный местный бог снова явится и снова изволит иронизировать. Он же дал понять: Ирма с Шеймусом кому-то зачем-то нужны. Кому-то, кто явно сильнее и мудрее людей.

Значит, всё не может закончиться плохо?

Хотя Отец Пустыни как раз говорил: хорошего финала не будет.

Но если и так — выходит, плохо будет потом. Когда-нибудь. Не прямо сейчас, да? «Ты увидишь очень многое, тебе предстоят удивительные вещи. Даже вообразить их сейчас трудно...»

Подохнуть на этом рынке — явно не самая удивительная вещь на свете. И уж её-то

вообразить сейчас, когда Святое Воинство продавливало оборону наёмников, особого труда не составляло.

«...но домой ты больше никогда не попадёшь»

Да и пёс с ним, с Лимландом. Положа руку на сердце — Ирма никогда особо не любила родину. Может, немного тосковала, как и любой человек на чужбине, но у неё уже десять лет было кое-что другое.

Тоже своего рода дом.

Меж тем основной натиск на баррикаду, кажется, ослаб — спешенные мураддины отступили. Всадники тоже кружили на почтительном расстоянии. Люлья продолжал раздавать распоряжения: перегруппировываться, оттащить раненых.

— Враг думает, что мы морально слабы! — смеялся лейтенант с постамента. — Видать, ничего не стоим без Шеймуса? Залупу тебе, Валид, на воротник! Ржавеет железное!

— Ржавеет железное!

— РЖАВЕЕТ ЖЕЛЕЗНОЕ!!!

И женщины присоединились к скандированию.

Однако покидать площадь Валид не собирался. Мураддины явно готовились к новой атаке — или собирались с силами и обдумывали тактику, или ждали подкрепления. Гретель ухватила за штанину солдата, пробежавшего мимо.

— Эй! Дайте оружие. Хоть какое.

— Зачем?

— Затем! Не помешает. Я сдаваться, знаешь ли, при случае не собираюсь.

Да уж, Ирма не сомневалась — её подруга сражаться ой как способна. Лимландка этой ночью успела убедиться, что и она сама тоже может, по крайней мере — в ситуации, когда нет иного выхода.

А вот у Гайи дела с боевым духом обстояли дурно. Волю истерике она не давала только потому, что при любой попытке голосить сразу получала очередных тумачков от Гретель. Та уже успела вооружиться коротким мечом и явно почувствовала себя лучше.

— Без нытья! Мы же тут не шлюхи. Мы, девоньки, такая же часть отряда, как все остальные. Придётся — будем драться. А если ты, солнышко, не станешь — сама выпотрошу, ясно?

Ирма выглянула из-под прилавка, пытаясь разобраться в обстановке. Ничего толком не разглядела — только спины своих и макушки вражеских всадников. Те снова приближались.

Спущенную на воду лодку оттолкнули от борта «Дочери морей». Парни налегли на вёсла. Судно было тесновато для пятнадцати человек, но на двух шлюпках решили не идти.

Странный пират восседал на носу лодки, без малейшего движения, будто и не дыша. Он спокойно смотрел в сторону города. Тишайший теперь был одоспешен, и его броня показалась Ангусу не менее странной, чем клинки. Чешуйчатый жилет был покрыт матовой тёмно-красной краской, на плечах висели нелепые прямоугольные щитки, а голову защищал диковинный шлем с широкими полями, увенчанный рогами из чёрного дерева.

Ангус всегда считал рассказы о рогатых шлемах большой фантазией, но удивляться чему-либо за этот вечер уже перестал. Ещё у Тишайшего был при себе лук — тоже совсем не похожий на что-либо, встреченное гвендом прежде: асимметрично изогнутый.

Вот так с детства болтаешься по миру и думаешь, будто уже видел всё, но...

Командиры «ржавых» сидели у кормы. Шеймус смотрел прямо на форт и тоже практически не шевелился. На него кое-как нацепили вынесенный из дворца доспех, и хоть капитану от настойки Вальверде явно стало лучше — в лодку он спустился с видимым трудом.

— Какой план?

— Я без понятия, как устроен форт, сколько там людей. Что тут придумаешь? Просто проникнем внутрь и всех убьём.

— О, это мой любимый план!

Ангусу было неудобно в доспехе оставшегося на корабле Лося — маловат, не по фигуре. Но уж лучше так, чем лезть в драку без защиты. Раз в городе беспорядки, то гарнизон форта однозначно подняли по тревоге: резать спящих не доведётся. Радовала Ангуса лишь одна мысль. Пока корабли Вальверде стоят на якорях вдалеке от берега — к атаке со стороны моря никто особо и не готов. Угрозу местные видят не там.

Если хоть немного повезёт, маленькую лодку в ночи не заметят. А там уж...

Ещё Ангуса угнетало отсутствие большого меча. За долгие годы на войне он, конечно, дрался чем угодно — но давно полюбил двуручник, здоровенный и тяжёлый. Тяжёлый — значит надёжный. Даже если вдруг ударишь криво — всё равно можно и оглушить, и рукояго сломать. Лишь бы посильнее, а силушки Ангусу хватало.

— Слушай, Шеймус, а у тебя это дерьмо осталось?

— Какое?

— Ну, которое Вальверде дала.

Шеймус и обычно-то смеялся странно, а теперь, из-за швов на лице — тем более.

— Зачем тебе? Вечно бранишь за это дело.

— Ой, да мы дюжиной с грошем собрались форт брать. Что-нибудь этакое не повредит.

Ангус едва не добавил слово «уже», но осёкся и торопливо отогнал эту мысль. Он любил перед боем мрачно пошутить о погибели, потому как старик Фейн наставлял когда-то юного Кудряшку: смерть боится тех, кто смеётся ей в лицо. Однако нынче всё складывалось как-то слишком дурно, тут не до шуток.

Шеймус протянул пузырёк. Ангус решил особо не рисковать и последовал совету Вальверде: пару капель... Вкус вязкой жидкости оказался приятным. Очень сладкий, с нотками незнакомых гвендлу трав или фруктов, целый букет: он опознал только анис. Настойка наверняка на спирту, но тот совсем не чувствовался.

Поначалу ничего не происходило. Гребцы продолжали работать, форт приближался, шум из глубины Альма-Азрака слышался всё отчётливее. Там сражались: это уже хороший знак. Раз ещё сражаются, то ещё хоть кто-то из «ржавых» жив.

Первым ощущением стал жар. Не такой, как при лихорадке, когда ты весь горишь: этот жар имел единственный источник. Он набирал силу в груди. Сначала очаг был мал, но постепенно пламя залило всё пространство под рёбрами. Ангус невольно схватился за грудь, будто испугался, что его сейчас разорвёт изнутри.

Жар усиливался, но в какой-то момент перестал и пугать, и быть неприятным. Ангус ощущал его уже не огнём, а скорее... светом? Как будто солнце на месте сердца. Мышцы наливались кровью, твердели и пучились. В висках заколотило, по лбу побежал пот.

В какой-то момент показалось, что перед глазами мутнеет, но нет. Просто Ангус начинал видеть не только то, что минуту назад: словно художник писал полупрозрачными красками новую картину поверх прежней. Образы из прошлого. Ангус видел призрачные

силуэты крепостей, которые ему довелось брать и защищать, видел костры полевых лагерей. Лёгкие волны напоминали ещё слабо шевелящиеся тела, усыпавшие поле боя.

Лейтенант поднял глаза к небу и не увидел звёзд. Вместо них над головой был лес: сплошной покров пышных крон. Ангус видел почти забытый им Орфхлэйт. Лес затянул всё, от горизонта до горизонта, навис куполом.

Лейтенант повернулся к Шеймусу и едва узнал его. У капитана была не столь ярко выраженная гвендлская внешность, как у Ангуса или Лося, но теперь его нос стал мясистее, подборок приобрёл совсем гротескную квадратность, а волосы изменили оттенок — с неопределённого на тот самый, легко узнаваемый, насыщенный медовый. Они резко отросли, доставали теперь до плеч.

Ангус понял, что одновременно видит и своего командира, и своего отца.

— Что, накрывает?.. — два человека в одном произнесли это с интонацией Шеймуса, но голосом Фейна. — Не волнуйся, скоро башка прояснится. Хотя и не отпустит.

Хорошо бы, чтоб к бою прояснилось. Пока всё путалось только сильнее.

Лёгкий шум волн и вёсел превращался в какой-то другой звук. Скоро он стал единственным — со стороны города Ангус уже не слышал ничего. Стало ясно: с ним говорят. Говорят как в театре, где лейтенанту бывать доводилось. Вроде человек на сцене шепчет, но это всему залу слышно. Звук нарастал. Оглушительный шёпот?

ОНИ ПРОСИЛИ У КНЯЗЯ И КНЯЗЬ ОТВЕЧАЛ ИМ

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЛЕСНЫХ КОРОЛЕЙ

Было время, когда Ангус мог назвать их всех без запинки. Сейчас, наверное, уже нет... или всё-таки да? Он давно не пробовал, давным-давно обо всём этом всерьёз не задумывался.

ОНИ ПРИНОСИЛИ ЕМУ ЖЕРТВЫ ОНИ ПРИНОСИЛИ ЖЕНЩИН

ТЫ ЗНАЕШЬ ОБ ЭТОМ НЕТ НИЧЕГО ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ

ОНИ ДАВНО УМЕРЛИ ОНИ ЖИВЫ И СЕЙЧАС

ВОССЛАВИМ ВОИНОВ КОТОРЫХ НЕ ОСТАНОВИТ ДАЖЕ СМЕРТЬ

ДУХИ ГРОЗОВЫХ ТУЧ КУЮТ ВАМ МЕЧИ ИЗ МОЛНИЙ ДУХИ ДРЕВЕСИ
СКОЛАЧИВАЮТ ВАМ ЩИТЫ

МЫ ПРИНЕСЁМ ЖЕРТВУ ДРЕВНИМ БОГАМ МЫ НАПОИМ ИХ КРОВЬЮ ВРА
МЫ НАКОРМИМ ИХ ПЛОТЬЮ ЧУЖАКОВ БЕСПОЛЕЗНЫЙ БЛЕСК ИХ ХРАМОВ
ЖАЛКИЙ СИМВОЛ ИХ БОГ МОЛЧИТ ОН УЖЕ ДАВНО БЕЗМОЛВСТВУЕТ

ВНУТРИ НИХ ПУСТОТА ВНУТРИ ТЕБЯ ПУСТОТА ТАК НЕ ПОЙДЁТ ТАК БОЛ
НЕ ПОЙДЁТ АНГУС

АНГУС ТЫ ПОМНИШЬ ЛИЦО СВОЕГО ОТЦА ТЫ ПОМНИШЬ СВОЮ МАТЬ

ТЫ ПОМНИШЬ ИХ ЛИЦА

ТЫ ПОМНИШЬ СВОЙ НАРОД АНГУС

Ангус всё это помнил, разумеется. Он неотрывно смотрел наверх, туда, где вместо горящих звёзд шевелились кроны Орфхлэйта. Хотя нет: звёзды тоже были. Нет, это не звёзды. Это костры. Их так же много, как звёзд. Не сосчитать.

ОНИ ВЫЙДУТ ИЗ ЛЕСА

МЕРТВЕЦЫ ВЫЙДУТ И ПОВЕДУТ В БОЙ ЖИВЫХ

ТЫ ПОЧУВСТВУЕШЬ ОГОНЬ В НОЧИ ТЫ ПОЧУВСТВУЕШЬ КАК НЕЖНА ТЬМА

ЭТО ЗНАЧИТ ЧТО ТЫ ОДИН ИЗ НИХ

Конечно. Один из них, а кто же ещё, какие могут быть сомнения, откуда им взяться?

ЕСТЬ ЛЮДИ КОТОРЫЕ РОЖДЕНЫ ЧТОБЫ ПОБЕДИТЬ

Шёпот постепенно затихал. Костры на небе снова стали выглядеть как звёзды. Образ леса померк, хотя и не рассеялся. Ангус наконец оторвал взгляд от небес и увидел около лодки человека.

Это был юноша: худощавый, бледный и очень красивый, увешанный золотом и коронованный. Он ехал верхом на верблюде, ступавшем прямо по волнам, словно по песку пустыни. Юноша смотрел на людей в лодке и улыбался.

В голову пришёл глупый вопрос.

— Шеймус, ты его видишь?

— Я не впервые его вижу.

Ангус сплюнул за борт. Всё происходило точно по словам Шеймуса: морок рассеивался, а вот сила переполняла тело по-прежнему, и дух окреп ещё пуще. Лейтенант уже давно не чувствовал себя настолько сильным. А ведь он никогда не был слабаком.

Высадиться на берегу, где обрыв удачно скрывал узкую полосу пляжа, удалось незамеченными. Лодку вытащили на песок.

Форт отсюда можно было рассмотреть, если чуть-чуть высунуться. Одна-другая фигура иногда мелькала на ближайшей стене, дальней от города. На другой стороне людей точно больше. Стены в самом деле старые: невысокие и слегка покатые, как строили в Шере давным-давно. Забраться наверх особого труда не составит.

— Итак, слушайте меня...

Пираты и наёмники собрались вокруг Шеймуса. Он говорил по-балеарски.

— Мы не знаем, что внутри, но форт по сути не защищает гавань. Он защищает свои пушки, которые для того нужны.

Капитан указал на широкую башню — скорее даже поднятую над стеной полукруглую платформу. Понятно, что тяжёлые орудия именно там.

— Думаю, устройство форта даёт возможность изолировать батарею. Опустить тяжёлые решётки, вроде того. И мураддины наверняка обучены это делать при любой серьёзной опасности. Значит, надо им помешать.

Все внимательно слушали, время от времени кивая.

— Полезем на стену вон там. Туда подобраться проще: сначала вдоль обрыва, затем через кусты. Действовать нужно решительно. Забросим кошки. Тишайший — твои парни ползут первыми. Вы же моряки, вы лучше это умеете. Очень важно залезть быстро, сразу же сбросить нам верёвочные лестницы. Малейшая заминка — это провал. Если нас скинут со стены, то уже ничего не получится.

Ангус слабо представлял, как командир ползет на стену в нынешнем состоянии. Ему полегчало, конечно, но раны-то никуда не делись.

— Расчёт батареи плюс охрана... там полсотни человек сидит, а то и все пять дюжин. В общем, их будет где-то в четыре раза больше. И это не бандиты из дворца: солдаты. Они точно уже в броне. Но раз никто форту особо не угрожает — большинство, надеюсь, скучает в караулках. Если так, то шансы у нас хорошие. Как только залезем, делимся пополам. Тишайший, возьмишь Козимо и сержанта. Двинешься по стене от башни, против часовой. Стену нужно очень быстро очистить и закрепиться на ней. Не спускайтесь без моего приказа, прикрывайте. Ангус, Айко и вы четверо — идёте со мной.

Тишайший кивнул. Остальным достаточно было и просто промолчать: вопросов нет.

— Драка будет не из простых, но её вполне можно выиграть. Мы люди опытные, и

какая-никакая неожиданность на нашей стороне. Если действовать быстро и чётко, всё получится. Собирайтесь.

Лейтенанту вспомнился давний штурм замка, название которого затерялось в недрах памяти. Ещё времена Волчьего легиона. Шеймус тащил тогда через ворота огромную павезу, ростовой щит раза в два больше нормального — Ангус шёл за его спиной, осторожно высовываясь, тыкая укороченным копьём. Хотя в поле делали наоборот: там как раз Ангус ломился вперёд, рубил и раздвигал пики, открывал бреши в строю — в которые врубался его товарищ.

По-разному бывало. Что угодно давно уже не впервой.

Увы, не всё сложилось идеально с точки зрения Алима.

— Ты уверен, что она смогла убежать?

— Убежала к своим, точно. Наши видели.

— Стоило вмешаться...

Человек старца с горы пожал плечами.

— Мы действуем сообразно приказам. Какие есть, такие исполняем.

Действительно, тут Алим мог ругать лишь самого себя. Стоило дать насчёт женщины отдельные распоряжения — но не хватило опыта предусмотреть всё. Оказалось, что Ирму заметили люди, наблюдавшие за дворцом с другой стороны. Заметили, но предпочли никак не вмешиваться: план подстраивался под ситуацию на ходу, а чётких приказов на такой случай бойцы не получили.

Да уж, это промашка. Любовница капитана, будь она спасена от бандитов Алимом, стала бы очень весомой фигурой в этой небольшой партии. Но если момент упущен, тут уже ничего не поделать.

— Мы видели Валида с большим отрядом. Он шёл к порту.

Нетрудно догадаться, зачем. Довольно глупое, впрочем, решение — а посему легко угадать, кто отдал командиру Святого Воинства такой приказ. Халиф, конечно — визирь ни за что не отослал бы лучшего в столице полководца на другой конец города, когда у лагеря наёмников уже жарко.

— Выходит, и возле порта будет бой. Но в него мы вмешиваться не станем: только пошлите кого-то наблюдать. Хотелось бы знать победителя, причём раньше визиря. Действуем по плану.

А этот план вёл Алима с его небольшим отрядом к ещё одному столичному дому. Скромному, но очень важному.

Весь центр Альма-Азрака бурлил, так что компания неброско одетых мужчин, прячущих оружие, не привлекала внимания. Горожане выходили на улицы, кричали, зазывали присоединиться тех, кто пока не покинул дома. Небольшие группы собирались в толпы, а те уже выдвигались к месту столь взволновавших столицу событий. Многие вооружались — чем попало, но всё же.

Алим не сомневался: Сулим давно покинул своё жилище. Он точно на южной площади, около лагеря Ржавого отряда. Изображает предводителя того, что на самом деле начато совсем другими руками. Логично: даже отрицай верховный жрец всё — никто в здравом уме не поверит, что это кто-то другой призвал простой люд на улицы.

Все ведь слышали недавние проповеди.

Тем не менее дом жреца точно охраняется. Не ради сохранности его в высшей степени скромного имущества: там содержалось нечто более важное.

Ах, Сулим! Он так обрадовался свидетелю убийства племянника, что даже не задумался — кто помог несчастной девушке с побегом, кто привёл её в дом жреца? Конечно, и те люди были верны Усману ар-Малави. Узнай старый глупец, как в действительности устроены события этого вечера — какое бы у него тогда сделалось лицо! Алим даже немного жалел, что Сулим едва ли узнает об этом, да и не должен узнать.

Скромная обитель Сулима, стоявшая неподалёку от Храма Сотворения, в самом деле охранялась — но ещё хуже, чем юноша ожидал. На крыше двухэтажного домика — никого, лишь в паре окон горел свет, а перед дверьми стояло жалких три стражника. Явно из числа служивших благородной семье ар-Наджибов. Даже никого из Святого Воинства.

Впрочем, можно ли винить жреца за беспечность? Оснований думать, будто наёмники в курсе, где теперь Фархана — никаких. И не до того нынче людям Шеймуса. А какие планы на девушку у ар-Малави — уж это Сулиму точно знать неоткуда.

— Кто вы?

Неудивительно, что стражники не знали Алима в лицо.

— Мы посланники визиря, явились к почтенному Сулиму! Важнейшее донесение! Оно не терпит ни минуты!..

— Его нет дома.

Стоило убедиться. Что же... Алим отступил на шаг и учтиво поклонился — это было оговоренным знаком.

Стража не успела и понять, что происходит — не говоря о серьёзном сопротивлении. Люди старца с горы знали своё дело. Собеседник Алима только потянулся к сабле, когда одному его товарищу уже перерезали горло, а другому метнули в лицо кинжал. Юноша мог сам зарубить стражника, но решил не марать руки и не мешать настоящим мастерам. Бедняга получил клинок под ребро и осел на землю, успев лишь обратить к Алиму взгляд, полный недоумения.

Словно спросил: за что? Алим не смог бы толком ответить. Просто так вышло, ничего личного.

Дверь оказалась заперта изнутри: в дом проникли через окно.

Первый этаж — пусто, только утварь да молельная комната. Охранник у лестницы дремал, и ему уже не суждено оказалось проснуться. Того, что караулил дверь наверху, не удалось убить тихо — но Альма-Азрак шумел достаточно, чтобы на это уже никто не обратил внимания.

Алим подивился собственному спокойствию. Он уже побывал на войне, конечно, но ведь там-то сражаться приходилось с врагами халифата. Бандитов, отправленных во дворец, тоже не было жаль — на то они и бандиты. Теперь же по его приказу лишились жизни люди, виновные лишь в одном: они, сами того не зная, стояли на пути семьи ар-Малави.

Но их смерть, однако, юношу не тронула совершенно.

Как ни странно для такой бурной ночи, Фархану обнаружили спящей: её не разбудила даже драка у самых дверей комнаты.

— Мы ваши друзья, госпожа. Нас послал Сулим. Нужно идти! Скорее собирайтесь!

— Что происходит?.. — пролепетала она, едва одевшись и ещё толком не проснувшись.

— В городе беспорядки, госпожа. На дом светлейшего Сулима напали. Мы отведём вас в безопасное место!

Никогда ещё Алим не лгал женщине так нагло — и мог только понадеяться, что больше никогда не придётся. Это всё-таки большой грех, даже во исполнение отцовской воли.

«Кошки» цокнули об парапет: Ангус подивился лихости, с которой пираты забрались наверх. Вот уж точно, морская выучка. Лейтенант поправил ремень, на котором висел мешок с гранатами, раздул намотанный на предплечье фитиль.

Моряки Вальверде закрепили крюки наверху: лестницы развернулись с глухим стуком, который легко скрыл прибой. Пока всё идёт как надо.

— Вперёд. Я полезу последним. — сказал Шеймус.

Верёвочная лестница, конечно, не чета осадной. Но хоть Ангус и сам весил за центнер, и латы вынужден был на себе тащить, забраться удалось без проблем. Остальные бойцы тоже особо не задержались, только Шеймус поднимался уж совсем медленно. В итоге ему сбросили верёвку: Айко с самым здоровым солдатом просто затащили капитана наверх.

Ангус осмотрелся. Место даже более удачное, чем ожидалось — то ли повезло, то ли у Шеймуса настоящее чутьё на такие вещи. Из внутреннего двора эта часть стены просматривалась плохо: мешали строения внизу. Ангус прикинул, где должна находиться казарма, бытовые помещения, склад... Всё равно действовать почти вслепую, но «почти» — это куда лучше, чем «совсем».

От боковых стен наёмников прикрывали орудийная башня с одной стороны и караульная с другой: так себе укрепления, не гений фортификации их возводил. Обзор плохо продуман, у нормальных замков нет настолько слабых мест. Ну а стена дальняя — слишком далеко, и в темноте-то...

Вероятно, форт соорудили много веков назад для какой-то иной задачи, лишь недавно решили поставить тяжёлые пушки — оценив, как удобно отсюда обстреливать гавань. Перестроить или поленились, или не успели.

Лейтенант уже подивился, что рядом нет никакого часового — а ведь хоть кто-то ходить должен, как мураддинский солдат все-таки показался. Он поднимался по узкой лестнице, ведущей во двор, и заметить ничего не успел. Тишайший порхнул к стражнику сколь стремительно, столь и бесшумно: зажал рот, заколол, ловко подхватил тело и оттащил в сторону.

— Хорош. — шепнул лейтенант командиру.

— Да. Нам бы таких побольше... Пошли.

Тишайший повёл свой маленький отряд по стене налево: оставалось надеяться, что и далее не оплошает. Теперь нужно чуть-чуть выждать... Наконец капитан дал знак. Ангус низко пригнулся, насколько позволял доспех, и последовал за Шеймусом к главной цели. Айко, сержант и солдаты двинулись за ним. Посредственные лазутчики из таких здоровяков в тяжёлой броне, но красться всего ничего...

Стена примыкала к башне примерно на середине её высоты: можно забраться наверх, но это риск. Тяжёлая дверь казалась вариантом получше. Шеймус взялся за ручку и осторожно потянул.

— Заперто.

Ангус выругался про себя: всё-таки мурадины — не идиоты. По крайней мере, далеко не все.

— Ну что, опять верёвки?

— Нет, погоди. Я что-то слышу.

Капитан прижался ухом к двери, знаком приказав всем хранить молчание. Прислушался.

— Там кто-то есть. Идёт....

Ангус обнажил короткий меч, глянул вниз: чисто. Из-за двери послышался голос мураддина, но слов лейтенант не разобрал. Зато их понял Шеймус.

— Открой. Это я.

Наверняка по-мураддински капитан говорил с акцентом, он шёпот должен был сгладить его, как и толстая дверь. Ясное дело, калитку в воротах никто так просто не откроет, а вот внутри крепости... может повезти. В очередной раз.

— Открой, надо.

— Саид?

— Я, я. Открой.

Мураддин пробурчал ещё что-то, наверняка нелестное выражение. Однако засов всё же лязгнул, дверь приоткрылась. Шеймус вцепился обеими руками в её край.

Рванул: даже ожидай враг этого, в таком силовом противостоянии победа не светила. Надо было отпустить ручку, отступить — но мураддин не сообразил, что происходит. Стражника наполовину вытащило из проёма, Ангус увидел испуганное бородатое лицо — и тут же проткнул его мечом.

— Пошёл!

Лейтенант бросился внутрь, выставляя перед собой клинок.

Внутри оказалось просторно и настолько светло, что пришлось зажмуриться. Но прежде Ангус заметил движение — и навалился на противника вслепую. Нужно освободить проход, это сейчас самое важное!

Прижатый к стене стражник не успел достать оружие, но сопротивлялся отчаянно. Он перехватил вооружённую руку Ангуса, зато лейтенант сделал нечто ещё более важное: вцепился пальцами в покрытую густой бородищей челюсть, чтобы не дать закричать.

Позади был ещё противник, третий — но он только пискнуть успел прежде, чем с грохотом рухнул на пол. То ли Шеймус снёс его, то ли Айко зарубил секирой: не важно.

Ангус вдруг вспомнил о фитиле на запястье: не отпуская челюсть противника, умудрился прижать тлеющий кончик к его лицу. Враг расслабился от боли лишь на миг, но мгновения хватило. Гвендл вывернул вооружённую руку из захвата. Стражник пытался вновь схватить её, но Ангус поднажал всем весом, ловко подставил ногу и опрокинул врага.

Вот и всё. Противник едва уступал гвендлу габаритами и силой, но теперь шансов у него не было. Наёмник прижал лезвие к шее, надавил, протащил. Стражник продолжал брыкаться, так что Ангус повторял движение снова и снова — пока меч не дошёл до позвоночника.

Теперь можно и осмотреться.

В большом помещении стоял крепкий стол, лавки, стойки с оружием. Две двери выходили на стены форта, винтовая лестница вела вниз, а напротив неё был проход наверх — как Шеймус и предполагал, с толстенной стальной решёткой. Такую только взрывать вместе со всей башней...

Но опустить её не успели.

Третий стражник лежал как раз у решётки. Схватка вышла короткой и не особо шумной: пока ещё никто не спешил к башне. Может быть, гарнизон ничего не заметил — это если очень повезло. А может, мураддины ещё не оценили серьёзность ситуации. Тоже неплохо.

Разумно перебить расчёт у пушек и окопаться здесь, но Ангус хорошо понимал, почему они так не поступят. В форте ещё немало охраны: наёмников блокируют намертво, да и стены мураддины займут — помощи снаружи к «ржавым» пробиваться долго. Да, они вывешат плащ вместо флага, пушки будут молчать — так что Вальверде спокойно проведёт высадку, которой наёмники дождутся в осаде. Потом пираты захватят форт.

Но на это уйдёт по меньшей мере час, скорее гораздо больше. А ведь Шеймус полез в форт ради иного. Настоящая цель находилась не здесь — и время истекало, если вовсе не было уже безнадежно потеряно.

Просто испортить пушки и сбежать? Но мураддины сразу вернут свой флаг на место, и Вальверде не будет уверена, что гавань беззащитна. Она готова рискнуть своими людьми, но не кораблями.

Оставить наверху часть отряда? Часть может и не удержаться.

Нет, конечно, никакой обороны и никакого быстрого отступления. Нужно атаковать.

На помощь никто так и не пришёл. Отчего именно так вышло — Ирма размышлять не имела ни желания, ни возможности: уж очень отчаянное сложилось положение.

Отряд на рыночной площади выдержал второй натиск, однако обошлось это слишком дорого — на ногах не осталось и половины солдат. Враг тоже отступил с большими потерями, даже оставив многих раненых возле баррикады, но даже сам Рамон Люлья не излучал теперь прежней уверенности.

— Барабаны, вашу мать! Какого хера не слышу баррабаны???

Быстрый ритм снова разнёсся по площади, но ободрил он далеко не всех. Падение духа и по лицам не было нужды угадывать: оно буквально ощущалось в воздухе. «Ржавые» проигрывали бой, только идиот мог отрицать это.

С той стороны жалких укреплений тоже неслись ритмичные звуки: пешие мураддины били саблями и булавами по стальным щитам, наступая. Послышался и стук копыт. Ирма видела, как Люлья спрыгнул с постамента: он лично повёл навстречу противнику самых боеспособных из тех, кто ещё остался.

Гайю больше не требовалось успокаивать: истерика сменилась полной апатией. Ирма взглянула землячке в глаза и не увидела там ничего. Зато сама она мыслила на удивление трезво.

Предположим, это поражение. Можно утешить себя мыслью, что противник нынче — Святое Воинство, а они далеко не те убийцы, вломившиеся в дворец. Ирма достаточно узнала о людях Валида за четыре года на этой войне. Ар-Гасан потому и был всегда на ножах с Шеймусом, что считал себя человеком чести и имел на то право. Что ни говори, но Валид с женщинами не воюет: потому и сидел в лагере, пока «ржавые» брали Фадл.

К сожалению, Валид знает Ирму в лицо. Уж точно не обознается, увидав среди пленных.

Нет для неё способа поставить Шеймуса в худшее положение, чем оказавшись в руках мураддинов. Капитан, может, потому никогда прилюдно и не показывал чувств, что даже подобия слабого места обнажать не желал? Дурацкий момент для подобных размышлений, конечно: враги всё равно не вникают в тонкости. Ирма уже создала дорогим ей людям много проблем. Нет-нет-нет.

Кроме того, это Валид вряд ли причинит женщинами какое-то зло: насчёт других

мураддинов разумно ожидать противоположного.

Потому удобную мысль о том, что плен сейчас — не худший вариант, Ирма отбросила. К тому же Гретель по-прежнему была настроена решительно, а как её не поддержать? Невозможно, это уж просто предательство.

Тем временем строй наёмников, сошедшийся с пешими мураддинами, откатился назад. Враг преодолевал баррикаду с неумолимой уверенностью. Правый фланг обороны почти провалился, и именно туда двигались всадники. Минута-другая — и они прорвутся, а это уж точно конец.

Барабанный ритм сменился.

— Отступаем. — Гретель озвучила очевидное: сигналы обозные жёны знали прекрасно.

Куда отступаем, как, что будет дальше — об этом Ирма судить не могла. Они с подружкой подхватили Гайю и поволокли в ту сторону, куда указал сержант. Женщин плотно обступили, да и голову поднять было трудно: о происходящем Ирма могла лишь догадываться, выхватывая сколь-нибудь понятные звуки из грохота сражения.

— Пошли-пошли-пошли!

— Строй держать!

— За мной!

Ирмы хватило ненадолго: слишком болели раны и слишком многое она уже пережила за эту ночь. Скоро перед глазами задвоилось, сознание затянуло плотным туманом, а когда женщина пришла в себя — то поняла, что её несёт на руках солдат в «ржавом» плаще.

— Гретель! Гретель!

Подруги не было ни видно, ни слышно. Гайю лимландка тоже потеряла. На миг перед её глазами образовалась прореха в строю: женщина увидела Люлью во главе отряда, прикрывавшего отход. Как раз в это мгновение налетели всадники. Рамон пронзил мечом ближайшего, а затем лошадь сбила его с ног. Кони Святого Воинства проскакали по упавшим на брусчатку наёмникам, оттеснив и рассеяв остальной арьергард.

Барабаны замолчали.

Потом Ирма заметила Гретель: нортштатка сама волокла за шиворот раненого солдата, пока кто-то наконец не подбежал, чтобы помочь. Ну да, неудивительно — Гретель такая... Ирма попыталась убедить себя, что тоже найдёт ещё какие-то силы, если придётся. Вспомнились дела десятилетней давности.

«Несмотря на то, что он с тобой сделал?»

Ну, такова оказалась судьба. Но больше ничего подобного не случится. Нет-нет-нет. Десять лет назад Ирма была совсем другим человеком. Теперь она...

Мысль осталась недодуманной: всадники Святого Воинства ударили по отступающим. Солдат уронил Ирму на мостовую, но та не придала новой боли никакого значения. Просто поползла в сторону, протискиваясь на четвереньках между ногами наёмников и коней. Не понимая, куда — но главное, чтобы хоть куда-нибудь.

Нет уж, она не сдастся. Не для того бежала из дворца, не ради этого погиб Идвиг. Да и вообще... Лет десять назад Ирма, засыпая, часто надеялась просто не проснуться — потому что убить себя не позволяли заповеди из Святого Писания.

Но она всё-таки каждый раз просыпалась. Наверное, не зря? Нужно бороться, выбора нет.

Перебить артиллеристов наверху оказалось не так-то легко, но наёмники справились. Мураддинский флаг сняли, его место занял плащ одного из солдат. Хорошо, но это лишь полдела.

— Думаешь, Вальверде не подведёт?

— Не должна. Пошли.

Тишайший тоже справился: к моменту, когда зазвенел тревожный колокол, на стенах мурадинов уже не осталось. И всё-таки это тревога, вполне ожидаемая: схватку на башне точно услышали, да и пропажу часовых заметить могли. Просто так отсюда уже не уйдёшь.

В запальные отверстия пушек забили гвозди, лафеты сломали, порох окатили водой.

— Опустите решётку и держитесь наверху. Большими силами вас атаковать не успеют, но кто-то может полезть. Мы вниз. Удачи.

— Удачи, капитан.

Шеймус обзавёлся здоровенным ростовым щитом: не как та самая павеза, но сойдёт. По винтовой лестнице он пошёл первым, и вышло это очень вовремя — дверь внизу как раз открывалась.

Капитан навалился на неё и держал, пока Ангус зажигал фитиль гранаты. Эти штуки ненадёжны: взрывается одна из двух, остаётся снова уповать на удачу. Шеймус ослабил натиск, дверь приоткрылась, и Ангус отправил чугунный шар в узкий проём.

Повезло.

Едва прозвучал взрыв, Шеймус распахнул дверь и ломанулся дальше, прикрываясь щитом. Айко последовал за ним. Помещение внизу оказалось, в отличие от верхнего, тесным — граната многих размазала по стенам, посекала или контузила. Убить оставшихся не составило труда.

Наёмники выскочили во внутренний двор.

Несколько убитых и раненых мурадинов здесь уже валялось — подстрелили со стены. Лежал внизу и сержант Ржавого отряда, отправившийся с Тишайшим: наверняка мёртвый, к сожалению. Однако аркебузы сверху работали, и это очень радовало.

— Туда!

Шеймус указал на то, что Ангус ранее счёл казармой. Люди из неё, конечно, давно вышли — но оставались с другой стороны здания, оттуда слышались команды. Нужно встретить отряд из-за угла — чтобы врагу было несподручно, чтобы подставить его под летящие со стены пули.

На бегу Ангус запалил и бросил через казарму ещё две гранаты. Разорвалась лишь одна, и едва ли очень удачным образом, но короткий вскрик лейтенант услышал. А прежде, чем наёмники добрались до угла здания, заметил ещё кое-что.

Маленькую фигурку, скользящую вдоль парапета, нельзя было не узнать. Тишайший разбежался и совершил удивительно длинный прыжок, перескочив со стены на самую высокую крышу. Оттуда он принялся пускать стрелы: быстро, одну за другой — и, кажется, почти не промахиваясь.

Вот и главный момент.

Местный командир жалованье своё получал не напрасно: успел сформировать строй. Казарму бойцы гарнизона огибали колонной, без всякой паники и беспорядка — но не знали, с кем имеют дело.

Шеймус, выставив перед собой щит, выскочил из-за угла — и легко прошёл строй насквозь, словно кегли сбил. Кто-то пытался ударить его в спину, но сразу получил секирой

Айко по затылку. Чернокожий наёмник широко размахивал оружием, не подпуская врагов к себе. Сабли не доставали, только копья еле-еле дотягивались — но соскальзывали по кирасе и наплечникам.

Конечно, работай мураддины плечом к плечу, они смогли бы подойти близко и прикончить Айко в два счёта. Однако колонна уже оказалась рассечена. На одну её половину, прикрываясь щитом, опять налетел Шеймус. Его пытались встретить, но короткое копье — это не пика, которую ты упёр в землю. Что лошадь, что капитана — с его-то весом и силой, иначе остановить трудно.

В спины остальных мураждинов стреляли. Их командир упал, и больше солдаты не действовали сообща. Кто-то уходил в сторону, спасаясь от пуль и стрел Тишайшего, кто-то пробовал подойти к Шеймусу сзади — но Айко не позволял этого сделать. Даже если стражник успешно закрывался щитом, то всё равно терял равновесие и отступал. Чернокожий рубил без устали, его тяжёлый топор рассекал воздух с пугающе сочным свистом: никому не хотелось попасть под такой удар.

Пользуясь безопасностью тыла, Шеймус продолжал наседать. Кажется, он никого во дворе сам не убил — но едва мураддины восстанавливали строй, как капитан сминал его, выталкивая солдат на линию огня или под секиру Айко.

Ангус тоже понимал, что делать. Он видел арбалетчиков, которые пытались поразить бегущего по крыше Тишайшего или прицелиться в Айко. Лейтенант подскочил, почти отрубил руку одному, другому сунул клинок подмышку. Мураддин с копьем почти обошёл Шеймуса, но получил стрелу в ногу и оттого замешкался — Ангусу хватило времени, чтобы хорошенько примериться для удара по шее.

Врагов ещё хватало, но мураддины явно проигрывали бой. У Тишайшего кончились стрелы: он схватился за клинки и спрыгнул на землю. Коротышку поначалу сочли самой слабой целью — и, конечно, жестоко ошиблись.

Ангус подумал, как станет рассказывать эту историю без лишних подробностей — вроде слабого места стены и большой удачи с гранатой на лестнице. К чему такие детали?.. Если умолчать о них, получится что-то вроде древней баллады о невероятном подвиге!

— Хорош! — крикнул по-мураддински Шеймус. — Сдавайтесь! Вы проиграли, это бессмысленно!

Он не кривил душой. Судя по тому, что Ангус мог слышать и видеть, часть гарнизона пыталась отбить оружейную башню, пока главная драка шла внизу. Безуспешно. А внизу были или мертвы, или ранены, или рассеяны по двору.

Шеймус поставил щит на землю, опершись на него.

— Хватит! Мы можем убить всех, а можем просто запереть! У меня вышел дерьмовый вечер. Не усложняйте!

Оставшиеся враги могли, конечно, рассчитывать на подкрепление — если кто-то за ним побежал, потому что колокол на фоне боя в порту едва ли был слышен. Попрытавшись от аркебуз по углам, мураддины некоторое время размышляли — но скоро побросали оружие.

— Ну вот! А ты говорил: всех убьём, всех убьём! — Ангус хлопнул капитана по плечу. — Всех-то и не пришлось!

— Крови сегодня ещё напьёмся. Ничего плохого, если эти дураки выживут.

Пока спустившиеся со стен вязали пленных, Ангус осмотрел трупы и нашёл искомое: флягу. Присел на землю и хорошенько глотнул. Судьбой мураждинов распорядился Козимо, из шеи которого торчал арбалетный болт: удачно прошёл через загривок, а не там, где убил

бы. Тремонец выглядел весьма довольным собой, из-за раны совсем не переживал.

Форт, а значит — помощь Вальверде, обменяли на одного погибшего и нескольких раненых. Да ещё имея чуть больше дюжины против всех пяти! Славно, но Ангус понимал: расслабляться рано.

Джамалутдин-паша мог только гадать, что произошло на площади, но результаты видел в полной мере. И выглядели они плачевно.

Толпа, согнанная проповедниками, уже отпрянула от лагеря. Наверное, сотни тел остались перед обозными телегами: более-менее ровно лежали полукругом, а большой кляксой — в середине. Пушка? Похоже на то... Визирь и не знал, что у «ржавых» есть свои пушки.

Никто не стремился помочь тем, кто ещё дышал. Израненные, обожжённые и иссечённые кричали, молили о помощи, пытались ползти. Кто на четвереньках, кто — подволакивая не слушающиеся ноги. Хотя доберись они до домов, обрамляющих площадь — много ли толку? Кто позаботиться об их увечьях? Разве тут есть санитары?

Джамалутдин-паша испытывал горечь и отвращение. Такова любовь Сулима к верующим? Вот так он защищает народ? Проповедники погнали простой люд в совершенно бессмысленную атаку. Может, жрец думал, будто пролитая кровь распалит его паству пуше прежнего? В таком случае он ошибся. Толпа не обратилась в бегство, но отступила и роптала — совсем не удивительно.

— О златоликий! Во имя самого Иама, мы должны немедленно...

К сожалению, халиф видел эту картину в совершенно иных красках.

— Зверство! Святотатство! Оскорбление! О да, мы должны немедленно... должны немедленно раздавить поганых шакалов! Построить войско! Визирь, я прика...

Джамалутдин-паша привык всегда быть сдержанным, как принято при дворе — он теперь утратил самообладание и оборвал халифа на полуслове.

— Войско?! Вы видите здесь наше войско?

Какой бред, о великий Иам! Войско... Личная охрана для халифа и визиря — не более, а все эти простолюдины на площади войском являлись разве лишь в фантазиях вздорного юнца. Дождаться бы, пока приедет Валид — и вот тогда можно что-то решать, предпринимать...

— Простите меня, о великий повелитель. — Джамалутдин-паша всё же взял себя в руки, понимая, что никто другой здесь никакого порядка не наведёт. — Моя недостойная грубость вызвана лишь одной той великой болью, которую испытываю я, глядя на страдания ваших подданных. Должно вынести раненых, послать за лекарями, разбить лазарет. После мы с вами, Сулимом и, конечно же, предводителем Святого Воинства сумеем найти верную стратегию. Я полагаю, что переговоры...

— Переговоры!..

Визирь мысленно схватился за голову. Он невольно подал халифу идею, которая явно не обещала ничего хорошего.

— О мудрейший, покорнейше прошу выслушать: я имел в виду, что...

— Превосходная идея, Джамалутдин! Я проведу переговоры! Велю нечестивцам немедленно сдаваться!

— Иноземные псы склонятся перед вашей великой волей! — выкрикнул кто-то из

прихлебателей халифа, увязавшихся за ним от дворца.

Визирь попытался вступить в полемику, но тщетно. Бурный поток абсурдно льстивых и восторженных воплей, столь греющих сердце правителя, было уже не остановить.

— Ваше мудрое слово усмирит подлецов!

— Сами ветра и светила повинуются вам!

— Явите милость, положите конец попранию святого!

Джамалутдин-паша всегда сторонился насилия, но сейчас ему безумно хотелось взять что-нибудь тяжёлое — чтобы заткнуть каждую из этих смрадных сладкоречивых глоток. Вот так, вот именно таким образом стала возможной ужасная ошибка, приведшая к разграблению Фадла! А сейчас речь шла не про далёкий, пусть даже святой город. Всё происходило в столице, ставки — самые высокие, но...

Он ведь не так уж плох сам по себе, этот юный халиф. Молодой, но в чём-то талантливый. Однако халифа делает свита, а какие люди составляют её нынче? Будь здесь мудрый Усман ар-Малави — сумел бы осадить правителя, да только где он... и Валид, как назло!

— О солнце великого халифата, низжайше прошу вас: давайте дождёмся...

Но халиф уже велел погонщикам выслать слона вперёд.

— Нет, о повелитель! Это опасно!

— Трусость тебе не к лицу, Джамалутдин. Мне же она чужда полностью! Эти шакалы не посмеют попытаться причинить мне вред. Впрочем, если бы и попытались... Пусть тебе будет спокойнее: я не стану приближаться вплотную. Расстояние велико. Видишь, где лежат убитые?

— О лучезарный, я советовал бы вам не приближаться более ни на один шаг. Это в самом деле очень опасно! Вы не должны рисковать!

Но облечённый высшей властью юнец, конечно, визиря не слушал.

Созерцая дальнейшие события, Джамалутдин-паша отчаянно старался убедить себя, будто видит кошмарный сон и вот-вот проснётся. События потекли с неумолимой предсказуемостью.

Слон, окружённый Святым Воинством, понёс халифа к лагерю наёмников. Возможно, правитель в самом деле не собирался приближаться ближе, чем на казавшееся безопасным расстояние: до черты, проведённой телами убитых.

Кто сказал глупцу, что наёмники стреляли по толпе с предельной дистанции? Откуда в его голове взялась уверенность в безопасности? Почему халиф даже не удосужился обозначить себя парламентёром?

Риторические вопросы. Если ответы и возможно было найти — то они всё равно потеряли смысл спустя мгновение.

Вспышка, вторая, третья, четвёртая — огоньки зажигались и тухли на обозных телегах Ржавого отряда, а приглушённый расстоянием грохот слился в один протяжный треск. Визирь с силой зажмурил глаза в безумной надежде, что если он не станет смотреть — то ничего и не случится.

Кто-то истошно заверещал. Кто-то в сердцах вознёс молитву Иаму. Кто-то разразился потоком грязной брани.

Визирь, не поднимая век, осел на землю. Зажал ладонями уши, не желая слышать происходящее столь же сильно, насколько не желал видеть. К сожалению, ему и без того стало совершенно ясно, что случилось.

От ужасной мысли, изгнать которую было невозможно, прихватило сердце. Стало нечем дышать, голова закружилась. Джамалутдин-паша потерял сознание и горько пожалел, когда оно всё-таки вернулось.

Над визирем склонились люди в позолоченных доспехах. Они шевелили губами, но слов не было слышно: только звон в ушах. С трудом повернувшись, Джамалутдин-паша увидел телохранителей халифа, спешно уносящих повелителя прочь на руках.

— Может, ещё жив? — пробормотал визирь, прекрасно понимая абсурдность какой-либо надежды.

Он же видел, что от головы халифа почти ничего не осталось.

Ирма не знала, где она находится, и не помнила, как здесь оказалась. По крайней мере, стих шум боя: она либо слишком далеко, либо — и это куда более вероятно, бой давно закончился. Вполне понятно, чем именно.

Лимландка сидела на земле, прислонившись к стене двухэтажного дома, выкрашенной синим. Свет в окнах вокруг не горел, все ставни были закрыты. Наверняка люди внутри есть, но даже хорошо, что они прячутся.

Вместе со здравым сознанием вернулась и боль. Болело всё: дважды отбитые при падении рёбра, исцарапанная оградой спина, стёртые об мостовую колени, ушибы и ссадины по всему телу. Где-то кровь на теле ещё была липкой, где-то давно запеклась, превратившись в трескающуюся сухую корку.

Ирма подумала: с головы до ног в крови и пыли, в изодранном и грязном платье, со слипшимися волосами она сейчас выглядит хуже местных бродяжек. Довольно иронично, учитывая, что при ней остались золотые браслеты, кольца с камнями и даже одна серьга — не из тех, что отобрали у Исхилы-Камаль, но всё же. Драгоценностей, может, и на небольшой кораблик хватит — но сейчас толку от них ноль.

Женщина убедилась, что кинжал всё ещё при ней, и начала размышлять — как быть дальше?

Отряду Люльи, конечно, конец. Возвращаться ко дворцу тоже нельзя. Что творится в городе, где искать Шеймуса — об этом никакого представления. Как теперь дела в лагере — тоже непонятно, но это хоть какая-то идея. Но чтобы найти дорогу в не столь уж хорошо знакомом городе, нужно сначала понять, где она сейчас.

Значит, остаётся идти куда глаза глядят, пока не отыщется ориентир.

Ирма удивилась тому, как здраво и спокойно рассуждает после всего случившегося. Даже плакать не хотелось, хоть и было о чём. Ситуация дерьмовая, но нужно искать из неё выход.

Подняться удалось не сразу, а распрямиться Ирма вообще не смогла. Кое-как, опираясь на стену, цепляясь за неё пальцами, лимландка поковыляла вперёд. Через пару минут она споткнулась и упала — в который раз за ночь, но теперь даже руки подставить не смогла. Лицом прямо в камни мостовой.

Ирма опять потеряла сознание, но ненадолго. С трудом приподнявшись, она почувствовала, как кровь из разбитого носа течёт по губам и подбородку. Ничего: если у человека течёт кровь — он ещё жив. Хороший знак!

Встать на ноги уже не получилось, поэтому Ирма поползла дальше на четвереньках — так же, как выбиралась из боя. Выходило и медленнее, и ещё больнее, чем идти. Однако она продвигалась вперёд.

На полпути до перекрёстка пришлось остановиться, чтобы перевести дух. Ирма легла и даже попыталась устроиться поудобнее, но быстро поняла — без толку, в любом положении больно. Глядя в звёздное небо, совсем не похожее на лимландское, она опять дала волю мрачным мыслям.

Может, Шеймус её и не ищет. Он велел не показываться на глаза, верно? Может, к этому-то всё давно и шло. Полно женщин гораздо моложе и красивее. А уж на наряды, побрякушки, вино со вкусной едой и прочие плюсы положения любовницы наёмного

полководца — о, на это многие купятся. Юные, сочные. И даже, наверное, способные родить...

Да ну, что за бред? Как будто ты сама во всём виновата?

Десять лет. Десять, мать их, лет. Что в итоге? И можно подумать, будто Ирма просила обо всём этом — бесконечных походных лишениях, разбавленных купленной чужой кровью роскошью. Как будто её десять лет назад кто-то спрашивал! Капитану было глубоко плевать, чего она хочет, и в особенности — чего не хочет. Может, не столь уж многое изменилось?

Нет, это всё тоже чушь. Было дело: он предлагал Ирме уйти. Захотела бы — ушла.

А может, и стоило уйти. Тогда сейчас Ирма не обливалась бы кровью посреди задрипанной улицы на другом краю света. С другой стороны — а что бы она тогда сейчас делала? Горбатилась в какой-нибудь деревне, не умея читать и видя на столе мясо только по праздникам? Да ещё это...

Ирма попыталась вспомнить лицо давно мёртвого мужа — и, как обычно, не смогла. Довольно соплей, пора двигаться дальше.

Джамалутдин-паша пришёл в себя внезапно.

Это не было постепенным выходом из шока, долгим карабканьем из глубокого колодца отчаяния, в котором визирь сорвал бы все ногти, цепляясь за влажные камни. Ничего похожего: он просто вдруг обрёл полную ясность разума. Панику и растерянность как рукой сняло, сердце забилося ровно. Будто даже зрение обострилось.

Визирь понял одну вещь, которая сначала придала уверенности, а потом вызвала страх, почти что рвоту... но ненадолго. И страх, и отвращение он быстро прогнал. Итак, Джамалутдин-паша теперь превосходно понимал кое-что.

Халиф ему больше не мешает.

Мерзкая, даже богохульная мысль, однако в сложившейся ситуации — абсолютно верная. Теперь он — единственный человек в Альма-Азраке, могущий отдавать приказы кому угодно. Даже Сулим более не имеет той власти, что находилась в его костлявых ручонках несколько минут назад. Власть над толпой — допустим, но не власть над халифом.

Халифа нет. Прямого наследника престола тоже.

В данный момент и Альма-Азраком, и Мураддинским халифатом управляет он, Джамалутдин. И сейчас самое время спасти город — вместе со страной, потому как ни одно тело не живёт без головы. Будь то тело несчастного юного халифа или великого государства.

Незнакомый человек в доспехах, явно не из Святого Воинства или городской стражи, что-то говорил визирю — сознание вернулось как раз к концу речи. Джамалутдин успел разобрать нечто на тему ашраинов, но...

— Так... прошу прощения. Соблаговолите повторить ещё раз. Мне было дурно, я определённо упустил некоторые важные детали вашего донесения.

Воин повиновался без промедления — только успел прежде неглубоко поклониться.

— О мудрейший визирь, донесение моё состоит в том, что ашраины вошли в город!

— Как?..

— Западные ворота были атакованы с тыла. Это сделал Висельник. Многие стражники погибли, многие бежали — если позволите судить, слишком многие, чтобы не упрекнуть охрану в трусости. Висельник открыл ашраинам ворота.

— Ах, так он жив...

Толпа ашраинов на улицах столицы — новость очень плохая, особенно теперь. Однако известие о командире наёмников Джамалутдина порадовало: ясно, с кем можно вести переговоры. И очень кстати, что они с Висельником знакомы, пусть отношения не назовёшь особо тёплыми... Но ведь и дурными тоже не назовёшь.

Почти всё дурное, что было за последнее время между халифатом и Ржавым отрядом, легко будет списать на халифа. И при том почти не придётся солгать. Почти.

— Сколько их?

— Позвольте уточнить...

— Я говорю об ашраинах.

— Не могу доложить об этом с полной уверенностью, великий визирь. Тысячи. Может быть, пять тысяч или все десять.

Джамалутдин-паша никогда не позволял себе бранных слов — но нынче был предельно близок к тому, чтобы согрешить грязным ругательством. Конечно, ашраины из-за стены — это просто толпа голодранцев, у которых нет никакого командования. Нет даже оружия. Однако они злы, им совершенно нечего терять. А ещё их, да будет во веки веков проклят подлый Амоам — очень много.

Визирь по-прежнему не знал, сколько всего в столице верных халифату людей с оружием. Но как ни прикидывай — даже бой с одними лишь наёмниками не обещал выйти лёгким. А теперь...

Нужно смотреть в глаза правде, хоть она и горче миндаля. На то, чтобы и подавить наёмников, и очистить улицы от бунтующих ашраинов, сил в Альма-Азраке нет. С кем-то из них нужно говорить. С толпой — бесполезно, конечно, а вот...

— Где командир наёмников?

— Судя по всему, направился сюда.

— Прекрасно. Значит, и мы идём к лагерю. Соберите небольшой отряд. И нам нужны знамёна парламентёров... чтобы они поняли, чтобы не получилось... вот так.

— Я позабочусь обо всём, великий визирь.

— А ещё пошлите за Валидом: он нужен мне здесь немедленно, вне зависимости от обстановки в порту, будь даже она самой напряжённой или вовсе отчаянной. И начальника стражи приведите ко мне безотлагательно, поскольку разговор с ним именно здесь и сейчас обладает величайшей важностью. А если поблизости кто-то из великих вельмож — их я тоже хочу видеть больше, чем желаю увидеть рассвет. Ах... да, и Сулим. Сулим нужен немедленно. Обойтись без него сейчас невозможно совершенно никаким образом.

— Будет исполнено.

— Прекрасно. А теперь, пожалуйста, помогите мне встать.

До угла Ирма добралась быстрее, чем ожидала. Под конец даже шла, хоть и при помощи стены. До сих пор она никого не встретила, но осторожно выглянув из-за дома на углу — увидела то, чего не ожидала.

Порт! Перпендикулярная улица выходила к нему, и уже от угла было хорошо видно бухту. Возле пирсов толпились люди — вооружённые, но едва ли из Святого Воинства. Звучали голоса: кто-то с кем-то спорил, кто-то к чему-то призывал, издали не поймёшь. Но что именно так взволновало мураддинов — ясно.

Гавань Альма-Азрака по-прежнему была полна мелких рыбацких судёнышек, торговых

кораблей побольше — самого разного вида, пришедших со всего света. Виднелось и несколько военных галер халифатского флота: остроносых, с невысокой палубой и высоко задранной кормой. Но над всеми этими разномастными кораблями теперь возвышались два по-настоящему огромных судна, раньше стоявших вдалеке, на рейде.

Они уже совсем близко к Альма-Азраку, какие-то сотни шагов. Галеоны не встали на якоря: они ещё скользили по воде, разворачиваясь бортами к городу.

Несомненно, это те самые балеарские корабли, которые не раз обсуждали офицеры Ржавого отряда. Говорили о них Шеймус, Ангус и остальные с тревогой, хотя подробностей Ирма не разобрала или не запомнила. Значит — вряд ли на борту друзья, искать там помощи безрассудно. Не то чтобы у женщины был надёжный план, но раз нашла порт — хотя бы ясно, в какой стороне лагерь «ржавых». Лучше поскорее идти туда. Тем более что корабли могут отвлечь опасных для Ирмы людей...

Однако что-то удержало женщину на месте: предчувствие или вроде того. Хотелось посмотреть.

Расстояние и темнота не позволяли видеть, что происходит на палубах — и происходит ли что-то вообще. Возможно, у тех мураддинов были реальные причины обеспокоиться. Ирма же просто чувствовала угрозу. Как грозовая туча на горизонте: она движется плавно и грома ещё не слышно, но...

Вот и эти корабли, неторопливо и уверенно завершающие манёвр, устрашали.

Наконец галеоны почти замерли, а люди на берегу замолкли. Покой продолжился лишь миг.

А потом по бортам, один за другим, вспыхнули огни — и последовал раскатистый грохот. Люди на берегу бросились врассыпную, и Ирме тоже стоило спрятаться, но вместо этого она наблюдала.

Конечно же, ядра достигли берега быстрее, чем мураддины смогли убежать или найти укрытие.

Одни снаряды попали в кораблики у пирсов, с треском посшибав мачты. Другие врезались в стены прибрежных домов — проломив деревянные и выбив куски из каменных. Однако пушек на двух бортах было, может, с полсотни: многие ядра накрыли толпу, пройдя её насквозь и ничего целого на пути не оставив. Мураддинов, прятавшихся за ожидавшими погрузки ящиками, засыпало обломками стены, что нависала над их укрытием. Кто-то избежал встречи с самым чугунным шаром, упавшим рядом — но от удара разлетелись во все стороны осколки брусчатки.

Поднялась пыль, из-за завесы слышались вопли раненых.

Второй залп раздался быстрее, чем моряки смогли бы перезарядить орудия. И звучал он иначе, и был не таким плотным. Мортиры? Точно: Ирма не разглядела в ночном небе снаряды, взмывшие по дуге — но зато видела яркие вспышки, когда бомбы разорвались на крышах портовых зданий. Тут и там сразу же занялся огонь.

Нужно было убираться, причём как можно скорее — но Ирма просто не могла оторвать взгляд от происходящего. Картина бомбардировки заворожила её. В порту трубили тревогу, хотя канонаду всё равно слышал весь город. Когда строй Ржавого отряда давал залп — это уже была ужасающая мощь пороха, способная вселить страх в любого. Но балеарские корабли обрушили на город силу иного порядка. Созерцаемая мощь повергала в трепет. Пусть с кораблей бьют по столице вовсе не друзья — по гибнут под ядрами и бомбами сейчас мураддины. Это их стены рушатся, их дома пылают.

О да: теперь Альма-Азрак получит то, чего заслуживает! Ирма посмеялась над тем, как недавно радовалась, что до столицы халифата не дошла война. Ха! Уж теперь война тут самая настоящая, кем бы ни были люди на кораблях и по какой бы причине ни начали бомбардировку.

Хорошая война.

Ангус опасался, что лагерь в настоящей осаде и проникнуть в него окажется непросто — а то и вовсе невозможно. И ясно, что серьёзный бой здесь уже случился: лежащие на дальней стороне площади тела говорили о том красноречиво.

Однако осады не было. Толпа местных, вероятно, сильно поредела с тех пор, как попыталась штурмовать лагерь «ржавых». Люди не разбежались окончательно, но большей частью жались к краю площади, глядели на неё с примыкающих улиц. Многих оттеснили стражники.

— А с ашраинами ты хорошо придумал!

— Честно сказать, не придумывал. — ответил Шеймус. — Подсказали.

— Кто?

Вроде бы с Вальверде капитан наедине не беседовал.

— Да сам не знаю. Передали бумажку утром, ещё до всей кутерьмы с девкой. Мол, «если ваши дела пойдут дурно, не забывайте о...»

Ангус присвистнул.

— Интересно, кто о нас так заботится.

— Мне тоже интересно. Как и многое другое: например, откуда девка знала про туннель. И кто ей помог до него добраться. Но сейчас, знаешь, есть вопросы поважнее.

Это верно. Большая часть и без того смехотворного отряда осталась в форте, так что Ангус не мог ощутить себя уверенно, пока не окажется внутри лагеря. Несколько человек, с одной стороны, внимания в огромном и охваченном беспорядками городе не привлекают. С другой стороны — поди не узнай Шеймуса хоть шагов со ста! Требовалось подобраться к своим и быстро, и осторожно.

— Без предателей не обошлось. — заключил Ангус.

Шеймус пожал плечами.

— Очень вероятно. Однако в форте среди нас предателей не было, сам понимаешь. Если кто-то из бывших во дворце объявится позже... вот к таким людям нужно будет пристально присмотреться. Очень пристально. Но я думаю, что все предатели окажутся среди пропавших. Так сказать, без вести. Туда и дорога.

— Твоя правда. Но у меня, знаешь... вообще такое ощущение... играют нами, в общем. Вроде как в шахматы.

— Возможно. А когда-то было иначе?

Ну да, на то ведь они и наёмники. Не политики-интриганы. Иначе в самом деле никогда не бывало — печальная судьба командора Мендосы тому лучший пример.

— А вообще, Ангус, не сношай мне голову. И свою не забивай ерундой. У нас есть чёткая и ясная задача, которую нужно выполнить. На корабле Вальверде я с тобой охотно побеседую хоть про предателей, хоть про кукловодов, хоть про книжки Никколо Равелли.

— Я такую херобору не читаю.

— Да ты вообще ничего не читаешь.

— Конечно. От чтения чокнешься на раз-два. А ещё зрение портится и мужелюбом можно стать.

— Обязательно обсуди с Люльей. Впрочем, ты прав: Равелли пишет жуткую чушь. Я бы ему задал пару интересных вопросов, если свидимся...

Ангусу куда больше хотелось свидеться с чёрными, как смоль, азинийскими женщинами на островах к северу. Таких милых и таких безопасных для отряда островах... Загадывать дальше желания не было, а вот скорее убраться из Альма-Азрака, погрузив отряд на корабли — о, этого лейтенант желал всей душой.

И как раз в тот момент, когда гвендл подумал о кораблях, со стороны моря раздалась пушечная канонада.

— Вальверде не подвела!

— Я в ней не сомневался.

— Как думаешь: они просто прикрывают высадку или там дерьмо какое случилось?

— Не знаю, но пока нам везёт.

До Ангуса наконец дошло, что поддерживать беседу капитан не очень настроен. Вполне понятно, почему: да, пока им очень везёт. Но многое ещё неизвестно — особенно что касается одного человека.

Ангус представил, как здорово будет встретить этого человека в лагере. Тогда одним махом решится проблема, о которой он ещё на борту «Дочери морей» так старался не думать.

Сулим излучал уверенность, гранитная твёрдость которой позволяла уподобить его ослу.

— И тем не менее я должен участвовать в переговорах!

Если бы Валид уже прибыл и визирь получил столь необходимые сведения — ответ был вежливым, но жёстким. Джамалутдин-паша несколько не сомневался в способности жреца совершать всё новые и новые глупости: меньше всего такой человек нужен на переговорах.

Однако за Валидом посылали уже трижды, а он до сих пор не дал о себе знать. Между тем время играло совсем не на стороне Альма-Азрака — в западных районах наверняка начался погром. Так что переговоры откладывать больше никак нельзя...

А вести их вслепую, мало зная о собственных силах и ситуации в столице — то ещё удовольствие. Сулим, пусть он и трижды дурак, имеет большую власть над толпой. В этом уже не приходилось сколь-нибудь сомневаться. Эта толпа, пусть сильно поредевшая — рядом, прямо за спинами. Чего нельзя сказать об основных силах Святого Воинства...

Тщательно взвесив все «за» и «против», визирь пришёл к неприятному, но единственно верному решению. Ссориться со жрецом ему пока рано. Может статься, что до рассвета Сулим визирю ещё очень пригодится — ну а дальнейшее ведаёт ведаёт лишь всевеликий и всеильный Иам.

— О достопочтенный Сулим, я несколько не возражаю против участия мудрейшего из людей в этих переговорах. Ни в коем случае, иначе как прямому велению самого Иама, явись он зримо правоверным в час нужды, я бы не обмолвился с противником ни одним словом без вашего присутствия. Речь лишь о том, что наше положение самым прискорбным образом глубоко усложнилось. Боюсь представить, что творится сейчас на западе благословенного города, а главное — как вы, будучи мудрым и наблюдательным человеком, наверняка

заметили — в нашем порту кто-то ведёт огонь из пушек. Я склонен связать это тревожное обстоятельство с иноземными кораблями, относительно которых знаю, к сожалению, чуть более чем ничего. Уверен, вы в полной мере осознаёте, насколько деликатна сложившаяся ситуация.

Сулим сдвинул брови.

— Не могу понять: к чему вы ведёте свою речь?

— Свою речь я веду лишь к одному: в этом неудобном и стеснённом положении мы обязаны соблюдать величайшую осторожность. Вы уже видели, какой трагедией для халифата обернулось пренебрежение оной, каковое выказал юный халиф, приюти Иам его чистую душу в райских чертогах. А посему я нижайше прошу вас не вмешиваться в ход переговоров прежде, чем сам дам знать об уместности этого явным и непротиворечивым образом. Теперь вы понимаете, что я хотел сказать?

Жрец определённо понял, однако отреагировал лишь кивком, состроив при том самую кислую мину. Это укрепило предчувствие визиря: сложности будут. Но Сулима нужно держать при себе. Прогонишь — начнёт действовать сам, а это ещё хуже!

А кто знает, что Сулиму может прийти в голову? Возможно, это не в полной мере открыто даже взору и разуму самого Иама. Нет-нет, пусть лучше жрец останется рядом. Можно было арестовать его, конечно: теперь-то визирь имел такое право. Ведь халиф мёртв. Однако толпа на площади... Ашраины, которые могут быть уже близко... Нет, не время для такого решения.

Нужно самому взять ситуацию под контроль, а уж потом лишиться такового контроля Сулима. И сделать это мягко, не особенно обостряя. Ведь ситуация очень сложная: даже после боя она не станет легче. Лишь трудности возникнут иные.

— Нет ли вестей от Валида?

— Пока нет, о почтенный визирь, равно как и донесений из порта. Но что касается западных кварталов...

Как и следовало ожидать, новости с запада столицы были паршивыми. Сил городской стражи хватило лишь на то, чтобы оцепить несколько богатых домов — оставалось надеяться, что толпа не полезет на них. Пусть даже не испугавшись охраны, а лишь потому, что вокруг полно особняков беззащитных: наверняка глаза разбегаются. Ещё утром Джамалутдин и в самом кошмарном сне не вообразил бы подобного...

А теперь бесчинствующие в Альма-Азраке ашраины даже не казались худшей из бед. И гибель халифа отошла на второй план — сейчас, как ни греховно подобное суждение, она даже на руку. А настоящей проблемой станет позже, когда начнётся борьба за освободившийся трон. Подобные времена не бывают простыми, однако до них ещё нужно дожить: и визирю, и всем претендентам на власть, и городу.

Городу, по которому с моря били из пушек, вот что самое страшное. И без донесений понятно, что в гавани начались пожары: зарево протянулось тонкой полосой по ночному небу. Наверное, скоро оно усилится. Горят корабли в гавани или дома? Или всё разом?

Балеарцы. Это, конечно же, балеарцы — или те, кто выдавал себя за них. Но почему?! Столько дурных событий за одну ночь — поневоле задумаешься, что они кем-то спланированы. И если виновник нападения на Шеймуса был визирю вполне ясен — он и прямо сейчас лицезрел этого человека в белых одеждах, то вот насчёт всего остального...

— Всё: с великой скорбью вынужден признать, что ждать мы более не имеем даже самой малой возможности. — визирь привёл в порядок помятые и запылившиеся одежды,

постарался гордо выпрямиться. — Пора идти.

В ведении войны Джамалутдин-паша не понимал практически ничего, зато в дипломатии считал себя глубоко искушённым — без ложной скромности. Теперь он станет делать то, что лучше всего умеет. А об остальном, если смилуется над правоверными Иам, позаботится Валид.

Появление командиров вызвало в лагере ликование — Шеймуса даже бросились бы обнимать, мешала только субординация. Зато Ангус оказался в крепких объятиях Бенедикта, из которых выбрался не без труда.

— Вижу, повоевать вы тут успели.

— Успели. Эти глупцы, смилуйся Творец Небесный над ними, полезли к телегам. Ну, что делать... пришлось стрелять.

По сияющему лицу Бенедикта совсем не казалось, будто он расстроен таким поворотом событий. Пострелять старому монаху всегда в охотку, дело известное. Никак и из мортиры зарядить успели — эту игрушку, доставшуюся отряду трофеем по дороге к Фадлу, давно следовало проверить в деле. Ангус даже пожалел, что пропустил такое зрелище.

Солдаты плотно обступили командиров. Они радостно кричали, потрясая оружием, а потом принялись скандировать, что ржавеет железное. При всём уважении к Бенедикту и Регендорфу — нечего и говорить, как наёмников воодушевило появление капитана. Половина в оранжево-жёлтых плащах, половина в лекарских повязках, но мораль у всех на высоте и снаряжение в порядке. Это радовало.

— Мы тоже немного повоевали. Взяли форт у гавани и открыли ворота ашраинам.

— Так это наши из пушек палят? А то мы понять не могли...

— Не наши. Долго объяснять... пошли в шатёр. Шеймус! Ты идёшь?

Капитан залез на обозную телегу и осматривал с неё окрестности. Сама площадь практически опустела, если не считать валявшихся на подступах к лагерю тел — но люди с ближайших улиц не разошлись.

— Там слон. — Шеймус указал направление, но Ангус снизу увидеть слона не мог.

— Точно, слон. — подтвердил Бенедикт. — Его сюда погнали после атаки бедноты, с пешим отрядом. Небольшим.

Сержанты принялись разгонять наёмников, сгрудившихся вокруг командования. Правильно: ещё идёт бой, пока не время отмечать счастливое воссоединение. Барабаны забили в знакомом ритме, зазвучали сигналы труб. Лагерь пришёл в бурное, но вполне упорядоченное движение.

— Слон, говоришь... странная тактика. — рассудил Ангус. — Мураддины просто так слонов в бой не водят. Только поперёд конницы.

— Ну, признаюсь, мы с Регендорфом не особо об том рассуждали. Едва отбились, а тут слон! Дали хороший залп, он и убежал. Трусливые они звери, эти слоны... Пойдёмте в шатёр, пойдёмте. Нужно скорее поговорить.

— Ну так пошли! Шеймус!

Капитан спрыгнул на землю, и это явно причинило сильную боль: Ангус заметил, как его друг на мгновение скривился, дёрнул плечом. Хреновый знак. Сам-то лейтенант ещё ощущал действие настойки Вальверде — но из него не вытекла целая лужа крови, у него не было свежезащитой раны поперёк груди, не говоря о проколоте бедре и всём прочем.

Проклятье. Если Шеймуса отпустит раньше времени, выйдет нехорошо.

Командир подошёл к офицерам. Ангус следил за каждым его движением: не начал ли хромать? Кажется, нет.

— Ирма здесь?

Вопрос, который Ангус первым задавать не решился, привёл Регендорфа в замешательство.

— Я думал, капитан, она с вами.

Наверняка рыцарь немедленно пожалел об этих словах — даже Ангусу от того, как изменился взгляд капитана, сделалось неприятно.

— Разве тогда я бы тебя спрашивал?

— Нет, я...

— Мне докладывали о ней. — перебил лейтенанта Бенедикт. — Ирма в порту, там Люлья собрал наших. Квантировавшихся.

Ангус вздохнул с облегчением. Наверняка и у капитана от сердца отлегло.

— Раз с Люльей, то в порядке! — Ангус заявил это вполне искренне, отнюдь не просто для пущего успокоения командира. — Не могли мураддины бросить большие силы в порт. Как пить дать, всё Святое Воинство стережёт дворец и вонючего халифа в нём. Бой, который мы слышали — херня. Люлья продержится.

— Пожалуй. — заключил Шеймус. — А теперь пойдём в шатёр. Нам действительно нужно многое обсудить. И как можно скорее.

Благоухающий порохом Бенедикт и позвякивающий полными рыцарскими латами Регендорф шли впереди, отодвигая оставшихся зевак в цветах отряда. Им-то виднее, где в лагере нынче штабной шатёр. Ангус решил, что возможность шепнуть командиру пару слов на ухо не стоит упускать.

Вернее, как это сказать: на ухо... до его уха не дотянешься, говорить пришлось лишь вполголоса. Но среди барабанов, труб и топота вокруг — никто лишний не услышит.

— Серьёзно, я уверен: всё нормально. Раз она добралась до Люльки, то в безопасности. Говорил же тебе: найдём.

— Пока ещё не нашли. Но Люлье я доверяю.

— Просто не волнуйся больше.

Шеймус вдруг схватил его за плечо, вынудив остановиться. Пусть действие снадобья ослабло, но вот рука капитана — отнюдь: Ангус едва не упал.

— Не учи.

— Да я не...

— Я тоже говорю серьёзно, Ангус. Не надо копать у меня под бронёй, смекаешь? Для всяких задушевных бесед сейчас вообще, блядь, не время. Хватило Вальверде! И я тогда сказал на эту тему всё. У тебя же не осталось вопросов?

— Нет.

Ангус сказал то, что его друг и командир хотел услышать — но едва ли правду. Ну, так надо: время и правда неподходящее. Гвендлы зашагали к шатру в молчании.

Джамалутдин-паша нервничал, потому что был вынужден ждать.

Хотя никто, кроме упокоившегося с час назад халифа, давным-давно уже не заставлял визиря этого делать. Но наёмники всё не показывались из лагеря, а тем временем в порту продолжалась канонада. И ашраины, конечно, продолжали бесчинствовать на западе города. И пожар лишь усиливался — горел уже не только порт, определённо постарались и погромщики. Все эти вопросы требовали безотлагательных решений.

А наёмники всё не показывались: только стрелки стоят на импровизированных стенах

из телег. Валида тоже не было.

Визирь старался не смотреть на тела, оставшиеся перед лагерем. Многие из тех, кто недавно ещё шевелился и кричал, теперь затихли навсегда — но наверняка там оставалось хотя бы несколько живых. Как ни горько — нельзя до переговоров ни прислать помощь, ни просто убрать трупы. Иначе погибших станет только больше.

Ничего толком нельзя сделать до этих проклятых переговоров!

— Нижайше прошу не истолковать это превратно, однако должен ещё раз заострить внимание на убедительной просьбе: позвольте говорить мне. Ситуация сложна и грозит великими бедами, а посему я желал бы держать её под собственным контролем в наибольшей возможной степени.

Сулим снова буркнул: похоже на неучливое и нежеланное, но всё-таки согласие. За спиной седобородого жреца в девственно белых одеждах стояли люди, служившие семье ар-Наджибов. Мрачные и громоздкие тени. Интересно, что на середину площади для переговоров Сулим решил выйти не один — мало доверял телохранителям визиря из Святого Воинства? И ведь не босяков из паствы с собой привёл, надо заметить...

— Алима ар-Малави разыскать не удалось?

Посыльный виновато развёл руками.

Жаль. Во-первых, юноша благородного рода прекрасно знал языки Ульмиса: уже поэтому очень не помешал бы на переговорах. Во-вторых, как показалось Джамалутдину — сын Усмана был с наёмниками довольно дружен. Хороший посредник, но придётся обойтись без него.

Утекло сквозь пальцы ещё много томительных минут, показавшихся визирю часами, прежде чем из лагеря Ржавого отряда показались переговорщики. Человек семь двигались без спешки, и громадную кривую фигуру Джамалутдин заметил сразу. Висельник действительно жив и, что ещё лучше — готов говорить. Хоть какие-то хорошие новости!

Когда наёмники приблизились, из остальных визирь узнал лишь красивого светловолосого мужчину, который приходил с Шеймусом во дворец халифа. Остальных Джамалутдин или вовсе не видел прежде, или со времён осады Фадла позабыл. Все они ничем особым не отличались, кроме здорового аззинийца, несшего на плече секиру.

— В доспехах. Хорошо вооружены. — в голосе телохранителя из Святого Воинства прозвучала тревога.

— Я могу сказать то же самое о вас. Увы, положение нынче совсем не такое, при каком уместно соблюдать дипломатический этикет в полной мере. Лучше говорить при оружии, чем не говорить вовсе.

Интересно — на таком расстоянии оружие аркебузирова, что стоят на ограде лагеря, ещё опасно? Визирь помнил о судьбе халифа: оставалось уповать на то, что стрелять никто не станет. В любом случае, увы, люди Висельника стреляют дальше, чем мураддинские арбалетчики. Доводить до перестрелки — худший из возможных вариантов, тут уж не надо быть знатоком военного дела. И барану ясно! Только халиф не додумался...

— О, халиф снова не почтил нас присутствием... даже в такой ситуации. Впрочем, я не удивлён.

Первые же слова Шеймуса заставили визиря сделать над собой огромное усилие — лишь бы не выказать удивления. Оказывается, наёмники понятия не имеют, что убили халифа!.. Это в корне меняло ситуацию. Это очень, очень, очень к месту...

— Великий халиф не может присутствовать здесь, однако будьте уверены: я наделён

самыми полными, исчерпывающими полномочиями для решения возникших затруднений. Иными словами, почтенный, ведите со мной разговор так, как вели бы его с самим халифом. Больше нет никаких препятствий для прямых переговоров.

Джамалутдину даже не пришлось соврать — отлично!

Визирь заметил, что Шеймус выглядит очень плохо: не только из-за свежих ран на лице, закрытых повязкой и недавно зашитых. Он смертельно побледнел — это было видно даже в лунном свете, а взгляд казался затуманенным. Предводитель наёмников даже немного пошатывался.

— Хорошо, визирь. Давайте говорить. Встречу предложили вы, вам и начинать.

Логично. На рябом лице, наполовину замотанном окровавленной тряпкой, визирю следов какой-либо эмоции разобратить не удалось. Шеймус, понятно, не самый умный человек на свете — иначе занимался бы политикой, а не войной. Однако он и далеко, далеко не дурак! На мякине такого не проведёшь: нужно быть собранным и взвешивать каждое слово.

Лица офицеров и телохранителей, пришедших с Висельником, тоже вынуждали напрячься. На них вовсе не было печати интеллекта, зато насколько эти люди опасны — читалось превосходно.

— Прежде всего хочу принести искренние извинения по поводу бесчестного и возмутительного нападения на дворец — нарушающего все земные и божественные законы, высокие принципы чести и гостеприимства. Поверьте, я глубоко сожалею о случившемся и более всего на свете желаю покарать виновников, а потому...

— Помочь вам в этом? Указать виновника?

Шеймус без всякой стеснений кивнул в сторону Сулима. Тот, к чести своей, сдержался. Визирь же продолжил речь как ни в чём ни бывало.

— ...понимая, что кто бы ни был повинен в этом гнусном преступлении, колоссальный груз вины всё равно ложится на...

— Визирь, этим вечером я едва выжил. Десятки моих людей погибли. О судьбе многих до сих пор ничего не известно.

Случись Джамалтдину драться с Висельником — визирь не прожил бы дольше, чем требуется, чтобы моргнуть. Однако в словесном поединке расстановка сил совсем другая. Так просто у старого вельможи инициативу было не отобрать.

— Я скорблю о каждом из ваших людей, погибших этой ночью. Сердце моё исполнено тревогой за каждого, кто пропал, а стыд за неудобства, что перенесли лично вы — нестерпим. Но почтенный, я прошу вас заметить: погибли и мураддины. Вот многие из них — прямо перед вашими глазами. И многие погибнут от рук бесчинствующей толпы, которой вы открыли ворота. Покорнейше прошу понять правильно: я не пытаюсь сравнивать ваши жертвы с нашими. Я лишь подчёркиваю, что в этом ужасном положении обе стороны понесли ущерб, и наш общий долг, как людей разумных — найти решение. Решение, которое предотвратит дальнейшее кровопролитие и хотя бы отчасти залечит причинённые раны. Вы согласны со мной?

— Согласен.

— В таком случае позвольте начать с вопроса. Вам известно, что за стрельба ведётся в порту?

Люди за спиной Висельника рассмеялись. Сам он лишь слегка улыбнулся. Улыбка капитана и прежде смотрелась жутковато — а уж теперь, когда губы были прошиты толстыми нитками...

— Конечно. Я лично принял капитуляцию ваших главных портовых укреплений. Кстати, сохранив жизни многим из гарнизона. Те, кто сейчас высаживается в гавани — на моей стороне.

— Ваше милосердие угодно самому Иаму. А то, что гавань атакована вашими союзниками — добрая весть. Вы можете говорить от их имени? Принимать общие решения и гарантировать их исполнение?

Шеймус ни мига не промедлил с ответом.

— Могу.

— Прекрасно! Итак, вы позволите перейти к сути просьб и предложений с нашей стороны?

— Переходите.

Интересно, не лжёт ли он насчёт контроля над балеарскими кораблями? Трудно сказать. Может лгать запросто, это придётся держать в уме.

— Прежде всего я просил бы остановить атаку на гавань и передать аналогичные распоряжения вашим людям в прибрежных кварталах. Сам я отдал такой приказ уже около часа назад, и в полной мере гарантирую отсутствие каких-либо враждебных действий со стороны Святого Воинства, городской стражи и других людей, служащих великому халифу. Что до простого люда — как видите, мы уже предпринимаем меры, дабы урезонить неразумную толпу.

— Я отдам приказ, как только мы обо всём договоримся.

— Пусть так. Вы позволите перейти к дальнейшим предложениям или желаете прежде выдвинуть свои?

— Предлагайте.

Конечно: на базаре каждый хочет, чтобы другой первым назвал свою цену. Но ничего, наёмники — не торговцы. Пусть почувствую преимущество.

— Прежде всего я гарантирую полную выплату долгов халифата, которые мы несколько дней назад, увы, обсуждали безуспешно. Все оговорённые обязательства будут исполнены, в этом вы можете не сомневаться настолько же, насколько не сомневаетесь в скором восходе солнца. Но это только начало.

— Да, это именно оно.

— Говоря от лица Мураддинского халифата, его великого правителя, его народа и всех до единого правоверных слуг Иама, я обещаю компенсацию ваших потерь и неудобств в том размере, какой вы сами сочтёте справедливым.

Вот теперь Шеймус явно заинтересовался. Даже сделал полшага вперёд, немного наклонился к визирю — с высоты своего совершенно ненормального роста.

— То есть... вы предоставите сумму, которую я сам назову?

— Безусловно. Любую, которую вы назовёте: пусть такой жест выразит наше глубокое сожаление о событиях этого дня.

Командир наёмников отступил, перекинулся парой слов со своими людьми. Возможно, перевёл им слова визиря. Джамалтудин-паша едва сдерживал улыбку: всё-таки наёмники — они и есть наёмники. Деньги им дороже всего. Найти подход к воюющим за золото не так сложно, как к послам Муанга.

Увы, визирь расслабился раньше времени.

— Но и ты заплатишь! — послышался голос, который Джамалутдин желал сейчас слышать меньше всего. — Ты заплатишь за жизни правоверных, за моего племянника...

Сулим, которого визирь так упорно убеждал не вмешиваться в переговоры, заговорил ну никак не к месту — ему вовсе следовало молчать, однако пуще всего испугала догадка о продолжении фразы. Визирь попытался дать знак, не слишком заметно вынудить жреца замолчать, но...

— ...и за смерть великого халифа!

Глупец!..

Визирь ожидал от Сулима чего-то подобного, конечно. Но насколько же не вовремя! Зачем? Быть может, раскрытие этой детали — ещё не худшее из зол, однако Сулима понесло.

— Радуйся, если это будет малая цена! Лишь за малую часть твоих преступлений Иам велит забивать подлеца и преступника камнями, вкопав его по горло в землю!..

Вот теперь Джамалутдин всё-таки заметил нечто на почти неподвижном лице Висельника, в его полуживых бесцветных глазах. Длинноволосый офицер рядом с Шеймусом дёрнулся, забежал взглядом: быть может, слова Сулима оказались даже более лишними, чем показалось визирю сначала. Возможно, Джамалутдин не знал какой-то детали, прекрасно известной наёмникам. И как раз в той детали состояла вся соль.

Шеймус, однако, сдержался. Было видно — это далось капитану с трудом, однако он в самом деле желал переговоров. Не боя. Джамалутдин оценил это.

— Велите ему отойти. Оттесните, если нужно. — шепнул визирь человеку из Святого Воинства.

Люди в позолоченных доспехах тотчас заслонили жреца. Пока беседа не совершила новой нежелательный поворот, визирь продолжил.

— Кроме прочего, у нас есть ещё одно предложение для вас и ваших людей. Небольшая работа, которая будет щедро оплачена, причём ещё прежде её исполнения!

— Какая?..

— Окажите нам возможное содействие в очистке Альма-Азрака от погромщиков.

Ход, может быть, слишком смелый. Торопливый — ведь ещё не согласованы даже основные условия. Однако огромный дипломатический опыт Джамалутдина говорил: лишь так можно отвлечь наёмников от неуместных речей Сулима. Сгладить угол, некстати выскочивший и впившийся в самое нежное место.

Висельник задумался. Хорошо. Нужно нажать ещё немного...

— Вам интересно это предложение?

— Возможно. Мне нужно переговорить со своими людьми.

— Как будет угодно: мы смиренно ждём.

Висельник снова отступил, его люди образовали круг. Начали тихо и быстро обсуждать что-то, но увы: в этот момент визирь повторил недавнюю ошибку. Он снова позволил себе самую малость, но всё-таки расслабиться. Следя за иноземцами, пытаясь что-то разобрать на их лицах, совсем не понимая языка и даже без того — не имея возможности расслышать слов, он упустил нечто иное.

Позади застучали копыта.

— О, Висельник, так ты пошёл на переговоры! Очень вовремя!

Злая ирония! Джамалутдин-паша так ждал появления Валида — и предводитель Святого Воинства прибыл, но в самый неподходящий момент. Ничего не зная о ходе разговора, вероятно — не имея сведений об ашраинах и том, как стрельба в порту связана со Ржавым отрядом. Да будет проклят во веки веков Амоам — лучше бы Валид вовсе не приехал из порта!

Впрочем, может — всё и не так дурно. Просто нужно...

Однако события продолжали развиваться помимо воли визиря. Шеймус шагнул навстречу Валиду, отделившись от своих офицеров и телохранителей. Он казался вполне спокойным.

— Как я рад тебя видеть. Именно тебя, Валид, на этих переговорах и не хватало.

Визирь согласился бы с этими словами лишь отчасти. Валид мог принести пользу, обсудив с ним все детали заранее. Ведь он, Валид ар-Гасан — тоже лишь воин, в сущности — мало чем от капитана наёмников отличающийся. Не политик, не дипломат. Конечно, и не такой дурак, как Сулим, но этого иногда бывает мало.

Валид потянулся к луке седла, в его руке появился некий круглый предмет. Спустя мгновение то, что привёз с собой Валид, полетело на землю — точно между делегациями халифата и Ржавого отряда.

Это была отрезанная голова. В голове, отделённой от тела, частенько бывает сложно опознать её прежнего владельца — Джамалутид-паша убедился в том, побывав за свою долгую жизнь на многих казнях, к сожалению. Быть может, он знал убитого — человека с густой чёрной бородой? Или нет?

— Твой отряд на севере города разгромлен, Висельник. Перебит до последнего человека. Имей это в виду, рассуждая о той милости, что предлагает великий визирь!

Ангус многое пережил на войне, и лишь одно испытание счастливым образом его миновало: ни разу не довелось бывать в плену. А риск подобного, разумеется, извечно нависает над любым воином. Потому гвендл не раз обсуждал неприятную тему с Бенедиктом — уж тот в вопросе разбирался, просидев девять лет в проклятой клетке ни за что. Ангус всегда заводил тему очень аккуратно, когда оба были сильно пьяны, но всё-таки...

И Бенедикт не раз говорил, что самая страшная пытка — это пытка надеждой. Ничто не ломает человека так, как долго лелеемая вера во что-то хорошее, в более-менее благополучный исход, которая вдруг умирает.

Сейчас Ангус понял слова старого миссионера так ясно, как никогда ранее не понимал.

Вид отрезанной головы человека, которого ты знал большую часть жизни, с которым прошёл сотни битв в десятке войн — это горько и больно, однако обычное дело. К коему так или иначе со временем привыкаешь. Потому сама по себе гибель Люльи стала лишь первым ударом по дых.

А пудовый кулак в челюсть прилетел, когда лейтенант в полной мере понял смысл следующих слов Валида.

Отряд на севере города разгромлен.

Перебит до последнего человека.

До последнего.

Блядь.

Минуты не прошло с тех пор, как они обсуждали предложение визиря. И Ангус, и Бенедикт, и сам Шеймус находили предложение вполне удовлетворительным: пусть Вальверде ничего нельзя приказать, вопреки словам капитана, но договориться с пиратами всегда просто. Вопрос денег, а уж денег-то мураддины сейчас явно жалеть не собирались. Тем паче — учитывая, кем оказался убитый на боевом слоне, это ж подумать только!

Ага, минуту назад всё обстояло именно так. Даже несмотря на слова Сулима, который и

сам-то не понял, насколько неудачную херню ляпнул. Неважно. Ангус знал Шеймуса очень давно и близко. Словами его хрен проймёшь: можно разозлить, однако не до роковой черты.

Но... блядь.

— До последнего человека, говоришь?

Только что лучший выход из всего этого дерьма был прямо в руках — даже тянуться не надо, просто запихай золото в суму. Одного мига хватило, чтобы всё пошло через жопу. Переменилось полностью — и в самом хреновом направлении.

— Именно так!

Ангус посмотрел на командира — и увидел на его лице именно то, чего ожидал.

Ну да. Так было недавно: в Рачтонге. На дороге, по обе стороны которой тянулись кольца — на них муангцы насадили пленных наёмников. Так бывало и ещё несколько раз, но очень давно — в день смерти командора Мендосы, например. Или тем вечером, который подарил отряду злейшего врага в лице Вальдемара ван Стекелена.

Это пиздец.

Только один человек на свете мог сейчас всё исправить, однако... ха-ха, вот горькая ирония. Всё, обратной дороги уже нет. Переговорам конец, как и надеждам на сколь-нибудь хороший финал всей этой истории.

— Ага... — протянул Шеймус.

А потом он рассмеялся.

Не рассмеялся даже — заржал аки конь, а очень скоро этот смех уподобился голосам злобных духов. Человеку он больше не принадлежал. Всё время, что Ангус знал своего друга, у того было две стороны — как у монеты. На одной — человек, на другой — та сама тварь, о которой Шеймус любил говорить. Самая большая, злобная и свирепая, в которой ничего человеческого нет уже и в помине. Как не было когда-то в нескладном подростке, вытащенном из ямы.

Ангус незаметно толкнул в бок сначала Айко, затем Козимо. Те всё поняли. Это жопа, так что...

Визирь, Валид, Сулим и другие мураддины, коих было всего с дюжину, включая троих конных, глядели на Шеймуса с недоумением. Да: даже с Валида спесь как-то сошла. Капитан всё ещё хохотал, опершись руками на латные набедренники.

Потом Шеймус замолчал. Распрямылся настолько, насколько мог — со своей-то кривой спиной. Голос его зазвучал совершенно ровно, но Ангус прекрасно понимал разницу между вот таким бесстрастным звучанием — и тем, как капитан говорил обычно. Либо тягуче, словно змея, либо будто в барабан бьют.

Тут другое.

— Сулим... Сулим? Куда ты делся? Ах, ты тут. Славно. Я хочу, чтобы ты знал кое-то.

Жрец высунулся из-за мужиков в позолоченных доспехах. Этот придурок, конечно, прочитать ситуацию не мог.

— О! Вот и ты. Да: хочу, чтобы ты кое-что знал. Это я приказал убить твоего вонючего племенника. Именно так, Сулим, всё и было.

Наверняка жрец поверил — ведь только эти слова и чаял услышать уже давно. Он даже начал что-то верещать в ответ, но Ангус уже не слушал: смысла нет. Абсолютно не важно, что Сулим теперь скажет. Важно было совершенно иное.

— Послушай, Шеймус...

Увы, и это без толку. Ангус даже не заметил, как капитан вырвал из рук Айко секиру —

да и сам аzzиниец едва ли успел что-то понять. Джамалутдин разинул рот, Сулим попытался отступить, мураддинская охрана тоже кое-как среагировала: кто потянулся за саблей, кто опускал копьё.

Конечно, слишком медленно: секира уже прошла половину пути. По дуге, сверкнув во мраке, словно падающая звезда в небесах.

К чести Валида, он-то оказался достаточно быстр: пусть успел лишь пригнуть голову и самую малость приподнять щит — но этого хватило, чтобы спастись. Предводитель Святого Воинства только вылетел из седла, рухнув по другую сторону лошади.

Из-за такового препятствия Шеймус потерял к нему интерес: теперь, высоко поднимая тяжёлое оружие, он бросился к Сулиму. Тот ловко укрылся за охраной, поднявшей щиты: секира жреца не достала. И хотя телохранители попадали с ног, когда капитан влетел в них плечом — они всё-таки сдержались Шеймуса на пару мгновений.

Ангус понимал, что пытаться вытащить командира из этой схватки — дело гиблое. Шеймус сейчас ненароком и его зашибёт. Так что вариант оставался только один.

— В атаку! — выпалил лейтенант и бросился на мураддинов в позолоченных кольчугах.

Гвендл не был уверен, стоит ли ему нападать на Джамалутдина или хотя бы на Валида ар-Гасана, поднимавшегося с земли. Но вот сковать боем охрану мураддинов виделось необходимым — а то капитана из этого дерьма не вытащишь. Здесь не бандиты из дворца, дюжину которых Шеймус нашинковал без доспеха. И даже не солдатики из форта.

На этот раз всё по-взрослому.

Поэтому Ангус сцепился с двумя бойцами Святого Воинства — надеясь, что свои парни за спиной не растеряются. Айко точно не растерялся. Когда Ангус, подрубив ногу одному из людей Валида, принялся изо всех сил лупить по шлему другого рукояткой меча, чернокожий уже отобрал у кого-то копьё и попёр на охрану Сулима с ним.

Жаль, что Тишайший остался в форте. Он бы сейчас очень не помешал...

— Защищайте визиря! Защищайте визиря!!! — возопил Валид, наконец вставший на ноги.

Он вполне мог рубануть саблей Ангуса, однако видел более интересную цель. Обогнув основную схватку, Валид бросился к Шеймусу.

Ангус не смог рассмотреть все детали: прямо перед ним были враги. Чья-то сабля чиркнула по полям шлема, высеченные ею искры полетели в глаза. Когда появилась возможность обернуться, Валид опять кубарем летел в сторону. Хотя ар-Гасан не очень преуспел в схватке, он дал Сулиму шанс убежать.

И жрец очень старался воспользоваться этим шансом. Он нёсся прочь, храня столь необычное для себя молчание и смешно размахивая руками. Вряд ли многие сейчас поставили бы на Сулима, но отвлеку Валид капитана ещё ненадолго — как знать? К сожалению всех правоверных жителей халифата, ар-Гасан сейчас методично тыкал копьём Айко: если и не сумел ранить — то уж точно задержал.

— Защищайте визиря! ВИЗИРЯ!!!

Тучного Джамалутдина пытались усадить на лошадь: в итоге не усадили, а скорее взгромоздили на круп. Ангус помешать всё равно не мог — здоровяк из Святого Воинства крепко его обхватил, после чего оба рухнули на землю. Пока лейтенант боролся с противником лёжа, что со стороны наверняка выглядело потешно, мураддины начали отступать.

— Не преследовать! — приказал Ангус своим. — Снимите с меня этого!

Борцовский поединок Ангус проиграл, это стоило признать — и напоследок враг ещё немного ему подгадил. Подскочивший Козимо зачем-то решил полоснуть мураддина по горлу, так что мощный поток крови хлестнул лейтенанту прямо в лицо.

Ну и денёк: сплошные обнимашки, а кончается всё это... мокро. Не так Ангус планировал провести вечер, хоть нечто общее у его планов с печальной реальностью и нашлось.

Прозвучал выстрел: наконец и Бенедикт сделал нечто полезное. Хотя, может, он стрелял и раньше — просто Ангус в горячке боя не расслышал? Так или иначе, старый миссионер попал Валиду в спину. Командир мураддинов упал на колени, но сразу поднялся и вполне уверенно запрыгнул в седло.

Враги поскакали прочь, на другую сторону площади. Ангус осмотрелся.

Айко сидел на коленях, тяжело дыша: не был похож на раненого тяжело, но кровь по его доспеху текла обильно — не чужая. Бенедикт, с ошалевшими глазами и двумя дымящимися пистолетами в руках, озирался. Встретившись взглядом с Ангусом, он пробормотал:

— Где-то здесь голова Рамона. Надо найти... найти надо...

— Надо.

Адъютант Бенедикта лежал в странной позе: уткнувшись лицом в землю и при том вытянувшись по струнке. Как его... Фернан. Один из парней, родившихся уже в обозе отряда. Едва ли он был жив, как и другой парень — его имени Ангус не знал. Кто вообще потащил такого на переговоры?

Хотя намечались-то именно переговоры, в самом деле. Просто обернулось иначе.

— Шеймус!

— Да тут я.

Капитан, оказывается, был прямо у него за спиной. Не без некоторого труда, побряхтывая, Шеймус уселся рядом с другом. Гвендлы смотрели в сторону лагеря, откуда люди в оранжево-красном уже спешили на помощь.

— Вот только не говори ничего, Ангус. Просто молчи. Фляжка есть?

— Есть, но там вода.

— Сойдёт и вода.

Ангус протянул командиру флягу. Кому сойдёт и вода, а вот ему лично нужно было сейчас даже не вино, не ром или настойка какая — а хороший ишке. Помянуть Люлью и поразмыслить о том, что будет дальше.

Потому как примерно ясно, что именно — а под такие мрачные мысли годится только ишке.

— Покомандуй, будь добр. Пусть заберут наших... и Рамона, да. Айко нужна помощь, Валид его рубанул нешуточно.

— Валид, однако, силён оказался.

— Защищается неплохо. Да, вот ещё что... Если от башки Сулима чего осталось — отрежьте. В мортиру зарядим.

Ангус посмотрел в ту сторону, но на месте ли голова Сулима — не разглядел. Жрец, который ещё вечером запросто вертел халифом и безраздельно повелевал толпой, теперь даже не напоминал человека — какой-то ком плоти, покрытый бело-красным тряпьём.

— Огонь и кровь, Ангус... — протянул командир, глядя вроде как в сторону лагеря, но будто сквозь него, прямо в сокрытый от взора горизонт. — Огонь, блядь, и кровь. Как я говорил. Да будет так.

Ангус хотел ответить, но никаких уместных слов не подобрал.

Алим торопился, потому что ситуация в городе ухудшалась буквально на глазах. Отчасти это было на руку, впрочем: чем больше вполне оправданной спешки — тем меньше у Фарханы шансов обдумать ситуацию, задать неудобные вопросы и прийти к выводам, которые будут не очень-то кстати.

Тащить её за собой насильно не хотелось. Как ни крути, Алим девушке сочувствовал: жернова этой грязной истории перемололи её совершенно ни за что. Если бы Иам обращал на созданный им мир чуть больше внимания, подобная несправедливость никогда не имела бы места.

Но мир, увы, именно таков, каков он есть. А никакое сочувствие не могло быть для Алима выше, чем наказ отца и благо семьи. Будь ар-Малави святыми людьми — не подняться им во веки веков даже на четверть той высоты, которой они достигли.

Отец говаривал: хорошие люди мало получают от жизни. Однако подонки и подлецы зачастую получают ещё меньше. Лучше всего быть посередине.

— Вам, госпожа, опасно оставаться в городе. — пояснял Алим на ходу Фархане. — Даже Сулим, возможно, не сумеет защитить вас от нависшей великой опасности. Однако у вас есть друзья в Альма-Азраке, и эти друзья — мы.

— Мы идём к порту?

Фархана, наверное, не очень-то хорошо видела дорогу: мешал платок на голове, почти полностью скрывающий лицо. Такой же она носила прежде, пока оставалась в Ржавом отряде — чтобы не узнали. Алим у глупая случайность подобного рода также была ни к чему.

— Да, к порту. Я посажу вас на корабль.

— А куда он меня отвезёт?

— В безопасное место.

Наглая ложь, конечно. Недостойная человека высокого происхождения, но...

Теперь, когда ситуация покатила в нужном направлении — то есть Ржавый капитан всё-таки сговорился с Вальверде и наёмники с пиратами действовали сообща, настал момент вернуть Фархану обратно. Она сыграла половину своей роли, подкрепив впечатление, будто именно Сулим ар-Наджиб повинен в нападениях на наёмников. Старый дурак сам многое сделал для таковой всеобщей уверенности.

Оставалась вторая часть: теперь Фархана должна стать прекрасным подарком Шеймусу. И сделает его не кто-то — именно семья ар-Малави. Для чего подобное нужно отцу, Алим представлял слабо, однако лишних вопросов не задавал. У него были вполне конкретные инструкции.

На соседних улицах шумели, и то был не обычный вечерний гул. Наёмники впустили ашраинов в город: рёв озверевшей толпы смешался с отчаянными криками мурадинов, пытавшихся убежать или забаррикадироваться в своих домах. Понятное дело, что отчаявшиеся и обозлённые люди хлынули не на юг города — туда, где собралась покорная Сулиму толпа правоверных, и не в порт. Ненавидящим своих господ ашраинам были нужны богатые кварталы, а там готов к внезапному погрому оказался разве что дом ар-Малави.

Сильно пахло гарью, над крышами синих строений по левую руку уже поднимался густой дым. Это плохо: огонь-то не удержишь силой оружия. Может пострадать и родной особняк... но если план отца сработает так, как должен — даже это, наверное, не слишком

большая потеря.

Самого Усмана ар-Малави в Альма-Азраке наверняка уже не было.

Идти предстояло ещё довольно долго: надо сделать большой круг, чтобы не попасть под обстрел с моря или горячую руку простых пиратов, которые Алима не узнают. Происходящее в порту обеспокоило и Фархану.

— Как же мы попадём на корабль?

Гавань ещё не была видна, но от чего в ночном небе поднимается такое зарево — понятно сразу. Горели и многие суда у причалов, и самые близкие к морю дома. Каноада почти стихла: только время от времени ещё стреляла одна-другая пушка.

— Не беспокойтесь, госпожа: в сам порт нам не нужно. Корабль стоит далеко от берега, а туда нас доставит лодка, ожидающая в условленном месте. Около форта.

Хотя бы это было чистой правдой.

— Как вы, о храбрейший?

— Пуля внутри, к сожалению.

Джамалутдин-паша не разбирался в медицине, тем более в боевых ранениях, однако по не слишком весёлым лицам что самого Валида, что помогающих ему бойцов Святого Воинства понял: дело плохо.

— Тем не менее я пока на ногах. — заявил Валид, хоть подняться ему помогли. — И, быть может, даже смогу сражаться.

— Я всецело готов разделить обязанности по командованию...

— Нет, мы поступим иначе.

Визирь вдруг понял, что даже не знает, где именно они оказались: пока лошадь несла его прочь от наёмников, Джамалутдин нелепо болтался головой вниз, как мешок. Не очень-то в таком положении запомнишь дорогу. Теперь... что это за место? Какие-то бедные дома кругом, пустые, судя по всему — их хозяева наверняка на площади, среди живых или мёртвых. Скорее всего, Святое Воинство отвезло визиря недалеко: это южные окраины Альма-Азрака. Ах, вот: кажется, виден краешек крепостной стены... или показалось?

Ничего не скажешь: хорош командир для спасения города! Джамалутдин-паша, выходит, даже толком в нём не ориентируется. Хотя удивляться нечему: зланные районы огромной столицы визирь лишь проезжал в закрытом экипаже, когда направлялся в глубину страны. Человеку его положения обыкновенно нечего делать в подобных местах.

Снова слышались выстрелы из пушек, и благодаря тому Джамалутдин наконец понял, в какой стороне море. Звуки приглушённые, звучат издали: значит, они с Валидом и несколькими верными людьми действительно у стены, выходящей к ведущему в пустыню тракту.

— Так как же мы поступим?

— Вам нужно покинуть столицу. И немедленно, пока путь через южные ворота ещё безопасен: это, быть может, ненадолго. Мои люди сопровождают вас.

— Что? Нет!

— Боюсь, сейчас это единственное разумное решение.

— Это совершенно невозможно, Валид! Даже если бы я желал сбежать, а это абсолютно не так, я бы всё равно не имел права на подобный малодушный поступок. После гибели халифа именно на мне в полной мере лежит ответственность за судьбу халифата, и я...

— Именно поэтому и нужно бежать, визирь. Вы должны выжить.

— Я должен сражаться за Альма-Азрак!

Валид усмехнулся, скривившись и от горечи, и от боли.

— Сейчас, наверное, уже полгорода занято ашраинами, да ещё та эскадра... Боюсь, что шансов на что-то хорошее у нас немного. Я, конечно же, останусь в городе, чтобы исполнять долг до конца — никто не освобождал меня от клятв перед лицом Иама. Но вам нужно бежать. Вряд ли эти подонки сравняют Альма-Азрак с землёй. А даже если так — это только город. Вы же, как сами сказали, несёте ответственность за весь халифат. Что ждёт государство без вас? Боюсь представить. Вами нельзя рисковать.

Не хотелось даже отчасти соглашаться с этими суждениями, однако Валид бы прав абсолютно во всём. Ещё недавно мураддины держали ситуацию в руках — а теперь? Никто ведь толком не готовился защищать столицу: у Муанга нет сильного флота, а сушей никакая армия не грозила дойти сюда.

Джамалутдин-паша, впрочем, не был знатоком военного дела. А вот что касается нынешней своей ответственности — всё понимал совершенно ясно.

Очевидного наследника престола нет, а желающих представить себя таковыми уже утром будет хоть отбавляй — в очередь отсюда до самого Фадла выстроятся. Единственный, кто способен помешать им разорвать страну на части — это он, визирь. Формальная власть до провозглашения нового халифа из рук Джамалутдина-паши никуда не денется.

И с этой властью, словно с дорожной сумой, нужно скакать прочь. Как это ни горько.

— Что ж... — растерев лицо руками, визирь поднялся и попытался придать себе пристойный моменту вид. — Будучи в этот прискорбный момент главой великого Мураддинского халифата, назначаю вас, достойнейший, наместником Альма-Азрака, передавая полные полномочия по защите города и управлению им до... решения этой ситуации тем или иным путём. Призываю всех присутствующих благородных людей быть свидетелями тому. Кроме того, прошу вас пред лицом Иама быть свидетелями и того, что я покидаю город не из трусости, а с тяжёлым сердцем и признавая разумность доводов почтенного Валида ар-Гасана. А теперь... не будем терять времени, раз уж его, к великой горести, осталось немного.

Визирю хотелось обнять предводителя Святого Воинства на прощание, он счёл подобный жест совершенно неуместным. Вскоре Джамалутдин уже скакал к южным воротам в сопровождении всадников Валида, подавляя желание обернуться.

Как знать, чем это кончится? Вернётся ли он в родной Альма-Азрак? Не хотелось запомнить великий город таким.

Единственное, что утешало в этот час визиря — понимание, что отступление с поля боя ещё не означает поражение в войне. А именно войну ему предстояло теперь вести: пусть, как очень хотелось надеяться, не в буквальном смысле слова.

После боя лишних мыслей не бывает: выжил — и хорошо, ничто такой отрады омрачить не может. Но увы, всё меняется ещё быстрее, чем похмелье после пьянки настаёт: это Ангус знал прекрасно.

Мураддинские парламентёры сбежали с площади, и толпа на подступах к ней тоже редела на глазах — мстить за смерть проповедника никто из верующих простолюдинов не собирался. Наверняка местных куда больше занимало теперь бегство от обозлённых

ашраинов или защита своих домов от них же: тут не до попрапия веры.

Возможно, Джамалутдин с Валидом запрутся во дворце. Возможно, дадут дёру из города. Но не это теперь беспокоило Ангуса, и даже не смерть Люльи, с которой уже ничего не поделаешь. Им самим предстоит выбираться, и лучше бы сделать это побыстрее — но капитан уже дал понять, что так просто всё не закончится.

Наёмники, раздвинув телеги, вывалили из лагеря на площадь — разве лишь кроме тех, кто не мог ходить. Некоторых успели построить в аккуратные коробки, но большая часть пока обступала командиров беспорядочной оранжево-красной массой. Солдаты шумели: сначала это был обычный гул толпы, но вскоре он сменился скандированием отрядного девиза.

— Это, выходит — почти все теперь...

— К сожалению.

Потери считать придётся позже. Но хорошо, если от Ржавого отряда осталась половина того числа, каким он месяц назад подошёл к стенам Фадла. И если Валид действительно перебил большую часть живших у порта, а это едва ли блеф — то погибли в основном лучшие. Те, кого так просто не заменишь новобранцами в строю, а повышенными — среди офицеров. Это не говоря о Люлье, об охране дворца — самых отборных бойцах.

Даже если сегодня всё сложится хорошо — «ржавые» понесли потери, каких не было много лет. И впереди у отряда не самые простые времена, это Ангус понимал превосходно. А ведь ещё есть загадочные планы балеарцев...

Воодушевление после удачного взятия форта прошло. Солдаты явно были бодрее — им проще.

— Что дальше?

— Ну, соберём какую-то охрану для раненых с бабами. Пусть Бенедикт ведёт их к кораблям, когда это станет более-менее безопасно. Ты возьмёшь побольше людей, пойдёшь к Храму Сотворения и дворцу. Пора их грабить, а то Вальверде всё вынесет сама. Она и так заберёт большую часть... справедливо.

— В смысле?

— Что «в смысле»? Забыл, как грабить? Или не догадываешься, во сколько встанет место на кораблях?

— Нет. Я не понял, что значит «ты пойдёшь».

— Это значит «без меня». Угадай, куда я собираюсь и зачем. С одной попытки.

Ангус, конечно, догадывался.

— Ну так я с тобой.

Шеймус уже набрал воздуха в грудь — видать, хотел обрушить на Ангуса тираду о разнице между просьбой и приказом. Однако этого так и не произошло. В том, как капитан молча повёл головой и плечами, промелькнуло нечто, Ангусом толком не понятое. Возможно, он оценил порыв друга, а может — это было то, чего лейтенант за Шеймусом никогда прежде не замечал. Отчаяние — так, наверное, называется.

Но Шеймус почти сразу собрался с духом.

— Из нашего светлого рыцаря херовый командир для грабежа, и он не знаком с Вальверде. Так что пойдёшь ты, уж не спорь. Я хочу, чтобы тут ни один гвоздь и не остался в стене. И чтобы вы с Вальверде спалили всё, до чего дотянетесь. Потому что...

Он ещё миг промедлил, вздохнул.

— Потому что если всё так, как оно вполне может быть, то Альма-Азрак станет самой

большой и красивой могилой из всех, которые мы оставили на пути. Мы, Ангус, не просто сбежим: мы заберём всё, что им дорого.

Лейтенант ничего не ответил, потому что мастаком на душевные речи себя не считал, а городить какую-то чушь не испытывал ни малейшего желания. Шеймус положил руку ему на плечо.

— Слушай, друг, я тебе за всё благодарен, конечно. Но пусть каждый делает своё дело.

Капитан обернулся к солдатам. Наверняка они ожидали какой-то речи, но вместо этого Шеймус указал пальцем в строй.

— Ты! Да-да, одноглазый. Ты же сын Горри, верно?

В шуме вокруг ответ почти затерялся.

— Ну точно. И с тебя, помнится, вся эта параша началась. Собирай людей, десятник: идёшь со мной.

Возле порта оставаться больше было нельзя. По правую руку, куда прилетело большинство бомб из мортир, уже начался настоящий пожар: огонь стремительно перекидывался с крыши на крышу, дым заволок ночное небо. Пусть и не очень близко — но ощущался жар. По левую же руку шла высадка: шлюпки давно добрались до берега, и их было много. В порт Альма-Азрака вошли сотни вооружённых людей, которых у Ирмы не было оснований считать друзьями.

Всё, хватит терять время. Боль ничуть не ослабла, но зато Ирма успела немного набраться сил: смогла встать и даже почти не опиралась на стены, шагая вглубь города. Очередной приступ горестных размышлений тоже не наступал, так что лимландка вполне сконцентрировалась на цели.

Если двигаться прямо на юг, то рано или поздно она окажется недалеко от лагеря. Там уже есть надежда вспомнить улицы и выйти куда нужно — а может повезти ещё больше. Может, с другой стороны, и не повезти: судя по шуму, спокойных кварталов Альма-Азраке осталось мало. Но об этом женщина старалась не думать.

Выйдя на перекрёсток, Ирма осмотрелась.

Улица прямо перед ней была как-то подозрительно пуста. Наверное, лучше от таких держаться подальше, стараться хоть смешаться с местными: на Ирме нынче столько грязи, пыли и крови — в темноте и издалека сойдёт за мураддинку. А вот на пустой улице, если не повезёт вдруг с кем-то столкнуться...

Эту мысль подтвердили всадники Святого Воинства, внезапно появившиеся слева. Ирма успела спрятаться за угол, прижаться к стене: изодранная об забор спина ответила жгучей болью. Женщина прикусила губу, зажмурилась и в который раз сжала в руке крестик.

Пронесло. Всадники проехали мимо, не обратив на Ирму внимания. Они оживлённо переговаривались и указывали саблями вперёд.

Ирма посмотрела им вслед. Впереди всадников улица была забита людьми, как бутылка пробкой закупорена — оттуда звучали крики и, кажется, рады появлению Святого Воинства люди не были. Что происходит? Ладно, не до любопытства...

Но посмотрев налево, Ирма тоже не очень обрадовалась. В зареве пожара ярко выделялись чёрные тени таких же всадников. Может, ищут выживших наёмников. Может, следят за тем, чтобы погорельцы спасали своё добро, а не чужое. А может, что наиболее вероятно — это из-за высадки в порту, но Ирме всё равно стоит держаться от Святого

Воинства подальше.

Придётся всё-таки идти по пустой тёмной улице.

Убедившись, что за перекрёстком сейчас никто не наблюдает, Ирма очень неловко, но шустро перебежала его и спряталась в тени. Ещё раз осмотрелась: тихо, никого. Можно идти.

Поначалу она шла очень осторожно: стараясь держаться в самых тёмных местах, часто оглядываясь, время от времени останавливаясь и затихая. Не отпускало ощущение, будто за ней кто-то наблюдает — однако Ирма довольно быстро списала это на обычное волнение. Некому же!

Следующий перекрёсток, прилично освещённый и сравнительно людный, был уже близко. По дороге к нему лимландка обнаружила нечто очень полезное: между парой двухэтажных домов были натянуты верёвки, на которые кто-то вывесил сушиться не то большие платки, не то детские простыни. Наверное, хозяйева не успели убрать их на закате: нашлись этой беспокойной ночью проблемы посерьёзнее. Очень хорошо!

Правда, стянуть платок оказалось непростой задачей. Хоть Ирма и была для женщины очень высокой, как у лимландок водится, висела столь нужная ткань ещё выше. А прыжки в её-то нынешнем состоянии — это больно. После второй попытки Ирма едва не закричала, присела от боли в рёбрах и долго приходила в себя. Отдышалась, попробовала ещё раз: теперь дотянулась.

Отлично. Ирма накинула платок на голову: теперь рыжие волосы никто не увидит, а в остальном — ничего такого уж подозрительного. В конце концов, у мураддинов не принято особо глазеть на женщин. На своих, конечно: это от обозных жён любой местный глаз не отрывал.

Плевался, конечно, напоказ насчёт «шлюх» — но взглядом едва не просверливал. Известное дело.

До перекрёстка она не дошла, может быть, шагов десять.

Того, кто её схватил, Ирма не заметила — он появился сзади внезапно и совершенно бесшумно. Нужно было то ли вырваться, то ли попробовать достать кинжал, то ли кричать: женщина попробовала сделать всё сразу и не преуспела ни в чём. Этот гад оказался сколь сильным, столь и ловким: умудрился одновременно зажать рот и не позволить вооружиться, а уж брыкаться тут оказалось тем более без толку.

Платок стащили с головы, и Ирма увидела ещё одного мужчину — местного, но не в доспехе.

— Она? — спросил тот, который продолжал держать Ирму.

— Определённо. Понесли.

Мураддины подняли её на руки и потащили куда-то в темноту.

Игги и прежде-то — с момента, когда вечер пошёл наперекосяк, испытывал смешанные чувства. Теперь они окончательно запутались.

Он, держа аркебузу на плече, шагал за капитаном вместе с ещё двумя десятками парней: своими подчинёнными в полном составе, алебардистам и мечниками. Получалось, что Игги ныне командовал более чем десятью людьми: Ржавый Капитан велел собирать отряд именно ему, из личной охраны Шеймуса присутствовал только невысокий тремонец. Чернокожий здоровяк, которого почти всегда видели рядом с капитаном, нынче в бой не годился: остался

на попечении Кресса.

Это была приятная сторона. Но Игги не мог и забыть слова капитана — мол, из-за тебя всё это дерьмо случилось.

Он знал, конечно, что смерть Мансура ар-Наджиба — значительная причина проблем отряда в последние дни. И что Фархана во всём это сыграла немалую роль — догадывался. И помнил, что Шеймус сказал ещё месяц назад: мол, история ещё не окончена.

Но чтобы вот прямо «из-за него»...

Юношу радовало, что он вдруг оказался так близко к капитану. А вот причины этого события — отнюдь. Да ещё Шеймус вспомнил о его отце... к чему это? Возможно, Игги по-прежнему был обязан Горри всем. По крайней мере, всем хорошим — а из остального имел в активе увечье и дурной поступок в Фадле.

— Етить, что творится-то!

А творилось в городе такое, что до маленького отряда наёмников никому не было дела.

Ещё несколько кварталов назад «ржавые» встретили всадников Святого Воинства, которые и не подумали вступать в бой, хотя узнать Шеймуса и понять значимость такой схватки труда не составляло. Вместо этого конные проскакали через перекрёсток и врубались в толпу ашраинов, осаждавшую богатый дом. Вопреки ожиданиям, погромщики не отступили: хоть всадники налетели лихо и всю работу саблями, но завязли в толпе. Дела их сделались плохи. «Ржавые», конечно, не стали ни вмешиваться, ни дожидаться определения победителя.

Однако то было только начало. Вскоре отряду пришлось перебираться через настоящую гору тел — это явно были хозяева особняков, их охрана и прислуга, которых вытащили наружу и перебили, а потом свалили на углу. Все двери окрестных домов оказались распахнуты, из многих валил дым.

Ещё через улицу прямо под ноги Игги из окна вышвырнули младенца.

— Отшибленные они какие-то. — как ни удивительно, но это произнёс Кеннет.

Нужно было очень постараться, чтобы заслужить от него подобные слова.

— Помнишь ту бабу свою? — Карл оставался по обыкновению флегматичен. — Видать, есть у них причины мураддинов не любить.

— Чего там помнить? Шлюха как шлюха.

— Ой, не знал бы я тебя столько лет...

Ребёнок остался на мостовой без движения, под ним растеклась кровь. Кеннет задержался, глядя на младенца, но затем просто переступил.

Наверняка у западной стены дела ещё хуже: Шеймус вёл отряд не через центр беспорядков, но и не в стороне от них — меньше внимания.

Капитан, как и на площади, был вооружён двуручной секирой своего телохранителя — поначалу нёс её так, будто это был лёгкий маршальский жезл. Но чем дальше, тем очевиднее становилось, что командир отнюдь не в порядке.

Шеймус был серьёзно ранен, конечно. Игги вспомнил, как недавно дважды говорили о его сходстве с капитаном. Да уж, теперь точно похожи: у обоих половина лица перемотана. А на виду-то, судя по тяжёлой походке Шеймуса, не всё.

Капитан так и не произнёс ни слова до самого рынка — место последнего боя Люльи наёмники узнали сразу.

Тел мураддинов здесь не было: остались только убитые лошади. Ясное дело, своих Валид велел вынести — Игги не сомневался, что и Святого Воинства в этом бою полегли

немало.

Что же до наёмников — всё, кроме головы Люльи, осталось на месте.

Повсюду среди разбитых прилавков проглядывалось оранжево-красное. Сколько тут парней в плащах? Может, пара сотен. Тогда считай — половина носивших те плащи. Само по себе жутко, а ведь Игги прекрасно понимал: кабы не приказ Люльи идти вестовым к лагерю, то и он сам сейчас лежал бы здесь.

Игги снова выжил по какой-то невероятной случайности, второй раз за неполных два месяца. Видимо, везучим уродился?

Многих из тех, кто лежал перед ним, Игги знал всю свою недолгую жизнь. Многих теперь не сумел бы опознать. Хоть вырос на войне, но... Такого ещё не было.

— Поищите тело Люльи. — Шеймус наконец заговорил. — Доспех приметный, узнаете.

Он сам шагал между тел, но искал сейчас явно не лейтенанта.

— Слышали? — бодро окрикнул солдат Игги. — Выполнять!

Энтузиазма у парней было не больше, чем у самого десятника, но куда деваться? Наёмники принялись искать. На рыночной площади стояла полная тишина: Святое Воинство давно ушло, жители окрестных домов разбежались. Темно и тихо, только луна ярко освещала место недавнего боя.

Вместо Люльи юный десятник быстро обнаружил кое-что другое. Тело, наполовину скрытое под досками, наваленными для защиты от всадников. Это был не наёмник — женщина. Её длинные рыжие волосы веером легли на брусчатку. Игги встал на колени, попытался вытащить тело из-под досок: получалось не очень.

Скоро он почувствовал затылком пристальный взгляд.

Обернулся. Шеймус возвышался над ним, как огромное кривое дерево. Тень от козырька шлема скрывала лицо, но Игги и так всё прекрасно понимал. Здесь и вопрос не требовался.

— Нет, капитан...

Нет, это была не Ирма. И, что в вдруг стало для Игги важнее всего, абсолютно всего на свете — не Гретель. Смешно, но юноша чуть не расплакался.

Капитан вздохнул и присел рядом. Отодвинул Игги, слегка надавив на плечо, и вытащил бездыханное тело из-под досок — словно вовсе без малейшего усилия.

— Регендорф расстроится. Лучше ему не показывать.

Это точно: Гайе не повезло умереть красиво. Узнать её можно было только по половине лица, некогда очень милого.

Десятник и капитан смотрели на обезображенное тело. Довольно долго и молча. Шеймус снял с пояса флягу, глотнул, потом протянул Игги. Там оказалась вода.

— Ну... ты тоже рад, что кого-то не нашёл?

— Вроде того, капитан.

— «Вроде того»... Знаешь вот... Игги, да? Ты мне напоминаешь кого-то.

— Отца? — Игги так удивился, что совсем забыл о субординации.

Шеймус задумался.

— Нет, не отца. Горри был хорошим солдатом и хорошим другом, но я про другое. Даже не знаю, про что.

Ангус слышал от какого-то узкоглазого в Муанге, что война — лекарство против морщин. Фраза понравилась и запомнилась, но гвендл всегда понимал её в негативном смысле: дескать, не доживают на войне до морщин.

Теперь он, пожалуй, впервые видел обратное.

Вальверде будто помолодела минимум лет на десять — кабы не на пятнадцать. Её лицо, сплошь забрызганное кровью, сияло в свете факелов и пожара ярче, чем купол Храма Сотворения в полдень. Ангус застал пиратку кружащейся в танце под искрами, летящими в тёмное небо — она искренне веселилась, словно маленькая девочка. Казалось, и уродливый шрам с лица пропал.

— Ангус!

Едва увидав гвендла, Вальверде радостно бросилась ему на шею — впервые в жизни подобный жест женщины вызвал у лейтенанта неловкое ощущение.

На Вальверде была великолепная кираса, странного вида шлем и ещё более странная перевязь аж с шестью пистолетами.

— Ох, оно того стоило! Как же я всё это обожаю, Нечистый побери! Ве-ли-ко-леп-но!..

Она поцеловала Ангуса в щёку, от чего гвендл смутился ещё больше, и попыталась увлечь в танец. Лейтенант еле-еле отвертелся, наконец достучавшись: пора ко дворцу.

— Да! Хей, парни! Нас ждёт дворец!

Пираты тоже пребывали в самом приподнятом настроении: похоже, они до сих пор не встретили в городе серьёзного сопротивления, а трофеи уже нашлись приличные. Возможно, организованно противостоять наёмникам, пиратам и ашраинам в Альма-Азраке было уже особо некому. Однако «возможно» — не повод расслабляться.

— А где Шеймус?

— Не тут.

Вальверде явно обеспокоилась.

— Он в порядке?

— Вроде того.

— А бабу свою нашёл?

— Нет. Поэтому и не тут.

Она только пожала плечами. И дала знак: идём! Ангус выкрикнул команду, сержанты повторили её, забили барабаны. Строй наёмников двинулся вниз по улице — ко дворцу. Пираты текли за «ржавыми» бесформенной массой, словно волна катилась на центр Альма-Азрака от моря. Разнобой в одежде мог показаться Ангусу дурным знаком недисциплинированности, однако он прекрасно понимал, что это неверное впечатление. А вот к оружию и броне претензий никаких: гвендл даже сомневался, не снаряжены ли ребята Вальверде получше, чем «ржавые».

Пираты затянули песню, отлично ложающуюся на ритм наёмных барабанщиков. Всё это походило не на грабёж города, а на разудалый праздник. Немного походило.

Как и следовало ожидать, дворец всё-таки защищали. Сцена сразу напомнила Ангусу о Фадле.

Здесь тоже была лестница, только гораздо более впечатляющая, да и сам дворец — что говорить, на зависть Камаль-бею. И стояли перед ним не последние воины города,

способные держать оружие, а мужики в позолоченных латно-кольчужных доспехах, с блестящими щитами и такими же блестящими масками на лицах. Святое Воинство было готово принять бой.

Пиратов стройные ряды мураддинской элиты особо не впечатлили. Что до наёмников — после новостей о разгроме отряда Люльи как раз боя с людьми Валида все они желали больше всего. Может — разве лишь после дележа казны и гарема халифа, но и то не факт.

Людей Валида собралось порядочно, но численное преимущество не было на их стороне.

Наверняка это не всё Святое Воинство — Ангус прикинул, что многие сейчас пытаются разогнать ашраинов, потому как больше делать это некому. Городская стража показала неготовность к сколь-нибудь серьёзному бою, а портовый гарнизон наверняка полёг под бомбардировкой Вальверде. В худшем случае мурадини могли послать гонцов в крепости, прикрывавшие подходы к столице, но когда оттуда подойдут свежие силы? Как минимум к утру, если не к полудню или даже следующему вечеру. Причём после такого броска солдаты будут не очень-то свежи.

Эти, в позолоте с головы до ног — мужики серьёзные. Уже доказали, без вопросов. Но теперь их мало, так что...

— Хей, красавчик, тут уж твоих советов послушаю. Твоя вотчина, я не мастак по драке на земле.

— Один хер победим, рисковать ни к чему. — постановил Ангус. — Подгони своих стрелков к моим, поперёд пикинеров ставим в два ряда. Один на колени, один в полный рост.

— Давай попроще. Мои такому не обучены.

— Да, понимаю. — наверняка для Вальверде всё это звучало примерно так же, как для Ангуса её мудрёные морские расклады. — Тогда я своих поставлю как положено, а ты своих просто между нашими коробками. Ну, видишь: «коробки». В которые колонны разворачиваются. Квадратные.

— Да вижу, не тупой.

— Ну вот, и пусть оттуда палят, как душе угодно. Подавим пидорасов огнём, у них-то одни арбалеты. Если ломанутся вперёд, просто лезьте под наши пики, места там хватит. А мои парни, не бойсь, через пики никого не пустят. Если не ломанутся, мы сами пойдём, и тут тебе уже работы не будет. Размажем гадов об стену дворца, шансов у них хер. Победа тут не вопрос, главное — поменьше потерь.

Вальверде кивнула и двинулась к своим. Ангус подозвал Регендорфа.

— Гляди за тылом с резервом. У них было до жопы конницы! Думаю, многие спешились, но конелюбы по-любому в городе тыгыдыкают ещё. Могут и сюды прискакать. А заодно приглядывай за союзничками, а то доверять Вальверде — последнее дело, уж поверь. Я эту сучку много лет знаю.

— Я всё понял. Удачи.

— И тебе солдатский насморк не подцепить.

Люди Валида тем временем сомкнули щиты, надеясь хоть как-то защититься, и вытащили павезы для арбалетчиков. Они, в этом Святом Воинстве, больше всадники: на конях-то чудо как хороши, но будь так же сильны на ногах — никогда бы халиф не нанял Ржавый отряд. Ему как раз того не хватало: очень крепкой строевой пехоты.

Эх, а ведь неплохо всё четыре года назад начиналось... и вот к чему пришло. Наверняка

Люлью эти скоты конницей и разбили. Ведь пик у него точно не было, откуда в порту пики? Но теперь совсем иное положение: атаковать на коняшках хорошо, а вот защищать дворец — никак. Тут потребна пехота. Королева, понимаешь, полей.

— Пики на плечо! Стрелки — первый на колено, второй в рост! Заряжай, залп на первый-второй по сигналу! Мечники — на углы назад! Готовься!

Сержанты, услышавшие команду, разнесли её по всему строю. Барабанщики отбили положенные ритмы, знамёна в каждой коробке были высоко подняты. Красота, конечно: Ангус всю жизнь от души радовался, видя подобное. Сплошное дерьмо творилось с вечера, но как собрались — всё работает образцово.

Даже несмотря на то, как поубавилось парней в плащах. Ничего: многие из стоящих теперь напротив дворца халифа скоро наденут их.

— Ржавеет железное!

— РЖАВЕЕТ ЖЕЛЕЗНОЕ!!!

Как раз под боевой клич наёмников начали стрелять мураддинские арбалетчики. Пираты ответили им сразу, и даже их аркебуз хватило, чтобы от стрелков Святого Воинства мало что осталось. Результат перестрелки заведомо был предсказуем: только какое-нибудь чудо от обожаемого мураддинами Иама могло изменить его.

Чуда Иам, конечно, не явил. Если после беспорядочной пиратской стрельбы ещё было кому отвечать со стороны дворца, то первые же два залпа «ржавых» выбили из-под павез всех. Копейщики Валида, надо признать, восприняли гибель своих стрелков совершенно спокойно: никто не дрогнул. Третий залп грянул почти сразу: ещё и дым перед строем рассеяться не успел, тут всё равно прицел не собьёшь.

Ангус оценил свои боевые порядки, насколько мог. Не с холма же глядит, даже не с лошади. Тут и там люди в оранжево-красном попадали, конечно: всё-таки арбалет с воротом — не шутка, накоротке не так уж слабше аркебузы бьёт. Просто медленно, да и маловато у врага этих самых арбалетов...

Ничего, потери терпимые. Четвёртый залп сержанты скомандовали сами, без его распоряжения. Ангус хорошо слышал звон, с которым пули пробивали щиты — и, без сомнения, доспехи с телами позади них. Разве только кому-то из бойцов Валида очень повезёт.

Однако отказать Святому Воинству в присутствии духа было нельзя. Поняв, что перестрелка сулит лишь довольно глупую гибель, а переть вверх по лестнице наёмники особо и не спешат, отборные воины халифата предпочли действовать решительно. Команд с такого расстояния расслышать было нельзя, но они определённо последовали: по-прежнему прикрываясь щитами, люди в позолоченных доспехах опустили копыя и весьма добротнo, не ломая строй, двинулись вперёд.

— Да, яйца-то у них есть... — пробурчал Ангус под нос. — Стрелки вниз! Пики к бою!

Можно было рискнуть, дав ещё один-два залпа, но лейтенант не видел в этом смысла. Пираты всё равно продолжали пальбу, а как только копейщики Валида завяжутся с пикинерами «ржавых» — Регендорф пошлёт ребят с двуручными мечами и алебардами в обход строя. Он не дурак, и без команды.

Если прямо сейчас в задницу боевому порядку не прискачет пара-тройка сотен всадников — ничто дворцу уже не поможет.

События последнего часа с трудом укладывались у Ирмы в голове. С тех пор, как пошёл прахом план добраться до лагеря, лимландка успела мысленно попрощаться со всем, чем только можно.

Кто бы мог подумать, что на самом деле ей повезло?

Хотя Алим сто раз сидел за столом в метре от неё, да и в лагере Ржавого отряда бывал, Ирма со страху еле-еле узнала его. Юноша едва достучался до женщины, уверяя, что не враг и действует сейчас в интересах наёмников.

Рассказ про корабли тоже показался неубедительным. Ирма слышала о капитане Вальверде, и не раз: это, положим, далеко не Вальдемар ван Стекелен — однако среди добрых друзей Шеймуса пиратка не значилась. Можно было подумать, будто Ирму обманывают, чтобы успокоить. В обратном убедили две вещи.

Во-первых, скоро лимландка увидела Фархану — и вот её, похоже, до сих пор действительно обманывали. Легко догадаться по тому, какую истерику девушка закатила, уже на борту лодки узнав в этом грязном и окровавленном создании Ирму. Дело было не в самой Ирме, конечно — просто мураддинка совсем не планировала больше встречаться с наёмниками.

Во-вторых, недавно скрутившие Ирму мураддины не просто извинились: мол, так было нужно, чтобы без лишнего шума. Её вернули кинжал, причём даже без просьбы. А пленников никто не вооружает, пусть даже речь о маленьком клиночке.

Дорогу от той самой улицы до красивого галеона Ирма запомнила плохо. Под конец она потеряла сознание: совсем не помнила, как поднялась наверх, что за люди оказались на палубе. Пришла в себя уже в трюме: приятно прохладном, тёмном и на удивление сухом.

Её, оказывается, успели перевязать — на этот раз толково, а не как в забитой наёмниками таверне. Даже жалкие остатки некогда прекрасного платья вернули на место, заботливо дополнив то ли плащом, то ли одеялом. Туго обхватившие грудь бинты мешали дышать, зато рёбра теперь почти не болели, да и раны со ссадинами почти унялись: их чем-то смазали, а на губах остался привкус маковой настойки.

Можно сказать, что Ирма почувствовала себя неплохо. Разве только слипшиеся и перепутанные волосы ужасно раздражали. Гребня под рукой не было, так что лимландка стала приводить их в хоть какой-то порядок пальцами, но тут услышала знакомый голос.

— Послушай... я ни в чём не виновата.

Ирма обернулась и не сразу заметила в тёмном углу Фархану.

Должно быть, у мураддинки тоже вышла не самая простая ночь, однако она выглядела гораздо лучше Ирмы. Перепугана вусмерть, но хотя бы не раненая, чистая и прекрасно одетая.

— Что-что?

— Я не виновата!.. — голос Фарханы дрогнул. — Я не хотела ничего... такого. Ты же знаешь всю историю. Я просто... хотела связаться с друзьями отца, я...

— Ты сбежала.

— Но я же! Я же...

Теперь мураддинка расплакалась, и вполне искренне.

— Но они отвели меня к Сулиму!

— К жрецу?

Фархана закивала. Ирма не была в особых ладах с арифметикой, однако умела сложить два плюс два — ясно, о чём у Сулима с Фарханой пошёл разговор. Так что Шеймус был

совершенно прав насчёт случившегося.

Кстати, Шеймус...

Ирме снова стало отнюдь не хорошо.

— Ну ты же понимаешь, что я не хотела... ничего плохого. Ты должна им всё объяснить!

— Не уверена, что смогу.

Лимландка даже не была уверена, что по-прежнему есть кому объяснять.

— Но ты же понимаешь, что...

— О, я эту историю понимаю лучше тебя самой, уж поверь.

Чистая правда. Ирма и не боялась признаться себе, что было время, когда она с радостью поступила бы точно так, как Фархана. Кабы только могла. Но то время уже очень далеко.

Фархана, не вставая, перебралась из угла к Ирме, взяла её за руки. Она громко хлюпала носом и прерывисто дышала. До девочки дошло, конечно, что теперь ничего особо хорошего её не ждёт — и кроме Ирмы, рассчитывать больше абсолютно точно не на кого.

— Ирма, пожалуйста, помоги мне. Я... только ты можешь... Пойми, я не хотела так, я... это всё ошибка! Это всё одна большая ошибка!

Фархана заревела, бросившись Ирме на грудь. Лимландка обняла её, пригладила мягкие, приятно пахнущие волосы. Да, она прекрасно понимала Фархану. Да, это стечение обстоятельств — с того самого момента, когда дочь богатого вельможи случайно столкнулась с известными прелестями войны, о которых Ирма знала не понаслышке.

— Ты права, девочка. — шепнула она Фархане. — Это всё большая ошибка.

Мураддинка продолжала плакать, обхватив Ирму плотнее, чем бинты на груди. Ирма прижалась к мокрой от слёз щеке.

— Это ведь я уговорила капитана оставить тебя в живых. Я передавала те записки. Это всё была одна. Большая. Ошибка.

Кинжал выскользнул из ножен и вошёл Фархане под ребро.

Мураддинка издала крик, но очень короткий — Ирма сразу вцепилась ей в горло изо всех сил. Опрокинула и придавила коленями к дощатом полу. Фархана пыталась сопротивляться, но она ведь в жизни не поднимала ничего тяжелее бокала — куда тягаться с урождённой крестьянкой, десять лет таскающей по полям раненых и награбленное?

— Думаешь, я такая жалостливая дура?

Ирма с размаху вонзила кинжал в грудь Фарханы: та задёргалась, но ещё оставалась в сознании. Только выпучила красивые чёрные глаза от боли и ужаса.

— Ты плохо его слушала, сука. Под ржавчиной всегда железо!

Ирма целилась в глаз, но рука немного дрогнула — клинок соскользнул, распоров Фархане щёку и оцарапав пальцы самой лимландке. На плевать: и так живого места нет. Следующим ударом Ирма попала чуть выше ключицы, потом под челюсть, а потом — наконец-то в глаз. Фархана обмякла, но Ирма ещё долго колола её в лицо, сжимая рукоятку обеими руками.

И с каждым ударом она чувствовала себя всё лучше.

Одни духи лесные ведают, почему, но конница ко дворцу так и не пришла. Видать, и правда пыталась гонять ашраинов. Халиф всё равно уже мёртв, а у половины Святого

Воинства родня в домах на западе города, которые сейчас обносят. Наверное, даже очень возжелай Валид того — он бы всё равно не сумел выставить всех своих людей здесь.

Как ни странно, Ангуса это не очень радовало. Имея пики и достаточно бойцов, он чувствовал себя в силах разбить на площади перед дворцом и конницу. А сейчас та конница наверняка скакала в опасной близости от крохотного отряда, с которым ушёл Шеймус. Это беспокоило.

Ну что ж, пусть ашраины жнут на своей пашне: если верить рассказам об их злоключениях, то ой как заслужили.

Ангус вспомнил, как прежде входил в этот великолепный дворец — колоссальный чёрный куб посреди синего города. Ну да: так, будто ему делали великое одолжение. Через маленькую калитку в воротах, сгибаясь.

Теперь калитку вынесли. Внутри, конечно, оказались вооружённые люди, но драться с ними никто не стал: внутрь накидали гранат, а после стреляли до тех пор, пока некому оказалось помешать наёмника открыть позолоченные ворота самым торжественным образом.

Ангус вошёл во дворец, словно сам халиф, и с удовольствием плюнул на отполированный мраморный пол. Потом махнул рукой Вальверде: мол, за мной! Знакомой дорогой: лейтенант в общих чертах представлял, где тут что.

Первым, кого он увидел во внутреннем дворе, оказался Валид.

Мураддинский полководец сидел на бортике фонтана, болезненно скривившись, склонив голову — чем-то напоминал теперь Шеймуса, как ни удивительно. Вокруг манерно вышагивали павлины: птицам не было никакого дела до происходящего. Большая часть людей Валида полегла на лестнице перед дворцом — теперь ему только павлинами и командовать, пожалуй... Да слугами халифа, что прятались по углам.

На вошедших ар-Гасан бросил совсем короткий взгляд — и снова отвёл его в сторону.

— Где Висельник?

— Его тут нет.

— Я хочу с ним драться.

Ангус рассмеялся так, что едва живот не надорвал. До чего же всё стало похоже на Фадл! Жаль, Вальверде не понимает иронии: она мало знает о тех событиях и едва ли хорошо владеет мураддинским.

— Смешно! Решил уподобиться сынку Камалия?

Валид рассвирепел. По тому, сколь неловко от вскочил на ноги, Ангус понял: серьёзно ранен. Как пить дать, дело в той самой пуле.

— Не сравнивай меня с этим щенком! Я не самоубийца. Я дрался с Висельником у тебя на глазах! И готов был драться ещё в Рачтонге: мне запретили. Вы... дети блудниц... вы пустили в святейший город поганых голодранцев, вы убили халифа, вы жжёте и грабите на своём пути... вы...

Валид закашлялся. Похоже, он был нынче ещё более плох, чем Ангусу показалось сначала — но держаться молодцом силился изо всей мочи.

— ... вы жалкие люди. Вы ничего не создаете. Вы не приносите пользы. Вы не творите никакого блага. Вы... вы можете только разрушать, ничего больше. Но надо признать... это у вас получается. Я убил вашего друга, и это случилось в славной битве. Теперь я хочу драться с Висельником. Мы с ним уже скрестили оружие, и он понял, чем я отличаюсь от сына гнусного предателя. Даже вы, подонки, можете хоть раз поступить достойно!

— Охереть, какие красивые слова! Я бы снял шляпу, да на мне нынче шлем. Валид, ты ведёшь себя глупо. Никто не станет драться с тобой, а особенно капитан.

— Ну почему же... — вдруг послышалось из-за спины гвендла. — Я стану.

Ангус закатил глаза. Ну что за рыцарская идиотия? Что один, что другой... Конечно, это был голос Регендорфа. Он, побряцывая неизменным полным доспехом, начищенным лучше местных полов, вышел вперёд.

— Перегрелся в железе? Заняться нечем?

— Помнишь, Ангус, мы с тобой говорили о рыцарстве?

— Говорили сто раз.

— Так вот: Валид прекрасно понимает, что это такое. Я хочу сразиться с ним, потому что это будет по-рыцарски.

— Ну трындец. Нашли друг друга! Ещё поцелуйтесь, благородные мои! Кстати, если не заметил, он уже одной ногой в могиле. Драться с ним точно по-рыцарски?

— Тут важен не результат, а...

— Я не буду драться с тобой! Я хочу драться с Висельником!

Крик, в который Валид вложил едва ли не последние силы, оборвал довольно нелепую дискуссию гвендла с норшгатцем.

— Почтенный Валид! — Регендорф начал занятно, учитывая все слова, которые ар-Гасан только что сказал о наёмниках. — Вы, без сомнения, человек чести, и я тоже знаю о ней не понаслышке. Я не всегда был наёмником. Когда-то я носил высокий титул, и хоть оказалось, что его у человека не так уж трудно отобрать — но рыцарство отобрать нельзя! Мы оба всю жизнь кому-то служим, таков наш благородный долг. Вы достойно сражались за своего господина, даже когда он погиб. Я хочу сразиться с вами за своего!

Ангус уже не знал, смеяться ему или плакать. Видимо, Регендорфу давно не хватало чего-то в этом духе — заела норшгатского лейтенанта тоска по былым временам. До той истории, из которой он вышел позором благородной семьи. Как недавно за столом говорили: ленточку на копьё повязать надо... почаще повязывать.

— Ну хорошо. — ответил Валид после некоторых раздумий.

— Регендорф, а ты в курсе, что нынче третий в отряде? Раз уж этот козлина завалила Люлью... Не стыдно заниматься ерундой?

— Ты к месту вспомнил о Люлье. Это ещё одна причина, по которой я хочу убить Валида.

Регендорф извлёк свой великолепный меч и шагнул вперёд с настолько серьёзным видом, что на краткий миг Ангус даже немного зауважал рыцарство. Валид вышел навстречу латнику, заметно шатаясь, но при том весьма уверенно держа саблю.

К счастью, странная комедия на том и завершилась: прямо над ухом Ангуса прозвучал выстрел, и Валид рухнул, как подкошенный. Регендорф, так и не сменив изящной фехтовальной изготовки, обернулся через плечо: его лица не было видно под забралом, но глаза в прорези выражали полное недоумение. И даже какую-то досаду. Он напоминал ребёнка, у которого неожиданно отняли игрушку.

Вальверде опустила пистолет.

— Скукотища. Надоело. Хей, вы! Отдавайте золото!

Алим был весьма раздосадован, но не мог в полной мере выразить это словами по двум

очень веским причинам. Первой было безупречное воспитание, второй — то, что эти люди ему не подчинялись.

— Я ведь говорил: не держите их вместе!

Пират развёл руками.

— Рыжая-то совсем без чувств была. Ну вот мы и того...

На деле это означало что-то вроде «не вникли мы, мураддин, в твои распоряжения, и вообще не твоего это ума дело — как нам содержать людей на нашем корабле». Просто моряки Вальверде, как ни странно при их роде занятий, тоже были неплохо воспитаны. По крайней мере — те, кто общался с Алимом и другими ценными партнёрами.

— Понимаю. Мураддинке уже не поможешь, а что с ней?

Ирма на первый взгляд подавала не больше признаков жизни, чем залитая кровью Фархана.

— С ней-то порядок. Истерила всю, как воши. Ну, мы не знали особо, что делать... короче, влили ей ещё макового. Вот и спит.

— Пусть спит.

Делать нечего. Алим коротко поблагодарил пиратов и поднялся из трюма: там, снаружи, уже занимался рассвет. На палубе, среди множества людей в цветастых пиратских и наёмничьих одеждах, он заметил двух самых нужных: Шеймуса и Вальверде. Капитан Ржавого отряда, хоть едва держался на ногах и лицом напоминал не вполне оживший труп, спорил с пираткой до крайности упорно.

— Нет, милый. — Вальверде назидательно потрясла пальцем. — При всём уважении, сейчас ты на корабле. А на корабле есть только один капитан, и это я. Так что дуй к своей голубе под палубу и жди врача. Мы тут с Ангусом сами разберёмся!

Ближайший помощник, с виду как раз бодрый, убеждал капитана в том же самом. «Дочь морей» слегка покачивалась на волнах в бухте. Корабли Вальверде уже заполнились людьми под завязку, что также вызывало у Шеймуса беспокойство.

— Не ссы, дорогой. Вон, глянь на порт: там мураддинских посудин до задницы. Реквизируем что подходящее и до Аззинийских островов уж как-нибудь дойдём. Без особых, может, удобств, но обязательно дойдём. Там разберёмся. Золотишка хватит — это в Марисолеме, ты уж будь готов, почти всё на взятки уйдёт, сколько ни привези. Сам понимаешь, чего мы наворотили... Балеарцы прощают что угодно, но не бесплатно. Я в том уже убедился.

Алим окинул взглядом панораму родного города. Немалую его часть из-за дыма теперь увидеть не получалось — даже огромный дворец халифа тёмными клубами почти заволокло. Кое-куда, пожалуй, лучше было вовсе не смотреть. К тому же погром в Альма-Азраке продолжался: никто не выдворял из столицы ашраинов.

— Всё, иди к своей рыжухе, будь так добр!

Один капитан наконец-то послушался другого.

Днём огромный город окажется на треть сожжён, на треть разграблен, да и судьба оставшейся его трети туманна. Не будь многолетних наставлений отца о благе семьи и том, как ар-Малави всегда извлекают выгоду — Алим сейчас испытывал бы глубокую скорбь.

Но скорби не было, хотя он даже не имел понятия, что случилось с собственной невестой. Положа руку на сердце — судьба Лейлы юношу вовсе не беспокоила. Ему эту самую судьбу вверить не успели: помолвка не возлагает подобной ответственности.

А если абстрагироваться от всех лишних, совершенно бесполезных чувств — зрелище,

которое раскинулось перед Алимом, завораживало. Единицы людей в истории видели подобное: хотя бы потому, что равных Альма-Азраку городов в мире только один, два... может быть, три. И подобный судный день для них наступает, мягко выражаясь, нечасто.

Алим долго стоял у борта «Дочери морей», наблюдая за гибелью всего, что было ему привычно и мило с детства. По-своему прекрасное ощущение: можно сказать, очищающее душу. Будущее сквозь дым и огонь Альма-Азрака молодой ар-Малави видел в исключительно светлых тонах, захватывающим и притягательным.

Ужасные сердца у нынешних людей: Алим иногда сам себе удивлялся. Как ему удаётся так спокойно смотреть на столь страшные вещи? Как он с такой лёгкостью совершает аморальные поступки?

Прошло немало времени, прежде чем юноша опять спустился под палубу и постучал в дверь каюты.

— Входите.

Шеймус сидел, прислонившись к переборке, прямо на полу: иначе бы удобно устроиться не смог, больно низкие потолки. Он был обнажён по пояс, перемотан свежими повязками — на груди и запрокинутой голове. Капитан держал Ирму на руках, прижимал к груди: словно ребёнка, ведь ребёнком женщина рядом с этим гигантом и казалась. Она мирно спала.

Эта картина удивила Алима трогательностью. Он не ожидал подобного. Шеймус не обернулся: смотрел на спящую и не спешил отрываться. Но наконец всё-таки медленно повернул голову. Голос был едва слышен.

— Алим, я этого не забуду.

Без сомнений. Ради того Алим и действовал: пускай получилось не так, как было задумано — но вышло, возможно, даже лучше. Все концы небольшой отцовской интриги в воду — вместе с жизнями Сулима и Фарханы, а в финале — такая очаровательная сцена! Почти как в сказке, только уж больно кровавой и запутанной.

— Ах, капитан... знаете, я как раз хотел попросить вас кое о чём.

— Просите о чём угодно.

— Моя просьба может показаться весьма странной, но если нужно — я подробно всё объясню. Дело состоит вот в чём...

Тёплые волны накатывали на берег — широкий пляж из ослепительно белого, похожего на снег песка. Ветер слегка раскачивал кроны пальм. За пляжем начинался пологий подъём, переходящий в большие площадки из камня: одна на другой, они образовывали подобие лестницы. И вели к прекрасному дворцу, стоящему в глубине острова. Солнце уже опускалось в море, так что во дворце зажгли огни. Там звучало множество голосов, музыка — готовился праздник.

Однако на пляже настроение было не праздничное, конечно.

Ангус построил на песке всех ходячих, отрядные женщины тоже были здесь — кто поодиночке, кто небольшими компаниями тут и там.

Шеймус встал перед строем, спиной к закату. Мураддинского халата на нём теперь не было: капитан облачился в яркие аззинийские одежды, поверх которых набросил «ржавый» плащ. Плащ был новый, но к удивлению Ангуса — как и прежде, украшенный тигровой шкурой. Кто её в Альма-Азраке умудрился спереть, где и в какой момент, лейтенант понятия не имел.

Однако это был, если подумать, символ: утрачено многое из нажитого за последние годы, но не всё.

Барабанщики отбили дробь, предвещающую речь командира.

— Люлью любили не все. — начал он. — И причины тому понятны. Не осуждаю таких, хотя лично мне были безразличны вкусы человека, стоявшего у истоков отряда. Люлья был среди тех, с кого всё началось: полусотни оборванных недобитков в ржавой броне. Тогда нас спросили, кто теперь главный, и многие считали, что главный — именно Люлья. Но он не вышел вперёд, не сказал этого. Я же вышел и сказал. Немного осталось тех, кто это видел. Некоторых их них мы тоже потеряли в Альма-Азраке.

Голос Шеймуса звучал превосходно: чётко, легко заглушая прибой и противостоя ветру. Хотя сам капитан пока выглядел, признаться, не очень хорошо.

— Да, наши потери велики. Но что скажешь? Кто-то должен умирать, а кто-то должен идти дальше. Лучшие бойцы покидают наши ряды, но молодые надевают плащи и встают на их места. Под нашим знаменем нет незаменимых людей, однако нет и таких, кого мы не ценим. Каждый из нас — заменимая, но неотъемлемая часть. Никакие потери не остановят Ржавый Отряд, однако все они будут оплаканы, потому что никто под этим знаменем — не чужой любому другому.

Наёмники слушали в полном молчании.

— Все вы слышали от меня о главном: каждый здесь может рассчитывать, что когда ослабнет — товарищ подставит ему плечо, когда окажется ранен — его прикроют щитом, а когда погибнет — тело вынесут с поля боя и совершат над ним милый мёртвому обряд. Увы, в этот раз мы смогли забрать немногих из наших мертвецов. И даже тех не смогли похоронить иначе, как в море. Это печально, но ничто не помешает нам помянуть друзей как следует. Сейчас мы пойдём ко дворцу любезного царя Олуджими. Мы будем пить, будем есть и будем славить всех, кто не добрался до этих прекрасных островов. А после наш путь ляжет на север: как и обещал, я верну вас на берега Ульмиса. Уверен, что новая война на пороге — и мы славно сразимся в этой войне!

— Ржавеет железное! — подытожил Ангус.

— РЖАВЕЕТ ЖЕЛЕЗНОЕ!!! — раскатилось по пляжу.

Кто как, а Ангус не очень-то грустил, если честно — похоронил уже больно многих. Предстоящие яства и вино на столах азийниского царя — а особенно, конечно, столь полюбившиеся гвендлу аззинийки, уже поднимали настроение.

Ирма последний раз посмотрела в зеркало — немного поправила волосы и украшения.

Всё, что не было на ней в тот ужасный вечер, осталось в Альма-Азраке — ценности из дворца растащили нападавшие. Пёс с ними: как пришло, так и ушло. Но лимландке даже не пришлось рыться в трофеях из мураддинской столицы.

Олуджими Великий, аззинийский правитель, души не чаял в Шеймусе. Правда, он что тогда, что теперь очень чётко обозначал пределы этой любви: бесконечно рад видеть наёмников в гостях, но ненадолго. Это означало, что перед дорогой в Балеарию выйдет лишь короткая передышка, однако насчёт нарядов и побрякушек... Едва Ирма заикнулась, что ей не в чем прийти на праздник, как её буквально завалили платьями и драгоценностями. Наряды, конечно, опять не ульмисийские — скроенные по местной моде, которую в Лимланде нашли бы очень странной. Но к подобному Ирма уже привыкла.

В этом-то плане всё было хорошо. Да и раны почти зажили: рёбра больше не болели, только колено иногда заставляло хромать.

Не нравилось женщине другое. До сих пор она толком и не поговорила с капитаном. С конца той ночи в Альма-Азраке и на несколько первых дней морского пути Ирма просто ничего не помнила — полное забытие из-за маковых снадобий. Шеймус приходил в себя почти неделю, в это время категорически не желая видеть никого, кроме Кресса. Да и врачу-то не был особенно рад. Потом капитан по каким-то делам отряда перебрался с «Дочери морей» на «Гнев королевы Анхелики», который в непогоду ещё и отстал от остальной эскадры. По сути увиделись они только здесь, на островах — спустя около двух недель. И то мельком.

А надо было хоть что-то сказать — и уж явно не на пиру у Олуджими, а...

Размышляя на эту тему, Ирма вышла из покоев и буквально врезалась в Шеймуса, коего совсем не ожидала встретить прямо за дверью.

— О, ты прекрасно выглядишь. Не то что я, правда?

Шеймус и прежде, что кривить душой, красавцем не был. Нынче его рябое лицо оставалось ещё и до крайности бледным повсюду, где его не покрывали пятна и веснушки. И совсем осунулось: будто кожа на голом черепе. Да ещё вместо брови и половины лба — один большой рубец, а через другую сторону лица протянулся пока даже не шрам — лишь недавно избавленная от швов рана, пересекающая рот. Ирма осторожно коснулась её пальцами.

— Глупости. Я люблю все твои шрамы.

— О, это многое объясняет. Пойдём: Олуджими недавно нанял учителя балеарского. Наверняка так и ждёт возможности осыпать тебя комплиментами.

— Очень кстати, что я сама-то по-балеарски...

— Тебе так только кажется. Приедем в Марисолему — увидишь: там многие говорят хуже тебя.

Они прошли по длинному коридору к помпезной полукруглой лестнице, спускающейся во двор: Олуджими предпочитал пировать на свежем воздухе, пользуясь благами климата этих райских островов.

Дворец царя аззинийцев был, конечно, не настолько великолепен, как мураддинские. Зато он стоял не в городе, а был окаймлён экзотическими лесом и выходил фасадом прямо к океану.

Во дворе уже всё было готово. Столы тянулись колонной отсюда и прямо до воды: здесь — главные, для царя, его свиты, командиров наёмников и Вальверде, дальше — для всех остальных. Простым солдатам и морякам предстояло пировать на пляже, однако ни о ком из них не забыли. Внизу сновали чёрные слуги, разносящие вино и блюда, важно восседали великолепно одетые чёрные вельможи и их ухоженные чёрные женщины.

Рядом были лейтенанты — теперь их всего трое. Ангус и Бенедикт успели набраться и были веселы, а вот Регендорф только смотрел на закат. Он не пил и ни с кем не разговаривал.

— Жаль, аззинийцы давно не воюют. Нужно было и дальше работать на них.

— Вот уж правда.

Во главе самого широкого стола возвышался Олуджими. Он даже по меркам аззинийцев был огромного роста — единственный на памяти Ирмы человек, уступавший Шеймусу менее чем на голову. А ещё царь отличался неприлично тучной фигурой: не столь уж меньше в ширину, чем в высоту. Драгоценностей из золота, серебра, жемчуга и камней владыка Аззинийских островов носил столь много, что они могли сойти за доспех.

Капитан уже хотел спускаться, но Ирма удержала его, приобняв.

— Послушай, я хотела сказать... про Фархану и прочее. Я такая дура, я...

— Брось это всё. — капитан прижал Ирму к себе: настолько мягко, насколько у него вообще получалось. — Я тебя не виню, да в конечном счёте за всё отвечаю сам. И раз уж ты нашла столь, кхым, подходящий момент для объяснений... Словом, мне не следовало так с тобой поступать. Это неправильно и больше не повторится.

Это не «извини», конечно, но чего ещё ожидать? Даже прозвучавшее было для капитана, мягко говоря, необычно.

— Я давно простила. — ответила Ирма, сама не будучи точно уверена, что конкретно имеет в виду. — Я люблю тебя.

— Я знаю.

Оставалось только догадываться, имеет ли Шеймус в виду оба пункта.

Тем временем Олуджими заметил пару наверху. Он растянул огромный рот в улыбке, поистине ослепительной обисидианово-чёрной коже, и энергично замахал руками — идите сюда! Ну что ж, пора.

Веселились вовсю ещё на закате, но настоящая жара началась ночью. Дворец сиял вдалеке, но света хватало и на пляже: чернокожие слуги развели костры, притащили жаровни, а неподалёку аззинийцы и вовсе устроили что-то вроде выступления мураддинских факиров — только на свой лад. Пляски у них были, честно говоря, какие-то обезьяньи — зато местные танцовщицы носили так мало одежды, что её считай и не было. Кеннет следил за чёрными красавицами пристально: что едва жратву с вином мимо рта не проносил.

Карл, разумеется, ровно в той же степени интересовался именно едой. Он поглощал всё, до чего дотягивался, с таким рвением, что кабы Ржавый Отряд воевал против рыб и других тварей морских, от коих ломился стол — Карлу прямая дорога сразу в сержанты, если не выше.

Игги задумался: может ли он вообще сказать о Карле что-то, кроме «он отлично стреляет» и «он много жрёт»? Некоторые люди настолько бесхитростны, что описать их — та ещё задачка. Даже Хуан, при своей-то роже обзаведясь на удивление завидной подружкой, оказался куда менее прост.

— У меня есть, ик, план. — шепнул десятнику Кеннет.

— Какой?

Юный командир сам был уже очень нетрезв. И останавливаться не собирался.

— Речь идёт о вине. Вот смотри: мы, значит, солдаты. Так?

— Ооопределённо.

— Ну вот, и ставят нам чего попроще. Но плащи при нас, правильно? Пойдём туды.

Сержанты всякие и прочие в пляс пустились с чёрненькими. Баб, я думаю, нам хватит и так, а вот что вино к дворцу ближе получше — это я прям уверен. У-у-у... уведём.

— План, я скажу, достойный.

— Ну тогда веди. Ты ж командир.

Пошатываясь, солдаты двинулись вдоль столов — прочь от берега, к дворцу.

Надо признать, пир являл собой очаровательную картину единения. Наёмники повсюду сидели вперемешку с пиратами — все пили вместе, братались и хором распевали то строевые, то морские песни. Общий язык люди Шеймуса и Вальверде нашли легко: как отметил один парень с «Гнева королевы Анхелики», объясняя феномен своим — «эти вроде как мы, только на суше». Вполне справедливо.

Игги с Кеннетом почти достигли цели, но тут юноша заметил Гретель.

Он уже слышал, конечно: жива. Однако встретиться не удалось — Игги плыл на «Гневе королевы Анхелики», а норшгатка оказалась на одном из тех судёнышек, которые пираты позаимствовали у мураддинов. Здесь же, на островах — поди найди кого-нибудь! Полное столпотворение с самой высадки и до сих пор.

Если честно, Игги даже чуть-чуть позабыл о Гретель. Самую капельку. Но стоило увидеть теперь...

Гретель по обыкновению сидела на краю стола, закинув ногу за ногу. В одной руке она держала здоровенный серебрянный кубок, явно прихваченный во дворце, а на пальцы другой игриво наматывала свои прекрасные светлые волосы. О да, конечно, Гретель была в центре внимания — как всегда. Желающих пообщаться с ней или хотя бы поглазеть собралось с десяток. В основном это были пираты.

Норшгатка надела нынче местное платье — белое, повсюду расшитое красными цветами, и такой показалась Игги ещё красивее, чем обычно. Хотя в юноше могло говорить выпитое и пережитое, как знать...

Кеннет толкнул его локтем.

— Ну чавось? Иди к ней, раз такое дело. А этих водоплавающих мы, если чо...

— Ну...

Игги смутился. Почему-то он совсем не представлял, что скажет Гретель. Мол, помнишь, мы тогда — перед боем в Альма-Азраке, когда напились... так, что ли? Или: знаешь, Фархану-то твоя подруга всё равно порешила, так что я на эту тему больше не беспокоюсь, зато...

— Иди, говорю. Горе-командир...

Игги шагнул к столу, вытащил из-под чьего-то носа кружку, как следует хлебнул. И наконец принял решение.

Уже далеко за полночь, когда где-то веселье приобрело совсем буйный и разнузданный характер, а где-то перетекло в протяжные песни и философские беседы, Ирма осталась за столом одна.

Шеймус поднялся по той самой лестнице: наверху он беседовал с царём, по инициативе владыки островов. Серьёзный, надо полагать, разговор. Настолько серьёзный, что время для него настало именно в подобный момент.

Ирма не собиралась вникать в такие дела — недавно уже попробовала, и чем всё обернулось? Гретель, хорошенько напившись, куда-то ускакала, да и лейтенантам было не до Ирмы. Она думала было поговорить с Регендорфом, попробовать осторожно утешить его — но не решилась.

Только один человек неотрывно следил за ней. Айко, как положено при его должности, держался чуть в стороне, но оставался внимателен и не пил. Он быстро оправился от раны, нанесённой Валидом: это Лось до сих пор не встал на ноги. Но и не умер — в отличие от Валфри и Идвига.

Идвиг, кстати, просил его почаще вспоминать. Хорошо, всё по-честному: вот, вспомнила.

Ирма была уже на волосок от того, чтобы пуститься в ненужные размышления, но тут кто-то плюхнулся в свободное плетёное кресло рядом с ней.

— Хей, кто тут у нас скучает...

Вальверде была одета подобающе пиру, но как мужчина — и женщину в ней не каждый бы сразу узнал.

— Я... нет, не скучаю.

— Как же не скучаешь: вон, твой милочек дела решает... А я хотел получше тебя рассмотреть. Вот ты, значит, какая... ром будешь? Винище не по мне.

И правда: в руке у Вальверде была бутылка, наполненная явно не вином.

— Нет, благодарю.

— Будешь-будешь.

Пиратка беспардонно приобняла Ирму и плеснула ей в бокал рома. Сама пила прямо из бутылки, о приличиях не заботясь.

— Пей, кому говорю! Вот уж не бойся, не отравя.

Пришлось выпить. Ром Ирме совсем не понравился, но она сделала вид, будто всё наоборот. Вальверде одобрительно кивнула и налила ещё, не забыв глотнуть сама.

— И давно ты с ним?

Ирма уже поняла, что уклониться от разговора будет крайне сложно. Можно даже не пытаться.

— Десять лет.

— Хей, десять лет! Это немало. Хорошо... Но я его знаю вдвое дольше. И вот как раз потому хотел кое в чём убедиться, скажем так...

— В чём?

— Ну, я был удивлён, что он женился и...

— Я ему не жена.

— Ага-ага. Ну да, конечно, я так и понял. Как скажешь, как скажешь. Не жена — так не жена. Мне-то насрать на венчания всякие.

— Вы не верите ни в каких богов?

— Я верю, что они все гнусные мудаки.

По крайней мере, Отец Пустыни не показался Ирме мудаком — а что бы там ни было насчёт Творца Небесного, но загадочный юноша определённо являлся богом или чем-то вроде того. Ладно...

— И в чём вы хотели убедиться?

— А вот в чём.

Вальверде вышила ещё рома, но Ирме больше не предложила.

— Я хотел убедиться, милочка, что ты не какая-то вонючая вертихвостка, что прилепилась к нему цапек и платиц ради. А как ветер в другую сторону подует, так агась — сама знаешь, как такие дела делаются. Так что ответь-ка мне, рыжик, начистоту. Врать не советую: я блядей всяких насквозь вижу. Любишь его?

Пиратка вроде бы не агрессивным жестом, но весьма жёстко прихватила Ирму за щеку, вынудив смотреть себе прямо в глаза. А глаза-то у этой женщины в мужском платье были, признаться, пугающие. Это даже не омуты, это два океана: глубокие чёрные моря.

— Люблю.

— Очень на это надеюсь. Потому что, душечка, если ты его подведёшь — ооо... знаешь, даже будь я к тому времени на дне, обглоданным до костей рыбами и облепленным ракушками, и будь моя душа заключена в тёмных чертогах любого склизкого морского бога на сотню замков... О, клянусь, тогда я всё равно восстал бы из пучины мстительным духом глубин, сверкая глазами во тьме и изрыгая дым из носа, как из пушек. И я нашёл бы тебя, пусть даже ты давно забралась на самую высокую гору или в самый тёмный лес. Забил бы твою глотку, лгавшую насчёт любви, тинной морскою, выпустил бы тебе потроха, как селёдке, а потом перерезал бы горло от уха до уха, прямо вдоль этого прекрасного ожерелья. Смекаешь?..

У Ирмы пересохло во рту. Она вроде и попыталась ответить, но язык не ворочался. Вальверде вдруг хлопнула лимландку по плечу — и во весь голос, громогласно и звонко, рассмеялась.

— Шучу! Хотя... в каждой шутке есть доля шутки, милая. Выпей-ка со мной ещё.

Бокал Ирмы звякнул об горлышко бутылки. Вальверде улыбнулась, как-то не совсем по-человечески — словно правда была частью таинственных морских сил.

— Ты хорошая баба, Ирма. — заключила она. — Ты ему подходишь.

Праздник оставил Алима ар-Малави, получившего почётное место рядом с азинийским царём, почти равнодушным. Он любезничал со всеми, конечно, охотно выпивал, даже станцевал пару раз: то ли с одной и той же, то ли с разными девушкам — поди разбери азиниек, все на одно лицо. Не то дочки, не то внучки Олуджими. Красивые, конечно...

Но было не до них.

Отец своё распоряжение отдал не лично: запиской. Её Алим, прежде чем бросить за борт, прочёл раз сто — и теперь помнил наизусть, постоянно повторял в голове.

«Сын, ты славно потрудился на благо семьи, доказав верность и прекрасные способности. На какое-то время тебе придётся покинуть мураддинские земли: это нужно, чтобы отвести ряд подозрений и возможных обвинений от твоих братьев и меня самого. Скоро, не сомневайся, имя Алима ар-Малави в халифате будет полностью защищено от

всяких хулителей. А пока тебе следует держаться поближе к Висельнику. Моим друзьям в Балеарии ты, занимая подобное положение, окажешься очень полезен. Когда придешь в Марисолему, с тобой свяжутся»

Вот такой отеческий наказ. Ну что же... общество Шеймуса и его офицеров Алим нравилось, а побывать в Балеарии и прочих землях Ульмиса он мечтал большую часть жизни. Это гораздо интереснее свадьбы! Тем более — если ожидается волнующее задание на благо друзей отца и, следовательно, самих ар-Малави.

Алим жестом попросил слугу освежить кубок. Чуть-чуть пригубил терпкое вино. Окинул взглядом соседей по столу: гогочущего в обнимку с чернокожей женщиной Ангуса, тихо беседующего о чём-то со смурным норштатским рыцарем Бенедикта.

Похоже, он сам стал наёмником.

Интерлюдия. Дни прошлого

Отряд разбил лагерь у моря: уже холодного, лето заканчивалось. Здесь к воде ещё можно было кое-как подойти — берег крутой и каменистый, но настоящие скалы начинались дальше на север. Отсюда они были хорошо видны. Волны с приятным шумом накатывались на гальку, дул свежий бриз.

Но Валли, бодрый конопатый десятилетка, к морю был совершенно равнодушен. Даром что сам родился на побережье, недалеко от этих краёв. Мальчика куда больше занимали лошади, и это совсем неудивительно: расти довелось в конном отряде.

— А это Плачущие скалы, да?

— Они самые, дружок.

— А почему скалы так называются?

Алерик, отрядный священник, выглядел не особенно благообразно: клеймо каторжанина на лице безнадёжно выдавало прошлое, да и меч к рясе не шёл. Однако это был добрый старик, добрый ко всем — и к Валли, пожалуй, особенно.

— Когда поднимается сильный ветер, он так воет в этих скалах, что будто дева плачет. Думаю, ты сам это скоро услышишь.

— Отец возьмёт меня с собой?

— Насколько я понял, да. Возьмёт. Вчера он говорил об этом.

Валли это не очень обрадовало. Ему нравилось всюду ходить вместе с папой, но... Алерик прекрасно понимал, почему мальчик взволнован. Положил руку ему на плечо, посмотрел в глаза, сердечно улыбнулся.

— Не бойся. Всё будет хорошо.

— Я знаю. Я ничего не боюсь!

Это было неправдой, но Валли давно усвоил, что о некоторых вещах врать необходимо. Особенно самому себе. Повторишь такое сто раз — и сам поверишь. А если командир сам не верит в себя, за ним никто не пойдёт: уж это папа много раз объяснял.

— Сходил бы ты к отцу. Он наверняка уже проснулся и захочет тебя видеть.

Это предложение Валли воспринял с энтузиазмом.

Шатёр отца стоял посередине военного лагеря, больше напоминающего кочевой табор. Солдаты были одеты кто во что горазд, но неизменно ярко, крикливо. Большинство носило лихие усы — подражая командиру, а также заткнутые за пояса пистолеты, кавалерийские сабли. Но вооружённых мужчин в лагере — хорошо ещё, если половина. Тут и там женщины, дети всех возрастов, старики-ремесленники, какие-то музыканты и прочая разношёрстная публика. К отряду постоянно кто-то прибивался — в поисках удачи или ради безопасности, а отец Валли никого не прогонял.

Он настаивал, что сражается за народ и потому всякому честному люду рад. Правда, честность многих спутников отряда была под большим вопросом — но Валли видел в каждом хорошего человека. Пусть очень по-своему, однако хорошего.

Поздним утром кто-то уже брэнчал на лютне, отлынивавшие от работы девушки затянули песню. Парень в шутовском колпаке, которого отряд спас с эшафота неделю назад, ловко жонглировал пятью кинжалами. Зрелище имело огромный успех.

Но то по правую руку — а по левую картина наблюдалась более мрачная. Там к двум толстым столбам приколотили перекладину: получилась импровизированная виселица. В

петлях болталось пять человек, уже не очень свежих. У каждого на груди висела табличка.

«Насильник и убийца», «Конокрад», «Сборщик налогов», «Холуй герцога Геделенского», «Королевский вербовщик». Очень показательный список преступлений.

— Валли! — окликнула мальчика курносовая девушка. — Ну-ка, подь сюды!

Игнис вытащила из сумы маленький свёрток и поманила Валли им.

— Вот, держи!

Внутри оказались жареные каштаны, которые Валли просто обожал.

— Ещё парочку возьми, ещё. Я сама столько не съем.

По дороге Валли ещё успел перебраться парой слов с новобранцами, которые были старше его года так на четыре, попить свежего молока и помочь старому бойцу Эдвину с конём. Наконец он добрался до шатра.

Отец оттуда ещё не вышел, зато рядом сидела на перевёрнутом ведре необычная женщина.

Необычна она была уже тем, что Валли в ней женщину-то не сразу признал. Незнакомка была одета как мужчина, по-военному, на поясе у неё висела короткая сабля. Голову покрывал яркий платок, повязанный на морской манер. От неё буквально пахло морем — так Валли показалось. А ещё женщина была немного смуглой, темноглазой: явно не местная.

— Папа там? — Валли привык, что в отряде его знают абсолютно все.

— Там.

Женщина кивнула в сторону шатра, и теперь Валли заметил безобразный шрам на её щеке. Особой красотой знакомка не отличалась и так, но увечье делало образ откровенно зловещим. Мальчику стало неудобно: наверное, он слишком откровенно пялился на изъян.

— Так ты, значит, Валли? Папаша, видать, хочет заделать тебе братиков и сестричек, пока ещё не поздно. Хей, а это у тебя что? Неужто уже сражаешься?

Она указала на длинный кинжал с круглой гардой, который Валли носил весьма демонстративно.

— Ещё нет. Но папа подарил.

— Покажи.

Валли вытащил кинжал из ножен и протянул женщине. Она осмотрела оружие с очевидным знанием дела.

— Хорошая штука. Только впредь шли посторонних с такими просьбами куда подальше, хорошо? Не надо давать своё оружие абы кому. Плохая примета, знаешь ли: к смерти.

— А как вас зовут?

Женщина рассмеялась.

— Хей... Моё имя, боюсь, слишком известное: детишек им часто пугают. Я тут ненадолго, не бери в голову.

— Так вы не с нами? Я думал, в отряд.

— Не-а. Я сам капитан.

Валли немного удивился, что она сказала «сам», а не «сама» — но рассудил, что чужестранка может плохо знать местный язык.

Тем временем отец показался из шатра. Валли он и не заметил поначалу — в отличие от морячки.

— Ох! Залупа конская, а такое хорошее утро было! И нате... Ты чего приехала-то?

— О, Церклас, я тоже рад тебя видеть.

— Чего приехала, говорю?

— Обсудить пару деловых вопросов, пока ты ещё жив.

— Пока жив!.. Не дождёшься! Ладно, дела — дело деловое. Эй, дорогуши! Эээй Сладенькие мои, дуйте из шатра! Да-да, одевайтесь и дуйте. Видите: дела приехали!..

Церклас Геделенский, среди соратников — Церклас Ебовейший, был мужчиной крупным: ростом метра под два, с широченными плечами и могучей волосатой грудью. Из шатра он вылез в одних подштанниках, так что мощь фигуры командира могли нынче оценить все.

— Выходите, говорю, из шатра! А ты... да, ты! Эээ... Йовин, во! — командир наконец вспомнил имя болтавшегося рядом бойца. — Воды!

— У меня только вино... — солдат показал бурдюк и виновато пожал плечами.

— Да не пить, дуралей! Ведро!

Вскоре отец Валли окатил себя с головы до ног — и сразу стал выглядеть свежее. Холодная вода побежала по длинным рыжим усам. Тем временем из шатра вышли Анеса и Карин: на вид весёлые, но помятые. Ни одна из них не приходилась Валли матерью, но обеих Церклас звал своими жёнами и с обеими разом жил в этом шатре.

Что касается настоящей матери — Валли её никогда не видел и даже имени не знал, но особо горевать по этому поводу не приходилось. Анеса и Карин были весьма добры к мальчику — как, впрочем, и остальные в отряде.

Жёны расцеловали Церкласа и, получив по звонкому шлепку, быстро скрылись из виду. Незнакомка в морской одежде проводила их взглядом.

— Ты, Церклас, не многовато сил потратил с утра? Они скоро пригодятся.

— Да чего там, силы... раз-два — и готово.

— Надеюсь, это ты про своих кобылок, а не про него. С ним-то шутки плохи. Он ещё опаснее, чем кажется.

— Ой, я тя умоляю... пуганого пугаешь. Да ещё при сыне! Валли, ты сегодня со мной поедешь. Посмотришь, как такие вещи делаются. Пора, как-грица, привыкать. А пока дуй-ка к Олафу, у него там эти дураки сидят... как бишь... в общем, прислали которых. Ну ты понял. Приведёшь их. Пускай сюда явятся, как с дорогой гостьей закончу.

— Закончит он... — фыркнула знакомка. — Ты никак закончил уже раза три: битый час жду. Куда больше?

— Ой-ой, шуточки... у меня всё одно скорее на лошадь встанет, чем на тебя. Пошли, поговорим по делу. Я ж понял уже, о чём речь, не дурак. Дурак бы не понял.

Когда Валли вернулся с прибывшими к отцу посланниками, морячки в шатре уже не было — да и вообще след ей простыл, словно бризом унесло. Отец восседал посреди шатра на складном стуле, раскуривая трубку. Теперь он был, конечно, в одежде — самой простой, походной.

— Проходите. Давайте поговорим, раз пришли. И ты, сынку, посиди здесь. Поучись.

Посланники, как оказалось, прибыли от геделенской торговой гильдии и тамошних же крупных цехов. Это были немолодые мужчины, облачённые по городской моде — и очень дорого. Валли редко видел подобных людей. Суть разговора не была ясна мальчику в полной мере: много незнакомых имён и терминов. Но главное он понял.

— Война скоро закончится. — уверенно утверждал отец.

— К сожалению, слова и действия ваших... коллег... подталкивают к обратному предположению. И в этой ситуации мы бы хотели...

— Да ясно, чего бы вы хотели. Всегда одного и того же: золото, золото, золото! Но я,

друзьяшки, за богачей уже навоевался. Я теперь за народ, а народ устал от войны. И от герцога с королём, да и от вас тоже. Войну я скоро закончу, а кто думает, будто выйдет иначе — тому хером по губам. И вот как мы тогда будем жить, после войны — вот это важно. Жить будем по-новому.

— Это станет актуальной темой чуть позже. Сейчас нас больше волнует, например, безопасность дорог. Тех, которые...

Говорили обо всяком до обеда. До обеденного времени, точнее: трапезничать, спровадив послов, не стали. Начали седлать коней.

— Поедешь, сынку, на своей лошади.

Валли разволновался пуще прежнего: ему впервые предстояло преодолеть верхом приличное расстояние, пусть на самом маленьком коне. Мастерству всадника мальчика обучали уже пару лет, но всегда в лагере или ближайших его окрестностях.

— Пора-пора уже, не тушуйся. Так мальчишки становятся мужчинами.

Анеса и Карин провожали Церкласа. Валли ясно видел, что отцовские жёны волнуются, хотя и пытаются это скрыть напускным шутливым настроением. Мужчины, которых командир взял для охраны, выглядели спокойными и собранными.

Подъехал священник Алерик.

— Ты-то куда, родное сердце? Отпевать на месте собрался?

— Благословить.

— Благословениями в этом деле особо не поможешь. Но, с другой стороны, не повредит. Езжай с нами.

— Береги себя... — Анеса поцеловала Церкласа.

Карин сделала то же самое молча.

— Ну не, дорогуши! Это вы меня бережёте: обе две, люблю вас за это. А сам я отчаянным родился и ничем не дорожу! Ждите ночью, дело недолгое. Шоб помылись обе, подбрились и всё такое!

Небольшой отряд выехал к тем самым скалам, что виднелись на горизонте. В дороге болтали обо всяком, только не про войну. Война всем порядком остобрядла, вот это правда. Только её, как Валли уже понимал, легко начать: закончить бывает сложновато.

На место прибыли, когда начало смеркаться. По одну сторону возвышались Плачущие скалы и плескалось море, к краю которого потихоньку приближалось краснеющее солнце. По другую, за широким полем, тянулась дорога к большому городу. Возле тракта росло одинокое дерево, а под ним Церкласа с парнями ждало человек десять.

Это были солдаты в крепкой, но выдавшей виды броне, приехавшие на двух телегах. Здоровые мужики, все как на подбор, отлично вооружённые: алебарды, пищали, тяжёлые арбалеты. Они развели костерок, но никакого лагеря не обустроивали — видать, тоже не собирались задерживаться. Один человек сидел поодаль от прочих, прислонившись к дереву.

Валли заметил, что на поле уже вытоптали большой круг.

Церклас спрыгнул с коня.

— Ну, вот он я! Сиськи мять не будем. Давайте за дело.

— Зачем ты привёл ребёнка? — спросил солдат со светлыми кудрями ниже плеч. — Разжалобить хочешь?

— Друга своего пожалей, жопа волосатая.

— Как уговорились? Без брони?

— А ты чего, броню на мне видишь? Нехер тянуть. Без брони.

— На мечах?

— Да пусть хоть с дымящимся наперевес выходит. Мне всё равно.

— Значит, меч и щит.

Отец вытащил меч из ножен, отдал их вместе с поясом Олафу. Потребовал вина, выпил, о чём-то со своими людьми заговорил — Валли не стал слушать. Он смотрел в другую сторону.

Человек, что сидел у дерева, поднялся — тут мальчик почувствовал неприятное в животе и ногах. До сих пор не было понятно, насколько воин высок: оказалось, что даже самые здоровые солдаты вокруг едва достают ему до плеча. В сумерках было сложно разглядеть лицо, но силуэт смотрелся пугающе. Противник отца, одетый в одну рубаху и шоссы, отличался крайней худобой — которую его исполинский рост только подчёркивал. Он сильно сутулился на бок, а руки оказались неестественно длинными: свисали почти до колен.

Валли вспомнил слова той женщины: «он ещё опаснее, чем кажется». Куда уж хуже?..

Алерик принялся читать молитву Творцу Небесному. Но худющий гигант, успевший вооружиться, прервал его:

— Заканчивай! Никаких богов в этом круге не будет. Только я и он!

Мальчик попятился к отцу. Стараясь сохранять спокойный вид, шепнул:

— Ты его убьёшь?

— Ну не целоваться же с ним! Не бойсь: чем здоровее дуб — тем громче падает.

С моря задул сильный ветер, и теперь Валли действительно услышал звук, о котором говорил ему Алерик. Словно не одна женщина, а целая толпа ревёт навзрыд.

— Слышишь, Вальдемар? — со смехом спросил отец и продолжил в полную силу голоса, для всех людей на этом поле. — Нынче Висельника хоронить будут, вот скалы и плачут!

А затем Церклас ван Стекелен трижды ударил мечом по щиту — и шагнул в круг.

ДВА КОРОЛЯ (часть пятая) Глава 1

Стук копыт и задорный женский смех превосходно аккомпанировали песне, которую затянули на ходу. Не простонародная, конечно же, песня — но и не из тех, что уместно исполнить на пафосном пиру. Модный придворный поэт сочинил недавно пикантную шутку: молодая знать Стирлинга эту шутку высоко оценила.

Весёлую процессию слышали издалека — и уж явно угадали, кто приближается. Широкие ворота распахнули загодя, пока гурьбу всадников на лесной дороге ещё скрывали сумерки. Навстречу им торжественно зазвучали трубы, донеслись радостные возгласы. Кронпринц Ламберт пришпорил коня и ворвался в ухоженный парк, окружающий охотничий домик, впереди всех — словно штурмовал вражескую крепость.

«Охотничьим домиком» скромно именовали дворец небольшой, однако весьма богатый — о таком и иной стирлингский виконт мог мечтать. Одной стороной примыкал он к огромному озеру, а с остальных был окружён лесом: королевские уголья. Полные разнообразного зверя, хотя до столицы рукой подать.

Ламберт был уже порядком пьян — не слишком уверенно держался в седле, и бесконечно весел. На скаку ветер приятно трепал почти достающие до плеч волосы, роскошный плащ развевался позади. За целый день на охоте превосходный наряд из парчи и атласа ничуть не пострадал: грязь к Ламберту вообще никогда не липла.

Конечно же, он сразу оказался в центре внимания — и не только из-за положения. Кронприц знал, насколько он красив, и никогда не стеснялся этого.

— Скорее к столу, друзья! — воскликнул Ламберт, едва передав слуге поводья и спрыгнув на землю. — Не желаю терять ни минуты!

Охотничий домик манил тёплым светом из окон и музыкой, а пуще того — грядущей трапезой и продолжением обильных возлияний в самом приятном обществе. Откровенно говоря, сама по себе охота Ламберту была совершенно безразлична: иной раз он и вовсе арбалет в руки не брал, а если доводилось стрелять — извечно мимо, да и пусть.

Любил кронпринц такой досуг по иной причине: прекрасная возможность побыть подальше от глаз отца, от душных старых пэров, церковников и паладинов. Король Балдуин на охоту давно уже не ездил — возраст, а без него и остальным старикам не с руки было охотиться в королевском лесу. Уголья достались молодой знатной поросли, и за пределами столицы никто Ламберта ни от чего не сдерживал.

Вопреки собственным словам, Ламберт всё-таки не поспешил во дворец сразу: прежде отыскал в столпотворении юных дворян, сквайров, пажей, девиц, слуг и лошадей человека, которого в сумерках не так-то легко было отличить от егеря.

— Братик, оставь лошадь, я тебя умоляю. Пойдём скорее в дом. Тебя ждут кобылки получше!

Бернард всерьёз вознамерился сам тащить скакуна в конюшню, и стоило немалого труда его от этой дурной идеи отговорить.

— Ну хорошо... пошли.

С одной стороны, принцы Стирлинга выросли похожими: оба удались в мать и чертами лица, и светлыми волосами, и голубым цветом глаз. С другой же... Бернард был на три года младше — ещё восемнадцати не исполнилось, чуть пониже Ламберта, но зато гораздо крепче. Он стригся коротко, подобно обычному рыцарю. Но коренное различие виделось не

в этих деталях. В чём-то ином, ускользавшем от Ламберта каждый раз, когда он пытался выразить мысль о таком несходстве.

— Удачно поохотились, Ваше Высочество?

Дайон, шателян охотничьего домика, дополнил вопрос учтивым поклоном. Ламберт всегда чуть сочувствовал Дайону: тот был немолод, старой закалки — и с трудом не подавал вида, насколько ему не по душе привычки кронпринца.

— Смотря какое «высочество» спросить. Я... как всегда. Зато Бернард! Ах! Можно песню сложить о том, что он сегодня учудил!

— Да перестань ты...

— Вот уж! И не подумаю, братик. Идём-идём!

Юноши и девушки принцев уже обогнали: только гербовые плащи да шнуровки платьев перед глазами. Молодёжь устремилась к дверям, как спущенные по реке игрушечные кораблики. Охота шла третий день, так что многие из шумной компании с утра не покинули дворец — теперь предстояла весёлая встреча.

На ходу Ламберт наклонился к уху брата.

— Ох, Бернард, ты бы только видел то же, что я! Это было прекрасно. Имею в виду то, ну ты понял...

— Да понял, понял.

— ...да, когда ты вот это вот: «Подать копьё!». Ух!.. Как на войне! Эти дамы, вот веришь-нет, они все привстали в сёдлах. А Клодин... представляешь, она закрыла лицо руками и закричала. Это было прекрасно!

— Ты ведь понимаешь, дело не в этом.

— Да как же не в этом? А в чём ещё?! Не говори глупостей, братик. Сегодня ты герой, и я не позволю брату избежать славы. Вместе со всеми её сладкими дарами.

Бернард сильно смутился. Он наверняка и правда охотнее бы с лошадьми в конюшне возился, чем пошёл пировать — но Ламберт был достаточно настойчив, чтобы подобную нелепость предотвратить.

Лэйбхвинн понимал, что за ним давно наблюдают, но не подавал вида.

Уже смеркалось. Под густыми кронами Орфхлэйта сделалось темно, однако старый шаман мог бы по лесу и вслепую ходить. Он знал каждое дерево, каждую корягу и камень под ногами, каждый ручеёк — а даже не будь этого знания, полагался бы на иное видение. К тому же при нём собаки, отлично помнящие дорогу домой.

Старик прислонил посох к древней сосне и осторожно опустился на колени. Нужно наклониться пониже, чтобы хорошенько рассмотреть грибы: они ошибок не прощают. Грибы — вещь поистине удивительная. Одни из них в голодный год спасают гвендлских детей от смерти — а сытые годы, увы, давно уже сделались редкостью. Другие помогают раскрыть вещи, обыкновенным людям недоступные. Третьи — убивают, причём долго и мучительно.

Шаману нужны были особенные грибы. Ради них он проделал долгий, непростой в его возрасте путь.

Лэйбхвинн запустил руку под клетчатую шерстяную накидку и извлёк нож. Отодвинул морду не в меру любопытного пса: тот сразу утратил интерес к грибам и поспешил к своим товарищам, с такой же длинной шерстью и небесно-голубыми глазами.

Затем старик принялся аккуратно срезать шляпки и складывать их в суму. Да, за ним

давно уже наблюдали. Люди, скрывающиеся в чаще, не боялись собак.

За спиной послышались шаги: мягкие, по мху, но всё-таки различимые. Псы негромко зарычали, когда незнакомцы приблизились.

— Ты из Нэйрнов?

— Ты сам видишь узор. — ответил Лэйбхвинн, не прерывая своего занятия.

— Это земли Койрнов.

— Я знаю.

— И Нэйрнам запрещено приходить сюда без приглашения.

— Конечно.

Спокойный тон Лэйбхвинна быстро вывел воина из себя.

— А ну-ка обернись, старик!

— Я занят.

— Посмотри на меня, если хочешь жить! Назовись!

Теперь Лэйбхвинн всё-таки обернулся, однако совсем не из страха за свою жизнь. Ему сделалось любопытно, кто ведёт себя подобным образом.

Воины Койрнов оказались почти мальчишками. У самого старшего из них, что обращался к шаману и направлял на него копьё, едва-едва начала расти жидкая борода. Он глядел зло и был весьма уверен в себе: эта решимость передавалась товарищам. Хорошие задатки командира. Выйдет из мальчика толк, если не погибнет слишком рано.

— Назовись! — воин выразительно потряс копьём.

Собаки залаяли, опустив морды и изрыгая слюну, но шаман осадил их одним коротким жестом: псы отступили за его спину в молчании.

— Не грози оружием попусту. Ты не сможешь меня убить.

— Хочешь проверить?!

Лэйбхвинн сдвинул край накидки и распахнул рубаху, обнажив грудь. Мальчишки сразу заметили то, что шаман хотел показать. Их предводитель усмехнулся, но уже как-то не очень нагло. Напускной вышел смешок.

— Любой может наколоть такое.

— Конечно... Тогда ударь меня копьём, хоть прямо сюда: убедимся. Ну?..

Длинный наконечник, направленный в грудь Лэйбхвинна, задрожал. Но ни сделать, ни ответить юный воин ничего не успел: послышались шелест кустов и треск сухих веток. Приближающийся человек не пытался скрываться.

— Опустит оружие, Блаан. Ты погибнешь, если ударишь его. Уверен: метка настоящая.

Это сказал мужчина могучий, с окладистой бородой, ещё не слишком старый. В хорошей кольчуге и при шлеме: юноши-то брони не имели. Разумеется, он носил клетчатый узор Койрнов. Насчёт метки этот воин всё понял правильно.

— Лэйбхвинн Нэйрн, верно?

— Ты не обознался.

— Меня зовут Града. Я арнвейд клана Койрн.

— Я слышал о Граде из Койрнов. Твоя голова дорого стоит в землях барона.

— За неё и в Орфхлэйте многие хорошо заплатят. Я тоже слышал о Лэйбхвинне из Нэйрнов. Слышал, что ты отмечен. Что ведьмы говорят с тобой.

— Это правда.

— Мои парни приносят извинения. Они не хотели оскорбить достойного человека. Однако тебе и правда не стоит ходить здесь. Видно, ты слишком занят общением с духами,

чтобы знать о последних событиях. Нэйрнам на нашей земле сейчас не рады.

— Я закончу своё дело и уйду.

— У меня другое предложение. Время позднее. Ночью лес опасен даже для таких, как ты. А вражда с Нэйрнами не перевесит уважения к тому, кого отметил Ведьмин Круг. Будь моим гостем, Лэйбхвинн. Мы накормим, напоим и с удовольствием послушаем тебя.

Предложение было любопытным. Вражда между кланами — действительно вещь преходящая, а Лэйбхвинн сильно устал и не очень-то хотел идти обратно затемно. Годы, увы, брали своё. Шаман посмотрел в виноватые лица мальчишек. Те смущённо прятали оружие за спинами.

Ему было о чём рассказать юным Койрнам.

Теперь уж веселье пребывало в разгаре. Главный зал охотничьего домика был маловат для такой толпы — далеко не чертоги в королевском замке, но так даже лучше. Когда юноши уже не в меру решительны от вина, а девушки от него же раскрепощены, теснота за столом очень уместна. Перед глазами кронпринца всё уже порядком туманилось, голоса кругом сливались со струнной музыкой.

— Как жаль, любезная маркиза, что вы не были с нами на охоте!

По обе стороны от Ламберта расположились девицы не самого высокого происхождения, но очень приветствуемые им при дворе по иной причине. Сочные и горячие, однако на фоне леди Эбигейл они смотрелись блекло. Да, уже немолодая женщина, однако пленительная в высшей степени.

Маркиза улыбнулась. Рука, держащая хрустальный бокал, сделала элегантный жест.

— Охота, Ваше Высочество, развлечение не по мне. Я люблю пить, люблю пировать и танцевать.

— Именно этим мы теперь и займёмся. Но всё-таки! Бернард поистине поразил всех нас. Да-да, братик, не смущайся! Клянусь Творцом Небесным, так всё и было: он велел подать копье, но едва это сделали — спрыгнул с коня. И бросился на вепря, не позволив никому из егерей и сквайров защитить его. Ух!.. Одним ударом наповал!

Молодые охотники заглушили слова кронпринца, наперебой славя отвагу его брата. Бернард сначала опустил глаза, но вдруг взял себя руки. Подозвал оруженосца, сказал ему что-то.

— Друзья! — при словах Бернарда все затихли. — Это была славная охота. Охоту я люблю всей душой. Как вы знаете, мне довелось вырасти в Вудленде, под зорким взором и при мудрых речах почтенного барона Гаскойна. Вудлендцы очень чтят охотничьи традиции, и... может быть, это покажется странным, но я хотел бы приобщить вас к одной из них.

О, интересно! Ни один из присутствующих, кроме самого младшего принца, на дальнем фронтире Стирлинга никогда не бывал. Земли Гаскойнов представлялись столичной знати или ужасными дикими местами, или чем-то вроде декораций для немного мрачной, страшноватой сказки. Хорошо, что Бернард наконец решил разыгрывать эту карту! Воспитание в глуши, оваянной легендами, да ещё при настоящем герое Великой войны, могло создать при дворе и хороший, и плохой образ.

Лучше, конечно же, если образ будет хорошим. Ламберт понимал, как делаются такие вещи. Брат же, наверное, действовал по наитию — но вполне верно.

Оруженосец поднёс небольшую бутылку, наполненную тёмно-красным, и множество

рюмок. Свою Бернард тут же наполнил сам. Хм... на вино не похоже, слишком густо. Какая-то настойка?

— Что это, братик?

— Это кровь. Кровь одного из оленей, что мы убили.

Кто-то охнул, кто-то стал перешёптываться, кто-то рассмеялся — видимо, приняв слова принца за шутку. Но лицо Бернарда оставалось совершенно серьёзным.

— Кровь?..

— Точно. Испить на пиру после охоты кровь убитого зверя — старая вудлендская традиция. Она древнее, чем власть Гаскойнов над теми землями.

— То есть... она языческая?

— Эти... как их...

— Гвендлы!

— Ваше Высочество...

Ох! Ламберт не особенно вдохновился идеей попробовать на вкус кровь, однако произведённый братом эффект порадовал. Языческий обычай — это сильно, особенно когда враги Церкви по всей стране горят на кострах. Конечно, люди столь высокого круга могут позволить себе многое, но даже для них подобное волнительно.

В конце концов, это вызов кондовым порядкам королевского двора. Всегда хорошо!

Кто-то из девушек скривился, а у кого-то щёки загорелись сильнее прежнего, глазки заблестели. Молодые люди или сохранили бесстрастный вид — не желая показать принцу отвращения, или изобразили большую решимость. Но никто ничего не сказал и к рюмкам не потянулся.

Пока этого не сделала маркиза.

— Почему бы нет? Ради Вашего Высочества я готова на что угодно.

Она подмигнула так хитро, что нельзя было понять, к кому из принцев обращается. К обоим? Ох, ну почему бы и нет...

— Ну, братик, будь по-твоему.

Теперь уж решились многие, обоёго пола. Ламберт зажмурился и попытался проглотить вязкую жидкость как можно скорее. Всё-таки испытал тошноту, но сдержался.

Бернард опрокинул рюмку с изумительной лёгкостью.

У кронпринца во рту остался противный металлический привкус. Многие из гостей скривились, хоть и очень старались этого не допустить. Как их осудишь? Красивая на вид традиция, однако удивительно мерзкая на вкус. Так часто бывает с традициями...

— Любезная маркиза! Я, конечно же, очень ценю южный край нашего прекрасного королевства. Вина, что делают в землях Бомонтов и Скофелов. Однако покуда того не видят почтенные старики, оставшиеся разумом на Великой войне, считаю уместным отдать должное винам, уж не примите за упрёк, действительно великолепным. Грегор! А ну-ка, неси балеарское!

— О, будьте покойны, Ваше Высочество: я ничего не имею против балеарского.

— И это правильно! Как мой брат, будучи воспитан в землях почитаемого всеми нами барона Гаскойна, перенял вудлендские традиции и стремится приобщить двор к ним... кстати, братик, я очень это оценил... так и я сам, недурно узнав балеарцев, желаю привнести лучшее из этой страны сюда. Да-да, все мы понимаем, что раны войны не затянулись полностью... но дело было так давно! Вы согласны, друзья?

Никто не возражал, разумеется. Если на то пошло — немногие за этим столом родились

до конца проклятой войны, следы которой на облике высшего общества Ламберт находил уродливыми.

Деревня на берегу лесного озера даже по меркам Орфхлэйта была невелика. Зато очень много детей. На удивление много. Их ещё не уложили спать: детвора Койрнов слушала рассказы шамана. Увлечённо, хоть сейчас Лэйбхвинн вёл речь об известном каждому гвендлу. Известном, да не всегда достаточно хорошо.

— ...и уж не первый век, как Гаскойны, слепые от своей мерзкой веры, забыли об этом. Да, они совсем не вспоминают. Зато в Орфхлэйте всё помнят, а я слышал историю от самой Сибилхин: она говорила со мной так, как я говорю с вами.

От одного имени Сибилхин дети, рассеявшиеся вокруг старика, вздрогнули. Кажется, с озера подул холодный ветер, когда это имя прозвучало в полный голос, а не шёпотом, как обычно. Ведьмин Круг. Каждый гвендл знает, что шутить с ним не стоит. Никакие жертвы лесным духам не защитят от гнева ведьм.

Лэйбхвинн рассказывал древнюю историю без спешки, не скупясь на подробности.

— ...и тогда дева назвалась Геллой, и сказала Гастону Гаскойну: ты принёс к лесу свой крест, ты погнал гвендлов в чащу, но остановись на том. Потому что есть Порядок, и никому порушение его не принесёт счастья. Возьми меня, сказала она: напейся мною и вдохни ту силу, которой напитан в наших землях каждый листик и каждая травинка. Я дам тебе, сказала Гелла, то, чего нельзя завоевать мечом, чего не видел и не знал ни один рыцарь. Но Гастон Гаскойн не понял, какие дары у его ног. И отверг деву, сказав, что ни даров, ни её самой не примет, потому что он верит в своего бога, а она нет.

Вряд ли слушатели могли в полной мере понять, о чём Лэйбхвинн рассказывает — просто по малолетству своему, но детали и не так важны. Шаман прежде всего желал донести суть. Уже совсем стемнело: фигура и лицо старика неровно освещались потрескивающим костром. Лучшая обстановка для такой истории.

— И сам Калваг, двадцать восьмой Лесной король, тоже не внял Ведьмину Кругу. Он верил в свой меч и свой щит, он верил лесным духам, но не верил Гелле. А она не принудила Лесного короля, хоть и могла бы, потому что говорила: «Лишь по доброй воле».

— Почему так? — старший из собравшихся, уже отрок, отважился перебить шамана.

— Потому что таков Порядок. Иначе не устроено. Иначе не духи лесные правили бы Орфхлэйтом, не мы и не наши Лесные короли, но сами ведьмы. А это не так.

— И Гаскойн убил Калвага!

— Нет. Кто рассказал вам такую чушь? Гастон Гаскойн не убивал Калвага. Барон сам погиб в бою, пал от меча Лесного короля. Но рыцари разбили войско гвендлов. Они похоронили правителя по глупому обычаю своей веры, а потом похоронили Калвага. Зарыли его живьём в землю, не ведая, что творят. Они не знали, какова судьба всего, что ложится в землю Орфхлэйта. Рыцари думали, что это просто оскорбление для гвендла. Они ничего не понимали и до сих пор не понимают. Рыцари жестоко умертвили последнего из Лесных королей, но потому-то как раз и не суждено Калвагу быть среди них последним.

— Поэтому король вернётся?

— Конечно. Всё, что ложится в почву Орфхлэйта, возрождается на ней всходами. Мы жжём тела умерших, и их пепел удобряет землю. Из этого пепла прорастает каждое дерево, и из пепла мы вновь и вновь рождаемся в лесу. А те, кто закопан, ждут своего часа. Мёртвые

восстанут, выйдут из леса и поведут в бой живых. Это случится не позднее, чем положено. Не раньше, чем велит Порядок. Когда враги древнего народа меньше всего будут этого ждать, и когда сами мы меньше всего станем верить в старые легенды. Вражда кланов прекратится. У гвендлов вновь будет Лесной король, двадцать девятый и более великий, чем все предыдущие. Всякий, кто не верит в это, саму Сибилхин обвиняет во лжи.

Лучший аргумент в любом споре о древних пророчествах. Про Лесных королей далёкого прошлого болтали всякое, и сколь бы ни уважали шаманов — увлекшись резнёй между кланами, не очень-то верили в нового короля Орфхлэйта. Слишком давно не было этих королей. Многие века...

Однако кто бы в ответ на такие слова сказал — Сибилхин лжёт? Надо быть совершенным безумцем, чтобы ляпнуть подобное. Кто прогневает Ведьмин Круг — долго не проживёт и просто так не умрёт.

Лэйбхвинн продолжал рассказывать, но больше не смотрел в лица детворы. Старик глядел в небо, и ему казалось, что рассыпанные над Орфхлэйтом звёзды начинают двигаться по кругу. Круги на небе, вытатуированный на его груди круг, Круг самой жизни. Порядок, согласно которому движется всё. Так было и так будет.

Бернард напился не особенно сильно и протрезвел по обыкновению быстро. Ночь-то уже настала глубокая, но из зала пока разошлись по покоям не все: шум снизу по-прежнему доносился. Кто-то ещё даже танцевал.

Принц и сам был бы рад предаться веселью — по примеру брата, покинувшего застолье в хорошей компании сразу за пиком кутежа. Но не получалось. Хмель понёс юношу на другую волну, довольно печальную. Он ведь не вчера вернулся к королевскому двору. И не третьего дня. Год уже прошёл, но...

Бернард поднялся на широкий балкон под крышей дворца. Вид отсюда, надо признать, открывался великолепный.

Перед юношей раскинулось озеро Эшроль — в безветренную и лунную ночь особенно красивое. Недвижимая гладь, отражающая холодный свет: многие сказали бы о зеркале, но Бернард думал о клинке. Далеко-далеко, на другом берегу, гораздо выше окаймляющих Эшроль лесов, тянулась к безоблачному тёмному небу огромная тень — вся в огоньках. Кортланк.

Издаലെка столица Стирлинга напоминала ночью колоссального дракона, прилегшего на берегу озера: башни и шпили соборов — словно острый гребень вдоль спины. Огни в окнах и на стенах — будто золотые монеты и самородки, разбросанные вокруг сказочного чудовища. А сам королевский замок, построенный на выступающей из озера скале — как драконья морда, увенчанная рогами.

Кортланк был на вид суров, но красив: под стать всему королевству, пожалуй. Хотя в южных землях Стирлинга, где делали вино, Бернард не бывал. И судить о тех краях мог только по рассказам — пусть они к столице гораздо ближе, чем Вудленд.

Вудленд, да. Там остался человек, с которым Бернарду уж точно приятно было посидеть за кубком после охоты. Если начистоту, с Робинем принц чувствовал куда больше общего, чем с кем угодно в этом дворце. Даже немножко больше, чем с братом. Немножко. Но всё же.

— Братик! Едва отыскал! Ты что тут делаешь?

Стоило вспомнить о Ламберте — как вот и он. Принц только слышал голос: не обернулся.

— Я?

— Ну а кто же! Я-то тебя искал, никакой тайны. Что за меланхолия? Хорош, братик, дичиться. Хочешь ты того или нет, но к прелестям двора я тебя приучу.

Бернард ценит эти старания Ламберта, без сомнения. Просто получалось всё пока как-то...

— Приучишь, конечно. Просто... взгрустнулось немного. Бывает от вина такое.

— Со мной не бывает! Но, впрочем, понимаю.

Младший принц наконец посмотрел на брата. Оказалось, что тот поднялся на балкон отнюдь не в приличном для особы королевской крови виде: закутанным в атласное покрывало. Наверняка без одежды под ним.

— Похоже, ты времени даром не терял.

— Конечно! И знал бы ты, в чьей компании не терял... Век наш трагически недолог, а потому и должен быть особенно сладок. Напрасно ты тратишь прекрасную летнюю ночь на дурацкие одинокие размышления. Знаешь, сколько внизу охотниц сделать её интереснее? Особенно после...

— Ох, хватит про этого вепря, я тебя прошу. Ничего особенного.

— Чушь! Именно так составляют себе славу. Отец вечно говорит, что...

— Отец говорит о другом. Да: своей королевской крови в жилах мало. Нужна чужая на клинке.

— Ну вот!

— Ламберт, это ведь не про охоту. Про войну.

Старший брат фыркнул.

— Только про войну от тебя и слышу!

— А без неё надёжной славы не бывает.

— Это тебе Гаскойн в голову вбил? Все мы уважаем старика, конечно же, только вот он... как бы это сказать, чтобы ты не обиделся за воспитателя... некоторым образом ограничен в суждениях. Он сам ничего толком не видел, кроме войны: потому говорит подобные вещи.

— Я и правда вот-вот обижусь.

— И напрасно! Знаешь, братик...

Ламберт поставил на перила бокалы. Оказывается, бутылка была у кронпринца при себе: в хрустале заиграла приятно пахнущая влага. Балеарское — даже слабых познаний Бернарда в вине хватило, чтобы это понять.

— ...так, для начала возьми бокал, да-да, не противься. Так вот. Насчёт войны и всего этого прочего. Я не буду спорить с бароном Гаскойном и тем более с отцом, даже за глаза. Скажу о том, что видел и узнал сам: ведь я тоже не только пил и развлекался все эти годы. Норшгат, Лимланд: твой брат видел собственными глазами земли, где военной славы составлено было изрядное количество. И отцом нашим. И твоим бароном. Только вот знаешь что? Королевствам это не принесло счастья. А нам, так уж Творец Небесный судил, о королевстве предстоит заботиться. Военная слава — чудно, ты о ней солидно наслышан. Но ты не видел земель, разорённых войной. И не...

— Зря ты так говоришь! Барон всегда наставлял нас с Робинем о...

Бернард практически вспылал. Что за дурацкие у Ламберта представления о егс

воспитании! И уж если сам брат смотрит на него таким образом, то остальные... Но до перепалки дело не дошло.

— Сир Робин! И точно, вот как раз о нём! Зачем же ты, братик, не призовёшь друга ко двору? Судя по рассказам об этом славном рыцаре, он-то в нашем милом обществе будет как рыба в Эшроле. Уж вдвоём мы сумеем настроить тебя на нужный лад!

Об этом Бернард и сам уже не раз думал. Общества друга детства ему не хватало, да и Ламберт был прав в одном — Робин Гаскойн всегда умел развлекаться. Не хуже, чем фехтовать. И в фехтовании, и в увеселениях Бернард достиг куда меньших успехов.

Однако все эти разговоры о женщинах, которые Ламберт заводил без особой тактичности — хоть и не совсем напрямую, касались кое-чего ещё. Кое-кого ещё. Не только по старому другу Бернард уже год тосковал.

Просто эти мысли точно хотелось погнать куда подальше. Они испортят вечер безнадежно. Хорошо, что Ламберт ничего не знал про Адель. А может, и плохо.

— Ах, братик, ты втянул меня в какой-то глупый диспут. Нашёл время и место! Давай лучше выпьем.

— Давай. — Бернард взялся за ножку бокала. — А за что?

Ламберт приобнял брата свободной рукой, а другой широко повёл — обведя бокалом гладь озера и панораму столицы.

— Вот за это, братик! Посмотри, как всё кругом великолепно! Мир прекрасен и удивителен, и вот уж какая редкая удача: он навсегда лёг к нашим ногам сам собою. Просто по праву рождения. Не только глупо, но и преступно везением не пользоваться! Надеюсь, ты скоро это поймёшь. Ну, пьём!

С этими словами Бернарду поспорить совсем не хотелось. Всякая грусть о сиюминутном отпустила: молодой принц молчаливо согласился, что им с Ламбертом повезло. И мир у их ног в самом деле прекрасен.

— Я думаю, всё будет хорошо. — произнёс Бернард, сам не поняв, как именно эта мысль родилась в голове.

— Я думаю, ты абсолютно прав.

Бокалы в руках принцев Стирлинга звякнули друг об друга.

Ещё до того, как крыши и стены Дартфора показывались из-за холмов, всякий путник чувствовал приближение города. Дело состояло в запахе, и Мартин Мик никогда не мог понять, отчего так.

Мальчишке доводилось бывать здесь, и Дартфор не казался ему прежде более грязным, чем любой другой крупный город. Однако смердел он абсолютно нестерпимо, а особенно теперь. Возможно, подумалось Мартину, дело не в грязи — просто Дартфор порочнее иных городов. Но почему тогда вонь ощущалась и раньше, когда Мартин оставался простым оруженосцем? Может, он и ранее был каким-то образом отмечен? Может, все остальные этого смрада не чувствовали? Едва ли, но...

Если подумать, теперь вонял Дартфор чем-то новым. Не просто нечистотами.

По мясистому лицу Гевина совсем не казалось, будто его что-то смущает.

— Почти приехали!

После той ночи, когда судьба свела мальчика с торговцем-гвендлом, они почти не разговаривали. Гевин наверняка понял, что лучше вопросов попугачику не задавать: этот человек повидал жизнь и определённо усвоил, сколь лишними бывают некоторые ответы.

Мартину разговоры просто не были интересны.

На первый взгляд Дартфор за последние месяцы не изменился.

Город стоял посреди обширных земель Линкольнов, но сам герцог не жил в нём: родовой замок располагался чуть севернее, почти точно в центре Стирлинга. Среди всех городов королевства размерами Дартфор уступал лишь столице — но если Кортланк отличался красотой, пускай и весьма холодной, даже суровой, то здесь усмотреть её было трудно.

Невысокую каменную стену сложили только ради того, чтобы контролировать людской поток: и не представишь, кто мог бы осадить город в самом сердце огромной страны. Даже в худшие годы Великой войны балеарцы не углубились дальше владений Скофелов и Бомонтов, лежащих далеко на юге. Потому о стене особо не заботились: она порядком обветшала.

Почти все дома в Дартфоре были в два-три этажа, с торчащими наружу каркасами из толстых балок и глиняными стенами. Остроконечные крыши где косились, где изначально сходились криво, а поскольку дома стояли вплотную друг к другу — всё это напоминало пасть с неровными рядами зубов. Выделялся на панораме только собор: устрашающе величественный, как столичные, но гораздо меньше. Храм в форме креста имел четыре очень высоких шпиля и издали казался почти чёрным, однако Мартин знал, что это обманчивое впечатление. Серый камень просто потемнел с веками.

Вряд ли кто-то представлял так город своей мечты, но стекающиеся из бедных провинций крестьяне не имели особого выбора. Да и стремились отнюдь не к красоте. Их интересовали оживлённые рынки, многочисленные ремесленные цеха, иных — церковные и гильдейские школы. Конечно же, стремились в большой город также нечистые на руку и чёрные душой.

Куда лучше жить в столице, это понятно. Но Кортланк далеко, а устроить в нём жизнь ещё сложнее. Уж лучше Дартфор, чем так и не оправившиеся от военных налогов и рекрутских наборов деревни. В деревнях перспектива одна: до старости гнуть спину ради не

жизни, а только выживания.

— Ты мне славно помог-то. — заявил вдруг Гевин. — Ты хороший парень. Если хочешь... разбежаться в Дартфоре нам-то необязательно.

— Нет. У меня своя дорога.

В этом Мартин был уверен железно. Что за дорога, короткая или длинная, куда именно она ведёт мальчишку — только гадать, причём попусту.

— Как знаешь.

Телега приближалась к распахнутым городским воротам, подпираемым ленивыми стражниками. Мартин Мик понятия не имел, что ждёт его в этом городе, но знал — нечто очень важное случится уже здесь. И наверняка очень скоро. Быть может, ещё до заката: а нынче только рассвело.

— Это гадкий городишко-то. — продолжал гвендл. — Ты бы поосторожнее здесь. Особенно с этими твоими... рассуждениями.

— Я понимаю.

— Хера лысого ты понимаешь. Это в Вудленде-то творится... всякое. Здесь держат порядок и ни с кем не церемонятся при случае. Особенно со всякими еретиками, колдунами и прочими. Герцог-то сам набожный, как говно. На исповедь чаще ходит, чем к жене в спальню — ещё с войны. До сих пор на турнирах бьётся. Крепкий сукин сын-то.

— Я знаю. Видел, как он побеждал многих паладинов.

— Да ты, небось, паладинам-то сам служил. Выучка. Я ж всё вижу.

— Может быть. Это давно уже не важно.

Об одном Мартин немного обеспокоился: вдруг в Дартфоне его узнают? Конечно, никто особо не глядит на юных оруженосцев, но паладины всегда в центре внимания. И их услуга — более-менее тоже.

Но всё наверняка пойдёт именно так, как должно. Каков бы ни был путь. Главное — не сворачивать.

— Расход! — гаркнул Госс, следивший за песочными часами.

Двое рыцарей вздохнули с облегчением, которое не смогли скрыть, хотя наверняка хотели. Робин гонял их по всему двору — только успевали защищаться, а ведь оба были недурными бойцами. Уже давно на хорошем счету у барона.

Робин отдал мальчику-пажу затупленный меч и шлем. Потом стянул с себя пропитавшийся потом стегач — вмиг слегка озяб, но всё равно с наслаждением вывернул на голову бадью свежей воды. Как кипятком ошпарило, хотя вода ледяная. Усталости — будто не было!

Вечно не терпелось молодому Гаскойну расстаться с переполнявшего его энергией. Чем быстрее её потратишь — тем быстрее наполнишься силами заново. А это чудесное ощущение.

— Что скажешь, Госс?

Старик пожал плечами.

— Мне давно нечему вас учить, сир Робин.

Госс был лучшим бойцом Гаскойнов ещё в те годы, когда сам барон Клемент только начал постигать воинские искусства. Нынче ему почти стукнуло девяносто, однако Госс до сих пор оставался бодрым — словно саму старость когда-то так крепко побил, что теперь

она приблизиться не осмеливалась. С тех пор, как сир Фолиас оставил здоровье в схватке с гвендлами и почти перестал покидать дом, Госс сделался единственным в Фиршилде непререкаемым авторитетом по части фехтования.

Но видать, ему и правда не в чем теперь было наставлять Робина Гаскойна. Это что касается меча. В своих силах на коне с копьём молодой рыцарь не был настолько же уверен.

— А вы, сир Киаран? У вас найдётся чему меня поучить?

Киаран Фиршилдский сидел в стороне, одетый не для тренировки. Его болезнь, последовавшая за полученной от Даглуса раной, только-только отступила. Многие в замке ещё недавно сомневались, что крещёный гвендл выживет, однако ему удалось.

Теперь Киаран оборачивал голову шапероном так, чтобы не показывать наполовину снятый скальп и отсутствующее ухо. Сам-то он шрамов не стеснялся: смущать женщин и детей не хотел.

— Да бросьте, сир Робин: я вам никогда не годился в учителя. А вот Стефан может кое-что показать.

— Стефан? — Робин неспроста удивился.

— Он видел в Кортланке тремонских мастеров!

Стефан Логан, юный родственник любимого вассала барона, засмутился. Клемент Гаскойн ценил паренька, но куда больше за мозги, чем за силу и отвагу. Так отец и говорил: «Эту голову под удары лучше не подставлять». Потому Стефан и ездил недавно в столицу — улаживал какие-то дела, что не решаются письмом.

— Ты правда видел в Кортланке тремонских фехтовальщиков?

— Да, милорд. — Стефан смутился, потому как угадал, что будет дальше.

— Так покажи мне их приёмы! — воскликнул Робин. — Это ужасно интересно!

Стефан долго мямлил, что плохо запомнил увиденное и вообще не смеет кого-либо в этом дворе поучать в фехтовании, но подчиниться пришлось. Один из недавних соперников Робина передал ему тренировочный меч. Стефан много скромничал, конечно, однако молодой Гаскойн отметил: оружие он держит вполне уверенно. Пусть боец посредственный, но в целом соображает.

Госс даже слез с большой колоды, на которой восседал, что рассмотреть всё вблизи и получше. Его морщинистое лицо пуце обыкновенного скривилось: рыцарь старой закалки заведомо настроился скептически. Ходили в Вудленде слухи о столичной моде на тремонских мастеров, а какой старик не смотрит на новомодное с недоверием?

Киаран также приблизился. Ему точно было искренне интересно: оправившись от раны, уходить на покой гвендл не собирался. Прочие упражнявшиеся обступили ристалище, детишки бросили свои игры. Даже служанки, таскавшие от колодца вёдра, позволили себе прервать работу. В фехтовании они, конечно, не смыслили ничего, однако всеобщее любопытство фиршилдских девок весьма заинтриговало.

А может, они просто были не прочь поглазеть на Робина, обнажённого по пояс.

— Если кратко... Тремонцы много атакуют из стоек, которые мы сочли бы... рискованными, что ли. Словом, провоцируют. Провоцируют предсказуемую атаку, кажущуюся явно успешной.

— Не объясняй: показывай.

Стойка, которую Стефан принял, действительно показалась Робину дурацкой: не только голову, но и весь бок поди защити таким манером!

— Только они, конечно, не стоят так всё время. Как бы...

— Фаза движения? Не статичная поза? — предположил Киаран.

— Да. Точно. Словом... извольте атаковать, сир Робин.

— Как?

— Как вам кажется очевидным.

Теперь Робин более-менее представил, как подобная ситуация может сложиться в бою. Наверное, противник делает вид, будто выбился из сил, утратил концентрацию. Удар прямо сверху или чуть по диагонали сам просится! Рубанул молодой Гаскойн, конечно, лишь в треть силы — не просто же так отец ценит голову Стефана.

Стефан исполнил защиту неловко, да и еле успел это сделать — ему-то пришлось выложиться на полную. Но результат Робина всё равно впечатлил: его клинок оказался парирован в тот миг, когда попадание казалось неминуемым. И пускай силы движению Стефана не хватило, Робина всё равно развернуло самым неудобным образом. Трудно было бы после такого избежать контратаки.

Госс покачал головой.

— Один раз из десяти такое получится. При первой неудаче умрёшь.

— Кажется, я понял идею. — сказал Киаран. — Просто нужно делать быстрее.

— Дурной приём, если его вполсилы не покажешь.

— Может, именно в том и состоит секрет тремонских мастеров? — рассудил Робин. —

Сир Киаран, попробуйте-ка вы!

Киарану пришлось выслушать целый ряд замечаний Стефана, но после нескольких попыток дело пошло. Госс так и не впечатлился, но ворчать перестал. Старая кухарка Ивонн разогнала глазюющих на рыцарей девок, раздавая им звонкие шлепки — зато детям, будущим солдатам и оруженосцам Гаскойнов, наблюдать за фехтованием никто не мешал.

А вот Робину упражнения неожиданно наскучили. Он оставил сира Киарана разбирать с Госсом и Стефаном тонкости тремонских приёмов, вроде бы ненадолго отлучившись: не то по нужде, не то воды глотнуть.

Однако на ристалище не вернулся.

Накатила вдруг жуткая тоска, такую упражнениями с мечом не разгонишь. Лучше не браться за меч, когда столь не собран. Робин понимал, что его гложет. Старался гнать дурные мысли, но что толку думать «не думай о том-то»?

Чувство вины из-за гибели Мэри не отпускало. Мудрые слова отца помогли Робину, но не слишком. На прочих подружек юный рыцарь с тех пор даже не взглянул — глупо, наверное... Мэри всё равно никогда не стала бы ему невестой, это оба понимали с самого начала. Какая тут верность? Однако прикоснуться к кому-то другому всё равно казалось теперь предательством.

Робин не представлял, как избавиться от этих мыслей. Всё кругом напоминало о Мэри. Упражнения с мечом в том числе — ведь всему виной мальчишеская бравада после схватки с гвендлами. Робин пытался убедить себя, что виноват солгавший на пороге смерти воин Гэннов — но как за такую ложь всерьёз винить? Да и Робин ведь сам поверил. Сам дурак.

Вспоминал молодой Гаскойн и другую женщину. Вернее — её слова. «Представляете, если вдруг Бернард призовет вас к себе...»

Да. Вот бы принц и правда вызвал Робина в столицу! Хороший предлог, чтобы уехать. На время, само собой разумеется, но всё-таки. Наверное, это помогло бы рыцарю. Покинуть Вудленд, увидеть наконец столицу и королевский двор, о которых Робин столько слышал...

Но в письмах Бернарда не было ни слова о чём-то подобном. В основном Бернард писал

даже и не совсем Робину.

— Ты в порядке?

Робин догадался, кто стоит за спиной, ещё прежде, чем прозвучал голос. Может, узнал звук шагов. А может, просто почувствовал.

— Не беспокойся. Просто задумался... Как ты себя чувствуешь?

— Сегодня... неплохо.

Голос Адель Гаскойн звучал так же слабо, как и всегда. Да и выглядела она не лучше обычного. Нет, Адель была очень милой — наверное, даже красивой. Но вечно хворала: с самого детства в хрупкой, почти мертвенно бледной девушке едва-едва теплилась жизнь.

— Ты бы оделась потеплее.

— Мне не холодно. Скажи...

Робин догадался, каков вопрос.

— Нет, писем не было.

Принц Бернارد всегда был застенчив. Слишком робок, пожалуй, для человека королевских кровей, тем более — для будущего полководца. Писать самой Адель он весь прошедший год не решался, лишь расспрашивал про неё Робина. А тот, бывало, зачитывал кузине отрывки писем, хоть это и не очень правильно. Конечно, не читал написанное о ней: только то, что Бернارد рассказывал о своей столичной жизни, о Кортланке, о короле Балдуине и кронпринце Ламберте.

Они стояли на балконе донжона, облокотившись на перила. Робин смотрел вниз — во двор, где сир Киаран продолжал донимать Стефана Логана, а Госс ворчал на тренирующихся. Адель глядела вдаль: куда-то за горизонт, на юго-запад. В сторону Кортланка.

Облака стелились низко, солнце не показывалось. Время от времени поднимался ветер, трепавший жёлто-зелёные знамёна.

— Когда наконец потеплеет... — прошептала Адель.

— Боюсь, не в этом году. Не видать нам нынче нормального лета.

— Интересно, какая погода на юге?

— Не лучше, насколько я знаю.

Адель тоже много думала о Кортланке, это понятно. Особенно об одном человеке оттуда. Робин полагал, что Бернارد его кузину за руку-то не взял ни разу — но что сказать, разные бывают люди. Его добрый друг был напрочь лишён робиновской решительности с женщинами, хотя на охоте и в воинских упражнениях отвагу проявлял сызмальства. Что же до Адель — в замке Гаскойнов женщин воспитывали строго. Это Робину барон легко позволял многое. Сёстры лорда Клемента, рожавшие одних дочерей, все как одна были тише и холоднее воды в лесных озёрах.

— Ты её правда любил? — спросила вдруг Адель.

— Да.

— Как остальных? Или сильнее?

Робину показалось, что это упрёк. Птичий голосок Адель не выдавал эмоций, почти неподвижное лицо тоже, да и зелёные глаза — что трясина в болоте. Но упрёк всё равно ощущался. Стало обидно.

— Ты ничего не понимаешь!

Да, конечно: счёт лёгким победам Робин утратил давно. Однако он действительно бывал влюблён в каждую! Может, ненадолго, не так чтобы очень всерьёз, но всё же... И ни с

кем не поступил дурно. Кому справил непыльную работу, кого свёл с оруженосцем. А если бы кто-то родил — бастарда не бросил бы.

Насколько Робин знал, бастардов пока не случилось.

— Тебе нужно жениться.

— И на ком же, позволь полюбопытствовать?

— Не знаю...

— Ну так помалкивай!

Теперь обижена оказалась Адель. Укутавшись в шерстяной платок, она зашагала прочь — даже не попрощалась. Робин сплюнул и совсем не по-рыцарски выругался. Жениться, ну конечно... Отец ни разу не завёл беседы на эту тему, но молодой рыцарь прекрасно понимал: не у одной Адель такая мысль назрела. Одни женщины в роду — словно прокляли. Мысли о Кортланке заманчивы, однако Робин очень нужен здесь. Нужен Вудленду, нужен Фиршилду, нужен Гаскойнам. И меньше как воин — больше как глава древней семьи.

А ведь... не только землям, замку и роду он потребен. Робин вспомнил и другие слова ведьмы, как раз на эту тему. О том, что в просьбе Бернарду придётся отказать. О том, что у Робина совсем другая судьба — не связанная с королевским двором, столичными турнирами и войнами на юге.

Знать бы только, какая тогда?

В отрочестве, когда Тиберий только начинал изучать воинские искусства и закалять тело, один старый рыцарь — великий герой Великой войны, наставлял его так: нет в тренировке лучшего соперника, чем тяжёлый камень.

Трудно измерить силу и мастерство воина, с которым сражаешься. Трудно сравнить его с собой. Каждый, кто умеет держать в руках меч, уникален: в чём-то ты ему уступишь, в чём-то превзойдёшь. И никогда не скажешь, дрался ли он сегодня в полную силу. Люди бывают усталыми, больными и просто рассеянными. С другой стороны, даже у посредственного бойца случается такой день, когда сам Творец Небесный направляет его руку.

Да: трудно сравнить себя с другим воином в поединке. Но тяжёлый камень — это всегда тяжёлый камень. Ты знаешь вес, и вес этот неизменен. Ты либо способен его поднять, либо нет. Всё просто и очевидно.

Эта простота и ввергла нынче Тиберия в очередные горькие сомнения.

С рассвета паладин-магистр руководил тренировкой братьев на ристалище во дворе Санктуария — крепости на окраине Кортланка, могучей обители могучего ордена. Они объезжали молодых коней, на скаку снимали копьями кольца, сражались в броне один на один и пешим строем против пешего строя. Потрудились славно. Тиберий был доволен и молодыми братьями, недавно давшими обеты паладинов — и опытными защитниками Церкви, многие из которых были гораздо старше него. Все были сильны и умелы — но, что важно, каждого Тиберий считал возможным одолеть.

Слухи льстили ему лишь немного: поражений на турнирах Тиберий почти не знал. Никто не выбил его из седла, а уж в пешем поединке на мечах тем более победить не мог. Но то — поединок. Их выигрывают или проигрывают по тысяче и одной причине.

Другое дело — камень...

После тех упражнений, сложив на стойки затупленное оружие, отдав сквайрам доспехи и сбросив толстые дублеты, мокрые от пота и утренней мороси, братья направились в баню

Санктуария — как всегда. Служки начали протапливать её прежде, чем взошло солнце: теперь жар раздухарился.

Кто-то предпочитал сразу омыть тело и позволить горячему пару расслабить мышцы — но многие, а особенно сам Тиберий, избавившись от всей одежды, любили прежде потрудиться во влажном предбаннике. Поворочать мешки с песком, помериться силой с гириями — или с собственным телом на перекладинах.

Тиберий более всего любил упражняться с огромными круглыми камнями — такими большими, что едва обхватишь обеими руками, водружая их на высокие постаменты. Ему не слишком нравились упражнения, в которых не работает сразу всё тело: чем больше мышц разом сражается с весом, чем сложнее правильно направить все свои силы — тем лучше.

И вот теперь он, постаравшись надёжно укорениться босыми ногами на покрывшемся влагой полу, привычно присел с прямой спиной и обхватил камень. Закрыв глаза, прислушался к биению сердца — а затем выдохнул, чуть разогнул колени и спину. Втащить камень на бёдра удалось без особого труда. Тиберий подсел под ношу, перехватил её, потянул на грудь — но вот тут вдруг стало тяжело.

Неожиданно тяжело. Камень едва не выскользнул, причём не от влажности: просто вдруг стал куда сильнее, чем мускулы паладина-магистра. Пришлось снова опуститься вниз, попробовать ещё — и теперь Тиберий едва не сдался. Удержало лишь то, сколько людей следило за ним. Людей, в глазах которых Тиберий был обязан выглядеть сильным.

Лишь с третьей попытки, скрипя зубами и ощущая, как в самых неожиданных местах неистово забил пульс, Тиберий всё-таки вытянул проклятый камень на грудь — и, испытав огромное облегчение, взгромоздил его на постамент.

Октавий, самый юный из братьев — не старше большинства оруженосцев, оказался разочарован. И заметил, что это разочарование очевидно Тиберию, так что не к месту решил подбодрить. Это лишь обидело магистра.

— Я поднимаю его десять лет! Поднимешь впервые — будешь тогда говорить!

Махнув рукой, Тиберий направился в парилку, не оборачиваясь.

Не хотелось ему теперь даже с бадьёй возиться. Тиберий плюхнулся на лавку, прижавшись спиной к горячей каменной стене, запрокинул голову. Длинные волосы прилипли к плечам и груди, сердце колотилось сильнее положенного. К боли в растянутом локте и пальцах, которые от могучего удара даже стальная перчатка не спасла, постепенно прибавлялось тупое нытьё мускулов тут и там. Но это, в отличие от ушибов и рассечений, была приятная боль. Такая всегда подступает после тяжёлой работы, от которой становишься сильнее.

Если становишься, конечно. Тиберий задавался вопросом, что случилось с камнем. Он же и правда тягал его десять лет: пожалуй, только десять лет назад и бывало настолько трудно. Тут паладину-магистру вспомнился гадкий лес на востоке и все гадкие события недавнего прошлого. Ладно ещё сомнения, которые обуревали тогда: то были сомнения в иной силе, не мускульной.

В своём теле-то Тиберий сомневаться не привык. Как так?

Что-то с ним случилось. Что-то происходит. И уже не первый день. Наверное — начиная с ужасного лазурно-бирюзового сна. Сон, да... Победа рождается в недрах разума, верно? Так говорит король Балдуин, а уж он-то в победах превосходно разбирается. Выходит, поражение рождается там же.

Тяжело дыша от жара и усталости, Тиберий обводил всё вокруг взглядом. Пар

заволакивал низкие каменные своды, играл со светом из узких окон под самым потолком. Магистр опустил глаза ниже. Перед ним сплошь были могучие обнажённые тела — у кого изящные, гибкие и жилистые, а у кого массивные, бугрящиеся, готовые разорваться от переполняющей мышцы силы. Почти в каждом не найти никакого изъяна: словно это не обычные люди из плоти и крови, а древние имперские статуи у дворца короля. Если изъян всё же отыщется, то самый незначительный.

Без строгих рыцарских одеяний и искусно выкованной брони паладины были так же прекрасны, как в них. Каждый — образец, эталон. А магистр обязан быть образцом для образцовых, ведь так?

По крайней мере, это Флавий внушал Тиберию с детства. А если сам архиепископ ошибается, то кто тогда может быть прав? Вопрос из тех, которые опасно задавать даже мысленно: ответ наверняка окажется очень дурным.

Кто-то подсел к магистру: Тиберий поворачивать голову не стал. Всё равно узнал Октавия по почти девичьему, тонкому и высокому голосу, едва тот заговорил.

— Магистр... Если позволите... я всё думаю о той женщине.

— Дождись проповеди. Поговори с Флавием. — с ленью и нескрываемым раздражением протянул Тиберий.

— Но... я хотел спросить вас.

Когда нечто хотят спросить у тебя прежде, чем у самого архиепископа — это дорого стоит. Это нужно ценить, даже если не хочется.

— Ну, говори. Что же?

— Так вот, я всё думаю о той женщине.

Тиберий не сразу понял. Он ведь тоже часто думал об одной женщине, хоть женщины — последнее, что в мыслях паладина уместно. Ясное дело, о какой именно. В первый миг магистр даже чуть испугался — будто юный Октавий мог знать лишнее о случившемся в Вудленде. О прошлом Тиберия. Или мысли его прочитал...

Но нет, конечно. Октавий говорил о недавней казни ведьмы в предместьях Кортланка.

— Что тебя, брат мой, смущает?

Тиберий предполагал, что дело в известных обстоятельствах. Ведьм за последнее время по всему Стирлингу сожгли изрядное количество, и часто это случалось в присутствии паладинов. Только вот обычно женщины те были из простого люда. Последняя же сожжённая — из знатных. Из бедных и не слишком значительных, но всё-таки дворян.

Однако Октавий думал о другом.

— Я слушаю и запоминаю проповеди, конечно. И несколько не подвергаю сомнению всё, что нам говорят Флавий и Корнелий, не подумайте. Потому-то и боязно их спросить, понимаете...

— Не волнуйся, Октавий. Я тебя еретиком не сочту.

— Хорошо. В общем, я понимаю: Церковь делается сильнее со смертью каждого её врага. Творец Небесный и царствие его над всем сущим делаются сильнее.

— Именно так Корнелий и проповедует. Так написано в его книге.

— Я знаю, я читал. В общем, конечно, мы должны становиться сильнее таким путём. Но понимаете, я...

Молодой паладин замялся. То ли боялся сказать задуманное, то ли не мог подобрать слова.

— ...я совсем этого не чувствую. Вот.

Тиберий подивился тому, насколько сказанное созвучно с его собственными ощущениями. Только вот он — не самый юный из паладинов. Напротив: их предводитель. К нему идут за советом в таких сомнениях, а он... а что он?

Что он может сказать Октавию?

Однако командир обязан говорить, даже если слов особо не находится. Иначе ему точно ломаный грош цена.

— Чувства, брат мой, ненадёжны. Обманчивы. Через чувства Нечистый стремится овладеть душой верующего, тогда как оплот истинной веры — холодный разум. Потому обеты наши и направлены против чувств.

Получилось, скорее всего, неубедительно. Тиберий не сказал ровно ничего такого, что Октавий не слышал на проповедях сто раз. Молодой паладин кивнул, наверное, лишь из уважения к магистру.

Слабые слова, но хоть какие-то. Слова, которые Тиберий слышал в Вудленде, были иными. Да и не в одних словах там состояло дело...

Тиберий закрыл глаза и постарался расслабиться. Завтра ему предстояла встреча с самими Флавием и Корнелием. Встреча без лишних глаз и ушей, цель которой никто заранее не пояснил — но она уж точно была значительной. Не рутинные распоряжения по поводу паладинского ордена.

Возможно, там что-нибудь для магистра и прояснится. А даже если нет — могут прозвучать простые и понятные приказы. Приказы — чудесная вещь: пока исполняешь, думать особенно не приходится.

Лэйбхвинн всюду видел знаки. Видел в шелестящей листве, и в ряби на поверхности лесных озёр, и во мху на древних стволах, и в отблесках луны промеж крон, и в синих глазах своих верных псов. А особенно много знаков — во снах.

Потому-то он искал грибы в землях Койрнов. Пришло время для кое-чего большего, нежели обычные шаманские ритуалы — рано или поздно оно приходит. Иногда обходится без того одну луну, иногда половину года, но такой момент наступает: должно шаману не просто обратиться к лесным духам, а самому взглянуть на мир, сокрытый от большинства.

Дело затянулось, потому что у Силис в положенное время не пошла кровь. Лэйбхвинн знал: иной раз такое случается, однако предчувствия столь переполняли его, что старик разозлился. И на саму девчонку, и на другого своего юного помощника — Мирна. Заподозрил, что эти двое совокупились, нарушив запрет, и теперь Силис утратила половину своей полезности. Парнишка с девкой клялись, что ничего такого не делали, глядя на шамана испуганно. Прошло восемь дней, и Силис наконец-то закровоточила. Хорошо.

Лэйбхвинн жил на отшибе главной деревни клана Нэйрн — некогда великого, а ныне тени былого величия. Тени, впрочем, до сих пор весьма густой, устрашающей многих — не бледной. Конечно, шаман жил на отшибе, но для таких дел уходил ещё дальше. Лишние глаза не нужны.

За день Силис и Мирн поставили на поляне шалаш, натащили поленья и ветви для большого костра. Собаки лежали вокруг него, нервно подёргивая ушами. Лэйбхвинн тоже был занят: на малом огне он варил своё снадобье. Варил из грибов, варил из белых, чёрных и красных ягод, из кореньев и мёда, из свежей хвои и душистых трав. Старался не вдыхать пар раньше времени, не чувствовать столь знакомый запах.

К вечеру Лэйбхвинн разделся донага и велел Мирну начертать на теле положенные знаки — жёлтой и красной охрой, углем и кровью, которую пролила Силис. Мальчишка был в этом опытен, наставлять не требовалось — чертил твёрдой рукой. Дрожала она лишь тогда, когда рисовать приходилось возле круглой метки на груди шамана, которую ничем было не смыть. И не нужно. Мирн знал, что это за метка: не хуже Грады из клана Койрн, немногим хуже самого старика.

Когда наступила ночь, всё было готово. Лэйбхвинн достал из сумы мешочек, зачерпнул, рассыпал содержимое вокруг шалаша, когда Силис и Мирн скрылись в нём. Девке никогда не следовало пересекать черту, за которую Лэйбхвинн шагал уверенно. Мирн же пока просто не был к тому готов.

— Сидите. Не высовывайтесь. Не смотрите.

Мирн вложил в рот варган. Поначалу играл он очень тихо и размеренно, едва дыша. Силис мерно перебирала камешки и кости. Лэйбхвинн вылил горячее снадобье в миску, дал девчонке вдохнуть его пар, а мальчику — слегка пригубить. Затем принялся пить сам: медленно, маленькими глотками, вслушиваясь в звуки варгана, камней и костей, в треск большого костра и голос леса.

Осушив миску, Лэйбхвинн вышел из шалаша. Полностью обнажённый, он ступал босыми ногами по сухой траве вокруг костра, с каждым оборотом приближаясь к пламени — пока оно не начало жечь. Старик не смотрел в огонь. Он бил ладонью в кожаный бубен, всё чаще и всё сильнее. Скоро за этим звуком варгана не стало слышно.

Собаки поднялись. Сначала они осторожно, стелясь к земле, зашагали вокруг костра — навстречу движению Лэйбхвинна. Затем выпрямили ноги, ускорились. Повинуясь ритму бубна, побежали. Псы подвывали и лаяли, но шаман этого почти не замечал. Перед его глазами закручивались искры, а скоро и звёзды на небе пришли в движение. Сгустился мрак, сокрывший от шамана лес: темнота отделила его от обыкновенного мира. Сейчас Лэйбхвинн не был его частью. Он уже пересёк черту.

Наконец собаки пришли в неистовство. Клацая зубами, толкая друг друга и прихватывая за холки, псы пустились в бешеный пляс. Лэйбхвинн остановился, отступил на пару шагов, но не сбавил темпа ударов в бубен. По всему телу побежал пот. Старик ощутил, как шевелятся его длинные волосы и борода. Даже в паху волосы зашевелились.

Одна из собак бросилась к костру, сиганула прямо сквозь высокое пламя — и на той его стороне, совершив кувырок, обратилась иной фигурой. Двуногой, стройной, лишённой шерсти: лишь одетой в шкуру зверя. Следом прыгнула и вторая, и третья. Одна за другой собаки Лэйбхвинна сигали сквозь костёр. Одна за другой поднимались с земли девы, наготу которых прикрывали длинные волосы и шкуры собак.

— Виждь, Лэйбхвинн...

Девы заплясали вокруг костра: быстро, яростно, ломано. Их тени сплелись. Огонь сделался ярче, но больше не жёг кожу. Началось.

— Внимай, Лэйбхвинн...

Шаман отбросил бубен и упал на колени, обратившись лицом к пламени.

— Вижу!.. — закричал он. — Слушаю!..

— Ты готов, Лэйбхвинн?

— Я готов!

Девы нежно прильнули к шаману, оплели руками: их ладони заскользили по дряблой коже старика, разрисованной знаками. Лэйбхвинн не чувствовал жара пламени, зато ощущал тепло этих тел. Он различал также горячее дыхание: губы дев почти касались его ушей.

— Раз пришёл, то смотри...

— Мы покажем.

— Мы расскажем.

— Ты узнаешь.

— Ты изведаеть.

Перед глазами слегка поплыло, взгляд пеленой подёрнуло — но лишь на мгновение. Лэйбхвинн увидел новые тени. Увидел фигуры, выходящие из темноты позади костра, бредущие вокруг него.

Первыми из тьмы вышли двое мужчин: один был высоким и очень крепким, другой — ещё выше, поистине громадного роста, но худым.

— Воин... — шепнула дева в правое ухо.

— Вождь... — шепнула другая в левое.

Следом шли, кажется, старики: полные и неуклюжие.

— Мудрец...

— И глупец.

— Один хуже другого...

— Один другого опаснее.

За стариками показались четыре обнажённые женщины: скорее тени, чем ясные фигуры, шаман не мог толком их рассмотреть. Тела казались молодыми — по крайней мере,

не старушечьими.

— Те, которые любят.

— Те, которые неспособны на любовь.

И снова мужчины: невысокие, ловкие и сильные. Они сражались, но не поймёшь — друг с другом или против кого-то. Этот бой напоминал танец.

— Убийцы.

— Прирождённые убийцы.

Едва те двое скрылись в ночи, как показались двое юнцов и две девушки. Юнцы несли на головах короны, девушки держали на руках младенцев.

— Два короля...

— Две королевы...

Следом — череда вооружённых людей в тяжёлой броне. То были рыцари или некто им подобный. Возможно, Лэйбхвинн уже видел кого-то из них: разобрать было трудно, но сходство угадывалось. Шаман понял, что дело не столько в людях. Дело в истории, которую ему рассказывают. Кто-то был молод и подтянут, кто-то стар и грузен, однако каждый был силён.

Шествие вокруг костра прекратилось. Самого костра не стало: перед Лэйбхвинном развернулась огненная стена, на которой из разноцветных языков пламени и теней начали складываться картины. Сменяющиеся, перетекающие одна в другую, наслаивающиеся.

Лэйбхвинн видел толпы людей. Толпу, окружившую юношу — и толпу, стоящую перед стариком. Он видел двух рыцарей, яростно сражающихся на мечах. Видел огромные армии — и красивые корабли, плывущие сквозь них, как по морским волнам. Видел рядом коронованного старика и полного сил мужчину, не носившего короны. Видел двух юношей — обоих в объятиях женщин, казавшихся куда старше. Видел человека в очень странном наряде. Видел двух ободранных псов, грызших друг друга.

Девы ничего не сказали об этих картинах, лишь продолжали нежно гладить и крепко обнимать Лэйбхвинна.

Показался длинноволосый старик, держащий в руках что-то увесистое, большое — Лэйбхвинн не понял, что это за предмет.

— Он уже идёт.

— Он почти здесь.

Вслед за стариком — громадина, в которой шаман не сразу признал курган.

— Ты знаешь, кто покоится там....

— Ты видел того, кто будет следующим.

— Мы не скажем, кто именно...

— Мы не знаем.

— Никто пока не знает...

А затем перед Лэйбхвинном предстали женские фигуры, которые он узнал тотчас. Тут уж обознаться было никак нельзя.

— Приди к ним.

— Они ждут.

— Настало время.

— Ты знаешь, для чего.

— Нет, ты ничего не знаешь.

— Приди и выслушай.

Последним, кого видел Лэйбхвинн, был длинноволосый всадник, скакавший через поле, поросшее высокой травой. Всадник с саблей, привставший на стременах.

Потом всё рассеялось. Лэйбхвинн больше не чувствовал тепла тел, но зато вновь ощущал костёр. Он не сразу понял, что лежит ничком. Собаки уселись поодаль, внимательно глядя на шамана, не издавая ни звука. Огонь согревал: ни холода, ни сырости. Так что Лэйбхвинн не шевелился. Только смотрел на звёзды, постепенно замедляющие ход, возвращающиеся на привычные места. И ни о чём не думал.

Звёзды тускнели, небо понемногу начинало светлеть. Лэйбхвинн понял, что ночь заканчивается. Может, он и забылся — но совсем ненадолго. Сознание растормошила влага, коснувшаяся губ: это Мирн поднёс питьё, пока Силис заботливо поддерживала голову старика.

— Что ты видел? — спросил Мирн.

Лэйбхвинн не понимал, что именно видел — но одновременно с тем и понимал абсолютно точно. Так что ответил мальчику совершенно правдиво.

— Всё...

Горло словно ножом резанули: пересохло. Потребовалось несколько жадных глотков.

— Я видел всё.

Расставшись с Гевином без долгих прощаний, Мартин пошёл по грязным улицам Дартфора, куда глядели глаза. Город всё-таки изменился за последние месяцы, и как ни странно — к худшему. Хотя и прежде был плох.

Тут не стало грязнее, не сделалось больше вони и бедняков — в том осталось по-прежнему. Всё так же временами хотелось зажать нос, особенно из-за сточных канав. Герцог Линкольн в своё время вознамерился построить такие же стоки для нечистот, как в Кортланке — но то ли не хватило ему денег, то ли нанятые мастера оказались посредственными. Местные канавы источали куда большее зловоние, чем обычные для городов выгребные ямы. Ничего похожего на столицу! По ней Мартин уже начинал скучать.

Оборванцев с пропитыми, изуродованными болезнями лицами тоже и не прибыло, и не убыло. Изменился Дартфор в другом.

Кривые рожи кругом — всё те же, но в бегающих взглядах горожан читался страх. Страхом смердело не меньше, чем нечистотами. Прежний Дартфор, хоть был вонюч и непригляден, оставался местом больших надежд. Зачастую надежд давно разбитых, утопленных в дешёвом можжевелевом пойле, потерянных в блюде и удушенных нечистой совестью — но неспроста люди стекались сюда.

Теперь что-то произошло. В каждом из проплывавших мимо лиц Мартин будто читал: беги отсюда, парень! Зачем приехал? Ничего тут хорошего нет...

Что именно случилось — Мартин понял довольно скоро. То самое, о чём говорил Гевин.

На знакомой площади возвышался теперь не только мрачный и величественный собор, но также эшафот — столь же мрачный, однако лишённый величественности. Мартин Мик ростом не вышел, потому из-за широких мужицких спин разглядел помост не сразу. Сначала он подумал, будто тугая толпа сбилась на проповедь местного епископа, но ничего подобного.

Дартфорцы пришли, чтобы увидеть казнь.

— Еретикам башки рубить будут. — пояснил одноглазый детина с мозолистыми руками.

— Почему?

— Ты дурак? Говорю же: еретикам!

— Нет, вы не поняли... Почему рубить головы? Почему не костёр?

Казалось бы, позиция Церкви в этом вопросе однозначна — Мартин прекрасно знал это. Еретиков, ведьм и прочих врагов Творца Небесного полагается жечь. Смерть, подобная смерти святой Беллы, открывает путь к спасению души.

— Да не знаю, почему. Раньше жгли — пока рыцарюги были в городе. Теперь велели рубить.

Ах вот оно что... Приор Найджел уехал в Вудленд — и похоже, установленные из столицы порядки покинули Дартфор вместе с ним. Может, герцог Линкольн не любил костры... А может, местный епископ их счёл трудоёмкими?

— Не годится так... — пробормотал Мартин.

Он имел в виду не способ умерщвления, конечно — а казни сами по себе. Путь в никуда, это ведьмы Орфхлэйта донесли ясно. Но одноглазый подумал, будто Мартин слишком заботится о церковных правилах.

— Не бойсь, малец. Трупы-то потом жгут.

Жгут тела казнённых?.. Ещё безумнее, чем виданное Мартином при паладине Вермилии. Выходит, борцы с ересью практически повторяют ритуалы язычников? Но тогда Дартфор не просто перепуган множеством казней: он катится в сумасшествие. Никакого больше Порядка. Всё происходит не так. Приор Найджел не допустил бы подобного! Он бы сохранил естественный ход вещей — пусть даже ход дурной, но не крушащий основы...

Однако приора Найджела в Дартфоре нынче не было.

Зато был Мартин.

Всё верно. Отнюдь не случайно он попал сюда.

Человек в кандалах стоял на эшафоте. Мартин, можно сказать, не видел его лица. Даже силуэт казался таким размытым, что не поймёшь: мужчина это или женщина. Дело не в расстоянии и не в том, что юноше вдруг изменило зрение — он просто смотрел на приговорённого... по-другому. Не так, как обычно. Не теми глазами.

Почти не различая образа обречённого на смерть человека, Мартин совершенно точно видел иное, гораздо более важное.

Он видел: этот человек невиновен.

«Невиновен», конечно — ещё не значит, будто он не произносил еретических речей, не порочил каким-то образом Творца Небесного, не заслуживал наказания в глазах Церкви. По крайней мере, той части духовенства, что поддерживала учение Корнелия. С точки зрения Церкви тот, кто стоял теперь на эшафоте, виновен определённо был.

Просто Мартин понимал: это неправильно. Корнелий затеял в Стирлинге дурное дело. Церковь, предавая врагов своих огню и мечу, становится только слабее — с каждой новой жертвой. А вместе с Церковью слабеет и опирающийся на неё Стирлинг.

Слабеет Порядок, установленный давным-давно. Всякий преступник — потому и преступник, что он нарушает заведённые обычаи и правила. Нарушает Порядок. Однако еретик, которого возвели на эшафот, врагом Порядку не был. Мартину не составляло труда понять, что на самом-то деле основы раскачивают те, кто осудил несчастного и намеревался теперь придать смерти.

Постепенно всё, что слышал Мартин в лесу от Геллы и что впитал, общаясь там с кем-то иным, много более древним и могучим, однако непознаваемым и бестелесным, становилось понятным. Вот, вот о чём была речь! Церковь утратила связь с Творцом Небесным, пребывающим ныне в молчании — по словам Геллы. Священники, в отличие от неё, осознать этого молчания бога не могли, однако чувствовали: что-то сломалось, что-то идёт не так. В не до конца осознанном, но сильнейшем страхе принялись они повторять то, с чего началось царствие Творца Небесного над всем сущим. Казни.

Только казнили не тех, не так и не за то.

Кого, как и за что казнить необходимо — Мартин пока не знал. Это ещё оставалось в тумане. Однако всему своё время. Пока он приближался к пониманию, что идёт неправильно. Как можно исправить дело — это уже потом.

Но едва Мартин Мик пришёл к выводу, что решение — дело будущего, а пока он только познаёт саму суть нависшей над Стирлингом угрозы, как из глубины сознания всплыла мысль совершенно иная. Мысль, вызвавшая у юноши страх, но потому и не позволяющая себя прогнать.

Смотреть — мало. Безучастным наблюдателем он являться права не имеет. Всё уже зашло слишком далеко, осталось немного времени — юноша, отмеченный ведьмами, не может стоять в стороне, ожидая, когда наконец окажется готов. Начинать действовать необходимо немедленно. Уже здесь, в Дартфоре. Уже на этой площади. Прямо сейчас.

Но как? Что он может сделать?

— Почему ты молчишь?

Сначала Мартину показалось, будто скрипучий голос прозвучал прямо в голове, однако нет. Юноша обернулся и увидел дряхлого старика: беззубого, иссушенного, одетого в тряпье. Вопреки немощи физической, взгляд старика был на удивление острым, живым.

— Что? Я?..

— Ты.

Старик не производил такого впечатления, как ведьмы: Мартин счёл, что перед ним определённо человек. Не кто-то иной. Однако человек не случайный и, разумеется, не безумный.

— Почему вы говорите со мной?

— Потому что тебе есть что сказать.

— А что вы хотите услышать?

— Не я. Тебе есть что сказать им. — старик повёл рукой, указав разом на всю толпу. — Я чувствую это. Ты здесь не случайно.

— Кто вы? Меня зовут Ма...

— Без имён! Имена не нужны. Нужны совсем другие слова.

Мартин перевёл взгляд на эшафот. Еретика уже поставили на колени, положили его голову на плаху. Рядом стоял рыцарь в прекрасном доспехе, при плюмаже и гербовой накидке Линкольнов — а ещё священник в богатом облачении, однако не местный епископ. Рыцарь молчал, священник говорил. Мартин не слышал его слов — и не хотел слышать. Зато слушала толпа: все на площади притихли. В сером небе над эшафотом кружили чёрные птицы.

Почти не понимая, что делает, Мартин шагнул вперёд.

Казалось, будто протискиваться сквозь толпу не стоит никакого труда. Словно люди расступаются перед ним — либо сам Мартин вдруг сделался подобным воде или дыму, легко

преодолевающим телесные преграды, которые не властны над духовным. Удивительно: даже датфорские стражники, стоявшие цепью вокруг эшафота, не остановили юношу. Словно вовсе не заметили? Или пропустили сознательно?

Ноги сами несли Мартина. Никем не задержанный, он поднялся по крепкой лестнице: недавно сколоченной, ещё пахнущей свежим деревом. Лицо священника вытянулось, глаза полезли на лоб: он был удивлён и возмущён, осёкся на полуслове. Рыцарь смотрел в толпу и ничего не замечал.

Встать перед глазами толпы — много ума не нужно, однако что ей сказать? Мартин рассудил так: прежде всего нужно сказать главное.

— Это неправильно!

Едва сорвались с губ первые слова — как стало гораздо легче. Новые подбирались легко.

— Человек, что стоит перед вами, не повинен в ереси! Каждое слово, сказанное на этой площади, было ложью. Каждая казнь, свершённая здесь, была неправой! Всякий, кто говорил от лица Творца Небесного или о воле его, лгал вам. Ибо Творец Небесный безмолвствует!

Мартин не мог понять, как люди на площади восприняли его слова. Он совсем не разобрал лиц: всё поплыло и смешалось. Звуки ослабли, юноша ощущал себя почти оглохшим. Хорошо слышал только собственный голос.

— Да, он безмолвствует! Он безучастен, погружён в глубокий сон, подобный смерти! Не замечали ли вы, что небеса стали глухи к молитвам? Не видели ли вы беззакония и безумия, каковых Творец Небесный не допустил бы? Вы замечали! Вы видели! Церковь заплутала на тёмной тропе без света истинного! Всё, что свершается по научению Корнелия, не ведёт к спасению, но делает только хуже!

Мартина уже схватили под руки и потащили с эшафота, но он продолжал яростно выкрикивать всё, что только приходило в голову.

— Святая Белла не призывала к казням! Благостная Дева несла лишь благую весть! И сама умерла, чтобы могли жить другие! Учение Корнелия безумно, деяния его последователей преступны! Это они достойны костров!

Кажется, получалось неубедительно. И слишком запутанно, неопределённо. Мартин уже знал, что обязан говорить, но в какие именно слова облечь мысль? Да и какова она, эта мысль — ощущаемая, но не имеющая пока в его собственном разуме чёткой формы?

— Они исказили суть Святого Писания!

А вот это ближе. Ведь в Святом Писании и о Нечистом-то лишь пара мутных слов. Уж точно — ничего об охоте на ведьм, ничего о казнях людей, смеющих перечить Церкви. Возможно, настоящая ересь давно укоренилась там, куда Мартин некогда по неразумию своему стремился.

Стражники волокли Мартина прочь, мимо толпы, оттесняемой цепью вооружённых людей. Юноша подумал, что совершил глупость. Какой толк от его неловких слов? Никто и не вспомнит уже поутру — дартфорцы сочтут его обыкновенным безумцем. А ведь Мартин прекрасно понимал, что отнюдь не безумен. Напротив — нынче он разумнее большинства. Разумнее всех. Но смысл?

— Э! Пусти его, сука!

Могучая фигура, высоченная и необъятная, словно старый дуб в Орфхлэйте, возникла на пути. Лица этого человека Мартин не видел, однако голос сразу узнал. Гевин сцепился со стражниками: одного оторвал от Мартина и опрокинул, другого тоже почти сбил с ног — но

только почти. Больше никто из толпы в происходящее не вмешался.

На помощь городской страже пришли люди в линкольнских накидках: Мартин Мик видел широкие спины, закованные в крепкое железо. Гевин был безоружен — его легко могли сейчас зарубить, но не хотели. Латники повисли на гвендле и, пусть с большим трудом, сумели скрутить его. Мартин не сопротивлялся, но его предпочли поднять на руки и унести как можно скорее. Гевина, который всё ещё отчаянно боролся, поволокли следом.

Разве так всё должно было произойти? Финала нелепее не вообразишь!

Однако Мартин не испытывал ни сожалений, ни особенных переживаний. Почти сразу он успокоил себя одной мыслью: как бы всё ни шло — идет оно именно так, как должно. Начиная с лесной тропы в окрестностях Колуэя, где рыцари увидели странный дом. С гвендлов, что схватили Мартина после — и погибли от меча Робина Гаскойна. С его, Мартина, предательства бывших соратников. С беседы в Орфхлэйте и купеческой телеги, показавшейся вдруг на ночной дороге.

Мартин Мик на стороне Порядка, а следовательно — происходит с ним упорядоченное. Даже если пока кажется, что всё наоборот.

Рин очнулся и понял, что его куда-то волокут. Запястья оказались связаны за спиной, но явно лишь для того, чтобы двоим мужчинам было удобно ухватить его под руки и тащить. Сопrotивляться Рин нынче едва ли был способен — да и не хотел. Ноги бессильно болтались позади, но Рин чувствовал, как их пальцы касаются каменного пола. Наверное, ходить он ещё сможет, но точно не сейчас.

Он не сразу вспомнил, где находится и как попал сюда.

Если точнее — первым делом вспомнил, что не знает, где именно находится. Какие-то застенки, но вот чьи именно — до сих пор можно было только гадать. Скорее всего, он по-прежнему в Кортланке, и в этом подземелье Конгрегация чистоты веры работает с врагами Церкви. Да, похоже на правду. Скорее всего, именно люди префекта Конгрегации, епископа Корнелия, схватили Рина с друзьями. Это логично. Хотя и не факт: никто ведь ничего не объяснял. Лишь задавали вопросы, и то не очень часто. В основном пытали.

Это точно подземелье — ясно по сырости и окнам под потолком, в которых иногда мелькали чьи-то сапоги. Что Рин всё ещё в Кортланке, а не за пределами столицы — только предположение. Что было между арестом и первыми допросами, Рин совершенно не помнил. Впрочем, он и допросы-то помнил очень плохо. Было очень больно: вот это запомнилось.

Перед глазами были только камни пола: шее не хватало сил, чтобы приподнять голову. Но зато Рин кое-что слышал. Не только шаги здоровяков, тащивших его по коридору — кто-то ещё шагал позади. Цок, цок, тук. Цок, цок, тук. Это человек со шпорами на обуви и тростью. Уверенные шаги, так что трость незнакомцу потребна не от немоци: просто аксессуар.

Интересная деталь. Священники с тростью просто так не ходят. Это человек придворный. И вовсе не старой закалки: модник. Молодой. Или, может быть, иностранец? Но даже если так — это не значит, что Рин не в руках Конгрегации.

— Тяжёлый, сука...

Как помнится, для допросов Рина из камеры никуда не выводили. Может быть, именно поэтому. Зачем же вынесли теперь?

— Стоило работать аккуратнее. — послышалось из-за спины. — Ваше счастье, что дорогой гость жив. Я бы сильно расстроился, пройди долгожданная беседа в неполном составе.

Значит, хотя бы кто-то из остальных тоже здесь. И тоже пока не отдал душу Творцу Небесному. С одной стороны, это отраднo. С другой — очень большой вопрос, не оказалась бы смерть лучше подобной жизни. Сам-то Рин полагал, что пока сердце ещё бьётся — всегда есть какие-то шансы. И есть смысл продолжать борьбу за свою шкуру, тем или иным способом. Но так ли крепки духом его товарищи? Тоже очень большой вопрос, причём Рин скорее был склонен к отрицательному ответу.

Незнакомец говорил по-стирлингски — и очень хорошо. Но какой-то акцент Рину чудился. Сложно было сказать, какой именно. Этот человек уж точно не столичный, но он может быть с севера. Или с самого востока королевства. А может, конечно, и из южных иностранных земель. Откуда угодно, но не настоящий местный. Рин родился в кортланских трущобах и земляка бы всяко признал.

Противно заскрипели петли: дверь тяжёлая, однако её не отпирали. Рина бросили на пол, его нос впечатался в камень и быстро наполнился кровью. Перевернуться не получилось, так что Рин не мог осмотреться: продолжал ориентироваться на слух. Кто-то ещё лежал рядом, шумно дышал. Чуть поодаль — наверное, в другом углу комнаты, слышалось копошение. И будто собака скулила. Только это не собака, конечно же...

— Какого Нечистого?.. — человек с тростью был то ли возмущён, то ли раздосадован.

И его реакция явно смутила тюремщиков. Понеслись сбивчивые оправдания.

— Нет-нет, раз уж начал — так заканчивай. Я подожду. У тебя, любезный, видимо — очень мало свободного времени и... определённого рода возможностей, раз пришло в голову заниматься... этим, вот этим вот, здесь и сейчас? Что за пошлость! Фу!

— Нет, я...

— Я невнятно говорю? Сказано же: заканчивай, раз начал. Я жду.

— Но...

— Не испытывай моё терпение. Я готов подождать. Повторять приказы не готов.

Рин повернул голову. Ага, рядом с ним лежит Корин: живой, но выглядящий нынче крайне дурно. Скорее всего, у Рина видок ничуть не лучше. Друзья встретились взглядами, но решили обойтись без приветствий. Помнится, поначалу Рин пытался убедить допрашивающих, что никого из прочих арестованных не знает. Ему, разумеется, не поверили.

Скоро удалось перевернуться на бок и разглядеть остальное.

Сначала Рин увидел человека с тростью. Тому услужливо подали шаткую табуретку, однако уселся на неё незнакомец изящно и твёрдо, будто в седло. Он и правда оказался сравнительно молодым мужчиной, но о происхождении внешность не говорила ничего. Неброско, но очень дорого одет. Высокий, худощавый, чисто выбритый и абсолютно лысый — кажется, у незнакомца даже бровей не было. Он внимательно наблюдал за происходящим в дальнем углу.

Там Рин увидел Эльзу, стоящую на четвереньках. Не похоже, чтобы теперь процесс доставлял детине, пристроившемуся к ней сзади, особое удовольствие — однако приказ человека с тростью исполнять пришлось.

Наверное, это была камера Эльзы — а Корина приволокли сюда так же, как и Рина. Только что. А вот зачем, почему не в допросную какую — непонятно. Может быть, не хотели возиться лишний раз. Вероятно, человека с тростью не ждали слишком скоро: вот он и застал тюремщика в такой неудобный момент.

Особо весёлой Эльза, конечно, не выглядела — но её хотя бы точно били меньше, чем Корина с Рином. Досталось иначе. Ну да ей не впервой.

Человек с тростью по-прежнему был очень недоволен.

— Мне не нравится, как вы работаете. Казалось бы, платят достаточно? Ужели Корнелий изгнал из Кортланка всех шлюх? По дороге через окраины я этого не заметил. Поторопись, будь добр! Когда я велел закончить — вовсе не имел в виду «растяни-ка подольше, желаю насладиться зрелищем». Оно, признаться, не увлекательное.

Наконец Эльзу оставили в покое. Тюремщики отступили к дверям, за спину человека с тростью.

— Ты... — обратился он к мужику, смущённо натягивающему штаны. — Ты со мной больше не работаешь. Решай вопрос с начальством сам, как пожелаешь, но если ещё хоть раз попадёшься на глаза — вот поверь, огорчусь. Огорчусь до невозможности. Брысь! Вообще

все брысь, оставьте меня с ними наедине. Итак, дорогие друзья...

Лысый попытался как-то пристроить трость, но не смог — и никому не передал. Предпочёл очень осторожно положить на пол.

— ...итак. Ваши имена мне известны, можете не представляться: полагаю, ситуация вполне даёт нам право обойтись без куртуазных формальностей. Но мне было бы приятно представиться самому. Вы не возражаете?

Рин счёл это риторическим вопросом и промолчал. Аналогично рассудили и остальные.

— Плохое начало беседы. Я ведь задал вопрос. Вы, дорогие Рин, Корин и Эльза — не возражаете, если я представляюсь?

— Нет. — кое-как выдавил из себя Рин, хотя говорить было больно.

— Чудно! Меня зовут Люка. К сожалению, некоторые неотложные обстоятельства не позволили мне побеседовать с вами ранее, однако я весьма полно владею собранными в этих милых стенах сведениями. Сведения, впрочем, я давно привык неизменно проверять. Давайте поступим так, как это будет наиболее удобно всем сторонам. Я кратко перескажу факты, известные мне, а вы любезно поправите, если заметите какую-то ошибку. Можете свободно перебивать меня в любой момент, прошу, не стесняйтесь. Вас устраивает это предложение?

Никто опять не ответил. Корин только дышал, как вытащенная на берег рыба, а Эльза забила в угол и хныкала. Как и следовало ожидать, Люке это не особенно понравилось.

— Кажется, я весьма ясно дал понять, что для начала беседы желаю услышать, согласны ли вы с предложенным способом её ведения. Как вы будете поправлять возможные ошибки, если даже не можете ответить на простой вопрос?

— Будь по-вашему... Люка. — произнёс Рин.

Угодно же этому говнюку ломать комедию! Но постановщик здесь, без сомнения, именно он. Актёрам полагается лишь играть предложенные роли.

— Прекрасно! Здорово видеть настоящего командира: уверенно говорит за всех своих людей. Итак. Насколько мне известно, некий человек, о котором вы не сумели дать полезных сведений помимо описания внешности, нанял вас в Кортланке для исполнения щепетильной и, я замечу, весьма щедро оплачиваемой работы. Во исполнение составленного плана вашими, дорогой Рин, усилиями госпожа Эльза сумела устроиться прислугой в обитель архиепископа Флавия. Насколько могу судить, известные в столице слухи о не слишком-то строгом отношении Флавия к церковным аскезам оказались более чем верны. Трудно представить, чтобы Эльза каким-либо иным путём сумела получить доступ к ведомой архиепископом переписке, так?

Это проверка. Едва ли Люка мог случайно озвучить неверные детали в самом начале. Нет, он явно пытается подловить на желании лгать. А лгать сейчас не время: для пристойной лжи требуется ой как хорошо владеть ситуацией в целом. Рин не знал о своём нынешнем положении ничего, кроме того, насколько оно дерьмовое. Поэтому лучше быть честным. Недоговаривать по возможности, но не лгать.

— Нет. — сказал Рин. — Не Флавий. Слуга его... дьячок...

— О! Я рад, что мы сразу же начали исправлять досадные неточности. Итак, значит: Эльза обрела некое известное влияние на помощника архиепископа, в силу возраста едва способного смирить плоть. Совершенно логично, ведь архиепископ Флавий не глуп и тем более не беспечен. Я был бы сильно разочарован, узнав, что он подпускает к себе кого попало! Не скрою, приятно ошибаться в таких аспектах. Вы позволите продолжить?

Рин кивнул.

— Благодарю. Судя по вашим показаниям, весьма точно сошедшимся в этом вопросе, а также по собранным уликам — суть работы состояла в том, чтобы украдкой выносить из обители Флавия представляющие интерес письма, а затем подменять их копиями, дабы пропажа не была никем замечена. Это верно?

— Верно.

— И делалось это потому, что ваш таинственный наниматель непременно желал получать именно подлинники писем, начертанных рукой Флавия и его адресатов?

— Да.

— И копии изготавливал Корин, обладающий известным опытом в подделке бумаг?

— Он.

— Славно. Должен заметить, что качество подделок за авторством Корина — ниже среднего. Но это не главная тема сейчас. К сожалению, в силу определённых веских причин привлечь вашего нанимателя к беседе в данный момент решительно невозможно. Поэтому настало самое время мне задать один вопрос. Как вы, друзья, полагаете: почему были настолько важны подлинники писем?

Юлить Рин и теперь никакого смысла не видел. Уж лучше играть по правилам Люки — по крайней мере, покуда всё разыгрывается в соответствии с ними, никто тут никого не пытается. Уже неплохо.

— Потому что пересказу никто бы не поверил.

— Очень точное замечание. Но верное именно для той ситуации. Сейчас ваше положение неким образом драматически изменилось, так что считаю уместным вполне доверять пересказу. Что за сведения удалось собрать?

— Конгрегация ведь всё читала! — выпалила вдруг Эльза.

Зря дерзит, конечно, но что уж тут поделаешь... В конце концов, это её проблемы. Можно было бы сказать, что Люка поднял брови, кабы они на абсолютно лишённой волос голове имелись.

— А вы полагаете, что я работаю именно на Конгрегацию чистоты веры? И в данный момент вы находитесь у неё в гостях?

— На кого же ещё... — кое-как прохрипел Корин.

— Смелое предположение! Особенно смелое в контексте того факта, что вы даже не знаете, на кого работали сами.

Рин действительно этого не знал. Он работал на человека, щедро работу оплачивавшего — часто в делах шпионских именно так всё происходит. Предполагал, что платить за сведения о переписке главы стирлингской Церкви могут балеарцы — ясно ведь, кто Стирлингу природный враг. Но если на этот вопрос взглянуть иначе — столь усилившаяся за последние двадцать лет Церковь имеет и врагов внутри Стирлинга.

Иногда даже в таком смысле, как Эльзу. Ох, прекрасная вышла шутка! Хорошее время для чёрного юмора, ничего не скажешь...

А ещё враги есть у самого Флавия, это как пить дать. Трудно сместить архиепископа с должности — но должность-то очень сладкая, многие такую желают. Вариантов полно. Гадать без толку, надо лишь составить в уме список вероятного.

И этот Люка действительно может быть никак не связан с Корнелием. Но возможно, всё наоборот: на первый план специально вывели человека, предельно не похожего на людей Церкви.

А может, Корнелий — и есть настоящий враг Флавия? Чем дольше Рин над всем этим размышлял, тем больше возникало идей. Одна другой краше. Мысли запутывались.

— Итак... — опять начал Люка. — Вопросы «кто на кого работает» неизменно увлекательны, но в данный момент совершенно меня не занимают. Если вы, напротив, испытываете любопытство, то я вынужден отказать в его удовлетворении. Мне жаль. Итак, давайте перейдём к сути сведений, которые вам удалось собрать. Насколько я знаю, прежде всего вы рассказывали о сквозящей в приватной переписке Флавия идее укрепления власти Церкви? О, так сказать, принятии ею некоторых рычагов, ныне безраздельно находящихся в руках короля и его советников?

— Да.

— Понятно. А имеете ли вы представление, насколько мала цена таким, кхым, сведениям? Право слово: ради столь жалкой информации не стоило рисковать попасть сюда! Любой идиот знает, что Флавий ещё с конца войны желает именно этого.

— И ему не нравится кронпринц...

— Ну конечно же, ему не нравится кронпринц! Но позвольте угадать: и его младший брат Флавию тоже не очень-то по душе? Каюсь, у меня не было времени внимательно прочитать все письма, но уверен: многие из них содержат обсуждения «какой будущий король лучше для Церкви». Если бы Флавий мог, он бы определённо даровал Балдуину вечную жизнь. Вот такой-то король Церкви ну очень удобен. На беду Флавия, не свершает Творец Небесный подобного рода чудес. Однако же я веду с вами эту беседу не ради констатации очевидного. Сведения, которые мы уже успели здесь обсудить, откровенно жалкие — как и большинство прочих... Однако же вам продолжали платить, причём щедро.

Люка наклонился вперёд, упершись локтями в колени. Смерил острым взглядом всех узников по очереди. Трудно было понять, нравится ли ему производимый этой сценой эффект. Ничего на лице и в глазах этого Люки толком не прочитаешь, к сожалению... Не из тех он людей, которые легко читаются.

— Вы приносили своему благодетелю какие-то иные сведения. Какие?

Рин плохо помнил, что успел рассказать на допросах, а что нет. Однако если ему и удалось утаить хоть какие-то подробности, то начинались они с Ургвина. Можно попробовать...

— Флавий ищет нечто в Ургвине.

— В Ургвине?

— Да, в Ургвине.

— В том Ургвине, где девять вершин Ург, смешной язык и глупые шапки? В этом Ургвине?

— В нём...

— И что же Флавий может изыскать там, кроме ургвинцев?

— Этого мы не узнали!

— Да... не узнали. Каких-то людей. Поддержку, может. Для чего-то. Я не знаю.

— Очень жаль! Опять совершенно бесполезные сведения. Более того: эти сведения кажутся мне вымышленными. Я, знаете ли... внимательно читал те же бумаги, что и вы. Конечно, не со всеми удалось ознакомиться, но про Ургвин не было ни слова. Самое интересное оказалось именно там, где я не видел? Плохо верится в подобные совпадения.

В яблочко. Рин действительно рассказал на допросах не всё — и теперь Люка оказался достаточно удивлён, чтобы даже не поверить ему. Было ясно: если Рин имеет хоть какой-то

шанс выбраться из проклятого подземелья, а в идеале — и вытащить остальных, то суть того шанса в пользу для Люки. Кем бы ни был этот человек, кому бы ни служил — необходимо стать чем-то полезным ему.

Иначе ничего хорошего Рина и остальных не ждёт уже точно. Нужно попробовать.

— Об Ургвине речь шла не в письмах...

— Откуда же они?

— Из бесед.

— Чьих?

— Флавия с Корнелием.

А вот теперь Люке действительно стало интересно — это Рин заметил.

— Иными словами, вы утверждаете, что нашей общей подруге Эльзе удалось также подслушать некие беседы высочайших иерархов?

— Да.

— Эльза, это правда?

— Правда!

Люка поднял с пола трость, а затем поднялся сам. Цокая и стуча по полу, прошёлся по камере. Внимательно оглядел каждого из шпионов, затем задумчиво посмотрел в потолок.

— Любопытно...

Ещё один размеренный круг по узкому помещению. Люка чувствовал себя уверенно, хотя Эльза даже не была связана — да и Рин с Корином кое-как. Быть может, узники казались Люке слишком измученными. Или слишком разумными, чтобы совершить глупость, не ведущую ни к чему.

А ещё возможно, что Люка постоять за себя умеет. Двигался он плавно, имел прекрасную конную выправку. Правда, без оружия.

— Любопытно. Знаете, минуто назад вы казались мне малоценными шпионами. Кое-какие опыт и талант есть, признаю: иначе вы бы вовсе не подобрались к Флавию. Старый лис по-прежнему хитёр и осмотрителен. Однако же мало этого, дабы ваши жизни стоили дороже работы палача. Но вот если таланты Эльзы несколько шире способности водить за нос мальчика-дьячка — то наша встреча имеет кое-какой смысл. Есть лишь одна проблема. Знаете, какая?

— Какая?

— Я вам не верю.

Вполне логично. Люди в таком положении насочиняют чего угодно. Именно этим плохи попытки — ради их прекращения человек расскажет много больше, чем знал. Рин был покрепче, чем Люка о нём думал — и Корин с Эльзой, как оказалось на поверку, тоже. Однако в том ещё потребно как-то убедить.

Как?

Сказать нечто, о чём Эльза действительно могла узнать только из разговоров. Не из довольно-таки бесполезных писем: архиепископ действительно был неглуп и бумаге явно доверял далеко не всё. Только что сказать-то?

Рин никак сообразить этого не мог. Много били по голове — работает теперь хуже, чем привычно и чем хотелось бы. А вот Эльза то ли сообразила, то ли как-то почувствовала, то ли просто ткнула пальцем в небо — и попала прямо в счастливую звезду.

— У Корнелия есть книга!

— О, я не сомневаюсь, что у префекта Конгрегации полно книг. Одну он даже недавно

написал.

— Особенная книга! Он говорил... книга, которую никто не может прочесть.

Люка, продолжавший неспешно прогуливаться по камере, в один миг замер. Аки истукан.

— Книга, которую никто не может прочесть?..

— Да!

Рин знал о книге, но не придавал ей значения. Зря, очень зря... Он едва не упустил главный шанс в жизни, быть может. Книга, написанная на языке, о котором Корнелий не слышал и не нашёл никаких сведений. Люка определённо не впервые слышал о ней — и определённо знал, что никто так просто не должен быть услышать. Вот оно: достаточное доказательство, что пленники не лгут.

Люка приблизился к Эльзе, склонился над ней.

— Итак, дорогая Эльза. Минуту назад казалось, что вы напрасно тратите моё время, но теперь вы завладели всем моим вниманием. Насколько могу судить по вашему виду... и кстати, позвольте заметить, что вы очень красивая девушка, даже в нынешнем состоянии... Скажем так, возможно пристойно устранить полученные вами зримые повреждения. Займёт какое-то время, но вполне разумное. Что же касается иной стороны произошедшего, каковую я недавно имел сомнительное удовольствие наблюдать — простите за прямоту, но нет времени на мягкие формулировки. Вы, уж если по чести, и раньше были шлюхой, так? Можете не отвечать.

Дзынь, дзынь, дзынь. На пол с тяжёлым звуком посыпалось что-то металлическое. Монеты. Люка вряд ли полагал, что Эльзу они сильно обрадуют. Говнюк всё мягко стелил, да не позволял забыть, кто здесь в каком положении. Эльза промолчала.

— Не то чтобы это была оплата некоторого вашего, если можно так выразиться, невольного труда. Это скорее символический жест, показывающий только одно: если выйдете отсюда — всё будет компенсировано. Можете поверить, что моя деятельность весьма щедро финансируется. И прочие возможности у меня в изобилии... Думаю, есть достойный рассмотрения шанс, что вы окажетесь полезны. При том условии, разумеется, если станете делать абсолютно всё, что я велю. И никак не попытаетесь меня обмануть, потому что это приведёт нас обоих к глубокому разочарованию. Горькому для меня и мучительно смертельному для вас. Причём гораздо быстрее, чем вы можете вообразить. Итак, моё предложение о сотрудничестве вызывает интерес?

То ли Эльза не ответила, то ли просто кивнула, то ли Рин не расслышал. В любом случае он решил, что самому теперь молчать не стоит.

— Вызывает.

Люка обернулся.

— А вас я, между прочим, не спрашивал. Вы двое по-прежнему остаётесь довольно заурядными шпионами. Кажется, моя готовность выдвигать предложения показалась тут кому-то признаком слабости? Вы думаете, верно, что меня можно взять, как говорится по-площадному, в оборот? О, это большая ошибка.

Он, поигрывая тростью, шагнул прочь от Эльзы — в сторону лежащих мужчин.

— Вы, Рин, были командиром. Вы отвечали за своих людей и всю эту небольшую операцию. И вы провалились. Это ещё не повод уверенно заключить, что вы бесполезны — но большой повод так подумать. Ну а вы, Корин...

Люка цокнул шпорой по полу.

— ...а вы плохо умеете работать с бумагами. У меня есть умельцы получше. Вы, к сожалению, просто-напросто бесполезны.

Бедняга Корин попытался возразить, конечно, но сделать этого так и не довелось. Рин же не сумел понять, откуда в руке Люки появился клинок: был спрятан в трости, что ли? Вероятно. Остриё воткнулось Корину под кадык — он, чуть подёргавшись, так и замер с открытым ртом, которым не успел оправдаться.

Эльза завизжала и умолкла лишь после того, как получила от Люки смачный пинок по рёбрам. Рин тем временем попробовал на прочность свои путы — увы, руки оказались связаны крепче, нежели он думал прежде.

— Что?! Теперь серьёзность моего настроения сомнений не вызывает? Отвечайте!

Люка сорвался на крик ничуть не менее неожиданно, чем пырнул Корина. Его голос, до сих пор тихий и мягкий, загремел меж каменных стен не хуже колокола. А лицо при том осталось таким же бесстрастным, как прежде — это напугало более всего.

— Я вам больше не кажусь добрячком, выродки?!

— Нет!

— Нет!..

— Точно нет?! Не уверен!

Эльза повторяла своё «нет» снова и снова, а Рин просто зажмурился, увидев клинок перед лицом. Неоткуда было взяться уверенности, что ему ещё доведётся открыть глаза. Смерти Рин никогда не боялся — а иначе избрал бы себе какое-нибудь иное ремесло, пусть даже много менее денежное.

Но хотелось бы умереть в месте получше. И не сейчас.

Ламберт старался проводить в королевском замке как можно меньше времени.

Древняя твердыня, выстроенная на торчащей из глади озера Эшроль скале, была очень красива: это правда. Высокие стены будто росли прямо из камня в основании замка, будучи с ним единым естественным целым, как дерево с корнями. Они вздымались над водой, завершаясь зубчатым парапетом. А уже от этого могучего остова тянулись к небу круглые башни, увенчанные крышами в форме острого конуса: как ветки растут из ствола.

Камень был самым обыкновенным, но короли Стирлинга поколениями не жалели денег, чтобы красить замок в цвет слоновой кости, выгодно сочетающийся с тёмной черепицей. Внизу имелась пристань, куда вели ходы, вырубленные прямо в скале. Вырубленные нарочито грубо, словно являлись не творением человеческих рук, а настоящими пещерами. Поднявшись на стену, можно было видеть красивые корабли с огромной высоты.

Прекрасного хватало и внутри. При всей своей защитной мощи замок был на удивление светлым: донжон поднимался гораздо выше внешнего кольца обороны, его стены прорезали длинные и узкие окна с витражами. На убранство не скупилась.

Прекрасный замок, без сомнения.

И всё-таки кронпринц всегда испытывал облегчение, пересекая изящный длинный мост в направлении берега. Тяжело ему жилось в замке. Твердыня королевского рода Бламарингов уж слишком пропиталась за века их воинственным духом, который Ламберту был чужд. Может, в детстве он ещё испытывал при виде боевых трофеев то чувство, пробуждения которого славные военачальники ожидали. Но точно не теперь: после путешествий по Ульмису, после учёбы у мудрейших людей его.

А день вышел нынче пригожий, солнечный и безветренный, так что Ламберт направился в город ещё с большим удовольствием, чем обычно.

Охраны при нём всегда было мало: лишь двое или трое латников в цветах королевского пурпурно-золотого штандарта. И тех-то Ламберт при случае имел обыкновение отослать домой — хотя такая беспечность вызывала ворчание шателяна, королевского мастера над оружием и всех прочих вечно недовольных стариков.

Кортланк протянулся вдоль берега Эшроля, примыкая к озеру западной стороной. У самой кромки озера ещё попадались казармы и укрепления, призванные пуще защитить и без того совершенно неприступный замок. Но сотня шагов — и столица расцветала по-настоящему.

Город основали при Старой Империи, однако на самом её излёте — и даже следов того времени сохранилось немного. За добрый десяток веков Кортланк знавал пожары, осады, а также королей со смелыми архитектурными взглядами. Здесь почти не осталось естественных классических форм и присущей древнему государству простоты. Собор Благостной Девы и прочие церкви выглядели вызывающе: неистовая устремлённость к небу, острые линии — сам Творец Небесный рисковал порезаться. Храмы отличало устрашающее величие, они стремились вызвать священный трепет перед божественной волей.

Дома в богатых кварталах напоминали маленькие замки, но при том обладали удивительным мирным очарованием. Ближе к внешним стенам Кортланк терял в блеске, но даже сравнительно бедные горожане строили основательно. Были, разумеется, в столице и по-настоящему дурные места: как у любого огромного города.

Но зачем смотреть на грязь, если столько красоты рядом?

Старые пэры, поднимая кубки в чертоге Балдуина, говорили: Кортланк напоминает им прекрасное войско, готовое к походу. Торжественно одетое, с красивыми знамёнами. Ламберт эту метафору в голову не брал. Ему столица виделась скорее толпой сочной, весёлой молодёжи, собравшейся на праздник. Ощущалась, конечно, во всём кортланском некоторая суровость, однако суровость то была неизменно утончённая. Словно крепкий доспех, украшенный при том искусным травлением и гравировкой. Понятно, что вещь создана для битвы — но красивая ведь!

Если не заглядывать на окраины, что для благородного человека совершенно излишнее дело — то Кортланк можно было только любить всеми силами души.

Нынче Ламберт направлялся в университет. Его-то кронпринц в столице любил особенно.

Причина таковой любви была ужасно проста и абсолютно логична: ещё не надев короны — да и не рассчитывая сделать это скоро, учитывая завидное здоровье отца, именно в университете Ламберт уже успел изменить многое.

Можно сказать, что сия обитель науки, храм сокровенных знаний, для кронпринца стала этакой миниатюрой королевства.

— Приветствую, друзья!

Друзей у Ламберта в просторной аудитории было навалом: отнюдь не фигура речи. Кронпринц прервал своим появлением горячий диспут школяров — спорили не то о философии, не то даже о политике. Однако при виде Ламберта тотчас позабыли, из-за чего так распалились, покраснелись и едва шутейную драку не устроили. По обыкновению своему Ламберт легко овладел всеобщим вниманием.

— Что за шум среди вас нынче? Никак в самом Санктуарии вас слышали!

Объяснять начали наперебой, Ламберт ничего не разобрал поначалу. Разъяснил ситуацию Гвидо, младший отпрыск побочной ветви Скофелов. Он чинно восседал посреди бурлящего собрания студентов, скрестив руки на груди и демонстративно не участвуя в горячей дискуссии.

Это тоже позиция, подумал Ламберт. Иногда воздержаться — самое сильное высказывание.

— Они, Ваше Высочество, обсуждают Никколо Равелли.

— О! Да это превосходная тема для обсуждения. Надеюсь, спор не из-за «Комментариев к наукам войны»?

— Помилуйте! Разве в нашей компании из-за военных искусств выйдет такое? Ну нет же... Все обсуждают «Основание государства».

— Прекрасная книга. Перечитываю с удовольствием.

Университет в Кортланке основали ещё при прадеде старика Балдуина: попозже, чем случилось такое в южных странах и Лимланде, но также давно. Однако что представлял собой университет прежде? В этих стенах было душевнее, чем на проповеди Флавия! Восседали унылые монахи, пытавшиеся комментировать Святое Писание научно, ещё более скучные врачеватели — и также законники. Происхождения в основном невысокого, но всё-таки почти всегда знатного: не как у балеарцев с лимландцами бывает.

Тем был хорош старый университет, что подпускал к знаниям людей, коим родители не могли нанять дорогих наставников. Но и только. Ламберт же, знавший учебные заведения Лимланда и норштатских государств не понаслышке, побывавший в Тремоне и даже

украдкой заглянувший в Ромельянский университет на недружественной балеарской земле, хотел видеть дома иное.

Что кронпринцу всегда удавалось превосходно — так это диктовать свежей дворянской поросли моду. И университет он сумел сделать модным всего-то за пару лет. Теперь ничто во всей стране, пожалуй, настолько разительно не отличалось от затхлой воинской старины королевского замка и суровых церковных порядков.

— Ваше Высочество! А что вы думаете об «Основании государства»?

— Да, да! Каково ваше мнение?

— Рассудите!

Ламберт, хоть и двадцати лет от роду, уселся среди сверстников с видом многоопытного учёного мужа. Первым делом, конечно, бросил на воображаемый карточный стол всем известный, однако всегда достойный упоминания козырь.

— Начну с того, что повезло мне однажды иметь личную беседу с сеньором Равелли...

Немного словесно покрасовавшись на эту тему, Ламберт всё-таки перешёл к сути.

— Ни одну из сторон не могу поддержать решительно. Во многом, конечно же, я согласен с постулатами «Основания государства». Никколо Равелли очень глубоко постиг суть политики, а также сумел удачно эту суть изложить. Его суждения способны в будущем принести Стирлингу немало пользы.

— Вы бы основали собственное правление на тезисах «Основания государства»?

— Отчасти. К этому-то и веду: мысли Равелли интересны и полезны, но составлены на основе того, каковы политика и сама жизнь в Тремоне. В Стирлинге, вы знаете, оливки-то не растут! Увы, даже виноград на нашем юге растёт еле-еле. Не всё, что превосходно всходит на тремонской или балеарской земле, столь же хорошо и для Стирлига. Особенно в ближайшие десятилетия.

— При всём уважении: похоже на речи наших отцов.

— Так под флагами наших отцов и воздух другой, куда от этого денешься? Давайте начистоту: да, Стирлинг нынче дышит южным лошадям в крупы. Костенеть и дальше — смерти подобно. Однако я думаю так: перемены должны быть решительными, но постепенными. Поэтапными. Если одну только крышу обновить — на чахлам фундаменте дом развалится всё равно, верно? У меня есть некие планы, которые я намерен осуществить. Конечно, они основаны на идеях Равелли. А равно и на других идеях, от которых отцы наши так легко отмахиваются, предпочитая военные байки да проповеди. Но правда в том, что Равелли не суждено править Стирлингом. Он даже Тремоной-то не правит. А вот я править Стирлингом собираюсь!

Понятное дело: консерваторов среди юных дворян, собравшихся здесь, не водилось. Перемен так или иначе хотели все. Только вот очень разных — и хотя Ламберт понимал невозможность угодить всем и каждому, но стремился хотя бы создать видимость такого намерения.

Кстати, как раз о ценности для государя подобного умения Равелли в своей книге писал.

— Это разумно, конечно, но... — наследник графа Комблтона, извечный товарищ Ламберта по гуляниям и оппонент в спорах, начал так, чтобы было ясно: всё главное скажет после «но». — ...я должен заметить: идеи Равелли тоже не с крыши строятся. Именно с фундамента. И фундамент же нашего государства, как все отлично знают, стремится перестроить под себя архиепископ. Я и раньше не видел здесь компромисса, а чем дальше — тем меньше вижу его!

— А какова альтернатива компромиссу? — усмехнулся Ламберт. — Не войну же вы предлагаете?

Все рассмеялись. Уж что-что, а война столичным школярам всяко была глубоко противна. Больно много слышали о ней с детства: почти у каждого отец если не воевал сам — то посылал на бойню войска. Всё время одно и то же: война, война, война... Победа, победа, победа. Великая победа прошлого — а между тем Стирлинг уже безо всякой войны терпит очевидное поражение. Причём не только в сравнении с бурно развивающейся Балеарией. Внутри — тоже.

Словно в сказке о ненасытном чудовище, пожравшем самого себя.

— И как раз идея о дворянском компромиссе подводит нас к геделенской школе политической мысли. — заметил Гвидо Скофел. — Что я безуспешно пытался до всех донести, пока вы, Ваше Высочество, не усмирили творящийся бардак.

— Я думаю, друзья, вы просто не с того конца начали дискуссию. А главное — не в той, вот уж право слово, обстановке! Если дело дошло до обсуждений Никколо Равелли, то это разговор не на трезвую голову. Всем нам явно пора переместиться из храма науки в известный, так сказать, храм увеселения! ТрEMONское вино поможет разобраться в тремонских государственных концепциях.

Предложение Ламберта, конечно, не встретило возражений. И хотя он прекрасно понимал, как скоро от тремонского вина всем сделается совершенно не до политики — собственный план счёл удачным.

Править Ламберту, наверное, предстояло нескоро. Однако и не настолько уж далёк этот час. Посему кронпринц считал необходимым наслаждаться каждым мигом того сладкого времени, когда ещё мог не вести себя по-королевски.

А мог иначе: лишь как наследник престола. Жаль, что младший принц Стирлинга наверняка выбрал нынче и другое общество, и совсем другие разговоры. Но это ничего. Ламберт рассчитывал сильно изменить родную страну — рассчитывал он изменить и родного брата.

Но понимал: то и другое одним махом совершить не получится.

Недавние трагические события не только отяготили совесть сира Робина, но и отравили его жизнь иным путём. Барон не скрывал отеческой гордости от того, как лихо наследник расправился сразу с четырьмя противниками в одиночку — однако старика явно огорчала лёгкость, с которой Робин к неравному бою отнёсся. И хотя ветер давно уже развеял прах Даглуса, но дерзкий набег гвендлов убедил Клемента Гаскойна: даже далёкие от Орфхлэйта земли нельзя считать безопасными.

Проще говоря — барон боялся, что Робин снова влипнет в подобную историю. Ясное дело, он никогда не запретил бы столь любимые Робинем путешествия по наследным землям. Однако строго велел не уезжать далее чем на день пути без пары-тройки всадников. А если того дальше — то собирать целый отряд.

Это не навсегда, успокаивал Клемент недовольного сына. Нужно убедиться, что гвендлы затаились. Что отряд Даглуса действительно погиб полностью — и за его гибель никто не явился мстить.

Ну конечно же, Робин был недоволен! Он осознал свои ошибки, но одинокие поездки по родным краям к таковым не относил. Нынче хотелось побольше времени проводить в

одинокости: но как уединишься в тесном замке, полном родни, прислуги, рыцарей и оруженосцев? Нарушать наказ отца, с другой стороны, очень не хотелось. Клемент Гаскойн не от самодурства велел то, что велел — он искренне беспокоился о Робине, и понятны причины такового беспокойства. Даже помимо самой по себе отцовской любви.

Робин слишком важен, это очевидно.

Потому молодой Гаскойн выезжал из Фиршилда один, но совсем недалеко. В деревнях почти не показывался: теперь, когда тошно смотреть на местных красоток, в каждой из которых чудится покойная Мэри, делать там стало нечего. Робин предпочитал рожи к северу от родного замка, скрывающие целую россыпь маленьких чистых озёр. Вряд ли там ему могла грозить опасность — барон не волновался из-за этих поездок. Окрестности тех лесных озёр были странным образом бедны на зверя и птицу, даже грибы и ягоды росли плохо — а потому одиночество Робину было вполне гарантировано.

Хороший компромисс.

Туда-то сын барона нынче утром и направился. Накануне он заснул необыкновенно рано, потому очень рано и проснулся. Быстро оделся, сам седлал коня — и ускользнул из Фиршилда ещё под петушиное пение. Без брони отец также замок покидать не велел, но Робин ограничился одной бригантиной.

Утро выдалось таким же промозглым, как всегда этим летом — но к полудню распогодилось, солнечные лучи пробились сквозь кроны. Когда Робин выехал на берег озера, вынырнул из лесной тени — пришлось даже на миг зажмуриться. Так ярко солнце играло на слегка рябящей воде: как будто разбилось об пол огромное зеркало.

Рыцарь тут же решил, что должен искупаться.

Привязав коня, Робин приставил к толстой сосне меч, после чего быстро избавился от брони и одежды. Вода, конечно же, оказалась весьма прохладной: войдя в озеро по бёдра, Робин даже чуть задержался, собираясь с духом, переминаясь на мягком дне. А потом лихо оттолкнулся ногами и поплыл.

Совершив пару кругов по озерцу в весьма солидном темпе, молодой Гаскойн выплыл к центру и перевернулся на спину, позволив воде мягко поддерживать его. Отдых получше, чем на мягкой кровати в Фиршилде! Солнце как раз скрылось за край крохотного облачка, перестало слепить: можно было полюбоваться нежно-голубым цветом неба. Редко оно этим летом бывало столь красивым.

Вскоре Робин понял, что замерзает и пора бы уже выбираться на берег. Так и погрёб обратно — на спине. А когда добрался до берега и обернулся — чуть не шлёпнулся обратно в воду.

Геллу он узнал сразу — хоть тогда, в жутком доме, и было очень темно. Ведьма, изящно поджав ноги, сидела у дерева: теперь оказалась не голой, а одетой в очень скромное крестьянское платье. Всё равно вряд ли сошла бы за крестьянку — роскошные чёрные волосы были распущены, а так не ходят ни простые девки, ни благородные дамы, каковую Гелла напоминала много больше. Странно смотрелся на ней простецкий наряд.

Ведьма держала в руках меч Робина. Рассматривала его с большим интересом — и будто даже в первый миг не заметила рыцаря. Хотя заметила, конечно же.

Робин, признаться, оцепенел. Не как при первой встрече — будучи лишённым сил от ворожбы, а просто из-за испуга. Он всерьёз испугался, что уж тут юлить.

— О, сир Робин! Я так рада новой встрече...

Рыцарь и не знал, от чего чувствует себя более неловко и неуверенно: потому что без

одежды — или потому что без меча. Наготы стесняться смешно, конечно. Но и рассчитывать на меч было бы не менее глупо.

— Вы будто не рады меня видеть, ммм? Это потому что не я теперь голая? Ну, я ведь тоже могу раздеться, если пожелаете. Одно ваше слово — и тотчас.

Робин, конечно, был бы не против — однако предпочёл о том умолчать.

— Я тебя не звал. Уйди!

— Фи! Меня и не призывают: сама прихожу, куда захочу. Мы как-то неловко начали. Может быть, вы расстроены из-за меча? Мне стоило прежде спросить разрешения? Наверное, стоило. Я очень сожалею. Просто у вас, знаете, такой... ммм... меч. Да. Меч у вас замечательный. Вернуть его?..

— Верни!

— Будь по-вашему. Хотя... — взгляд Геллы весьма выразительно скользнул вниз. — ... вы вроде бы и так при оружии.

Как ни странно, она действительно бросила меч на мягкий песок у берега, к ногам Робина.

Сжав рукоятку и направив остриё на ведьму, Робин сразу почувствовал себя спокойнее. Наверное, по привычке или вроде того: ясно, что убить клинком Геллу почти наверняка не получится. Ей ведь не повредил огонь в Колуэе, если верить выжившим — а Робин не считал, что они лгут.

Но крест и молитвами тоже бесполезны против ведьмы — в том Робин убедился на собственном опыте. Так что уж лучше меч.

Всё-таки жалай она убить Робина — сделала бы это давно. Ещё в том доме. Так что страх Робина и обрётённая им вместе с мечом уверенность были одинаково иррациональны.

— Зачем ты пришла?

— Ммм, да вы и правда не рады. Это должно быть мне обидно, наверное, но я не обижена. Ну... почти не обижена. Причина моего прихода прежняя: хочу поговорить.

— А я не хочу с тобой разговаривать.

— Но вы и не убегаете, верно? Хотя на этот раз можете.

— Я вообще от врагов не бегаю.

Гелла рассмеялась. Её смех звучал не менее упоительно, чем голос.

— Несомненно! Присущая рыцарям особенность. Но вы напрасно считаете меня врагом.

— Ты сожгла Колуэй! Знаешь, сколько людей там погибло?!

— А вы знаете? Вы туда даже не поехали: предпочли горевать по бедняжке Мэри. Это правильный для будущего лорда поступок, как вам кажется?

Она поднялась — и Робин в ответ выше поднял меч на вытянутый руках. Если сталь ведьму убить и не может, то хотя бы способна не позволить приблизиться. А Робин не хотел, чтобы Гелла к нему приближалась. В основном потому, что вообще-то и очень хотел тоже.

— Не говори про Мэри. Не смей!

На безупречном бледном лице, обрамлённом угольно-чёрными локонами, мелькнуло что-то вроде виноватого выражения.

— Не хотела сделать вам больно. Простите, больше не буду. Хотела просто... чуть встряхнуть. Вы говорите, сир Робин, что я виновна в гибели жителей Колуэя. Но это не так.

— Да ну? И кто же его сжёт?

— Можно сказать, сами колуэйцы. Так вышло, что они пытались сжечь меня — а подобные вещи... они просто по кругу возвращаются. Помимо желания и нежелания тех, кто

отмечен знаком Князя. Увы: нельзя причинить мне зло и не ответить за это. Так устроено. Порядок таков.

— Ты могла просто уйти оттуда, если бы захотела.

— Да, могла. А вы могли уйти от Мэри, бросить её с теми гвендлами. Но не захотели, ммм?

Робин стиснул зубы.

— Ты обещала!

— Ох, ну что я за негодница?.. Вы правы, обещала. Плохо нарушать обещания. Если уберёте меч и подпустите ближе — я очень... очень убедительно попрошу прощения.

Она шагнула вперёд — так, что остриё меча едва не оцарапало нос. Робин не шелохнулся. Гелла картинно вздохнула.

— Я не виновата в гибели Колуэя. Виноват Тиберий, не пожелавший меня слушать, зато велевший казнить. Вермилий тоже не хотел никого слушать — включая вашего отца, но зато охотно жёг тут и там костры. А уж Винслоу... сами понимаете. Колуэй — нечто вроде ясного примера того, как всё выходит, если никто никого не слушает. Сгорела лишь одна ваша деревня, а было время — целые королевства пылали по той же причине. Барон наверняка много о том рассказывал, ммм?

Как ни странно, в её словах был смысл. Зачем ведьме сначала убеждать Робина в своих благих намерениях — а потом, когда он даже не сказал ясного «нет», просто так жечь деревню? Глупо это. Может, она и правда хотела, чтобы вышло по-другому. Или хотя бы не хотела, чтобы вышло именно так.

Либо Гелла просто водит Робина за нос. Сама же признавала, что такова её природа: морочить род людской. В конце концов, погибли не только колуэйцы — но также Вермилий с братьями ордена Перекрёстка.

А ещё...

— Что ты сделала с Мартином?

— Ничего такого, чему он не рад... или не порадуетя скоро.

— Он жив?

— Пока что не мертвее вас. Думаю, скоро вы о нём услышите.

— Я тебе не верю.

— О, я не впервые слышу это от Гаскойнов.

Вот как? Неужто она имела в виду отца? Тот часто вспоминал, что видел нечто в Восточном лесу — и никогда толком не рассказывал, что. А может, это просто ведьмина ложь, призванная поколебать Робина.

Гелла мягко шагнула в сторону — попыталась обойти меч, но рыцарь не позволил этого сделать.

— Вы удивлены? Странно. Гаскойны живут здесь очень, очень давно... и я тоже.

— Насколько давно?

— Вы плохо знаете историю своего рода?

— Прекрасно знаю! Как давно ты здесь?

— Гораздо дольше, чем вы думаете.

Робин давно уже понял, разумеется, что Гелла — не просто ведьма в том смысле, каковой вкладывает в это слово Церковь. Не обычная женщина, спутавшаяся с тёмными силами. Она вовсе не человек. И всё же — прозвучало интригующе. С насколько древним существом Робин имеет дело? Так ли уж безумны языческие суеверия о Ведьмином Круге?

А что, если она и есть та самая Сибилхин?

Страх имеет одинаковую суть, да разную форму. Страшно и крестьянину, бегущему в лес при виде вражеских знамён на горизонте — и рыцарю, скачущему навстречу захватчикам. Боятся все, но ведут себя по-разному.

Робин всё-таки был рыцарем, на крестьянином. И его тянуло навстречу тому, что устрашает, а не наоборот.

— Дольше Гаскойнов?

— Дольше гвендлов.

В гвендлы-то утверждали, что жили в лесу и Вудленде всегда. Выходит — как минимум достаточно долго, чтобы забыть собственную историю. Хотя у гвендлов нет книг: так, вырезанные на деревьях знаки, не более. Немудрено забыть многое.

— Вы такой недоверчивый, сир Робин... Не понимаете, от чего отказываетесь. От великих даров и великой судьбы.

Кончик меча немного дрогнул, и Гелла придержала его пальцем. Робин думал, что тотчас ударит, едва ведьма попытается сделать нечто подобное — однако не ударил. Выглянувшее из-за облака солнце блеснуло на мече — и вместе с ним блеснула возле лезвия улыбка.

— Я ведь не просто соблазнить вас пытаюсь, ну право слово! Кабы только этого хотела — не стала бы раскрывать, кем являюсь. Ужели вы б тогда не пожелали тотчас, ммм?

Ведьма склонила голову, коснулась щекой плоскости клинка. Может, надо было что-то сделать, но Робин не стал делать ничего. Да: опять слова, звучащие логично. Если хочешь сгубить обманом — зачем представляться той, от которой лишь обмана и ждут? Однако же нечто ей от Робина нужно. В одни только благие намерения Тьмы он поверить был не готов.

Рыцарь не надеялся разгадать что-либо в янтарно-голубых глазах, но и оторвать взгляд от них не пытался. Робин вдруг вспомнил, что стоит тут с мечом наперевес, будучи совершенно голым — и понял, что его это больше совсем не беспокоит.

— Я не буду вас торопить. Таков Порядок: всему своё время.

Ведьма лизнула кончик клинка и отпрянула.

Проклятье, да что же это? Что она делает? Что творится с самим Робинком?

Гелла сделала пару шагов назад — кажется, чтобы ещё раз, получше рассмотреть фигуру рыцаря. Ведьме увиденное нравилось, уж это читалось ясно. И Робин предпочёл не лгать сам себе, будто это ему не польстило.

— Понимаю, сир Робин: вы пока лишь чуть более готовы со мной разговаривать, нежели в первую встречу. А верить всё ещё не готовы. Но я действительно могу дать вам очень... очень многое.

Без сомнений. Вопрос только в том, что она собирается забрать взамен.

— Вот что, милорд... Ясное дело — я не та, кому добрый рыцарь охотно верит. Но ведь с отцом у вас отношения иные, ммм? Спросите старика Клементя о том, про что никогда не спрашивали. Что он знает о ведьмах. Что он видел в Орфхлэйте. Должно быть, это поможет нашему следующему разговору.

— Я не хочу тебя больше видеть. Никогда!

Прежде Гелла смеялась негромко, кокетливо — а теперь расхохоталась от души. В этом смехе Робин слышал нечто большее, нежели в любом человеческом голосе. Показалось, что от смеха ведьмы волны на озере поднялись и листва задрожала.

— Вот это шутка! Сами себе-то не врите, сир Робин... До встречи.

Она без спешки направилась прочь, в чащу — Робин глядел ведьме вслед, пока та не скрылась в тени, за толстыми старыми деревьями. Да: ложь у него вышла неубедительная.

Глядя на Кортланк издалека, всякий замечал три архитектурные доминанты. На западе, прямо из самих вод Эшроля тянулся к небу королевский замок. Против него, возле восточной стены, стоял Санктуарий: крепость столь же неприступная, с высокими башнями, однако менее помпезная. Ну а в самом сердце столицы, посреди Благодатной площади, высился собор Благостной Девы. Такой же могучий оплот веры в Творца Небесного, каковыми были замки Кортланка в военном смысле.

Собор для Тиберия был домом даже более, чем Санктуарий. Крепость ордена паладинов возвели в конце Великой войны, уже при жизни будущего магистра: он сам видел, как закладывались на окраине столицы первые камни. А вот главный храм королевства — вовсе первое, что Тиберий в жизни помнил. Вырос он именно там. Двадцать семь лет назад, в самое тяжкое для Стирлинга военное время, морозной и голодной зимой, кто-то оставил младенца у дверей храма. Тиберий никогда не желал выяснить, кем были его родители: всегда знал, что происходит каков есть лишь из Церкви. Ниоткуда больше.

Первые силы он обретал, забираясь на каждую из четырёх высоких башен собора, выстроенного в форме правильного креста. Глядя с колоколен на прекрасный город — познавал, как сам Творец Небесный смотрит на сущее. Рассматривая великое изобилие деталей святого здания, которые видят сверху лишь само божество да звонари — впервые задумывался о сути поклонения.

Здесь же обучали Тиберия чтению и письму, здесь знакомили со Святым Писанием и науками. Тут ему, почти ещё ребёнку, вложили в руки меч — и тут же Тиберий произнёс слова обетов. Наконец, спустя годы, в этом же храме архиепископ провозгласил молодого рыцаря магистром.

Всё, чем Тиберий обладал, получил он именно на этой площади. Всем паладин был обязан ей.

Если встать лицом к главным дверям собора, глядя на окно-розу с удивительным витражом, подобное глазу гиганта-циклопа, то по обе руки окажутся здания очень древние. Ещё имперские. Слева — залы Конгрегации чистоты веры, откуда направляют на врагов паладинские мечи. Справа — резиденция архиепископа, откуда направляют стремления души каждого верующего.

Совершив утреннюю молитву в стенах Санктуария, а полуденную — под величественными сводами храма, Тиберий направился к обители Флавия. Паладин был при мече, однако без брони — лишь в белом облачении монаха да магистерском белом плаще, с равносторонним чёрным крестом на груди и за спиной. Двое одоспешенных сквайров следовали за ним, но остались у дверей резиденции.

Флавий и Корнелий производили странное впечатление, если увидеть их вместе — и без иных священнослужителей вокруг.

Архиепископ и префект Конгрегации оба были стары, грузны, безбороды и почти лысы. Оба одевались крайне помпезно, в пурпур и индиго, что столь отличалось от скромности рыцарей-монахов — и даже многих епископов. Оба сурово сводили брови, а из-под них глядели мудро и пронизательно. У обоих были широкие плечи и широкие лбы. Поглядеть так — словно братья не только во кресте, но и по крови.

Однако при всём внешнем сходстве, столь легко описываемом, Флавий и Корнелий

были также до крайности меж собой различны — и вот это несходство Тиберий описать затруднялся. В чём оно проявляется? Какое-то бесплотное, но очень чёткое ощущение. Его полностью понимаешь, но никак не можешь объяснить словами.

— Долго же мы вас ждали... — буркнул Корнелий.

— Сегодня я посвятил молитве больше времени, чем обычно.

— Это похвально, магистр, однако важно помнить: вы не только Творцу Небесному служите. Вы также служите самой Церкви. Творец Небесный вечен и безвременен, но вот Церковь ждать не может. — отметил Флавий.

Тиберий опустил на колено и поцеловал перстень на протянутой архиепископом руке. Префект Конгрегации, сложив вместе четыре пальца, осенил паладина знаменем креста.

Никого, кроме них троих, в комнате на верхнем этаже не было. Тут вообще не было ровно ничего лишнего: два резных стула, круглый столик между ними, крест на стене, изваяние святой Беллы напротив окна. Да ещё свет самого Творца Небесного, из того окна падавший. Сквозь чистое стекло виднелись стены храма и башни замка Бламарингов.

— Мы внимательно изучили ваш доклад. — сказал Флавий.

Тиберий, конечно, поведал архиепископу обо всём, едва только вернулся из Вудленда: даже дорожную пыль с себя не смыл прежде. Однако Флавий велел ему составить и письменное донесение, сколь возможно подробное.

— Готов ответить на любые вопросы.

— Вопросов почти не осталось... — Корнелий, кряхтя, поёрзал на стуле. — По крайней мере сколь-нибудь существенных. Нам с архиепископом абсолютно очевидно, каким образом в сложившейся ситуации нужно действовать. Как раз об этом и хотим поговорить.

— Но прежде вы, магистр, должны уяснить одну вещь. Не всё, о чём пойдёт разговор, стоит разъяснять прочим паладинам. Будучи командиром, вы не справитесь с задачей, суть которой не понимаете в полной мере. Увы, печальный пример Вермилия убеждает в этом. Но остальные... им необязательно знать многие детали.

С задачей? Тиберий догадывался, что ответ Церкви будет быстрым — и недолго ему оставаться в Кортланке. Прекрасно!

— Как уже говорил, я готов отомстить убийцам Вермилия. Я...

— Дело далеко не только в убийцах. — перебил магистра архиепископ. — Все мы скорбим по Вермилию, но смерть за веру — венец обетов паладина, и хотя она заслуживает отмищения, думаем мы с префектом обо многом ином. Безусловно, мы защищаем дело Творца Небесного, однако же существует и дело Церкви. Её интересы. Разумеется, во всём творящемся ныне повинен Нечистый — однако не он один.

— Барон Гаскойн несёт ответственность за мракобесие, в которое погрузились восточные границы королевства. Это совершенно очевидно из ваших показаний — да было очевидно и прежде, иначе мы бы не отправили Вермилия в Вудленд. К сожалению, Церковь по-прежнему может сделать не всё, что должна. Барон неприкосновенен: думаю, магистр, вы не хуже нас понимаете, почему.

Да уж это, наверное, последний конюх Санктуария понимал. Как предъявить претензии человеку, коему сам король доверил воспитание сына?

— Здесь ситуация двоякая. — снова начал говорить Флавий. — С одной стороны, исключительное положение барона Гаскойна не вечно. Оно продлится столько же, сколько правление Балдуина: нет оснований полагать, будто Ламберт, взойдя на престол, станет защищать вудлендскую ересь.

Вопрос только в том, подумал Тиберий, сколько продлится правление Балдуина. Ещё лет пять? Или десять? Или все пятнадцать? Даст Творец Небесный — престарелый король вполне протянет и столько. Но как оказалось, подумал Тиберий далеко не о главном.

— С другой же стороны, сложно предсказать, какова в целом будет политика Ламберта по части духовного и церковного. Не скрою: куда сильнее напоминающий отца Бернард выглядит более отвечающим интересам Церкви. Однако Бернард воспитан бароном в Вудленде. Иными словами, ситуация с ересью на востоке страны со временем может стать как более простой, так и более сложной. Невозможно предугадать. А значит — нужно действовать на опережение.

— Вы считаете барона Гаскойна врагом Церкви? — сам Тиберий вовсе не был уверен в этом.

— Мы предполагаем, что он может быть таковым. — ответил Корнелий. — Но даже если нет...

— ...то демонстрация силы, не направленная на Гаскойна лично, однако несколько ущемляющая вседозволенность, даруемую королевской дружбой... это угодно делу Церкви. Смерть Вермилия является здесь не только законной причиной, но и удобным предлогом. Церковь ныне сильна — и должна наконец-то ясно показать всем, насколько именно. Очевидно: правление Балдуина, увы, подходит к концу. А вместе с этим приближается эпоха перемен в Стирлинге.

— И разумеется... — подхватил мысль Корнелий. — ...перемены эти должны быть угодны Творцу Небесному так же, как и Церкви земной.

— Кроме того, есть простые практические соображения. Вы, магистр, великолепный рыцарь — и под вашим началом лучшие из лучших. Однако же вы — человек послевоенного поколения. Да и многие из братьев вашего ордена тоже. Большинство, если точнее. Но я был на войне и хорошо знаю, сколь отлична она от мирного времени. Битва — не турнир.

— Вам нужен опыт.

— Именно. Потому что некоторых явных и не вполне явных врагов стирлингской Церкви он есть.

Это Тиберий и сам понимал превосходно, но...

— Вы, светлейшие, говорите о настоящем военном походе в Вудленд? В Восточный лес?

— «Военный поход»? Слишком громкая формулировка.

— Скорее речь идёт об особой миссии.

— Да... особая военная миссия. Лучше говорить так. Покарать безбожников. Покарать еретиков. Показать, что не только лорды земель правят теперь Стирлингом. Что с Церковью всем придётся считаться... кто бы ни правил страной в будущем.

«Особая военная миссия»... обтекаемость этой формулировки немного смущала Тиберия — он-то был человеком прямым, как полагается рыцарю. Но дело не в формулировках, а в самой сути. Что ещё смущало магистра — так это лёгкость, с которой Флавий и Корнелий, пусть в строго приватной беседе, ставили по сомнению фигуру будущего короля. «Кто бы ни правил...» Неужто они всерьёз рассматривают возможность, что корону после смерти Балдуина наденет Бернард?

Или, может, вовсе кто-то другой?

Впрочем, то дела мирские. Тиберия они почти не касались. Стоило спросить о другом — важном как раз для магистра.

— Орден Перекрёстка поддержит нашу миссию?

— Без сомнения. И не только он.

— О да... это ещё одна тема, которую нужно обсудить. Щекотливая тема.

Флавий произнёс это, покосившись на изваяние святой Беллы — и Благостная Дева будто отвела глаза. Тиберий не был идеалистом. Он уже имел возможность убедиться: не всё Церковь делает строго по Святому Писанию. И это нормально: лишь на богослужении суть и форма едины. Будь так во всём — не потребовался бы Церкви никакой рыцарский орден.

О чём же может идти речь?

— Мы привлечём к делу людей, ведомых не верой, но золотом.

— Наёмников? — Тиберий не представлял, откуда их в Стирлинге взять.

— Да. Дело не только в усилении паладинов и братьев ордена Перекрёстка... хотя и оно никак не помешает, ибо лесные мракобесы многочисленны, а рыцари Церкви — не столь. Важнее иное.

— Что?..

Флавий, кажется, не подобрал формулировку заранее — или внезапно счёл её дурной, попытался заменить. Корнелий ответил быстрее.

— Не всё, что может потребоваться в Вудленде, должно совершать рыцарям Церкви. И не за всё, что может там случиться, Церковь должна нести ответственность.

— Очень точно сказано. К счастью, у меня есть друзья за пределами Стирлинга. Быть может, и не самые добрые, а лишь только ситуативные... но есть. Так что вы, магистр, получите достойное подкрепление. И достаточно скоро.

Тиберию трудно было представить, о каких заграничных друзьях говорит Флавий. Но всё логично: лишь вне Стирлинга можно найти нечто большее, чем шайка бандитов. В Норштате, быть может. Или в Ургвине. Где ещё остались хорошие наёмники? Война закончилась слишком давно.

— Но можно ли доверять наёмникам?

— Ни в коем случае нельзя! Именно потому мы обсуждаем всё заранее. Вам придётся быть очень внимательным и осторожным, имейте в виду. Подготовьтесь.

— Но и не беспокойтесь слишком сильно. — добавил Корнелий. — В конце концов, это всего лишь наёмники. Не стоит ждать от них слишком многого: по части как верности, так и опасности.

Разумно. От помощи отказываются только глупцы. Но и слишком доверять тому, кто помогает за деньги, станет лишь глупец.

— Как скоро?

— Всё зависит от сроков, в которые Церковь получит означенное подкрепление. У вас есть кое-какое время на подготовку. Сплотите опытных братьев, убедитесь в надёжности молодых. Сами крепитесь также. Ордену предстоят великие дела, ради каковых он и создан.

С одной стороны, спокойствия этот разговор Тиберию добавить не был должен. Магистр понимал, что хоть и услышал больше, чем следует передать братьям — ему самому тоже рассказали не всё. От слов архиепископа и префекта несло чем-то будоражащим, однако тревожным. Таков запах ветра перемен.

С другой же стороны — Тиберий желал приказов и получил их. Предстоит сражаться за дело веры, а ничему иному жизнь магистра не была посвящена. И хоть возвращаться в Вудленд не хотелось, Тиберий солгал бы сам себе, утверждая, будто не ожидал этого.

К сожалению, в Вудленде есть не только язычники и барон, верность которого Церкви вызывает большие сомнения. Есть там и кое-кто другой... Однако Тиберий надеялся, что к

новой встрече он окажется готов.

Что таковая встреча предстоит — сомнений не было.

Нынче Лэйбхвинн направился в глубину чащи один: и без Силис, и без Мирна, и даже без своих верных псов. Никто в здравом уме не пошёл бы за шаманом, зная, о какой встрече идёт речь. А ему компания и не требовалась.

Лэйбхвинн знал, к кому идёт — но не знал точно, куда. Некое особое место тут не требовалось. Он лишь должен уйти подальше от людей, в тёмную глубину леса: а там рано или поздно будет знак. Или даже знака не будет, а случится всё как-нибудь само собой.

Дорога, однако, обещала быть долгой. Лэйбхвинн вышел ещё до рассвета, перед тем плотно поев. Опираясь на посох, шагал он меж сосен и елей, по влажному мху и сухой хвое, почти не глядя вперёд. Ничего важного не пропустит. Ничего нового в обычном лесу не увидит.

Шлось легко. Древний лес накрывал приятной прохладой — всегда равно оберегал что от жаркого солнца, что от промозглого ветра. И пах просто чудесно. Предвкушение желанной встречи только усиливало эти ощущения. Обыкновенный гвендл, что и говорить, свидания с Ведьминым Кругом не желает. Но Лэйбхвинн-то — не из обыкновенных. К тому же он знал: ведьмы не зовут просто так. Они даром времени не тратят.

Раз позвали — значит, случилось что-то очень важное. Или скоро случится. Шаман догадывался, что именно. Догадывался, но боялся всерьёз о том подумать: отгонял самый краешек заветной мысли.

На поляне он оказался неожиданно. Миг назад — никакого просвета в деревьях, и вот — она.

А посреди той поляны стоял, конечно, дом. Простенькая хижина, однако новая и крепкая. Не раз Лэйбхвинн встречал её — извечно в новом месте. Не раз заходил внутрь. Дверь шаман отворил по обыкновению уверенно, хотя сердце заколотилось вовсю.

За его спиной дверь захлопнулась сама.

— Садись, Лэйбхвинн.

Он сел за стол.

Как всегда, тут горел очаг, горели свечи и лучины, а стол был щедро накрыт. Щедро, но небогато. Тени плясали на стенах, пар поднимался над плоскими, потрескивал огонь.

— Угощайся.

Он угостился. Отломил кусок хлеба, макнул в горячий мясной соус. Прожевал и запил крепким мёдом: холодным, будто только что из самого глубокого погреба. Бросил в рот пригоршню ягод — малины, черники, морошки и клюквы. Есть особенно не хотелось, но так положено. Пока не вкусит предложенного, говорить с ним не станут.

Пятеро сидели перед ним за столом.

Одна рыжая и измождённая, словно голодная смерть. Другая — златовласая, дородная, румяная. Третья — такая крепкая, что не каждый молодой воин сравнится. Четвёртая — ребёнок с глазами совы. Пятая — столь прекрасная, что в жизни не пожелаешь смотреть ни на что иное. Все были простоволосы, одеты бедно и скромно.

Шестая, жирная старуха, лежала на боку у очага — спиной к Лэйбхвинну.

— Ты видел всё? — спросила Гелла.

Гелла всегда говорила больше прочих. Остальные нередко вовсе молчали.

— Всё.

— Хорошо. — сказала девочка. — Мы не ошиблись в тебе. Ты справляешься. Всегда справлялся...

— Ты понимаешь, что видел? — взяла слово румяная.

— Будущее.

— И что было главным в будущем?

Страшновато оказалось произнести это вслух, но кабы страх останавливал Лэйбхвинна — никогда бы он не сделался тем, кем сделался. Шаманов в лесу полно. Круг говорит с единицами. Может, с ним одним.

— Я видел Лесного короля.

— И его тоже, это верно. — Гелла так улыбнулась, что хотя Лэйбхвинн давно охладел к плотскому, но едва не забыл, чего ради явился. — Ты всегда знал, что древние легенды не лгут, ммм? Всегда. Конечно же, этот круг должен замкнуться, как замыкается любой другой. Вопрос в том, сумеет ли он замкнуться на этот раз.

— Ничего ещё не решено?

— Ничего за человек и не решают, ты сам знаешь. Положение наше, не скрою, тяжёлое.

— Светлый безмолвствует. — пояснила рыжая прежде, чем шаман задал вопрос.

— Давно?..

— Давненько.

Лэйбхвинн не знал точно, но догадывался, что это значит. Круг есть круг. Нельзя сплести кольчугу, если кончик у каждого кольца один. Коли всё так, Князь должен быть встревожен — вот и сёстры, служащие ему, встревожены. Это ощущалось. Велики и могучи лесные духи, однако Орфхлэйт никогда не мог полагаться на них одних. Князь и Круг его имеют огромное значение. Потому и мало обычных шаманов.

Потому нужны такие, как Лэйбхвинн.

— И кто же двадцать девятый король?

Самый важный вопрос. Гелла, сбросив с лица угольно-чёрную прядь, рассмеялась.

— Есть кандидаты. Посмотрим.

Ну конечно. Ничего пока не решено — кроме того лишь факта, что всё должно вскоре решиться. Тем или иным путём.

— Оставь короля нашей заботой, Лэйбхвинн. Уж прости, дорогой, но... ммм... не твоего ума дела. Иной твой рубеж. Перемены грядут, ветер Хаоса погонит колесо Порядка. Ты знаешь эту историю. Знаешь, как уже бывало. Догадываешься, как может быть.

— Знаю. Догадываюсь.

— А раз знаешь и догадываешься, то понимаешь, что нам от тебя нужно. Кто-то должен вернуть её. Ты ведь знаешь, где она, ммм?

— Знаю.

— И готов отправиться за ней?

— Ещё как.

Кто-то ведь должен. Кто, если не Лэйбхвинн? Пророчества — великая вещь, однако ни одно ещё не сбылось само по себе. Ничего великого не совершили ещё люди, на что бы их не надоумили, не толкнули и не вдохновили те, кто сильнее, мудрее и древнее.

Однако же и ничего те сильные, мудрые и древние не совершили за людей.

— Тогда готовься к дороге. — сказала Гелла. — Ты сам знаешь, что путь неблизкий и

непростой, но кто-то пройти его должен. Порядок таков. Не нам ведь идти, право слово!

— Ещё понадобятся щит и меч. — впервые послышался скрипучий голос той, что лежала у очага.

Лэйбхвинн догадывался, что они понадобятся.

— Ты ведь знаешь, где щит и меч? — уточнила Гелла, хотя ответ знала прекрасно.

— Конечно.

— Тогда верни и их тоже.

Прекраснейшая коснулась ладонью его щеки. Лэйбхвинн вспомнил, как это было первый раз. Так давно... он был совсем мальчишкой. А теперь одряхлел, тогда как сёстры Круга ничуть за годы не изменились, конечно же. Да, Лэйбхвинн стар. Но совершить то, к чему с юности готовился, он всё ещё способен. Может — только теперь-то и стал способен.

Шаман ощущал страх. Впереди тяжёлые времена, истинно ужасный век. Но также ощущал Лэйбхвинн и счастье. Ведь он будет причастен к тому, о чём поколениями прочие лишь мечтали! Лишь слышали в сказках, коим почти не верили, быть может. Наверняка верили немногие. А вот Лэйбхвинн верил с самого начала: с того дня, как сказку от матери впервые услышал.

Потому-то он и здесь. Потому пойдёт туда. Всё предельно ясно, но у шамана была ещё просьба.

— Позаботьтесь о Нэйрнах. Без меня им придётся трудно. Без меня духи отвернутся от них.

Гелла так усмехнулась, словно старый шаман молвил сущую глупость.

— Нэйрны не пропадут, не волнуйся.

— А ещё позаботьтесь о Мирне. — насчёт Силис он почему-то совсем не переживал.

Гелла поднялась, подошла к шаману. Нежно обвила руками шею, прижалась, опустила губами к самому его уху.

— Не изволь беспокоиться. О, ммм... о Мирне я славно позабочусь.

Раз так, волноваться не о чем. Это Гастон Гаскойн и Калваг не верили Гелле, как не верили позже и другие. Лэйбхвинн доверял ей всегда. Теперь ничто шамана не удерживало: пора действовать.

В темнице Мартин чувствовал себя на удивление неплохо. Он ожидал, что будут бить, ни ничего подобного не произошло — в основном потому, наверное, что дартфорские застенки оказались переполненными. До мальчика тут никому особо не было дела.

Ещё Мартин думал, что их с Гевиним будут держать порознь, но не случилось и этого. Бросили в одну камеру — размером с келью, пожалуй. Вопрос, почему так, отпал у Мартина сам собой, едва он увидел среди узников женщину. Раз даже женщин не держат отдельно — всем точно плевать, что в темнице происходит.

В камере, пожалуй, только двое могли расположиться более-менее комфортно — имея хотя бы возможность лечь и сделать пару-тройку шагов. А обитали здесь теперь пятеро, причём огромный Гевин места занимал за двоих.

— Что теперь будет? — спросил мальчишка Гевина первым делом, будто тот мог знать. Но тот догадывался.

— Что-что... башки-то нам снимут, вот что. С еретиками только так: даже судить не утруждаются, сам увидишь. Предупреждал я тебя-то, дурака!

— Не стоило пытаться меня спасти.

Гевин глянул на Мартина так, будто сам готов был ему голову оторвать. На месте — и уж точно без законного приговора.

— Знаю!

— Вы не должны быть здесь...

Гвендл вздохнул, поднял глаза к низкому потолку. Кровь на его лице засохла, на рубaxe — побурела. Нос, и прежде огромный, как у древнего народа водится, распух до совсем безобразного размера.

— Я-то, малец, много чего не должен был делать. Не должен был на войну идти. Не должен был там выжить. Не должен был тебя подбирать и везти в Дартфор: знал же, с кем связываюсь-то... Судьба такая.

Его мысль совпадала с мыслями Мартина. Может, юноше и не стоит винить себя за случившееся с Гевиним? Может, не только с ним всё происходит как должно — но и купец-бакалейщик зачем-то обязан был оказаться тут, вместе с Мартином?

Может, всё это по-прежнему имеет смысл? Вот только какой...

— Еретики, значит?

Это спросила женщина. Она была немолода — примерно ровесница Гевина, и некрасива. Весьма полная, с обвисшими щеками, поросячьими глазками. Каштановые волосы с проседью слиплись: не мыли их давно.

— Он-то не еретик, а дурак. — ответил Гевин. — А я дважды дурак.

— За глупость сюда не сажают.

— За великий ум-то тоже.

— И правда...

Женщина улыбнулась. Мартин отметил, что улыбка у неё чистая и очень милая — в отличие от прочей внешности. Мальчику показалось: это добрая женщина.

— Меня Далией звать. Травница я. Эти говорят — ведьма.

— И что, зря говорят-то?

— Коли была ведьмой, ушла бы.

— Да, нас считают еретиками... — вступил в разговор Мартин. — Я проповедовал на площади. Хотел объяснить, что... что всё неправильно. Всё в Церкви не так, как надо. Но не получилось.

— Вот это неожиданность! Не получилось! — послышался мужской голос. — Да вы точно оба двое дураки. Причём концевые, зуб даю! Концевые... И Далия — дура тупая, а вона тот ваще ебанько!

Говорил человек невысокий, худощавый, с каким-то немного крысиным лицом — может, так из-за жидких усов и длинного носа казалось. Его, в отличие от Мартина, явно били порядочно. Даже сильнее, чем Гевина.

— Я-то так и понял... — усмехнулся Гевин. — ...что ты тут один нормальный-то. Как пить дать, ещё и невиновный!

— В ереси невиновный!

— Да-да. Ясен хер. Щас ещё скажешь: честный вор.

— А ты с чего взял, что вор?

— Да я-то вас, ворьё, насквозь вижу. Сиди, падло, в углу своём-то: выползешь — зашибу.

— Да зашибай! — заорал тот вдруг. — Зашибай! Всё одно: казнят теперь с еретиками, разбирать не будут. Вор, не вор... Может, и не вор. У воров красть — не преступление, вот что скажу. А купцы сплошняк ворьё и есть. Особенно столичные!

— Я сам купец-то: в жизни ни у кого ничего не спёр. Зато мудаков говорливых зашиб порядочно.

— Я думаю, добрые люди, не должно нам ссориться. — мягко вмешался Мартин. — Не то место и не то время... Как вас, любезный, зовут?

— О как: «любезный»! По-всякому меня звали, токмо не «любезным». Берни меня кличут. Берни Крыс.

— Меня зовут Мартин Мик. А это Гевин.

Неудивительно, что Берни прозвали Крысом. И стесняться своей клички он, видимо, не привык. Мартин понимал, конечно, что перед ним в самом деле преступник — возможно, плаху давно заслуживший. Но юноше и Крыс казался добрым человеком. Где-то в самой-самой глубине души, однако добрым.

Может, Мартину во всех теперь доброта чудится? Или он просто обрёл способность видеть то, чего другие не замечают? Первое проще, потому вероятнее. Но сам Мартин склонялся ко второму. Такое ощущение, будто не один он с Гевинком, но и прочие — не случайно здесь. Словно это всё какой-то план, суть которого мальчишке пока не удалось разгадать.

— А кто он? — Мартин указал на человека в дальнем углу.

— Ебанько который?

— Сам ты ебанько... — сказала Далия, произнеся грубое слово на удивление мягко, почти с нежностью. — Ты, Мартин, на Крыса не обижайся. И друга осадит. Мы с Ерденом не обижаемся: Крыс просто иначе говорить не могёт. Жизнью он битый, вот и злой.

Ерден будто ничего и не слышал. Мартин чуть подполз к нему, попытался рассмотреть — хотя в углу было совсем темно. Когда глаза привыкли к густой тени, сразу стало понятно, отчего Крыс так о сокамернике отзывался. Не только имя у Ердена было странным: сам он выглядел удивительно.

Тоже немолодой, почти старый. Ерден сидел в одних нижних штанах, сложив ноги под

собой крест-накрест, выпрямив спину, прикрыв глаза и сведя пальцы обеих рук странным образом: будто неправильно сложенный кулак. Он был ужасно худым, но при том сильным — одни крепкие жилы. Всё закалённое тело, где только было видно, покрывали знаки и узоры: явно не нарисованные. Наколотые иглой, как у моряков бывает.

Мартин не представлял, что это за символы. Ничего подобного он никогда не видел. Захотелось спросить.

— Что у вас за рисунки?

— Не ответит он. — буркнул Крыс. — Не разговаривает. Ебанько!

— Почему же... Ему я отвечу.

Ерден медленно повернул голову и поднял веки. Глаза его тоже оказались странными: узкие они какие-то. Мартин никогда не встречал подобных людей.

— Это знаки духов. — сказал Ерден. — Духов далёкой земли. Ты не слышал о таких землях и таких духах.

— Где лежат те земли?

— За лесом.

Эти слова поразили Мартина. Он знал: какие-то люди за Восточным лесом, за Орфхлэйтом, живут. Но каковы эти люди, как они выглядят, во что верят — не имел ни малейшего понятия. И никогда не задумывался.

— Брешет. — заявил Гевин. — Я-то видел людей с той стороны Орфхлэйта. Они другие-то. На нас похожие.

Ерден чуть растянул губы: вроде бы улыбнулся.

— Твой друг много видел, да мало понимает. К западу от леса живут разные люди, верно? Вот и к востоку от него — тоже разные. Имперцы думали в старину, будто весь мир вращается вокруг них. Вы живёте на руинах империи, а всё думаете так же. Глупо.

— Как вы попали сюда?

— Пришёл. Шаг за шагом.

— Да нет... в тюрьму?

— Привели.

— За что?

Кажется, этот вопрос Ердену оказался неприятен. Он ответил далеко не сразу, после долгой паузы.

— Раз привели, то не просто так.

Эта мысль тоже была близка Мартину.

— Ясен хер, за что его взяли! — вступил Крыс. — Погляди на него. Ебанько как есть. Стрёмный он. Вот и прихватили, когда облаву на еретиков делали: на всякий случай. От греха. Что меня, что его. И голову отрубят с нами всеми разом!

— Казнят просто за то, что он иностранец? — Мартин искренне возмутился, словно судьба всех прочих здесь была справедливой.

Сокамерники хором рассмеялись. Кто с иронией, а кто совсем горько.

— Мал-то ты ещё. И за меньшее людей казнят-то.

— Гвендлов, навроде друга твоего — и то бьют, а таких...

— В Дартфоре вообще закона не стало. Никакого. Один закон: чуть что — голову с плеч! Где же это видано, за мешок говна какого-то...

— Ну-ну, ты-то поной, на закон пожалуйся!

— Захочу да пожалуюсь!

Мартин не слушал эту перебранку дальше — всё равно приобрела она скорее шутливый характер. Не плакать же людям в одном шаге от плахи? Мальчишка попытался устроиться удобнее и почти сразу почувствовал, что засыпает.

Собственная судьба его совершенно не беспокоила.

Вторая встреча с Геллой совсем лишила Робина Гаскойна покоя — а ведь на душе и так было не особенно легко. Раньше он хоть сбегал куда-нибудь в лес от мыслей, под тяжёлыми сводами Фиршилда давивших на голову нестерпимо. А теперь — куда ни кинь, всюду клин. И в замке ну никак невозможно, и за его ворота выехать... боязно.

Не ведьма пугала молодого Гаскойна. Сам себя он боялся. И нынче куда сильнее, чем после первой встречи.

Ну что там было, в ведьмином доме? Наваждение. Робин тогда плохо отличал сон и видения от яви. И многое, конечно, мог списать на морок. Ко всему прочему, той ночью он знал куда меньше, чем теперь.

И не знал об ужасной смерти Мэри, а потому вовсе был другим человеком.

Встреча у лесного озера вышла иной. Там уже ни сна, ни ворожбы. Никакого пути для мысленного отступления — показалось, не понял, был запутан. Гелла не объясняла толком, что предлагает и чего от Робина хочет, однако сделалось ясно: речь о сделке. О дарах, должно быть, великих — а иначе какой смысл в таком внимании к рыцарю, но о дарах не безвозмездных — по той же точно причине.

Тот человек, каким был Робин до истории с Мартином, до ведьминого дома, до пепелища, что осталось от Вулмена — о, тот человек мог бы отмахнуться. Поступить так, как учили на проповедях — хоть и мало времени Робин Гаскойн провёл за свою короткую жизнь в церкви. Больше-то на ристалище да охоте.

Теперь...

Робин боялся себя, потому что осознавал влечение. Первый раз, в доме, казалось оно просто влечением к бесподобно красивой женщине — и обычной для воина притягательностью пугающего. Но сейчас молодой Гаскойн ощущал нечто большее.

Быть может, влечение к самой Тьме, каковую Гелла представляла — хоть и пыталась убедить, что Тьма сама по себе не есть зло. И вот это была мысль предельно страшная. Не только по религиозным причинам: в конце концов, не был Робин Гаскойн особо истовым верующим. Да, он поклонялся Творцу Небесному, но воспитан был так, чтобы на перекрестие меча полагаться куда больше, нежели на крест церковный.

Лёжа на широкой кровати в своих покоях, на мягких звериных шкурах и при свете всего-то пары свечей, положив рядом с собой обнажённый меч, Робин размышлял о природе испытываемого. Тройственной природе, неразделимой в своём триединстве.

Влечение к самой ведьме было понятно. После смерти Мэри, казалось, никакая женщина уже не могла вызвать у Робина тех чувств, что он привык испытывать. Но то женщины обычные, а Гелла была не такой. Не в красоте дело, хоть глупо отрицать: ничего прекраснее этой ведьмы Робин и представить не мог.

Просто ясно, да: она не человек. Она что-то совсем другое.

Тем более понятна была тяга к опасному, пугающему. Всякий настоящий рыцарь только и ждёт громого видения на горизонте — иначе ж разве он рыцарь? Робин был уверен, что Тиберий и сир Найджел хорошо знают такое чувство. Уж тем паче знакомо оно отцу. И с

другой стороны, никогда не довелось бы познать всё это покойному Вилфорду Винслоу.

И третья: Тьма. Всё это — вместе.

Тьма, исходящая от самого Нечистого — родственная, должно быть, тьме под кронами Восточного леса. К этой мысли Робин как-то незаметно пришёл, да очень твёрдо в ней укоренился. Другая Тьма: тревожного будущего. Влекущий мрак предчувствия отцовской доли, не озвученное и не написанное кем-либо пророчество неизбежной войны. И третья Тьма — клубящаяся в угольно-чёрных волосах ведьмы, оттеняемая лунным светом её бледной кожи, отблесками костров в диковинных янтарно-голубых глазах.

Тем поздним вечером, лёжа в постели с мечом, Робин понял ещё кое-что. Ещё одну причину, по которой Гелла столь пленяла его. Вспомнился запах, который рыцарь чувствовал тогда, в другой постели, где был не один. Тогда-то он не разобрал, чем от ведьмы пахнет.

Пахло от неё вовсе не серой, конечно, как священники говорили. Пахло лесом. И не просто хвоей да травами — нет, самой сутью местных лесов. Ведь прежде они все были таким же домом для гвендлов, как теперь один только дикий Восточный лес. Сам Робин — такая же плоть от плоти этих чащ. Как и любой человек его рода за многие века, прошедшие со времён Гастона Гаскойна.

Гаскойны неотделимы от Вудленда, так всегда говорили. Тем паче неотделимы от него ведьмы.

Робин понял, что держать всё это в себе более не может. Уж в одном Гелла была права точно: ему стоило поговорить с отцом. О том, про что прежде почти не говорили.

Лорд Клемент и радовался, и не радовался тому, как много в последнее время его сын оставался в замке.

С одной стороны, конечно, сам велел соблюдать большую осторожность — ну а как иначе? Одна у славного рода опора в будущем: не на женщин же надежду возлагать! Что Адель, что все прочие... Женщины — они и есть женщины. Никогда Клемент их не понимал и особенно не любил, если честно.

С другой... странно вёл себя теперь Робин, странно. Совсем уж перестал покидать Фиршилд, а что могло быть более на него непохожим? Неспроста это. Что-то с мальчиком происходит, и дело не в одной той девке, упокой её душу Творец Небесный. Барон сам и невесту хоронил, и жену. Бывает. Погорюешь да успокоишься.

Тут было что-то иное.

Лорд Вудленда размышлял об этом, сидя на пороге ночи за большим столом в чертоге. Под своей любимой картиной, один — не считая служанки, что выскакивала откуда-то по первому зову.

— Ида!..

— Милорд?

— А, ты здесь... наливочки мне ещё, будь добра.

— Крыжовниковой?

— Морошковой, солнышко, морошковой.

Морошковая нынче — самое то. Погода в последние недели чуть улучшилась, мерзкая боль в коленях прошла. Зато спину тянуло, да и в бедре стреляло что-то: на месте старой раны, памяти о битве при Перепелином ручье. Ловко тогда нырнула балеарская пика под

латный тассет... Знали своё дело пикинеры командора Мендосы! Ну да грех жаловаться: маршал Фалькао, ведший тогда вражескую армию, правую руку при Перепелином ручье оставил. А многие славные рыцари вовсе сложили головы.

Барон поднял чарку, по обыкновению обратившись к картине, выпил. Тут-то и показался Робин.

— О! Тоже не спится? Дурацкий вечер.

— Навроде того.

— Выпьешь со стариком?

Робин кивнул. Вид у него был смурной.

— Ну, тогда наливай сам. Хозяйничай!

Пусть привыкает: не так уж далёк день, когда над всем в Вудленде придётся Робину хозяйничать. Старый барон помирать не торопился — не для того всю жизнь под смертью ходил. Но на вещи стремился всё-таки смотреть реально. Не юнец уже, а сколько здоровья в военных походах оставил... Всё, что только мог, положил во славу Стирлинга. Вроде и не жалко, а вроде...

Робин налил обоим, но чарку в руки не взял.

— Знаешь, отец... Я вообще-то поговорить хотел.

— А о чём?

— Ты не злись только.

Так себе начало. Хотя... может, начало как раз самое подходящее.

— Ну говори же. Не томи. О чём?

Робин особенно тушеваться не стал.

— Ты упоминал пару-тройку раз о том, что видел в Восточном лесу.

— Был грех.

Во хмелю чего только не скажешь — и о том, про что вовсе вспоминать не хочется. Оно вроде бы и плохо, но куда с такой жизнью без хмельного?

— Ну вот. Я тебя особенно не расспрашивал, конечно. Понимаю: ты о том вспоминать не любишь. Но вот теперь хочу поговорить.

Барон тоже за чарку не взялся, хоть уже потянулся к ней. Поглядел на сына внимательно.

— Почему?

Вот теперь Робину пришлось немного собраться с духом.

— Потому что теперь и я видел кое-что, о чём хотел бы забыть.

Проклятье! Однако лорд Клемент не был удивлён. К этому-то все блуждания Робина по чащам и вели. Рано или поздно что-то подобное должно было случиться. И потом... кто ж из рыцарей бывалых чего-то не видел? Или хотя бы не чувствовал? Это Вудленд. Земля, которую паладинам и архиепископу никогда не понять — в том, кстати, их же счастье.

— Ида!.. — гаркнул барон.

Девушка выпорхнула из темноты тотчас. Лорд Клемент заметил, как она улыбнулась Робину. Ха... может, сын и с ней... ну да это дело молодое. И сейчас совсем не важное.

— Милорд?

— Убери, милая, эту наливку дурацкую. Ишке нам! Тут без доброго ишке разговор не склеится...

Ишке пах просто превосходно: аж из бутылки бил в нос ячменным, дубовым и земляным. Для начала барон заставил сына выпить без всяких слов — и сам то же самое

сделал. А потом ещё разок.

— Вот теперь, сынок, можно и поговорить. Только обожди... Ида! Ты нам закусочки ещё какой сообрази, пожалуйста.

— А чего изволите?

— Да хоть чего! Пошустрее только. И оставь нас потом.

Это было исполнено — чётко и расторопно, как всегда. Робин же барона не торопил.

— Не стану, сынок, спрашивать — что ты сам это видел. Если захочешь, то расскажешь. Сейчас или потом. Я ведь не Вермилий и не Тиберий: я-то понимаю, о чём тут речь. Хочешь сам историю услышать? Будет тебе история. Только дозвожь начать её издадека: не возражаешь?

Робин только кивнул. Лицо его сделалось так серьёзно, что в неровном свете свечей и камина на неполные восемнадцать сын барона отнюдь не выглядел. Видывал Клемент, как случается такое. На войне — особенно просто: там юные оруженосцы из боя выходили с глазами стариков. Без войны помягче происходит. Но происходит всё равно.

— Знаешь ли ты гвендлскую легенду о последнем Лесном короле?

— Про Калвага и Гастона Гаскойна я знаю. И о поверье, что Лесной король вернётся, тоже.

— Это как раз понятно: сам рассказывал. Что тебе, что Бернарду. А про ведьму?

Робин покачал головой.

— Неудивительно... В Вудленде мало кто это знает: рассказывают обычно только про бой. Про гибель Гастона. Про то, как разметали войско гвендлов по полю, а Калвага пленили и закопали живьём. Но там была ещё прежде ведьма. Ведьма, предлагавшая Гастону и Калвагу себя, а вместе с собой — великие дары. Только ни барон, ни Лесной король не согласились.

— А как её звали? — сын вдруг перебил барона.

— Звали? Не знаю, как её звали... может, никак. Может, то была сама Сибилхин. Нечистый это всё разберёт... Есть, одним словом, такая легенда. Хорошо известная в Восточном лесу. Только ты-то меня не про легенду спрашивал, а...

— Про то, что ты видел.

— Верно. Видел я кое-что... так, давай ещё по одной. Эта телега без смазки не поедет.

Они выпили снова.

— Дело было вскоре после войны. Когда я вернулся... плохи здесь были дела, ой как плохи. Мы со славными рыцарями похмелились, потом протрезвели. Жён утешили: кто своих, кто чужих. Затем огляделись: пока всё войско сражалось на юге, гвендлы здесь нахозяничали. И привыкли, гады, к вольнице. Нужно было поставить их на место, крепко поставить. Чтобы твёрдо усвоили: вернулась власть Гаскойнов. Меньше всего, уж поверь, хотелось мне снова братья за меч да лезть в седло. Я как раз с матушкой твоей едва сошёлся... Но от долга лорда и рыцаря никто меня, конечно, не освобождал. Пришлось идти в лес.

Барон отвёл взгляд от лица сына. Это не военные байки, не песни о великих сражениях. Совсем другое. Рыцарское дело нехитрое: руби мечом, коли копьём, подгоняй коня. Или ты убьёшь, или тебя убьют. А когда речь о лесе...

Эх, а ведь пытался объяснить Вермилию: не шутят здесь шуток с ведьмами! И Тиберий пытался — тот едва ли понял больше. Только на сына надежда.

— Про бои-то особо рассказывать нечего. Били гвендлов, деревни их жгли. После

балеарцев они не противник, если об открытом бое речь. Многие наши погибли тоже, конечно. В основном от засад: это гвендлы умеют, ты сам знаешь. Не знаешь другого. Когда открытый бой, в поле, строй на строй — одно дело. И даже в штурме, хоть там страшнее уже всё. Но вот засады... люди от них сильно ожесточаются. Сильно и очень быстро. Даже лучшие из рыцарей, а сколько таковых мы на юге похоронили? Не одних лишь лучших вести пришлось бой, это понятно. Про солдат вовсе не говорю. Жил себе крестьянин, потом я ему дал лук и на войну потащил. Возвращается — и что тут? Кого жена не дождалась. У кого дети новые: лучше не спрашивать, откуда взялись. У кого жену в лес угнали давным-давно. Кто-то вовсе приходит домой — а там пепелище травой заросло. Словом... злые были люди под нашими стягами. Не добрее гвендлов.

Ни к чему, пожалуй, были такие истории маленьким Робину и Бернарду. Конечно, не скрывал от них барон и ужасов войны, но про подвиги рассказывал много больше. Это правильно. Так с детьми нужно. Поменьше плохого, побольше хорошего. Но и не что-то одно.

— Самое-то дело было в глубине леса. Я тогда нагнал авангард из простого мужичья и кнехтов, что с войны пришли. Более-менее толковых, но... объяснил уже. Смотрю: деревня — не деревня, так... шалаши убогие. Ясно, что гвендлы старое поселение бросили: мужчины пошли на нас охотиться, женщин и детьми отправили поглубже в лес. Думали, не найдут. А их нашли. Нехорошо там всё вышло. Думаю, ты представляешь: ты ведь Вулмен видел... уж прости, что напоминаю. Не лучше наши тогда поступили, чем Даглус с Вулменом.

У Робина чуть щека дёрнулась. Конечно же, больно... Но пусть понимает уже, что к чему в этом деле. Рано или поздно самому придётся по-настоящему воевать.

— Я сделал, конечно, что мог. Велел тела сжечь, как у гвендлов принято. Кто живой остался, а то были в основном девки помоложе да покрасивее — приказал стеречь рыцарями, чтобы потом целыми отпустить. Пока разбирались, уже ночь. Разбили лагерь, укрепились, дозоры поставили: как я тебя учил. Поели, выпили, тут мне и отлучиться понадобилось за известным делом. Отошёл чуть в лес, а там не сосны с елями росли, больше дубов. Вижу: повешенные на ветвях. Раньше их не заметил, так уж случилось. Одни женщины. Надо было сразу позвать кого, чтобы с деревьев их сняли — но я ведь не погулять отходил-то. Приспичило крепко. Так что, понимаешь... присел я для начала.

Подробности такого рода, возможно, были лишними — но барон почувствовал, что очень хочет объяснить, из-за чего не велел снимать повешенных с ветвей сразу. Он был очень рад, что выжил на войне — но пуще радовался, что сумел сохранить в себе отличающее настоящего рыцаря от прочих.

Прочие-то тоже не всегда плохи. Вот как покойный сир Вилфорд. Но такими не могут быть все — а особенно не должен лорд. Очень важно, чтобы Робин хорошо понимал это: тут не грех упомянуть и обстоятельства, неуместные в балладах.

— Не успел я известные дела справить, как... Сказал бы: «хочешь — не верь», но похоже, что теперь ты поверишь. Висела одна женщина почти надо мной. Даже в темноте видно: у всех гвендлские волосы, а у неё чёрные. Потому я внимание и обратил — ведь странное дело, не бывает у гвендлов чёрных волос. Сижу... И тут она, в петле, со свёрнутой шеей, вдруг ко мне голову повернула. Я думал — закричу. Заору, будто режут! Но не смог: плюхнулся только задом в... сам понимаешь, во что.

Теперь барон взялся за бутылку сам. Рука дрогнула, ишке плеснул через край — но Робин этого, наверное, не заметил. Он глядел на отца неотрывно, даже не моргал. И

перебивать не пытался.

— Я не знаю, как Гастону Гаскойну говорили о дарах леса. Надеюсь, это была более пристойная сцена. Но мне всё рассказали вот так: сидящему со спущенными подштанниками в собственном, уж прости, дерьме. Если подумать, это очень символично. Далеко не случайность... в Вудленде ничего не происходит случайно. А в Восточном лесу тем более.

И вот тут Робин снова задал вопрос. В чём-то для самого барона ставший ответом.

— Ты ещё виделся с этой женщиной?

— Никогда.

— Почему?

Может быть, в этом месте стоило солгать. А может — не стоило отвечать вовсе. Именно так барон поступил бы пятнадцать, десять, даже пять лет назад. И прошлым летом, возможно. Только верно его когда-то наставляли: единственный способ жить — стареть. А если с годами не приходит кое-какая сила, немногим доступная в молодости, то и никакая это и не старость. Только дряхлость да старческое слабоумие.

Сила старости — в возможности не бояться. Прямо по той легенде о попавших в плен отце и сыне, коих жестоко допрашивали. Старик обманул врагов, подговорив умертвить мальчика в обмен на секрет — а сам после только посмеялся. Я, дескать, прожил жизнь — мне уже ничего не страшно. Делайте со мной что угодно!

Первое же, чего нужно перестать бояться — признавать за собой страх. Так что барон ответил сыну честно.

— Я, Робин, испугался.

Как-то сразу сделалось легче на душе.

— Да, я испугался. Балеарских рыцарей — не боялся. Наёмников Мендосы — тоже. Ни крови, ни смерти, ни кары Творца Небесного за грехи, а грехов на войне довелось нажить порядочно. Всё это было страшно, без сомнения, но не могло напугать. Ты уже сражался, ты понимаешь разницу.

Лорд Клемент вновь опрокинул в себя чарку. Насладился плотным вкусом во рту. И тем, как от крепости зажгло горло. И тем, как тепло потекло с кровью по всем старым жилам.

— Всё так, сынок. Но её я испугался.

Кормили в тюрьме, разумеется, плохо. В иные дни делать это вовсе забывали — а счёт дням как-то быстро утратился, да Мартин и не пытался их считать. При том он заметил, что трое узников не очень похожи на голодающих.

— Да старая Тесс еду носит заключённым. Всем подряд.

— И что, стража-то не мешает? — удивился Гевин.

— Страже на всё насрать.

Развлечься, помимо разговоров, было совершенно нечем — а из Ердена с Крысом выходили плохие собеседники. Один говорил неохотно, другой — честное слово, лучше бы молчал. Зато поговорить с Далией было приятно, и Мартин очередной возможности не упустил.

— А кто такая эта Тесс?

— Баба столь же несчастная, сколь и добрая.

— Расскажите.

— Ну... муж у неё зажиточный был. То ли лавочник, то ли что, не знаю. Помер он

давно. Потом и дети померли: хворь всех забрала в тот год, когда половина Дартфора души Творцу Небесному отдала. Осталась Тесс с одной внучкой — и та слепая с рождения. Ну и вот... заботится Тесс обо всяких сирых да убогих. Вроде нас. На тот свет добра не заберёшь, а слепой Фанни оно и без надобности, бедняжке...

Всё-таки полон мир добрых людей, каким бы ужасным иногда ни казался. Даже Дартфор полон их: теперь Мартин это хорошо понимал. Мир таков, каким его желаешь увидеть. Для мухи всё кругом — одни навозные кучи да гнилое мясо, а для пчелы — одни цветы. Впрочем, дерьмом ведь цветы удобряют, так что...

Тесс пришла тем же вечером. Мартин слышал, как зашебуршились в камере за стеной: до соседей очередь прежде дошла. Крыс с Гевином тоже оживились порядочно, а вот Ерден оставался невозмутимым. Видимо, странного человека с другой стороны Орфхлэйта, равно как и Мартина, волновали вещи куда более значимые, чем собственно тело и собственная жизнь. А вот какие? Интересно узнать...

Времени, правда, мало осталось. Тюремщик утром насмехался над заключёнными: дескать, на днях уже отмучаетесь! Головы срубят да сожгут.

Тесс оказалась ещё более старой, чем Мартин ожидал. Совсем дряхлая старуха, едва волочащая ноги — но отчего-то подумалось, что с полвека назад она была красавицей. Вместе с Тесс пришла и та слепая девочка, Фанни: тащила увесистые корзины.

Фанни была много младше Мартина: грудь под платицем ещё совершенно плоская. Были у неё золотистые волосы, милые веснушки и очень симпатичное личико — вырастет красоткой. Даже защемило как-то от мысли, что эти чистые голубые глаза совсем ничего не видят.

Что с ней станет, когда умрёт Тесс? Ничего хорошего. Ведь случится-то всё уже скоро, а в невесты Фанни мала. Мартин не на шутку расстроился, даже про еду забыл.

Тесс, склонившись к зарешеченному окну — под самым потолком для узников и у самых ног для неё, глянула на Мартина недобро.

— А чой-та креста на тебе нет?

Из одежды на Мартине осталась распахнутая рубаха — заметить отсутствие креста легко. А тот пеньковый мешочек, который дали ведьмы в лесу, у мальчика отобрали. Так и не узнал Мартин, что же было внутри.

— Мне не нужен крест.

— В Творца Небесного не веруешь?

— Творец Небесный безмолвствует.

Тесс только кивнула. При такой-то жестокой судьбе — явно готова была согласиться с тезисом о молчании бога. Хотя и не смогла бы его верно понять.

Далия принимала из рук Фанни деревянные плоски с кашей, передавала Крысу и Гевину. Каша давно остыла, конечно, но всё равно выглядела куда лучше той склизкой мерзости, на которую щедрилась тюрьма. А скоро оказалось, что добрая Тесс не жалеет для узников даже лепёшек, хоть и самых дешёвых: не поймёшь, из которой муки.

— Да Нечистый с ним, с крестом этим. — сказала вдруг Тесс: хорошо, что стражники её слов не слышали. — Но в кого тогда веруешь? Во что?

— Вы полагаете, обязательно нужно во что-то верить?

— А зачем жить иначе?

И то правда. Мартин отодвинул край рубахи подальше.

— Вот в это.

— Чу! Да ты правда колдун!

Чёрный круг появился на груди Мартина, почти подмышкой, как-то сам собой — и невесть, когда именно. Мальчик заметил его случайно, уже по дороге в Дартфор: Гевин тогда остановил повозку, чтобы омыться в широком ручье. Ясно было, что метка связана со случившимся в лесу, но об том Гелла ничего Мартину не рассказывала. Или он не запомнил.

— Кабы был колдун, ушёл бы отсюда. — сказала Далия. — Таков же колдун из него, как из меня ведьма.

Мартин совсем не был уверен, что захотел бы сбежать, даже имея подобную возможность — а её уж точно лишь колдовство могло обеспечить. Слова про Порядок-то он как раз запомнил отлично. Всё должно идти так, как должно. Если суждено Мартину умереть под топором палача — значит, надо умереть.

Чем он лучше или хуже бесчисленных героев Великой войны, polegших на полях сражений? Они ведь умерли ради чего-то, а впереди тоже война. Может быть, немного другая... а может быть, и очень похожая.

А чем лучше или хуже были паладин Вермилий, сир Брюс и сир Гордон? Они ведь тоже сгинули не просто так. Это Мартину было очевидно.

— Колдовать я не умею. — сказал Мартин не без некоторой горечи.

Ведь хотелось бы. С детства ему объясняли, что колдовство — злая сила, враждебная всякому из добрых верующих. Только вот почему так? Почему бы колдовством и нельзя было содейть нечто хорошее? Сил простых людей на это, как видно, часто не хватает...

Тесс уже отдала еду. С трудом разогнулась, поковыляла к окну соседней камеры — и хотя подгоняла Фанни идти следом, девочка задержалась.

— Вы правда не умеете колдовать? Совсем-совсем?

Никогда ещё к Мартину никто не обращался на «вы». Возможно, по голосу девочка не поняла, насколько он юн. А возможно, причина была другой.

— Не умею.

— Жалко.

— Почему?

Фанни замаялась, закусила губу.

— Я много молилась Творцу Небесному. И сейчас молюсь. Он совсем не помогает.

— Я это знаю. — ответил Мартин. — Я служил в церкви... Я даже служил при паладине. Творец Небесный не слышит наших молитв.

— Может, и нету никакого Творца Небесного...

— Есть.

— Откуда вы знаете?

— Точно знаю, поверь. Есть тот, кого зовут Творцом Небесным. И есть тот, кого зовут Нечистым. Только оба они таких имён не заслужили. Не достучаться нынче до Творца Небесного: не под силу то ни людям, ни самой Тьме. В том и наша печаль.

— Что же тогда? Нечистому молиться?

Вот такой ход мысли, наверное, многих до казни и довёл. Мартин вспомнил Вудленд: нищий край, голодный до хоть какой-то надежды. Ясное дело — ни одна из казнённых Вермилием не была ведьмой. Видел Мартин настоящих ведьм. Таких не сожжёшь.

Но может, те крестьянки и правда о чём-то подобном задумывались. Тьма не виновата, что в доме кончились свечи — так Гелла говорила? А если окрест тьма крошечная — к кому ещё обратиться?

Мальчик вспомнил и другие слова ведьмы.

— Всякую человеческую молитву кто-то слышит. Всякую и всегда. Просто необязательно это тот, кому молятся.

— Фанни! Шевелись! — окликнула девочку Тесс.

Фанни почти уже поднялась, почти ушла — всё равно едва ли могла понять речи Мартина. Он и сам по-прежнему слабо осознавал, о чём рассказывает. Бесполезные слова. Или нет?

Собственные речи оставались неясны. Тем более не понял Мартин, что и зачем в этот миг сделал.

Всё случилось как-то само собой: Мартин схватил Фанни за тоненькое запястье, не дав подняться от окна. Девочка испугалась, почти закричала — но отчего-то лишь «почти». Времени было мало: вот-вот Тесс бросится к ней, конечно, даром что дряхлая...

— Ты бы молилась хоть Свету, хоть Тьме, хоть лесным духам — лишь бы тому, кто слышит каждую нашу молитву? — быстро-быстро проговорил Мартин. — Ты бы молилась тому, что есть божество на деле, а не в Святом Писании?

Фанни кивнула. Её невидящие глаза встретились с глазами Мартина: по случайности, она бы того и не узнала. Но вот Мартину оказалось очень важно ей в глаза заглянуть.

— Тогда скажи мне: чего ты хочешь от бога?

Тесс уже подскочила, схватила внучку за плечи, попыталась оттащить. Но Мартин, хоть и совсем юный, был всё-таки далеко не слаб: сквайров паладины тренировали на совесть.

— Видеть!.. — выпалила Фанни в тот миг, когда Тесс уже почти уволокла её от окошка.

— Так прозрей.

Никаких молитв и никаких заклинаний. В тот момент, едва держа пальцы Фанни в своих, Мартин просто-напросто пожелал: пусть будет так. Если верно всё, что он успел надумать и во что успел поверить — то пусть Фанни прозреет. Прямо сейчас, проклятье, на этот самом месте! А иначе — какой смысл? Зачем иначе всё это нужно?!

Фанни заверещала: так тонко и болезненно пронзительно, будто свинья под ножом. Потом она посмотрела Мартину в глаза — уже совсем не случайно. А после — в глаза бабушки.

Теперь крик не сдержала и старуха.

— Я не колдун. — произнёс Мартин ровно и чётко, почувствовав себя непобедимым. — Я пророк. Пророк не Света и не Тьмы, ибо нет одного без другого. Одно лишь только ныне пророчу: всякая молитва будет услышана!

Мартин разжал пальцы, освободив руку Фанни.

— Идите и расскажите добрым людям о том.

Разумеется, Бомонты не могли пропустить очередное шумное празднование очередной годовщины какой-то кровавой бойни двадцатилетней давности. До торжества оставалась пара недель, но стирлингская знать уже тянулась в столицу со всех концов огромного королевства. Леди Эбигейл-то приехала с южной границы давно — успела славно провести время вдали от семьи, с которой ощущала мало близости.

Теперь же прибыл и блистательный сир Арчибальд Бомонт, один из лучших рыцарей Стирлинга — и сам маркиз Амори Бомонт, рыцаря напоминающий менее всего на свете. Бомонты содержали не очень большой, но весьма богатый дом в столице — как раз ради удобства частых визитов в Кортланк, совершала которые в основном Эбигейл. Этот дом маркизе вполне нравился, однако ранним утром прибыл разодетый в шелка королевский посланник, который сообщил: высоко ценя одного из важнейших вассалов, Бламаринги предлагают Бомонтам покои в королевском замке. Никто от таких предложений не отказывается.

Амори, человек пожилой, давненько не проявлял особой пылкости к супруге. Но то ли слишком соскучился, то ли дорога в Кортланк напомнила маркизу о молодости — едва оставшись с Эбигейл наедине, Амори словно озверел. Мягкие возражения о том, что леди Бомонт уже прихорошилась, а это потребовало массы её времени и труда служанок, супругом приняты не были. Пришлось, конечно, уступить. Амори её и кровати-то не довёл: хватило широкого подоконника и задранных юбок.

И если поначалу Эбигейл ещё старалась представить на месте мужа милого Санти, то вскоре пришлось признать: а вышло-то у Амори на этот раз недурно! Очень даже недурно: как в первые год-другой после свадьбы. Маркиз старался изо всех сил — его могучий брат, наверное, ни на одном турнире так не потел. Эбигейл совсем не пришлось изображать, будто она удовлетворена: небось ещё служанки позавидовали, слыша её стоны через стену.

Нет, всё-таки не так уж плох дражайший супруг — думала Эбигейл, поправляя наряд и причёску.

Вид у маркизы теперь сделался немного помятым, зато глаза в зеркале как блещут... Пожалуй, лучше идеальной подготовки к выходу в свет получилось. Да-да, к такому огню идёт кое-какой изъян в марафете. Женщины, которых как следует полюбили, всегда красивее обделённых.

Амори тоже сиял так, словно это он только что сокрушил армию балеарцев, а не король Балдуин двадцать лет назад. Таким он жене нравился, пусть и немного.

— Будь добр, дорогой: прими внимание Балдуина с Вилдой на себя. Не хочу, чтобы королева мне завидовала.

Балдуин, конечно же, крепкий старик — однако уж слишком старик. Наверняка давно безнадежно бессилён по части постели. Должно быть, так подумал теперь и Амори Бомонт — причём мысль ему польстила. Приятно хоть в чём-то быть лучше героического короля, верно?

— О, родная, сегодня — всё для тебя!

Ха! Как будто в иные дни Эбигейл не получала от мужа всё, чего хотела. Даже больше, чем маркиз желал ей дать. Больше, чем он мог представить, бедняжка...

— Как думаешь, сойдёт? — поинтересовалась Эбигейл насчёт своего вида, хотя мнение

Амори её не очень-то заботило.

— Ты прекраснее самой королевы!

Вилда, конечно, была красивой женщиной. Вдвое моложе Балдуина: когда-то у славного короля были и другая жена, и другие дети. Были... К сожалению — или к счастью. Такова судьба. Балдуин заключил второй брак под конец войны, причём донельзя удачно. И породнился с одним из сильнейших герцогов Норштата, и обрёл завидную жену — а первая-то была сущей дурнушкой, и вскорости получил двух новых сыновей. Взамен тех, которых крепкие стены замка не спасли от мора.

Да, Вилда — красавица, никто не поспорит, но Эбигейл никогда не считала её себе ровней. Уж если говорить о красоте, то это маркиза заслуживала корону!

Ах, какая волнующая мысль... Но Эбигейл предпочла отогнать её. Верно говорил милый Санти: от короны люди имеют свойство глупеть. А на ум леди Бомонт привыкла полагаться ещё более, чем на лицо и фигуру. В конце концов — при таком возрасте недолго осталось её чертам да формам волновать всех вокруг.

— Займи короля с королевой. И Арчи тоже... А мне самой неплохо бы побеседовать с Ламбертом.

— Не успела на охоте?

— Родной, это же королевская охота. Там все были пьяны с утра до ночи! Вряд ли Ламберт толком понял твою прекрасную идею.

— Находишь её прекрасной? Правда?

— Нахожу прекрасными доходы, которые она принесёт.

Прожект Амори на деле казался маркизе довольно бестолковым, зато поводом покинуть его замок стал отличным. И увы: чрезмерные увеселения Ламберта действительно немало помешали беседам, которые балеарский канцлер велел с кронпринцем вести.

Эбигейл старалась действовать тонко. Нельзя же просто заявить: ах! Вот тот да этот пэры хотели бы видеть королём не вас, а Бернарда! Даже если симпатии пэров вполне очевидны. Юнцам свойственно быть впечатлительными через меру. Укажешь на врагов прямо — кронпринц может и дров наломать, а этого маркизе не хотелось.

Тонко строить беседы Эбигейл умела, однако они хороши с трезвыми людьми. И думающими при том головой, а в охотничьем домике у Ламберта кровь порядком оттекла к иному месту. Больно много порхало кругом всяких пигалиц...

Маркиза, глядя в зеркало, поправила платье на груди — и в очередной раз задумалась о том, что давно уже приходило на ум.

Может ли она соблазнить Ламберта? О, ещё как может. Кронпринц поглядывал на неё, бывало... Не совсем так, как прочие мужчины при дворе. Те впустую мечтали, а Ламберт-то знал, что может получить всё, чего захочет.

Слишком хорошо знал. Потому боялся. Он не так уж умён — но лишь потому, что ещё молод. Всё-таки не обделён способностью соображать. Маркиз Бомонт — могучий оплот королевской власти над югом страны. Ламберт должен был понимать: риск хоть немного испортить с ним отношения едва ли стоит любых удовольствий. Можно ли подтолкнуть Ламберта к глупому поступку? Ха... Какой только глупости мужчина ради красивой женщины не сделает — спросить хоть Амори Бомонта, заключившего неравный брак к бесконечному неудовольствию всей родни.

Вопрос — стоит ли оно того? Не факт. Настал ли удачный момент? Вряд ли. Представляет ли себе маркиза все возможные последствия и опасности? Недостаточно

чётко. Нет-нет-нет, этот козырь лучше попридержать. Хотя отрицать бессмысленно: Эбигейл было бы приятно его использовать.

Законный супруг, понятно, не идёт ни в какое сравнение с канцлером Сантьяго. Но Сантьяго, при всех его достоинствах — тоже далеко не мальчик, почти полвека разменял. Зрелые мужчины, что спорить, имеют свои преимущества. Однако юные имеют их тоже. Занятно было маркизе иной раз представить себя в руках кронпринца... или кого-то вроде. Уж точно не Бернарда, разумеется! Этот военные байки старого барона Гаскойна всю ночь травить станет, наверно. Или чего похуже.

Если не Ламберт, то кто-то вроде. Молодой, сильный, решительный — и полезный, потому как нет смысла размениваться ради одного только удовольствия. Да, было бы здорово... Эбигейл от таких мыслей сделалось жарковато. Надо успокоиться. Не время и не место.

Нельзя самой себе позволять то, благодаря чему вертишь другими.

— Дорогая, пора!

Карета давно ждала их с Амори. Прекрасный крытый экипаж с целой четвёркой лошадей, хоть в городе вполне достаточно двух. Слуга отворил дверцу, супруг галантно помог Эбигейл забраться внутрь — пусть ему самому, пожалуй, скорее требовалась помощь.

По дороге Амори всё болтал о чём-то, крепко держа Эбигейл за руку, но она почти не слушала: глядела в окно, обмахиваясь веером.

Лето даже на юге Стирлинга выдалось посредственным, но нынче погода радовала — и столица под ярким, но не слишком палящим солнцем смотрелась чудесно. Припомнилось, как будущая маркиза впервые посетила её: тридцать лет минуло. Эбигейл была совсем юной, только-только фигура приобрела положенные формы. До того дня она не знала ничего, кроме нищих родовых земель на склонах северных гор. Кроме обветшалого замка, где из миллиона щелей вечно противно задувало. Мать, быстро оценив расцветающую красоту Эбигейл, сочла необходимым попытаться найти ей мужа получше, чем унылые северные лорды, которые мерялись меж собой стадами овец.

Едва увидев Кортланк, Эбигейл сразу твёрдо решила: ну нет! Не ждёт её судьба провинциальной леди, пьющей вместо вина эль и носящей шерстяное. Всё будет по-другому.

Карета остановилась неожиданно — и сразу стало понятно, что встала она надолго.

На узкой улочке, примыкающей к Благодатной площади, пала чья-то запряжная лошадь — так что образовался знатный в прямом и переносном смыслах затор. Кучеры ругались, выясняя, кому с этим возиться и в чьей карете господин важнее. Не желая эту брать слушать, Эбигейл вышла из кареты, предпочтя пока полюбоваться собором Благодатной Девы. Однако она сразу заметила нечто более любопытное.

Человека, вышедшего из дверей собора.

Это был не священник, не славный рыцарь и даже не какой-нибудь пэр, решивший накануне попойки с Балдуином прикоснуться к духовному. Из собора показался человек, одежды которого больше напоминали моду враждебных Стирлингу земель, нежели местную — как и его трость, совершенно не требующаяся сильным ногам. Лишённая даже единого волоска голова блестела в лучах разыгравшегося солнца.

Люка сел на холёного вороного коня, направил его лёгкой рысью в сторону замка — но тут сам заметил Эбигейл. Тотчас перед ней спешился, как велели приличия.

— Ах, прекрасная маркиза! — воскликнул Люка с обыкновенным для него переигрыванием, что так напоминало канцлера Сантьяго. — Какое же неприятное, однако,

происшествие... Как видите, поездки верхом имеют свои преимущества!

Люка вечно приезжал верхом туда, куда все являлись в экипажах. На этот раз такая привычка и правда оказалась кстати: он-то легко мог проехать к замку, не дожидаясь, пока труп несчастного животного оттащат с середины улицы. И проехал бы, не случись такая встреча.

— Увы, господин Люка: седло не по мне.

— Ну конечно! Такое сокровище, как вы, пристало возить лишь в самой прекрасной карете: ваша, замечу, вполне своей драгоценной ноши достойна. Не беспокойтесь! Я уверен, что это досадное недоразумение устранят быстро. А даже если вы чуть опоздаете — так пусть в замке Бламарингов скучают по прекраснейшей жемчужине Стирлинга!

— Только бы не превратиться мне к тому времени из жемчужины в изюмину... Однако, Люка, вы в очередной раз меня поражаете. Ожидала бы встречи где угодно, но собор? Непохоже на того Люку, которого я знаю.

Люку маркиза знала плохо — вряд ли его вообще кто-то в Кортланке знал по-настоящему хорошо. Даже о том, откуда он родом, говорили совершенно разное. Одно было понятно каждому: Люка — из тех людей, секреты которых могут оказаться весьма неприятным и опасным открытием. Сам же он, безусловно, знает множество чужих секретов.

— Помилуйте, любезная маркиза! Ужели неуместным стало посетить полуденное служение? Это всякому доброму почитателю Творца Небесного прилично. Посещай вы богослужения почаще — уверен, собор ломился бы от прихожан! Хотя Благостной Деве тогда пришлось бы ревновать.

— О, я бы не хотела вынуждать святую Беллу испытывать это ужасное чувство. Но всё-таки: собор, служба... Это так на вас не похоже, буквально не могу поверить! Скорее представлю, что вы вели какую-то очень занимательную беседу с архиепископом... или с Корнелием, быть может. А то и с обоими?

Маркиза подмигнула — будто пыталась сейчас угадать любовниц Люки, а не сильных мира сего, с коими он имел неизменно тайные и неизменно важные дела. Действительно: встреча с Флавием или Корнелием — куда более логичный ответ на вопрос «какого Нечистого понадобилось Люке в церкви». Очень можно быть, что этот загадочный и опасный человек с Церковью нынче связан. А точнее — и с Церковью тоже.

— Вот вечно так... — театрально вздохнул Люка. — Вечно меня подозревают в чём-то! И может, иной раз не зря. Но ведь служение Творцу Небесному — душевный приют для каждого! Почему бы ему не служить?

— Как раз это мне давно интересно... — маркиза подступила на ещё приличную, однако уже доверительную дистанцию, и хитро улыбнулась. — Кому же вы, Люка, всё-таки служите?

— Разным людям. Если сложится — почту за честь, а также за удовольствие послужить и вам.

Ну-ну. Никто в высшем свете Стирлинга не дал бы на такой вопрос о Люке более однозначного ответа. Люка — из людей, близкое знакомство с которыми все предпочитают отрицать. И каждый при том подозревает в таковом знакомстве другого. Быть может, на деле Люка верен лишь кому-то одному. А возможно — напротив, тайком работает с многими. Если так, то большой вопрос, чьи интересы в итоге выигрывают более.

Эбигейл связала бы Люку с Балеарией, конечно — но Сантьяго ни слова о нём не

говорил. А ведь он сказал бы... Наверное. Или нет?

Тем временем улицу неожиданно скоро освободили — и Амори, высунувшись из кареты, позвал супругу.

— Сию минуту, дорогой! Я пыталась выведать секреты нашего общего знакомого: увы, господин Люка совсем не поддаётся моим чарам.

— Ах вы стервец, Люка! — Амори со смехом погрозил ему пальцем.

— Ну что вы, маркиза! Умерьте гнев благородного супруга, умоляю! Воистину: не поддаваться вашим чарам — это грех, каковой и в соборе не замолишь!

Поклонившись на прощание, Люка с изумительной лёгкостью вскочил в седло и ускакал весьма поспешно. Эбигейл же вернулась в карету, а остаток пути до замка думала уже вовсе не о далёком прошлом. Нашлись мысли поактуальнее.

Пусть Бернард любил брата, почитал отца и мать — но приятнее всего в Кортланке вот уж год ему было общество старых пэров и славных рыцарей. Они очень напоминали барона Гаскойна — а также куда проще с принцем держались, нежели извечно сохраняющий высокое королевское достоинство Балдуин. Что до королевы — к материнской ласке Бернард совсем не привык, потому испытывал от неё некоторую лёгкую неловкость.

Вот и сейчас он предпочёл общество старой знати, постепенно съезжающейся в столицу. Пэры и рыцари, разместившиеся в замке, собрались нынче в одной из гостиных: вспоминали былое и жаловались друг другу на несносную молодёжь, каждый раз оговариваясь, что присутствующий среди них Бернард — совсем другой. Это было приятно, но также смущало.

— Кронпринц видит в нас старых маразматиков... — прокричал герцог Линкольн: несмотря на его возраст, Бернард утратил бы такого противника в поединке. — Однако же мы как-то выиграли Великую войну. И если потребуется — выиграем новую!

Ламберт действительно смотрел на старую знать без особого почтения, это Бернард прекрасно знал. В таком конфликте ему не очень-то хотелось занимать какую-то сторону.

— В вас, Ваше Высочество, истинная надежда нашего поколения. — сказал сир Арчибальд Бомонт, хоть и был моложе большинства собеседников. — Зерна воспитания бароном Гаскойном выросли в вас прекрасными плодами.

— О да! — воскликнул граф Комблтон, отставив чашу и утерев усы. — Так жаль, что барон вновь не почтит столицу присутствием... Я, признаться, по нему скучаю. Столь многое хочется вместе с ним вспомнить!

— Есть что вспомнить. — согласился герцог Линкольн. — Но уверен: большинство тех историй Бернард помнит лучше нас, пусть по пересказам барона.

Все люди в гостиной титулами были много выше, чем барон Гаскойн: тут и виконт присутствовал лишь один, прочие же — из родов графов, маркизов и герцогов. Но все, едва заходила речь о лорде Вудленда, не скупилась на хвалебные эпитеты и теплоту слов. Величина титула не всегда важнее, чем качества его владельца. Далеко не всегда.

— Увы... — начал Бернард. — Барону непросто было бы осилить такую долгую дорогу. Вудленд слишком далеко. К тому же положение в нём непростое: можно сказать, там война не заканчивается вовсе. Надеюсь, никто не сочтёт отсутствие барона среди нас оскорблением. Сам мой отец относится к этому с пониманием.

— Ну что вы, Ваше Высочество! Какое тут может быть оскорбление...

— Я сам давно хочу навестить старика в Вудленде. — заявил герцог Линкольн. — Но всё никак не получается. Увы, мои земли тоже не столь спокойны, как хотелось бы. Ереси сделалось много.

Бернард знал, сколь серьёзно герцог относится к проблеме ереси и мракобесия в своих землях — и подумал, что в этом вопросе они с бароном точно не найдут общего языка. Но лучше было об том не упоминать. К счастью, тема не получила развития: остальных почтенных пэров и рыцарей религиозные вопросы занимали поменьше, чем Линкольна.

А вот на Ламберта старшее поколение сетовать продолжало — пусть предпочитало при Бернарде на высказываться слишком прямо. Однако юный принц ощущал укор брату в похвалах себе. Впору было задуматься: какие же речи звучат в этом кругу, когда люди королевской крови не слышат? С другой стороны, успокоил себя Бернард, его брат дружен с наследниками половины собравшихся. Да и потом, неспроста же отец решил воспитать своих детей столь по-разному? В этом точно был план, а герцог Линкольн верно отметил: что ни говори о стариках, но войну они выиграли. Без умения мудро строить планы это невозможно.

Тем не менее разговор становился Бернарду не очень-то приятен. Потому он весьма обрадовался появлению в гостиной другого старика: королевского шателяна Тунора.

— Ваше Высочество! Обыскался... Вы бы матушку проведали. Скучает.

Тунор был происхождения невысокого: до войны отец его владел всего-то одной деревенькой на океанском побережье, название которой сам шателян теперь припоминал с трудом. Как многим прочим, подняться ему помогла война. Тунор ходил в ту знаменитую атаку при Тагенштайне — и пусть вернулся с войны на одной ноге, зато обрёл почётную должность.

Он остался человеком простым и с особами королевского рода говорил по-простому.

— Конечно, Тунор! Спасибо!

Прекрасный предлог, чтобы поспешно уйти, никого тем не обидев. Бернард покинул гостиную, поднялся на два этажа по винтовой лестнице, быстро прошагал знакомым коридором — по одну сторону которого играли в лучах солнца витражи, а по другую было развешано трофейное оружие.

Так совпало, что к матери он вошёл одновременно с Ламбертом, явившимся с другой стороны замка. Кронпринц был весел и, хоть времени едва за полдень — уже явно нетрезв. Но мать этого, похоже, не заметила.

— О, детки мои! Ну идите же сюда!

Любимая мать, верно, всякому кажется красивой — но Бернард считал объективным собственное впечатление о том, будто королева Вилда выглядит моложе своих средних лет. Извечно отмечали, что принцам почти ничего не досталось от внешности отца. Бернард и Ламберт уродились такими же белокурым и голубоглазыми, с теми же выразительными скулами и каким-то вечным лёгким прищуром. Обыкновенно считают, что лучше бы сыну походить на отца: но не беда и обратное, если мать такая красавица.

Королева нынче оделась не для выхода к подданным: в довольно скромном платье, вовсе без драгоценностей и с простой причёской. Ламберт был одет стократ ярче неё.

— Ну идите же!

Противиться принцы не стали. Королева заключила в тёплые объятия обоих сыновей разом.

— Так редко вас вместе вижу... Всё порознь пропадаете!

— Тебе кажется. — мягко возразил Ламберт. — Я весьма забочусь о братике. Стараюсь приучить его ко двору.

— Это правда!

— Ну и славно! — Вилда поцеловала в щёку сначала Ламберта, а затем Бернарда. — Я очень хочу видеть деток дружным, пусть выросли вы далеко друг от друга.

Несмотря на два десятка лет в Стирлинге, Вилда по-прежнему говорила с сильным норшгатским акцентом. Бернард запомнил такой говор у рыцарей, приезжавших год назад на турнир. Никто в этом, кажется, не видел ничего плохого — скорее находили милой особенностью.

— Приезжай в следующий раз на охоту: увидишь, как мы дружны. — предложил Ламберт с явным лукавством: он понимал, что Вилда откажется.

— Не стану мешать вам развлекаться, дорогие. Поверю на слово. Охота... не для меня дело, знаете ведь: совсем не терплю крови. Жаль, что мужчины себе того же позволить не могут.

Бернард вспомнил: буквально теми же словами отказывалась когда-то составить ему компанию на охоте Адель Гаскойн. Стало немного грустно.

— Но я задумала кое-что другое! — сказала Вилда, наконец выпустив сыновей из рук. — Вам это понравится. Скоро ведь день вашего рождения, не забыли?

Бернард с Ламбертом родились в разные годы — но, по чудесному совпадению, в один день. И помнили об этом, разумеется.

— Пусть даты не круглые, но мы так давно толком не отмечали это все вместе... Я уже уговорила короля: будет большой турнир! Крупнейший с конца войны. Созовём не только всех рыцарей Стирлинга, но и заграничных. Из Норшгата приедут, из Лимланда. Надеюсь, из Тремоны тоже.

— О, ещё одна славная победа для Тиберия! — усмехнулся Ламберт.

Его мало интересовали турниры сами по себе, но когда речь шла о собрании знатных иностранцев — кронпринцу делалось интересно, безусловно.

— Зачем же вновь для Тиберия... быть может, и Бернард наконец блеснёт? Ведь барон прекрасно тебя подготовил, правда?

Нажил Бернард кое-какой турнирный опыт в Вудленде, однако идея явить свои рыцарские навыки свету на таком грандиозном событии вызвала в нём лёгкую робость. Которую, впрочем, вполне удалось и скрыть внешне, и быстро подавить внутри.

— Я выступлю, конечно! — заявил он.

— А я, конечно, воздержусь. — сказал кронпринц. — Но поболею за братика. И даже поставлю на него!

— Молодцы! Вы уже обедали?

— Нет.

— Не-а.

— Извольте трапезничать с нами, пожалуйста. Отец желал о чём-то поговорить, государственные вопросы... а мне просто будет приятно. Нынче состряпали такую гусиную печень — о, вы даже не представляете, я от запаха чуть не умерла. Это гуси Комблтона, лучшего откорма. А маркиз Бомонт привёз вино его прекраснейшего за десять лет урожая. Вам понравится!

В еде матушка знала толк: просто удивительно, как при таком гурманстве оставалась безупречно стройной. Стирлинг — не Балеария, которой двадцать лет правит королева.

Вилда всегда была избавлена от чего-либо, не связанного с прелестями придворной жизни. Балдуин как принял на себя ношу судеб королевства, так и нёс её по сей день совершенно безраздельно, лишь кое с кем из пэров советуясь. Но стоило отдать должное: двору Вилда была прекрасной хозяйкой.

Хоть Бернард часто скучал по Фиршилду, скучал по своему воспитателю, своему лучшему другу и своей первой да единственной любви — но успел уже ощутить, что его истинный дом всё-таки здесь. И случилось это именно благодаря матери.

Оставалось лишь гадать, думает ли так же Ламберт. Но от предложения Вилды кронпринц не отказался.

Эбигейл испытывала забавное чувство: будто она нынче в замке охотится, как принцы недавно охотились в лесу. Только вместо зверя теперь — Ламберт, подловить которого в нужный момент да в нужной обстановке всё никак не получалось. Прекрасный молодой повеса жизнь большими плотками пил: у такого и на маркизу Бомонт время не всегда отыщется, сколь ни жаль.

Арчибальд сгинул в компании душных вояк — к великой радости леди. Амори тоже оставил её в покое, занявшись привычным делом: ходить меж равных себе, хорохориться да зоб раздувать попусту. Ну и слава Творцу Небесному!

Прохаживаясь по уже полному гостей замку с веером в одной руке и бокалом в другой, раздавая каждому улыбки и некоторым постреливая глазами, Эбигейл наконец заприметила Ламберта. Тот, видимо, обедал с королём и королевой — надолго пропал из виду, а теперь по обыкновению норовил улизнуть из замка, да пока не мог. То один дворянский сын желал о чём-то побеседовать с ним, то другой молодой лорд, только что унаследовавший титул.

Выследив кронпринца в лабиринте залов и коридоров бламарингской твердыни, Эбигейл не очень-то порадовалась одной детали. Вот показался наконец из-за угла кронпринц — а вон там, во внутреннем дворе, откуда Ламберт появился, блеснула на солнце знакомая лысина.

Люка, побери его Нечистый. Если он всё-таки играет с Эбигейл в одну игру на балеарской стороне, то это просто возмутительно — почему не объяснить суть партии? Только голову морочит! А если он — противник или хотя бы совсем иной игрок, то это значительная проблема. Которую маркиза до возвращения из Балеарии несколько недооценивала. Ещё хуже, если сам канцлер не вполне её осознаёт...

Подловить Ламберта оказалось трудно, но уж если попался мужчина в паутину очарования Эбигейл — так просто не уйдёт. Как раз способность Люки запросто делать это раздражала. Ну а Ламберт... Улыбка, реверанс — в котором Эбигейл отлично умела ненавязчиво обратить мужское внимание на вырез платья, да пара ни к чему, казалось бы, не обязывающих жестов... И всё. Она уже безраздельная хозяйка внимания собеседника.

Насчёт Люки маркиза решила ничего не спрашивать. А первые фразы вообще мало что значили — так, ритуальный обмен любезностями. Затем Ламберт сам имел неосторожность спросить про Амори и Арчибальда. Прекрасное начало!

— Ах, любезный кронпринц! Молю: спасите от скуки, которую дела мужа с деверем нагоняют. Вы же знаете, сколь бесконечно я далека от всех этих разговоров про политику, торговлю и войну. Уж особенно про войну!

— Вы-то скучаете в нашем замке? Не поверю! За ваше общество тут половина на дуэли

сойдётся!

— Меньше всего желаю быть причиной дуэлей. По счастью, вас-то на поединок вызвать никто не посмеет, правда?

— В том моё счастье.

— Да бросьте. Не поверю, будто вы дурно фехтуете.

— Как сказать? Я знаю, с какой стороны берутся за меч. Слышал, что колоть полагается острым концом. На этом практически все мои фехтовальные познания исчерпываются. Славный брат вашего мужа от меня бы в момент мокрого места не оставил.

— Вы скромничаете, уверена. Впрочем, я никогда не считала способность к схваткам главным качеством настоящего мужчины.

А то не вышла бы замуж за такого тюфяка, мысленно добавила Эбигейл. И сразу вспомнила, как канцлер Сантьяго фехтовал с тем невзрачным молодым человеком, на проверку оказавшимся ну просто выдающимся мастером: даже слабых представлений маркизы о бое на клинках хватило, дабы это оценить. Лукавила она, конечно. Мужчины, владеющие оружием — это всегда ой как притягательно! Жаль, что Арчибальд — младший сын Анри Бомонта, и титул достался не ему.

Ламберт опять невольно подыграл ей сам.

— Думаю, отцовские пэры не согласятся с таким мнением.

— Ох, увы: я точно знаю, что они со мной в том не согласны. Поговаривают, знаете, в кругу пэров...

— Что же поговаривают?

Да уж, Ламберт — не Люка и не канцлер. Наживку хватает только так. Эбигейл изобразила, будто очень смущена из-за случайных, нежеланных слов.

— Ах, Ваше Высочество... Не важно. Я просто что-то, быть может, слышала по случайности, пока маркиз вёл деловые беседы. Но к чему придавать этому значение? В конце концов, я всего лишь женщина. Плохо понимаю все эти мужские разговоры и не должна, вообще-то, их подслушивать. Но вы же знаете женщин, правда? Любопытные мы создания, не в меру любопытные. Такова уж природа.

Интерес Ламберта, конечно, лишь разгорелся пуще. Он даже помотал головой, осмотрелся: не слышит ли их кто? Ах, какой милый мальчик! До чего с ним просто!

— И всё-таки. Поделитесь.

— Вы ставите меня в неудобное положение, Ваше Высочество.

Ламберт подмигнул. Ох, этот дамский угодник в себе уверен — только не на тех дамах учился.

— Ну... Я знаю женщин, в этом вы правы. Знаю, в какое... положение их можно поставить, а в какое не стоит.

— Вы совсем меня смущаете... — маркиза постаралась слегка покраснеть, хоть не была уверена, что это возможно подделать.

Потом она вспомнила утреннюю пылкость старичка Амори, представила Ламберта на его месте и, похоже, достигла цели. Натурально вышло.

— Не тушуйтесь, маркиза. Надеюсь, я не перешёл границы дозволенного?

— Нет, что вы! Ваше Высочество, как вы даже подумать могли подобное... Где же лежат границы для будущего короля? Дозволенное ему, думаю, и пределами земель Стирлинга не ограничено. Но... если позволите леди маленькую дерзость...

— Я позволю вам всё.

— ...тогда я посмела бы спросить, почему вы так настойчивы в этой сущей мелочи?

— Что ж, откровенность за откровенность, и в этом принципе буду первым. Я не впервые слышу о разговорах пэров насчёт своих качеств и своего будущего правления. Даже не впервые за... самое недавнее время.

Вот оно что. Нетрудно догадаться, от кого ещё Ламберт слышал это в «самое недавнее время». Если точнее — пару минут назад. Не теряет Люка времени даром, и его игра правда похожа на ту, которую канцлер завёл. Похожа. Это ещё не значит, что Эбигейл с Люкой на одной стороне. Тем более учитывая странный визит к церковникам.

— Ну хорошо. — сказала маркиза, сделав вид, будто предельно смущена и колеблется сильнее, чем девица при ужасно непристойном предложении. — Только не хотелось бы беседовать о подобных вещах прямо здесь и сейчас. Я сама проговорила, сама виновата, теперь остаётся нести ответ перед Вашим Высочеством, право слово. Побеседуем вечером? Королева обещала театральное представление, но думаю, что Вашему Высочеству оно после тремонской оперы не будет столь уж интересно. А мой славный супруг как раз окажется занят общением с венценосными вашими родителями. Отличная возможность, да?

— Прекрасная идея. И верно: наши артисты перед тремонской оперой... смешно сравнить, увы!

Маркиза попросилась с кронпринцем, будучи чрезвычайно довольна собой. Может, Люка её и несколько опередил — зато вечером всё внимание Ламберта обеспечено, не приходилось ничуть сомневаться. Люка непрост, но природа наделила Эбигейл кое-чем таким, что молодой наследник ценит чрезмерно высоко. По её счастью!

Что до Люки, размышляла Эбигейл, то если он не мужеложец — возможно, также найдётся ещё подход. Отыщется у искушённой лисицы пара фокусов. Кстати, а вдруг он и правда... из этих? Что-то в Люке было... странноватое. Нечистый ведаёт.

Тут она припомнила слова канцлера о том невзрачном балеарском фехтовальщике. «Дорогая, запомни этого человека. Очень возможно, что вы ещё встретитесь: тогда будет полезно помнить, что это друг». И правда — полезно будет. Выйдет здорово, если встреча состоится скоро — и уже не в Балеарии.

Под вечер на Бернарда опять накатила тоска. Так крепко накатила, что он даже задумался — не сказать ли нездоровым, чтобы пропустить намеченное на время после заката представление. Сказался бы обязательно, только вот не хотелось расстраивать матушку: столько она за сегодня сказала на тему желаний почаще видеть королевскую семью вместе. Ей будет неприятно, если Бернард не придёт.

Причиной всему были, конечно же, воспоминания о Фиршилде. Лорд Клемент, сир Робин... ну и Адель. Прежде всего Адель. Стыдно было самому себе признаться: Бернард только после расставания окончательно осознал, каковы его чувства. Так глупо! Нужно было поговорить гораздо, гораздо раньше... и прежде с бароном, затем с ней.

Бернард столь погрузился во все эти мысли, нахлынувшие внезапно, что совершенно забыл: он же посреди разговора!

— Ваше Высочество?.. Вы, кажется, слегка упустили последние нюансы моей мысли...

Вкрадчивый голос с каким-то непонятным акцентом, звучащий приятно. А вот внешность этого человека, у которого даже бровей не было, что о прочих волосах говорить — она скорее Бернарда отталкивала.

— Нет-нет. Я вас слушаю.

— Я вёл, Ваше Высочество, речь об этих весьма удивительных, поверьте, для меня самого настроениях среди знатнейших людей, окружающих вас.

Люка говорил так многословно и витиевато, что юный принц не мог понять: ему нынче в самом деле разъясняют крамольные вещи — или это просто кажется? Может, Люка только пару зёрен закинул, а Бернард уже сам себе додумывает возмутительное?

— Не пойму, к чему вы клоните.

— Я, Ваше Высочество, ровно ни к чему не клоню. Кто я такой, чтобы? Скромный слуга... — ну да, интересно вот только, кому именно служащий. — Клонят совсем другие. В меня самого, поверьте, эти беседы о большей вашей пригодности к престолу, нежели законно наследующего его брата, вселяют тревогу. И вызывают негодование! Не я всё это придумал, вы сами уже убедились. Но ведь разговоры не возникают на пустом месте. Разумеется, совершенно не вы в том повинны: вы ни словом, ни делом, ни малейшим намёком не дали каких-то сомнительных поводов... Однако если только пожелаете, я разберусь во всём досконально. Представлю самые полные сведения о том, кто и как именно...

— Уйдите! — оборвал его Бернард с для себя же неожиданной резкостью. — Мне сейчас не до таких разговоров!

— Повинуюсь.

Люка учтиво поклонился, и по нему было прекрасно видно: имел в виду добавить что-то вроде «но я ещё вернусь».

Бернард буквально сбежал из опустевшего зала, в котором они говорили. Все вечные обитатели и временные постояльцы королевского замка стеклись во внутренний двор, где оборудовали сцену и зрительские места. Представление вот-вот должно было начаться, но Бернард совсем уже не собирался смотреть его.

Что за напасть! Эти смущающие слова пэров, столь неудобно созвучные с ними речи Люки, про коего принц не знал практически ничего — кроме того факта, что человек это важный и давно уже вращающийся где-то на задворках королевского замка. Да что творится в Кортланке, на первый взгляд казавшемся таким милым и спокойным?

Так, помнится, однажды в подпитии начинал древнюю балладу сир Робин, пока старый слуга заради атмосферы наигрывал на клавесине. Дескать: представь себе кого-нибудь, например меня, лишь чуть постарше. Влюблённого, но не слишком сильно, с красавицей или другом — вот хоть с тобой, Бернард. Я весел, и вдруг — видение гробовое, мрачная туча, внезапный мрак... Или нечто вроде.

Морок какой-то жуткий. А тут ещё и от личных чувств столь беспокойно!

Бернард сбежал в свои покои, уже не заботясь о возможной обиде матери, и заперся на засов. Никого больше не стояло мысленно перед глазами, кроме Адель. Этой болезненно бледной, хрупкой и лёгкой, словно вовсе земли не касающейся, девушки. Той, что живёт далеко-далеко, в диком лесу, пропитанной духом чарующих сказок и страшных легенд. Той, которая и не знает, быть может, что есть нечто прекрасное в мире, помимо заколдованного кем-то в далёкие-далёкие времена леса.

Сев за письменный стол и вроде бы чуть-чуть успокоившись, Бернард вспомнил слова королевы о том турнире. Это довольно скоро, но не слишком. Прекрасный повод! И Ламберт ведь говорил насчёт сира Робина... Ну точно. Есть повод — и уж тем паче есть причина. Даже не одна. Не может Бернард больше без племянницы барона! И, при всех эти странных

разговорчиках, без его сына тоже становится тяжело. Не со всякой тревогой пойдёшь к отцу, даже с любимым братом не всякой поделишься — а уж в этом случае особенно. Барон Гаскойн наставлял: делает и короля, и лорда, и полководца его свита. Нельзя без людей, на которых можно опереться.

И нельзя без людей, о которых просто не можешь не думать. Что бессонной ночью, что посреди постепенно распяляющегося праздника.

Бернард твёрдо принял решение написать письмо. Хотя, взявшись за перо и едва от волнения не опрокинув чернильницу, ещё не знал точно, какими именно словами выразит мысль. Это не так и важно, наверное: Робин поймёт.

Так или иначе — больше подобными мыслями поделиться не с кем.

Разговор с отцом произвёл на Робина Гаскойна глубочайшее впечатление. Несравнимо более сокрушительное, чем он мог ожидать — хотя и затеял беседу по наущению ведьмы, что обещало некое откровение.

Разумеется, поразило Робина не то, что отец виделся некогда с Геллой — а сомнений, что речь шла именно о Гелле, не имелось. Не удивили и новые подробности старой легенды. Чему же тут удивляться? Ведьма сама сказала молодому Гаскойну, что не впервые беседует с мужчинами его рода. И не впервые те отказываются к ней прислушиваться.

Поразило и не само по себе признание барона в страхе. Да-да, о страхах рыцарства Робина давно знал: как сам отец отметил, довелось ведь уже юноше сражаться. Причём всерьёз.

И даже то, что в тот раз страх остановил барона, принудил к своего рода отступлению — тоже не великое открытие. Сколь бы Робин ни почитал отца, но понимал: тот не безгрешен. Даже самый сильный и отважный человек может когда-то дать слабину. Лучше бы не давать её никогда, однако подобное случается, и даже если сие постыдно — то хотя бы простительно.

Главное состояло в ином. Не решился отец Робина — великий рыцарь, прославленный на всё королевство герой, иметь дело с ведьмой. А вот сам Робин ощущал, что пусть ему тоже страшно — но хватает сил переступить через этот страх. Молодой Гаскойн способен справиться с ним, если только пожелает.

Выходит, он уже сильнее собственного отца? По крайней мере — сильнее, чем был отец лет около двадцати назад, сразу после Великой войны, незадолго до рождения Робина? Дерзкая мысль, но имелись для неё основания.

Погода в последние дни наконец сделалась похожей на летнюю — и вместо унылых морозящих дождей с туманами она впервые за год принесла грозу. Окна спальни Робина, расположенной на самом верху фиршилдского донжона, выходили на восток. Как раз оттуда, со стороны мрачного леса, надвигалась тяжёлая туча. Молнии сверкали, очерчивая в ночи контуры клубящейся тьмы, но гром пока едва-едва доносился.

Робин стоял перед окном, созерцая надвигающуюся бурю. Вслед за очередным далёким раскатом в спальню ворвался ветер, задув свечи на канделябре. Сделалось темно. Робин сразу решил — это не случайность.

Меч лежал перед ним на подоконнике: Робин поглаживал пальцами гладкое лезвие и шершавую обмотку рукояти. Сначала поглаживал, а потом убрал руки от меча.

— Ну приходи, если хочешь. — прошептал он.

— А я уж думала, не пригласите... — тотчас послышалось из-за спины.

Робин обернулся. В полумраке различался лишь силуэт Геллы: такой же сплошь чёрный, как показалось рыцарю в видении из ведьминога дома. Она стояла возле двери, запертой изнутри на крепкий засов.

— Думал, ты опять залезешь в постель.

— Как можно, сир?.. Прошу заметить: это вы тогда легли без спроса на мою кровать, я всего лишь присоединилась по хозяйскому праву. Но теперь-то вы хозяин, я же гостя. Не смею лезть в вашу постель, пока не прикажете.

— А это обязательно?

— А вы не хотите?

— Не знаю. — Робину показалось, что он ответил неожиданно честно.

— А по-моему, отлично знаете.

Возможно, мнение Геллы всё-таки было ближе к истине.

— Тут теперь слишком темно.

— Ммм... так вы желаете на меня посмотреть?

— Всегда предпочитаю видеть получше.

Несколько свечей, потушенных прежде ветром, загорелись снова. Сделалось достаточно светло, чтобы Робин различил улыбку ведьмы.

— Уже заставляете показывать фокусы, ммм... Нет-нет, я совсем не против. Любой ваш каприз, сир Робин. Я много всяких фокусов знаю. Прикажете покатать по небу на метле, как в сказках? У меня-то получше идеи есть, но мало ли...

Она вновь была в самом простецком платье — такое последняя крестьянка на свидание не наденет, и по-прежнему с распущенными волосами.

Гелла сделала шаг: короткий, мягкий.

— Ничего? Не слишком многое себе позволяю? Вы только меч этот не наставляйте больше, если можно... Как-то неуютно беседовать по разные стороны меча. Даже паладин Тиберий не грозил мне оружием, между прочим! Нет-нет, я не обижаюсь на тот ваш жест. Я понимаю.

— Ты же гостя. Гостей в Фиршилде уважают. Грозить мечом — неуважительно.

— Очень ценю это, сир. Вы знаете, прежде меня в Фиршилд-то не приглашали. Не скрою: ходила сюда без приглашений, кто же мне запретит? Но вот так — нет... Вы кое-чем весьма отличны от прочих Гаскойнов.

— Ты правда знала Гастона?

— И его тоже.

— Так сколько же тебе лет?

Гелла тихонько хихикнула.

— Вы уже задавали этот бестактный вопрос! Что за манеры, сир Робин? Кто ж спрашивает о возрасте женщину?

— Но ты не женщина.

— Да? Вы же видели меня голой. Наверное, там, ммм... всё было очень похоже на женское.

— Не издевайся! Ты не человек. Я это имел в виду.

При этих словах ведьма вдруг сделалась очень серьёзной.

— А вот это не такой уж простой вопрос, сир Робин. Я могу ответить на него — причём весьма, весьма подробно. Заодно и рассказать многое о прошлом. О гвендлах, о Гаскойнах. О том, что было здесь до тех и других. Я хорошая рассказчица... Но довольно строить невесть что, сир! Вы же не ради сказки на ночь меня позвали, честное слово... всему своё время, не так ли? Сначала одно, а потом другое.

Гелла ещё немного приблизилась, ступив босыми ногами на расстеленную посреди спальни медвежью шкуру. Теперь уже и янтарно-голубое в глазах стало различимым. Робин опять невольно залюбовался ведьмой — невозможно было себя за это винить. Ни украшений на ней, ни красивой одежды, ни единой ленточки в волосах — но всё это Гелле было, конечно же, абсолютно не нужно.

— А может, и ради сказки! — заявил Робин с напускной лихостью. — Ты же сама

сказала: любой мой каприз.

Ведьма картинно развела руками.

— Ах!.. Вот она, трагическая неосторожность: действительно обещала всё, что вам только будет угодно. И ведь никуда не денешься, ммм... Придётся теперь все... все ваши желания исполнять. А то не выпустите из замка, правда?

— Опять издеваешься надо мной.

— Ничуть! Вы изволили заявить, будто я не женщина. Положим, сир Робин, что я действительно не человек — но вот женщина-то точно. Ещё какая. Чего мне желать сильнее, нежели отдаться во власть такого славного рыцаря? А если послушаюсь — разумеется, придётся меня наказать. И уж коль скоро никого больше нет в этой спальне — выходит, наказывать придётся вам... Ах, ладно. Сказка, говорите? Будь по-вашему. Только вот кто же так сказки на ночь рассказывает: стоя друг от друга дальше, чем копьём достанешь?

Да уж, сказки не так рассказывают. Робин совсем плохо помнил мать: был ещё совсем мал, когда она умерла. Зато хорошо помнил старую служанку Эдну, тоже давно мёртвую. От неё-то Робин услышал в этой самой спальне много, много сказок. Эдна садилась на кровать, маленький Робин клал голову ей на колени — и слушал про рыцарей древности, прекрасных дам, зверей лесных, про жестоких язычников. Да так обыкновенно и засыпал.

— Так можно мне туда? — Гелла кивнула на постель.

— Изволь.

Любоваться движениями ведьмы хотелось не меньше, чем лицом и фигурой — насколько последнюю это дурацкое платье позволяло рассмотреть. Плавнее и грациознее лучшего фехтовальщика. Гелла расположилась на кровати молодого Гаскойна, словно прекрасный чёрный лебедь посреди лесного озера.

А Робин по-прежнему стоял у окна.

— Ох, как здесь мягко... — Гелла провела ладонью по меховому покрывалу. — Мне нравится. Ну придите же!.. Я вас не укушу, пока не велите сами. По-прежнему ни к чему вас не принуждаю, сир: лишь по доброй воле.

Робину уже стало неудобно: тушуетя, словно Бернард при виде Адель. Сам же звал Геллу, в конце концов! И эту дурацкую игру в сказки сам затеял — теперь уж надо играть как положено. Постаравшись придать себе уверенный вид, молодой Гаскойн сел на край кровати. Теперь он мог ощутить тот самый запах, исходящий от ведьмы. Запах самой сути местных лесов.

Гелла покачала головой.

— Ну что же такое! В одно стремя ногу не ставят. — она мягко похлопала себя по бедру. — Идите сюда. Как полагается.

Чувствуя себя по-прежнему глупо, но теперь уже и весьма взволновано, Робин повиновался. Лёг, положив голову ведьме на колени — прямо как в детстве. Гелла пригладила волосы рыцаря. В тот раз не показалось: хоть ведьма дышала, тело её было совершенно холодным. Очень непривычное ощущение.

— Ммм, так-то лучше. Сказки, говорите... Вы столь настойчиво спрашивали о моём возрасте, о днях далёкого прошлого. Хорошо... я кое-что об этом знаю. Знаю куда больше, чем вудлендские сказительницы и лесные шаманы. Гвендлы думают, будто жили здесь всегда, но это неправда. Долгое время никто в этих землях не жил, потому что человек к западу от леса да к югу от гор вообще было мало — а земли местные, вы сами знаете, суровы и неплодородны. Никто сюда не стремился. Здесь жил один только тот, кого зовут Князем, а

вы принимаете за Нечистого. Если, конечно, можно назвать существование его «жизнью». Князю было хорошо и без человеков. Он растил деревья — а тогда Орфхлэйт простирался много дальше, чем теперь, и безраздельная власть Князя простиралась дальше — растил зверей и птиц леса, змей и лягушек, муравьёв и пауков. А тот, кого вы приняли за Творца Небесного, правил южнее озера Эшроль: ему человеки как раз нравились. Слишком, думаю, сильно нравились. Он всегда был без меры мягкосердечен, потому и оказался так легко принят за доброго бога. Таковы они, два истинных короля.

— И что, потом пришли гвендлы?

— Нет...

Покоить голову на её мягком бедре было, конечно же, приятно. Гелла тихонько ворошила волосы Робина, а другую ладонь запустила под ворот рубахи. Противиться рыцарь не стал.

— Я говорю о куда более далёких временах. Человеки о том не помнят, потому как почти ничего не записали. Однажды с северных гор спустилось многочисленное племя, которое шло издалека — забрело в вечно мёрзлую тундру и не сумело там прокормиться. Радаманны: так они себя называли. Означает на древнем языке «все человеки» — прочих, встреченных на пути, радаманны за человеков считать не привыкли. Радаманны вызывали некоторое сочувствие у того, который живёт на севере: господина суровых гор и полуживой тундры. Он научил племя, как найти общий язык с Князем. Точнее, не «научил» досконально... намекнул. И радаманны быстро поняли: что положишь в землю Орфхлэйта — достанется Князю. Они начали приносить жертвы. Красивые вещи, сильных животных. Однако они не поняли, чего Князь хочет больше всего. Что ему больше любо. А потом с востока явились гвендлы, и тут началась кровавая вражда.

Очень напоминало то, как сами гвендлы теперь рассказывали о приходе в Вудленд слуг Творца Небесного. О приходе сюда Гаскойнов. До чего же чудно, подумал Робин: совсем другие века, совсем иное положение вещей, но суть совершенно неизменна. Одни пришли на землю и назвали себя её хозяевами. Потом явились другие — и оспорили это право. А потом... Ничего среди людей не меняется.

— Гвендлы хуже понимали природу Князя: они выдумали себе «лесных духов». Которых, конечно же, не существует и никогда не существовало. Был и есть только Князь. Зато гвендлы сумели куда лучше, чем радаманны, почувствовать княжьи желания. До гвендлов тоже дошло, что закопанное в землю Орфхлэйта достаётся самой Тьме лесной. Они решили отдавать Тьме врагов — и очень быстро заметили, что больше всего Князю нравятся женщины. Тогда гвендлы стали хоронить заживо пленниц, взятых в радаманнских селениях.

Робин ощутил неприятный зуд, унявшийся под нежной ладонью ведьмы. Он понял, к чему идёт эта история.

— Да, сир Робин... вы догадались. Я могу показать курган, под которым истлели мои кости. Кости человека, которым я когда-то была... или кости человека, который стал после смерти мною. Ибо Князь охотно принимал дары и немало их ценил. Кое-кому из тех даров он сам преподнёс нечто особенное: новую жизнь. Или не-жизнь. Что-то вроде жизни: уже не человеческой, но и не высшего существа. Так родились Сёстры, коих человеки давно кличут ведьмами. А мы и не против.

Интересно, поверил бы в такое кто-нибудь из паладинов? Их читателей «Пламени очищающего» — а тем паче сам автор этой книги? Едва ли. Робин понимал, что верить ведьме — сомнительная идея, и она сама не раз честно подчёркивала это. Но именно сейчас

рыцарь склонен был поверить.

— Так гвендлы укрепились во мнении: если случилось хорошее — это милость «лесных духов», а если плохое — то уже гнев ведьм, которых не задобрили. Глупо, вы скажете? Возможно. Но не глупее того, как Светлого с юга Ульмиса ваши единоверцы называли Творцом Небесным, а в Князе вовсе увидели Нечистого. Люди всё упрощают, к сожалению. Пытаются увидеть высшие силы такими, какими их видеть удобнее. Светлый ведь тоже охотно принял кое-какую жертву! Вы без меня знаете о том, как святую Беллу, Благостную Деву, сожгли во времена Старой Империи: за её проповеди и её чудеса. И знаете, чем это закончилось.

Уж об этом Робин знал многое, как любой человек в Стирлинге. Любой в королевствах, выросших на руинах Старой Империи. Но теперь хотелось уточнить...

— Так в Святом Писании о Белле написано правдиво?

— Книжка довольно глупая в целом, но да: в этой части она весьма точна. Белла жила чуть позже: сложись всё совсем иначе — возможно, я могла бы увидеть её в колыбели, сама будучи глубокой старухой. Но нам обеим не суждено было состариться.

До чего интересно! Робин так увлёкся, что известные мысли насчёт женщины, с которой он лежал в постели, усмирять сейчас почти не приходилось. Белла и Гелла: даже их имена звучали похоже.

— А что стало с радаманными? Гвендлы истребили их?

— Нет. Радаманны ушли на юг, где имперцы приняли их неожиданно радушно. Саму идею Нечистого, должно быть, тогда в Старую Империю и принесли. До сих пор в языках норшгатцев, лимладцев и Стирлинга многое есть от наречия, на котором радаманны говорили — хоть само племя почти забыто. Оно растворилось в южанах, словно соль в воде. Вода-то изменила свой вкус, но соли в ней больше не видно. А гвендлы провозгласили первого Лесного короля, начав править Орфхлэйтом — и правили им долго. Многие века. Пока ваш великий предок наконец не пришёл.

А ведь и со времён Гастона Гаскойна столько веков прошло... но это было, оказывается, далеко не начало истории. Почти самый её конец, если вот так окинуть взглядом всё прошлое разом! Робин вдруг поразился осознанию того, с каким существом лежит в постели — причём не впервые, да всё пока без толку. Это не просто ведьма. Это не какой-то лесной морок. Это...

— Так ты правда знала Гастона Гаскойна?

— Конечно, сир.

— И говорила с ним так же, как со мной?

— Ну нет! — хихикнула Гелла так, что Робину почудилась тень сожаления. — Он-то меня в свою постель не пригласил. Хотя я предлагала...

— И что именно ты предлагаешь?

Хорош уже ходить вокруг да около, право слово. Настало время задать такой вопрос. Гелла то ли ожидала его именно сейчас, то ли ответ давно заготовила. То и другое, скорее всего.

— Гастон мог стать истинным правителем этих земель. Он мог быть настоящим Лесным королём: не на словах убогих подданных, но на деле. Таким королём, который понимает силу этих лесов и способен черпать величие из неё: не маленькой ложечкой, но целыми пригоршнями. Однако Гастон не пожелал... как и Калваг, впрочем. Вы, сир Робин, также можете принять великую судьбу. Не только барона Вудленда, но короля всех этих

лесов. Двадцать девятого и самого великого.

Прозвучало бредово.

— Я же не гвендл!

— Ну и что? Я тоже. Однако у меня здесь давненько поболее власти, чем у любого из человек.

Теперь прозвучало логично. Однако всё равно... это слишком. Всякого ожидал Робин, однако не подобного.

— У меня уже есть король!

Рыцарь так вспылал, что почти вскочил — Гелла придержала его, надавив на плечи. Неожиданно много силы оказалось в её изящных руках.

— Вы с ним хоть раз виделись?

— Поеду в столицу и увижусь!

— А ведь я говорила: не стоит вам туда ехать. Когда Бернард призовет — разумнее будет отказать ему в помощи. Но... ах, не всё сразу! Ценность великих даров, которые я способна преподнести, человеку не познать в один момент. Этому меня научил опыт многих Гаскойнов: от Гастона до самого Клемента. Нужно постепенно... нужно, ммм..

Рука скользнула с мощной груди Робина к паху, и вот теперь-то он правда вырвался — оттолкнув Геллу так, что ведьма едва с кровати не свалилась. Рыцарь ожидал лишиться сил по ворожбе, как было в лесной доме, однако этого не произошло. Зато Гелла показала завидную проворность: подняться Робин не успел. Ведьма ловко оседлала его, прижав к постели.

— А может, я опять ошиблась?! — почти крикнула она: в янтарно-голубых глазах полыхнуло. — А может, вы ничем не лучше Гастона Гаскойна — и уж точно не лучше отца? Неужто я уступаю толпе служанок и деревенских девок, которых вы поимели, сир? Да будь вы достойным рыцарем — сто раз уже велели бы мне раздеться и ублажить вас. Я, уж поверьте, умею это — ооо, как я это умею! Я могу показать вам, сир, насколько нежна Тьма...

Робин ещё пытался сбросить ведьму с себя, но почему-то ничего не получалось.

— ...а могу, впрочем, и просто уйти. Как вы прикажете, так и сделаю. Если вам безразлична своя судьба, безразличны судьбы Вудленда и безразлично то внимание, коего немногие за долгие века удостоились — можете проявить себя глупым, трусливым и слабым. Всё — по доброй воле, сир.

Тут Робин вспомнил, с каких мыслей всё началось. Кем угодно он был готов проявить себя, но не трусом и слабаком уж точно! И точно не пред лицом того, что вогнало во страх и остановило когда-то самого Клемента Гаскойна.

— Раздевайся.

— Так-то лучше!

И платье соскользнуло с плеч Геллы в один миг — будто разом все нитки разошлись, да будто и не было того платья вовсе. Ведьма прильнула к Робину и бесцеремонно, с жадностью впиалась в его губы. Это был очень долгий поцелуй — прервался лишь тогда, когда Гелле вновь захотелось сказать.

— Но вот что, сир: так запросто вы нежность Тьмы теперь не получите. Больно долго упирались. Нет: хочу испытать, что вы за рыцарь! Не только в сражениях мужчины испытываются, ммм? Мечом-то каждый дурак горазд махать.

Робин возразил бы насчёт обещания исполнять его капризы, однако всё удачно сошлось

с его собственными желаниями. Теперь-то он без труда опрокинул ведьму на спину, раздвинул её колени и подмял под себя. Кровать была сколочена крепко, однако всё равно скрипнула. Какова нежность Тьмы — ещё предстояло выяснить, но пока сам Робин отнюдь не нежничал.

— Я буду кричать, конечно... — шепнула Гелла ему в ухо. — Но не бойтесь: нас никто в замке не услышит.

Да хоть бы и услышали — кого это в Фиршилде смутит? Отец совсем иначе говорил о становлении мужчины мужчиной, но если взять меру вещи попроще — то Робин чувствовал себя в постели так же уверенно, как с мечом. И так, и этак немало схваток выигрывал.

А в знании, что кости лежащей под ним женщины давным-давно истлели в сырой земле, Робин обнаружил ничуть не отвращение. Напротив: как раз нечто особенно будоражащее. Может, кто-нибудь ещё в Вудленде справедливо похвалится, что сумел зарубить четверых сильных воинов из леса, даже не имея брони...

...а вот с кем ещё случалось подобное?

Закричал-то первым Робин — когда Гелла, поманив его к губам и вдруг уклонившись, не на шутку вцепилась зубами в шею. Вышло гораздо большее, чем Робин решился бы сделать сам.

— А обещала только по просьбе... — кое-как проговорил он, потому что дыхание сбилось. Это и на ристалище случалось редко.

— А... ах, а вы и поверили?

Вместо ответа Робин прижал ведьму к покрывалу, ухватив за горло. Подумалось, что силу можно особо не рассчитывать: ничего с Геллой не случится, раз она давным-давно не человек. Изголовье несколько раз стукнулось об стену, хоть весила кровать немало. Тут Робин ощутил, что пределы выдержки иссякают и финал ближе, чем он рассчитывал. Иного коня никак не удержишь.

Гелла, впрочем, совсем не расстроилась. О нет: она была очень довольна. Женщина или не совсем женщина, однако в дивных двухцветных глазах светилось теперь именно то, что молодой Гаскойн видеть привык.

Робин, тяжело выдохнув, завалился набок. Только теперь он почувствовал, как саднит на спине и груди: царапин ногти Геллы оставили порядочно. Из распахнутого окна задул ветер, неприятно остудив покрывшуюся потом кожу. Захотелось покрепче обнять Геллу, и хоть рыцарь понимал, что её холодное тело всё равно не согреет — немедленно сделал это.

— И что... — проговорил он, отдышавшись. — Скажешь теперь, будто я слабый рыцарь?

— Просто замечательный.

Гелла легонько поцеловала его, и в тот же момент Робин услышал, как захлопнулось проклятое окно. Стало гораздо лучше, хоть и прежде было великолепно.

— А раз так... — начал Робин, теперь-то ощущая безграничную уверенность в себе. — То что там насчёт нежной тьмы?

— Ммм, да с вами на раз-два не управисься... Как я и надеялась, впрочем.

— Ещё бы!

— Ну хорошо: вы заслужили.

Гроза как раз добралась до Фиршилда. Крупные капли забарабанили в оконное стекло, молния осветила полспальни, а гром ударил неожиданно резко. Робин немного вздрогнул — и от этого звука, и от прикосновения ведьмы. Во дворе перепугались собаки, а из коридора

послышалось, как поминает Творца Небесного проходящая мимо служанка.

Знала бы она, что творится за этой дверью...

Подумалось об этом и Гелле. Она увидела достаточно иронии, чтобы ненадолго прерваться.

— Вы только, сир, давайте без чего-то вроде: «ах, святая Белла!», ладно? Мне будет обидно.

Робин запрокинул голову и обнаружил, что святая Белла вполне имеет возможность наблюдать: маленькая статуэтка была подвешена над кроватью. Робин редко вспоминал про неё. Да и пусть. Крестик по-прежнему висел на его шее, что ведьму не смущало.

В самом деле, Благостную Деву ночью не призывают — как сказала Гелла при первой встрече. Что до самой ведьмы, то если она и лгала насчёт «Тьма ещё не есть зло», то хотя бы о нежности Тьмы сказала честно. Ни одна из прочих женщин, которых успел узнать Робин Гаскойн, и близко не была способна на нечто подобное. По крайней мере, сейчас рыцарю казалось именно так.

Позже, когда Гелла положила голову ему на грудь, с некоторой брезгливостью отодвинув пальцем крестик, Робин даже решил сказать о том. Получилось, правда, как-то глупо и неловко. Возникло чувство, будто в признаниях о своём восторге рыцарь зашёл слишком далеко.

Гелла поняла, что его так смутило.

— Ммм, сир... Вы можете не бояться в меня влюбиться. Не получится. Меня легко возжелать, это правда: однако любят человеки то, чего у меня вовсе нет.

Рыцарь понял, что она имела в виду, но смутился больше прежнего.

— Я просто хотел сказать, что...

— Я знаю. Я ведь говорила: лучше меня не найдёте.

Гелла немного приподнялась: растрёпанные волосы щекотно пробежали по телу Робина.

— Пока вы снова не собрались с силами...

— О, это скоро.

— Не перебивайте. Хочу дать вам ещё кое-что. А то знаете... от это миленькой побрякушки... — Гелла щёлкнула пальцем по крестику. — ...никакого проку нынче нет. Творец Небесный стал бессилён даже во много более важных вещах, нежели человецки судьбы. В отличие от меня.

— Что же это?

— Не пугайтесь только.

Она коснулась пальцами груди Робина — ближе к рёбрам, чуть ниже соска. Ничего, помимо самого прикосновения, рыцарь не почувствовал. Но тогда ведьма убрала руку, на коже остался чёрный круг.

Робин, конечно же, испугался.

— Что это?!

Он даже попытался стереть метку, но без толку — та чернела изнутри кожи, словно была наколота.

— Я же просила: не пугайтесь...

Гелла прервала дальнейшие возмущения Робина долгим, глубоким и чувственным поцелуем. Не то чтобы это полностью успокоило рыцаря, но отчасти помогло.

— Помните, как мы беседовали о судьбе Колуэя? Я говорила о невозможности

причинить зло тем, кто отмечен Тьмой?

— И не поплатиться за это. Помню.

— Вот. Такое носят очень, очень немногие люди. Всего несколько. Люди, которые особенно важны. Круг есть Круг: всё по нему возвращается. Этот знак защитит вас. Но имейте в виду: не от всего и не везде! Чем дальше от Орфхлэйта, чем большие силы стоят за опасностью — тем хуже знак защитит. Не нужно слишком полагаться на него.

Робин немного разозлился.

— Я тебя об этом не просил!

— Подарки и не выпрашивают. Я понимаю: вы не во всём можете меня послушать. И это само по себе нормально, ибо...

— ...ибо «только по доброй воле».

— Конечно. Приятно, что вы начали понимать устройство Порядка. И если всё-таки замyslите глупость — с этой меткой всем будет спокойнее.

Всё равно не очень убедило. Робин отстранился и сел на кровати, сердито сложив руки.

— Ты всё затеяла только ради этого?

— А разве было похоже, ммм? — Гелла картинно изобразила обиду, а затем улыбнулась и обняла Робина. — Потому я и не приберегла подарок на прощание: чтобы вы не подумали, будто всё лишь ради него. Ну перестаньте, сир, чего вы кукуетесь? Мы ведь уже убедились, что вы не мальчик, но муж.

Ведьма потёрлась щекой об щёку Робина. Получилось настолько мило, что и неудобно стало дальше «кукуется», как она изволила выразиться. Интересно: а кто другие люди с меткой? Какие-нибудь гвендлы? Или не только?

— До утра, сир, ещё долго. Вы же не выгоните меня прочь такой ужасной ночью, в такую жуткую грозу, ммм?

Робин чувствовал, что его силы на сегодня отнюдь не исчерпаны. А даже будь иначе — он всё равно не хотел прогонять Геллу. Как-то не по-рыцарски, и потом...

Странные ощущения от объятий, в которых не чувствуешь тепла тела — словно труп к себе прижимаешь, честное слово. А грозу эту она, небось, сама подстроила. Но Робину всё равно хотелось уснуть вместе с ведьмой.

— Да нет, конечно. Не выгоню.

Мартин велел Тесс и Фанни говорить по городу о нём — и старуха и девочкой, похоже, всюю говорили. Скоро дартфорцы потянулись к проделанному у самой земли зарешеченному окошку.

Этого момента, ожидаемого и даже неизбежного, Мартин немного боялся. Он ведь не знал наверняка, как именно удалось совершить им содеянное: потому и не испытывал уверенности, что сумеет помочь другим людям. По крайней мере — так же легко.

К счастью, мало кто шёл с такой же тяжёлой бедой, решаемой так же явно и однозначно. Первое время являлись бедняки с простыми жалобами на тяготы жизни, с какими-то обыкновенными хворями: возможно, Мартин более утешил их словами, нежели помог свершением чуда. Одному мужику, искалеченному на полях Великой войны, вроде как стало лучше: отступили, по его словам, годами мучившие боли. Но это могло быть простое внушение. Женщина с усталыми глазами жаловалась на пьющего мужа — быть может, рассудил Мартин, выпивку тот бросит из страха перед высшими силами.

Многие вовсе ни на что особо не сетовали: просто хотели взглянуть на Мартина, коего всюю обсуждали на площадях, и немного поговорить с ним.

Через неделю, впрочем, явился ещё один слепой. К немалому удивлению самого Мартина, он прозрел. Другой калека просил вернуть сгнившую от пустяковой ранки ногу, однако тут уж Мартин честно сказал: несчастный просит от бога слишком многого. Сама святая Белла, Благостная Дева, подобных чудес не совершала — если верить Святому Писанию, хоть отношение Мартина к священной книге нынче сделалось ироничным.

Сокамерники, конечно, были поражены происходящим. Гевин то радовался, то сетовал — мол, связался с кем-то похуже еретика и кончится это ещё хуже, нежели просто плахой. Далия не сводила с Мартина восторженного взгляда, когда мальчик говорил со всё новыми и новыми просителями. Ерден в основном помалкивал, только загадочно улыбался. Словно больше самого Мартина знал о происходящем.

Более всего чудеса, творящиеся в камере, изменили Берни Крыса. Тот больше не дерзил и ни с кем не ругался — сделался тише, чем сам Мартин в бытность церковным служкой. Пару раз вор о чём-то с Мартином начинал беседу — видать, о чём-то очень важном, но всякий раз не доходил до сути. Пугался. Не то Мартина, не то сам себя.

Разумеется, рано или поздно тюремщики должны были обратить внимание на происходящее. Они плевать хотели на всё внутри темницы — но тянущихся к ней горожан, обыкновенно десятой дорогой мрачное место обходивших, нельзя было не заметить. Кончилось тем, что Мартина увели из прежней камеры — бросили в другую, одиночную. Размером со шкаф и без окна.

Там мальчишка провёл ещё несколько дней, которые почти не запомнил. Нечем было заняться и не о чем стало думать. Ясное дело, вскоре должны казнить — но этот очевидный факт и раньше не вызывал у Мартина Мика переживаний, а уж теперь вовсе сделался безразличным. Наверняка за стенами тюрьмы волновались о судьбе пророка гораздо больше. Иногда Мартину казалось, будто сквозь толстый камень он слышит многоголосый ропот, споры и перешёптывания. Дартфорцы не могли не обсуждать его. Возможно, суждены Мартину короткая жизнь да маленькая судьба — не сотворит он ничего великого для Стирлинга, тем паче для мира. Однако Дартфор получил в эти дни хоть какую-то надежду. И

это уже дорого стоило.

Однажды утром — почему-то Мартин был уверен, что это раннее утро, хотя солнечного света не видел давно — его наконец вывели из камеры. Никто ничего не объяснил, но Мартин без труда догадался, куда его ведут.

Даже в тюремных коридорах воздух после одиночной камеры казался свежим — а уж на улице мальчишка вдохнул полной грудью с таким наслаждением, как никогда в жизни. Немного смешно, конечно, в его возрасте так говорить: «как никогда в жизни». И несколько горько задумываться о том прямо на пороге смерти.

Недолго пришлось дышать свободно: прямо за воротами тюрьмы Мартину надели на голову плотный мешок, сквозь который только солнце едва-едва было видно. Неожиданно в это утро распогодилось! Даже через тёмную ткань солнце немного слепило: редкий случай этим летом.

Славный денёк. Даже тяжёлые кандалы, которыми Мартину сковали за спиной руки, совсем его не портили.

Шли не очень долго, но за это время Мартин успел заметить: шумит Дартфор изрядно. Сильнее, чем в день той казни, когда их с Гевинном арестовали. Гораздо сильнее. И гул был очевидно неодобрительным, возмущённым. Дартфорцы не хотели, чтобы Мартин умер.

Забавно! Прежде не бывало до его жизни дела более чем двум-трём людям. Вермилий — и тот не особенно беспокоился.

Мешок сорвали с головы неожиданно. Свет больно ударил по глазам, пришлось зажмуриться, но ещё прежде Мартин понял: он на той самой площади. Вновь забитой битком. Вот стоит всё тот же собор, а вот эшафот: вряд ли он в последние недели пустовал подолгу. Обычные казни наверняка успели дартфорцам немного наскучить, но сегодня-то намечалась необычная.

Мартин улыбнулся толпе, глядящей с горечью и сочувствием. Некоторые смотрели даже с каким-то... благоговением, что ли? Улицы по дороге шумели, но на площади люди заметно притихли: должно быть, способствовало этому обилие стражи, настроенной решительно.

Вооружённых людей оказалось теперь гораздо больше прежнего: как из цеховых дартфорских охранников, так и в накидках линкольновских цветов. Стражники стояли вокруг эшафота в два ряда. Шлемы, кирасы и клинки алебард сверкали в утренних лучах. Это было красиво.

Мальчика толкнули в спину — к знакомой уже лестнице, по которой он вновь поднялся твёрдо, без малейших сомнений.

Гевин, Даля, Крыс и Ерден уже были на эшафоте: пока что при головах на плечах. Они стояли на коленях, также со скованными за спиной руками. Вероятно, Мартина собирались казнить первым, что показалось мальчику логичным. После того внимания, которое приковало к себе окошко камеры, в глазах властей он точно сделался главным еретиком.

Впрочем, и теперь епископ не почтил площадь своим благословенным присутствием. Жаль: он наверняка узнал бы Мартина, а это обещало интересный разговор напоследок. Обошлось тем богато одетым священником, которого Мартин видел на прошлой казни. И тот самый рыцарь в очень красивом доспехе, служащий герцогу Линкольну, на эшафоте присутствовал.

И ещё палач, конечно: детина не меньше Гевина, с огромным топором в мозолистых лапищах. Часто палачи надевают маски, хоть и мало в этом смысла — все же прекрасно знают, кто в городе палач. Так крепко знают, что редкий палаческий сын сам устраивается в

жизни иначе. Но вот этот палач маски не носил. Лицо его совсем не показалось Мартину интересным, а в глазах читалось одно лишь безразличие. Ни ненависти, ни отвращения, ни сочувствия к жертвам этот человек не испытывал.

На лице рыцаря была только скука. Что же до священника... Этот старик в бархате точно слышал о чудесах, совершённых Мартином. Не мог не слышать. Однако столь же ясно виделось: не верит. Не смотрел священник на Мартина как на пророка, как на настоящего колдуна, на по-настоящему опасного для Церкви противника. Ничего подобного.

Очередное свидетельство очевидного: утратила Церковь веру не только в то, что прославляет — но даже в то, против чего борется. Мартин вспомнил, как в лесном доме указывала с иронией на этот факт Гелла. Удивительно, дескать, насколько слабо верят паладины в то, против чего сражаются. Вермилий, Гордон и Брюс до последнего момента так и не поняли, с чем столкнулись.

Вот и этот священник не понимал. Не хотел понимать? Или не мог — как раз потому, что молчание Творца Небесного сделало служителей его беспомощными?

Впрочем, для совершения казней сил Церкви по-прежнему хватало.

— Желаешь ли ты покаяться в своей злой ереси? — спросил священник.

— Мне не в чем перед вами каяться.

— Не предо мной и не пред добрыми горожанами Церковь милостиво позволяет тебе произнести слова покаяния, пока ещё не поздно. Но перед лицом самого Творца Небесного!

— Творец Небесный нынче глух, нем и слеп. Он почти мёртв. Его нет здесь. Он меня не услышит.

Кто-то в толпе возмутился: не все здесь прониклись рассказами о чудотворце, похоже. Или просто слова Мартина прозвучали слишком дерзко — даже для человека, который и правда парочку чудес совершил.

Священник устало, разочарованно вздохнул. Наверняка и не такие слова он на этой площади слышивал.

— Ничего не бойтесь! — обратился Мартин к друзьям, пока повисла короткая пауза.

Гевин, Далия и уж тем более Ерден совсем не напоминали тех, кто боится смерти. Перестал бояться её и Крыс, похоже. Уж как минимум — успешно природный страх скрывал. Может быть, друзья Мартина надеялись на какое-то чудо? Странно, но сам пророк подобного не ожидал. Что такое чудо? Это событие удивительное, невероятное, выходящее за нормальные рамки. А Мартин предчувствовал, напротив, абсолютно естественный и логичный ход вещей.

Все друзья Мартина промолчали. Далия отвела глаза. Гевин скривился, когда из толпы раздалось несколько бессмысленных возгласов о пощаде. Крыс обратил взгляд к небу, а Ерден улыбнулся. И всё.

— Что же: раз не желаешь покаяться перед смертью, Церкви остаётся лишь вверить душу твою самому Творцу Небесному, мудрому и милосердному. Настанет день, в который справедливо судить станет он каждого. Приступайте!

Два красивых стражника взяли Мартина под руки. Он, разумеется, не сопротивлялся. Покорно сделал пару шагов, опустился на колени и положил голову на колоду: измочаленную топором, пропитавшуюся кровью. Эта деревяшка пахла смертью.

Да. Именно таков запах смерти.

Священник говорил какие-то положенные слова, но Мартин не слушал его. Толпу не слушал тоже. Голова легла на колоду так удобно, словно на самую мягкую подушку. Какие

сны приснятся во сне, длящемся вечность или что-то вроде того? Даже этот вопрос Мартина не слишком заинтересовал: всего лишь пришёл на ум мимолётно.

Палач приблизился, Мартин повернул голову к нему. Большинство, наверное, отворачивается? А вот Мартину хотелось смотреть палачу в глаза — и тот противиться не стал. До сознания наконец дошли кое-какие слова священника: на тему силы Церкви. Это показалось забавным.

— Я смеюсь над силой Церкви! — вырвалось вдруг у Мартина. Совершенно само собой: не думал он над этой мыслью.

Палач высоко занёс топор, со всё тем же спокойствием — не «ледяным» даже, а подобном скорее трясине. Крестьянка сильнее переживает, когда рубит голову курице, переставшей нести яйца. Ослепительный блик пробежал по отточенной, без единой зазубринки, кромке лезвия.

— Руби. — произнёс Мартин, словно командовал собственной казнью.

Лезвие ухнуло вниз. Мартин хотел проследить за ним так долго, насколько получится, но почти сразу невольно зажмурился.

Вот и всё.

Всегда — или хотя бы с тех пор, как сделался Мартин рыцарским оруженосцем, было интересно: на что похоже это чувство, когда острая сталь рассекает твою плоть? Как он ощущается — удар настоящего меча или топора?

Мартин ощутил лишь то же, что чувствовал, когда на ристалище его били тупым тренировочным оружием. Широкий, тяжёлый, тщательно заточенный топор ударил по шее, нанеся лишь что-то вроде ушиба — и... отскочил.

Мартин поднял веки и увидел на бесстрастном прежде лице палача выражение самого невероятного изумления, какое только мог вообразить. Толпа хором, почти синхронно выдохнула. Палач недоумённо посмотрел сначала на топор, затем на мальчишку, затем снова на своё оружие.

А после он, как показалось в первый миг Мартину, странно запрокинул голову: от удивления или, быть может, страха? Но... нет. Голова палача медленно запрокидывалась всё дальше, и вот уже на шее стала раскрываться огромная рана. Мартин видел мышцы, сосуды, но совсем не видел крови. Ни капельки... Ровная трещина пробежала по позвоночнику — и тот переломился.

Голова палача поехала на бок, соскользнула с плеч и покатила по эшафоту.

Не поймёшь, кто закричал от этого зрелища первым: священник? Рыцарь? Далия? Сам Мартин? Или кто-то в толпе? Неважно: мгновение спустя кричали все, изумлённые и испуганные голоса сотен людей слились. В этом едином визге и вое Мартин очень чётко услышал одного человека.

Похоже, все его слышали.

Тот самый старик, который говорил с мальчиком на площади в день ареста. Он вынырнул из толпы, бросился на бронированные груди стражников.

— Чудо!.. — вопил старик. — Это чудо! Чудо истинное!..

— ЧУДО! ЧУДО! — раскатилось по площади.

Никто не помешал бы Мартину встать, однако он продолжал наблюдать за происходящим, стоя на коленях и не поднимая головы. Старик всё верещал: слова затерялись среди голосов бушующей толпы, но наверняка странный незнакомец призывал к освобождению Мартина. Стража, стоявшая к эшафоту спиной — и оттого вовсе не

понимавшая, что случилось, бездействовала.

Однако к старику подскочил латник из людей герцога: Мартин хорошо видел, как он замахивается шестопёром. Будто и звук, с которым раскололся череп старика, слышался. Будто вся площадь слышала и видела это: ясно и чётко, в мельчайших деталях.

Дальше уже ничего нельзя было остановить.

Священник выкрикивал грозные слова, стараясь осадить дартфорцев, но в ответ ему полетели камни. Некоторые даже попали в цель: рыцарь подхватил раненого и поволок с помоста, плюнув что на Мартина, что на его друзей — по-прежнему скованных, что на обезглавленное тело палача.

— Чудо!.. — это закричал Крыс, очухавшийся и вскочивший с колен быстрее прочих. — Он чудотворец! Он пророк!..

Толпа покатила вперёд, сжалась тугим кольцом вокруг эшафота — и прорвала цепь стражи. Бронированные алебардщики попадали, тотчас скрывшись под ногами дартфорской черни. Люди лезли на помост: и по лестнице, и карабкаясь по крепким опорам, и подтягиваясь, ухватившись за край. Кто-то всё кричал о чуде, кто-то истошно выл — в дикой смеси ликования и страха, а кто-то просто нёсся вперёд с перекошенным лицом.

Все они слышали о чудесах Мартина, конечно. Но ещё утром многие сомневались, а многие вовсе не верили. Теперь всё изменилось.

Толпа подняла Мартина на руки и понесла куда-то, словно полноводная река.

День, когда Лэйбхвинн решил отправиться в неблизкий и нелёгкий путь, был особенным. Шаман ощутил это ещё на рассвете, хорошо осознал в полдень и окончательно уверился во всём к вечеру. Дело состояло не только в его, Лэйбхвинна, собственной великой задаче.

Шаман почувствовал: случилось что-то ещё. Нечто очень важное. Лес ему о том шепнул.

Но вряд ли случилось оно именно в лесу. Возможно — в Фиршилде, проклятой цитадели подлых Гаскойнов? А может, и ещё дальше... А возможно, случилось сегодня разом многое. Особенный денёк вышел: такой и самому шаману подошёл превосходно. Всякое дело очень важно начинать в правильный день. Великое дело — тем более.

Никому из Нэйрнов он ничего не сказал, ни с кем не стал прощаться. Поговорил только с Мирном.

— Объясни всё клану сам. Объясни арнвейдам, объясни старейшинам, простым мужам и жёнам. Даже Силис... Ей тоже объясни. Я не бросил клан и никуда не исчез: я вернусь. А куда тянуться моему пути — сам Ведьмин Круг присмотрит за Нэйрнами. Ведьмы обещали это. Когда я вернусь, всё быстро переменится. Для Нэйрнов, для Орфхлэйта, для каждого гвендла. Древнему народу суждено вновь быть великим. Нашему клану суждено быть великим тоже.

Мирн кивал. В его глазах Лэйбхвинн видел решимость. Толковый малец, толковый... Вырастет из него хороший шаман, пускай и нескоро.

— И ты сам скоро узнаешь Ведьмин Круг, возможно. Я был немногим старше тебя, когда узнал. Если это случится — страшись, но действуй вопреки страху. Ведьмино благоволение Нэйрнам есть последнее, на чём держится пока сила клана.

— Койрны пойдут на нас войной...

— Не посмеют. А если посмеют, то их печаль. Не нужно тебе бояться Койрнов: из всех опасностей грядущего они — последняя, самая жалкая. Недолго осталось длиться вражде кланов. Уже скоро все эти мелкие распри перестанут иметь какое-либо значение.

— Всё будет хорошо?

— Ничего не будет хорошо. Всё будет так, как должно.

— А когда ты вернёшься?

— Не рано и не поздно. Я вернусь вовремя.

Разумеется, Мирн мало что понял — но главное он наверняка понял правильно, а что важнее — поверил. Лэйбхвинн остался после этой беседы спокоен. Ощутил, что может покинуть земли родного клана с лёгким сердцем.

Суму он забил едой туго. Едва водрузил ношу на плечо, аж в хребте что-то хрустнуло. Конечно, на весь путь никаких припасов не хватит — но со временем Орфхлэйт прокормит старика, давным-давно не способного охотиться. Что-нибудь случится, как-нибудь всё само собой получится. Последнего взгляда на родную деревню Лэйбхвинн не бросил, хоть ему того очень хотелось. Шаман направился в глубину древней чащи, не оборачиваясь, спиной к кроваво-красному закатному солнцу. Напоследок лишь свистнул: собаки устремились следом. Тихо, сгорбившись и опустив носы к земле. Эти псы в пути пригодятся.

Дело шаману предстояло нелёгкое по сути, зато предельно простое, если самую его суть выразить словами. Лэйбхвинн никогда не бывал в тех далёких местах, но превосходно знал,

как отыскать нужное. Отыскать, взять и принести обратно. Три вещи, которые изменят всё.

Древние вещи, судьбоносные реликвии.

Меч для великого героя. Щит для древнего народа.

Корона для короля.

Больше книг на сайте - Knigoed.net